

История Древнего мира, том 1. Ранняя Древность. (Сборник)

Коллективный труд в первой своей книге рассматривает возникновение и начальные этапы развития раннеклассовых обществ и государств в различных регионах Западной Азии, долине Нила, Эгейском бассейне, Индии и Китае (IV- II тысячелетия до н.э.). Книга рассчитана на широкий круг читателей, как историков, так и интересующихся древней историей.

Введение к первому тому.

Общие замечания.

Возможность написания этого труда возникла в результате многолетней серьезной работы большого коллектива сотрудников Института востоковедения Академии наук СССР и других научных учреждений над подготовкой обширной документированной многотомной «Истории древнего Востока». Однако публикация последней рассчитана на историков-специалистов. Поэтому наша редакционная коллегия и группа авторов решили предложить вниманию читателей настоящее издание, обращенное к более широкой аудитории и рассматривающее историю древних классовых обществ, сложившихся в Азии, Европе и Северной Африке, в контексте общечеловеческого исторического процесса. В работе приняли участие ученые многих научных учреждений и учебных заведений со всех концов Советского Союза.

Таким образом, публикуемый труд (он издается в трех отдельных книгах: «Ранняя древность», «Расцвет древних обществ» и «Упадок

древних обществ») представляет собой опыт создания истории всего древнего мира в соответствии с нашими современными знаниями. Ангорский коллектив и редакционная коллегия надеются, что появление такой книги будет способствовать более ясному пониманию не только специфических, но и общих черт в развитии древних классовых обществ и внесет вклад в разрешение непрекращающихся теоретических споров по этому вопросу. Так, авторы полагают, что представление об абсолютном несходстве между собой отдельных древних обществ в значительной мере объясняется рассмотрением их в несоответствующем масштабе—либо слишком локально, либо на слишком коротких отрезках времени — и что общий обзор всех древних обществ на всем протяжении их существования неизбежно обнаружит черты общечеловеческих закономерностей исторического развития. Читателю предоставляется судить, насколько оправдан такой подход.

До сих пор в университетах читаются мало связанные между собой курсы истории Греции, Рима и древнего Востока, причем в последнем случае изложение обрывается на произвольных моментах развития того или иного азиатского или африканского общества, не показанных как части мирового исторического процесса. Академическая же «Всемирная история» (т. 1—2, М., 1955—1956) хотя и позволяет рассмотреть каждое важнейшее общество в перспективе всемирно-исторического развития, однако слишком громоздка и поэтому не дает общего обзора, к тому же в настоящее время она в значительной мере устарела по материалу.

То обстоятельство, что, помимо «Всемирной истории», единая всеобъемлющая и обобщающая история древнего мира у нас еще не была написана, объясняется трудностью охвата материала столь многих обществ (что иногда и приводило к созданию учебников и пособий авторами, недостаточно компетентными в историографии некоторых конкретных обществ). Поэтому было решено поручить написание каждого раздела данной книги ученым, работающим специально в данной области, следуя в этом примеру академической «Всемирной истории». При этом мы старались, учитывая опыт этого издания, избегать чрезмерной унификации авторских текстов редакционной коллегией. Поэтому настоящее издание представляет собой скорее «книгу-лекторий», в котором выступают разные ученые, исследователи смежных проблем, с тем чтобы в итоге их выступлений могла возникнуть общая картина. Как в лектории, это сводный цикл лекций, последовательно излагаемых разными специалистами; такой цикл в идеале дает общее представление о круге наук, которым он посвящен, но он не дает исчерпывающих сведений, так как характер каждой лекции определяется специальными научными интересами, способностями и возможностями каждого отдельного лектора, а состав всего цикла — составом коллектива исполнителей. И в нашей книге тоже есть пробелы, есть кое-какие расхождения во взглядах между авторами по частным вопросам, есть неоднородность в подходе, например, к вопросам культуры некоторых конкретных обществ.

Авторы лекций выступают со своими собственными точками зрения, причем в зависимости от индивидуальных интересов и особенностей автора от раздела к разделу во многом меняются характер изложения и соотношение пропорций привлекаемых материалов (например, объем информации по политической, этнической или культурной истории по сравнению с общественно-экономической). В связи с этим было решено, что фамилии авторов будут вынесены в заглавие каждого раздела, а не отнесены, как это часто делается в коллективных трудах, в общий список в предисловии. В то же время редакционная коллегия, не обязательно соглашаясь с отдельными авторами по частным вопросам, несет ответственность за общий научный и методологический уровень книги.

В настоящее время среди советских историков нет единогласия по ряду теоретических проблем исторической науки (более подробно об этом см. далее). Это обстоятельство, естественно, сказалось на изложении некоторых конкретных тем. Редакционная коллегия не считала возможным в этих случаях навязывать свою точку зрения (последняя в общих чертах изложена во вводных главах к трем периодам древности). Однако, стремясь обеспечить определенную степень органичности в построении книги, редакционная коллегия привлекала к участию в ней преимущественно ученых, близких между собой по своим конкретным теоретическим установкам и вместе с тем работающих в русле общих теоретических представлений, традиционных для отечественной науки. Но, как будет показано, существуют и другие мнения по ряду важных теоретических вопросов.

Вполне понятно, что и между нашими авторами при всей близости их теоретических взглядов тоже существуют известные разногласия — внимательный читатель легко в этом убедится. Но важно подчеркнуть, что, несмотря на расхождения в частности, научные позиции всех привлеченных нами авторов в целом близки между собой, и «книга-лекторий» отнюдь не является неким бесформенным собранием пестрых глав, а представляет определенное целое, в котором все части оказываются в конечном счете тесно взаимосвязанными.

В ходе редактирования перед авторами были поставлены дополнительные вопросы и задачи, однако окончательное решение оставалось за автором, а единство книге должны были придавать обобщающие теоретические разделы, в которых излагается точка зрения редакционной коллегии на материал, освещенный отдельными авторами. Более решительное вмешательство редколлегия позволила себе лишь там, где это диктовалось заданными рамками объема книги или другими техническими причинами. Широко были учтены советы и фактические поправки многих ученых, прочитавших книгу в рукописи.

Из характера настоящего издания как «книги-лектория» вытекает обозначение ее разделов не как «глав», а как «лекций». Такое название оправдывается и самостоятельностью разделов, и тем, что некоторые из них основаны на действительно читаемых

университетских или иных лекциях, и тем, что они почти во всех случаях соответствуют приблизительному объему материала, вместимого в лекционное время, и, наконец, тем, что такое построение книги сможет при желании облегчить ее использование в качестве учебного пособия. Нужно, однако, подчеркнуть, что книга отнюдь не претендует на замену существующих учебников, а в частности университетских курсов история Греции и Рима, излагающих материал значительно подробнее, хотя и не уделяющих внимания месту изучаемых стран в общеисторическом процессе. Как уже было сказано, книга не претендует также на исчерпывающую полноту охвата всех регионов и проблем древнего мира. Вместе с тем некоторые лекции, написанные разными авторами вполне самостоятельно, отчасти «перекрывают» друг друга. Тем не менее книга дает, как мы надеемся, цельную и в общем стройную картину древнего мира.

Исходя из единства исторического процесса, авторы сочли возможным дать единую периодизацию истории древних классовых обществ и разделить ее на три этапа и соответственно на три раздела. Первый этап — складывание классового общества и государства, ранних форм этого общества — охватывает значительный отрезок времени с конца IV до конца II тысячелетия до н.э. Второй этап — период расцвета древних обществ, наивысшего развития рабовладельческих отношений — начинается с распространения железа (стали) на рубеже II и I тысячелетий до н.э. и длится все I тысячелетие до н. э. Третий этап — упадок древних обществ, появление черт перехода к феодализму — занимает примерно первые пять веков I тысячелетия н.э.

Подробная характеристика каждого этапа, его экономических, политических и культурных особенностей дается во вступительной лекции к каждому из трех соответствующих разделов. Внутри каждого раздела мы старались сохранять хронологический порядок рассмотрения истории отдельных стран. Разделы неравномерны по своему объему — наибольшее место отведено истории второго периода: это связано с тем, что наши знания здесь значительно полнее благодаря обилию и многообразию источников, а также с тем, что именно в этот период определились новые пути развития древних обществ, в частности античный путь развития в Средиземноморье, который заслуживает особо подробного рассмотрения.

Каждый раздел подчинен типологическому принципу периодизации: в нем по мере возможности характеризуются разные страны, переживавшие оответствующий этап исторического развития.

Рассчитывая на широкую читательскую аудиторию, на студентов, преподавателей, вообще на всякого интересующегося древней историей, авторский коллектив стремился к простоте, ясности, доступности изложения (оно базируется на научных данных, известных к началу 80-х годов нашего века).

В третье издание внесены некоторые изменения и дополнения в связи с читательскими пожеланиями. Изменена композиция первого тома; расширены его вводные главы и раздел о законах Хаммурапи и о древнейшей Европе; история древнейшего Ашшура и хурритского общества выделена в особую главу. Заново написаны лекции и разделы по истории Нубии и Эфиопии, Финикии, провинций Римской империи, Японии, по идеологии Индии и Китая и др. Внесены различные поправки в текст лекций в связи с новыми археологическими открытиями и историческими исследованиями.

Со времени первого издания мы потеряли ряд авторов — И.Д. Амусина, И.В. Виноградова, Г.Ф. Ильина и В.Г. Луконина. В написанные ими разделы изменения не вносилось, но раздел культуры Индии, подготовленный для первого издания Р.Ф. Ильиным, заменен новым вариантом, который, составлен редакционной коллегией. Заново написаны В.В. Малявиным разделы по истории культуры Китая.

Дискуссионные теоретические проблемы в современной науке и Древней истории.

Учебный курс по истории принято начинать вводным разделом, посвященным предмету и методу курса, изложению основ марксистского подхода к истории. Не будучи учебником, наша книга рассчитана на людей с достаточно высоким общеобразовательным уровнем и, следовательно, знакомых с основами исторического материализма. Марксистский метод ныне безраздельно господствует среди советских историков и занимает рочные позиции во всем мире. В зарубежной науке — и это признают и многие западные ученые — не существует цельной и стройной концепции истории человечества, как единого процесса, которая могла бы противостоять историко-материалистической теории. Мы будем исходить из того, что общие положения последней известны, и постараемся подробнее ознакомить читателей с теми теоретическими вопросами отечественной и отчасти зарубежной исторической науки, которые остаются дискуссионными.

Центральный вопрос недавней исторической дискуссии в СССР может быть так сформулирован в философских категориях: каково соотношение общего и особенного в развитии различных обществ и цивилизаций в докапиталистический период? Тот же вопрос в терминах исторической науки звучит так: существует ли некое единое для всех докапиталистических обществ (при неизбежных местных вариантах) направление развития, или их было несколько? Разумеется, все историки-марксисты исходят из того, что производственные отношения в конечном счете определяют уровень развития производительных сил. Но теоретически вполне возможно допустить, что местные особенности производительных сил (зависящие, например, от географических факторов) приводят в тех или иных конкретных условиях к особым путям развития

производственных отношений и соответственно порождают особые типы общества. В наиболее общем виде вопрос, следовательно, сводится к тому, развивались ли «Запад», т.е. Европа, и «Восток», т.е. фактически весь остальной мир, более или менее одинаково, или между путями их развития существует коренное различие.

Представление о коренном различии между Западом и Востоком возникло в европейской науке давно. Интерес к Востоку у европейских философов, историков и писателей появился ещё в XVII в. Свои теоретические построения они воздвигали на основе Библии, скудных и не всегда достоверных сведений греко-римских писателей, а затем известий, полученных от европейских послов при дворах восточных владык, от путешественников, миссионеров, а начиная с середины XVIII в.— и от колониальных чиновников. Теории эти использовались идеологами нарождающейся буржуазии в их политической борьбе. Отношение к общественному строю Востока при этом колебалось от идеализации, представления общественного и государственного строя восточных обществ (особенно Китая) в качестве образца для подражания (Л. Левайе, Вольтер, Ф. Кепэ) до резкого осуждения, предостережения от попыток следовать этим образцам (Ф. Бернье, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо во Франции, Д. Дефо в Англии). В целом, однако, господствовала точка зрения, согласно которой коренное различие между Западом и Востоком состоит в отсутствии на Востоке частной земельной собственности. Предполагалось, что вся земля там является собственностью государя и именно эта верховная собственность государя составляет основу «восточного деспотизма», «всеобщего рабства».

Эта же точка зрения господствовала в различных вариациях и в начале XIX в. Представители домарксовской политической экономики (А. Смит, Р. Джонс, Дж. Стюарт Милль) и философии (Гегель) придерживались ее, несмотря на наличие к тому времени сведений о существовании у многих народов общинных отношений, частной земельной собственности и т.п.

К. Маркс и Ф. Энгельс, изучая генезис капиталистического общества, естественно, не могли не заинтересоваться обществами, еще не вступившими на путь капиталистического развития. Отсюда их постоянный интерес к Востоку. По к его углубленному изучению они приступили лишь в 1853 г., а особенно в 1857—1859 гг. Предварительным наброском возникающих при этом мнений явилась черновая рукопись К. Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству» (при жизни К. Маркса она опубликована не была), а более отчетливым итогом — предисловие к «Критике политической экономии». Здесь К. Маркс впервые дал формулировку закономерной смены способов производства: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 13, с. 7). Здесь впервые

выражен материалистический взгляд на историю как на единый процесс развития. Этот вывод, разумеется, был сделан на основе научных данных, накопленных к тому времени. Заметим, однако, что в этой формулировке К. Маркса, где античному, или, как мы чаще говорим, рабовладельческому, способу производства предпослан способ производства «азиатский», еще отсутствует другой несомненный закономерный этап в развитии человечества — первобытный способ производства. В позднейших работах К. Маркса и Ф. Энгельса основные принципы исторического материализма разрабатываются более подробно и, конечно, уточняются в отдельных частностях по мере накопления новых данных.

Сведения о работах историков в указанный период, которые могли быть и были использованы теоретиками марксизма, читатель найдет в специальных работах, посвященных историографии. Здесь же мы особо выделим работу Л.Г. Моргана «Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации» (1877 г.).

В этой связи необходимо отметить, что после выхода в свет первого тома «Капитала» термин «азиатский способ производства» в работах К. Маркса и Ф. Энгельса более не встречается. Нет его и в работах В. И. Ленина (кроме, разумеется, цитат из ранних работ К. Маркса и Ф. Энгельса). В целом развитие исторического материализма привело к выводу, что в докапиталистический период общество проходит три последовательные стадии развития, три формации: первобытнообщинный строй, рабовладельческий строй и феодализм.

Конец XIX и первые десятилетия XX в. ознаменовались бурным развитием востоковедения, накоплением огромного числа новых фактов, разобраться в которых было далеко не просто. Среди профессиональных историков того времени не было в ходу никакой цельной исторической концепции, за исключением уже терявшей сторонников гипотезы циклического развития человечества: от первобытного феодализма к античному капитализму, от капитализма снова к феодализму, от него к новому капитализму и так далее. Эта гипотеза нашла наиболее яркое отражение в многотомной «Истории древнего мира» Эдуарда Мейера (первое издание печаталось в 1884—1902 гг.; за ним последовали многочисленные переиздания). Аналогичная циклическая теория была выдвинута О.Шпенглером («Падение Запада», 1918—1923), который, опираясь на нее, считал возможным предсказывать «духовную форму, продолжительность, ритм, значение и производимые результаты еще не завершенных стадий нашей западной истории». Однако предсказания Шпенглера не оправдывались. На Западе возобладали воззрения философов У. Дилтея, Б. Кроче и Р. Коллингвуда, согласно которым историю можно понять только в той мере, в какой ее делают понятной профессиональные историки, занимающиеся частными вопросами, и требовать большего незаконмерно и неправомочно. Большинство историков углубилось в чистую фактографию.

Явная неудовлетворительность циклической гипотезы для отражения новейших событий мировой истории (а отсюда — сомнительность ее применимости для других этапов) в немалой степени способствовала быстрому росту интереса наших историков к марксистской теории исторического процесса; эта теория мела своих сторонников в русской академической науке еще в 90-х годах XIX в. — начале XX в. (Н.И. Зибер, А.И. Тюменев); еще больший интерес вызывала она в 20-е и 30-е годы в период становления советской исторической науки.

Настоятельно требовалось новое обобщение фактов древней истории с точки зрения основных положений исторического материализма. После многих дискуссий, предлагавших разные решения в рамках марксистской теории, такое обобщение было сделано в 1933 г. В.В.Струве (когда-то — учеником Э. Мейера) в его докладе «Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческого общества древнего Востока», а также в статье «Плебеи и илоты». Редкостная эрудиция В.В. Струве (он использовал египетские, месопотамские и античные источники) позволила ему обосновать вывод, согласно которому общество древнего Востока при всех своих особенностях было рабовладельческим. Этот вывод далеко не сразу получил всеобщее признание. Так, один из наиболее активных оппонентов В. В. Струве, А. И. Тюменев, с целью проверки его выводов самостоятельно изучил шумерский язык и пятнадцать лет исследовал хозяйственные документы Шумера. Выводы, к которым он пришел, в главнейших чертах могли быть согласованы с выводами В.В. Струве.

В дальнейшем, особенно в 40—50-е годы, мнение о рабовладельческом характере древневосточного общества практически безраздельно господствовало среди советских историков. Такая точка зрения утверждает единство мирового исторического процесса, лишает почвы как «европоцентрические», так и «востокоцентрические» взгляды на мировую историю. Почти все авторы нашей книги придерживались этой традиции, идущей от В.В. Струве и А.И. Тюменева.

В Западной Европе в этот и последующий периоды популярна была теория А. Тойнби, изложенная им в десяти томном «Опыте исследования истории» (публиковалось в 1934—1957 гг.). Согласно Тойнби, цивилизации — которых он насчитывает 21 — успешно возникают и растут, отвечая на некоторые общественно-культурные «вызовы» и будучи возглавлены творческим меньшинством, а погибают, когда лидеры перестают отвечать историческим требованиям. По существу, подход Тойнби — попытка придать рациональную форму, хотя бы представлению об истории как о пестром калейдоскопе незакономерных явлений, и, несмотря на некоторые полезные идеи, в целом Тойнби особого переворота в исторической науке не произвел (Следует, пожалуй, еще упомянуть распространенную в то же время на Западе теорию «гидравлических»

(ирригационных) обществ на Востоке, согласно которой всеобъемлющая монополия государственных хозяйств была государственным социализмом. Не говоря уже о политической предвзятости этой теории, нужно сказать, что она вообще базировалась на недоразумениях, ибо большинство древневосточных обществ не были ирригационными, а государственные хозяйства, как правило, сосуществовали с общинно-частным сектором экономики. В настоящее время эта теория сдана в архив.).

Послевоенные годы были периодом еще более бурного развития востоковедения и африканистики. Вновь накопившиеся факты, естественно, требовали новых теоретических обобщений. Нередко при этом создавалось впечатление, что новые факты не укладываются в старые исторические схемы. Когда в науке создается такое положение, из него возможны два выхода: либо старые теории должны подвергнуться модификации, либо, если это невозможно, их следует заменить новыми теориями (сюда же относится и возвращение на новом этапе и с учетом новых обстоятельств к теориям старым, в свое время по той или иной причине отвергнутым). Так произошло и на сей раз. Многие историки-марксисты считали и считают, что новые факты не требуют пересмотра их прежних теорий, и в частности взгляда на общество древнего Востока как на общество рабовладельческое. (Наиболее полно аргументация последовательных сторонников точки зрения на древнюю формацию как на рабовладельческую приведена в статье Г.Ф. Ильина «Рабство и древний Восток» (Народы Азии и Африки. 1973, № 4).). Необходимы лишь определенные уточнения. Основная мысль историков, стоящих на этой позиции, заключается в том, что, признавая множественность путей развития древнего общества (подобную многочисленности путей развития, скажем, капитализма в XIX—XX вв., причем, однако, в древности эти пути еще более различаются между собой), они не видят в них разных способов производства, а лишь варианты одного и того же древнего способа производства. Тем самым они стоят на точке зрения единства процесса исторического развития человечества. К этому направлению принадлежит большинство авторов настоящей книги.

С другой стороны, многие ученые считали и считают, что необходим коренной пересмотр взглядов на древневосточное общество для преодоления опасности схематизма и догматизма. Работ, подвергающих критике взгляды на древневосточное общество как на рабовладельческое, появилось немало. В этой связи вновь После дискуссии 20-х — начала 30-х годов стала обсуждаться концепция «азиатского способа производства».

Первые высказывания в пользу этой концепции стали появляться еще с конца 40-х годов. Но широкие масштабы дискуссия вокруг азиатского способа производства приобрела после опубликования во французском теоретическом марксистском журнале «Пансэ» («Мысль») в 1964 г. нескольких статей, специально посвященных этой

проблеме. Ж. Шено, например, писал, что азиатский способ производства «характеризуется сочетанием производительной активности сельских общин и экономического вмешательства государственной власти, которая одновременно эксплуатирует общины и управляет ими». Кратко он определил этот способ производства как «деспотически сельско-общинный». Коренное отличие азиатского деспотического государства от других типов докапиталистического государства, по мнению Ж. Шено, состоит в том, что это государство «само является затором производства». Основным противоречием такого общества является не противоречие между классами, а противоречие между государством и общинами. Впоследствии Ж. Шено вновь пересмотрел свою концепцию.

В 1965 г. советский журнал «Народы Азии и Африки» опубликовал тезисы французских историков-марксистов - африканиста Ж. Сюрэ-Каналья и теоретика М. Годелье, а также ответные тезисы В. В. Струве. Эта публикация фактически послужила отправной точкой дискуссии в нашей науке. Спор развивался в двух направлениях: с одной стороны, было предпринято углубленное изучение работ классиков марксизма-ленинизма с целью доказать, что К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин последовательно придерживались концепции «азиатского способа производства». Попытки эти следует признать неудачными. Как уже отмечалось, в поздних работах К. Маркса и Ф. Энгельса «азиатский способ производства» не упоминается, а ведь к числу этих работ относится и основной труд по интересующему нас вопросу — «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, написанный на основе черновых материалов К. Маркса.

С другой стороны, многие авторы, подвергая критике концепцию рабовладельческого общества на древнем Востоке, предлагали свои собственные модели, приводя для их подкрепления факты из тех конкретных областей истории, которыми они занимались, и не всегда учитывая материалы других регионов. Некоторые из выступавших, к сожалению, иной раз пользовались и сведениями из вторых и третьих рук.

Перечислить здесь все высказывавшиеся в ходе дискуссии концепции и доводы невозможно. Остановимся лишь на важнейших и наиболее типичных.

Прежде всего следует отметить концепцию азиатского способа производства как особой формации, существовавшей параллельно рабовладельческой формации. Это особый путь развития, иудеиоредвлёнными особым и географическими условиями, и прежде всего потребностью в искусственном орошении. Отсюда вытекает централизованная власть деспотического характера. Отсюда же — длительное .сохранение общины, которая подвергается эксплуатации. Частная земельная собственность в таком обществе не возникает. При этом предполагается, что азиатский способ производства на Востоке

существует «извечно» (очевидно, со времени распада первобытнообщинного строя?).

Сторонником этой точки зрения был Е.С. Варга («Очерки по проблемам политэкономии капитализма». М., 1964). В.В. Струве (хотя и с известными оговорками) в упомянутых выше тезисах допускал ее правомерность для раннего периода древности.

Предлагались и более сложные построения. Л.С. Васильев и И.А. Стучевский («Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ». — Вопросы истории. 1966, № 6) выдвинули свою концепцию «вторичной» формации, т.е. единой формации, лежащей между первобытнообщинным строем и капитализмом. По мнению этих авторов, общество, выходя из первобытнообщинного строя, может пойти по одному из трех практически равноправных путей — рабовладельческому, феодальному или азиатскому (представляющему собой сочетание двух первых). Конкретный путь определяется не уровнем развития производительных сил (он во всех случаях примерно одинаков), а формой общины, которая, в свою очередь, определяется прежде всего природными условиями.

Сходная точка зрения выражена в ряде работ выдающегося советского историка и филолога Г. А. Меликишвили («К вопросу о характере древнейших классовых обществ». — Вопросы истории. 1966, № 11; «Характер социально-экономического строя на древнем Востоке (Опыт стадийно-типологической классификации классовых обществ)». — Народы Азии и Африки. 1972, № 4; «Некоторые аспекты вопроса о социально-экономическом строе древних ближневосточных обществ». — Вестник древней истории. 1975, № 2). По мнению Г.А. Меликишвили, магистральным путём развития докапиталистического классового общества является феодализм. Рабовладельческий строй возникает лишь как исключение—(Финикия, Греция, Рим) и завершается возвратом на магистральный путь, т.е. к феодализму. На ранних стадиях развития классового общества может возникать и азиатский способ производства который Г.А. Меликишвили определяет как комплекс «протофеодальных» способов эксплуатации.

Точка зрения, разрабатываемая Г.А. Меликишвили, хотя и отлична от принятой в настоящей книге, но в то же время во многом близка к ней. В сущности, мы, как и Г.А. Меликишвили, признаем наличие разного развития в пределах древнего общества, хотя мы более стремимся подчеркнуть черты общности и поэтому говорим лишь о путях развития одного способа производства в эпоху древности, а Г.А. Меликишвили выдвигает на первый план черты—различия и соответственно говорит о различных господствующих укладах производства... С другой стороны, Г.А. Меликишвили более чем мы, подчёркивает сходство между способами производства в древности и в средневековье; нам же представляется более существенным их различие; при этом, однако, вряд ли кто-либо может оспаривать тот

факт, что общество древнее менее отличается от общества средневекового (и что скачок между ними не так отчетлив), чем оба они вместе отличаются от капитализма, от которого феодализм отделен более резким революционным скачком (Различные типы древних обществ несводимы просто к путям развития одного и того же рабовладельческого способа производства также, например. и для одного из авторов настоящей книги—Г.Г. Гиоргадзе, ученика Г.А. Меликишвили, а также для ряда других советских историков.).

Слишком упрощенной представляется нам картина, рисуемая В.П. Илюшечкиным («Система внеэкономического принуждения и проблема второй основной стадии общественной эволюции». М., 1970; «Системы и структуры добуржуазной частнособственнической эксплуатации». М., 1980 г.). Автор подробно и глубоко изучает формы эксплуатации, засвидетельствованные в самых разнообразных обществах древности и средневековья, и заключает, что число возможных способов эксплуатации ограничено, и применение же тех или других из них зависит от ряда неодинаковых конкретно-исторических условий, и ни одна форма не является свойственной только древности или только средневековью. Из этого В.П. Илюшечкин делает вывод, что все докапиталистические классовые общества образуют одну формацию — «добуржуазную», или «вторую стадию общественной эволюции». Но при этом автор почти не рассматривает формы собственности на средства производства—на землю в первую очередь; между тем только сочетание формы собственности на средства производства с формой эксплуатации определяет господствующий способ производства и его место в историческом процессе. Совершенно в стороне оставляет автор и подчиненное поступательному движению социально-экономической истории развитию идей. Идеи, как известно, «становятся материальной силой, когда они овладевают сознанием масс», но характер идейного строя эпохи древности совершенно не сходен с тем, который был свойствен средневековью, и соответственно различны и побудительные силы массового поведения. Отметим, наконец, что в ходе дискуссии постулировались (без достаточно убедительной аргументации) и новые общественные формации, до сих пор неизвестные.

Различные участники дискуссии по-разному трактуют характер, роль и значение таких основных для теории исторического материализма категорий, как собственность на средства производства и особенно на землю, как характер эксплуатации — экономический (через рынок, где рабочая сила превращается в товар) и внеэкономический (путем принуждения), как соотношение того и другого социально-экономического фактора, т.е. формы собственности и формы эксплуатации (эксплуатация лиц, лишенных собственности на средства производства или не лишенных её). С пашен точки зрения, собственность как классовое отношение между людьми не должна смешиваться с пользованием или с владением как простым физическим обладанием, без полной возможности распоряжаться объектом в своих интересах и по своей воле. Мы придерживаемся той

точки зрения, что характер общества определяется способом производства, вызванным к жизни достигнутым людьми уровнем развития производительных сил и выражающимся (на уровне социальном) в характере собственности, диктующем и характер эксплуатации, и классовый состав общества.

Не вдаваясь далее в подробное изложение взглядов и доводов оппонентов рабовладельческой формации на древнем Востоке, мы ограничились здесь указанием лишь на основные направления в дискуссии. Желающих более детально ознакомиться с ее ходом отсылаем к книге В. Н. Никифорова «Восток и всемирная история» (М., 1975). Эта работа содержит обстоятельный и в целом хорошо аргументированный разбор всех высказывавшихся в ходе дискуссии точек зрения, а также обширную библиографию.

В последние годы накал дискуссии ослаб. Основная ее польза заключалась в том, что многие ее участники (а также и те историки, которые не принимали в ней прямого участия) подвергли тщательной и всесторонней проверке систему аргументации, лежащей в основе применяемых ими исторических построений, и сделали в ряде случаев необходимые уточнения. Но нельзя считать, что все теоретические вопросы истории древнего мира уже решены. Некоторая незавершенность связана прежде всего с неравномерностью источников по различным периодам и странам в смысле их количества и качества и с неравномерной разработанностью соответствующих отрезков истории. Наибольшее обилие документальных данных для всего периода древности от самого начала классовой цивилизации до начала средневековой эпохи в настоящее время составляет историку Ближний Восток.

Мы должны особенно отметить, что до сих пор остается неясным соотношение поздней и ранней древности: являются ли ранняя древность, поздняя древность, раннее средневековье и позднее средневековье четырем таксономически равноправными ступенями развития единой докапиталистической классовой формации; или существуют две разные последовательные формации, древняя и средневековая, члениющиеся каждая на раннюю и позднюю ступень (как это принято редакционной коллегией в этой книге); или, наконец, нужно считать раннюю древность, позднюю древность и средневековье тремя равноправными докапиталистическими формациями. Здесь-то мы и подходим к важной теоретической трудности, к известной неясности в наших построениях: мы еще не умеем ни проследить социально-психологический механизм перехода от одной формации к другой, ни установить, происходит ли в том или ином случае имени формационный или менее важный переход.

В годы после второй мировой войны на Западе вновь появился интерес к социально-экономической истории. Здесь особенно следует указать на французскую школу историков (Ф. Бродель, Ле Руа Ладюрп и др.), пытающуюся проводить комплексные исследования

исторических факторов, включая экологию, социальные структуры и социально-психологические факторы; но, к сожалению, в поле зрения этой историографической школы древний мир до сих пор входил недостаточно. Существенно также, что во второй половине XX в. западная историография, в том числе в США, наконец пришла к необходимости различать единообразные этапы в ходе развития человеческого общества в целом. Наибольшим распространением пользуется разделение обществ, расположенных по ходу исторического процесса, на типологически «традиционные» (подразделяемые на «догородские» и «городские») и «индустриальные». Такой принцип разделения хотя и не лишен основания («традиционные» общества западных историков во многом сходны со «вторичной стадией общественно-экономического развития» В.П. Илюшечкина и некоторых других советских историков), по явно недостаточен: он игнорирует причинно-следственные связи и движущие силы развития и затрагивает лишь некоторые самые общие черты процесса; не полностью объясняя даже «общее», он не дает никакого ключа к объяснению «особенного».

Следует отметить ещё одно обстоятельство.

К последней четверти XX в. всем исследователям древнего мира, как у нас, так и за рубежом, стало ясно, что ни история феодальной Европы, на которую ориентировались историки XIX—начала XX в., ни история античной цивилизации Греции и Рима, которая в 30—50-х годах чуть было не стала в нашей науке эталоном для изучения всей древности, не могут служить мерилем для оценки развития всего древнего мира. Пытаясь расширить наш исторический кругозор в ходе изучения всех древних обществ, мы старались отдать должное своеобразию развития каждой отдельной цивилизации. Но вполне убедительной интерпретации древней истории каждой страны препятствуют лакуны в наших сведениях, и для получения цельной картины, как всегда в таких случаях, науке приходится прибегать к экстраполяции данных, полученных в других областях, на «белые пятна» неисследованного параллельного развития. Естественно, что эталонными данными для ряда авторов нашей книги послужили, между прочим, и обширные исторические сведения, добытые исследователями древнего Ближнего Востока. На последующих этапах развития исторической науки, надо полагать, нужды в такой экстраполяции не будет, так как степень исследованности древних обществ Индии, Китая, Средней Азии, Ирана, Египта, других стран Африки и т.п. не будет уступать уровню изученности Ближнего Востока, Греции и Рима.

Проблема источников по истории Древнего мира.

Источники по истории древнего мира очень многочисленны — от некоторых периодов их дошло даже больше, чем от иных, гораздо более близких к нам эпох. Однако источники эти неполны, и это

создает для объективного изучения древней истории весьма значительные трудности.

Так, история древней Месопотамии от начала III тысячелетия до н.э. и вплоть до смены эр (I в. до н.э.— I в. н.э.) представлена подлинными текстами того времени, написанными на плитках (табличках) и других предметах из глины, а также на камне и металле особым сложным, так называемым словесно-слоговым письмом—клинописью. Число памятников клинописи огромно — десятки и сотни тысяч, и ежегодно их становится все больше по мере все новых и новых раскопок. Однако было бы ошибочно думать, что они дают вполне достаточное и ясное представление о древнемесопотамском обществе, его жизни и событиях его истории. Если это царские надписи, то в них содержатся восхваления богов и царя, а также сообщается о построении царем храмов и (гораздо реже) других сооружений; надписи хеттских, ассирийских и урартских царей рассказывают — но очень односторонне, хвастливо и претенциозно — об их военных победах (о поражениях, конечно, умалчивается). Если это сборники законов, то они весьма неполны по охвату регулируемых ими общественных отношений и в большинстве случаев плохо сохранились (притом далеко не от всех периодов истории и не из всех стран). Если это религиозно-литературные тексты, то они по большей части тоже сохранились во фрагментах, плохо датируются и к тому же дают представление главным образом об официальной идеологии; редко из них можно извлечь сведения о реальной жизни и взглядах населения. Если это административно-экономические тексты (а они составляют громадное большинство клинописных памятников), то они происходят почти исключительно из казенных хозяйств или из хозяйств государственных служащих, купцов и т.д. и поэтому дают одностороннюю картину общества — недаром историки долгое время верили, что в Месопотамии III тысячелетия до н.э. вообще ничего, кроме казенных храмовых хозяйств, не существовало. Если это документы частных юридических сделок, то они появляются только в сравнительно редкие времена, когда общественные отношения менялись и население по разным причинам не могло довольствоваться устными сделками, заключающимися на основании обычного права.

Периоды, освещенные сравнительно большим числом даже таких письменных свидетельств, какие мы сейчас перечислили, перемежаются с долгими столетиями, от которых вообще не дошло ни одного документа. Хеттская цивилизация, существовавшая в Малой Азии во II тысячелетии до н.э. и тоже пользовавшаяся клинописью, оставила нам только один царский архив, содержащий анналы, посвященные победам царей, государственные договоры, законодательные тексты, инструкции служащим, но главным образом бесчисленные описания магических ритуалов — и ни одного документа, относящегося к частной жизни граждан. С тех пор как во второй половине I тысячелетия до н.э. Передняя Азия целиком перешла на новые писчие материалы—пергамен, глиняные черепки, исписывавшиеся чернилами (остраки), и папирус, до нас вообще

почти перестали доходить какие бы то ни было документы, так как пергамен и папирус быстро истлевали, а подписи на остраках стирались или выцветали.

Что касается археологических памятников древней Передней Азии, то до сравнительно недавнего времени раскапывались почти исключительно храмы и дворцы, причем вплоть до начала XX в. вскопанное городище, по существу, попросту разрушалось в поисках табличек, статуй и т.п. Позже раскопками в Месопотамии и других частях Передней Азии занялись архитекторы; облик города стал выявляться яснее (хотя жилым домам по-прежнему уделялось минимальное внимание), зато почти не фиксировались обстоятельства находки домашней утвари и даже табличек. Долго не умели раскапывать городища послойно, выделяя отдельные периоды. Даже и сейчас при раскопках иной раз выбрасываются многие керамические черепки, кости домашних животных и т.п.— то, что дало бы представление о быте, рационе питания населения и многом другом. Но и в самом лучшем случае археология без поддержки письменных памятников не способна дать ясную картину социального строя и духовной культуры ушедшего в прошлое общества. Пока археологи на практике осваивают всю сложность растопочной техники, необходимой в условиях данной страны для того, чтобы дать материал историку, они обычно успевают разрушить наиболее «содержательные» городища, потому что самые первые, ещё неопытные археологи, как правило, начинают с самых лучших, самых сохранных городищ и, разрушив их, оставляют менее значительные тем поколениям ученых, которые разработали более топкую методику.

Свои трудности имеет источниковедение в истории Египта. Письменные тексты здесь — в огромном большинстве молитвы и заклинания на стенах гробниц и заупокойных стелах (изредка и чрезвычайно приукрашенные, но в то же время стандартные биографии покойников); сравнительно редко на стенах храмов высекались надписи, посвященные «подвигам» фараонов. Гораздо важнее надписей здесь изображения в настенных росписях и рельефах: соответственно религиозным представлениям древних египтян, мысливших себе загробную жизнь как копию земной, в них мы находим множество живых сцен повседневной жизни. Однако социальное осмыслена этих изображений — дело нелегкое. Тексты на знаменитых египетских папирусах дошли только от сравнительно позднего времени (II и особенно I тысячелетие до н.э.—I тысячелетие н.э.); остраков хозяйственного и правового содержания дошло довольно мало, первый судебник найден недавно, и изучение его только начато.

На папирусах записывались тексты главным образом религиозного и литературного, изредка научного содержания, хотя дошли также и документы (главным образом от конца II—I тысячелетия до н.э. и римского времени) преимущественно казенных хозяйственных ведомств, а также в сравнительно небольшом числе (кроме более

поздних периодов) и юридические сделки. Если к этому добавить, что египетские тексты ученые понимают значительно менее точно, чем вавилонские, то можно прийти к выводу, что восстановление картины социально-экономической жизни древнего Египта — дело трудное, и не случайно очень многое здесь до сих пор остается неясным; историка-экономиста здесь опережают искусствоведы, а также филологи сравнительно узкого профиля.

Чем меньше документальных источников, тем труднее восстанавливать историю общества. Документальные источники имеют два неоченимых преимущества: во-первых, они, как правило, современны событиям и относительно более объективно передают то, что действительно случилось; во-вторых, если их достаточно много и можно убедиться в том, что большое или малое количество определенного типа документов не обусловлено случайным стечением обстоятельств их находки, то они позволяют сделать некоторые выводы относительно частоты или редкости тех или иных общественных явлений в эпоху, которую они освещают. Что же касается повествовательных, или так называемых нарративных, источников (как чисто литературных произведений, так и сочинений древних историков), то они сообщают нам, не о самих фактах, а лишь о том, что по этому поводу думали их авторы или общество, к которому авторы принадлежали. Конечно, историку полезно знать и это, однако лишь сравнительно редко мы можем проверить достоверность того, что сообщают нарративные источники. В частности, детали описания событий и особенно приводимые в нарративных источниках речи исторических персонажей едва ли не всегда недостоверны.

История древней Палестины известна почти исключительно по нарративным источникам, хотя за последнее время к ним прибавились ценные археологические данные, с помощью которых до известной степени можно проверять данные повествований. Последние сохранились в Библии—священном писании иудейской и христианской религий. Библия — не одна книга, а целая литература, состоящая из множества отдельных произведений, создававшихся с XII по II в. до н.э. (Ветхий завет) и в I—II вв. н.э. (Новый завет). В нее входят мифологические и легендарные повествования о сотворении мира и человечества, созданные окружавшими Палестину и жившими в Палестине пародами (главным образом евреями), уголовное, гражданское и ритуальное законодательство, прозаические исторические повествования (они поддаются в значительной мере проверке путем сопоставления с археологическими данными, а также с ассирийскими, вавилонскими и египетскими царскими надписями, а иногда и документами), религиозная и светская поэзия, обрывки эпоса, религиозная и светская дидактика, ритмически-стихотворные религиозные проповеди на политическую злобу дня (тоже часто сопоставимые с историческими известиями из других стран Ближнего Востока) и многое другое. Ясно, что исторически этот пестрый материал весьма неравноценен, однако с помощью методов

исторической критики из библейских сочинений удастся извлечь и много достоверной информации; к сожалению, исследованию древней истории Палестины сильно препятствует почти полное отсутствие документальных источников. Число их начало пополняться лишь за последнее время, особенно после нашумевших находок рукописей у Мертвого моря, относящихся ко II в. до н.э.— II в. н.э.

Весьма трудную проблему составляет историография Индии. Здесь, несмотря на расцвет в древности множества наук (философии, астрономии, грамматики и др.), историческая наука не возникла, а дошедшие до нас древнейшие религиозные песнопения «Вед», ритуально-законодательные сборники, эпос, философские и иные трактаты с весьма большим трудом поддаются датировке. Дошло некоторое количество царских надписей на камне и т.п. (не ранее III в. до н.э.), по большей части не слишком содержательных; документальные же источники отсутствуют почти полностью. За последнее полстолетия больших успехов достигла индийская археология—достаточно упомянуть открытие ранее совершенно неизвестной древнейшей индской цивилизации III—II тысячелетий до н.э. К сожалению, из письменных памятников этой цивилизации пока известны только коротенькие надписи на печатях и т.п., материала которых недостаточно для расшифровки. Более или менее ясна только грамматическая структура, но слова почти не поддаются прочтению.

Древняя история Китая базируется почти исключительно на нарративных источниках. В отличие от Индии в Китае расцвела и историческая литература, однако она относится лишь ко времени начиная со второй половины I тысячелетия до н.э., хотя тогдашние историки пользовались не дошедшими до нас древними записями. От более ранних периодов сохранились надписи на бронзовых сосудах (разного рода дарственные и др.) и множество надписей, сделанных гадателями конца II тысячелетия до н.э. на бараньих лопатках, черепаших щитках и т.д., а также древние песнопения и предания, к сожалению дошедшие в записи намного более поздней, чем время их первоначального сочинения. Есть ряд философских, научных, военных, экономических трактатов, но документальных материалов до обидного мало. Археология Китая находится, по-видимому, лишь в своем начальном периоде, несмотря на уже сделанные крупные открытия. Наиболее яркое из них — находка тщательно скрывавшейся еще в древности гробницы первого китайского императора Цинь Ши хуанди, окруженной целым войском глиняных, ярко и реалистически раскрашенных скульптур, которые изображают воинов охраны императора, со всеми деталями вооружения, одежды, конского убранства и т.д. Но и менее сенсационные открытия сулят значительное расширение наших сведений о древнем Китае. Много сделано и в области исторической критики письменных источников.

В Греции до недавнего времени древнейший период ее истории можно было изучать только по немym археологическим памятникам; всего несколько десятилетий назад заговорили таинственные

микенские словесно-слоговые письма второй половины II тысячелетия до н.э., но прочтенные тексты оказались документами дворцового хозяйственного учета, и ряд соображений приводит ученых к выводу, что в те времена греки ничего более и не записывали. Следующий период помимо археологических памятников освещен сочиненными в VIII в. до н.э. и приписываемыми Гомеру эпическими поэмами — «Илиадой» и «Одиссеей»; отделение исторической действительности от воображения поэта представляет тут сложнейшую задачу исторической критики.

Подлинных, современных событиям документов из Греции и Рима почти не дошло (их писали на разрушаемом материале); однако этот недостаток полностью возмещают два обстоятельства: во-первых, то, что греки (а за ними и римляне) создали богатейшую нарративную литературу самого разнообразного характера, в том числе замечательные исторические сочинения, которые в нашей книге будут неоднократно цитироваться. Такой писатель, как Фукидид (около 460—396 гг. до н.э.), может считаться основателем научной исторической критики. К сожалению, все эти произведения дошли только в средневековых писцовых копиях и лишь отчасти — на кусках папирусов, главным образом из Египта начала нашей эры. Их тексты потребовали огромной критической работы. Во-вторых, как в Греции, так впоследствии и в странах, куда распространилась греческая культура (они охватывают, по существу, весь Ближний и Средний Восток, а также Рим), было очень широко распространено составление надписей на камне по поводу самых различных общественных и частных событий — от подробного изложения римским императором Августом истории его правления до надписи, поминающей добрым словом покойную сожительницу раба, от огромного тарифа международных таможенных пошлин до частного посвящения жертвы божеству. Иногда на камне высекались и копии отдельных юридических документов. Много документального материала от эпох греко-македонского и римского владычества дошло на папирусах из Египта; кроме того, сохранились (опять-таки в средневековых рукописях) многочисленные памятники законодательства и юридической мысли (преимущественно римские).

Современные историки Греции, Рима и культурно-политически связанных с ними стран (в том числе древнего Причерноморья) имеют большое преимущество перед историками стран Востока в том, что изучение источников началось у них лет на четыреста раньше, поэтому проделанная за это время научная критическая работа поистине громадна. И тем не менее новые открытия, новые интерпретации старого материала продолжают появляться ежегодно.

Блестящего развития достигла греко-римская археология. Всем известны раскопки Помпеи — города, погибшего под слоем горячего пепла во время извержения вулкана в начале нашей эры и под этим пеплом сохранившегося почти неизменным, вплоть до объявлений на стенах домов. Другие открытия иногда не менее поразительны,

иногда более скромны, но во всех случаях удачно дополняют обильный материал письменных источников. В последнее время начала развиваться и подводная археология — были найдены остатки городов, ушедших под воду, а также почти целые корабли, затонувшие со всем грузом две тысячи лет назад.

За последнее время произошел значительный рывок вперед в области сравнительно-исторического языкознания; можно надеяться, что с его помощью вскоре можно будет реконструировать в общих чертах уже не только одну материальную (археологическую) культуру человеческих сообществ далеко в глубь за пределы письменной истории. Трассы переселений носителей древнейших языков пока восстанавливаются ненадежно, но, по-видимому, при сотрудничестве лингвистов с археологами, с антропологами (которые, учитывая данные генетики, сейчас добились крупнейших успехов), с палеоботаниками, палеозоологами, историками климата можно будет вскоре поставить проблемы этногенеза на твердые основы. Отметим, что исследование происхождения народа предполагает раздельное рассмотрение истории антропологического типа, истории языка и истории культуры, поскольку каждый народ имеет не один, а эти три корня, порой расходящиеся в разные стороны.

Этот беглый очерк, конечно, не может заменить подлинного разъяснения результатов, достигнутых источниковедческой наукой, посвященной эпохе древности. Но все же, возможно, он даст хотя бы самое примерное представление о характере тех источников, на которые опирается изложение в последующих лекциях пашей книги, о степени вероятности того, что сообщаемые сведения достоверны, и о препятствиях, с которыми встречается в своей работе историк-исследователь.

К трудностям источниковедческим, перечисленным вкратце выше, надо еще прибавить филологические. Ни один историк древнего мира не может себе позволить работать по готовому материалу, представленному ему филологами или археологами; он должен самостоятельно разобраться в филологических трудностях и спорных местах текстов, а также и технических особенностях произведенных археологами раскопок. Источники же по древней истории написаны многими сложными видами письменности на десятках языков, из которых многие еще плохо понятны, иногда не до конца дешифрованы, так что истолкование их вызывает разногласия. Сами языки постоянно менялись и меняются. Например, латинский язык V в. до н.э. довольно сильно отличается от латыни I в. до н.э. — I в. н.э., а та заметно отличается от средневековой латыни и т.д. Еще более менялись аккадский или китайский, письменная история которых насчитывает два с половиной — три с половиной тысячелетия.

Чтобы покончить с вопросом об источниках, стоит остановиться еще на одном вопросе: не доходят ли до нас источники случайные, не «главные», не искажаем ли мы картину происходившего, полагаясь на

них? На этот законный вопрос нет однозначного ответа. Некоторые страны и эпохи освещены источниками, можно сказать, удовлетворительно: о Риме времен императора Августа нам известно, вероятно, больше, чем о Руси XVII в. н.э. Довольно значительны, хотя отрывочны, наши знания, скажем, о времени Навуходоносора II или о старовавилонском времени: сотни, если не тысячи имен лиц, биография некоторых из них... О ряде других эпох мы знаем, увы, гораздо меньше, и крупные ошибки вполне возможны. Однако есть уверенность в том, что человеческое общество живет и развивается по единообразным социально-экономическим и социально-психологическим законам, поэтому кое-что мы вправе осторожно додумывать, с большей или меньшей вероятностью того, что не ошибемся. Впрочем, ведь и в любой науке есть много непознанного, неправильно толкуемого. Наука — путь к истине, постепенное к ней приближение; полная, абсолютная истина недоступна.

История впервые возникла в древности как жанр художественной литературы, и некоторые её черты она сохраняет до сих пор. Это обстоятельство оправдано, оно дает историку возможность представить картину прошлого не только рассудку, но и воображению читателя; по громадному вреду науке и обществу приносит субъективно-эмоциональное отношение к фактам истории, когда историк выводит из них не то, что было на самом деле, а то, что соответствует его предвзятой идее. Дело ученого — объективное познание фактов и объективное их истолкование.

Итак, читатель этой книги должен ясно представить себе, что в ней нет окончательных истин, а есть только то, что можно сказать об злагаемом предмете на современном уровне развития науки; течение ее отнюдь не остановилось, наши представления о прошлом меняются и будут меняться. В этих переменах, в постепенности приближения к познанию истины, может быть, и состоит главная привлекательность исторической науки.

Проблемы хронологии древней истории в современной науке.

Человек, приступающий к изучению древней истории, должен, вероятно, заинтересоваться вопросом: как устанавливается, когда именно происходили события древней истории? Насколько достоверны приводимые даты? Действительно, в специальной литературе мы встречаемся с многочисленными расхождениями в датировке отдельных событий и целых эпох древности, не говоря уже о приблизительности датировок. Трудности в установлении хронологии древней истории обусловлены отсутствием достаточно определенной системы летосчисления во многих древних странах, а также характером и состоянием источников, далеко не всегда содержащих датировку, а зачастую не поддающихся датировке и по косвенным данным (по упоминанию событий, дата которых известна из других источников, характеру письма и т.п.). Так обстоит дело особенно с определением дат древнейших периодов истории восточных обществ.

Установление хронологии истории древнего Востока очень сложно из-за отсутствия единой эры, т.е. счисления лет от определенной точки отсчета. В каждой стране существовали свои, весьма несовершенные способы определения протекшего времени.

Так, в государствах Двуречья было когда-то принято обозначать годы по выдающимся событиям и велись списки датирующих событий. В источниках встречаются такие датировки: год, когда было построено такое-то здание; год, когда воевали с таким-то племенем, и т.д. В других случаях считали по годам правления каждого царя. В Ассирии считали по ежегодно сменяющимся должностным лицам, так называемым лимму; этих ассирийских должностных лиц также обозначают греческим термином «эпонимы». Для того чтобы можно было соотносить между собой разновременные события, приходилось вести списки всех датировочных формул (названий годов), или списки эпонимов, или списки царей с указанием продолжительности их правлений. Такие списки могли быть прерваны во время войн, завоеваний столицы врагами и т.п., и в них могли быть ошибки, как случайные, так и преднамеренные (округлена цифра, исключение из списков отдельных имен и целых династий, которые по политическим соображениям казались нежелательными для упоминания, и др.).

Перевести такие списки на нашу сегодняшнюю систему счета времени возможно лишь тогда, когда их удастся в какой-нибудь точке (а лучше в нескольких) привязать к твердо датируемым астрономическим событиям; дата последних зависит от законов небесной механики. Наиболее надежна привязка к солнечным затмениям. Благодаря такой именно привязке все события истории Передней Азии начиная с 1073 г. до н.э. датируются со средней ошибкой, обычно не превышающей один-два года. Менее надежна, например, привязка к астрономическому счету времени на основании довольно несовершенных древних наблюдений планеты Венеры. Такова привязка для событий истории Вавилонии с XXIV по XVI в. до н.э. Здесь после ряда уточнений, сокративших предполагаемые даты, осталась возможная ошибка около 64 лет в ту или другую сторону для конца периода и до сотни лет—для начала; поэтому историки применяют для этого периода условную среднюю дату (1792—1750 гг. до н.э. для правления вавилонского царя Хаммурапи), от которой и отсчитываются в ту и другую сторону даты событий, расстояние которых во времени от правления Хаммурапи известно.

Когда какая-либо древняя местная хронология имеет астрономическую привязку, то с ее помощью можно установить абсолютные даты и для древних хронологических систем других стран, если между ними есть синхронизмы, т.е. исторически проверенные указания на то, что два каких-либо деятеля из той и другой страны были современниками, а также двусторонние сведения о сражениях, войнах, договорах и т.п. Конечно, хронологическая система, основанная на синхронизмах с другой системой, будет менее точной, чем непосредственно привязанная к астрономической шкале времени.

Таковы хронологические системы древней Малой Азии, Палестины и др.

Дополнительную трудность для установления точной хронологии древней Передней Азии составляет то обстоятельство, что год был там чаще всего не солнечный (приблизительно 365 дней), а лунно-солнечный, состоящий из 12 месяцев продолжительностью поочередно в 29 и в 30 дней, а всего из 354 дней; расхождение с календарем природы компенсировалось вставкой високосных месяцев, сначала нерегулярно, а с IV в. до н.э. — по строго разработанной системе.

Наше современное летосчисление твердо соотнесено с астрономическим счетом времени: небольшие ошибки, возникающие вследствие не вполне точного совпадения гражданского года с астрономическим, исправляются с помощью вставки одного дня в високосные годы. В Египте счет лет велся по периодам царствования каждого фараона и возобновлялся с каждым новым правлением. Списки фараонов с указанием продолжительности их царствований дошли до нас не полностью и с писцовыми ошибками, при этом в них обнаружился еще один недостаток, приводящий к необоснованному растягиванию хронологии: царствовавшие одновременно фараоны (цари-соправители, а также цари-современники, каждый из которых управлял какой-то частью страны в период политической раздробленности) изображаются в этих списках как царствовавшие друг за другом. То же наблюдается и в царских списках древнего Двуречья. В результате этого для III тысячелетия до н.э. оценки датировок египетской истории колеблются в пределах до 300 лет и лишь с середины II тысячелетия до н.э. — в пределах одного-двух десятилетий. Вполне надежны здесь датировки лишь с середины I тысячелетия до н.э.

Очень плохо обстоит дело с датировкой древнеиндийской истории. Это объясняется характером сохранившихся источников. До нас не дошло ни одного собственно исторического сочинения — хроники, летописи или исторического трактата. До сих пор не обнаружено ни царских архивов, ни вообще каких-либо письменных официальных документов. Почти единственным датированным источником по истории древней Индии являются надписи на камне и металле, но и они дошли в небольшом числе и только от сравнительно позднего времени, начиная с III в. до н.э. Напомним, что древнейшие датированные (хотя и приблизительно) письменные источники по истории Египта и Двуречья относятся к III тысячелетию до н.э.

В противоположность индийским китайские источники содержат многочисленные датировки. Это связано с тем, что Китай, подобно Греции и Риму, принадлежит к числу тех немногих древних стран, где создавались специальные исторические сочинения. От древнего Китая дошли до нашего времени хроники, династийные истории, ценные обобщающие исторические труды. Выдающийся историк древнего Китая Сына Цянь (145—87 гг. до н.э.) в своем труде «Исторические

записки» («Ши цзи») большое внимание уделил хронологии. Его труд, охватывающий время от мифического сотворения мира до конца II в. до н.э., дает хронологическую канву древнекитайской истории. Но каковы были основания для датировок, предложенных Сыма Цянем и другими китайскими авторами, не всегда ясно, а поэтому и сами датировки далеко не полностью надежны — и чем древнее, тем ненадежнее.

С хронологией античной истории дело обстоит благополучно благодаря дошедшему до нас большому числу исторических сочинений с довольно достоверными датировками. Эти сочинения базировались на нескольких различных хронологических системах. Так, метод летосчисления по высшим должностным лицам, известный из Ассирии, в античном мире применялся в Афинах, где датировали годы по архонтам-эпонимам, и в Риме, где счет лет велся по ежегодно сменявшимся консулам; велись соответственно списки архонтов и консулов, которые частично дошли до нас. Кроме того, существовала общегреческая система летосчисления по лимпадам—празднествам, скреплявшая союз эллинских (греческих) общин. Олимпиады регулярно проводились раз в четыре года; первая из них, по греческому преданию, состоялась в 776 г. до н.э. (Заметим, что легенда роковой характер первой олимпиады несколько не мешает достоверности летосчисления по олимпиадам: для летосчисления важно, чтобы за точку отсчета был принят астрономически определенный момент времени; совершенно не обязательно, чтобы эта точка соответствовала какому-либо действительно совершившемуся событию.) (здесь и далее сделан пересчет дат применительно к нашему летосчислению).

Позже римляне установили свое летосчисление от легендарной даты основания г. Рима. Римский историк Марк Теренций Варрон (I в. до н.э.) отнес основание Рима к третьему году шестой олимпиады, т.е. к 754—753 гг. до н.э. Пытаясь определить дату основания Рима, Варрон пользовался синхронизмами между римским счетом лет по консулам и греческим—по олимпиадам.

Великий греческий математик и астроном Птолеми (II в. н.э.) увязал греческую хронологию с вавилонской, которая, как уже упоминалось, имеет точную астрономическую привязку. Кроме того, греко-римская хронология имеет и независимые астрономические привязки в ряде точек времени: «Канон» Птолемея содержит указание на ряд отождествимых затмений солнца.

Начиная с VI—V вв. до н.э. важным основанием для истории хронологии являются источники нумизматические — т.е. монеты, изучаемые с точки зрения их металлического содержания, веса, ареала распространения, объявленного или косвенно установленного номинала, надписей («легенд») и характера изображений, в том числе и портретов государей, выпускавших эти монеты. Надписи на находимых при археологических раскопках монетах нередко

упоминают царей, известных (а порой и неизвестных) по нарративным источникам. На монетах часто даны также царские изображения, нередко сопоставимые с найденными ранее скульптурными портретами. Поэтому нумизматические данные служат связующим звеном между другим археологическим материалом и данными официальных и частных надписей и нарративных источников; помимо этого нумизматика дает много историко-экономических, политико-географических и других сведений, особенно для отрезков времени, плохо освещенных текстами. (Недавно в нашей печати попнулся статьи математиков М. Постпикона в А. Фомеоко; они иредлягцют считать недостоверной всю греко-римскую хронологию. При этом они основываются на проделанных ими провадимых формальных операциях с источниками (которых они в большицсне случаев в глаза не видели, во всяком случае в оригиналах). Они носят характер научного курьеза. Насколько авторы не в курсе проблемы, видно на того, что они подвергают споиим операциям только нарративные источники, видимо даже ве подозревая, что хронология базируется также ва надписях, монетах в археологических памятниках (той же Цомиее), не говоря уже об истории языка и т.п.).

В VI в. н.э. итальянский монах Дионисий Малый, предложивший новое летосчисление—от рождения Иисуса Христа, ориентировался, в свою очередь, на дату основания Рима. Диописий предложил считать, что Иисус родился 25 декабря 753 г. от основания Рима. Соответственно основание Рима стало датироваться 753 годом до рождества Христова. К настоящему времени установлено, что Дионисий обсчитался и что в действительности Иисус, если он был исторической личностью, должен был родиться на несколько лет раньше — в 4 или даже 5 г. до н.э. Правильность привязки нашей эры к римской эре от основания Рима, а этой эры — к греческой эре олимпиад, а этой последней — к вавилонской хронологии от ошибки Дионисия не меняется.

Новое летосчисление «от рождества Христова» привилось не сразу. В течение всего средневековья оно сосуществовало, с ранее принятым у христианских народов и восходящим к библейской традиции летосчислением «от сотворения мира»(В средние века мифологическая дата сотворения мира вычислялась (на основании библейских предании) по-разному. Православная церковь приняла дату 5508 г. до н.э., англиканская — 4004 г. до н.э. и т.п.). Постепенно летосчисление от рождества Христова, или, как правильнее называть, с начала нашей эры, было принято во многих странах, в том числе и в России. Им пользуется значительная часть человечества. Оно принято и в мировой исторической науке. Однако донныне существуют и другие системы летосчисления, рассматривать которые здесь нет необходимости.

В последнее время в исторической науке стал употребляться археологический способ установления абсолютных датировок с помощью так называемого радионарбонного метода. Он основан на

измерении количеств радиоактивных изотопов в предметах, найденных при раскопках. Так, в срубленное дерево перестают поступать радиоактивные изотопы углерода и это позволяет определить время, когда дерево было срублено, по нашей современной хронологической шкале. К сожалению, радиоуглеродные датировки грешат неустранимыми пока ошибками в десятки лет (а для более древних эпох — ив сотни лет) и поэтому неприменимы там, где требуется более точная дата. (Большинство радиокарбонных дат, предлагавшихся в 60—70-х годах, сейчас, по-видимому, требуют некоторого удревнения ввиду содержавшейся в них неучтенной систематической ошибки.). В настоящее время разрабатывается улучшенная (термолюминисцентная) методика атировки керамики и другие физические (например, археомагнитные) методы. Но пока все даты истории древней Передней Азии до II тысячелетия до н.э., а Европы и Китая — до середины I тысячелетия до н.э. остаются ориентировочными и спорными. Еще хуже обстоит дело для Индии. Здесь даже даты, относящиеся к I тысячелетию до н.э., нередко приблизительны и неточны, так как основываются главным образом на находке вещей, импортированных из стран, хронология которых установлена более точно, на поздних, неопределенной точности списках древних царей или на установлении влияния одних литературных сочинений на другие, иногда мнимого. Можно сказать, что, чем дальше какая-либо территория от древней Месопотамии, тем менее точна, ранняя хронология и тем ближе к нам конечный предел неточных, приблизительных датировок.

Литература:

Введение к первому тому//История Древнего Мира т.1. Ранняя Древность: в 3-ех т./Ред. Дьяконова И.М., Нероновой В.Д. , Свенцицкой И.С.- М.:Издательство «наука», 1983 - с. 3-30

Лекция 1: Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. Общие черты первого периода Истории Древнего Мира и проблема путей развития.

Предпосылки образования первого классового общества.

Род «Человек» (Homo) выделился из царства животных свыше двух миллионов лет назад; с конца древнекаменного века — сорок тысяч лет—существует вид «Человек разумный» (Homo sapiens sapiens). От предков, принадлежавших к более древним человеческим видам. Человек разумный унаследовал умение трудиться и производить для этого простейшие орудия. Но от конца древнекаменного века он еще очень долго — тридцать тысяч лет своей истории — все еще, так же

как и эти его предки, только извлекал для себя дары природы с помощью произведенных им орудий, но не воспроизводил ее плоды снова. Его способы добывания пищи — собирательство дикорастущих растений, охота и рыболовство,—конечно, были трудом; мало того, для поддержания своего существования человеку и тогда уже нужно было не только производство, но и воспроизводство орудий труда; но сами добываемые им продукты природы он воспроизводить не умел. Поэтому жизнь человеческих коллективов (общин, обычно объединявшихся по родству) в огромной степени зависела от внешних природных, даже климатических условий, от обилия или скудости добычи, от случайной удачи; удача же сменялась периодами голода, смертность была очень высока, особенно среди детей и пожилых. На огромных пространствах земного шара людей было очень мало, и число их почти не увеличивалось, временами, пожалуй, даже падало.

Положение изменилось, когда 10—12 тыс. лет назад в экологически благоприятных регионах некоторые из человеческих общин научились сеять хлеб, обеспечивавший их пищей круглый год, и разводить скот, что позволяло им регулярно питаться мясом, а также молоком и сыром (творогом); скот обеспечивал их шкурами и кожей лучше, чем охотничья добыча, и, кроме того, давал еще и шерсть, которую люди научились пряхать и ткать. Вскоре после этого люди смогли сменить пещерное жилье, шалаши из веток и землянки на постоянные дома из глины или обмазанного глиной камня, а затем и из сырцового кирпича. Жизнь общин стала более обеспеченной, смертность несколько снизилась, рост населения от поколения к поколению понемногу становился заметным, никогда, впрочем, не превосходя дробных долей процента. Однако же первые земледельцы-скотоводы начали расселяться все шире по поверхности Земли.

Впервые люди достигли этих успехов в северной теплой зоне Восточного полушария. Это была эпоха, когда на севере Европы и Азии ещё не полностью исчезло Великое оледенение. Значительная часть Европы и Азии была занята тайгой, отделенной от ледяной зоны полосой тундры. Полуострова Италии, Греции, Малой Азии, Южный Китай и Индокитай покрывали лиственные обширные леса, пространства Северной Африки, Аравии и других районов Ближнего Востока, вплоть до Северного Китая, там, где сейчас сухая степь или выжженная пустыня, были заняты лесостепью. Южнее, в Африке, росли густые тропические леса.

Наиболее благоприятными для жизни человечества были лесостепи, но и здесь не везде условия были достаточно подходящими для перехода к земледелию и скотоводству. Требовалось, чтобы в той местности росли дикие злаки, годные в пищу и для искусственного посева (И.Н. Вавилов, 1926), и жили дикие животные, пригодные для одомашнивания. Первым злаком, который люди стали сначала сжинать в диком виде (с помощью деревянных или костяных серпов со вставленными кремневыми зубьями), а затем и сеять, был ячмень, росший па нагорьях Малой Азии, Палестины, Ирана и Южной

Туркмении, а также в Северной Африке. Позже были одомашнены и другие злаки. Где это произошло раньше всего, сказать трудно; во всяком случае, в Палестине, Малой Азии и на западных склонах Иранского нагорья хлеб сеяли уже между X и VIII тысячелетиями до н.э., а в Египте, на Дунае и Балканах и в Южной Туркмении его стали сеять не позже VI тысячелетия до н.э. Примерно в ту же эпоху и в тех же местах приручили козу, овцу, осла (собаку приручили гораздо раньше ещё охотники древнекаменного века); позже был одомашнен крупный рогатый скот и кое-где—свиньи. С VIII—VI тысячелетий до н.э., когда люди научились делать более совершенные шлифованные каменные орудия, плетеные корзины, ткани, а затем и обожженную на огне глиняную посуду, что позволило лучше готовить и хранить пищу, жизненный уровень людей еще несколько повысился.

Климат в теплой зоне Северного полушария с исчезновением северных ледников становился все суше; предгорное земледелие все более основывалось не на дождевом орошении, а на запруживании ручьев и отведении канав на поля. Люди же северной и южной лесных зон, по-прежнему немногочисленные, ещё долго не могли перенять достижений людей лесостепи и степных нагорий: тогдашними орудиями сводить леса, чтобы обрабатывать землю, было невозможно.

Археологи прослеживают значительный технический прогресс от позднего этапа древнекаменного века (палеолита), когда стал господствовать *Homo sapiens sapiens*, через промежуточный период мезолита, на который в теплой зоне падает, между прочим, изобретение земледелия и скотоводства, до новокаменного века (неолита) — времени шлифованных каменных орудий и изобретения тканей и глиняной посуды. Но даже наиболее развитые неолитические общины Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока не могли достичь уровня цивилизации. Целью их производства и воспроизводства было по-прежнему простое поддержание существования общины и ее членов, запасы же удавалось накапливать лишь на самые крайние случаи, для спасения от неожиданных природных бедствий и т.п. Обработка земли роговыми и каменными мотыгами даже на самых мягких почвах была тяжелейшим трудом, дававшим хотя и надежное, по очень скудное пропитание. Прирученные дикие козы и овцы давали еще очень мало шерсти, мало молока; молочные продукты и мясо надо было быстро потреблять, потому что долго хранить их не умели. Лишь в Малой Азии, Сирии и Палестине уже в VIII—VI тысячелетиях до н.э. возникали развитые и богатые поселки, иногда даже окруженные стеной (значит, было что похищать и что защищать!), однако это были исключения, и эти древнейшие культуры (Иерихон в Палестине, Чатал-хюк в Малой Азии и др.) в цивилизации не развились.

С ростом земледельческого населения в предгорьях часть его стала уходить все далее в глубь степей. По мере того как подобные родоплеменные группы удалялись от районов более или менее обеспеченного дождевого или ручьевого орошения, в их хозяйстве все

большее значение приобретал выпас скота, а посев ячменя и полбы, как экономически менее падежный, играл все более подсобную роль. Однако, не одомашнив ещё ни коня, ни верблюда, скотоводы не могли совершать далеких сезонных перекочевок, необходимых для восстановления травяного покрова па пастбищах, и вообще они не могли еще слишком далеко отходить от воды. Да и земледелие они обычно не совсем забрасывали. Когда же в результате хищнического скармливания овцам скудных южных степных пастбищ или после какого-либо периода катастрофических засух выпас скота в данном районе становился невозможным, скотоводы массами переселялись на другие места. Так в течение VIII—VI тысячелетий до н.э. совершалось расселение афразийских племен (потомков мезолитического населения Передней Азии, как полагают А.Ю. Милитарев и В.А. Шнирельман) по Северной Африке» а также по степным районам Ближнего Востока (Аравии, Сирии, Месопотамии, где сохранились — или куда переселились — племена семитской языковой семьи афразийской языковой надсемьи). А начиная с V—III тысячелетий до н.э. из своей прародины расселялись в разные стороны племена, говорившие на диалектах индоевропейского языкового семейства. Эту прародину еще недавно помещали на территории между Эльбой и Вислой, теперь ее склонны локализовать ближе к Черному морю — в Подунавье и на Балканах, в евразийских степях или в Малой Азии и в некоторых прилегающих областях Ближнего Востока. Уже ко II тысячелетию до н.э. эти племена, передавая язык местному населению и вовлекая его в дальнейшую миграцию, распространились от Атлантического до Индийского океана.

Такие переселения были, конечно, не случайны. С одной стороны, они были связаны с вековыми колебаниями климата: так, в VI и II тысячелетиях до н.э. господствовали условия засух, и это могло стимулировать уход племен в поисках более благоприятных условий для жизни. С другой стороны, в V— IV тысячелетиях климатические условия были благоприятны, у племен, живших скотоводством и земледелием, смертность падала, и возникал относительный избыток населения, начинавшего растекаться в разные стороны, но в основном в пределах климатической зоны, благоприятствовавшей типу хозяйства данных племен. Население Земли тогда было очень редким, и передвижение племен приводило, по данным исторической лингвистики, не столько к уничтожению или вытеснению коренных жителей, сколько к ассимиляции пришлого населения с коронным, так что в этническом (по не в языковом) отношении волна дальнейшего передвижения могла совершенно отличаться от первоначальной. Люди, принесшие в VI—V тысячелетиях до н.э. афразийские (семитохамитские) языки в глубь Африки, и люди, с которыми во II—I тысячелетиях до н.э. индоевропейские языки пришли к берегам Бенгальского залива (совр. Бангладеш), нисколько не походили по внешнему облику и мало походили по культуре на тех, которые дали первый толчок распространению земледельческо-скотоводческих племен.

Хотя эти относительно подвижные скотоводческо-земледельческие племена еще не были истинными кочевниками, мы вправе все же говорить об отделении земледельцев, сидевших на орошенных землях, от скотоводов-полуземледольцев степей как о первом великом разделении труда. Между земледельцами и скотоводами уже тогда установился обмен; впрочем, он был необходим и раньше — ведь уже в позднекаменном веке ни одна группа людей не могла обеспечить себя всем необходимым ей без обмена, предметом которого был, например, камень, годный для изготовления орудий (кремний, обсидиан). Такой камень на земле относительно редок. С открытием первых металлов (золота, меди, серебра) начался также и обмен металлов на различные ручные изделия, например ткани, причем обмен шел из рук в руки на значительные расстояния.

Прослеживается несколько путей развития древних классовых обществ, в зависимости от характера сочетания двух экономических секторов, которые, видимо, в это время еще зависели преимущественно от экологических условий.

Первый путь развития общества Ранней Древности.

В процессе расселения общий от первоначальных центров земледелия в предгорных районах Ближнего и Среднего Востока незаметно произошли и другие события, имевшие, быть может, еще большее значение для истории всего человечества.

Между VI и III тысячелетиями до н.э. были освоены земледельцами-скотоводами долины трех великих рек Африки и Азии: Нила, нижнего Евфрата и Инда (а также рек Карупп и Керхе восточнее нынешнего Ирака.). По мере того как часть населения сама уходила все дальше в степь, некоторые группы были вынуждены отойти на равнины, периодически заливавшиеся водами этих трех рек. Здесь они встретили весьма неблагоприятные условия. Все три реки текут через зону пустыни или очень жарких, сухих степей, где хлеб не может расти без искусственного орошения; в то же время все три реки периодически сильно разливаются, надолго наводняя и заболачивая большие пространства. Поэтому посеvy либо не вовремя затоплялись разливом, либо сгорали от солнца, когда вода спадала. Вследствие этого земледелие здесь долгое время удавалось много хуже, чем в предгорьях, питание было менее надежно обеспечено. К тому же, например, в долине нижнего Евфрата не было ни строительного леса (а только тростник, достигавший порой гигантских размеров), ни такого камня, который был бы годен для изготовления орудий. Не было здесь и металлов, поэтому жители этой долины должны были обходиться тростниковыми и глиняными орудиями или выменивать камень у ближних племен, когда их соседи уже давно освоили медь. Конечно, медь была уже известна и этим племенам, но выменивать её им было гораздо труднее. Прошло много десятков поколений, пока обитатели великих речных долин справились с задачей рационального использования разливов для целей земледелия. Это была первая в

истории человечества победа над природной стихией, подчинение её человеку.

Достигнуто это было разными путями. В долине Нила — в Египте — разлив начинается в июне и держится до октября. Люди научились разгораживать заливаемые поля земляными валами; отстаиваясь между ними, нильская вода отлагала плодородный ил; затем воду спускали, а ил между валов долго сохранял достаточно влаги не только для посева, но и для периода выращивания злаков; к тому же ил был прекрасным удобрением. В долине нижнего Евфрата — в Шумере — река довольно нерегулярно разливалась весной; воды ее отводили в специальные водохранилища, откуда их можно было несколько раз в течение вегетационного периода подавать па поля. Собственные методы укрощения рек были найдены и для Керхе, Карупа и Инда (для последнего — позже всего, лишь к середине III тысячелетия до н.э.).

Не следует думать, что создавалась система ирригации и мелиорации для всей реки: на самом деле возникали только местные системы, какие были под силу объединению немногих общин, но и это было огромным достижением, которым жители долин были обязаны своему упорству и кооперации. Как именно организовывалась работа, мы не знаем, потому что в то время еще не было письменности и никаких записей до нас не дошло. Но замечено, что там, где для создания продуктивного земледелия требовалась кооперация многих общин, уже в самые ранние периоды цивилизации выделялись своим могуществом и богатством храмы и культовые вожди - в гораздо большей мере, чем там, где земледелие основывалось на дождевом и ручьевом орошении и больших общих работ не требовалось. Поэтому предполагают, что организация мелиоративно-ирригационных работ поручалась жрецам. Это логично: ведь задачей жрецов было путем культовых действий и умилоствления божеств обеспечить общине благополучие. Но при тогдашнем уровне развития миропонимания — или мироощущения — культовые действия должны были представляться не менее целесообразными, чем технические, и естественно было поручить организацию тех и других одним и тем же лицам, наиболее уважаемым и мудрым по понятиям того времени. Не случайно на древнейших изобразительных памятниках Египта и Шумера вождь-жрец — предшественник царя — нередко изображался исполняющим земледельческий обряд.

Освоение речной ирригации на том уровне развития производительных сил (медно-каменный век) было возможно только там, где почва была достаточно мягкой, берега рек не слишком крута и каменисты, течение не слишком быстрое. Поэтому даже в пределах субтропической пустынно-степной, степной и лесостепной зон многие реки, в том числе соседний с Евфратом Тигр, Араке и Кура, Сырдарья и Амударья и др., для создания на их базе ирригационных цивилизаций еще не годились; их воды стали использоваться человеком много позже.

Но там, где организованная речная ирригация оказалась возможна и где почва была образована из плодородного наносного ила, урожаи стали быстро расти. Этому способствовали рост производительности труда, обусловленный введением наряду с мотыжной также и плужной вспашки (на ослах или на волах), и общее усовершенствование техники обработки земли. Эта техника сохранялась потом почти без изменений тысячелетиями. В Египте и в Шумере уже к концу IV тысячелетия до н.э. посевы легко давали, по-видимому, десятикратные, двадцатикратные и большие урожаи. А это значит, что труд каждого человека стал производить значительно больше, чем было нужно для пропитания его самого. Рост урожаев был исключительно благоприятен и для развития скотоводства, а развитое скотоводство способствует еще большему повышению жизненного уровня людей. Община оказалась в состоянии прокормить помимо работников не только нетрудоспособных, т.е. детей и стариков, не только создать надежный продовольственный резерв, но и освободить часть своих работоспособных людей от сельскохозяйственного труда. Это способствовало быстрому росту специализированного ремесла: гончарного, ткацкого, плетельного, кораблестроительного, камнерезного, медницкого и др. Особое значение имело освоение меди, сначала использовавшейся просто как один из видов камня, но потом вскоре ставшей применяться дляковки, а затем и для литья. Из меди можно было изготавливать множество орудий и оружия, которые нельзя было сделать из камня, дерева или кости и которые к тому же даже в случае поломки могли быть переплавлены и вновь использованы. Отделение ремесел от земледелия было вторым великим разделением труда.

Но дальнейший рост прибавочного земледельческо-скотоводческого продукта позволил освободить часть членов общины от всякого производительного труда. Кто же были те, кто мог освободиться от такого труда и содержать себя за счет труда других? Образование господствующего класса, без сомнения, представляло собой сложный, далеко не прямолинейный процесс. Уже в недрах первобытного общества структура коллектива людей не была однородной. Конечно, там не существовало антагонистических социально-экономических классов, т.е. исторически сложившихся групп людей, противостоящих друг другу в процессе производства и различающихся друг от друга по их отношению к собственности на средства производства и по своим противоположным общественным интересам. Но община могла включать различные возрастные группы, союзы мужские и культовые; военные вожди могли среди массы общинников иметь группы своих личных вооруженных приверженцев; вероятно, в отдельных случаях оставляли жизнь пленным, захваченным в стычках с соседями,— таких пленных иногда усыновляли, включая в состав домашней общины на общих основаниях, иногда же держали их в общине в рабском состоянии.

Домашняя община состояла из ее главы — мужчины-патриарха и его сыновей и внуков с их женами и детьми; пока патриарх был жив,

все члены общины и зависимые от них лица подчинялись его полной, практически неограниченной власти.

Если домашняя община после смерти патриарха не разделялась, то могла постепенно включить и себя целый род вместе с женами его членов-мужчин (браки внутри рода чаще всего запрещались во избежание внутренних распрей, и жены, как правило, принадлежали к другим родам). И первобытном обществе род был обыкновенно частью племени, т.е. большого объединения людей, связанных между собой родством по мужской или по женской линии (На Ближнем Востоке (и отлично от Африки, Америки и др.) обширны, построенные на основе родства по женской линии, не обнаружены.).

Но в условиях земледельческого общества и с усилением роли обмена между общинами стало трудно сохранять тесное организационное и хозяйственное единство очень больших групп единственно по признаку их родства, и племенные связи стали уступать место связям чисто соседским. Соседи же могли быть родичами и одноплеменниками, а могли ими и не быть. К моменту сложения первого классового общества место племенного объединения заняла территориальная (сельская или городская) община, т.е. группа соседствующих и более или менее совместно распоряжающихся землей и водой «домов» (домашних общин). Территориальная община решала свои дела на общей сходке равных между собой воинов. Но столь многочисленное собрание не могло входить в детальное рассмотрение дел, которое поручалось поэтому совету старейшин—наиболее опытных представителей отдельных «домов», в принципе считавшихся равными между собой (хотя могли различаться роды «старшие» и «младшие» и т.п.). Народная сходка по большей части только одобряла принятое советом решение. Она же - а чаще совет—выбирала и вождя (или двух вождей) общины в качестве командующего на войне и в качестве представителя общины перед непознанными силами мира, персонифицировавшимися в виде богов. Такое устройство общественного управления носит название военной демократии.

Естественно, что при первом возникновении прибавочного продукта величина его была недостаточна для того, чтобы избыток можно было распределить на всех; а в то же время не все в территориальной общине имели одинаковые возможности обеспечить себя за счет других. В наиболее благоприятном положении оказывались, с одной стороны, военный вождь и его приближенные, а с другой — главный жрец (он же, как предполагают, был в странах речной ирригации и организатором орошения). Военный вождь и жрец могли совпадать в одном лице. Не в равных условиях по сравнению с массой общинников были, конечно, и члены совета старейшин, да и разные домашние общины могли иметь неодинаковые авторитет и силу.

Процесс образования классового общества подчинен строго логическим законам. Для наилучшего и наибольшего развития

производительных сил и культурно-идеологического роста общества необходимо наличие лиц, освобожденных от производительного труда. Это не значит, что общество сознательно освобождает от производительного труда именно наилучших организаторов, наиболее глубоких мыслителей, самых замечательных художников—отнюдь нет; излишек продукта, освобождающий от производительного труда, захватывают не те, которые способны его использовать наиболее рациональным образом, а те, кто смог. Те, в чьих руках кулачная, вооруженная или идеологическая сила, берут на себя и организационные задачи. Большинство из них эксплуатирует чужой труд без пользы для общества; но какой-то процент выдвинувшихся составляют люди, которые действительно могут способствовать обществу в его техническом и культурном прогрессе.

Именно этот убыстрившийся теперь прогресс позволяет нам называть уже самое первое классовое общество цивилизацией (от лат. *dues*—«гражданин», *civilis*—«гражданский», *civitas*— «гражданская община, город»). Ускорившимся прогрессом раннее классовое общество отличается от варварства, на уровне которого остается даже самое развитое первобытное общество.

Когда общество только начало впервые производить прибавочный продукт, его, конечно, было еще далеко не достаточно для того, чтобы повысить уровень жизни всего общества. Пока лишь некоторая часть общества извлекает пользу от прибавочного продукта. А это означает, что в обществе неизбежно возникает экономическое и социальное неравенство. Более того, без такого неравенства, без развития тех возможностей для роста производительных сил, которые заложены в эксплуатации труда одних для выгоды других, при тогдашнем уровне развития производства был вообще невозможен прогресс. Но никто не согласится по доброй воле на уступку лишней доли в общественном продукте кому-то другому. Вследствие этого необходим был аппарат насилия, который принуждал бы эксплуатируемый класс и все общество в целом к соблюдению установленного социально-экономического строя. Этим аппаратом является возникающее одновременно с классовым обществом государство с его административным персоналом, территориальным (вместо родо-племенного) принципом деления управляемой области, специальными вооруженными силами, отделенными от народа в целом (даже от его ополчения), и с налогами, собираемыми с населения на содержание государственного аппарата и вооруженных сил. Налоги могли иметь разную ссорму, иной раз совершенно отличную от современных.

В Шумере (о других «речных цивилизациях» мы меньшей осведомлены) обеспечение общинной верхушки в III тысячелетии до н. э. происходило еще не столько путем взимания каких-либо побоев с массы населения (хотя были и поборы), сколько путем выделения из общинной территории больших пространств земли в пользу храмов и важнейших должностных лиц (а площадь орошаемой земли была сравнительно ограниченной). На этих землях работало немалое число

людей. Они-то и составляли основную массу возникающего эксплуатируемого класса. Храмы имели особо важное значение для общины потому, что создаваемый в их хозяйствах продукт первоначально являлся общественным страховым фондом, а участие в храмовых жертвоприношениях создавало почти единственную возможность мясного питания для населения. При этом на больших пространствах храмовых земель легче было применять передовую сельскохозяйственную технику (плуги и т.п.), и здесь создавалась основная масса прибавочного продукта. Для массы же свободного населения, не входившего в состав образующегося государственного аппарата (куда мы должны включить и жречество)(Храмовые земли выделялись первоначально, надо полагать, на обслуживание культа богов, а не лично жрецов. Вообще понятие «жречество», по крайней мере в Месопотамии, принадлежит позднему времени: древние не сразу стали отличать обрядовое, магическое обслуживание богов, которым занимались собственно жрецы, от других государственных и общественных служб.), выделение в пользу этого аппарата значительной части наиболее плодородной общинной земли и являлось формой налога. Кроме того, формами налога были ирригационные и строительные повинности и повинность воинского ополчения.

Важно отметить, что если на поздней ступени развития первобытного строя иногда создаются обширные племенные объединения (союзы племен, конфедерации), то первые государства всегда и всюду образуются в небольшом объеме, а именно в объеме одной территориальной общины или чаще нескольких тесно связанных между собой общин. Такое государство, чтобы быть устойчивым, должно было по возможности иметь некоторые естественные границы: горы, окаймляющие долину, море, омывающее остров или полуостров, пустыню, окружающую орошенное одним магистральным каналом пространство, и т.п. Такой четко различимый район сложения государственности мы будем условно называть номом. Ном обычно имел центр в виде храма главного местного божества; вокруг селилась администрация, сооружались продовольственные и материальные склады, склады оружия; тут же были сосредоточены важнейшие мастерские ремесленников — все это для безопасности обносилось стеной,— и образовывался город как центр маленького первичного государства. Эти города-государства преимущественно (но не обязательно) имели монархический строй, обычно при сохранении органов общественного самоуправления (совет старейшин, народное собрание). Так как процесс образования городов хронологически более или менее совпадает с возникновением классового общества и государства, то в западной науке момент перехода от первобытнообщинного строя к классовому нередко именуют «городской революцией». Термин этот удобен, по недостаточен, так как основан лишь на признаке развития ремесленно-промышленных центров и не раскрывает самого главного, что отличает последний этап первобытного общества (варварства) от цивилизации,—

расслоения общества на антагонистические классы. Именно оно дает ключ к пониманию дальнейшей истории древнего общества.

Классовое расслоение общества впервые в мире засвидетельствовано в Египте и Шумере. Этот процесс имел здесь свои особенности, которые определили всю дальнейшую историю египетской и шумерской цивилизаций — их специфические пути развития в пределах одного и того же древнего способа производства. Первый из различных путей развития рабовладельческого общества на его раннем этапе лучше всего изучен именно на материале Шумера. Как мы уже видели, в экономическом отношении общество Шумера разделялось на два сектора. В один входили крупные хозяйства, которыми владели храмы и верхушка должностных лиц нарождающегося государства: эти хозяйства в течение первых столетий письменной истории постепенно вышли из-под ведения общинных органов самоуправления. В другой же сектор входили земли, свободное население которых участвовало в органах общинного самоуправления; этими землями в пределах территориальных общин владели домашние большесемейные общины во главе со своими патриархами. На третьем-четвертом поколении домашняя община обыкновенно делилась, но разделившиеся общины продолжали считаться родством, могли иметь общий культ предков, обычаи взаимопомощи и т.п.

В дальнейшем хозяйства первого сектора стали собственностью государства, хозяйства же второго сектора остались в верховной собственности территориальных общин и во владении глав семей; практически владения последних отличались от полной собственности лишь тем, что пользоваться и распоряжаться землей по своей воле могли только члены территориальных общин (соседских, сельских, затем и городских).

Общинники, т.е. свободные члены хозяйств второго (общинно-частного) сектора, как правило, работали на земле сами и с помощью только членов своей семьи. Однако в пределах домашних общин и в особенности между родственными домашними общинами существовало имущественное неравенство. Оно зависело от социального положения глав отдельных семей (так, некоторые общинники были жрецами, старейшинами и т.п.), от случайной удачи или неудачи, от умения отдельных членов распорядиться своими средствами, так как движимое имущество в отличие от дома, поля или финиковой плантации принадлежало лично каждому члену семьи по отдельности. Некоторые семьи общинников — на основе обычаев взаимопомощи или же давая продукты в долг менее удачливым однообщинникам — могли пользоваться и чужим трудом; иногда имелись и рабы, о которых речь пойдет ниже.

Люди, расселенные на землях, ставших впоследствии государственным сектором, могли только условно владеть землей — она выдавалась им для пропитания и как плата за службу или работу

на храм или вождя-правителя и т.п.; при этом земля выдавалась за службу или работу индивидуально, на малую, а не на большую семью, т.е. сыновья и внуки несли службу отдельно и снабжались земельными наделами отдельно от своих отцов и дедов. У каждого из них земля могла быть отобрана или заменена на другую по усмотрению администрации. Многие работники государственного сектора земли вообще не получали, а получали только паек. Однако и среди государственных людей были состоятельные по тем временам люди, пользовавшиеся чужим трудом и имевшие рабынь и рабов. Это были чиновники, верхушка воинов, квалифицированные ремесленники. Этим людям выделялась также некоторая часть продукта, созданного земледельческими работниками персонала храмового или правительского хозяйства. Они могли иной раз подняться очень высоко по служебной лестнице, именно из их числа в основном пополнялся административный аппарат; некоторые из них, хотя и не имели государственной земли в формальной собственности, зато фактически управляли хозяйствами государственного сектора. Но среди государственных людей были и собственно рабы и особенно рабыни, которых можно было покупать и продавать.

Таким образом, общество, сложившееся в III тысячелетии до н.э. у нижнего течения Евфрата, разделилось на сословия. К высшему принадлежали члены свободных общин, участвовавшие в общинной собственности на землю и обладавшие правами общинного самоуправления, а первоначально и правом избрания вождя-правителя.

К более низкому принадлежали члены персонала храмового или правительского хозяйства, владевшие землей только с условием служить или работать или вовсе ею не владевшие, а получавшие только паек. Кроме того, были рабы, которые стояли как бы вне сословий, поскольку с ними можно было и в принципе обращаться как со скотом. Но, по существу, и они составляли особое, бесправное сословие.

Такое деление общества было вполне ясно и сознавалось и самими древними. Однако существовало и другое, более глубинное, объективное социально-экономическое деление общества — деление на общественные классы, различавшиеся по месту в процессе производства, по отношению к собственности на средства производства, по отношению к эксплуатации. Это деление но совпадало с сословным.

Высшим классом был класс лиц, не занимавшихся производительным трудом и эксплуатировавших чужой труд. В нашей науке этот класс обозначается как рабовладельцы, хотя эксплуатировали они не только рабов в собственном смысле слова. Члены этого класса либо участвовали в собственности на средства производства (если они были общинниками), либо владели ими на условии службы, а фактически управляли хозяйствами

государственного сектора в интересах господствующего класса в целом.

Средним классом был класс крестьян и ремесленников, занимавшихся производительным трудом, но, как правило, не эксплуатировавших чужой труд или пользовавшихся им лишь как подсобным. К этому классу относились в первую очередь менее состоятельные общинники-собственники, но к нему могли примыкать и условные владельцы земли — члены персонала хозяйств государственного сектора. Последние едва ли не чаще всего подвергались эксплуатации, поэтому в государственном секторе провести грань между средним и низшим классом иной раз очень трудно.

Низший класс составляли подневольные люди рабского типа, лишенные собственности на средства производства в хозяйство, где они подвергались внеэкономической эксплуатации. Внеэкономическая эксплуатация — это эксплуатация, осуществляемая прямым физическим или идеологическим насилием, в отличие от экономической эксплуатации, возникающей там, где трудящийся в силу исторически сложившейся экономической структуры общества не может прокормиться иначе, как сам заключив сделку с собственником средств производства о продаже ему своей рабочей силы. Экономическая эксплуатация была в древности исключением, а не правилом.

В состав эксплуатируемого класса входили и рабы, не только лишенные собственности на средства производства, но и сами являвшиеся собственностью эксплуатирующих, бывшие как бы живым орудием: труда. Именно эксплуатация рабов была наиболее полной, а следовательно, наиболее желательной для рабовладельцев. Производительность рабского труда при постоянном наблюдении за ним и при тогдашних крайне примитивных орудиях труда существенно не отличалась от производительности труда крестьянина-общинника, но раб не смел иметь семью, а те члены эксплуатируемого класса, кто не являлся собственно рабами, должны были содержать и семью на свой паек или на урожай с надела. Для хозяина было удобнее не давать рабу прокорма на семью, да и самого раба можно было хуже кормить, хуже или даже совсем не одевать и ежедневно заставлять больше работать. Это было выгодно рабовладельцам, и при всяком удобном случае они старались также и других эксплуатируемых лиц превращать в настоящих рабов. Поэтому такая экономика называется рабовладельческой, а подневольных людей рабского типа часто обозначают как класс рабов в широком смысле слова.

Однако в ранней древности максимальная «классическая» эксплуатация рабов была, как правило, неосуществимой по ряду причин. Обратив однообщинника в полного раба было нельзя, потому что он был связан родственными и культовыми узами с другими общинниками и они приходили ему на помощь. В течение около

тысячи лет в нижней долине Евфрата общинники добивались периодического освобождения всех своих однообщинников, попавших в рабство за долги и т.п. Иноземца можно было сделать рабом, но только взяв его в плен в бою. Однако его практически нельзя было заставить насильственно работать на своего порабощителя, если не создать для него сколько-нибудь сносных условий существования. В IV—III тысячелетиях до н.э. у воинов не было никакого оборонительного оружия, кроме медного шлема и иногда очень несовершенного щита, обычно из кожи или тростника, а их наступательное оружие состояло из кинжала, небольшого медного топорика на палке или копья с медным наконечником. В этих условиях дать пленным воинам медные кирки, лопаты или мотыги часто было опасно, разве что поставить по два-три воина сторожить каждого раба. Поэтому многих пленных воинов сразу же убивали, а угоняли в рабство женщин и тех детей, которые были способны перенести угол; остальных тоже убивали. Если же угоняли мужчин, то сажали их только на государственную землю как подневольных работников на пайке или на наделе и давали им возможность иметь свое жилье и семью.

В частных хозяйствах у общинников не было возможности выделять пленным еще особое хозяйство, не было и возможности держать пленных рабов под охраной на полевой работе. Поэтому здесь могло существовать только патриархальное рабство. Это значит, что из пригнанного полона в дом брали либо девушек и молодых женщин (с которыми рабовладельцы приживали детей), либо мальчиков, которые были в таком возрасте, что могли привыкнуть к дому и почувствовать себя принадлежащими к нему (Отдельный дом обычно обладал большим числом рабов, чем рабынь. Общее число тех и других всегда было невелико, а во многих домах рабов вообще не было.). Рабыням и рабам поручали преимущественно тяжелую производственную работу в самом доме (лепить горшки, ухаживать за скотом, прясть и ткать, варить пищу, молотить зерно между двух камней—это был особенно тяжелый труд — и т.п.). В поле мальчикам-рабам и рабыням поручалась подсобная работа вместе с членами семьи — погонять волов, полоть, жать, вязать снопы,— но пахота и сев им не доверялись. Труд рабов в доме спорился не только потому, что они были под постоянным наблюдением хозяев, но и потому, что они участвовали с хозяевами в одном общем производственном процессе; немаловажным было и фактическое родство многих рабов со своими хозяевами, а также незначительная разница в бытовых условиях между хозяевами и рабами; сами хозяева тоже питались скудно, одевались более чем скромно. То же верно в отношении хозяев отдельных лиц на надельной земле в государственном секторе; мелким хозяйствам много рабов и не требовалось.

Мы уже упоминали, что иное положение складывалось в собственно государственном секторе, например на храмовой земле. Здесь работников требовалось много; держать на полевых работах целые отряды рабов было невозможно — не хватило бы надзирателей, не

было и хозяйской семьи, которая могла бы сама пахать и сеять. Поэтому в рабском положении тут держали обычно только женщин, а мужчин-пленных и детей рабынь приравнивали к остальному трудящемуся персоналу больших хозяйств; те могли происходить из числа младших братьев в обедневших омашних общинах, из беглецов, искавших убежища под защитой храма или соседнего вождя — либо при разгроме их родного города, либо в случае катастрофической засухи или наводнения у них на родине и т.п. Не исключена возможность, что когда-то община, выделяя землю храмам и вождям, одновременно обязывала часть своих членов работать в храмовых и правительских хозяйствах. Таким образом, получали ли работники государственного сектора только паек или еще и земельный надел, они (хотя и подвергались эксплуатации путем внеэкономического принуждения и были лишены собственности на средства производства) все же были не совсем в рабском положении.

Они не обязательно происходили из пленных, даже чаще из местных жителей. Им разрешалось иметь движимое имущество, а нередко свой дом и семью и даже изредка скот — все это, правда, не в собственности, а в условном владении (мы можем обозначить такое владение римским термином «пекулий»). Так как им не разрешалось покидать имение, в котором они работали, то их нередко обозначают как крепостных. Но поскольку они не имели собственности на средства производства, они отличались от средневековых зависимых крестьян, так как подвергались все-таки фактически рабовладельческой эксплуатации; поэтому во избежание путаницы мы будем здесь и далее называть их тем термином, которым в Греции называли государственных рабов, посаженных на землю и своим трудом кормивших членов господствующего класса, по имевших и собственное хозяйство: илоты. Илоты—эквивалент патриархальных рабов в пределах государственной собственности(Следует обратить внимание на одно явление, которое современные историки недооценивают. Уже с ранних периодов — вероятно, не позже III тысячелетия до н.э.— в храмовых и государственных хозяйствах было занято много евнухов, особенно среди служащих, чиновников, певчих (в Месопотамии, по-видимому, певчие набирались только из евнухов), по отчасти и среди работников физического труда. Видимо, было естественно кастрировать (для безопасности) «двуногих» так же точно, как еще с VI тысячелетия до н.э. кастрировали бычков. В XIX в. первым исследователям Месопотамии, таким, как Лэйард, который, будучи консулом во владениях Турции, сам встречал евнухов во множестве и легко узнавал их. например, на ассирийских рельефах, это явление было ясно; однако современные ассириологи иногда против очевидности определяют их на рельефах (и в текстах) как «молодых людей». Нужно отметить, что в древних языках к евнухам полагалось применять особые вежливые обозначения, например «следующий у ноги (хозяина)», «(находящийся) впереди (царя)» и т.п.).

Опираясь на персонал постепенно захваченных ими в свои руки мощных государственных хозяйств, правители отдельных номов, или городов-государств, создавали многочисленные дружины, независимые от совета, народного собрания и других общинных органов самоуправления. Это позволило правителям, поддержанным группировкой бюрократии, созданной из их личных приверженцев, встать выше отдельных номов и создать деспотическую, т.е. не ограниченную никакими другими законными органами, единую царскую власть, и при этом в пределах всей ирригационной сети Нижней Месопотамии — страны между реками Тигр и Евфрат. Соответствие в государственном секторе создается тогда же единое царское илотское хозяйство, поглощающее хозяйство храмов. Частные хозяйства внутри общинного сектора при описываемом пути развития рабовладельческого общества все же сохраняются.

В ходе дальнейшей истории выяснилось, что содержание государства за счет ведения им собственного хозяйства с помощью больших масс эксплуатируемых рабского типа в конечном счете оказывается нерентабельным: оно требует слишком больших непроизводительных затрат на надзор и управление. Государство переходит на систему взимания прямых налогов и даней со всего населения. Различие между государственным и частно-общинным сектором тем не менее остается, хотя и на государственной, и на общинной земле ведутся совершенно однотипные частные рабовладельческие хозяйства; разница заключается в характере собственности и владения, а именно владение государственной землей не связано с собственностью на нее.

В обмене ведущую роль в ранней древности играет международная торговля (через посредников—на большие расстояния). Эта торговля ведется на свой риск либо государственными агентами, либо специализирующимися на обмене общинами семейного типа, члены которых не состоят на государственной службе. И те и другие были тесно связаны с номовым государством, но оно не столько контролировало их международную деятельность, сколько обеспечивало себе доход от нее. Перераспределение продукта происходило через город и поселки городского типа, где были сосредоточены индустриальные и обменные функции общества, где действовала государственная администрация и где жило большинство нетрудового населения. Внутри городской общины господствуют в основном натуральные обменные отношения, централизованное государственное распределение и слабо развитый внутренний рынок. Обмен нередко происходил в порядке неэквивалентной взаимопомощи.

Таким был на ранней ступени развития древнейшего классового общества его первый путь развития, характеризующийся сосуществованием двух экономических секторов — государственного и общинно-частного при преобладании первого. Этот путь развития был

характерен для нижней долины Евфрата и для долин рек Каруна и Керхе (древний Элам).

Второй путь развития общества Ранней Древности.

Другим вариантом развития раннерабовладельческого общества можно считать тот, который сложился в долине Нила — в Египте. К сожалению, ранние хозяйственные и правовые документы из Египта крайне немногочисленны, и многое нам неясно.

Если Шумер пересечен отдельными самостоятельными руслами Евфрата, от которых можно было отводить многочисленные независимые магистральные каналы, и тут не только создавались, но долго сохранялись и после кратковременных объединений вновь возрождались мелкие «номовые» государства, то весь Верхний Египет вытянут узкой лентой вдоль единой водной магистрали—Нила; лишь в Нижнем Египте Нил расходится веером русел — Дельтой. По-видимому, из-за того что номы Верхнего Египта примыкали цепочкой друг к другу, стиснутые между Нилом и скальными обрывами на краю пустыни, многосторонние политические группировки, которые давали бы возможность, используя многостороннюю борьбу и соперничество соседей, обеспечивать отдельным номам с их самоуправлением достаточную независимость, здесь были неосуществимы. Столкновения между нома-ми неизбежно приводили к их объединению «по цепочке» под власть сильнейшего, а то и к полному уничтожению строптивного соседа. Поэтому уже в самую раннюю эпоху в Верхнем Египте появляются единые цари с признаками деспотической власти над отдельными номами и всей страной, которые позже завоевывают и Нижний Египет. И хотя, по всей вероятности, в Египте раннего периода тоже существовали параллельно государственный сектор (храмовые и царские, может быть, также и вельможные «дома») и общинно-частный сектор, но в дальнейшем, как кажется, общинно-частный сектор был без остатка поглощен государственным; по крайней мере египтологи не могут на основании наличного у них в настоящее время материала для эпохи от 2000 г. и позже обнаружить ясные свидетельства существования общины свободных и полноправных граждан, административно независимых от государственных хозяйств. Это не мешает тому, что и в пределах государственного сектора здесь нозникают отдельные хозяйства, экономически автономные.

Все это, однако, не создает принципиального различия между обществом Египта и Нижней Месопотамии. Как тут, так и там непосредственное ведение огромных рабовладельческих хозяйств царской властью в конце концов оказывается нерентабельным, с той разницей, что в Египте развитие частных рабовладельческих хозяйств происходит на формально государственной земле и эти частные хозяйства черпают рабочую силу (плотскую) и государственных фондов, помимо того что они имеют и собственных рабов. Работникам вменялось в обязанность выполнение определенного урока на

хозяйство, которому они были подчинены, произведенное сверх урока могло поступать в их пользу и правом распоряжаться этой долей продукта. Однако и это их имущество не следует рассматривать как собственность, а как условное владение (пекулии); как известно, патриархально-зависимые лица, не исключая и классических рабов, тоже могли распоряжаться своим пекулием, а рабы могли даже копить средства на свой выкуп у хозяина, чего древневосточные илоты делать не могли.

Второй путь развития общества Ранней Древности.

На землях, не обладавших благодатной урожайностью наносного ила великих речных долин, классовое общество складывается по точно тем же законам, какие были нами описаны выше для первого пути развития обществ речной ирригации. Но, во-первых, для достижения того более высокого технологического уровня, при котором и здесь в сельском хозяйстве стал возможен прибавочный продукт, на таких землях понадобилось значительно больше времени. При этом наряду с освоением зерновых культур здесь обычно играли роль и другие факторы: так, скотоводство, культура винограда, оливок, добыча металлов позволяли через обмен принять участие в извлечении прибавочного продукта в собственно земледельческих странах. Во-вторых, здесь не было необходимости в создании и поддержании трудоемких обширных ирригационно-мелиорационных систем. Соответственно храмы ^вождь-жрец играли несравненно меньшую роль и общинно-частный сектор был гораздо важнее государственного. Правда, из-за того что эти общества достигали уровня классового общества и цивилизации позже, Египет и Нижняя Месопотамия успели оказать на них могучее культурное влияние, направленное, между прочим, как раз на усиление авторитета храмов и царской власти. Поэтому древнейшие общества третьего пути развития дают разнообразную картину соотношений между государственным и общинно-частным секторами: где сильнее одни, а где—другой (Следует заметить, что существование территориальной (сельской, позже и городской!) общины, а внутри нее—общины большесеясиноп (домашней) зависит от господствующего в древности уровня развития производительных сил и не связано специфически с нуждами ирригационного общества. Как правило, при мощном развитии государственного хозяйства в странах ирригационного земледелия сельская община слабее, чем в странах третьего пути развития; особенно сильна она на недоступных горных окраинах, причем горцы нередко контролируют перевалы, где проходят необходимые жителям низин торговые и военные коммуникации.). Кроме того, поскольку здесь не было обширных или многочисленных оросительных систем, которые можно было бы с пользой и успехом объединить, здесь и не возникли монолитные деспотические царства, подобные царству на Ниле и менее устойчивым царствам в Месопотамии: здешние «державы» (Ахейская, Хеттская. Митаннийская, Среднеассирийская, египетская «империя» в Сирии

времени Нового царства) имели скорее характер военных союзов, в которых более «слабые городские» или «номовые» государства осязаны были данью и военной помощью более сильному, центральному государству. К третьему пути развития древнейшего классового общества относились в III и главным образом во II тысячелетии до н.э. все общества Малой и Передней Азии (за исключением Нижней Месопотамии и равнины Керхе и Каруна), а также общества вокруг Эгейского моря в Восточном Средиземноморье. В начале I тысячелетия до н.э. к тому же типу, видимо, все еще принадлежали различные общества переднеазиатских и малоазиатских нагорий, Греции и, возможно, Италии (Этрурия?).

Во всемирном масштабе эпохой господства отношений, типичных для ранней древности (в пределах круга классовых обществ), являются III и II тысячелетия до н.э.; об обществах же Индии и Китая в эту эпоху нам известно еще недостаточно для того, чтобы дать им характеристику с точки зрения исторических путей их развития на столь раннем этапе. Поэтому при современном уровне знаний мы можем считать ранний период древнего общества периодом господства первого, второго и третьего путей.

Но общества типа ранней древности возникают необязательно в хронологических рамках классического Востока: тот же характер общественного развития может быть прослежен в ряде мест и в I тысячелетии до н.э. (правда, сравнительно кратковременно, например, в Северной и Восточной Европе), и в I тысячелетии уже н.э., а в тропических, горных и предгорных условиях этот тип может задерживаться и даже создаваться и воссоздаваться вплоть до второй половины II тысячелетия н.э.

Ход дальнейшего развития обществ, сложившихся в Ранней Древности.

Период поздней древности весьма резко типологически отличается от древности ранней. Он во многом представляет большее разнообразие форм по сравнению с ранней древностью, и не все возникавшие пути развития (как представляется, их по крайней мере четыре) легко объяснимы экологическими условиями. В области производства для этой эпохи характерно применение железа и примитивных видов стали, что, между прочим, приводит к освоению для цивилизации более широких природных регионов. В то же время в период поздней древности развитие сельскохозяйственного производства ощущается все же слабо по сравнению с промышленным развитием, в особенности в области производства оружия и военной техники.

Первый и лучше всего изученный путь развития поздней древности—средиземноморский. Он возникает из третьего пути ранней древности в некоторых специфических условиях. Для древнего

характерна практически полная ликвидация хозяйств государственного сектора в бурную эпоху этнических передвижений и разрушения государств, типологически принадлежавших к ранней древности. Возникают полисные организации — государственно-городские общины практически без государственного сектора экономики, с пережиточно-монархическим или чисто республиканским способом правления. Полисы растут и переживают бурный расцвет на основе товарного земледельческого и ремесленного производства в частном секторе; их рост обеспечивается усилившейся международной торговлей, гораздо шире открывшейся теперь для частного предпринимательства граждан полисов. Устанавливается равновесие между общинным (полисным) и личностным началом, что делает возможным развитие — при сохранении традиционных общинных культов — рационального фактора в мышлении и возникновение личностного искусства, литературы: и науки; впервые появляется понятие о свободе личности.

Большинство граждан по-прежнему представляет собой массу неэксплуатируемого трудового населения, наряду с этим более состоятельные граждане полиса эксплуатируют рабский труд уже не только в патриархальной, но и в классической форме. Однако через исторически короткое время наступает кризис полиса, который может разрешиться только путем включения всего полисного мира в состав империи, где граждане полиса, сохраняя внутриполисные права и преимущества, в то же время могли бы пользоваться и преимуществами империи, прежде всего фактом объединения под одной политической властью регионов сбыта промышленных товаров и производства сельскохозяйственных продуктов (II подразделение) с регионами производства промышленных (и скотоводческих) продуктов (I подразделение). Кроме того, включая в себя регионы обоих подразделений, империя не нарушала, а обеспечивала торговые связи между ними и в то же время способна была оборонять города. Вершиной этого развития явилась Римская империя — империя своеобразная, ибо в ней не было государственного сектора экономики (имения императоров были их частным владением). В границах и поблизости от границ Римской империи происходит затем переход к новому, средневековому обществу, где эксплуатации подвергались — наряду с рабами, а позже и вместо них — ремесленники и крестьяне, ранее свободные, а эксплуатирующий класс, частично перерождаясь в предфеодальный класс магнатов, непосредственно сливался с государством.

Второй путь развития представлен ближневосточными империями, от Ассирийской и Нововавилонской вплоть до эллинистических. В результате стремления объединить регионы первого к второго подразделения, а также других внутренних процессов происходят мощные завоевания, образуются межрегиональные государства, причем вся завоеванная земля становится государственной и образует основу государственного сектора экономики, где эксплуатируется труд «царских люден» и других групп илотского типа; внутри империй

существуют, однако, самоуправляющиеся храмовые города и территории, а позже и эллинистические полисы, формально воспроизводящие структуру полиса греческого. Внутри таких структур продолжают существовать лично свободные граждане, как перабовладельцы, так и рабовладельцы; рабский труд является по преимуществу оброчным. Этот путь развития, как, впрочем, и остальные, завершается созданием магнатского землевладения с переходом к магнатам также и государственной власти и ликвидацией самоуправляющихся городок и в значительной мере товарного хозяйства (ввиду самодостаточности громадных магнатских хозяйств и уменьшения участия мелких хозяйств в работе на рынок).

По-видитому, третий путь сложился в Индии; здесь противоположность свободных и несвободных лиц выражается не столько в противопоставлении граждан и царских людей, сколько в жестком разграничении сословий; в дальнейшем развивается кастовая система.

Четвертый путь, наконец, представлен на Дальнем Востоке, где формальным разделением общества является противопоставление «ученых», чиновных лиц неученым и нечиновным, притом что фактическое классовое членение общества в целом такое же, как и при других путях развития поздней древности (включая развитие магнатского землевладения и магнатской политической власти в конце периода).

В заключение надо обратить внимание читателя на следующее. История древних классовых обществ IV тысячелетия до н.э. — I тысячелетия н.э. не равнозначна всемирной истории за тот же отрезок времени: древние классовые общества всегда существовали среди мира первобытных племен, от неолитических до относительно высоко развитых, со сложной социальной структурой. Мало того, они и не могли существовать без доклассовой периферии: она открывала им неисчерпаемые запасы необходимого сырья, а с течением времени — и рабочей силы; ее присутствие давало о себе знать угрозой вторжений и перерыва историко-культурной традиции: ее присутствие как мира первобытной «воли» влияло и на идейно-эмоциональную жизнь классовых обществ.

Первый период ранней древности (см. лекции 2—7) — это история маленьких очагов цивилизации в огромном мире первобытности; лишь во второй период ранней древности (лекции 8—20) создаются сомкнутые ареалы цивилизации: Средиземноморье, Ближний Восток, Индостан, Китай. Но и они по-прежнему живут в окружении первобытной периферии: и даже когда зона классовой цивилизации становится сплошной (о чем рассказано в следующих томах), эта зона все равно продолжает находиться в том же окружении.

Поэтому всемирная история человечества IV тысячелетия до н.э. — I тысячелетия н.э. должна была бы показать не только историю древних

классовых обществ, по и историю цивилизаций в окружении первобытности. Пока такая работа никем не была проделана, читателю придется самому помнить о том ином мире, который всегда окружал описываемые нами государства.

Миропонимание на грани первобытного и древнего обществ.

События эпохи ранней древности трудно понять если хотя бы приблизительно не представить себе, как мыслили и чувствовали древние, что они думали о мире и о самих себе.

К сожалению, проникнуть в духовный мир этой глубокой древности очень трудно, почти невозможно. Очень медленно, по крохам становятся нам известны памятники древней литературы и искусства; откопанные храмы немые, изображения неясны. Но даже если бы древние литература и искусство были понятны полностью, то ведь памятники их — лишь то, что случайно сохранили нам грамотеи и искусники того времени; это далеко по все, что думали и чувствовали тогдашние люди. Памятниками глубокой древности являются также и устные мифы, сказки, песни, поговорки. Но они дошли до нас через тысячелетия, быть может, сильно искаженными позднейшими переделками. Во всяком случае, современные сказители, с которыми имеют дело этнографы, сами не знают и не могут нам рассказать, что именно хотели выразить своим творчеством древние люди. Гипотезы же, сложенные по этому поводу учеными, как правило, отвергаются носителями еще живых древних мифов — людьми племен Африки, Австралии, Полинезии и т.д.

Есть, пожалуй, одно объективное средство, с помощью которого можно проникнуть в механизм мышления людей первобытности и ранней древности, — это изучение языка. Язык выражает категории мышления: исследуя, как построены наиболее архаичные языки, какие приемы они используют для того, чтобы выразить отношение человека к миру и его явлениям, можно обнаружить некоторые механизмы самого тогдашнего мышления.

Исходя из сопоставления структуры древнейших слоев дошедших до нас языков со структурой древнейших мифов, представляется наиболее правдоподобной следующая гипотеза о мышлении и миропонимании первобытных людей.

Самым трудным для них было воспринимать и выражать абстрактные понятия. Но так как никакое суждение невозможно без известного обобщения, то это обобщение достигалось путем ознания чувственно-наглядных ассоциаций (сопоставлений). Например, дабы выразить мысль, будто небо представляет собой свод или кровлю, опирающуюся па четыре точки горизонта, и одновременно оно — нечто такое, что каждый день рождает солнце, а также звезды и луну, а в то же время и нечто такое, по чему солнце ежедневно движется из конца в конец, можно было сказать, что небо — корова на четырех

ногах, женщина, рожаящая солнце, и река, по которой плавают солнце. Это достаточно выражало мысль, которую надо было передать, и никто не смущался тем, каким образом небо может быть одновременно коровой, женщиной и рекой, ибо все ясно чувствовали, что это — толкование, а на самом деле небо — не корова, не женщина и не река. Но в силу той же неразвитости абстрактных понятий не существовало также и понятий «сравнение», «метафора», «толкование» и всего необходимого для того, чтобы выразить, что — небо — не корова, не женщина и не река. Сравнение, толкование, само наименование предмета или явления воспринимались как нечто вещественное, например имя — как вещественная часть именуемого. Поэтому не нужно удивляться, что, даже не отождествляя небо с реальной коровой или реальной женщиной, древний человек мог приносить небу жертвоприношения и как божественной корове, и как женщине (богине).

Ибо всякие касающиеся человека закономерные и целенаправленные (либо мнимоцеленаправленные) явления мира, всякие явления, имеющие неизвестную, но несомненную причину, мыслились и чувствовались как вызванные разумной волей. На опыте наблюдать связь между причиной и следствием человек мог, сущности, почти исключительно в пределах своей собственной еятельности, а потому причину чувственно представлял себе как акт воли. Тем самым за всяким явлением мира мыслилось разумное движущее им существо, которое следует умиловать в свою ользу. Это существо, или божество, мыслилось не духовным ибо нематериальный дух — это тоже абстракция, для словесного выражения которой, а следовательно, и для воображения которой не было средств), а материальным. Оно могло отличаться от еловека могуществом, злобностью — чем угодно, но не духовностью.

Божество не отличалось от человека также и бессмертностью, потому что человек не имел средств чувственно или словесно представить себе смерть как небытие. Умерший был для него перешедшим из жизни здесь в жизнь где-то в другом месте; точно так же и родившийся был перешедшим из жизни где-то в другом месте к жизни здесь. Еще одним переходом из одного бытия в другое бытие был переход из детства: мальчика — в полноправного воина, девочки — в девушку брачного возраста; такой переход часто сопровождался обрядом инициации (посвящения), включавшим испытания стойкости юноши или девушки против боли (например, путем обрезания крайней плоти, нанесения ран или ожогов), против страха и т.п., а также передачу новому поколению опыта предков, запечатленного не только в приемах труда разного рода, но и в мифах как чувственно-образном постижении предполагаемых причин и связей явлений.

Миф нельзя отделить и от обряда (ритуала). Свои действия первобытный человек осмысляет так же чувственно-ассоциативно, а не абстрактно-логически, как явления мира. Некоторые практические действия (например, технические трудовые приемы) он при этом

осмысляет хотя и ассоциативно, по вполне правильно, так как действие здесь очевидно зависит от зримо проявляемой человеческой воли. Другие, ритуальные действия человека были обусловлены предположительными причинами явлений мира, заключающимися в воле божеств; божества же и их деяния воссоздавались в мифах (как мы уже видели) по ассоциациям, не имеющим строго логического характера, ассоциациям образно-эмоциональным. Неудивительно, что и воздействие на (божественные!) причины явлений оказывалось тоже ассоциативно-эмоциональным, а не логическим. Например, если имя—материальная часть божества, то называющий это имя разве не овладевает в какой-то мере самим богом? Не способствует ли брачный акт с женщиной, воплощающей (как «актриса») богиню, оплодотворению самой богини, а также плодородию земли, которую эта богиня не только ведаёт, но которой и сама является? Обряд тем более действителен, что для первобытного человека как бы нет абстрактного физического времени. Современные люди, конечно, знают, что физическое время разворачивается равномерно, всегда в одном направлении; но в ощущении мы воспринимаем не время, а только наполняющие его события или их ожидание. Если того и другого много, кажется, что прошло много времени., если ничего не происходит, время кажется протекшим быстро. Так же ощущает время и первобытный человек — в той мере, в какой он мог соотносить его с событиями собственной жизни)Напомним, что в древности не было ни постоянный эры для отсчета лет, ни постоянных подразделений суток: дневное время просто делилось на утро, полдень и вечер, и ночь — на несколько «страж» (дежурств войной) в зависимости от гарнизонных обычаев). Труднее было определить такую точку во времени, которая не соотносится с нашей жизнью, ни даже с жизнью близких предков, о которых нам еще известно. А мифологические события, скажем рождение солнца богиней или рождение другой богиней хлебов из земли, не имеют определенной точки во времени, к которой можно было бы их привязать, потому что солнце ведь восходит каждый день и хлеба всходят ежегодно; а поэтому обряд, совершаемый сегодня, вполне может считаться воздействующим на мифологические события, происшедшие некогда, во всяком случае содействующим их регулярному повторению.

В этом мифологическом мироощущении, которое нельзя еще назвать философией и неизвестно, можно ли назвать религией, присутствует и своя протоэтика: из сюжета мифа видно, что хорошо и что плохо. Однако эта протоэтика носит несколько автоматический характер: она не строится в виде логической системы; просто то, что полезно для своей общины, сотоварищей, детей,— хорошо; а так как за гранью своей общины все люди враги, то перехитрить или убить их — безусловно хорошо. А то, что плохо, большей частью магически заморожено, табуировано; сделаешь запретное — умрешь, даже не потому, что за это убьют, а от страха перед самим табу. Здесь этика неотделима от первобытной магии: так, пролитие крови (помимо поля

брани) оскверняет в силу магических свойств крови, независимо от того, благо или зло убийство; а съесть запретную пищу, или присутствовать при запретном ритуале, или сожительство с женщиной запретной степени родства, или всуе назвать имя божества может оказаться гораздо большим грехом, чем грех убийства, от которого можно избавиться с помощью выкупа и очистительного обряда.

Вот с каким отягощающим идейно-эмоциональным наследством подошло человечество к грани цивилизации. Если к этому прибавить необеспеченность урожаев, беззащитность против болезней и стихийных бедствий, несовершенство жилья, одежды и утвари, отсутствие гигиенических представлений, то станет ясно, насколько трудно было жить в тогдашнем мире. Не нужно при этом думать, что какой-нибудь гений-одиночка был способен объяснить людям ошибочность тех или иных их воззрений и увлечь за собою: в эпоху развития, которое, с нашей точки зрения, было необычайно постепенным и медленным, вес имел только коллективный опыт предков, как раз и воплощенный в мифах и ритуалах. Успех одиночки, не последовавшего учениям предков, представлялся бы случайным или обусловленным какой-либо неучтенной магией, а потому, быть может, зловещим.

Однако едва ли следует смотреть свысока на древних людей с их мифотворчеством: в жизни сегодняшнего человечества также есть множество живучих, ни на какой логике не основанных заблуждений, предрассудков, например в оценке чужих наций, в приметах и т.п., которые являются самыми настоящими мифами. тоже сложившимися не логическим, а эмоционально-ассоциативным путем. Многие ошибочные научные гипотезы также мало отличаются от мифов. Кроме того, мифологический в целом характер мышления первобытного человека допускал возможность вполне здравых обобщений там, где его коллективного опыта хватало для усмотрения действительных причин явлений и проверки истинности умозаключений.

Рассматривая основные черты раннего периода древней истории, мы остановились на своеобразном типе мышления людей того времени, так как иначе трудно было бы объяснить, почему в эту эпоху развития человечества такую огромную роль играли религия, храм, обряд, миф, жречество. Почему именно жречеству доставалась львиная доля впервые создававшегося прибавочного продукта? Конечно, наивно объяснение рационалистов XVIII в., да и многих антирелигиозников XX в., которые видели причину прежде всего в сознательном обмане народа жрецами. Нет сомнения, что жрецы как социальная группа во все времена не забывали о собственных интересах. Но следует учитывать, что верующими в те времена были все без малейшего исключения, и, конечно, жрецы в том числе.

Особо важная общественная роль, которую с самого начала цивилизации стали играть профессиональные исполнители

религиозных обрядов, объясняется прежде всего тем, что сами эти обряды рассматривались всем населением как важнейшее средство обеспечения благополучия всей общины. Богатства храмов первоначально были страховым фондом всей общины; тысячелетиями большинство земледельческого населения ело мясо только во время жертвоприношения богам.

Вспомним также и о том, что создание рабовладельческого способа производства было тогда явлением прогрессивным, способствовавшим наибольшему развитию производительных сил и повышению жизненного уровня наибольшего возможного в ту эпоху числа людей; а первобытное общество, несмотря на господствовавшее в нем равенство людей — как правило, голодное равенство,— превращалось в отсталый строй. Между тем именно о возвращении первобытного прошлого мечтало тогда угнетенное человечество. Народные массы все еще жили мифами и обрядами, унаследованными от первобытности. Коллективный опыт предков, выраженный в этих мифах и обрядах, все еще, во многом определял мировоззрение и социальную психологию людей. Это мировоззрение, независимо от политического строя каждого отдельного общества, имело авторитарный характер, ибо опиралось на непреложный авторитет «тех, кому ведать надлежит»,— кто считался унаследовавшим власть и мудрость предков. Лишь во второй период древности в Греции и в некоторых передовых обществах Востока авторитарное мышление стало терять власть над умами: ничто не принималось на веру, каждое положение надо было доказывать (см. «Расцвет древних обществ», лекция 14). Но и тогда, когда по истечении 2500 лет истории древнего классового общества наряду с религиозным мировоззрением начало появляться научное мировоззрение и философия, философия эта была идеологией господствующего класса; широким народным массам она оставалась чужда.

Литература:

Дьяконов И.М. Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. Общие черты первого периода Истории Древнего Мира и проблема путей развития./История Древнего мира. Ранняя Древность. - М.:Знание, 1983 - с.31-56

Лекция 2: Города-государства Шумера.

Создание упорядоченной ирригации в низовье Евфрата.

Во вводной лекции к этому разделу было рассказано о ходе возникновения первого классового общества и о том специфическом пути его развития, который сложился в нижней части долины Евфрата — в древнем Шумере и в долине Нила — в Египте. Рассмотрим конкретнее, как шло историческое развитие в ранней древности в нижней долине Евфрата, или Нижней Месопотамии(Месопотамией древние греки называли междуречье Тигра и Евфрата. Сейчас

территория исторической Месопотамии входит в Турцию, Сирию и Ирак. Нижнюю Месопотамию (южную часть совр. Ирака) называют также Двуречьем.).

Мы уже знаем, что эта страна, отделенная от всей остальной Передней Азии едва проходимыми пустынями, была заселена еще примерно в VI тысячелетии до н.э. В течение VI—IV тысячелетий поселившиеся здесь племена жили крайне бедно: ячмень, высеваемый на узкой полосе земли между болотами и выжженной пустыней и орошаемый нерегулируемыми и неравномерными разливами, приносил небольшие и неустойчивые урожаи. Лучше удавались посевы на землях, которые орошались каналами, отведенными от небольшой реки Диялы, притока Тигра. Лишь к середине IV тысячелетия до н.э. отдельные группы общин справились с созданием рациональных осушительно-оросительных систем в бассейне Евфрата.

Бассейн нижнего Евфрата—обширная плоская равнина, ограниченная с востока р. Тигром, за которым тянутся отроги, Иранских гор, а с запада — обрывами Сирийско-Аравийской полупустыни. Без надлежащих ирригационных и мелиорационных работ эта равнина местами представляет собой пустыню, местами — болотистые мелководные озера, окаймленные зарослями огромных тростников, кишущих насекомыми. В настоящее время пустынная часть равнины пересечена валами выбросов от копки каналов, и если капал — действующий, то вдоль этих валов тянутся финиковые пальмы. Кое-где над плоской поверхностью возвышаются глинистые холмы — телли. и зольные — ишаны. Это развалины городов, точнее — сотен существовавших последовательно на одном и том же месте сырцовых кирпичных домов и храмовых башен, тростниковых хижин и глинобитных стон. Однако в древности здесь еще не было ни холмов, ни валов. Болотистые лагуны занимали гораздо больше пространства, чем ныне, протянувшись поперек всего нынешнего Южного Ирака, и лишь на крайнем юге попадались низменные безлюдные острова. Постепенно ил Евфрата, Тигра и бегущих с северо-востока эламских рек (впадавших тоже в Персидский залив, как и Тигр с Евфратом, но под углом к ним в 90°) создал наносный барьер, расширивший к югу территорию равнины километров на 120. Там, где раньше болотистые лиманы свободно сообщались с Персидским заливом (это место называлось в древности «Горьким морем»), теперь протекает р. Шатт-эль-Арабд в которой ныне сливаются Евфрат и Тигр, ранее имевшие каждый свое устье и свои лагуны.

Евфрат в пределах Нижней Месопотамии разделялся на несколько русел; из них важнейшими были западное, или собственно Евфрат, и более восточное—Итурунгаль; от последнего к лагуне на юго-востоке отходил еще канал И-Яина-гена. Еще восточнее протекала река Тигр, но берега ее были пустынные, кроме того места, где в нес впадал приток Дияла.

От каждого из главных русел в IV тысячелетии до н.э. было отведено несколько меньших каналов, причем с помощью системы плотин и водохранилищ удавалось на каждом задерживать воду для регулярного орошения полей в течение всего вегетационного периода. Благодаря этому сразу возросли урожаи и стало возможно накопление продуктов. Это, в свою очередь, привело ко второму великому разделению труда, т.е. к выделению специализированных ремесел, а затем и к возможности классового расслоения, а именно к выделению класса рабовладельцев, с одной стороны, и к широкой эксплуатации подневольных людей рабского типа, или рабов в широком смысле (патриархальных рабов и илотов),— с другой.

При этом надо заметить, что чрезвычайно тяжелый труд по строительству и чистке каналов (как и другие земляные работы) выполнялся в основном не рабами, а общинниками в порядке повинности (Работы эти были необходимы для самого существования людей; тем не менее они были повинностью, т.е. формой налога, так же как воинская повинность или поборы на содержание обороны. Но не всякий налог следует рассматривать как эксплуатацию.); каждый взрослый свободный тратил на это в среднем месяц-два в год, и так было в течение всей истории древней Месопотамии. Основные земледельческие работы — пахоту и сев — также вели свободные общинники. Лишь знатные люди, облеченные властью и исполнявшие должности, считавшиеся общественно важными, лично в повинностях не участвовали, да и землю не пахали.

Массовое обследование археологами остатков древнейших поселений Нижней Месопотамии показывает, что процесс урегулирования местных мелиоративно-ирригационных систем сопровождался сселением жителей из разрозненных мельчайших поселков большесемейных общин к центру номов, где находились главные храмы с их богатыми зернохранилищами и мастерскими. Храмы являлись центрами сбора номовых запасных фондов; отсюда же по поручению управления храмов в далекие страны отправлялись торговые агенты—тамкары—обменивать хлеб и ткани Нижней Месопотамии на лес, металлы, рабынь и рабов. В начале второй четверти III тысячелетия до н.э. плотно засоленные пространства вокруг главных храмов обносят городскими стенами. Около 3000—2900 гг. до н.э. храмовые хозяйства становятся настолько сложными и обширными, что понадобился учет их хозяйственной деятельности. В связи с этим зарождается письменность.

Изобретение письменности. Протописьменный период.

Уже очень рано человеку в ходе его истории понадобилось делать сообщения не только устно, от лица к лицу, но и через время и пространство. Для этого использовались специальные мнемонические (папоминательные) знаки, изображавшие вощи, о которых надо было что-то сообщить или которые вызывали какие-то нужные ассоциации. Мы довольно много знаем о таких знаках у племен, живших еще в

XIX—XX вв. в первобытных условиях, но, к сожалению, до недавнего времени не было сведений о мнемонических знаках древних неолитических племён, пока американская исследовательница Д. Шмандт-Бессерат не обнаружила, что неолитическое население Передней Азии не позже VI—V тысячелетия до н.э. пользовалось для сообщения не только вещами, имевшими другое основное назначение (например пучок стрел для объявления войны), и не только давно исчезнувшими рисунками краской или сажой, но и объемными изображениями предметов, иногда собранными в специальные глиняные емкости-«конверты». По форме эти объемные мнемонические знаки для сообщения весьма сходны с первыми месопотамскими рисуночными знаками, уже составлявшими определенную систему.

На грани IV и III тысячелетий до н.э. в Нижней Месопотамии рисовали знаки на пластичных плитках из глины углом тростниковой палочки. Каждый знак-рисунок обозначал либо сам изображенный предмет, либо любое понятие, связывавшееся с этим предметом. Например, небосвод, зачерченный штрихами, означал «ночь» и тем самым также «черный», «темный», «больной», «болезнь», «темнота» и т.п. Знак ноги означал «идти», «ходить», «стоять», «приносить» и т.д. Грамматические формы слов не выражались, да это было и не нужно, так как обыкновенно в документ заносились только цифры и знаки исчисляемых объектов. Правда, сложнее было передавать наименование получателей предметов, но и тут на первых порах можно было обойтись наименованием их профессий: горн обозначал медника, гора (как знак чужой страны)—раба, терраса (?) (может быть, род трибуны) — вождя-жреца и т.п. Но скоро стали прибегать к ребусу: если на означало «камень», «гиря», то знак гири рядом со знаком ноги подсказывал чтение гена—«идуший», а знак «кучи» — ба рядом с тем же знаком подсказывал чтение губа — «стоящий» п т. п. Иногда ребусным способом писали и целые слова, если соответствующее понятие трудно было передать рисунком; так, ги «возвращать, добавлять» обозначалось знаком «тростника» — ги. Древнейшие тексты, написанные рисуночными мнемоническими знаками, относятся ко времени около 3000 г. до н.э. или несколько позже, но миновало не менее 600 лет, пока письмо из системы чисто напимательных знаков превратилось в упорядоченную систему передачи речевой информации во времени и на расстоянии. Это произошло около 2400 г. до н.э.

К этому времени из-за невозможности быстро проводить по глине криволинейные фигуры без заусенцев и т.п. знаки превратились уже просто в комбинации прямых черточек, в которых трудно было узнать первоначальный рисунок. При этом каждая черточка из-за нажима на глину углом прямоугольной палочки получала клиновидный характер; вследствие этого такое письмо называется клинописью. Каждый знак в клинописи может иметь несколько словесных значений и несколько чисто звуковых (обычно говорят о слоговых значениях знаков, но это неверно: звуковые значения могут обозначать и полслога, например

слог баб можно написать двумя «слоговыми» знаками: ба-аб; значение будет то же, что и при одном знаке баб, разница — в удобстве заучивания и в экономии места при написании знаков, но не в чтении). Некоторые знаки могли быть также и «детерминативами», т.е. нечитаемыми знаками, которые только указывают, к какой категории понятий относится соседний знак (деревянные или металлические предметы, рыбы, птицы, профессии и т.д.); таким образом облегчался правильный выбор чтения из нескольких возможных.

Несмотря на всю неточность письменной передачи речи в архаический период истории Нижней Месопотамии, советскому ученому А.А. Вайману удалось все же прочесть некоторые древнейшие хозяйственные документы начала III тысячелетия до н.э. Это обстоятельство, а также изучение самих рисунков, употреблявшихся для письма, наряду с данными археологии позволяют нам до известной степени восстановить древнейшую общественную историю этой страны, хотя отдельные события в течение долгого исторического периода остаются неизвестными.

Прежде всего перед нами встает вопрос о том, какой же народ создал впервые цивилизацию Нижней Месопотамии. На каком языке он говорил? Изучение языка некоторых более поздних клинописных надписей (примерно с 2500 г. до н.э.) и упоминающихся в надписях (примерно с 2700 г. до н.э.) собственных имен показало ученым, что уже в то время в Нижней Месопотамии жило население, говорившее (а позже и писавшее) по крайней мере на двух совершенно разных языках — шумерском и восточноеврейском. Шумерский язык с его причудливой грамматикой не родственен ни одному из сохранившихся до наших дней языков. Восточноеврейский язык, который позже назывался аккадским или вавилоно-ассирийским, относится к семитской семье афразийской надсемьи языков; в настоящее время к этой же семье принадлежат: ряд языков Эфиопии (в том числе язык тигре, родной язык предка Пушкина — Ганнибала»), арабский язык, язык о-ва Мальта в Средиземном море, язык иврит в Израиле и новоарамейский язык маленького народа, называющего себя ассирийцами и живущего разбросанно в разных странах, в том числе и в СССР. Сам аккадский, или вавилоно-ассирийский, язык, как и ряд других семитских языков, вымер еще до начала нашей эры. К афразийской надсемье (но не к семитскому семейству) принадлежал также древнеегипетский язык, в нее и поныне входит ряд языков Северной Африки, вплоть до Танзании, Нигерии и Атлантического океана.

Есть основание думать, что в IV тысячелетии до н.э., а может быть и позже, в долине Тигра и Евфрата ещё жило население, говорившее и на других, давно вымерших языках. Возможно, именно это население впервые создало ирригацию земли в долине р. Диялы, а также начало осваивать равнину Нижней Месопотамии, хотя в последнем случае

главная роль, очевидно, принадлежала шумерам, а в северной части области — и восточным семитам.

Что касается наиболее древних месопотамских письменных текстов (примерно с 2900 по 2500 г. до н.э.), то они, несомненно, написаны исключительно на шумерском языке. Это видно из характера ребусного употребления знаков: очевидно, что если слово «тростник» — ги совпадает со словом «возвращать, добавлять» — ги, то перед нами именно тот язык, в котором существует такое звуковое совпадение. А это — шумерский язык. Однако это не значит, что восточные семиты, а может быть, и носители другого, неизвестного нам языка не жили в Нижней Месопотамии наравне с шумерами уже и в то время и даже раньше. Нет достоверных данных, ни археологических, ни лингвистических, которые заставили бы думать, что восточные семиты были кочевниками и что они не участвовали вместе с шумерами в великом деле освоения р. Евфрат. Нет также основания считать, что восточные семиты вторглись в Месопотамию около 2750 г. до н.э., как предполагали многие ученые; напротив, лингвистические данные скорее заставляют думать, что они осели между Евфратом и Тигром уже в эпоху неолита. Все же, по-видимому, население южной части Месопотамии примерно до 2350 г. говорило в основном по-шумерски, в то время как в центральной и северной части Нижней Месопотамии наряду с шумерским звучал также и восточносемитский язык; он же преобладал и в Верхней Месопотамии.

Между людьми, говорившими на этих столь различных между собою языках, судя по наличным данным, этнической вражды не было. Очевидно, в то время люди ещё не мыслили таким и большими категориями, как одноязычные этнические массивы: и дружили между собой, и враждовали более мелкие единицы — племена, номы, территориальные общины. Все жители Нижней Месопотамии называли себя одинаково «черноголовыми» (по-шумерски санз-нгига, по-аккадски цальмат-каккади.) независимо от языка, на котором говорил каждый.

Поскольку исторические события столь древнего времени нам неизвестны, историки пользуются для подразделения древнейшей истории Нижней Месопотамии археологической периодизацией. Археологи различают Протописьменный период (2900— 2750 гг. до н.э., с двумя подпериодами)(Возможно, эти даты следует несколько удревнить.) и Раннединастический период (2750—2310 гг. до н.э., с тремя подпериодами).

От Протописьменного периода, если почитать отдельных случайных документов, до нас дошли три архива: два (один старше, другой моложе) — из г. Урука (ныне Варка), на юге Нижней Месопотамии, и один, современный более позднему из урукских, — с городища Джемдет-наср, на северо (древнее название города неизвестно). Общественный строй Протописьменного периода изучался советскими учеными Л. И. Тюменевым, который исходил

только из изучения рисунков-знаков, как таковых, и А.Л. Вайманом, которому удалось прочесть некоторые из документов целиком.

Заметим, что письменная система, применявшаяся в Протописьменный период, была, несмотря на свою громоздкость, совершенно тождественной на юге Нижней Месопотамии и на севере. Это говорит в пользу того, что она была создана в одном центре, достаточно авторитетном для того, чтобы тамошнее изобретение было заимствовано разными номовыми общинами Нижней Месопотамии, несмотря на то что между ними по было ни экономического, ни политического единства и их магистральные каналы были отделены друг от друга полосами пустыни. Этим центром, по-видимому, был город Ниппур, расположенный между югом и севером нижнеевфратской равнины. Здесь находился храм бога Энлиля, которому поклонялись все «черноголовые», хотя каждый ном имел и собственную мифологию и пантеон (систему божеств). Вероятно, здесь был ритуальный центр шумерского племенного союза еще в догосударственный период. Политическим центром Ниппур не был никогда, по важным культурным центром он оставался долго.

Все документы происходят из хозяйственного архива храма Эанны, принадлежавшего богине Инане, вокруг которого консолидировался город Урук, и из аналогичного храмового архива, найденного на городище Джемдет-наср. Из документов видно, что в храмовом хозяйстве было множество специализированных: ремесленников и немало пленных рабов и рабынь; однако рабы-мужчины, вероятно, сливались с общей массой зависимых от храма людей — во всяком случае, так, бесспорно, обстояло дело двумя столетиями позже. Выясняется также, что община выделяла большие участки земли своим главным должностным лицам — жрецу-прорицателю, главному судье, старшей жрице, старшине торговых агентов. Но львиная доля доставалась жрецу, носившему звание эн.

Эн был верховным жрецом в тех общинах, где верховным божеством почиталась богиня; он представлял общину перед внешним миром и возглавлял ее совет; он же участвовал в обряде «священного брака», например, с богиней Инаной урукской — обряде, по-видимому считавшемся необходимым для плодородия всей урукской земли. В общинах, где верховным божеством был бог, существовала жрица-эн (иногда известная и под другими титулами), также участвовавшая в обряде священного брака с соответствующим божеством.

Земля, выделенная эн, — ашаг-эн, или ниг-эна, — постепенно стала специально храмовой землей; урожай с нее шел в запасный страховой фонд общины, на обмен с другими общинами и странами, на жертвы богам и на содержание персонала храма—его ремесленников, воинов, земледельцев, рыбаков и др. (Жрецы обычно имели свою личную землю в общинах помимо храмовой). Кто обрабатывал землю ниг-эна в Протописьменный период, ним пока не совсем ясно; позже ее возделывали илоты разного рода. Об этом нам рассказывает еще

один архив из соседнего с Уруком города—архаического Ура, а также и некоторые другие; они относятся уже к началу следующего, Раннединастического периода.

Раннединастический период.

Выделение Раннединастического периода в особый, отличный от Протописьменного, имеет разнообразные археологические причины, разбирать которые здесь было бы трудно. Но и чисто исторически Раннединастический период выделяется достаточно четко.

В конце III тысячелетия до н.э. шумеры создали род примитивной истории—«Царский список», перечень царей, якобы поочередно и последовательно от начала мира правивших в разных городах Месопотамии, Цари, правившие подряд в одном и том же городе, условно составляли одну «династию». В действительности в этот список попали как исторические, так и мифические персонажи, причем династии отдельных городов нередко на самом деле правили не последовательно, а параллельно. Кроме того, большинство из перечисленных правителей не были еще царями: они носили звания верховных жрецов-эн, «больших людей» (т.е. вождей-военачальников, лу-галь, лугаль) или жрецов-строителей (?—энси). Принятие правителем того или иного титула зависело от обстоятельств, от местных городских традиций и т.п. Цифры лет, выражающие в списке продолжительность отдельных правлений, лишь в редких случаях достоверны, чаще же являются плодом позднейших произвольных манипуляций с числами; в основе «Царского списка» лежит, по существу, счет поколений, причем по двум главным, первоначально независимым линиям, связанным с городами Уруком и Уром на юге Нижней Месопотамии и с городом Кишем — на севере. Если отбросить вовсе фантастические династии «Царского списка», правившие «до потопа», то начало I Кишской династии — первой «после потопа» — приблизительно будет соответствовать началу Раннединастического периода по археологической периодизации (эта часть Раннединастического периода условно называется РД I). Именно к этому времени относится упоминавшийся выше архаический архив из соседнего с Уруком города Ура.

Предпоследний из правителей I династии Киша — Эн-Менбарагеси, первый шумерский государственный деятель, о котором нам сообщает не только «Царский список», но и его собственные надписи, так что в его историчности не приходится сомневаться. Он воевал с Эламом, т.е. с городами в долине рек Каруна и Керхе. соседними с Шумером и проходившими тот же путь развития. Пожалуй, также не вызывает сомнений историчность сына Эн-Мепбарагеси — Агги, известного нам кроме «Царского списка» лишь из эпической песни, дошедшей в записи, сделанной почти на тысячу лет позже. Согласно этой песне, Агга пытался подчинить своему родному Кишу южный Урук и совет старейшин Урука готов был на это согласиться. Но народное собрание города, провозгласив вождя-жреца (эна) по имени сопротивление.

Осада Аггой Урука была неудачна, и в результате сам Киш вынужден был подчиниться Гильгамешу урукскому, принадлежавшему, согласно «Царскому списку», к I династии Урука.

Гильгамеш явился впоследствии героем целого ряда шумерских эпических песен, а затем и величайшей эпической поэмы, «составленной на аккадском (восточноеврейском) языке. О них будет рассказано в лекции о шумерской и вавилонской культурах. Заметим здесь лишь, что привязка эпического сюжета к историческому лицу — весьма обычное явление в истории древних литератур; тем не менее мифы, составляющие сюжет эпических песен о Гильгамеше, гораздо старше Гильгамеша исторического. Но он, во всяком случае, был, очевидно, достаточно замечательной личностью, чтобы запомниться так крепко позднейшим поколениям (уже вскоре после его смерти он был обожествлен, и имя его было известно на Ближнем Востоке еще в XI в. н.э.). Эпосы представляют в качестве его важнейших подвигов постройку городской стены Урука и поход за кедровым лесом (согласно более поздней традиции — па Ливан, по первоначальному, вероятно, легенда говорила о походе за лесом в более близкие горы Ирана. Был ли действительно такой поход, неизвестно).

С Гильгамеша начинается второй этап Раннединастического периода (РД II). О социально-экономических условиях этого времени известно еще из одного архива, найденного в древнем городке Шуруппак и содержащего хозяйственные и юридические документы, а также учебные тексты XXVI в. до. н.э. (Такие тексты, а также первые записи литературных произведений найдены и на другом городище того же времени, сейчас называемом Абу-Салабих.). Одна часть этого архива происходит из храмового хозяйства, другая же — из частных донов отдельных общинников.

Из этих документов мы узнаем, что территориальная община (ном) Шуруппак входила в военный союз общин, возглавлявшихся Уруком. Здесь, по-видимому, правили тогда прямые потомки Гильгамеша — I династия Урука. Часть шуруппакских воинов была размещена по различным городам союза, в основном же урукские лугали, видимо, не вмешивались во внутренние общинные дела. Хозяйство храма уже довольно четко отделялось от земли территориальной общины и находившихся на ней частных хозяйств домашних большесемейных общин, но связь храма с общиной оставалась при всем том достаточно ощутимой. Так, территориальная община помогала храмовому хозяйству в критические моменты тягловой силой (ослами), а может быть, и трудом своих членов, а храмовое хозяйство поставляло пищу для традиционного пира, которым сопровождалось народное собрание. Правителем нома Шуруппак был энси — малозначительная фигура; ему выделялся сравнительно небольшой надел, и, видимо, совет старейшин и некоторые жрецы были важнее его. Счет лет велся не по годам правления энси, а по годичным периодам, в течение которых, по-видимому, какая-то ритуальная должность по очереди

выполнялась представителями разных храмов и территориальных общин низшего порядка, составлявших ном Шуруппак.

Работали в храмовом хозяйстве ремесленники, скотоводы и земледельцы самых различных социальных наименований, преимущественно, по-видимому, за паек, однако некоторым из них при условии службы выдавали и земельные наделы — конечно, не в собственность. Все они были лишены собственности на средства производства и эксплуатировались внеэкономическим путем. Некоторые из них были беглецами из других общин, некоторые — потомками пленных; женщины-работницы прямо обозначались как рабыни. Но многие, возможно, были людьми местного происхождения.

Вне храма домашние большесемейные общины иной раз продавали свою землю; плату за неё получал патриарх семейной общины или, если он умер, неразделившиеся братья следующего поколения; другие взрослые члены общины получали подарки или символическое угощение за свое согласие на сделку. Плата за землю (в продуктах или в меди) была очень низкой, и, возможно, после определенного периода времени «покупатель» должен был возвращать участок домашней общине первоначальных хозяев.

К середине III тысячелетия до н.э. наряду с военными и культовыми вождями (лугалями, эпами и энси), находившимися: в полной политической зависимости от советов старейшин своих номов, четко наметилась новая фигура — лугаль-гегемон. Такой лугаль опирался на своих личных приверженцев и дружину, которых он мог содержать, не спрашиваясь у совета старейшин; с помощью такой дружины он мог завоевать другие номы и таким образом стать выше отдельных советов, которые оставались чисто номовыми организациями. Лугаль-гегемон обычно принимала на севере страны звание лугалья Киша (по игре слов это одновременно означало «лугаль сил», «лугаль воинств» (Часто переводят также «царь вселенной», но это, по-видимому, неточно.)), а на юге страны — звание лугалья всей страны; чтобы получить это звание, нужно было быть признанным в храме г. Ниппура.

Для того чтобы приобрести независимость от номовых общинных органов самоуправления, лугалям нужны были самостоятельные средства, и прежде всего земля, потому что вознаграждать своих сторонников земельными наделами, с которых те кормились бы сами, было гораздо удобнее, чем полностью содержать их на хлебные и иные пайки. И средства и земля были у храмов. Поэтому лугали стали стремиться прибрать храмы к рукам — либо женясь на верховных жрицах, либо заставляя совет избрать себя сразу и военачальником, и верховным жрецом, при этом поручая храмовую администрацию вместо общинных старейшин зависимым и обязанным лично правителю людям.

Наиболее богатыми лугалями были правители I династии Ура, сменившей I династию соседнего Урука,— Месанепада и его преемники (позднейшие из них переселились из Ура в Урук и образовали II династию Урука). Богатство их было основано не только на захвате ими храмовой земли (о чем мы можем догадываться по некоторым косвенным данным)(Так, Месанепада титуловал себя «мужем (небесной ?) блудницы» - то ли это значит «небесной блудницы, богини Инаны урукской», то ли «жрицы богини Инаны». В любом случае это означает, что он претендовал на власть над храмом Инаны.), но и на торговле.

При раскопках в Уре археологи наткнулись на удивительное :погребение. К нему вёл пологий ход, в котором стояли повозки, запряженные волами; вход в склеп охранялся воинами в шлемах и с копьями. И волы и воины были умерщвлены при устройстве погребения. Сам склеп представлял собой довольно большое, выкопанное в земле помещение; у стен его сидели (вернее, когда-то сидели — археологи нашли их скелеты упавшими на пол) десятки женщин, некоторые с музыкальными инструментами. Их волосы были некогда отброшены на спину и придерживались надо лбом вместо лепты серебряной полоской. Одна из женщин, как видно, не успела надеть свой серебряный обруч, он остался в складках ее одежды, и на металле сохранились отпечатки дорогой ткани.

В одном углу склепа была маленькая кирпичная опочивальня под сводом. В ней оказалось не обычное шумерское погребение, как можно было бы ожидать, а остатки ложа, на котором навзничь лежала женщина в плаще из синего бисера, сделанного из привозного камня — лазурита, в богатых бусах из сердолика и золота, с большими золотыми серьгами и в своеобразном головном уборе из золотых цветов. Судя по надписи на ее печати, женщину звали Пуаби(Чтение имени, как часто случается в Древнемесопотамских надписях, ненадёжно, но, во всяком случае, оно не может читаться Шуб-ад, как предлагается в популярных и части специальных работ.). Было найдено много золотой и серебряной утвари Пуаби, а также две необыкновенной работы арфы со скульптурными изображениями быка и коровы из золота и лазурита на резонаторе.

Археологи нашли поблизости ещё несколько погребений такого же рода, но сохранившихся хуже; ни в одном из них останки центрального персонажа не сохранились.

Это погребение вызвало у исследователей большие споры, которые не прекратились и до сих пор. Оно не похоже на другие погребения этой эпохи, в том числе и на обнаруженное также в Уре шахтное погребение царя того времени, где покойник был найден в золотом головном уборе (шлеме) необычайно тонкой работы.

Ни на одной из жертв в погребении Пуаби не было найдено следов насилия. Вероятно, все они были отравлены — усыплены. Вполне

возможно, что они подчинились своей судьбе добровольно, чтобы продолжать в ином мире привычную службу своей госпоже. Во всяком случае, невероятно, чтобы воины охраны Нуаби и ее придворные женщины в их дорогом убранстве были простыми рабынями. Необычность этого и других сходных погребении, растительные символы да уборе Нуаби, то, что она лежала как бы на брачном ложе, тот факт, что па её золотых арфах были изображены бородатый дикий бык, олицетворение урского бога Наины (бога Лупы), и дикая корова, олицетворение жены Наины, богини Нингаль,— все это привело некоторых исследователей к мысли, что Нуаби была не просто женой урукского лугаяля, а жрицей-эп, участницей обрядов священного брака с богом луны.

Как бы то ни было, погребение Пуаби и другие погребения времени I династии Ура (ок. XXV в. до н.э.) свидетельствуют об исключительном богатстве правящей верхушки урского государства, возглавлявшего, видимо, южный союз нижнемесопотамских шумерских номов. Можно довольно уверенно указать и на источник этого богатства: золото и сердоликовые бусы Пуаби происходят с п-ова Индостан, лазурит — из копей Бадахшана в Северном Афганистане; надо думать, что он тоже прибыл в Ур морским путем через Индию. Не случайно, что погребения лугалей Киша того времени значительно беднее: именно Ур был портом морской торговли с Индией. Высоконосые шумерские корабли, связанные из длинных тростниковых стволов и промазанные естественным асфальтом, с парусом из циновок на мачте из толстого тростника, плавали вдоль берегов Персидского залива до о-ва Дильмун (ныне Бахрейн) и далее в Индийский океан и, возможно, доходили до портов Мелахи (В литературе называется также Мелуххой; оба чтения допустимы.) — страны древнеиндской цивилизации — недалеко от устья р. Инд.

С I династии Ура начинается последняя стадия Раннединастического периода (РД III). Помимо г. Ура в Нижней Месопотамии в это время были другие независимые номовые общины, и некоторые из них возглавлялись лугаялями, не менее лугалей Ура стремившимися к гегемонии. Все они жили в постоянных стычках друг с другом—это характерная черта периода; воевали из-за плодородных полос земли, из-за каналов, из-за накопленных богатств. В числе государств, правители которых претендовали на гегемонию, самым важным был ном Киш на севере Нижней Месопотамии и ном Лагаш на юго-востоке. Лагаш был расположен на рукаве Евфрата — И-Нина-гене и выходил на лагуну р. Тигр. Столицей Лагаша был город Гирсу.

Из Лагаша до нас дошло гораздо больше документов и надписей этого периода, чем из других городов Нижней Месопотамии. Особенно важен дошедший архив храмового хозяйства богини Бабы. Из этого архива мы узнаем, что храмовая земля делилась на три категории: 1) собственно храмовая земля ниг-эна, которая обрабатывалась зависимыми земледельцами храма, а доход с нее шел отчасти на содержание персонала хозяйства, но главным образом составлял

жертвенный, резервный и обменный фонд; 2) наделная земля, состоявшая из участков, которые выдавались части персонала храма— мелким администраторам, ремесленникам и земледельцам; из держателей таких наделов набиралась и военная дружина храма; нередко надел выдавался на группу, и тогда часть работников считалась зависимыми «людьми» своего начальника; наделы не принадлежали держателям на праве собственности, а были лишь формой кормления персонала; если администрации почему-либо было удобнее, она могла отобрать надел или вовсе не выдавать его, а довольствовать работника пайком; только пайком обеспечивались рабыни, запятые ткачеством, прядением, уходом за скотом и т.п., а также их дети и все мужчины-чернорабочие: они фактически были на рабском положении и нередко приобретались путем покупки, но дети рабынь впоследствии переводились в другую категорию работников; 3) издольная земля, которая выдавалась храмами, по-видимому, всем желающим на довольно льготных условиях: некоторая доля урожая должна была держателем участка такой земли уступаться храму.

Помимо этого, вне храма по-прежнему существовали земли большесемейных домашних общин; на этих землях рабский труд, насколько мы можем судить, применялся лишь изредка.

Крупные должностные лица помового государства, включая жрецов и самого правителя, получали весьма значительные имения по своей должности. На них работали их зависимые «люди», точно такие же, как и на храмовой земле. Не совсем ясно, считались ли такие земли принадлежащими к государственному фонду п находящимися лишь в пользовании должностных лиц или же их собственностью. По всей видимости, это было недостаточно ясно и самим лагашцам. Дело в том, что собственность в отличие от владения заключается прежде всего в возможности распоряжаться её объектом по своему усмотрению, в частности отчуждать её, т.е. продавать, дарить, завещать. По понятие о возможности полного отчуждения земли противоречило самым коренным представлениям, унаследованным древними месопотамцами от первобытности, а у богатых и знатных людей не могло возникать п потребности в отчуждении земли: напротив, отчуждать землю иногда приходилось бедным семьям общинников, для того чтобы расплатиться с долгами, однако такие сделки, видимо, не считались полностью необратимыми. Иногда правители могли принудить кого-либо к отчуждению земли в свою пользу. Отношения собственности, полностью отражающие классово антагонистическую структуру общества, в Нижней Месопотамии III тысячелетия до н.э., видимо, еще не вылились в достаточно отчетливые формы. Для нас важно, что уже существовало расслоение общества на класс имущих, обладавших возможностью эксплуатировать чужой труд; класс трудящихся, но эксплуатируемых еще, но и не эксплуатирующих чужой труд: и класс лиц, лишенных собственности на средства производства и подвергающихся внеэкономической эксплуатации; в его состав входили эксплуатируемые работники, закрепленные за большими хозяйствами (илоты), а также патриархальные рабы.

Хотя эти сведения дошли до нас преимущественно из Лагаша (XXV—XXIV вв. до н.э.), но есть основания полагать, что аналогичное положение существовало и во всех других номах Нижней Месопотамии, независимо от того, говорило ли их население по-шумерски или по-восточносемитски. Однако ном Лагаш был во многом на особом положении. По богатству лагашское государство уступало разве только Уру—Уруку; лагашский порт Гуаба соперничал с Уром в морской торговле с соседним Эламом и с Индией. Торговые агенты (тамкары) были членами персонала храмовых хозяйств, хотя принимали и частные заказы на покупку заморских товаров, в том числе и рабов.

Лагашские правители не менее прочих мечтали о гегемонии в Нижней Месопотамии, но путь к центру страны преграждал им соседний город Умма около того места, где рукав И-Нина-гены отходил от рукава Итурупгаль; с Уммой к тому же, в течение многих поколений шли кровавые споры из-за пограничного между нею и Лагашем плодородного района. Лагашские правители носили титул энси и получали от совета или народного собрания звание лугалья только временно, вместе с особыми полномочиями — на время важного военного похода или проведения каких-либо других важнейших мероприятий.

Войско правителя шумерского нома этого времени состояло из сравнительно небольших отрядов тяжеловооруженных воинов. Помимо медного конусообразного шлема они были защищены тяжелыми войлочными бурками с большими медными бляхами или же огромными медноковаными щитами; сражались они сомкнутым строем, причем задние ряды, защищенные щитами переднего ряда, выставляли вперед, как щетину, длинные копья. Существовали и примитивные колесницы на сплошных колесах, запряженные, по-видимому, онаграми (Лошадь еще не была одомашнена, но возможно, что в горных районах Передней Азии уже отлавливались кобылы для скрещивания с ослами.) — крупными полудикими ослами, с укрепленными на переднике колесницы колчанами для метательных дротиков.

В стычках между такими отрядами потери были относительно невелики — убитые насчитывались не более чем десятками. Воины этих отрядов получали наделы на земле храма или на земле правителя и в последнем случае были преданы ему. Но лугаль мог поднять и народное ополчение как из зависимых людей храма, так и из свободных общинников. Ополченцы составляли легкую пехоту и были вооружены короткими копьями.

Во главе как тяжеловооруженных, так и ополченческих отрядов правитель Лагаша Эанатум, временно избранный лугалем, разбил вскоре после 2400 г. до н.э. соседнюю Умму и нанес ей огромные по тем временам потери в людях. Хотя в своем родном Лагаше он должен был в дальнейшем довольствоваться только титулом энси, он успешно

продолжал войны с другими номами, в том числе с Уром и Кишем, и в конце концов присвоил себе звание лугалья Киша. Однако его преемники не смогли надолго удержать гегемонию над прочими номами.

Через некоторое время власть в Лагаше перешла к некоему Энентарзи. Он был сыном верховного жреца местного номового бога Нингирсу и потому был сам его верховным жрецом. Когда он стал энси Лагаша, он соединил правительские земли с землями храма бога Нингирсу, а также храмов богини Бабы (его жены) и их детей; таким образом, в фактической собственности правителя и его семьи оказалось более половины всей земли Лагаша. Многие жрецы были смещены, и администрация храмовых земель перешла в руки слуг правителя, зависимых от него. Люди правителя стали взимать различные поборы с мелких жрецов и зависимых от храма лиц. Одновременно, надо полагать, ухудшилось положение и общинников — есть смутные известия о том, что они были в долгах у знати: имеются документы о продаже родителями своих детей из-за обнищания. Причины его в частности неясны: тут должны были играть роль возросшие поборы, связанные с ростом государственного аппарата, и неравное распределение земельных и прочих ресурсов в результате социального и экономического расслоения общества, а в связи с этим необходимость в кредите на приобретение посевного зерна, орудий и др.: ведь металла (серебра, меди) в обращении было крайне мало.

Все это вызывало недовольство самых разных слоев населения в Лагаше. Преемник Энентарзи Лугальанда, был низложен, хотя, может быть, и продолжал жить в Лагаше как частное лицо, а на его место был избран (по-видимому, народным собранием) Урунимгина (2318—2310 [?] г. до н.э.) (Раньше его имя неправильно читали «Урукагина»). Во втором году его правления он получил полномочия лугалья и провел реформу, о которой по его приказанию были составлены надписи. По-видимому, он не первый в Шумере осуществил подобные реформы — периодически они проводились и ранее, но только о реформе Урунимгины мы знаем благодаря его надписям несколько подробнее. Она сводилась формально к тому, что земли божеств Нингирсу, Бабы и др. были вновь изъяты из собственности семьи правителя, что прекращены были противоречащие обычаю поборы и некоторые другие произвольные действия людей правителя, улучшено положение младшего жречества и более состоятельной части зависимых людей в храмовых хозяйствах, отменены долговые сделки и т.п. Однако по существу положение изменилось мало: изъятие храмовых хозяйств из собственности правителя было чисто номинальным, вся правительская администрация осталась на своих местах. Причины обеднения общинников, заставлявшие их брать в долг, также не были устранены. Между тем Урунимгина ввязался в войну с соседней Уммой; эта война имела для Лагаша тяжелые последствия.

В Умме в это время правил Лугальзагеси, унаследовавший от I династии Ура—II династии Урука власть над всем югом Нижней Месопотамии, кроме Лагаша. Война его с Уруинимгиной длилась несколько лет и окончилась захватом доброй половины территории Уруинимгины и упадком остальной части его государства. Разбив Лагаш в 2312 г. до н.э. (дата условная)(Вес приводившиеся в настоящей главе даты могут содержать ошибку порядка ста лет в ту или другую сторону, но по отношению друг к другу расстояния между двумя указанными датами не расходятся более чем на одно поколение. Например, дата начала Протописьменного периода (2900 г. в этой главе) может на самом деле колебаться между 3000 и 2800 гг. до н.э., дата начала правления Эанатума (2400 г. в этой главе) — от 2500 до 2300 г. Но расстояние от начала правления Эанатума до конца правления Уруинимгины (90 лет. или три поколения, по принятым в этой главе хронологическим подсчетам) не может быть менее двух или более четырех поколений.), Лугальзагеси нанес поражение затем и Кишу, добившись того, что северные правители стали пропускать его торговцев, для которых уже до этого был открыт путь по Персидскому заливу в Индию, также и на север — к Средиземному морю, к Сирии и Малой Азии, откуда доставлялись ценные сорта леса, медь и серебро. Но вскоре Лугальзагеси сам потерпел сокрушительное поражение, о котором будет рассказано далее.

Литература:

Дьяконов И.М. Годы-государства Шумера./История Древнего мира. Ранняя Древность.- М.:Знание, 1983 - с.57-72

Лекция 3: Ранние деспотии в Месопотамии.

Государство Саргонидов.

Лугальзагеси, покорив почти всю южную часть Нижней Месопотамии (Шумер), не попытался создать единое государство. Опираясь на традиционную верхушку храмовой и общинной знати шумерских номов, он довольствовался тем, что в каждом принимал из рук местных старейшин местные жреческие или правительские титулы. Борьбу со своими противниками он не довел до конца: победив Киш, он не уничтожил лугалей Киша, победив Лагаш, не сумел отстранить от власти Уруинимгину. Шумер при Лугальзагеси представлял собой нечто похожее на военные союзы номов времен Гильгамеша и Агги.

Между тем Лугальзагеси пришлось столкнуться с новым и совершенно неожиданным противником. Это был человек, который в исторической науке условно обозначается как Саргон Древний (ок. 2316—2261 гг. до н.э.); он происходил из жителей северной части

Нижней Месопотамии, говоривших на восточноеврейском языке; на этом языке он называл себя Шаррум-кен, что означает «царь—истинен». Как полагают историки, такое прозвание не было его первоначальным именем; он присвоил его, когда объявил себя царем.

Позднейшие древневосточные легенды единодушно считали Саргона Древнего человеком очень незнатного происхождения — нет основания сомневаться в достоверности этой традиции. Считали, что он был садовником и приемным сыном водоноса, потом стал личным слугой лугалья Киша, а после поражения, которое нанес Кишу Лугальзагеси, выкроил себе собственное царство (По легенде, Саргон находился под особым покровительством Иштар, богини битв.).

Саргон не связал своей судьбы с какими бы то ни было вековыми общинными или родовыми традициями; он возвысил почти неизвестный городок (где-то, по-видимому, на орошаемых землях, ранее принадлежавших Кишу). Этот городок назывался Аккаде. После падения династии Саргона город Аккаде был разрушен полностью; от него не осталось следов, и до сих пор археологи не могут обнаружить городища, под которым скрывались бы его развалины. Но он сыграл большую роль в истории, и впоследствии вся область северной части Нижней Месопотамии (между Евфратом и Тигром, включая нижнюю часть долины р. Диялы) стала называться Аккадом; восточноеврейский язык с тех пор и в течение последующих двух тысячелетий тоже назывался аккадским языком.

Не имея корней в традиционных родах, не будучи связан с их храмами и знатью, Саргон, по-видимому, опирался на более или менее добровольное народное ополчение. Традиционной тактике стычек между небольшими тяжеловооруженными отрядами, которые сражались в сомкнутом строю, Саргон и его преемники противопоставили тактику больших масс легковооруженных подвижных воинов, действовавших цепями или враспыленную. Шумерские пугали из-за отсутствия в Шумере достаточно гибких и упругих сортов дерева для луков совершенно отказались от стрелкового оружия; Саргон и Саргониды, напротив, придавали большое значение лучникам, которые были способны издали осыпать неповоротливые отряды щитоносцев и копьеносцев тучей стрел и расстреливать их, не доходя до рукопашной. Очевидно, либо Саргон имел доступ к зарослям тиса (или лещины) в предгорьях Малой Азии или Ирана, либо в его время был изобретен составной, или клееный, лук из рога, дерева и жил. Хороший лук — это грозное оружие, которое бьет прицельно на 200 м и более; из него можно делать 5—6 выстрелов в минуту при запасе стрел в колчане от 30 до 50; на близком расстоянии стрела пробивает толстую доску.

События, которые в Лагаше привели к перевороту Уруинимгины, показывают, что в обществе накопилось много недовольства существовавшими порядками, и Саргон, видимо, повсеместно находил поддержку. Беднейшая часть общинников была заинтересована в

укрощении непомерно усиливавшейся номовой знати, а служба в войске Саргона давала многим надежду на социальное и имущественное продвижение, какое в предшествующие времена было таким людям недоступно; да и внутри персонала храмовых и правительственных хозяйств существовало достаточно сильное расслоение для того, чтобы и тут нашлись люди, готовые поддержать разрушение номовых порядков. Именно из таких людей происходил и сам Саргон. Объединение страны в единое государство казалось полезным для развития ее производительных сил: могли бы прекратиться бесконечные кровавые распри из-за каналов и перекройка ирригационных сетей; могла бы упроститься торговля.

Саргон начал, по-видимому, с того, что распространил свою власть на Верхнюю Месопотамию, возможно дойдя до Средиземного моря; затем он предложил Лугальзагеси породниться с ним путем дипломатического брака; Лугальзагеси отказал. Саргон перешел к военным действиям и быстро разгромил своего противника; Лугальзагеси был взят в плен и в медных оковах проведен в торжественной процессии через «ворота бога Энлиля» в Ниппуре. Затем его, вероятно, казнили, а Саргон в короткий срок завоевал все важнейшие города Нижней Месопотамии, в том числе целиком был завоеван и Лагаш; воины Саргона, уже побывавшие до того у Средиземного моря, теперь омыли оружие в Персидском заливе. Позже его войска совершали и еще походы—в Малую Азию («Серебряные горы») и в Элам.

Номы и при Саргоне сохранили каждый свою внутреннюю структуру. Но отдельные энси превратились теперь фактически в чиновников, ответственных перед царем. Они же объединили в своих руках управление храмовыми хозяйствами, которые также были подчинены царю. Представителей сохранившихся знатных номовых родов, особенно правительских, Саргон и его преемники держали при своем дворе на положении не то вельмож, не то заложников.

Саргон имел свое постоянное войско (причем воины были расселены вокруг г. Аккаде), а также опирался на ополчение. Поэтому он не нуждался в дружинах воинов, сидевших на наделах, которые выдавались от храмовых хозяйств, и они были распущены. Вообще Саргониды предпочитали выдавать работникам пайки и уменьшили число наделов, выдававшихся персоналу государственных хозяйств. Это позволяло повысить норму его эксплуатации.

Саргон ввел единообразные меры площади, веса и т.п. по всей стране, заботился о поддержании сухопутных и водных путей; по преданию, корабли из Мелахи (Индии) поднимались при нем вверх по реке до пристани г. Аккаде и среди диковинных товаров здесь можно было видеть слонов и обезьян. Однако этот расцвет торговли продолжался недолго.

Саргон всячески подчеркивал свое уважение к богам, особенно к богу-покровителю Аккаде (он назывался Абба или Амба) и к Энлилю ниппурскому, делал храмам большие подарки, стараясь привлечь на свою сторону жречество. Свою дочь (Звали ее Эн-Хедуанна; ей, возможно, принадлежит авторство ряда религиозно-поэтических гимнов.) он отдал в жрицы-эн, по-аккадски энту, богу Луны Нанне в Ур; с тех пор стало традицией, чтобы старшая дочь царя была энту Наины. Тем не менее отношения между жречеством и царями, особенно при потомках Саргона, видимо, были холодными. Саргониды во всем — в титулатуре, в обычаях, в художественных вкусах — порвали с традициями раннединастической поры; в искусстве место надчеловеческого и потому безликого образа божества — или жреца, предстоящего перед божеством, — заступает образ сильной индивидуальности, каким был Саргон и близкие ему люди, своими способностями пробившиеся к могуществу; в устной словесности центральное положение занимает героический эпос. Но только единицы смогли действительно пробиться из низов к власти, да и то лишь в начальный период правления Саргона — потом создалась новая служилая знать, ряды которой не пополнялись; и хотя при Саргоне созывалось, по преданию, собранно его поиска, по собственно народные собрания, а также и советы старейшин потеряли всякое значение как органы чисто номовые, а не общегосударственные. В общегосударственном масштабе царь обладал теперь деспотической властью, т.е. не только его собственная власть не вручалась ему никаким другим органом — советом или народным собранием, — но и рядом с ним и в помощь ему не существовало никакой законной власти. Таким образом, народные массы, поддержавшие Саргона, мало выиграли от его победы, а в конечном счете много потеряли, потому что деспотически-бюрократический образ правления установился в Месопотамии на тысячелетия.

Народ это очень скоро ощутил и понял. По преданию, жители городов поднимали мятеж еще при самом Саргоне, причем он на старости лет должен был бежать и прятаться в канаве, хотя потом и одолел мятежников. А сыновья Саргона, Римуш и Маништушу, правившие друг за другом после него, встретились с единодушным и упорным сопротивлением по всей Нижней Месопотамии. Восставали энси городов и знать, причем теперь их поддержало множество людей разного социального положения; подавляя восстание, Римуш вырезал целые города своей страны, казнил многие тысячи пленников.

Заметим, что и тут, как и в Раннединастический период, мы не обнаружим этнической вражды. Часто называют династию г. Аккаде семитской в противоположность более ранним и более поздним, которые якобы были шумерскими. Правда, Саргон и его потомки принадлежали к той части жителей севера Нижней Месопотамии, которая говорила по-восточносемитски (по-аккадски), и естественно, что он в первую очередь возвышал своих земляков, среди которых тоже многие или даже большинство говорили по-аккадски. Однако семитоязычными были уже и некоторые гораздо более ранние

династии; не только в Кише, но и в Уре восточноеврейская речь была распространена по крайней мере с начала периода РД III, если не ранее; пожалуй, один лишь Лагаш оставался почти целиком шумероязычным. Но и при Саргоне, и при его потомках шумерский язык оставался официальным языком надписей и делопроизводства, и лишь на втором месте рядом с ним употреблялся аккадский.

По преданию, Римуша убила знать, закидав его тяжелыми каменными печатями; как видно, в присутствии царя не полагалось находиться с оружием. Однако брат его Маништушу продолжал ту же политику. Ему тоже пришлось жестоко подавлять мятежи в собственном государстве. Воспользовавшись тяжелым положением городов, опустошенных резней при его брате Римуше и при нем самом, и желая увеличить государственный сектор хозяйства, он принудительно скупал землю у их граждан за номинальную цену. Существенно, однако, что он не считал возможным просто отобрать эту землю, а проделывал все формальности, существовавшие для покупки земли частным лицом, и совершал сделку при свидетелях как со своей стороны, так и со стороны вынужденных продавцов, а в случае особо крупных массивов земли запрашивал согласие на сделку у местного народного собрания. Из этого видно, что древние цари, несмотря на деспотический характер их власти, не являлись собственниками всей земли государства и для приобретения земельных угодий должны были их покупать на общих основаниях; своим могуществом они пользовались лишь для установления крайне низкой, почти символической цены.

Сделки Маништушу по покупке земли были по его приказу записаны на большом каменном обелиске, который дошел до нашего времени. Поскольку в эти сделки вовлекалось большое число людей, постольку текст надписи на обелиске Маништушу дает нам возможность установить структуру нижнемесопотамского общества XXIII в. до н.э. вне государственного сектора. Выясняется, что и в это время, как и в Раннединастический период, общинники жили большесемейными домашними общинами — «домами», включавшими от одного до четырёх поколений и возглавлявшимися патриархами; каждая домашняя община владела своей землей, причем внутри ее индивидуальные семейные ячейки получали каждая свою долю. Продавать такую долю, всю или частично, можно было только с разрешения большесемейной общины в целом; продавец получал «плату», а его родичи — разные приплаты («подарки») в личную собственность. Продавать землю целой большесемейной общины, всю или частично, можно было соответственно лишь с разрешения всех родственных большесемейных общин, патриархи которых происходили от общего предка по мужской линии, причем «плату» получал патриарх продающей общины, а приплаты и угощения — прочие родичи из всех заинтересованных «домов». Наконец, если продавалась земля сразу нескольких «домов», особенно если их мужчины принадлежали более чем к одному роду, требовалось

согласие народного собрания территориальной общины или всего нома. Пир народному собранию устраивал покупатель — царь.

Походы, которые еще Саргоп совершал в соседние страны (Сирию, Малую Азию, Элам), продолжали и его сыновья. По-видимому, цари считали единовременный грабеж соседних стран выгоднее для себя, чем те сборы и доходы, которые они могли получать с торговли. Маништушу совершал походы далеко на восток, как по морю, так и посуху; он дошел до эламского города Аншана в глубине Ирана, около современного Шираза.

В Эламе в это время процветала цивилизация, весьма сходная с шумеро-аккадской раннединастической. Эламский язык был родствен дравидским языкам современной Южной Индии. Для него под известным влиянием шумерского письма еще в первой четверти III тысячелетия до н.э. было создано особое, пока не дешифрованное иероглифическое письмо, употреблявшееся для хозяйственного учета, по-видимому, тоже в храмовых хозяйствах, как и в Шумере. В целом Элам шел по тому же пути развития, что и Нижняя Месопотамия. Однако область эламской цивилизации охватывала не только наносную иловую равнину рек Карун и Керхе, в значительной мере семитизированную, но и горные местности вплоть до границ нынешнего Афганистана и стран древнеиндийской цивилизации.

Царям Аккаде, несмотря на ряд походов, вероятно, не удалось по-настоящему покорить Элам, и племянник Маништушу царь Нарам-Суэн, в конечном счете заключил с эламитам письменный договор, по которому Элам обязался согласовывать свою внешнюю и военную политику с Аккадским царством, но сохранил свою внутреннюю независимость. Это первый известный нам: в мировой истории международный договор. Он написан по-эламски, но аккадской клинописью, которая с этого времени начала распространяться и в Эламе.

Нарам-Суэн (2236—2200 гг. до н.э.) был наиболее могущественным из потомков Саргопа; но и его царствование началось с мятежа; граждане древнего Киша избрали одного из своей среды на царство, и к их восстанию присоединилось множество городов в разных частях обширного государства. Быстрые и решительные действия молодого царя привели его, однако, к победе над восставшими.

Мы относительно мало знаем о других военных событиях времени Нарам-Суэна; по-видимому, он воевал в Сирии, Верхней Месопотамии и в предгорьях Ирана. В Сирии он разрушил мощный ном-государство Эблу, населенную западными семитами и осуществлявшую в здешних местах гегемонию.

До нас дошел архив царя Эблы (носившего семитский титул маликум, а по-шумерски эн); этот архив содержал клинописные хозяйственные документы, эблаитско-шумерские словари и

религиозно-литературные тексты. Судя по документам, Эбла имела также связи с востоком (вплоть до Мари и Киша), но с Египтом и Финикией сносилась через каких-то посредников. Эбла не была «империей», как сгоряча объявили ее исследователи, а обычным, хотя и весьма важным, городом-государством.

При Нарам-Суэне были доведены до конца перемены в государственном устройстве, начатые еще его дедом Саргоном. Он окончательно отбросил все старые, традиционные титулы и стал называть себя «царем четырех сторон света»; и в самом деле, столь обширного государства древность до него не знала. Он сохранил управление номами — и государственными хозяйствами в них — через энси, но на должности энси он назначал либо своих сыновей, либо своих чиновников; так, в Лагаше в качества энси он поставил простого писца.

Серьезные последствия имело то, что Нарам-Суэн поссорился с жречеством Ниппура; вероятно, это было связано, между прочим, с вопросами титулатуры; отказавшись от всех прежних титулов, он отказался от жреческого утверждения этих титулов. Жители Аккаде (несомненно, по желанию царя) на своей сходке признали его богом; был установлен прижизненный культ Нарам-Суэна (раньше цари почитались лишь посмертно — это было частью культа предков). Теперь же какой-нибудь незначительный энси должен был на своей печати обязательно указывать: «Бог Нарам-Суэн, царь четырех сторон света, бог Аккаде, я — такой-то, энси такого-то города, твой раб».

Социальная опора Аккадской династии к концу правления Нарам-Суэна максимально сузилась. Общинники были разорены войнами, карательными походами против городов собственной страны, принудительной скупкой земли; старая знать, видимо, была в большинстве своем физически истреблена; средний слой государственных работников лишен значительной части наделов и переведен на илотские пайки; а жречество испытывало недовольство, очевидно, по идеологическим соображениям. На стороне царя осталась только созданная Саргонами служивая бюрократическая знать. Тут началось вторжение с Иранского натюрья племени кутиев (Их неправильно называют также гутеями.) (видимо, родственного современным дагестанцам).

Гудеа.

С этого момента началось постепенное падение династии Аккаде. Вначале борьба с горцами шла с переменным успехом, но уже сын Нарам-Суэна должен был, по-видимому, уступить свой титул «царя четырех сторон света» царю Элама (который в тот момент был объединен) в обмен на помощь против кутиев. Но вскоре власть в Месопотамии целиком переходит в руки кутийских вождей. Они называли себя «царями», но, по-видимому, избирались племенным собранием воинов лишь на срок (от двух до семи лет). Кутии разорили

своими нападениями почти всю страну, за исключением Лагаша, лежавшего несколько в стороне от главного пути их набегов, и, может быть, Урука и Ура, защищенных полосой болот.

Конечно, кутии не создали своего общегосударственного управления для Нижней Месопотамии; когда они прекратили военный грабеж, они продолжали ограбление в форме даней, которые для них и за них собирали местные аккадские и шумерские правители.

Гудеа, живший во второй половине XXII в. до н.э. в Лагаше, был сыном жрицы, представлявшей богиню в «священном браке» со жрецом. Поэтому официально он не имел «человеческих» родителей. Однако такое рождение было почетным, и Гудеа был женат первым браком на дочери лагашского энси, а потом унаследовал должность своего тестя. Таким образом, он представлял номовое жречество.

Политика Гудеа соединяла черты политики традиционных номовых энси с принципами, созданными при династии Аккаде. Он решительно отказался от права собственности правителя государства на храмовые земли, следуя в этом позиции Уруинимгины, а не Саргона и Нарам-Суэна. Но он не вернулся к системе множества храмовых хозяйств отдельных богов, а слил их все в одно общегосударственное (общелагашское) храмовое хозяйство бога Нингирсу. Работников этого хозяйства он держал в положении илотов на пайке, как при Саргонидях. На строительство нового, грандиозного храма Нингирсу он не жалел средств и ради этого ввел новые налоги на все население и новые повинности; к строительным повинностям при нем привлекались иногда даже женщины. В то же время есть косвенные данные в пользу того, что совет старейшин всего Лагаша имел при Гудеа столь большое значение, что за ним признавалось право избирать и назначать правителя.

От кутиев Гудеа откупался богатой данью, зато Нижняя Месопотамия — не только ном Лагаш — почти целиком была в его фактическом распоряжении. Он имел возможность воевать с Эламом и вести торговлю со странами Передней Азии и даже с Мелахой (Индией); ввозил он, по-видимому, исключительно материалы для строительства и богатого убранства храма Нингирсу. От правления Гудеа осталось много памятников. Его сын и внук не сумели сохранить его политического положения, и могущество Лагаша уменьшилось.

III династия Ура.

Вскоре после Гудеа Утухенгаль — по преданию, сын вялильшика рыбы — поднял всеобщее восстание против кутиев, чья вымогательская власть давно стала ненавистна в Месопотамии. Кутии были успешно изгнаны навсегда, но блестяще начавшееся царствование Утухенгаля вскоре оборвалось: по легенде, когда он осматривал новый строившийся капал, под ним обрушилась глыба земли, и он утонул. Царство перешло к его соратнику. Ур-Намму.

сделавшему своей столицей г. Ур; Лагаш впал теперь в немилость, и индийская торговля перешла опять к Уру.

Новое государство получило официальное название «Царство Шумера и Аккада»; хотя почти все надписи и канцелярские тексты составлялись по-шумерски, шумерский разговорный язык в это время уже вымирал, повсюду уступая место аккадскому.

Династия, основанная Ур-Намму, в науке обозначается как «III династия Ура» (Об эфемерной II династии Ура, включенной в шумерский «Царский список», по существу, ничего не известно, кроме того, что она относилась к РД III периода.) Ур Намму (2111—2094 гг. до н.э.) и в особенности его сын Шульги (2093—2046 гг. до н.э.) создали классическое, наиболее типичное древневосточное деспотическое и бюрократическое государство. В различных музеях мира хранится, вероятно, более ста тысяч документов учета из государственных хозяйств парой III династии Ура—это, пожалуй, не менее половины всех сохранившихся глиняных плиток с клинописью.

На начальном этапе правления III династии Ура много внимания было уделено восстановлению ирригационной сети, сильно запущенной в годы хозяйничанья кутиев и их ставленников. Но не в этом заключалась суть политической деятельности царей Ура.

Все храмовые и правительственные хозяйства в пределах «Царства Шумера и Аккада» — а оно вскоре объединило не только Нижнюю, но и значительную часть Верхней Месопотамии, а также земли за Тигром и в Эламе—были слиты в одно унифицированное государственное хозяйство. Все работники (плоты) назывались в нем гурушами— «молодцами», а работницы— нгеме, т.е. просто рабынями. Тех и других было, вероятно, от полумиллиона до миллиона. Все они— земледельцы, носильщики, пастухи, рыбаки—были сведены в отряды (а ремесленники— в обширные мастерские) и работали от зари до зари без свободных дней (только рабыни не могли работать в свои магические «нечистые» дни—по всей вероятности, в эти дни их держали взаперти), и все они получали стандартный паек— 1,5 л ячменя на мужчину, 0,75 л на женщину в день (Расчет минимальный, исходящий из определения шумерской меры емкости сила как 0,75 л, другие определяют ее как 1 л.), выдавалось также чуть-чуть растительного масла и немного шерсти. Любой отряд или часть его могли быть переброшены на другую работу и даже в другой город совершенно произвольно, причем, скажем, ткачихи — на бурлаченье, медники — на разгрузку баржей и т.п. Работали также и подростки. Фактически это было рабство, хотя слово это в отношении работников-мужчин не произносилось. Смертность была высокой. Ведомостей на постоянные выдачи пайка детям нет — женщины должны были, очевидно, содержать их за счет своего пайка. Но гуруши и нгеме семей, видимо, но имели, а рабочая сила пополнялась главным образом за счет захвата пленных; они доставлялись в Ур, а оттуда уже распределялись по местным государственным хозяйствам. Однако

иной раз угнанных людей, особенно женщин и детей, подолгу содержали в лагерях, где множество из них погибало.

Квалифицированные ремесленники, административные служащие и воины тоже по большей части содержались на пайке, хотя и большем, чем рядовые гуруши, — с учетом необходимости кормить семью; администрация государственного хозяйства очень неохотно выдавала служебные наделы в пользование.

Такая система организации труда требовала огромных сил на надзор и учет. Учет был чрезвычайно строгим; все фиксировалось письменно; на каждом документе, будь это хотя бы выдача двух голубей на кухню, стояли печати лица, ответственного за операцию, и контролера; кроме того, отдельно велся учет рабочей силы и отдельно — выполненных ею норм; по мнению С.В. Струве, поле могло делиться на полосы вдоль и поперек, и один человек отвечал за контроль работы по поперечным полосам, а другой — по продольным; таким образом осуществлялся их взаимный контроль крест-накрест. Разовые документы сводились в годовые отчеты по отрядам, по городам и т.д.

Урожай и продукция мастерских шли на содержание двора и войска, на жертвы в храме, на прокорм персонала и на международный обмен через государственных торговых агентов — тамкаров. Однако торговля не процветала: видимо, слишком большую часть прибыли тамкары должны были отдавать администрации.

Централизовано было не только государственное земледелие, но и скотоводство. Скот выращивался главным образом для жертв богам, а отчасти для кожевенного и сыроваренного производства. Снабжение храмов жертвами было разверстано по округам; каждый округ поочередно должен был обеспечивать храмы в течение определенного срока. В центр государства со всех его концов сгонялись тысячи голов скота для храма Энлиля в Ниппуре. Это было своего рода налогом.

Вся страна была разделена на округа, которые могли совпадать, а могли и не совпадать с прежними номами; во главе их стояли энси, но теперь это были просто чиновники, которых по произволу царской администрации перебрасывали с места на место. Лишь кое-где в пограничных районах были сохранены традиционные власти. Положение энси было тем не менее очень доходным, и они имели, например, много рабов; но во время жатвы или при срочных ирригационных работах эти рабы должны были помогать в государственном хозяйстве.

Бюрократической власти энси были, вероятно, подчинены и те из общинников, которые не были поглощены царским хозяйством. Об этих общинниках мы знаем только, что они существовали и во время жатвы часть из них нанималась жнецами в государственное хозяйство, что свидетельствует об их бедности. Важнейшего источника сведений о жизни общины, каким в Раннединастический и аккадский период

были сделки о купле-продаже земли, мы для III династии Ура лишены, потому что купля земли, как и вообще всякая частная нажива, была запрещена. В пределах номов народные собрания, как видно, бездействовали, хотя сохранялся как пережиток совета старейшин общинный суд.

В стране был установлен жесткий полицейский порядок; войны между номами прекратились, и жизнь за пределами городских стен стала менее опасной; повсюду вдоль магистральных каналов стали появляться деревни, расширилась сеть мелких каналов, что, вероятно, позволило увеличить посевные площади.

На какой же социальный слой опиралось деспотическое государство? Дело в том, что организация единого царского хозяйства в масштабах всей страны, как уже упоминалось, потребовала огромного количества административного персонала надсмотрщиков, писцов, начальников отрядов, начальников мастерских, управляющих, а также много квалифицированных ремесленников. Разоренные в течение аккадского и кутийского периодов общинники охотно шли на эти должности, где пропитание было раз навсегда установленным и обеспеченным, не зависевшим от удачи, урожая или кредита. Дошедшие до нас от III династии Ура судебные дела показывают нам, что резко повысилось число частных патриархальных рабов в хозяйствах даже лиц низшего персонала и, стало быть, участие этих лиц в получении прибавочного продукта, создававшегося илотами-гурушами и нгеме, было для них весьма доходным, значительно повышало уровень их благосостояния. Поэтому вошедшие в состав господствовавшего рабовладельческого класса мелкие надзиратели, чиновники, квалифицированные ремесленники и составляли вместе с войском, жречеством и администрацией политическую опору династии.

Надо заметить, что положение частных рабов — неполноправных членов семьи рабовладельца — было легче положения илотов-гурушей. За ними еще признавались некоторые права (например, право выступать в суде, даже против рабовладельцев; сохранилось довольно много протоколов судебных дел, в которых рабы пытались оспорить свое рабское состояние — правда, во всех известных нам случаях неудачно). Эксплуатировались они менее нещадно, чем илоты, хотя их, конечно, подвергали побоям.

Около ста лет просуществовало царство III династии Ура, и, казалось, ничто не могло быть прочнее и устойчивее. Упорядочены были даже культы богов: разнообразные и взаимно противоречившие системы номовых божеств были сведены в единую общую систему во главе с покровителем государственности — царем-богом Энлилем ниппурским; второе место занимал урский бог Луны—Нанна, или Зуэн (по-аккадски Суэн). Было создано — или, во всяком случае, систематизировано и всячески внедрялось в сознание людей — учение о том, что люди были сотворены богами для того, чтобы они кормили

их жертвами и освободили от труда. Все цари, начиная с Шульги, обожествлялись и поэтому сопричислялись к прочим богам в смысле обязанностей людей по отношению к ним. Тогда же был создан «Царский список», о котором речь шла выше, а с ним — учение о божественном происхождении «царственности», которая в первоначальные времена спустилась якобы с неба и с тех пор в неизменной последовательности вечно пребывала на земле, переходя от города к городу, от династии к династии, пока не дошла до III династии Ура.

Падение Ура и возвышение Иссина.

Конец был для всех неожиданным. Пастушеские племена западных семитов, так называемых амореев, гонимые засухами из вытоптанной овцами Сирийской степи, стали переходить Евфрат, угрожая оседлым поселениям Месопотамии. Цари Ура построили стену, защищавшую Нижнюю Месопотамию с севера, вдоль края «гипсовой» пустыни, тянувшейся здесь от Евфрата до Тигра. Но аморейские пастухи, не пытаясь прорваться на юг через эту раскаленную пустыню и построенную царскими работниками стену, около 2025 г. до н.э. перешли Верхнюю Месопотамию поперек, с запада на восток, переправились через Тигр, затем через Диялу и начали вторгаться на поля Нижней Месопотамии с востока на запад.

Царь Ура Ибби-Суэн (2027—2003 гг. до н.э.) в это время был, по-видимому, в Эламе, города которого то подчинялись урским царям, то отлагались, то вступали с ними в союзы и заключали дипломатические браки, то воевали с ними. Увлеченный собственными военными успехами, он, вероятно, недооценил опасность. Однако амореи гнали свой скот на шумеро-аккадские хлебные поля, окружали города, отрезая пути от них к центру государства; и, не получая отсюда помощи, местные энси стали отлагаться от Ура. Отряды гурушей всюду разбегались, грабя казенное добро вместе с амореями, чтобы прокормиться.

Ибби-Суэн, вернувшись в Ур, застал здесь начинавшийся голод. Ведь своих хозяйств у большинства людей столь разросшегося в это время государственного сектора не было, и они жили пайками из урожая царских хозяйств, а этот урожай перестал поступать с доброй половины округов. Царь послал своего чиновника Ишби-Эрру в еще не тронутые западные районы страны с поручением закупить хлеба для государственного хозяйства у общинников. Ишби-Эрра поручение выполнил и хлеб свез в маленькое селение Иссин на рукаве Евфрата, недалеко от древнего Ниппура. Отсюда он потребовал у Ибби-Суэна ладей для перевозки хлеба; ладен у царя не было. Тогда Ишби-Эрра, почувствовав свою силу, отложился от Ура и сам объявил себя царем — сначала осторожно «царем своей страны», а затем уже прямо «царем Шумера п Аккада». Уцелевшие энси, еще подчинявшиеся Уру, признали теперь царем Ишби-Эрру. Ибби-Суэн несколько лет продержался в жестоко голодавшем Уре, но в 2003 г. амореи

пропустили через запятые ими земли войско эламского царя, решившего воспользоваться разрухой в Шумере; он занял Ур, а Ибби-Суэн в цепях был уведен в Аншан. Несколько лет эламиты держали в опустевшем и разоренном Уре гарнизон, по потом ушли. Ишби-Эрра стал единственным царем Нижней Месопотамии. Кроме того, создано несколько мелких царств в Верхней Месопотамии, по Тигру, на нижней Дияле и по дороге в Элам.

Новое царство I династии Иссина старалось во всем подражать III династии Ура; канцелярии оставались шумерскими, хотя я ало кто говорил уже на этом языке; цари принимали обожествление в Ниппуре; мастерские, где работали гуруши, оставались прежними. Но многое и изменилось: уже не было возможности сохранять громадные царские рабовладельческие полевые хозяйства; оставшаяся земля раздавалась отдельным лицам, которые вели на пой частные хозяйства, не глядя на то, что эта земля была в данном случае собственностью государства; случалось, что такую «царскую» землю даже перепродавали. На общинной земле частные хозяйства оправились, в то время как государственное еще долго не удавалось наладить. Снопа получили экономическое самоуправление храмы. Поскольку централизованное распределение продукта стало невозможным, начали развиваться обмен и торговля. Амореи, захватившие поля, не поддерживали ирригацию, в результате пашни стали сохнуть и скоро перестали годиться даже как овечьи пастбища. Чтобы прокормиться, амореи нанимались в воины к иссинскому и другим царям и к наместникам городов.

К середине XX в. до н.э. стало ясно, что назревают дальнейшие исторические перемены. От попыток возродить порядки III династии Ура пришлось окончательно отказаться.

Вожди амореев-наемников стали завоевывать власть в одном городе Нижней Месопотамии за другим.

Литература:

Дьяконов И.М. Ранние деспотии в Месопотамии./История Древнего мира. Ранняя Древность.- М.:Знание, 1983 - с.73-85

Лекция 4: Старовавилонский период истории Месопотамии.

Политическая история.

Период от падения III династии Ура до завоевания Месопотамии касситами (XX—XVII вв. до н.э.) мы условно называем старовавилонским. В это время Вавилон впервые возвысился над всеми другими городами Двуречья и стал столицей государства, в конце концов объединившего всю Нижнюю и часть Верхней

Месопотамии. Несмотря на то что это объединение продержалось в полном объеме лишь на протяжении жизни одного поколения, оно надолго сохранилось в памяти людей. Вавилон остался традиционным центром страны до конца существования аккадского языка и клинописной культуры.

Города и сельские поселения со всей их обрабатываемой площадью занимали сравнительно узкую территорию месопотамской аллювиальной равнины, к которой с обеих сторон примыкали пастушеские угодья, населенные подвижными западносемитскими племенами овцеводов-амореев, разделявшимися на множество родственных, но независимых и нередко враждовавших между собой групп. Ежегодно в определенный сезон скотоводы вторгались прямо в зоны оседлого обитания или на границы этих зон. В зависимости от того, где они пасли свой скот другую половину года, они появлялись здесь либо летом, когда в степях выгорала трава и пересыхали источники, либо зимой, когда в горах не было корма для скота и его негде было укрыть от холодных ветров. В принципе каждое племя имело свою автономную территорию, но границы этих территорий были весьма расплывчаты. Оседлые жители считали скотоводов варварами, те, в свою очередь, презирали спокойную оседлую жизнь, но и те и другие были необходимы друг другу и связаны между собой множеством разнообразных экономических, социальных и политических факторов. Важную роль в экономической жизни играл обмен продуктов овцеводства на продукты земледелия; вероятно, через пастушеские племена в Месопотамию проникали и некоторые иноземные товары.

Неоседлое скотоводство оказывало значительное влияние и на социальное развитие общества Месопотамии. Одним из постоянных факторов являлся постепенный переход части скотоводческих племен к оседлости. Самые богатые предпочитали оседлость, когда размеры их стад превышали возможности пастбищной зоны, и становились землевладельцами, военачальниками, пополняли собой городскую элиту. Самые бедные оседали на землю, когда потери скота уменьшали их стада ниже минимума, необходимого, чтобы прокормить семью, и поступали на службу в государственное или храмовое хозяйство, получая за свой труд земельный надел или натуральное довольствие и пополняя собой число беднейшего и наиболее зависимого населения. Все это усиливало социальное расслоение населения Месопотамии.

Влияние скотоводческих племен на политическую жизнь Месопотамии было еще более значительным. На протяжении всей истории Месопотамии ежегодные мирные миграции скотоводов легко превращались в агрессивные, стоило только немного ослабеть власти централизованного государства; этот процесс происходил и в рассматриваемый нами период (Наименьшим было влияние амореев-скотоводов на культурную жизнь города. Доля аморейского населения в городах не превышала 1—3%, и они не оказали никакого влияния,

например, на аккадский язык (шумерский к этому времени стал только языком школы)).

После падения III династии Ура огромное централизованное государство, объединявшее почти все Двуречье, распалось, его административный аппарат развалился. Ур перестал быть центром страны, и на эту роль претендовал целый ряд древних и новых городов. Ослабление, раздробление власти государства сопровождалось усилением власти племен и племенных вождей; скотоводческие зоны расширялись, охватывая собой многие города, превращавшиеся в политические центры племен и племенных объединений. Так, к середине периода город Терка стал центром племени ханеев, Ларса — центром племени ямутбала, Вавилон — амнанов и т.д.

Вожди наиболее сильных и богатых племен, в зону влияния которых входили значительные территории, в том числе древние города, стремясь к еще большему усилению своей власти, изгоняли местные династии и образовывали свои, превращая таким образом автономную территорию своего племени в независимое государство, а сами из вождей племен становились правителями государства. Далее процесс политического развития мог идти в разных направлениях: либо племя сохраняло свое значение и царь, управляя государством, продолжал одновременно считаться и племенным вождем (Мари на среднем течении Евфрата), либо усиление власти царя приводило к ослаблению племени и все возвращалось к исходному состоянию: создавалось сильное централизованное государство, опирающееся и на оседлое население, и на племена, входившие в него по правам автономии (Ларса, несколько позже Вавилон).

В 1900—1850 гг. до н.э. в Месопотамии образовался ряд государств во главе с аморейскими династиями. Политическим идеалом таких династий было государство III династии Ура, и они старались показать себя законными преемниками его власти, присваивая себе пышную титулатуру урских царей. На деле власть большинства таких правителей была эфемерной, и независимость они сохраняли лишь до тех пор, пока кто-либо из соседей, опирающихся на более сильные и богатые племена, не находил возможности с этой независимостью покончить. Заключались бесчисленные союзы, общими усилиями два соединившихся правителя разбивали третьего, а потом вступали в борьбу между собой. В подобной борьбе больше сил сохранял тот, кто в ней меньше всего участвовал, меньше страдали города, расположенные либо на окраинах охваченных борьбой территорий, либо в центре территорий самых могущественных племен. В ходе таких многолетних войн одни аморейские династии приходили в упадок, и цари их вновь «опускались» до роли племенных вождей, зависящих от более сильных соперников, тогда как другие возвышались, объединяя под своей властью все большую часть территории Месопотамии, и из племенных превращались в правителей независимых государств. Одно из наиболее значительных государств

было создано в Верхней Месопотамии аморейским вождем Шамши-Ададом I. Оно охватило огромную по тем временам территорию - от гор Ирана до Центральной Сирии, включая одно время и Мари. Важнейшим центром государства Шамши-Адада стал торговый город Ашур на среднем течении Тигра. Этот царь (1813—1781 гг. до н.э.) создал четкую, хорошо функционировавшую военную и административную систему, свел на нет права самоуправляющихся общин. Однако после его смерти это царство распалось. Постепенно соперников становилось все меньше. К началу XVIII в. до н.э. их осталось, по существу, только трое: Мари на северо-западе, Ларса на юге и Вавилон между ними. Вавилонский царь Хаммурапи (1792—1750 гг. до н.э.) завершил к концу своего царствования объединение и создал единое государство, включающее всю Нижнюю и большую часть Верхней Месопотамии со столицей в Вавилоне.

Десятилетия войн пагубно отразились на хозяйственной жизни страны. Основа месопотамской цивилизации — ирригационная система, требовавшая неусыпного внимания и постоянных работ по поддержанию ее в порядке,— приходила в упадок. Земля, когда-то дававшая хорошие урожаи, заселялась и становилась непригодной для посевов. Все это болезненно отозвалось и на государственном, и на частных хозяйствах, но последние, будучи примитивно организованными, возрождались легче; что же касается сложного механизма государственно-хозяйственного управления, распавшегося после падения III династии Ура, то новые правители не хотели его восстанавливать, да и не имели возможности сделать это. Им проще было раздать захваченную государственную землю, ремесленные мастерские, торговые учреждения, до этого почти полностью находившиеся в ведении государства, отдельным лицам, которые начинали вести почти частное хозяйство, хотя и не являлись собственниками. Значительная часть торговли, ремесла перешла под контроль частных лиц, даже распределение жреческих должностей превратилось из функции государственной власти в предмет торговли, частных соглашений и завещаний. Многие виды налогов также, вероятно, отдавались на откуп частным лицам. Все это имело разнообразные последствия: с одной стороны, по Месопотамии в поисках безопасного убежища скиталось множество людей, готовых к голоду идти внаем или долговую кабалу, а с другой стороны, отдельные богатые и инициативные люди получали такую возможность самостоятельной деятельности, какой они никогда не имели раньше. Отдавая государству часть продукции ремесла, сельского хозяйства или часть доходов от торговли, они могли использовать остальное для собственного обогащения и увеличения своего имущества. Даже международная торговля, несмотря на беспокойную обстановку в стране, развивалась в это время более успешно, чем ранее, так как частному купцу легче было откупиться или обойти местного царька-вождя, чем уклониться от действовавших при господстве III династии Ура на всей территории Месопотамии

строжайшей регламентации и ограничений в торговле, которые почти не оставляли возможностей для личного обогащения.

Была восстановлена морская торговля (металлами, жемчугом и др.) через Ур по Персидскому заливу. Торговля эта, очень доходная, находилась в руках частных мореходов и владельцев мастерских, по их корабли не доходили теперь до Индии, а только до о-ва Тельмун (совр. Бахрейн), где, по-видимому, был перевалочный пункт для товаров из Индии, Аравии и Ирана. Мореходы вносили богатые дары (фактически обязательные) в храм или царю, но большинство доходов оставалось частным предпринимателями.

Рост частного хозяйственного сектора в условиях, когда возможности развития товарного производства были еще весьма ограничены, свободного серебра в обращении было мало, а поступление доходов от сельского хозяйства, составлявшего основу существования большинства населения, носило сезонный характер, приводило к тому, что мелкие хозяйства почти сразу же попали в зависимость от кредита. Поэтому в рассматриваемый период широко распространилось ростовщичество: кредитные сделки стали одним из наиболее выгодных способов вложения капитала, а рост составлял $\frac{1}{5}$ или даже $\frac{1}{3}$ суммы займа. Кабальные формы кредита вели к разорению мелких хозяйств. Повсюду начинается купля-продажа финиковых плантаций, а потом и полей. Продажа земли была равносильна отказу продавца от гражданских прав в общине, и на такую сделку решались в последнюю очередь, зато в случае нужды продавали во временное рабство членов семьи или отдавали их кредитору в залог как гарантию уплаты долга. В этот период впервые в Месопотамии массовый характер приобретает и наемный труд на частных владельцев (государственное хозяйство нанимало работников еще со времени Аккадской династии).

Однако сильная централизованная власть не была заинтересована в чрезмерном увеличении самостоятельности отдельных лиц, а тем более в обезземеливании и потере средств к существованию значительной части населения, что лишало государство налоговых поступлений и ослабляло его военную мощь. Поэтому, как только стремление объединиться и отложиться приближается к реальному осуществлению, государство начинает ограничивать самостоятельность отдельных граждан и делает попытки с помощью специальных указов воспрепятствовать продаже земли и закабалению беднейшей части населения. Указы такого рода, носившие название «указов царя» или «указов о справедливости», издававшиеся каждые пять-семь лет, должны были аннулировать сделки, заключенные на основе кабальных соглашений, освобождать от временного рабства, возвращать недвижимость первоначальному владельцу. Однако кредиторы изыскивали возможные пути, стараясь избежать выполнения этих указов, и им это часто удавалось, если только должник не имел достаточно средств, чтобы возбудить судебный процесс.

Такая политика ограничения «частного сектора» проводилась в Ларсе, когда в конце XIX в. эламско-аморейский вождь Кудурмабук превратил ее в сильное государство, объединившее все Нижнее Двуречье. Сам он, однако, не принимал царского титула, а посадил царем в Ларсе сначала одного, а потом другого сына. Достигнув большого политического могущества и покончив со своими основными соперниками, Рим-Син, второй сын Кудурмабука, став царем в Ларсе, провел ряд реформ, направленных на ограничение частнособственнической деятельности и развития товарно-денежных отношений, что привело к резкому упадку в Ларсе частной торговли и ростовщичества. Еще больше тенденция к усилению государственного управления хозяйственной жизнью страны и ограничения частной хозяйственной деятельности проявилась в реформах, проведенных царем Вавилона Хаммурапи, который, разгромив последних соперников — Мари и Ларсу, объединил в 1760—1750 гг. до н.э. всю Нижнюю и часть Верхней Месопотамии в царстве, не уступавшем государству III династии Ура по силе и размерам. В мероприятиях Хаммурапи отчетливо наблюдается стремление к восстановлению по всей Месопотамии всеобъемлющей по полномочиям, деспотической по характеру царской власти.

Административная система государства была упорядочена и строго централизована, так что нити управления всеми сторонами хозяйственной жизни в конечном счете сходились в руках царя, который вникал во все дела и вопросы. Придавая большое значение личному участию в делах, Хаммурапи вел интенсивную переписку со своими чиновниками на местах; нередко и частные лица со своими жалобами или вопросами обращались прямо к нему. Была проведена важная судебная реформа, которая внедряла единообразие в судопроизводстве; роль царя в нем усилилась. Во все большие города, где раньше действовали только храмовые и общинные суды, были назначены царские судьи из числа чиновников, подчиненных непосредственно царю. Храмы с их обширными хозяйствами, занимавшими значительную территорию Месопотамии, которые после падения III династии Ура пользовались большой самостоятельностью, были вновь в административном и хозяйственном отношении полностью подчинены царю. Частная международная торговля была запрещена, и было подтверждено, что купцы, занимавшиеся ею, — царские чиновники. Внутри большей части государства была совершенно запрещена продажа земли, кроме городских участков. Этими мерами, как и «указами о справедливости», о которых говорилось выше, государство стремилось предотвратить разорение и обезземеливание населения.

Старовавилонское общество.

Общество Южной Месопотамии начала II тысячелетия до н.э. во многом отличалось от общества предшествовавшего тысячелетия. Месопотамия уже не распадалась на отдельные номы, существовало

явственное стремление к единству страны. Главной задачей общества было самовоспроизводство и самоподдержание, в том числе и поддержание этого единства. На достижение этой цели направлялись все общественные силы — социальные, религиозные, экономические.

Как нам представляется, старовавилонскую экономику уже нельзя делить на сектор государственный и сектор общинно-частный: в ней приходится различать секторы собственно государственный и государственно-общинный: и тот и другой находились под государственным контролем. Внутри обоих этих секторов существовали, по-видимому, два основных типа хозяйств: крупные и мелкие. К крупным хозяйствам относились государственное, храмовые, а также хозяйства царя, вельмож и крупных чиновников. К мелким относились хозяйства общинников, рядовых служащих государственного или храмовых хозяйств, земледельцев, обрабатывающих казенную землю за часть урожая. Производство в мелких хозяйствах носило натуральный характер, и небольшой излишек продуктов, который мог в них образовываться в благоприятные по климатическим условиям годы после уплаты всех налогов, составлял их запасной и обменный фонд. Излишки продуктов, которые могли служить товарами для торговли, накапливались в крупных хозяйствах, и прежде всего такими излишками могло располагать само государство.

Характер производства остался в принципе тот же, что и при III династии Ура, однако экономические условия изменились в силу описанных выше причин: увеличение масштабов государства вело к усилению государственного экономического сектора и управленческого аппарата. Товарно-денежные отношения, которые могли бы быть регулятором экономического механизма, были обращены главным образом в сторону государства; внутри себя крупные хозяйства (государства и храмы) были автаркичны, а мелкие — тем более, и общество вырабатывало другие методы и способы регулирования экономики, в частности товарообмена, — такие способы, которые могли бы действовать в рамках главной общественной задачи: в новых экономических условиях и сообразуясь с ними поддерживать стабильное самовоспроизводство общества.

В числе этих методов, частично унаследованных от шумерской экономики, а частично выработанных в старовавилонский период, были следующие: твердые ставки роста на кредит и система государственного кредитования частных лиц (через тамкаров, которые были прежде всего сборщиками налогов, но ведали и торговыми и другими денежными доходами государства); периодическое возвращение по государственному указу некоторых видов проданной недвижимости первоначальному владельцу и освобождение каменных рабов; государственное принудительное ценообразование и некоторые другие.

Как известно, из-за бедности природных ресурсов Месопотамия была вынуждена импортировать целый ряд жизненно необходимых ей материалов, в первую очередь металл, нужный для изготовления сельскохозяйственных орудий. Между народный товарообмен был насущной потребностью для Месопотамии с древнейших времен. Он составлял важный элемент ее экономической структуры, т.е. был одной из составных частей того целого, воспроизводство которого было главной целью общества. Государство, осуществляя свои функции по поддержанию общественной стабильности, держало в своих руках и под своим контролем и эту часть экономической структуры общества. Международный товарообмен был одним из наиболее значимых звеньев в деятельности государственного аппарата. Для этой торговли государство использовало излишки продуктов, которыми оно располагало. Различные привозные товары, которые поступали в обмен на эти продукты в казну, расходовались на нужды государства и частично распределялись между администрацией и персоналом государственного хозяйства. Тамкары (торговые агенты) и другие официальные лица, занятые в международном обмене, по видимому, постепенно привлекали к этой торговле свои частные ресурсы и пытались наряду с исполнением своих служебных обязанностей делать собственный бизнес.

Международный товарообмен (государственный и частный) был неэквивалентным, цепы в нем были стихийными и не имели прямого отношения к производственным затратам; караваны, груженные одними и теми же товарами, постоянно ходили по одним и тем же маршрутам, привозя обратно то, что нужно. Частный международный товарообмен развивался под укрытием государственного, перенимая его методы и используя его возможности (Несколько иначе складывался международный товарообмен вне Южной Месопотамии.). Наряду с частным международным товарообменом развивался и внутренний частный товарообмен, но в очень ограниченном масштабе. Годы природных катастроф и неурожаев, видимо, вызывали временное усиление товарно-денежных тенденций в экономике, но с преодолением кризисов все возвращалось к исходной позиции. Частная торговля в Месопотамии старовавилонского периода сводилась к отдельным случаям купли-продажи необходимого для хозяйства или предметов роскоши. Эта торговля не была основана на товарном производстве, и доходы от нее, как правило, в производство не поступали.

Хотя страна уже не делилась на независимые номы, но и в это время, как и в предыдущий период, Месопотамия могла по праву называться «страной множества городов». Они были разбросаны по берегам Тигра и Евфрата, на местах слияния крупных каналов. Некоторые из них насчитывали уже не одну сотню лет истории, такие, как Ниппур, Киш, Синнар, Ур, Урук; были и более новые — Иссин, Ларса, и такие, чья история была только впереди, как у Вавилона. Города эти занимали своими постройками площадь 2—4 кв. км и насчитывали не один десяток тысяч жителей. В центре города обычно

помещался храмовый комплекс, обнесенный стеной, со ступенчатой храмовой башней—зиккуратом, храмами бога-покровителя нома и других важнейших божеств: здесь же располагались дворец царя или правителя и основные хозяйственные строения государственного хозяйства. Остальная часть города была занята домами горожан и другими постройками, среди которых встречались храмики мелких божеств. Дома стояли вплотную друг к другу, образуя извилистые улицы шириной 1,5—3 м. На берегу роки или капала, около которых вырос город, находилась гавань, где размещались купеческого ладьи и барки; здесь же, на площади, примыкавшей к гавани происходила, видимо, и торговля. Жизнь горожан была сосредоточена вокруг многочисленных храмов и дворца, где многие из них служили в качестве чиновников, воинов, жрецов, ремесленников и торговцев. Имущественное положение и жизненный уровень большинства горожан не очень сильно различались.

Городская усадьба чаще всего состояла из жилого дома и участка незастроенной земли. Размеры отдельных домов колебались в пределах 35—70 кв. м. многие имели два этажа (в первом находились хозяйственные помещения, второй представлял жилую надстройку). За сохранностью стены, разделявшей соседей, они следили совместно. Другим гидом имущества многих горожан были финиковые сады; располагались они или в окрестностях городов, или в сельских поселениях, находившихся неподалеку. Площадь садов не превышала чаще всего одного гектара. Горожане, основным занятием которых были служба или ремесло, часто не занимались сами садовыми работами, а сдавали свои участки в аренду. За месяц-два до сбора фиников производился осмотр пальм, с тем чтобы определить ожидаемый урожай. На основании предварительной оценки составлялся письменный договор, согласно которому садовник должен был представить хозяину сада определенное количество фиников.

Основным продуктом питания горожан, как и сельских жителей, был хлеб. Поля, по выражению, употребленному в одном из писем того времени из Южной Месопотамии, были «душой страны». От их урожайности зависело снабжение городов зерном и в конечном счете — благосостояние всех горожан. Жизнь городов во многом была подчинена ритму сельскохозяйственных работ. Горожане, связанные с государственным хозяйством, получали за свою службу наделы обычно в 2—4 га и лишь в исключительных случаях порядка десятков гектаров. Некоторые горожане кроме служебных наделов, по-видимому, имели наделы земли в сельских общинах на правах членства в них. Кроме полей этих двух типов — надельных и общинных — некоторым горожанам принадлежали крупные земельные владения, о происхождении которых у нас нет достаточно точных сведений. Возможно, что это были пожалования крупным чиновникам или лицам, близким царю. Поля, так же как и сады, горожане редко обрабатывали сами, чаще они сдавали их в аренду земледельцам, жителям сельских поселений, на территории которых рядом с общинными землями располагались обычно служебные наделы.

Участки сдавались в аренду либо за твердую плату, либо из доли урожая, чаще всего из одной трети.

Скота большинство горожан не держало (или лишь немного овец), рабов имели немного. Большинство рабов были чужеземцами — либо пригнанными местными воинами в плен, либо приведенными торговцами из других городов, где они попали в рабство также, вероятно, в результате пленения. Раб стоил примерно 150—175 г серебра, рабыня—несколько меньше (Это соответствует стоимости примерно 5000 л зерна (в древности верно и другие сыпучие продукты измеряли в единицах емкости, а не по весу). Для сравнения отметим, что овца стоила 5—10 г серебра.). В большинстве случаев рабы выполняли работу, в том числе производственную, наравне с другими членами семьи и по своему правовому положению были близки малолетним, находящимся под патриархальной властью главы дома.

Таким образом, имущество, позволявшее горожанину прокормить себя и сполу семью, сводилось к небольшому дому с самой необходимой мебелью и хозяйственной утварью и небольшому полевому участку, либо принадлежавшему ему как члену какой-либо сельской общины, либо данному ему храмом или государством в пользование (кормление) за службу; иногда к нему добавлялась маленькая финиковая роща.

Другим источником доходов горожан были натуральные выдачи: храм и дворец снабжали некоторых своих служащих не земельными наделами, а продуктами — зерном, шерстью, растительным маслом, иногда небольшим количеством серебра. Кроме того, выдачи продуктов, часто в значительных размерах, производились во время храмовых праздников.

Во всех старовавилонских городах и в большинстве селении: имелись храмы. Храм в древней Месопотамии, как и в других древних обществах, был не только местом почитания божества, но и одним из важнейших компонентов социально-экономической структуры государства. Действуя среди группы населения, находящегося в сфере его влияния, храм мог в случае необходимости оказать поддержку как самым бедным семьям — помогая им избежать от разорения, а в критических случаях и просто избежать голодной смерти,— так и наиболее обеспеченным кругам, предоставляя им удобные возможности для помещения и сохранения «излишков» имущества.

С древнейших времен одной из важных социальных функций храма была роль «дома призрения» для лиц, которые оказались отвергнутыми строго регламентированным во всех отношениях древним обществом из-за своей неполноценности (физической или социальной),— для одиноких женщин, инвалидов, престарелых, детей — брошенных или осиротевших. В периоды экономического кризиса (войны, неурожай) бедняки посвящали в храм престарелых и больных членов семьи, подбрасывали детей, которых не в состоянии были

прокормить. Главной причиной посвящений такого рода было стремление избавиться от лишних ртов, от неполноценных членов семьи, которые не могли работать в полную силу, а внешне это принимало форму дара божеству от поклоняющегося ему. В периоды стабилизации и экономического подъема увеличивалось число посвящаемых в храм от богатых семей. Многие наиболее богатые семьи отдавали в храмы своих дочерей. И здесь соображения чисто религиозные переплетались с экономическими мотивами. Входя в храмовую обитель, девушка забирала свое приданое, пользовалась им и, живя в обители, даже увеличивала его посредством различного рода деловых операций, а после ее смерти имущество возвращалось обратно в отцовский дом. Роль храма как социального центра проявлялась и в том, что именно храм выкупал общинников, попавших в плен во время царского похода, если у них дома не хватало средств на выкуп.

Чрезвычайно важной была роль храма как места разрешения различного рода споров. Здесь давали показания свидетели, здесь перед лицом божественных символов выигравшая сторона вводилась в свои права.

Кроме крупных и мелких городов на территории Месопотамия в старовавилонский период существовало много небольших сельских поселений, расположенных по берегам рек и каналов, соединявших города друг с другом. Сами постройки в таких поселениях занимали площадь в несколько гектаров и состояли из домов, сложенных из кирпича-сырца, а часто и из тростниковых плетёнок, обмазанных глиной. Население их составляли от пяти—десяти до нескольких сот человек, основным занятием которых было земледелие. 13 качестве главной сельскохозяйственной культуры выступал ячмень, средний урожай которого, при редком засеве, и этот период составлял примерно 12,5 ц с гектара. Пшеницу сеяли нечасто, она не выдерживала все усиливавшегося засоления почвы. Выращивали также финики, лук, бобовые растения.

С точки зрения организации сельскохозяйственного производства в экономике старовавилонской Месопотамии можно выделить два основных вида хозяйств: собственно государственные хозяйства, которые не только контролировались государством, но и организовывались самим государством административным путем; в них были заняты производительным трудом главным образом подневольные работники. Последние, однако, не сгодились в отряды, как гуруши III династии Ура, и получали не паек, а надел земли на группу; они назывались наши бильтим — «приносящие доход» и не числились рабами. Под поля крупных государственных хозяйств в старовавилонской Месопотамии предположительно было занято около 1/3 обрабатываемых земель.

Другим видом организации сельскохозяйственного населения были государственно-общинные хозяйства, которые организовывались как

государством (по территориальному), так и самостоятельно (по территориально-родовому принципу) на мостах и пользовались определенным местным самоуправлением, хотя и под строгим контролем государства. В этих хозяйствах производительным трудом были заняты в основном свободные, но мог применяться также труд их рабов и других подневольных работников.

Для старовавилонского периода был, вероятно, характерен процесс постоянного обезземеливания части свободного населения (из-за прироста населения, дробления наследственных участков, засоления почвы и т.п.), с одной стороны, и освоения новых сельскохозяйственных угодий—с другой. Государство силами общинников и зависимого населения проводило большие работы по расчистке старых и прорытию новых каналов, на берегах которых создавались собственно государственные хозяйства и новые поселения, организованные по принципу территориальных общин. Всей жизнью таких общин управлял сонет старейшин, избираемый жителями из числа наиболее уважаемых и богатых семейств; во главе совета стоял староста, назначаемый обычно царём. Одни общины платили налог государству натурой, в других — часть орошаемой земли отводилась под государственное хозяйство. Эти земли царь мог раздать своим чиновникам в качестве вознаграждения за службу, а мог поселить здесь работников из прибегавших под его покровительство бедняков, которые за это отдавали ему значительную часть своего урожая.

Главной задачей большинства мелких хозяйств было самовоспроизводство, товарность их была низкой, тем не менее каждому хозяйству приходилось, хотя и редко, приобретать необходимые орудия и предметы, которые оно не могло изготовить само. Не только мерилем цен, но зачастую и средством платежа в это время служило серебро, которое значительно потеснило зерно, употреблявшееся ранее для этой цели. Все имело свою оценку в серебре — любые виды движимого и недвижимого имущества, доходы от жреческой должности, плата наемному работнику, расходы, связанные с несением определенных повинностей. Однако у большинства горожан, а тем более жителей мелких сельских поселений серебра в наличии не было совсем, им располагали в основном только лица, занимавшиеся торговлей. Некоторым количеством серебра владели в виде украшений наиболее обеспеченные семьи. Ручные и ножные браслеты, серьги, кольца, имевшие стандартный вес, мелкий серебряный лом могли в случае необходимости употребляться при денежных расчетах. Но основная масса наличного серебра была сосредоточена в руках государства (во дворце и храмах), которое распределяло часть своих запасов среди высших дворцовых и храмовых служащих посредством выдач или подарков.

Отсутствие в обращении достаточного количества серебра, особенно за пределами больших городов, вдали от центральных

учреждений и торговых компаний, и низкая товарность хозяйства приводили к тому, что не только не всегда и не везде можно было продать за серебро продукты сельского хозяйства, но и купить их за серебро также бывало затруднительно. Купля-продажа за серебро при отсутствии чеканной монеты необходимо требовала взвешивания, расчетов, т.е. определенных знаний и квалификации, которыми большинство населения, конечно, не обладало. Это еще больше затрудняло обращение серебра, особенно в сельской местности. В крупных городах, где были меняльные лавки и жило много торговцев, такого рода затруднений не возникало. Серебро здесь могло обращаться свободнее, и его, вероятно, всегда можно было реализовать, так как потребность в серебре в связи с развитием хозяйства все возрастала.

Естественным следствием низкой товарности хозяйства было развитие кредита. Поскольку серебра было мало, то дать его в долг, рассчитывая на возвращение долга с процентами серебром же, можно было только в том случае, если должник имел торговый капитал или занимал значительное положение в государственном хозяйстве, т.е. принадлежал к той небольшой группе лиц, в руках которых сосредоточивались основные доходы от сбора налогов и торговли. Большинство семей стояло вне этого круга и не могло рассчитывать на получение займа, если кредитору не предоставлялась достаточно твердая гарантия. Такой гарантией могла служить личность должника или его недвижимость — в этих случаях должник, нуждаясь в займе, шел на заклад или на продажу в рабство членов своей семьи или даже себя самого или (если он жил не в пределах государственного хозяйства) на продажу своей недвижимости. Продажи такого рода, которые скрывали за собой долговые сделки, носили временный характер и по истечении определенного срока или выполнении определенных условий должны были аннулироваться.

Древнее общество Месопотамии выработало целую систему экономических рычагов, способствовавших товарообмену в условиях слаборазвитых товарно-денежных отношений и помимо частного кредита. В числе таких рычагов было широкое развитие государственной кредитной системы. Представителями этой системы были государственные чиновники-тамкары, а также кабатчики (корчмари) и пекари. Их деятельность предоставляла сельскому, а в значительной степени и городскому населению основной, а нередко и единственный источник товарообмена.

Имущественное положение большинства жителей старовавилонской Месопотамии колебалось в незначительных пределах, было относительно стабильно и давало им возможность поддерживать свою жизнь и жизнь своей семьи в рамках принятых в данном обществе норм. Над этой массой стояла небольшая группа богатых семей, представители которых занимали высшие должности в государственном или храмовом хозяйстве (и в общинах) либо входили в число приближенных или родственников царя. Эти семейства

владели многочисленными строениями в городах, десятками гектаров садов, большими земельными имениями, доход с которых исчислялся десятками тысяч литров зерна, значительными по тем масштабам стадами овец. Все работы в таких имениях велись с помощью арендаторов (в полеводстве и садоводстве)(Арендаторами выступали не обязательно обезземелившиеся хозяйства — нередко брали в аренду землю дополнительно к своему основному наделу или собственности хозяева состоятельные, имевшие средства для дополнительных затрат. Земля либо обрабатывалась силами своей семьи и рабов, либо, возможно, сдавалась в субаренду.), наемных работников (в скотоводстве) и рабов, труд которых мог применяться во всех отраслях большого хозяйства.

Низший слой общества составляли бедняки — из числа крестьян и горожан, разорившихся вследствие каких-либо природных или социальных катастроф, или из пришлых людей, которые ничего не имели и жили только выдачами из дворца или храма, к покровительству которых они обратились. В количественном отношении бедняков и богачей в мирное время было немного по сравнению с основной средней массой населения, но их существование оказывало огромное влияние на социальную жизнь общества и общественное развитие.

Скромное имущественное положение и доходы большинства населения определяли и скромные потребности. В старовавилонский период в Месопотамии были известны и находились в употреблении, как в частном, так и в государственном хозяйстве, нормы, определявшие необходимый для существования человека уровень потребления. Считалось, что взрослому мужчине-работнику необходимо для пропитания 1,5 л ячменя в день (или 550л в год), кроме того, в течение года он употреблял 2,5—3 л растительного масла на умашения и снашивал одно платье, на которое шло около 1,5 кг шерсти. Для пропитания женщины достаточной считалась половинная норма ячменя; масла и шерсти ей требовалось примерно столько же, сколько и мужчине. Мяса большинство населения в пищу не употребляло, исключая участие в мясных жертвенных трапезах во время храмовых праздников.

В сословном отношении общество того времени делилось на полноправных свободных граждан (авилум), владевших недвижимой собственностью на правах членства в какой-либо (городской или сельской) общине, на лиц с ограниченными юридическими и политическими правами {мушкенум), не имевших недвижимой собственности, но получивших от государства за службу или работу в условное владение землю, и на рабов (вардум), которые были собственностью своих хозяев. Высшая дворцовая и храмовая знать относилась к авилумам. Собственность на землю не носила сословного характера, и в той мере, в какой земельные участки продавались (главным образом сады, дома, весьма редко поля), их могли покупать и мушкенумы.

Законы.

Важнейшим деянием царствования Хаммурапи было составление свода законов. Но Законы Хаммурапи — не первый в истории Месопотамии памятник законодательства. О законодательных мероприятиях рассказывают так называемая «Овальная пластинка» Энметены, правителя Лагата XXIV в. до н.э., и надписи Уруинимгины (см. лекцию 2). Однако эти источники лишь излагают содержание законодательства — возможно, устного, — не приводя его текстуально.

Первый дошедший до нас текст законов — Законы Шульги (прежнее название — Законы Ур-Намму; недавно было установлено, что их действительным «автором» является сын и преемник Ур-Намму, Шульги; см. лекцию 3). Этот сильно поврежденный текст состоял из «Пролога», за которым следовали конкретные правовые нормы. Имелся ли «Эпилог», сказать пока невозможно. В «Прологе» содержатся слова о защите сироты и вдовы, слабого против сильного, бедного против богатого — уверения, которые мы впервые встречаем еще в тексте Уруинимгины. Было бы ошибкой видеть в них только социальную демагогию. Царь в Месопотамии очень долго сохранял многие черты вождя племени, обязанного заботиться о сирых и убогих. Таким его воспринимало массовое сознание, так понимал свой долг и он сам. Была тут, разумеется, и политическая необходимость: общество не может существовать без- некоего минимума справедливости.

Из правовых норм, входивших в Законы Шульги, сохранилось (иногда не полностью) менее трех десятков. Среди них: наказание за прелюбодеяние (§4), правила развода (§ 6—8), наказания за ложный донос (§ 10—11) и за лжесвидетельство (§ 26—27), узаконения касательно брака (§ 12—13), о телесных повреждениях (§ 15—19). Особый интерес представляют нормы, касающиеся рабов: о возвращении беглых (§ 14) и о рабыне, которая «сочла себя равной своей госпоже» (§ 22—23). Важно отметить, что такая рабыня наказывается не по произволу господина или госпожи, но по закону. Иначе говоря, рабы в этот период еще рассматриваются как личности, а не как вещи. Из юридических документов той эпохи видно, что рабы даже могли оспаривать свое рабское состояние в суде (впрочем, как правило, процесс они проигрывали). Параграфы 27—29 посвящены защите землевладельца от противоправных действий других лиц, а также от недобросовестного арендатора. Основной вид наказания по Законам Шульги — денежная компенсация, которую виновный уплачивает потерпевшему (Заметим, что и в этих законах, и во всех последующих законах древней Месопотамии разбивка их на нумерованные параграфы введена современными исследователями — в оригинале ее нет.).

Следующий из сохранившихся законодательных памятников принадлежит царю I династии Иссипа (см. лекцию 3) Липит-Иштару.

Дошедший до нас со значительными повреждениями текст на шумерском языке (возможно, существовал аккадский оригинал) состоит из «Пролога», примерно 43 статей, и «Эпилога». В кратком «Прологе» Липит-Иштар сообщает, что он установил «освобождение» от повинностей и, возможно, от долгов для «сыновей и дочерей» Ниппура, Ура и Иссина, а также для (всех?) «сыновей и дочерей» Шумера и Аккада. Из дальнейшего текста видно, что «освобождение» было лишь частичным и состояло в сокращении сроков несения повинностей. Сами узаконения касаются отношений собственности (? — см. § 1—3, сильно повреждены); платы за наем повозки с волом и погонщиком (§ 4); наказания за кражу со взломом (§ 6: взломавший дверь подлежит смерти; § 7: проломивший стену подлежит смерти и должен быть зарыт под проломом); правила найма кораблей (§ 8—9); правила аренды садов (§ 11—13) и наказания за вторжение в чужой сад (§ 14 — уплата 10 сиклей, т.е. 85 г серебра) и за порубку дерева (§ 15 — уплата 0.5 мины, т.е. 250 г серебра). § 16 устанавливает ответственность соседей за возможное проникновение воров через их дом в соседний: тот, кто, несмотря на предупреждение, не принял должных мер для предотвращения такого вторжения, обязан возместить все украденное. Ряд узаконений касается рабов и зависимых людей. Укрывательство чужого раба карается заменой его рабом укрывателя (§ 17) либо уплатой потерпевшему 15 сиклей серебра (§ 18). Если рабыня родила своему господину детей и он отпустил ее вместе с детьми на свободу, они (при наличии законных детей) не являются его наследниками (§ 30). Но если он, после смерти своей жены, женился на такой рабыне, их дети становятся наследниками наравне с детьми от законной жены. Плохо понятный § 19 говорит, вероятно, о каких-то условиях, при которых раб должен быть освобожден.

Большие разногласия у исследователей вызывает истолкование термина миктум в § 20—21. По мнению И.М. Дьяконова, речь идет о некоей категории зависимых людей, работающих в частном хозяйстве. Если такой человек пришел по доброй воле, он по своей же воле может и уйти. Если он дан царем, «его нельзя отобрать». § 23 устанавливает, что тот, кто занял чужой заброшенный земельный участок и возделывал его в течение трех лет, уплачивая причитающийся с этого участка «доход», сохраняет участок за собой. Скорее всего речь здесь идет о служебном наделе, но нельзя исключить и вероятность того, что речь идет об общинной земле. § 25—38 посвящены семейному праву, а § 39—43 устанавливают размер компенсации за порчу чужого упряжного вола. Отметим, наконец, § 22, который устанавливает, что за ложное обвинение обвинитель подвергается тому же самому наказанию, которое грозило обвиненному. Здесь мы впервые встречаемся с наказанием по принципу талиона, нашедшему столь широкое применение в Законах Хаммурапи (см. далее).

Наконец, непосредственным предшественником Законов Хаммурапи являются законы, происходящие из царства Эшнунны в долине р.

Диялы (ок. 1800 г. до н.э.). Они дошли до нас в виде двух (поврежденных) списков на аккадском языке, имеющих незначительные различия. Текст состоит из «Пролога» (почти не сохранился) и 60 статей. Имелся ли «Эпилог», неизвестно. Законы Эшнунны открываются своего рода «тарифом», или, вернее, указателем эквивалентных соотношений между основными товарами и серебром (§ 1), а также зерном (§ 2). Тарифы соответствуют средним для этой эпохи ценам и, по-видимому, находили применение прежде всего при расчетах внутри государственного хозяйства. § 3—4 устанавливают тарифы за наем повозки и корабля. § 5—11 содержат тарифы заработной платы наемникам, а также наказания за различные правонарушения, связанные с наймом имущества или людей. Кража имущества, принадлежащего мушкенуму, с его поля или из его дома влечет за собой уплату компенсации в 10 сиклей серебра. Такая же кража, совершенная в ночное время, карается смертью (§ 12—13). Согласно § 15, раб или рабыня не могут ничего продавать, а согласно § 16, несовершеннолетний «сын человека» или раб не могут ничего брать в долг (ср. далее, пояснения к § 7 Законов Хаммурапи). Семейное право изложено в § 17—18, а также в § 25—35. В общем они совпадают с соответствующими положениями Законов Хаммурапи (см. ниже). Отметим лишь § 33—35, предусматривающие попытку рабыни частного лица или дворцовой рабыни передать своего ребенка на воспитание свободному человеку (очевидно, с целью таким образом сделать его свободным). Закон устанавливает, что такой ребенок должен быть возвращен в рабство, а за кражу чужого раба или рабыни виновный обязан отдать двух рабов (§ 49). Положения, касающиеся долгового права (§ 19—24), также совпадают с Законами Хаммурапи, где, однако, они разработаны более подробно. Отметим лишь § 20, который запрещает при даче в долг зерна требовать уплаты долга серебром, а также § 24, который предоставляет мушкенуму особую защиту против недобросовестного кредитора. Законодатель пытается также препятствовать разорению общинников. Так устанавливается преимущественное право брата на покупку собственности другого брата, если этот последний ее продает (§ 38). Такое же право устанавливается и для прежнего собственника проданного «дома» в случае, если новый собственник вновь его продает (§ 39; закон специально отмечает, что дом продан по причине «слабости», т.е. разорения). За телесные повреждения различного рода устанавливается денежная компенсация (§ 42—48 и 54—57). Законы Эшнунны упоминают лишь один случай причинения смерти (рухнувшей по недосмотру хозяина стеной— § 58). Решение по этому делу должен принять царь—в соответствии с общим правилом о делах, касающихся «жизни» (§ 48). Отметим, наконец, что, согласно Законам Эшнунны, человек, разводящийся с женой, родившей ему детей, теряет все свое имущество в пользу этой разведенной жены (надо полагать, в том случае, если жена ничем не провинилась — § 59).

В упомянутых текстах следует видеть последовательные стадии развития единой традиции месопотамского клинописного права, что,

однако, не исключает сохранения местных (большой частью несущественных) различий. Постепенно вырабатываются методы систематизации правовых норм, проявляется стремление к максимальной полноте, охвату всех возможных случаев. Конечно, они не являются «кодексами» в современном смысле Этого слова. Перед нами дотеоретическая стадия развития права, когда не сформулированы: еще его основные принципы и важнейшие понятия, и в частности такой важнейший принцип права, как *nullum crimen sine lege*, т.е. «нет преступления без указания об этом в законе». Поэтому месопотамские юристы и не стремились к исчерпывающей полноте своих компиляций (точнее говоря, они и не представляли себе ее необходимость). С другой стороны, их убежденность в том, что справедливость вечна и неизменна, что она есть установленный навечно порядок вещей и не зависит от злобы для, побуждает их включать в законы даже тарифы цен и заработной платы, хотя из деловых документов известно, что и те и другие испытывали значительные колебания под воздействием реальной экономической конъюнктуры. Древнейшие в истории человечества правовые памятники сохранили для нас первые и, подчеркнем, самые трудные шаги юриспруденции. В этом — их непреходящая ценность. Кульминацией же в развитии клинописного правила явились Законы Хаммурапи.

Законы Хаммурапи (принятое сокращение — ЗХ) — крупнейший и важнейший памятник права древней Месопотамии. Хотя никаких теоретических сочинений по праву из Месопотамии до нас не дошло (их, видимо, и не было), ЗХ представляют собой плод огромной работы по сбору, обобщению и систематизации правовых норм. Эта работа основывалась на принципах, существенно отличных от применяемых ныне, но проводившихся в общем довольно строго и последовательно. Нормы группируются по предмету регулирования, а переход от одной нормы к другой осуществляется по принципу ассоциации. Таким образом, один и тот же предмет рассматривается в смежных нормах в различных правовых аспектах. Случаи, которые считались очевидными и не вызывавшими сомнений, в ЗХ вообще не упоминаются, например наказание за умышленное убийство, кражу или за чародейство. Такие дела решались по обычаю. Вместе с тем вавилонские юристы еще испытывали затруднения при формулировке важнейших общих принципов и понятий права, хотя определенное представление о них имели. Поэтому они выражали их казуистически: принцип «по одному делу решение два раза не выносится» выражен, видимо, в § 5, который карает судью за «изменение решения» после того, как решение уже принято и выдан соответствующий документа представление о недееспособности малолетних и несвободных выражено, видимо, в § 7, карающем за принятие какого-либо имущества из рук «малолетнего сына человека или раба человека (...) без свидетелей и договора» (а при свидетелях, которым известны участники сделки, она не могла бы иметь места).

ЗХ начинаются с «Пролога», в котором Вавилон объявляется «вечным обиталищем царственности» в отличие от принятого ранее принципа, согласно которому «царственность» могла перемещаться из одного города в другой; перечисляются заслуги Хаммурапи перед каждым важнейшим городом Месопотамии и их божествами-покровителями, и провозглашается цель создания Законов: «Дабы сильный не притеснял слабого, дабы сироте и вдове оказываемая была справедливость...» Далее следуют собственно Законы (разбивка текста на 282 отдельных параграфа — результат работы ассириологов, издававших этот текст, в оригинале ее нет). В тексте Законов можно выделить следу тощие разделы : 1) основные принципы правосудия (§ 1—5); 2) охрана собственности царя, храмов, общинников и царских людей (§ 6— 25); 3) нормы, касающиеся служебного имущества (§ 26—41); 4) операции с недвижимостью и связанные с нею деликты (§ 42—88); 5) торговые и коммерческие операции (§ 89—126); 6) семейное право (§ 127—195); (7) телесные повреждения (§ 196--214); 8) операции с движимым имуществом и личный наем (§ 215—282). Далее следует «Эпилог», содержащий проклятия тем, кто отступит от установлении, содержащихся в ЗХ. «Пролог» и «Эпилог» написаны торжественным и архаичным языком и во многих отношениях напоминают литературные произведения, сами же узаконения изложены сухим и ясным, деловым языком.

Вавилонское право, как и любое древнее право, не делилось на уголовное, гражданское, процессуальное, государственное и т.п. Текст ЗХ носит «синтетический» характер, устанавливая одновременно и правила, и ответственность за их нарушение. Общество, каким оно обрисовано в ЗХ, состоит, как уже упоминалось, из свободных общинников (авилум), царских людей (мушкенум) и рабов (вардум). Положение царских людей на практике могло быть весьма различным: их высшие слои получали от царя очень большие надель и были одновременно и общинниками, а низшие имели крохотные служебные надель или даже только натуральные пайки и мало чем отличались от рабов. Иначе говоря, между свободой и рабством внутри категории царских людей существовали многочисленные промежуточные ступени. Жизнь, честь и личную неприкосновенность мушкенума ЗХ оценивают «дешевле», чем авилума (§ 196 и сл.), но зато имущество мушкенумов охраняется более строго: ведь оно фактически есть составная часть царского имущества (§ 8)(По этой именно причине имущество мушкенов особо защищается и царскими законами Эшнунны (§ 24), в то время как защита имущества свободного гражданина предоставляется обычному праву.). В этот период некоторые остатки правоспособности еще сохраняют и рабы: раб дворца или мушкенума мог вступить в брак со свободной женщиной, а дети от такого брака считались свободными (§ 175—176). Своих детей от рабыни ее господин мог признать своими законными детьми (со всеми вытекающими отсюда для них правами), по если даже он их таковыми и не признал, после смерти господина они и их мать получали свободу (§170—171). Раб, купленный в чужой стране, в

Вавилонии должен был быть отпущен на свободу без выкупа, если выяснялось, что он вавилонянин. За оскорбление действием, нанесенное свободному, и за оспаривание своего рабского состояния раб подлежал не внесудебной расправе, а наказанию по суду (отрезанию уха — § 205 и 282). Наконец, долговое рабство было ограничено сроком в три года (долговым рабом мог стать сам должник, или его раб, или член семьи), и даже продажа свободнорожденного человека в рабство была ограничена тем же сроком (§ 117). В связи с долгами существовал и другой вид временной утраты свободы— заложничество (§ 114—116). Заложника кредитор, видимо, брал насильно и держал его в своего рода частной долговой тюрьме, чтобы принудить должника к уплате.

Кредиторами чаще всего выступали торговые агенты (тамкары), которые были государственными чиновниками, но одновременно вели разного рода коммерческие дела также и на свои собственные средства. В каждом крупном городе существовало объединение таких купцов (карум—«пристань»), осуществлявшее административный надзор за тамкарами и ведавшее их взаимными расчетами и расчетами с государством. Тамкары вели международную торговлю как лично, так и через помощников-щамаллу, т.е. странствующих торговцев, не располагавших собственными средствами. Другим важным видом деятельности торговых агентов было, как уже отмечено, ростовщичество (А также, хотя об этом не упомянуто в ЗХ, сбор налогов.). Займы натурой предоставлялись под условием роста в одну треть, а займы серебром — в одну пятую основной суммы, как правило, на короткий срок — до урожая. Из деловых документов видно, что существовали и другие виды роста (вплоть до сложных процентов). ЗХ пытаются до известной степени оградить должников от злоупотреблений со стороны кредиторов: разрешается в некоторых случаях отсрочка уплаты долга (§ 48); допускается замена серебра другими материальными ценностями (§ 51 и 96); запрещается забирать в покрытие долга урожай поля или сада (§ 49 и 66); устанавливается наказание за обмер и обвес при выдаче и возвращении ссуды (§ 94).

Сельское хозяйство было основой всей жизни в Месопотамии, неудивительно поэтому, что ЗХ уделяют ему очень большое внимание. Основным типом хозяйства было мелкое, крупные землевладельцы обрабатывали свои земли либо посредством предоставленных в их распоряжение низших категорий царских людей, либо сдавая их мелкими участками в аренду из доли урожая (1/3 или 1/2 урожая — § 46) или за твердую плату вперед (§ 45). На арендаторе лежала обязанность вести хозяйство добросовестно, обеспечивая надлежащий доход (§ 42—44). Срок аренды мог быть продлен, если арендатор из-за стихийных бедствий потерпел убыток (§ 47). Земледелец обязан содержать в исправности оросительные сооружения и несет ответственность за убыток, который причиняет соседям его нерадивость (§ 53—56). Крупный и мелкий скот передавался для пастбы специальным пастухам (наемным или царским людям),

которые несли ответственность за потраву (§ 57—58), а также за любой ущерб в стаде, происшедший по вине пастуха (§ 263—267). Работа по найму была, видимо, распространена довольно широко, наемниками могли быть и свободные люди, и рабы. ЗХ подробно регулируют тарифы заработной платы для очень многих видов труда, от самого квалифицированного (врач, ветеринар, строитель, корабельщик) до труда ремесленника (кирпичник, кузнец, плотник, сапожник, ткач и т.п.), а также и неквалифицированных видов труда (§ 215—224, 253—274). Работников нанимали, как правило, на короткий срок — на время сева или особенно жатвы — либо поденно на время, необходимое для выполнения конкретной работы. Поэтому и тарифы наемной платы в основном поденные. Наемник несет материальную и «уголовную» ответственность за причинение хозяину убытков. Плата наемному работнику была рассчитана на возможность прокорма им семьи в течение периода найма.

Большое внимание ЗХ уделяют семье—основной ячейке вавилонского общества (§ 127 и сл.). Брак считается законным лишь при соблюдении определенных юридических формальностей (§ 128): требовалось заключить при свидетелях брачный контракт, который обычно был устным, но при наличии особых обстоятельств (см. далее) мог быть и письменным. Семья была моногамной, и супружеская неверность со стороны жены каралась смертью (§ 129). ЗХ устанавливают подробные правила для разбора обвинений такого рода (§ 130—136). Однако муж мог сожительствовать с рабынями и прижитых с ними детей признать своими законными детьми (§ 170). При определенных обстоятельствах (болезнь жены—§ 148; женитьба на жрице, которой не полагалось иметь детей, — § 145; дурное поведение жены — § 141) муж мог взять вторую жену. В случае женитьбы на богатой жрице или вообще на богатой женщине, а также для урегулирования вопроса о детях (и о возможной второй жене) составлялся письменный брачный договор. Целью брака было рождение детей, которые унаследуют семейное имущество и будут поддерживать культ предков, без чего эти последние обречены на муки голода в загробном мире. Поэтому ЗХ подробно рассматривают вопрос об имущественных отношениях между супругами: о приданом и брачном выкупе (§ 159—164); о раздельной ответственности по долгам, возникшим до брака (§ 151—152); об имуществе жены (§ 150). Вавилонский брак не был, вопреки тому, что об этом часто пишут, «браком-куплей»: размер приданого был больше, чем размер выкупа (§ 163—164). Если же брак и сохранял формальное сходство с покупкой, то объясняется это тем, что древнее право просто не знает иного способа передачи патриархальной власти над человеком, чем купля-продажа (даже и в римском праве освобождение сына из-под отцовской власти оформлялось как фиктивная продажа).

Столь же детально ЗХ освещают вопросы наследования (§ 165 и сл.). Лишение наследства допускалось только в случае Двукратной тяжкой провинности со стороны сына (§ 167—168). В случае бездетного брака выход искали в усыновлении чужих детей (по

соглашению с их кровными родителями) или найденышей (§ 185 и сл.)(Если настоящие родители предъявляли претензии на ребенка, тот мог им быть возвращен, кроме случаев, когда он был усыновлен евнухом (которых было много при дворе и в некоторых храмах) или зикрум.). Наконец, подробно рассматривается в ЗХ вопрос об имуществе жриц. В Вавилонии было принято посвящение девочек в храмы для службы богам, и эти девочки становились затем жрицами разных рангов, в том числе и весьма высоких(Бесприданницы, не выданные замуж, девушки-сироты и др. становились гетерами (харимтум). Считалось, что они, как и жрицы, находятся под покровительством богини Иштар.). Они получали определенную долю в родительском имуществе (§ 178 и сл.), а после их смерти наследниками становились, как правило, их братья.

Как уже отмечалось, вавилонское право не знало деления на гражданское и уголовное. ЗХ уделяют много внимания наказаниям за различные проступки и преступления — от нарушения обязанностей, связанных со службой, до посягательств на имущество и преступлений против личности. Для ЗХ характерно очень широкое применение смертной казни за самые различные виды преступлений — от присвоения чужого имущества до прелюбодеяния. За некоторые особо тяжкие, с точки зрения законодателя, преступления ЗХ назначают квалифицированные виды смертной казни: сожжение за инцест с матерью (§ 158), сажание на кол жены за соучастие в убийстве мужа (§ 153). В остальных случаях ЗХ устанавливают либо наказание по принципу талиона («зеркального», т.е. наказания равным за равное, или «символического», когда, например, отсекают «согрешившую» руку), либо денежную компенсацию.

Принцип талиона известен из более ранних месопотамских законодательных источников, но только в ЗХ он проводится столь широко и последовательно. Широко распространено ошибочное представление о талионе как о «пережитке кровной мести». В действительности же кровная месть исходит из принципа коллективной вины и коллективной ответственности, унаследованного от первобытнообщинного строя. В связи с развитием представлений о личности возникает и представление об индивидуальной вине и индивидуальной ответственности. Кроме того, возникшее гражданское общество заинтересовано в том, чтобы распри не длились бесконечно, что практически неизбежно при кровной мести. Поэтому вводится принцип обязательной денежной компенсации, а затем и принцип талиона, представлявший наиболее справедливым для правосознания той эпохи. Иначе говоря, развитие ответственности идет по пути индивидуализации, наказание же приобретает все более публичный характер.

Судебный процесс в Вавилонии был устным и состязательным. Это означает, что дела возбуждались лишь по жалобе заинтересованной стороны, а в ходе процесса каждая из сторон должна была доказывать свои утверждения. Протоколы процессов не велись, хотя некоторые

наиболее важные моменты могли фиксироваться письменно. Решения и приговоры тоже, как правило, были устными. Основными доказательствами были Зикрум была женщина, видимо исполнявшая роль мужчины в определенных культах, которая не могла иметь своих детей.

Свидетельские показания (см., например, § 9—11) и документы. В некоторых случаях при отсутствии иных способов установления истины прибегали к «божьему суду». «Божий суд» мог иметь две формы: 1) волная ордалия и 2) клятва во имя богов. Водная ордалия осуществлялась путем погружения подозреваемого в воду реки, и если он тонул, считалось, что Река (т.е. бог реки) покарала виновного. Если ему удавалось выйти из воды благополучно, он считался оправданным (В средневековой Европе, наоборот, всплывший считался виновным.) (§2). Клятва богам, по тогдашним представлениям, неминуемо навлекала на ложно поклявшегося кару богов. Поэтому принесение такой клятвы считалось достаточным основанием для оправдания, а отказ принести клятву — доказательством справедливости обвинения. Ложное обвинение, как и лжесвидетельство, каралось по принципу талиона, т.е. тем же самым наказанием, которое понес бы обвиненный, будь его вина доказана.

ЗХ считались образцом законодательства на протяжении всей дальнейшей истории «клинописной» культуры Месопотамии. Их продолжали переписывать и изучать вплоть до эллинистического и даже парфянского периода истории Вавилонии. До нас дошло около 40 списков текста ЗХ, что намного превышает количество списков подавляющего большинства древних текстов.

В заключение необходимо отметить, что мнения специалистов о месопотамских законах значительно расходятся. Некоторые считают, что перед нами не законы в собственном смысле слова, а самовосхваления царей, долженствующие показать их мудрость и справедливость, либо некие теоретические упражнения месопотамских ученых, не имевшие практического значения. Эта весьма распространенная точка зрения исходит из предположения, что настоящие законы в Месопотамии вообще не публиковались, а законы мнимые, не имевшие практического применения, служащие лишь восхвалению справедливости царя, не только записывались, но и выставлялись для всеобщего обозрения и затем копировались писцами в течение столетий. Нам эта точка зрения кажется совершенно неприемлемой. Но и среди тех исследователей, кто считает ЗХ настоящими законами, существуют разногласия по вопросу о том, какую часть населения охватывают их установления (всех жителей страны либо только царских людей). В советской науке утвердилась точка зрения, согласно которой эти тексты являются настоящими законами, хотя и весьма архаичными, и распространяются на все население царства; однако они не дублируют обычного права там, где оно, с точки зрения законодателя, достаточно обеспечивало интересы правосудия и не нуждалось в замене новыми нормами;

кроме того, несомненно, что эти законы, естественно, уделяют особое внимание интересам царского хозяйства и царских людей, особенно там, где царские интересы могли сталкиваться с интересами частных лиц.

Раздел составлен Якобсоном В.А.

Конец старовавилонского периода.

Реформаторская и законодательная деятельность Хаммурапи, грандиозная по своим масштабам и целенаправленности, произвела большое впечатление на современников и надолго осталась в памяти потомков. Однако все эти меры, часто новаторские по форме и способу проведения, по сути своей были направлены не на обновление общества, а на поддержание традиционных общественных институтов, таких, как натуральное хозяйство, общинная собственность на землю и т.п. Следовательно, объективно Хаммурапи стремился оказать противодействие тому новому, что, по представлениям того времени, разрушало государство и подрывало его социальные и экономические устои. Ставя препоны частной деятельности, приводящей к обогащению одних лиц и разорению других, реформы Хаммурапи, по существу, были направлены против расширения товарного производства и обращения.

Однако в тех условиях подобное расширение, хотя оно и приводило к расцвету ростовщичества, злоупотреблениям политической властью, подрыву общинной собственности на землю, было единственной возможной формой развития экономики, и все попытки остановить это развитие не могли иметь долговременного успеха.

Хаммурапи был, несомненно, одним из самых выдающихся деятелей в истории Месопотамии, и его личные качества сыграли немалую роль в возвышении Вавилона и сохранении им долгое время своей власти над значительной частью Месопотамии. Однако те же силы, которые подточили государство династии Ура и привели его к упадку, продолжали действовать в Месопотамии и после образования Вавилонского государства. После смерти Хаммурапи основанное им государство просуществовало при его потомках еще более 200 лет, постепенно ослабевая под ударами внутренних и внешних врагов. Место амореев заняли пастушеские племена касситов, которые вторглись в Месопотамию с Востока — с центральной части горных хребтов Загроса. Удары касситов, трудности охраны протяженных границ, экономические затруднения, вызванные неспособностью государства преградить путь ростовщичеству и остановить обезземеливание общинников, — все это ослабляло Вавилон и усиливало сепаратистские стремления подчиненных ему областей.

Первым от Вавилона отпал город Терка на р. Хабур, где кочевали племена ханеев; здесь осела и большая группа касситов. Затем

восстали города на юге страны, поддержанные племенами идамарац и ямутбала. Восстание было подавлено сыном Хаммурапи, Самсуилуной (1739 г. до н.э.), многие города на юге страны — Ларса и древнейшие центры шумерской цивилизации, хранители тысячелетних традиций клинописной культуры, Урук и Ур — были полностью разрушены и надолго опустели. Однако Вавилону не удалось окончательно вернуть себе юг.

Образовавшееся у берегов Персидского залива государство Приморской династии просуществовало более 200 лет.

К середине XVII в. у Вавилонского государства, которое оставалось крупнейшим на территории Месопотамии, появились еще более сильные соперники, и размеры его сильно уменьшились. На юге Лагаш и Ур с примыкавшими к ним территориями прочно вошли в состав Приморского царства, на севере границы Вавилона пролегали южнее среднего Евфрата и Ашшура на среднем Тигре, из областей за Тигром за ним сохранялись территории, где кочевали племена идамарац и ямутбала. В Верхней Месопотамии прочно держалось Ханойское царство с центром в Терке, где аккадско-аморейскую династию сменила касситская. К власти здесь пришел царь с касситским именем Каштилиаш, который правил до конца Вавилонской династии. Отсюда касситы небольшими группами постепенно проникали на юг Месопотамии, многие из них нанимались на сезонные работы в городах и селах, поступали на службу в войско. После вторжения с юга Малая Азия хеттов во главе с Мурсили I, который, видимо, низложил Самсудитану, последнего царя Вавилонской династии, касситы в 1595 г. до н.э. захватили царскую власть в Вавилонии. Их правление продолжалось более 400 лет.

Литература:

Козырева Н.В. Старовавилонский период истории Месопотамии./История Древнего мира. Ранняя Древность.- М.:Знание, 1983 - с.86-110

Лекция 5: Шумерская и Аккадская культура.

Религиозное мировоззрение и искусство населения нижней Месопотамии III тысячелетия до н.э.

Эмоционально окрашенное сопоставление явлений по принципу метафоры, т.е. путем совмещения и условного отождествления двух или более явлений с каким-либо общим типичным признаком (солнце — птица, поскольку и оно и птица парят над нами; земля—мать), долго оставалось для людей основным способом обобщения. Так возникали мифы, которые были не только метафорическим истолкованием явлений, но и эмоциональным переживанием. В обстоятельствах, где проверка общественно признанным опытом была

невозможна или недостаточна (например, за пределами технических приемов производства, где, однако, тоже применялось ассоциативное обобщение), действовала, очевидно, и «симпатическая магия», под которой здесь понимается неразличение (в суждении или в практическом действии) степени важности логических связей.

В то же время люди стали уже осознавать существование некоторых закономерностей, касавшихся их жизни и труда и определявших «поведение» природы, животных и предметов. Но они не могли пока найти этим закономерностям иного объяснения, кроме того, что те поддерживаются разумными действиями каких-то могущественных существ, в которых метафорически обобщалось существование миропорядка. Сами эти могущественные живые начала представлялись не как идеальное «нечто», не как дух, а как материально действующие, а следовательно, вещественно существующие; поэтому предполагалось возможным воздействовать на их волю, например задобрить. Важно отметить, что действия логически обоснованные и действия магически обоснованные тогда воспринимались как одинаково разумные и полезные для жизни человека, в том числе и для производства.

Разница заключалась в том, что логическое действие имело практическое, эмпирически - наглядное объяснение, а магическое (ритуальное, культовое) — объяснение мифическое; оно представляло собой в глазах древнего человека повторение некоего действия, совершенного божеством или предком в начале мира и совершаемого в тех же обстоятельствах и поныне, потому что исторические изменения в те времена медленного развития реально не ощущались и стабильность мира определялась правилом: делать так, как делали боги или предки в начале времен. К таким действиям и понятиям критерий практической логики был неприменим.

Магическая деятельность — попытки воздействовать на олицетворенные закономерности природы эмоциональным, ритмическим «божественным» словом, жертвоприношениями, обрядовыми телодвижениями — казалась столь же нужной для жизни общины, как и любой общественно полезный труд.

В эпоху неолита (новокаменного века), видимо, уже появилось ощущение наличия неких абстрактных связей и закономерностей в окружающей действительности. Возможно, это отразилось, например, в преобладании геометрической отвлеченности в изобразительной передаче мира — человека, животных, растений, движений. Место беспорядочного нагромождения магических рисунков животных и людей (пусть даже очень точно и наблюдательно воспроизведенных) занял абстрактный орнамент. Изображение при этом не теряло своего магического назначения и в то же время не обособлялось от повседневной деятельности человека; художественное творчество сопровождало домашнему изготовлению нужных в каждом хозяйстве вещей, будь то посуда или цветные бусы, фигурки божеств либо

предков, но особенно, конечно, изготовлению предметов, предназначенных, например, для культово-магических праздников или для погребения (чтобы покойник мог ими пользоваться в загробном мире).

Создание предметов как домашнего, так и культового назначения было творческим процессом, в котором древним мастером руководило художественное чутье (вне зависимости от того, осознавал он это или нет), в свою очередь развивавшееся во время работы.

Керамические изделия неолита и раннего энеолита демонстрируют нам одну из важных ступеней художественного обобщения, главным показателем которого является ритм. Чувство ритма, вероятно, органично присуще человеку, но, видимо, открыл его в себе человек не сразу и далеко не сразу сумел образно воплотить. В палеолитических изображениях мы мало ощущаем ритм. Он появляется только в цеолите как стремление упорядочить, организовать пространство. По расписной посуде разных эпох можно наблюдать, как человек учился обобщать свои впечатления от природы, так группируя и стилизуя открывавшиеся его глазам предметы и явления, что они превращались в стройный геометризованный растительный, животный или абстрактный орнамент, строго подчиненный ритму. Начиная от простейших точечных и штриховых узоров на ранней керамике и кончая сложными симметричными, как бы движущимися изображениями на сосудах V тысячелетия до н.э., все композиции органически ритмичны. Даже самый абстрактный узор нес в себе эмоционально-образную информацию, поддерживаемую устной традицией.

С ещё более сложной формой обобщения мы сталкиваемся при изучении неолитической и раннеэнеолитической скульптуры. Статуэтки, вылепленные из глины, смешанной с зерном, найденные в местах хранения зерна и в очагах, с подчеркнута женскими и специально материнскими формами, фаллосы и фигурки бычков, очень часто попадающиеся рядом с человеческими фигурками, синкретически воплощали восприятие земного плодородия. Наиболее сложной формой его выражения кажутся нам нижнемесопотамские мужские и женские статуэтки начала IV тысячелетия до н.э. со зверообразной мордой и наклепками-вкладышами для вещественных образцов растительности (зерен, косточек) на плечах и в глазах. Эти фигурки еще нельзя назвать божествами плодородия — скорее это ступень, предшествующая созданию образа божества-покровителя общины, существование которого мы можем предполагать в несколько более позднее время, исследуя развитие архитектурных сооружений, где эволюция идет по линии: алтарь под открытым небом — храм.

В IV тысячелетии до н.э. на смену расписной керамике приходит нерасписная, иногда покрытая стекловидным поливом, выполненная на быстро вращающемся гончарном круге.

Культуру Протописьменного периода уже можно уверенно назвать в своей основе шумерской или по крайней мере протошумерской. Памятники ее распространены по всей Нижней Месопотамии, захватывают Верхнюю Месопотамию и тянутся далеко вверх по Евфрату, а также по р. Тигр. К наивысшим достижениям этого периода следует отнести: расцвет храмостроительства, расцвет искусства глиптики (резьбы на печатях), новые формы пластики, новые принципы изобразительности и изобретение письменности.

Все искусство того времени, как и мировоззрение, было окрашено культом. Заметим, однако, что, говоря об общинных культах древней Месопотамии, трудно делать заключения о шумерской религии как о системе. Правда, всюду почитались общие космические божества: «Небо» Ан (аккад. Ану), «Владыка земли», божество Мирового океана, на котором плавает Земля, Энки (аккад. Эйя); «Владыка-Дуновение», божество наземных сил, Энлиль (аккад. Эллиль), он же бог шумерского племенного союза с центром в Ниппуре; многочисленные «богини-матери», боги Солнца и Луны. Но большее значение имели местные боги-покровители каждой общины, обычно каждый со своими супругой и сыном, с множеством приближенных. Бесчисленны были мелкие добрые и злые божества, связанные с зерном и скотом, с домашним очагом и хлебным амбаром, с болезнями и напастями. Они по большей части были различными в каждой из общин, о них рассказывали разные, противоречившие друг другу мифы.

Храмы строились не всем богам, а лишь главнейшим, преимущественно же богу или богине—покровителям данной общины. Наружные стены храма и платформы были украшены равномерно отстоящими друг от друга выступами (этот прием повторяется и при каждой последовательной перестройке). Сам же храм состоял из трех частей: центральной в виде длинного двора, в глубине которого помещалось изображение божества, и симметричных боковых приделов по обеим сторонам двора. На одном конце двора располагался алтарь, на другом конце — стол для жертвоприношений. Примерно такую же планировку имели храмы этого времени и в Верхней Месопотамии.

Так на севере и на юге Месопотамии формируется определенный тип Культурного строения, где закрепляются и становятся традиционными некоторые строительные принципы, общие и почти для всей позднейшей месопотамской архитектуры. Главные из них таковы: 1) постройка святилища на одном месте (все более поздние перестройки включают в себя предшествующие, и здание, таким образом, никогда не переносится); 2) высокая искусственная платформа, на которой стоит центральный храм и к которой с двух сторон ведут лестницы (впоследствии, может быть, именно в результате обычая строить храм на одном месте вместо одной платформы мы уже встречаем три, пять и, наконец, семь платформ, одну над другой с храмом на самом вершине — так называемый зиккурат). Стремление строить высокие храмы подчеркивало

древность и исконность происхождения общины, а также связь святилища с небесным обиталищем бога; 3) трехчастный храм с центральным помещением, представляющим собой открытый сверху внутренний дворик, вокруг которого группируются боковые пристройки (на севере Нижней Месопотамии такой двор мог быть крытым); 4) членение наружных стен храма, а также платформы (или платформ) чередующимися выступами и нишами.

Из древнейшего Урука нам известно особое сооружение, так называемое «Красное здание» с эстрадой и столбами, украшенными мозаичным орнаментом,— предположительно двор для народной сходки и совета.

С началом городской культуры (даже самой примитивной) открывается новый этап и в развитии изобразительного искусства Нижней Месопотамии. Культура нового периода становится богаче и разнообразнее. Вместо печатей-штампов появляется новая форма печатей — цилиндрическая. Печати-амулеты в форме Животных или головок животных, которые так распространены в Протописьменный период, можно считать формой, соединяющей глиптику, рельеф и круглую скульптуру. Функционально все эти предметы — печати.

Стремление как можно точнее передать изображаемую натуру, особенно когда дело касается представителей животного мира, характерно для искусства Нижней Месопотамии этого периода. Маленькие фигурки домашних животных — бычков, баранов, коз — выполненные в мягком камне, разнообразные сцены из жизни домашних и диких животных на рельефах, культовых сосудах, печатях поражают прежде всего точным воспроизведением строения тела, а также позы, движения, переданных живо и выразительно и удивительно лаконично. Однако настоящей круглой скульптуры все же почти нет.

Другой характерной чертой раннешумерского искусства является его повествовательность. Каждый фриз на цилиндрической печати, каждое рельефное изображение — рассказ, который можно прочесть по порядку.

В шумерском искусстве Протописьменного периода мы уже наблюдаем, как человек начал отделять себя от природы. Искусство Нижней Месопотамии этого периода предстает перед нами как качественно новый этап в отношении человека к окружающему его миру. Не случайно памятники культуры Протописьменного периода оставляют впечатление пробуждения человеческой энергии, осознания человеком своих новых возможностей, попытки выразить себя в окружающем мире, который он осваивает все больше и больше.

Памятники Раннединастического периода представлены значительным числом археологических находок, которые позволяют смелее говорить о некоторых общих тенденциях в искусстве.

В архитектуре окончательно складывается тип храма на высокой платформе, который иногда (а весь храмовый участок даже обычно) был обнесен высокой стеной. Храм к этому времени принимает более лаконичные формы — подсобные помещения четко отделены от центральных культовых, число их уменьшается. Исчезают колонны и полуколонны, а с ними и мозаичная облицовка. Основным приемом художественного оформления памятников храмовой архитектуры остается членение наружных стен выступами. Не исключено, что в этот период утверждается многоступенчатость зиккурата главного городского божества, который постепенно вытесняет храм на платформе. Одновременно существовали и храмы второстепенных божеств, которые имели меньшие размеры, строились без платформы, но обычно тоже в пределах храмового участка.

Своеобразный памятник архитектуры обнаружен в Кише — светское здание, представляющее собой первый образец соединения дворца и крепости в шумерском строительстве.

Памятники скульптуры в большинстве своем представляют собой небольшие (25—40 см) фигурки из местного алебастра и более мягких пород камня (известняка, песчаника и т.д.). Помещались они обычно в культовых нишах храмов. Для северных городов Нижней Месопотамии характерны преувеличенно вытянутые, для южных, напротив, преувеличенно укороченные пропорции статуэток. Всем им свойственно сильное искажение пропорций человеческого тела и черт лица, с резким подчеркиванием одной-двух черт, особенно часто — носа, глаз и ушей. Такие фигуры ставились в храмах для того, чтобы они представляли там, молились за того, кто их поставил. Для них не требовалось конкретного сходства с оригиналом, как скажем, в Египте, где раннее блистательное развитие портретной скульптуры было обусловлено требованиями магии: иначе душа-двойник могла бы перепутать хозяина; здесь же было вполне достаточно короткой надписи на фигурке. Магические цели, видимо, нашли отражение в подчеркнутых чертах лица: большие уши (для шумеров — вместилища мудрости), широко раскрытые глаза, в которых просительное выражение сочетается с удивлением магического прозрения, руки, сложенные в молитвенном жесте. Все это часто превращает нескладные и угловатые фигурки в живые и выразительные. Передача внутреннего состояния оказывается гораздо важнее передачи внешней телесной формы; последняя разрабатывается лишь в той мере, в какой она отвечает внутренней задаче скульптуры — создать образ, наделенный сверхъестественными свойствами («всевидящий», «всеслышащий»). Поэтому в официальном искусстве Раннединастического периода мы уже не встречаем той своеобразной, порой свободной трактовки, которая отмечала лучшие произведения искусства времени Протописьменного периода. Скульптурные фигурки Раннединастического периода, даже если они изображали божеств плодородия, полностью лишены чувственности; их идеал — стремление к сверхчеловеческому и даже нечеловеческому.

В постоянно воевавших между собой номах-государствах были разные пантеоны, различные ритуалы, не было единообразия в мифологии (если не считать сохранения общей главной функции всех божеств III тысячелетия до н.э.; это прежде всего общинные боги плодородия). Соответственно при единстве общего характера скульптуры изображения очень различны в деталях. В глиптике начинают преобладать цилиндрические печати с изображением героев и вздыбленных животных.

Ювелирные изделия Раннединастического периода, известные главным образом по материалам раскопок урских гробниц, по праву могут быть отнесены к шедеврам ювелирного творчества.

Искусство аккадского времени, пожалуй, более всего характеризуется центральной идеей обожествляемого царя, который появляется сначала в исторической действительности, а затем в идеологии и в искусстве. Если в истории и в легендах он предстает человеком нецарского рода, который сумел достичь власти, собрал огромную армию и впервые за все время существования государств-номов в Нижней Месопотамии подчинил себе весь Шумер и Аккад, то в искусстве это мужественный человек с подчеркнута энергичными чертами сухощавого лица: правильные, четко очерченные губы, небольшой нос с горбинкой — портрет идеализированный, возможно, обобщенный, но достаточно точно передающий этнический тип; этот портрет вполне соответствует сложившемуся из исторических и легендарных данных представлению о герое-победителе Сар гонимом Аккадском (такова, например, медная портретная голова из Ниневии — предполагаемое изображение Саргона). В других случаях обожествленный царь изображен совершающим победоносный поход во главе своего войска. Он карабкается по кручам впереди воинов, фигура его дана крупнее, чем фигуры остальных, над его головой сияют символы-знаки его божественности — Солнце и Луна (стела Нарам-Суэна в честь его победы над горцами). Он выступает также в виде могучего героя в локонах и с кудрявой бородой. Герой сражается со львом, его мускулы напряжены, одной рукой он сдерживает вздыбившегося льва, чьи когти в бессильной ярости царапают воздух, а другой вонзает кинжал хищнику в загривок (излюбленный мотив аккадской глиптики). В какой-то мере изменения в искусстве аккадского периода связаны с традициями северных центров страны. Иногда говорят о «реализме» в искусстве аккадского периода. Конечно, о реализме в том смысле, как мы сейчас понимаем этот термин, не может быть и речи: фиксируются не действительно видимые (хотя бы и типичные), а существенные для концепции данного предмета черты. Все же впечатление жизнеподобия изображаемого очень остро.

События времени Аккадской династии расшатали сложившиеся жреческие шумерские традиции; соответственно процессы, происходящие в искусстве, впервые отразили интерес к отдельной личности. Влияние аккадского искусства сказывалось в течение

столетий. Его можно обнаружить и в памятниках последнего периода шумерской истории — III династии Ура и династии Иссины. Но в целом памятники этого позднейшего времени оставляют впечатление однообразия и стереотипности. Это соответствует действительности: например, над печатями трудились мастера-гуруши огромных царских ремесленных мастерских III династии Ура, набившие себе руку на четком воспроизведении одной и той же предписанной темы — поклонения божеству.

Шумерская литература.

Всего в настоящее время нам известно около ста пятидесяти памятников шумерской литературы (многие из них сохранились в виде фрагментов). В их числе—стихотворные записи мифов, эпические сказания, свадебно-любвные песни, связанные со священным браком обожествленного царя со жрицей, погребальные плачи, плачи о социальных бедствиях, гимны в честь царей (начиная с III династии Ура), литературные имитации царских надписей; очень широко представлена дидактика — поучения, назидания, споры-диалоги, сборники басен, анекдоты, поговорки и пословицы.

Особняком стоят надписи (на камнях, стелах, глиняных конусах и т.п.); древнейшие содержат лишь имя бога, название сооружения, возведенного в его честь, и имя правителя. Позже в состав надписи, особенно в Лагаше, вводятся описания битвы («Стела Коршунов» Эанатума), история войн с соседями (надпись Энметены), изложение социальных мероприятий (конусы Урунимгины); вершиной жанра являются метровые глиняные цилиндры Гудеа, где в поэтической форме описывается возведение храма богу Нингирсу по желанию богов.

Из всех жанров шумерской литературы наиболее полно представлены гимны. Самые ранние записи их восходят к середине Раннединастического периода. Безусловно, гимн — один из наиболее древних способов коллективного обращения к божеству. Запись такого произведения должна была производиться с особой педантичностью и пунктуальностью, ни одного слова нельзя было изменить произвольно, поскольку ни один образ гимна не был случайным, за каждым стояло мифологическое содержание. Гимны рассчитаны на чтение вслух — отдельным жрецом или хором (Конечно, текст не читали вслух с глиняной таблички, а предварительно заучивали «из уст» какого-либо писца. Жрецы III—II тысячелетий до н.э., как правило, были неграмотны.), и эмоции, которые возникали при исполнении такого произведения,— это коллективные эмоции. Огромное значение ритмической речи, воспринимающейся эмоционально-магически, выступает в таких произведениях на первый план. Обычно в гимне восхваляется божество и перечисляются деяния, имена и эпитеты бога. Большинство гимнов, которые дошли до нас, сохранились в школьном каноне г. Ниппура (Этот канон, или «поток традиции», содержит произведения, записанные, а чаще всего

и составленные в г. Ниппуре, входившие в круг чтения обучавшихся и зрелых писцов. Ниппурская библиотека была обнаружена в школе, так называемой э-дубе («дом табличек»). Хотя школа эта была светской (она готовила писцов для гражданской администрации), однако естественно (особенно для такого культового центра, как Ниппур), что жрецы оказывали на неё огромное влияние.) и чаще всего посвящены Энлилю, богу-покровителю этого города, и другим божествам его круга. Но есть также гимны царям и храмам. Однако гимны можно было посвящать лишь обожествленным царям, а обожествлялись в Шумере не все цари.

Наравне с гимнами, богослужебными текстами являются плачи, очень распространенные в шумерской литературе (особенно плачи о народных бедствиях). Но самый древний памятник подобного рода, известный нам, не богослужебный. Это «плач» о разрушении Лагаша царем Уммы Лугальзагеси. В нем перечисляются разрушения, произведенные в Лагаше, и проклинается их виновник. Остальные же дошедшие до нас плачи — плач о гибели Шумера и Ура, плач о гибели Ура, плач о гибели Урука и Эреду—ритуального характера: они исполнялись, видимо, при обряде восстановления разрушенных городов и храмов.

С культом связана замечательная серия поэм (или песнопений), начиная с «Хождения Инаны в преисподнюю» и кончая «смертью Думузи», отражающая миф об умирающих и воскресающих божествах и связанная с соответствующими обрядами. Богиня плотской любви и животного плодородия Иннин (Инана) полюбила бога - (или героя-) пастуха Думузи и взяла его в мужья. Однако затем она низошла в преисподнюю, по-видимому чтобы оспорить власть царицы преисподней. Умерщвленная, но хитростью богов возвращенная к жизни, Инана может вернуться на землю (где тем временем все живое перестало размножаться), лишь отдав преисподней за себя живей выкуп. Инана почитается в разных городах Шумера и в каждом имеет супруга или сына; все эти божества преклоняются перед ней и молят о пощаде; лишь один Думузи гордо отказывается. Думузи предан злым гонцам преисподней; тщетно сестра его Гештинана («Лоза небес») трижды превращает его в животное и прячет у себя; Думузи убит и уведен в подземный мир. Однако Гештинана, жертвуя собой, добивается, чтобы Думузи на полгода отпускали к живым, на это время она сама взамен него уходит в мир мертвых. Пока бог-пастух царит на земле, богиня-растение умирает. Структура мифа оказывается много сложнее, чем упрощенный мифологический сюжет умирания и воскрешения божества плодородия, как он обычно излагается в популярной литературе.

К ниппурскому канону принадлежат также девять сказаний о подвигах героев, отнесенных «Царским списком» к полулегендарной I династии Урука, — Энмеркара, Лугальбанды и Гильгамеша,— об их дальних походах и сказочных приключениях. Ниппурский канон, видимо, начал создаваться в период III династии Ура, а цари этой

династии были тесно связаны с Уруком: ее основатель возводил свой род к Гильгамешу. Включение в канон урукских легенд произошло скорее всего потому, что Ниппур был культовым центром, который всегда был связан с господствующим в данное время городом. При III династии Ура и I династии Иссина единообразный ниппурский канон был введен в э-дубах (школах) других городов державы.

Все дошедшие до нас героические сказания находятся на стадии образования циклов, что обычно характерно для эпоса (группирование героев по месту их рождения — одна из ступеней этой циклизации). Но памятники эти настолько разнородны, что их с трудом можно объединить общим понятием «эпос». Это разновременные композиции, одни из которых более совершенны и законченны (как замечательная поэма о герое Лугальбанде и чудовищном орле), другие — менее. Однако составить даже примерное представление о времени их создания невозможно — различные мотивы могли включаться в них на разных этапах их развития, сказания могли видоизменяться на протяжении веков. Ясно одно: перед нами ранний жанр, из которого эпос разовьется впоследствии. Поэтому герой такого произведения — ещё не эпический герой-богатырь, монументальная и часто трагическая личность; это скорее удачливый молодец из волшебной сказки, родственник богов (но не бог), могучий царь с чертами бога; он имеет сказочных помощников — орла, дикого человека Энкиду.

Известны также эпические произведения, где героем является божество. Одно из них — сказание о борьбе богини Иннин (Инаны) с олицетворением подземного мира, названным в тексте «гора Эбех», другое — рассказ о войне бога Нинурты со злым демоном Асаком, также обитателем подземного царства. Нинурта одновременно выступает и как герой-первопредок: он сооружает плотину-насыпь из груды камней, чтобы отгородить Шумер от первозданного океана, который разлился в результате смерти Асака, а воды, затопившие поля, отводит в Тигр. Есть и другая пространная поэма с восхвалениями Нинурты.

Если не прямо к культовой, то, во всяком случае, к жреческой литературе следует отнести поэмы, откликающиеся на события истории. Такова серия поэм, связанных с династией Аккаде и особенно с именем Нарам-Суэна — сначала с его подвигами, а затем с его гордыней, осужденной богом Энлилем. Сюда же примыкает и гимническое произведение, условно называемое «Проклятие городу Аккаде».

Более распространены в шумерской литературе произведения, посвященные описаниям созидательных деяний божеств, так называемые этиологические (т.е. объясняющие) мифы; одновременно они дают представление и о создании мира, как оно виделось шумерам. Возможно, что специально космогонических сказаний в Шумере и не было (или они не записывались). Трудно сказать, почему

это так: вряд ли возможно, чтобы представление о борьбе титанических сил природы (богов и титанов, старших и младших богов и т.д.) не отразилось в шумерском мировоззрении, тем более что тема умирания и воскрешения природы (с уходом божества в подземное царство) в шумерской мифологории разработана подробно — в рассказах не только об Иннин-Инане и Думузи, но и о других богах, например об Энлиле.

Устройство жизни на земле, установление на ней порядка и благоденствия — едва ли не любимая тема шумерской литературы; она наполнена рассказами о сотворении божеств, которые должны следить за земным порядком; заботиться о распределении божественных обязанностей, об установлении божественной иерархии, о заселении земли живыми существами и даже о создании отдельных сельскохозяйственных орудий. Главными действующими богами-творцами обычно выступают Энки и Энлиль.

Многие этиологические мифы составлены в форме прений — спор ведут либо представители той или иной области хозяйства, либо сами хозяйственные предметы, которые пытаются доказать друг другу свое превосходство; например лето и зима, медь и серебро, мотыга и плуг, скотовод и земледельец. В распространении этого жанра, типичного для многих литератур древнего Востока, большую роль сыграла шумерская э-дуба. О том, что представляла собою эта школа на ранних этапах, известно очень мало, однако в каком-то виде она существовала уже с самого начала письменности (о чем свидетельствует наличие учебных пособий). Видимо, как особое учреждение э-дуба складывается не позже середины III тысячелетия до н.э. Первоначально цели обучения были чисто практическими — школа готовила писцов, землемеров и т.д. По мере развития школы обучение становилось все более универсальным, и в конце III — начале II тысячелетия до н.э. э-дуба становится чем-то вроде «академического центра» того времени — в ней преподают все отрасли знаний, тогда существовавшие: математику, грамматику, пение, музыку, право, изучают перечни правовых, медицинских, ботанических, географических и фармакологических терминов, списки литературных сочинений и т.д.; существует учебник приемов земледелия — в ритмизованной форме.

Большинство рассмотренных выше произведений сохранилось именно в виде школьных или учительских записей, через школьный канон. Но есть и специальные группы памятников, которые принято называть «текстами э-дубы»: это произведения, рассказывающие об устройстве школы и школьной жизни, дидактические сочинения (поучения, нравоучения, наставления), специально адресованные школярам, часто тоже составленные в форме диалогов-споров, и, наконец, памятники народной мудрости: афоризмы, пословицы, анекдоты, басни и поговорки. Через э-дубу до нас дошел и единственный пока образец ритмизованной сказки на шумерском языке.

Даже по этому неполному обзору можно судить о том, насколько богаты и разнообразны памятники шумерской литературы. Этот разнородный и разновременный материал, большая часть которого была записана только в самом начале III (если не в начале II) тысячелетия до н.э., во многом сохранил приемы, свойственные устному словесному творчеству. Основным стилистический прием большинства мифологических и праэпических рассказов — многократные повторения, например повторение в одних и тех же выражениях одних и тех же речей (но поочередно между разными собеседниками). Это не только художественный прием троекратности, столь характерный для эпоса и сказки (в шумерских памятниках он иногда достигает девятикратности), но еще и мнемонический прием, способствующий лучшему запоминанию произведения, — наследие устной передачи мифа, эпоса, специфическая черта ритмической, магической речи, по форме напоминающей шаманское камлание. Рассказ на табличке часто выглядит просто конспектом, где записи отдельных строк служили как бы памятными вехами для сказителя. Однако зачем тогда было педантично, до девяти раз, выписывать одни и те же фразы? Это тем более странно, что запись производилась на тяжелой глине и, казалось бы, сам материал должен был подсказать необходимость лаконичности и экономности фразы, более сжатой композиции (это происходит только к середине II тысячелетия до н.э., уже в аккадской литературе). Не стремясь оторваться от живого слова, шумерская литература фиксировала его на глине, сохраняя все стилистические приемы и особенности устной поэтической речи. Связь с устной поэзией ощущается очень живо.

Важно, однако, заметить, что шумерские писцы-«литераторы» не ставили себе задачей фиксировать все устное творчество или все его жанры. Отбор определялся интересами школы и отчасти культа. Но наряду с этой письменной протолитературой продолжалась жизнь устных произведений, оставшихся незафиксированными, — быть может, гораздо более богатая.

Неправильно было бы представлять эту делающую свои первые шаги шумерскую письменную литературу как малохудожественную или почти лишенную художественного, эмоционального воздействия. Сам метафорический образ мышления способствовал образности языка и развитию такого характернейшего для древневосточной поэзии приема, как параллелизм. Шумерские стихи — ритмическая речь, но в строгий размер они не укладываются, так как не удается обнаружить ни счета ударений, ни счета долгот, ни счета слогов. Поэтому важнейшим средством подчеркнуть ритм являются здесь повторы, ритмические перечисления, эпитеты богов, повторение начальных слов в нескольких строках подряд и т.д. Характерны аллитеративные созвучия, спонтанная рифма, иногда связывающая два полустихия, Ритмизацию создает и одинаковость структуры глагольных форм, неизменно стоящих в конце стиха-предложения.

При знакомстве с древними шумерскими памятниками, особенно мифологическими, бросается в глаза отсутствие поэтизации образов. Шумерские боги — не просто земные существа, мир их чувств — не просто мир чувств и поступков человеческих; постоянно подчеркиваются низменность и грубость натуры богов, непривлекательность их облика. Первобытному мышлению, подавленному неограниченной властью стихий и ощущением собственной беспомощности, по-видимому, были близки образы богов, творящих живое существо из грязи из-под ногтей, в пьяном состоянии, способных из одного каприза погубить созданное ими человечество, устроив Потоп. А шумерский подземный мир? По сохранившимся описаниям он представляется на редкость хаотичным и безнадежным: там нет ни судьи мертвых, ни весов, на которых взвешиваются поступки людей, нет почти никаких иллюзий «посмертной справедливости». Однако загробная судьба не для всех людей равна: разницу создает и род смерти, и в особенности наличие или отсутствие погребальных жертв.

Идейное наследие первобытности вначале мало что могло противопоставить стихийному чувству ужаса и безнадежности перед лицом враждебного мира. Постепенно, однако, по мере того как в государствах Нижней Месопотамии укрепляется и становится господствующей идеология классового общества, меняется и содержание литературы, которая начинает развиваться в новых формах и жанрах. Процесс отрыва письменной литературы от устной убыстряется и делается очевидным. Возникновение на поздних ступенях развития шумерского общества дидактических жанров литературы, циклизация мифологических сюжетов и т.п. знаменуют все большую самостоятельность, приобретаемую письменным словом, иную его идейно-эмоциональную направленность. Однако этот новый этап развития переднеазиатской литературы, по существу, продолжали уже не шумеры, а их культурные наследники — вавилоняне, или аккадцы.

Вавилонское религиозное мировоззрение.

Монархически-государственный, а не общинный характер официальной вавилонской религии и подавление общественной жизни населения, если не считать жителей привилегированных городов, привели к созданию совершенно иных идеологических форм, чем те, которые господствовали в новых государствах Шумера (Существенно отличалась вавилонская религиозная идеология и от той, которая создавалась в мелких государствах и у племен Сирии, Финикии и Палестины. Например, в Вавилонии не смогли развиваться в качестве общественно значимых шаманистические черты первобытной религиозно-магической практики: здесь слабо развиты оракулы, здесь нет народных ораторов-пророков с их ритмическими проповедями. Исключение, по-видимому, составлял лишь г. Мари на среднем Евфрате, где был высокий процент заананосемитского населения.).

С ослаблением солидарности территориальных общин все большую роль начинают играть «личные» (они же, вероятно, и семейно-общинные) боги. Таким богом могло быть любое из общевавилонских божеств, причем они не были связаны с каким-либо определенным географическим округом: бурные военные события и перемещение магистральных каналов основательно перемешали вавилонское население, и в касситское время (XVI—XII вв. до н.э.) уже часто оказывается трудно определить место рождения или жительства человека по тому, кому из богов посвящено его имя. Гораздо большее значение в религии начинает придаваться, так сказать, личным взаимоотношениям отдельного человека (или главы отдельной семьи) с его собственным богом или богиней. Это, в частности, проявляется в возникновении новых жанров — молитв и псалмов, а также заклинаний и других магических текстов, рассчитанных на индивидуальное обращение человека к богу, а не на участие его в общем богослужении. В таких псалмах верующий обычно кается в нечаянном нарушении каких-то неизвестных ему правил, установленных богами, что навлекло на него несчастье. Носителями бед представлялись злые сверхъестественные силы, и заклинания имели целью унять эти силы с помощью бога. На этой почве вырабатывается сложная система демонологических представлений. Заметим, что всякая молитва обязательно сопровождалась ритуалом и, если она творилась в храме, требовала содействия священнослужителя-профессионала. Но у себя дома каждый глава семьи был жрецом семейных богов и духов предков и совершал обряды и молитвы перед маленьким настенным терракотовым изображением божества. Повышение роли патриархальной семейной общины в ущерб общине территориальной, вероятно, сказалось, между прочим, на резком падении престижа древних богинь, низведенных теперь (за исключением Иштар да еще богини врачевания Гулы) почти исключительно до роли безличных супругов своих божественных мужей.

Общая структура пантеона, созданного еще при III династии Ура, осталась, однако, без перемен; то же касается и сложившихся представлений о генеалогических связях между богами. Хотя царем богов (избранным их советом из числа всех) и считались либо Эллиль, либо Мардук (иногда они сливались в представлении верующих в единый образ «Владыки»—Бела), однако во главе всего мира стояла по-прежнему триада — Ану, Эллиль и Эйя, окруженные советом из семи или двенадцати «великих богов», определяющих «доли» всего на свете; все боги вообще мыслились разделенными на две родовые группы, частично, не полностью совпадавшие с делением на божеств земли и подземного мира и на божеств небесных. В преисподней правил Нергал, подчинивший себе силою свою супругу, древнюю богиню Эрешкигаль, на небе — Ану, между небом и землей — Эллиль, в мировом океане — Эйя.

Вавилонская техника и наука.

Наибольшим техническим прогрессом, несомненно, был окончательный переход во II тысячелетии до н.э. к бронзе. Добавка олова к меди значительно снижала температуру плавления металла и в то же время очень улучшала его литейные качества и прочность и сильно увеличивала износостойкость. Бронзовые бритвы смогли вытеснить обсидиановые и кремневые, бронзовые лемехи плугов служили гораздо дольше медных и поэтому были экономичнее в любом хозяйстве; в военном деле бронза позволила от топориков и кинжалов перейти к мечам, а в оборонительном оружии наряду со шлемами и щитами ввести броню для бойцов и коней; теперь уже воин настолько превосходил в боевой мощи своего пленника-мужчину, что того не было необходимости убивать на месте, а можно было угнать к себе на родину и использовать как раба или иначе — смотря как позволяли хозяйственные условия. Лишь древняя, примитивно изготовлявшаяся сталь (в I тысячелетии до н.э.) смогла превзойти бронзу и по своей дешевизне, и отчасти также технологически.

По-видимому, ко II тысячелетию до н.э. надо отнести усовершенствование ткацкого стана, хотя прямых данных об этом у нас нет; во всяком случае, широкая торговля красителями свидетельствует о каких-то изменениях в текстильном деле. В строительстве в средневавилонский период появляется стеклянная полива кирпича. Скотоводство было дополнено массовым коневодством — правда, обслуживавшим исключительно войско. В последней четверти II тысячелетия до н.э. у скотоводов Сирийской степи появляется одомашненный верблюд-дромадер, хотя ещё не в большом числе, но это уже позволило части племен перейти к подлинно кочевому быту (Отдельные прирученные экземпляры дромедера упоминаются в текстах с начала II тысячелетия до н.э. или ранее.). Приручение верблюда, сделавшее скотоводов гораздо более подвижными, вероятно, помогало им осуществлять массовые вторжения как в Верхнюю, так и в Нижнюю Месопотамию, причем в последнем случае — напрямик из пустыни, а не обходным путем, которым некогда двигались амореи. У землевладельцев Нижней Месопотамии в середине касситского времени прокладка каналов по новым, незаселенным землям привела, видимо, к повышению урожайности, особенно пшеницы и эммера.

Старовавилонский период был временем расцвета вавилонской науки и в областях, менее тесно связанных с практической техникой.

Светская э-дуба была средоточием науки до времен Самсуилуны Вавилонского (Позже учились у частных учителей, чаще всего — заклинателей.). Она готовила главным образом писцов для царских и храмовых канцелярий, для суда и пр; в какой-то степени э-дуба обслуживала и надобности культа, хотя богослужение осуществлялось тогда еще преимущественно не по записанным и заученным с письма текстам, а по устной традиции. Э-дуба, откопанная в Уре, находилась

при частном доме, но были, по-видимому, и казенные, в том числе храмовые, школы. Учились не только мальчики, но иногда и девочки: так, обитель жриц в Сиппаре имела порой писцов-женщин (которые, возможно, сами жрицами не были). Несмотря на сложность клинописи, грамотность была довольно широко распространена: писать умели самые разные лица — от ведшего учет старшего пастуха и иногда даже до царя, которому грамота была менее необходима.

«Писец» было почетным званием образованного человека. Однако высокопоставленные лица, как правило, писали не сами, а диктовали писцу, отсюда формула обращения в письме: «Такому-то скажи — вот что сказал такой-то» — автор письма как бы обращается не к самому адресату, а к его писцу или гонцу, несущему письмо. Едва ли не большинство писцов знали клинопись только в пределах своих профессиональных нужд, например умели написать хозяйственную ведомость или юридический документ по установленной обычаем форме, но не умели прочесть религиозно-литературное произведение, и наоборот; часто писцы путались при передаче редких имен собственных, не включенных в справочники, хотя то, что в них было, вызубривали хорошо, и орфографические ошибки или произвольные написания слов редки.

Но к оканчивающим полный курс э-дубы — к так называемым шумерским писцам (Писец, впавший всего лишь сотню-другую знаков (преимущественно слоговых), обозначался как «хурритский писец». К этнической или языковой принадлежности писцов эти обозначения касательства не имели.) — предъявлялись высокие требования. Они должны были уметь устно и письменно переводить с шумерского на аккадский и наоборот, знать шумерские грамматические термины, спряжение глагола, шумерское произношение, шумерские эквиваленты каждого аккадского слова, различные виды каллиграфии и тайнописи, технический язык жрецов и членов других профессиональных групп, все категории культовых песен, должны были уметь руководить хором и пользоваться музыкальными инструментами, составить, завернуть в глиняный конверт и опечатать документ, знать математику, включая землемерную практику, уметь подсчитать и распределить рационы, вычислить объем землекопных и строительных работ и т.д.

Источником развития науки была главным образом хозяйственная практика больших, т.е. царских и храмовых, хозяйств; на ее основе к концу III тысячелетия до н.э. создалась клинописная математика. Её практические основы были заложены в шумерский период, но расцвета она достигла в послешумерской э-дубе, где математика преподавалась в основном на аккадском языке. Развиваясь теперь прежде всего в школе (готовившей как учителей, так и писцов-практиков) и для школьных нужд, математика получила в э-дубе самостоятельное развитие; среди многочисленных математических справочников и задач встречаются и такие, которые не могли иметь практического применения; решение некоторых задач являлось в

некотором смысле самоцелью, представляя как бы теоретический интерес. Вавилонские математики широко пользовались изобретенной еще шумерами шестидесятеричной позиционной системой счета. Вавилоняне умели решать квадратные уравнения, знали «теорему Пифагора» (более чем за тысячу лет до Пифагора). Число 3 практически принималось равным $\sqrt{3}$, хотя было известно и его более точное значение. Помимо планиметрических задач, основанных главным образом на свойствах подобных треугольников, решали и стереометрические задачи, связанные с определением объема различного рода пространственных тел, в том числе и усеченной пирамиды. Широко практиковалось черчение планов полей, местностей, отдельных зданий, но обычно не в масштабе.

Из практических нужд выросли также записи медицинских и химических рецептов (сплавы, с XIII в. до н.э.— стеклянная глазурь и т.п.), равно как и исторические хроники, бывшие во II тысячелетии до н.э. еще либо сводами событий, которые считались «предзнаменованными» какими-либо природными явлениями (главным образом формой печени жертвенного ягненка), либо списками датировочных формул (Поскольку эры, т.е. точки отсчета во времени, не существовало, постольку датировка велась по знаменательным событиям каждого года; упоминание такого события официально формулировалось для всего государства строго определенным образом. Списки формул образовывали первичную хронику. Подлинную летопись вавилоняне начали вести с 745 г. до н.э.).

Хотя несомненно, что вавилонские филологи, математики, врачи, юристы, архитекторы и т.п. имели определенные теоретические взгляды, но письменно они не фиксировались; до нас дошли только списки, словари, справочники, задачи, рецепты. Все это переписывалось в школах из века в век без всяких изменений и в отрыве от изменяющихся условий жизни, и содержание зазубривалось наизусть. Механическое заучивание задач и их решений (в том числе иногда и ошибочных) господствовало, очевидно, и в обучении математике. Система зазубривания наизусть ограничивала дальнейшие возможности развития вавилонской науки; уже одни шумерские составные идеограммы с их чтением и переводами в современном издании на бумаге занимают несколько больших томов. Зазубренные же знания по своему объему не могли превзойти способности человеческой памяти к удерживанию сведений, логически не связанных между собой.

Попыткой обобщения географических знаний является нововавилонская «карта мира», где земля изображена в виде плоскости, пересеченной реками Евфрат и Тигр, сбегаящими с северных гор, и со всех сторон окруженной Мировым океаном, на поверхности которого она, видимо, мыслилась плавающей; по ту сторону океана — острова, посещавшиеся лишь в древности мифическими героями. Предполагалось, что океан был окружен

«Плотиной небес», а на пей покоилось несколько (три или семь) небесных сводов; под землей находилась преисподняя. Но географический кругозор вавилонских купцов-практиков был гораздо шире сохранившейся карты: уже в III—II тысячелетиях им была известна Индия, хотя позже путь в нее был временно утерян; к I тысячелетию до н.э. месопотамцы знали Эфиопию (Куш) и Испанию (Тартесс), а также, судя по некоторым косвенным данным, Грецию, Среднюю Азию и снова Индию.

Еще одной побудительной причиной для развития некоторых отраслей познания были — как ни странно это кажется теперь — культово-магические представления и практика. В нуждах культа разрабатывалась, например, музыкальная гармония (учение о ладах, длине струн). Среди множества ритуально-магических текстов, вошедших в вавилонский письменный канон, были и заклинания, составленные для жрецов-знахарей и гадателей. Но и занятия лженауками могли в конечном счете приносить известную пользу. Гадатели записывали, а позже переписывали в огромные своды «предзнаменования», т.е. наблюдения за природными явлениями, за поведением людей и животных, над формой овечьей печени при жертвоприношениях, над замеченными необычными особенностями анатомии людей и животных (рождение уродов) и т.п.; такие наблюдения увязывались по принципу «после этого, значит, возможно, поэтому» с определенными событиями в жизни людей и государства. Ни одно сколько-нибудь значительное действие, предпринимаемое царем (да, вероятно, и частными лицами), не начиналось без предварительного гадания (С верой в подобные «предзнаменования» связан обычай сажать па престол «подменного царя» из сумасшедших или преступников на то время, когда истинному царю предвещается беда, а также, по-видимому, во время одного из коронационных обрядов, когда верховный жрец бил даря по лицу (таков был обычай по крайней мере в поздней Вавилонии)). Из записей таких «предзнаменований» вавилонянами были извлечены первые исторические обзоры важнейших событий прошлого, память о которых пытались также поддерживать с помощью обычая царей оставлять описания своих деяний (они записывались на камне либо, чаще, на глиняных конусах или цилиндрах, помещавшихся под фундаментами дворцов и храмов, с тем чтобы они были в будущем найдены при сносе здания), а из записей астрономических и метеорологических наблюдений, сначала чисто эмпирических, впоследствии, уже в I тысячелетии до н.э., развились не только астральные культы и астрология, но и вычислительная астрономия: теория видимых лунных и планетных движений, предвычисление лунных затмений. Однако уже раньше, еще до середины II тысячелетия до н.э., были выделены созвездия, наблюдались движения планет и т.д. Сравительно высокое развитие именно астрономии было, возможно, связано с особенностями употреблявшегося лунного календаря. Первоначально каждое государство-город имело свой календарь, но после возвышения

Вавилона на всю страну был распространен принятый в Вавилоне календарь Ниппура. Год состоял из 12 лунных месяцев, имевших 29 или 30 дней (поскольку период смены фаз луны равен приблизительно 29,5 суток). Из-за того что солнечный год длиннее лунного приблизительно на 11 дней, для устранения этого несоответствия вводился (со старовавилонского периода — по всей стране одновременно) дополнительный месяц, однако твердые правила относительно его вставки были установлены лишь в середине I тысячелетия до н.э.; во II тысячелетии до н.э. високосные месяцы вставлялись по усмотрению царской администрации, и нередко, вероятно, с целью увеличить поступающие поборы. Однако в любом случае необходимо было соотноситься с реальными временами года, а действительная величина расхождения года лунного с солнечным могла быть установлена лишь путем астрономических наблюдений.

Вместе с клинописью вавилонские науки—и лженауки — были занесены во все страны Передней Азии; но с течением времени, особенно после вымирания клинописной грамоты, многие научные открытия вавилонян (например, в области математики, химии) были утрачены и впоследствии открывались заново; однако греческая и итальянская (в первую очередь этрусская) культура кое-что заимствовала и у вавилонян, как из наук, так и из лженаук (например, «науку» о гадании по печени), хотя, по-видимому, не непосредственно, а через Финикию и Малую Азию. Но с поздневавилонской астрономией (IV—II вв. до н.э.) греческие ученые знакомились и непосредственно, и она оказала на них заметное влияние; исторические знания вавилонян были переданы грекам вавилонянином Беросом (ок. 290 г. до н.э.), составившим также по-гречески историю своей страны. Шуморо-вавилонская система мер и весов легла в основу многих метрологических систем древней Передней Азии и оказала косвенное влияние на греческую метрологию, а шестидесятеричная система счета через вавилонских и греческих астрономов дошла и до нашего времени: именно этой системой мы пользуемся и сейчас, когда оперируем градусами, минутами и секундами.

Раздел составлен Дьяконовым И.М.

Вавилонская литература.

Основные памятники вавилонской литературы (и искусства) относятся уже ко второй половине II и к I тысячелетию до н.э. Однако проблемы датировки литературных памятников очень далеки от разрешения, и сейчас еще трудно делить аккадоязычную литературу на старовавилонскую, средне- и нововавилонскую. Поэтому мы здесь будем рассматривать ее в целом (Значительная часть известных нам памятников вавилонской литературы происходит из ассирийских хранилищ табличек: царя Ашшурбаиапала (VII в. до н.э.), храма бога

Ашшура (XI—IX вв. до н.э.) и др. Памятников собственно ассирийской литературы известно очень мало.)

Та же э-дуба, которая положила начало шумеро-вавилонской пауке, создала и шумеро-вавилонскую (но в первую очередь именно шумерскую) литературу: большинство произведений аккадской литературы были сложены семьями наследственных писцов в основном уже во второй половине II тысячелетия до н.э. и по большей части относятся к «второму ниппурскому потоку традиции».

Аккадские литературные памятники — это уже литература в собственном смысле слова, новая, самостоятельная отрасль художественного творчества. Конечно, и аккадскую литературу продолжают лимитировать размеры глиняной плитки, но в лучших её произведениях конспективность сменяется лаконичностью, некоторая рыхлость построения шумерских произведений, державшихся главным образом на однообразных повторах, — стройной композицией.

Появление литературы как бы разрезает развитие фольклорного искусства в момент введения письменности (это может произойти на самых разных его этапах), дальше она растет от того уровня фольклора, который впервые застала, не останавливая, однако, дальнейшего развития самого устного творчества, поскольку литература и фольклор располагают каждый собственными художественными приемами и способами воздействия на слушателя. Обычно считается, что и адресат этих двух видов искусства различен. Устный фольклор всенароден и в разных вариантах обслуживает все социальные слои общества; письменная литература обычно рассчитана только на грамотного читателя. Однако такое противопоставление применимо к аккадской и вообще к древневосточной литературе не вполне: грамотный читатель здесь не только адресат, но и посредник между автором и слушателем произведения. Дело в том, что клинописную табличку нельзя было просто читать для получения личного эстетического удовлетворения. Не говоря уже о том, что в течение тысячелетий не умели читать «про себя», читали всегда только вслух, сама клинописная грамота настолько сложна, что чтение «с листа» почти невозможно, за исключением тех случаев, когда знакомый формуляр текста и заранее известное приблизительное содержание его сами сразу подсказывают правильный выбор чтений для клинообразных знаков. Как правило, и для древнего грамотея прочтение клинописного текста содержало некоторый элемент дешифровки и интуитивного угадывания; то и дело приходилось останавливаться и задумываться над чтением. В этих условиях письменный текст оставался до известной степени мнемоническим пособием для последующей передачи его содержания наизусть и вслух. Чтец-грамотей служил передаточной инстанцией между автором произведения и аудиторией, и поэтому аккадское литературное произведение было адресовано не одним только грамотным писцам, но и сколь угодно широкой аудитории, а каноническая запись текста не исключала известной и даже

значительной доли импровизации при исполнении произведения. Конечно, импровизация допускалась не всюду: в культовых памятниках, где особенно важна магическая роль слова, текст нельзя было менять, и импровизация оказывалась невозможной, кроме случаев, когда разыгрывалось культовое действие, где жесты и движения важнее слов. Иное дело тексты некультовые — здесь творческая роль сказителя может быть большей, поэтому, например, аккадский эпос о Гильгамеше записан в нескольких изводах (Кролю того, аккадскому эпосу о Гильгамеше предшествовали отдельные былины об этом герое на шумерском языке.).

Для памятников литературы древнего Востока характерна еще одна важная особенность: сюжет дан заранее, он не сочиняется поэтом, а лишь разрабатывается. Содержание большей частью известно слушателям, и им важно, не что, а как исполняет сказитель, не узнавание события, а вызываемые им общественные эмоции. Как правило, сюжет идет от мифа и культа. Герои произведения обычно обобщены и являют собой определенные мифологические типы; особого интереса к личности, как таковой, нет, внутренние переживания героев не раскрыты. Нет особого интереса и к личности автора; в ряде случаев традиция сохранила имена авторов, но эти имена легендарны: среди них мы встретим богов, животных, мифических героев и лишь иногда имена, звучащие достоверно.

Все эти черты могут быть выявлены и во многих произведениях первобытного творчества. Это не случайно: ведь основная масса свободного населения древнего мира — прямое продолжение племенной массы первобытного общества и исторически, и по своему мировоззрению. Если из этой массы и выделяется господствующий класс рабовладельцев, то сама масса свободных еще не противопоставляет себя им в социально-психологическом отношении: она не отделена от господствующего класса сословной гранью, и при удаче в его состав может войти каждый (или так ему кажется). Формирующийся класс подневольных людей рабского типа собственной идеологии не создает.

Однако литературное творчество вавилонян — не просто воспроизведение древних мифологических мотивов; все наиболее значительные сочинения уже несут в себе определенное социально обусловленное содержание, отражающее мысль их собственного времени. Для более полной ее передачи мифологические мотивы, из которых, как из кирпичиков, построено произведение, видоизменяются, иногда обрезаются и подгоняются под ту идею, которую хочет передать автор. И прежде всего, подходя к этой задаче с разных и иногда противоположных позиций, авторы аккадских художественных произведений пытаются осмыслить окружающий их мир и условия жизни человека, что-то противопоставить тому чувству ужаса и безнадежности, которое внушало человеку шумерской эпохи его мировоззрение, — ведь для тех людей мир управлялся не просто грозными, но злобными и капризными и в то же время непреодолимо

сильными божествами. В этот страшный мир аккадская литература пытается внести позитивные идеалы — веру в благодарную память потомков, в конечную справедливость почему-то временно отвернувшегося от людей божества.

Несколько слов о форме аккадской литературы. В ней ещё не существовало художественной прозы. Как художественная, т.е. эмоционально воздействующая и передающая эмоциональное отношение автора или сказителя к действительности, воспринималась только ритмическая речь. Поэтическое слово еще не перестало быть магическим, оно могло звучать только в определенной магически значимой обстановке, и, вероятно, слушатели считали его вызывающим определенные благоприятные магические последствия. Но даже произведении ритмизованной прозы в аккадской литературе мало (сюда относятся преимущественно ассирийские царские надписи и анналы I тысячелетия до н.э.). Большинство произведений — стихотворные. В соответствии с характером северосемитских языков, где господствовало силовое ударение, аккадское стихосложение основано на счете логических ударений. Ритм речитативного исполнения зависел, видимо, также от сопровождения ударными и другими музыкальными инструментами. Возможно, что некоторые религиозные тексты, особенно сопровождавшие какое-либо мифологическое или обрядовое действие, исполнялись на два голоса или более.

Таким образом, аккадские литературные произведения — это действительно литература — с собственными эстетическими средствами воздействия, со своей идейной, а не чисто культово-магической задачей, но все же нечто весьма отличное от того, что Мы сейчас понимаем под этим словом. Однако при всем своем несомненном родстве с фольклором она уже отделилась от него. Многие фольклорные жанры почти не были освоены аккадской литературой (например, басни, сказка), а некоторые жанры аккадской литературы никогда не существовали в фольклоре.

Самым общим образом памятники аккадской художественной литературы могут быть разделены на предназначенные для культового исполнения и на предназначенные для некультового исполнения — будь то на пиру, на совете или еще где-либо.

Среди некультовой литературы по своему идейному влиянию, его силе и длительности первое место занимает героический эпос, а из памятников эпоса первое место занимает сказание о Гильгамеше. Оно известно нам на аккадском языке в трех версиях. Древнейшая из них была записана не позже XIX в до н.э. Наиболее поздняя версия, приписываемая Син-лике-уининни, относится, видимо, к концу II тысячелетия до н.э. Все дошедшие тексты фрагментированы, и лишь поздняя версия допускает почти полную реконструкцию сюжета. Различия между этой версией и старовавилонской не превосходят обычных расхождений при передаче одного текста разными

сказителями. Однако в тексте поэмы рассказывается, будто подвиги Гильгамеша были записаны им самим на таблице из лазурного камня, хранившейся под ступой его родного города Урука в медном ларце; таким образом, эпосу приписано не устное, а письменное происхождение.

Аккадский эпос о Гильгамеше — создание поэта, который по просто соединил между собой разрозненные шумерские сказки-былины, но тщательно продумал глубокий философский смысл. Не все шумерские песни о Гильгамеше показались ему пригодными для его цели (например, он не использовал песню о Гильгамеше и Агге) — видимо, они недостаточно раскрывали главную мысль поэмы. Наоборот, рассказ о Потопе, представлявший не только в шумерской, но и в аккадской литературе отдельное сочинение, органически влился в эпопею и, рассказанный от первого лица тем, кто единственный пережил это бедствие, оказался эмоционально действенным художественным моментом, подчеркнувшим, сколь недостижимо и недоступно человеку бессмертие — главная цель странствий Гильгамеша. Точно так же концовка эпопеи выразительно подчеркивает мысль о том, что единственное доступное человеку бессмертие — это память о его славных и нужных делах. Внутреннее развитие образа Гильгамеша и его друга Энкиду строго подчинено законам эпического формирования героев. Уже не благодаря волшебным помощникам, как герои мифологических сказок (к числу которых принадлежат и шумерские песни о Гильгамеше), а благодаря развившимся в нем высоким физическим и моральным качествам герой возвышается над прочими смертными и совершает подвиги. И если герой сказки всегда торжествует, то эпический герой гибнет (Энкиду) или терпит поражение после трагической кульминации действия (сам Гильгамеш). Показательно и развитие образа Энкиду из «раба» и одного из магических помощников Гильгамеша в его друга и «брата»; этот образ имеет свое развитие и внутри самого эпоса: невинный дикарь—хранитель пастухов, познавший любовь женщины и вкус хлеба (но все еще не человек в высшем смысле слова — это ясно показано в эпосе), — и, наконец, верный друг и бесстрашный соратник героя — носителя городской цивилизации.

Другие героические эпосы, как, например, приписываемая Лу-Нанне поэма о полете героя Этаны на небо с помощью орла, сохранились плохо.

Героический по своему типу эпос мог строиться не только на образе героя-смертного, но и на образе героя-божества. Так, героями являются боги во фрагментированном эпосе о борьбе Бела с чудовищем Лаббу, в хорошо сохранившейся (в двух версиях — канонической и более полной доканонической) песне о боге Нергале и богине Эрешкигаль, царствовавших в подземном мире, а также в эпосе об узурпации престола в царстве богов богом чумы Эррой (конец II тысячелетия до н.э.).

Одной из главных этико-философских проблем представлялся вопрос о причине незаслуженных страданий и смерти человека, который, казалось бы, не нарушил никаких божественных установлений. Эта проблема, по существу, присутствует и в поэме о Гильгамеше; ей же специально посвящены две замечательные аккадские поэмы: «Невинный страдалец», написанная почти целиком в форме монолога, и «Вавилонская теодицея» (XI в. до н.э.), написанная в форме диалога между страдальцем и его другом-оптимистом. Первая поэма говорит преимущественно о бедствиях личных, вторая (написанная в форме акростиха(Появление акростиха, вероятно, указывает на то, что текст можно было уже читать и «про себя»,), включающего имя автора—Эсагиль-кина-уббиб) — о бедствиях социальных; обе кончаются оправданием божества, пути которого объявляются неисповедимыми. Эти поэмы являются предшественниками аналогичной, но более глубокой по содержанию «Книги Иова», сохранившейся в библейском каноне. О тщетности всех человеческих деяний говорит выразительный поэтический диалог «Разговор господина и раба», дата которого неизвестна.

Из некультовых канонических произведений, созданных до 1000 г. до н.э. или около этого, следует еще упомянуть пословицы и афоризмы, хотя записанные пословицы малооригинальны и по большей части переведены с шумерского.

Забавны некоторые анекдоты и побасенки, включаемые в собрание поговорок:

«Мышь от мангуста(Мангуст поедает не только мышей, но и змей.) забежала в нору змеи и сказала: Меня прислал заклинатель змей — привет».

«Свинья недостойна быть в храме, она не муж совета, не ступает по мостовой; не говорят: Свинья, в чем мне почет?, а она говорит: Свинство — мое упование».

Из неканонических стихотворных произведений светского характера можно назвать «Сказку о ниппурском бедняке», жестоко обиженном своим градоначальником, и о его мести — о том, как ему удалось с помощью хитроумных переодеваний трижды обмануть и избить градоначальника. Она датируется второй половиной II тысячелетия до н.э. Любопытна также поздняя пародийная «надпись Гильгамеша».

В Вавилонии и Ассирии существовали многочисленные памятники любовной лирики: в большом ассирийском «каталоге» песен, исполнявшихся под музыку, приведены первые строки десятков любовных стихотворений; к сожалению, в подлиннике и полностью мы знаем только одно произведение аккадской любовной лирики, имеющее форму диалога между любовниками. Он уверяет ее, что охладел к ней, но, пристыженный ее кротостью, в конце концов к ней возвращается. Диалог — или текст для пения на два голоса — датируется царствованием Хаммурапи. К тому же времени относится случайно сохранившаяся воинская песня.

На первом месте среди культовых памятников стоит космогонический эпос г. Вавилона, исполнявшийся в новогоднюю неделю и называемый по первой строке «Когда вверху» («Энума элиш»). Датируется он по-разному—XVII в. до н.э.? XIV в. до н. э.? Язык поэмы очень искусственен и может быть и ещё более поздним. Тогда как в шумерский период не засвидетельствовано самостоятельных произведений космогонического содержания, вавилонская космогоническая эпопея занимает важное место среди памятников аккадской литературы. Она состоит из семи песен и содержит более тысячи строк. Интересно, что шумерские боги-творцы выступают в поэме молодыми богами, а в качестве древних, изначальных сил названы божества, в шумерских мифах неизвестные. Это не случайно: рассказ о создании поколений богов, из которых каждое превосходит предыдущее, нужен, чтобы оценить величие одного-единственного божества — Мардука, бога Вавилона, прямого потомка и законного наследника всех древних могучих сил, в том числе и шумерских богов. Именно он в титанической борьбе побеждает силы хаоса и создает миропорядок. Поэма завершается перечислением его магических имен. Далее, все творческие акты, которые в шумерских мифах совершали разные боги, приписаны одному Мардуку. Политическая и идеологическая цель создания поэмы совершенно ясна. К середине I тысячелетия до н.э. возникает идея о том, что все вообще боги — только разные образы или ипостаси одного Мардука.

По-видимому, некоторые эпизоды мифа разыгрывались в лицах. То же верно в отношении другой культовой эпической песни — «Хождения Иштар в преисподнюю», по содержанию близкой шумерскому прототипу. Весь конец поэмы состоит из отдельных, логически не связанных между собой строчек, очевидно дополнявшихся мимическим действием.

Гораздо большее место, чем эпосы, занимают среди богослужебной поэзии гимны к богам; некоторые из них и сейчас воспринимаются эмоционально и представляют и для нас эстетическую ценность. Гимны к царям в средневавилонское время выходят из употребления.

Наряду с религиозными текстами, рассчитанными на общественное богослужение, в литературный канон входили целые серии стихотворных или песенных текстов для индивидуальных культовых церемоний. Это прежде всего индивидуальные молитвы и псалмы. Они исполнялись либо заинтересованным лицом, либо по его заказу определенным типом жреца и всегда сопровождалась обрядовыми действиями. Содержание их, часто поэтичное, но в массе стандартное, сводится как бы к краткому изложению песни о «Невинном страдальце», кающемся в своих— ему самому точно неизвестных — прегрешениях перед богом, но псалом заканчивается не проявлением благосклонности божества, а лишь просьбой о том. К песенным текстам для индивидуальных культовых действий относятся также заклинания против разного рода злых сверхъестественных существ.

Большинство из них малоинтересны с художественной точки зрения, но есть и исключения; так, в заклинание против зубной боли включена интересная легенда о создании мира и всех живых существ, в том числе и «зубного червя» (нерва?); в заклинание против духа, тревожащего сон ребенка,— колыбельная песня; в заклинание против трудных родов — архаический миф о любви бога Луны Сина в образе быка к юной телице; в ряде заклинаний содержится поэтическое описание ночи.

Особенный интерес представляет серия заклинаний, известных под названием «Шурпу» («Сожжение»). В одной из ее таблиц перечисляются все возможные грехи, которые мог совершить произносящий заклинание и за которые его могло постигнуть бедствие. Это довольно полный перечень того, что вавилонская этика конца II тысячелетия до н.э. считала аморальным. Помимо обычных грехов (убийство, воровство, прелюбодеяние, непочтение к богу и царю) здесь есть ряд моментов, указывающих на стойкость семейно-общинных отношений (например, неуважение к старшим родичам перечисляется в числе важных грехов). Этические взгляды вавилонян проникли даже в свод «предзнаменований»: любопытно, например, что развод с женой, вполне допустимый по вавилонским законам, считался печальным предзнаменованным для мужа.

Существовала и светская поэзия. Так, от времени Хаммурапи сохранился интересный диалог-спор двух влюбленных: во II — начале I тысячелетия до н.э. существовала целая серия стихов (или песен), посвященных любовному томлению, до нас дошел только список заглавий: видимо, эти песни пелись гетерами и из-за этого не вошли в «ниппурский канон».

После начала I тысячелетия до н.э. в литературном творчестве на месопотамской клинописи заметен спад. Исключение составляют некоторые произведения ассирийской литературы, прежде всего царские анналы и красочные описания отдельных воинских походов, составленные в форме писем царя к богу Ашшуру. Можно отметить также несколько псалмов от имени царя Ашшурбанапала. поэму о загробном хождении царевича и т.д.

Упадок аккадоязычной литературы был, вероятно, связан с тем, что в пору ассирийской, а затем в нововавилонской империи сам аккадский язык во всей Передней Азии стал все более уступать место арамейскому: аккадский сохранялся преимущественно в привилегированных городах. Однако по-арамейски писали западносемитским алфавитным письмом чернилами на папирусе, пергамене и глиняных черепках-остраках: в иных условиях кроме сухой Нильской долины, такие тексты редко имеют шанс сохраниться до нашего времени, поэтому от арамейской литературы дошло мало. К ассирийскому периоду восходит «Повесть об Ахикаре», действие которой отнесено к VII в. до н.э.; в нее введен сборник поучительных изречений, восходящих к шумеро-аккадской литературной традиции.

Эта повесть, древнейшие сохранившиеся фрагменты которой дошли от V в. до н.э., была очень популярна на Востоке и в Европе ещё и в средние века; она была переведена на Руси под названием «Повесть об Акире Премудром». Несколько позднее повесть о борьбе ассирийского царя «Сарбанабала» (Ашшурбанапала — Сарданапала греческой легенды) с его братом «Сармуге» (Шамашшумукином). Она сохранилась по-арамейски, но почему-то записанная не западносемитским языком, а египетской скорописью — демотикой. Повести эти относятся к широко распространенному в I тысячелетии до н.э. ближневосточному псевдоисторическому жанру (ср. еще египетский демотический «Роман о Петубастисе», библейские повести — «Книга Руфи», «Книга Эсфири», «Книга Ионы», апокрифические — «Книга Товита», «Книга Иудифи»).

К жанру псевдоисторических пророчеств относятся библейская «Книга Даниила», сохранившая большие арамейские куски, и отрывки «Повести о Набониде», времени около начала н.э., найденные в пещерах Мертвого моря. Несомненно, арамейская литература была гораздо обширнее, но от эпохи древности из неё пока более ничего не найдено.

В разделе использованы некоторые материалы Дьяконова И.М.

Вавилонское искусство.

К концу III — началу II тысячелетия до н.э. культура Ближнего Востока вышла из рамок территориальной замкнутости, и развитие культур II тысячелетия проходит под знаком более тесных контактов, связан, взаимовлияний. Искусство Ближнего Востока, представленное многолико и разнообразно, позволяет при уровне наших современных знаний выделить три большие территориально-культурные зоны, которые определяют направление и развитие искусства в эту эпоху: 1) зона вавилоно-эламской культуры, где преобладали традиции, созданные шумерской цивилизацией и которая в значительной мере несет черты городской культуры; 2) хетто-хурритский ареал, чью культуру с определенными оговорками можно назвать «культурой горных пародов». Она соединяет местные традиции, на которых лежит отпечаток родового строя с его замкнутостью и консерватизмом с общей для этого времени тенденцией заимствовать у соседей (нередко возникает соотношение центра и провинции). Здесь именно создается монументальный каменный рельеф для украшения ворот и внешней облицовки зданий; 3) ареал сиро-финикийско-палестинских культур, которые своей «международностью» и эклектичностью, пожалуй, более всего выразили дух эпохи. Здесь мы вынуждены ограничиться кратким обзором особенностей искусства вавилоно-эламского ареала.

Об изобразительном искусстве собственно Вавилонского государства известно очень немного: определенную роль здесь сыграло неоднократное разрушение Вавилона, подъем подпочвенных

вод, плохая сохранность меди и бронзы в земле Месопотамии, недостаточность археологических исследований. Даже то немногое, что дошло до нас, происходит не из самой Вавилонии, а из тех мест, куда эти памятники были увезены победителями или попали каким-то иным образом. Так, знаменитая стела царя Хаммурапи с высеченными на ней законами и изображением царя перед божеством была найдена в Сузах (Элам). По ней, а также по группе близких к этому изображению сцен на цилиндрических печатях можно судить, насколько прочно вошел в официальное вавилонское искусство канон III династии Ура. Стела Хаммурапи производит впечатление подражания шумерской стеле царя Ур-Намму, но выполнена она гораздо менее тщательно (правда, из более твердого материала) и не столь композиционно богата, как последняя. Та же небрежность ощущается во многих глиняных статуэтках личных божеств и гениев-хранителей дома, представляющих собою образцы массового производства.

Но есть и другая линия в старовавилонском искусстве, представленная группами печатей, явно продолжающая аккадские традиции в тематике и композиции сцен, а также небольшими терракотовыми рельефами, найденными в вавилонских домах, и особенно на городище около Ура, скрывающем древний поселок керамистов. Среди сотен грубых идольчиков выделяются рельефные сцены, видимо тоже связанные с культом; однако композиции производят впечатление живых бытовых сцен, зарисовок с натуры: кулачные бои, мальчик-погонщик верхом на буйволе, скоморох с бубном, странствующий музыкант с обезьянкой на плече. Организация пространственной плоскости свободная, позы живы и динамичны, в трактовке фигур со стройными, легкими пропорциями ощущается следование аккадским традициям. Рельефы выполнены в тонкой, еле заметной моделировке, и их неуловимое изящество часто почти полностью пропадает в воспроизведениях.

Монументальная вавилонская скульптура II—I тысячелетий до н.э. также известна нам довольно плохо. Культовые статуи — судя по описаниям, покрытые золотом, слоновой костью, инкрустированные полудрагоценными цветными камнями — до нас не дошли (сохранилось несколько терракотовых и каменных изображений для домашнего культа или уличных часовен, довольно грубых). Лучшее представление об облике культовой скульптуры первой половины II тысячелетия до н.э. может дать статуя богини Иштар, стоявшая во дворце Мари, — монументальное, тяжеловатое изваяние, размером превышающее человеческий рост. В руках богиня держала сосуд, выдолбленный насквозь. Через дно сосуда канал проходил внутрь статуи и сквозь стену. Сама фигура, стоявшая у стены, соединялась таким образом с каналом, шедшим за стеной. Видимо, эта статуя играла важную роль в ритуальных празднествах, связанных с обеспечением плодородия: в нужный момент можно было пустить воду по внутреннему каналу, и она фонтаном била из сосуда. Это одно из

ранних органических соединений скульптуры и архитектуры как в декоративном, так и в конструктивном отношении.

Аккадские и вавилонские традиции прослеживаются и в эламской скульптуре II тысячелетия до н.э., примером чему могут служить так называемая «голова эламского царя» из Хамадана (середина II тысячелетия до н.э.) и серебряные и электровые фигурки адорантов примерно того же времени.

В дошедших до нас памятниках архитектуры мы наблюдаем мало изменений по сравнению с шумерским временем. Царский дворец в Мари—целый комплекс многочисленных внутренних дворов и сотен комнат — практически представлял собою разросшийся жилой дом. Парадное и праздничное впечатление создавали ему росписи — входы, приемные залы были покрыты изображениями культового и светского характера в красновато-коричневой и черно-белой гамме с удачным введением кое-где голубого и зеленого цвета. В ряде сцен, возможно, ощутимо влияние египетского искусства. Из других построек этого периода известен пятиярусный зиккурат в Дур-Унташе, одном из центров Элама (ныне Чога-Замбиль), а также касситский храм царя Караиндаша в Уруке. В этом небольшом храме отсутствует внутренний двор — обязательная традиционная принадлежность построек Двуречья,— и скульптура очень удачно введена во внешнее оформление стен, что, возможно, объясняется заимствованием из Элама.

Литература:

Афанасьева В.К. Шумерская и Аккадская культура./История Древнего мира. Ранняя Древность.- М.:Знание, 1983 - с.111-139

Лекция 6: Раннее и Древнее царства Египта.

Возникновение государства в Египте.

Неизвестно, Шумер или Египет был колыбелью древнейшей цивилизации мира; возможно, что цивилизация, возникшая на северо-востоке Африки, на берегах великого Нила, была более древней.

Границы собственно древнего Египта резко очерчены самой природой: южным его пределом были труднопроходимые первые нильские пороги, находившиеся близ современного Асуана, в 1200 км от Средиземноморского побережья; с запада к реке теснились песчаные уступы Ливийского плоскогорья; с востока подступали безжизненные каменистые горные отроги. Ниже первых порогов Нил пес свои воды строго на север по узкой длинной долине (Верхний Египет), ширина которой колебалась от 1 до 20 км; лишь в двухстах километрах от устья, там, где река в древности разветвлялась на

несколько рукавов, долина расширялась, образуя знаменитую нильскую Дельту (Нижний Египет). Истоки Нила, расположенные за тысячи километров от Египта, не были известны египтянам, а именно там следует искать причины своеобразного водного режима реки, тех её особенностей, которые на протяжении тысячелетий оказывали огромное влияние на многие стороны жизни древних жителей страны. В двух тысячах километрах к югу от первых нильских порогов, у нынешней столицы Судана — Хартума, соединяются две реки — Белый и Голубой Нил. Стремительный Голубой Нил берет свое начало из высокогорного эфиопского озера Тана, навстречу ему через цепь великих озер и заболоченные равнины Центральной Африки течет спокойный полноводный Белый Нил. Весной, когда в горах Эфиопии интенсивно тает снег, а в Тропической Африке в разгаре дождливый сезон, реки, питающие Нил, одновременно вбирают в себя громадное количество избыточной воды, несущей с собой мельчайшие частицы размытых горных пород и органические остатки буйной тропической растительности. В середине июля паводок достигает южных границ Египта. Поток воды, порой в десять раз превосходящий обычную норму, пробившись через горловину первых нильских порогов, постепенно затопляет весь Египет. Наводнение достигает своей высшей точки в августе — сентябре, когда уровень воды на юге страны повышается на 14 м, а на севере — на 8—10 м выше ординара. В середине ноября начинается быстрый спад воды, и рока снова входит в свои берега. За эти четыре месяца принесенные Нилом органические и минеральные частицы топким слоем оседают на залитое в период паводка водой пространство.

Этот осадок постепенно и создавал египетскую почву. Вся почва страны — наносного происхождения, результат многотысячелетней деятельности реки в период ее ежегодных наводнений. И узкое каменное ложе верхнеегипетской долины, и бывший когда-то морским заливом Нижний Египет сплошь покрыты глубоким слоем речных отложений—мягким, пористым нильским илом. Именно эта очень плодородная, легкая для обработки почва и есть основное богатство страны, источник ее стабильных высоких урожаев. Увлажненная, готовая к посеву земля Нильской долины блестит, как черный лак. Кемет, что значит Черная, называли свою страну ее древние жители, отмечая весьма существенный признак: в суровых природных условиях Северной Африки с ее жарким и сухим климатом, в окружении безводных пространств каменисто-песчаных пустынь, только на почве, созданной и обводненной Нилом, только на этой наносной черной земле появилась и сама возможность поселения людей, основным источником существования которых стало ирригационное земледелие.

Неприветливо должна была встретить первых людей пойма Нила: непроходимые заросли нильского тростника—папируса — и акаций вдоль берегов, обширные болота низменной Дельты, тучи насекомых, хищные звери и ядовитые змеи окрестных пустынь, множество крокодилов и бегемотов в реке и, наконец, сама необузданная река, в

период паводка могучим потоком сметающая все на своем пути. Неудивительно поэтому, что впервые люди поселились в самой долине только на стадии неолита, имея уже довольно совершенные каменные орудия и разнообразные производственные навыки, да и пришли они сюда под давлением внешних условий.

Климат Северной Африки 10—12 тыс. лет тому назад был менее засушлив, чем теперь. Еще недавно завершилось таяние льдов, покрывавших часть Европы в конце ледникового периода; над Северной Африкой проносились влажные ветры, выпадали обильные дожди, и на месте теперешних пустынь была саванна с высоким травяным покровом, с богатым животным миром. Охотничьи племена, находившиеся на стадии мезолита и раннего неолита, жили на просторах теперешней Сахары. Это они оставили нам наскальные рисунки, изображающие слонов, страусов, жирафов, антилоп, буйволов, динамичные сцены охоты на них. Все эти животные — не обитатели пустынь. Свидетелями более мягкого климата в прошлом служат и многочисленные вадии — сухие русла рек, некогда с запада и с востока впадавших в Нил.

К V тысячелетию до н.э. ослабляется влияние влажных ветров, в Северной Африке наступает засушливая пора, понижается уровень грунтовых вод, саванна постепенно превращается в пустыню. Тем временем некоторые охотничьи племена, приручая животных, успели стать пастушескими. Наступающая сушь все более заставляет эти племена тянуться к иссякающим притокам Нила. Именно вдоль вадии и были обнаружены многочисленные стоянки племен, находившихся на стадии позднего палеолита.

Наступление пустыни продолжалось, высыхали последние нильские притоки, люди вынуждены были селиться все ближе и ближе к самому Нилу. Эпоха неолита (вплоть до IV тысячелетия до н.э.) связана с появлением племен у предела самой Нильской долины, с приобретением ими первых навыков земледелия.

Археологические раскопки поселений эпохи позднего неолита, относящихся к VI—IV тысячелетиям до н.э., показывают, что жители их вели уже вполне оседлый образ жизни, занимались земледелием (до нас дошли каменные зернотерки, деревянные серпы с кремневыми зубцами, зерна ячменя и пшеницы-двухзернянки), скотоводством (кости быков, баранов, свиней), охотой, рыболовством, собирательством. Жители этих поселений, расположенных, как правило, по краям долины, ещё робели перед Нилом и не предпринимали попыток обуздания реки.

С появлением медных орудий производства, со вступлением в эпоху энеолита (медно-каменный век) люди начинают решительное наступление на Нильскую долину. В течение тысячелетий Нил создал своими наносами более высокие по сравнению с уровнем самой долины берега, поэтому существовал естественный уклон от берега к

краям долины, и вода в период паводка распространялась по ней самотеком. Чтобы обуздать реку, сделать поток воды в период наводнения управляемым, люди укрепляли берега, возводили береговые дамбы, насыпали поперечные плотины от берегов реки до предгорий, чтобы задержать воду на полях до тех пор, пока достаточно не насытится влагой почва, а находящийся в воде во взвешенном состоянии ил не осядет на поля. Много сил потребовало и прорытие водоотводных каналов, через которые сбрасывалась в Нил перед посевом оставшаяся на поле вода.

Так в первой половине IV тысячелетия до н.э. в древнем Египте создается бассейновая система орошения, ставшая основой ирригационного хозяйства страны на многие тысячелетия вплоть до первой половины нашего века. Древняя система орошения была тесно связана с водным режимом Нила и обеспечивала выращивание одного урожая в год, который в тамошних условиях созревал зимой (посев начинался только в ноябре, после паводка) и собирался ранней весной. Обильные и устойчивые урожаи обеспечивались тем, что во время разлива египетская почва ежегодно восстанавливала свое плодородие, обогащаясь новыми отложениями ила, который под воздействием солнечного тепла имел способность выделять соединения азота и фосфора, столь необходимые для будущего урожая. Следовательно, египтянам не надо было заботиться об искусственном поддержании плодородия почвы, которая не нуждалась в дополнительных минеральных или органических удобрениях. Процесс обуздания реки, приспособления ее к нуждам людей был длительным и охватывал, по-видимому, целиком все IV тысячелетие до н.э.

Каждый коллектив людей, каждое племя, осмелившееся спуститься в долину Нила и поселиться в ней на немногих возвышенных и недоступных наводнению местах, немедленно вступает в героическое единоборство с природой. Приобретенный опыт и навыки, целенаправленная организация людей, упорный труд всего племени в конце концов приносят успех — осваивается малая часть долины, создается небольшая автономная ирригационная система, основа хозяйственной жизни коллектива, соорудившего ее.

Вероятно, уже в процессе борьбы за создание ирригационной системы происходят серьезные изменения в общественной жизни родо-племенной общины, связанные с резким изменением условий жизни, труда и организации производства в специфических условиях Нильской долины. О происходивших событиях мы не имеем почти никаких данных и вынуждены реконструировать их совершенно гипотетически. По всей вероятности, в это время существовала соседская земельная община (В исторический период фараонского Египта явных следов существования сельской общины не обнаружено.). Претерпевали изменения и традиционные функции племенных вождей и жрецов — на них теперь ложится ответственность за организацию сложного ирригационного хозяйства и

управление им; таким образом, в руках вождей и их ближайшего окружения концентрируются экономические рычаги управления. Это с неизбежностью должно было повлечь за собой начало имущественного расслоения. Экономически господствующая группа нуждается в создании средств для сохранения сложившегося в ее пользу положения в обществе, и такие средства политического господства над подавляющим большинством членов общины, видимо, создаются уже в это время, что, естественно, с самого начала должно было налагать определенный отпечаток на характер самой общины. Так в условиях создания ирригационных систем возникает своеобразная общность людей в рамках локального ирригационного хозяйства, которой присущи как черты соседской земельной общины, так и черты первичного государственного образования.

По традиции мы называем такие общественные организации греческим термином «ном».

Каждый самостоятельный ном располагал территорией, которая была ограничена местной ирригационной системой, и представлял собой единое хозяйственное целое, имея свой административный центр—окруженный стенами город, место пребывания правителя нома и его приближенных; там же находился и храм местного божества.

К моменту образования единого египетского государства таких номов было около сорока. В условиях узкой верхнеегипетской долины каждый ном, находящийся на левом или правом берегу Нила, соприкасался со своими южными и северными соседями; номы же Нижнего Египта часто были еще изолированы друг от друга болотами. Дошедшие до нас источники не дают возможности в достаточной степени проследить историю номов до возникновения объединенного Египта, в состав которого они вошли в качестве местных административно-хозяйственных единиц, однако сохранив свою самобытность и склонность к обособлению на протяжении веков. От тех отдаленных времен сохранились плоские сланцевые таблички, покрытые символическими рельефными изображениями междуусобных войн номов друг с другом. Мы видим кровавые битвы на суше и реке, процессии связанных веревками пленных, угон многочисленных стад крупного рогатого скота, овец, коз. В этой длительной, упорной борьбе сильные номы покоряют своих более слабых соседей. В результате этой борьбы и в Верхнем, и в Нижнем Египте появляются крупные объединения номов, возглавляемые правителем сильнейшего нома-победителя. Конечно, не исключено и мирное присоединение отдельных номов к своим более сильным соседям. В конце концов где-то во второй половине IV тысячелетия до н.э. номы Юга и Севера страны объединились в Верхнеегипетское и Нижнеегипетское царства. Один из самых южных номов Верхнего (Южного) Египта с центром в г. Иераконполь (Из-за того что древнеегипетское письмо (в отличие от месопотамской клинописи) не передает гласных, ученым приходится реконструировать истинное древнее звучание египетских слов и собственных имен косвенными способами, главным образом по

дошедшим через другие народы данным о более позднем звучании египетских собственных имен (II—I тысячелетия до н.э.). Эти реконструкции до сих пор остаются очень ненадежными, и большинство египтологов продолжают пользоваться условными, заведомо неточными чтениями. В этих условных чтениях дано большинство египетских собственных имен и в настоящей книги. Некоторые имена даны в дошедших до нас древнегреческих транскрипциях, а некоторым городам оставлены названия, которые им придавали греки и римляне в эпоху поздней древности, например Мемфис (в условном египтологическом чтении Мен-нефер), Фивы (в условном египтологическом чтении Уасет), Буто, Иераконполь, Гелиополь.) объединил верхнеегипетские номы. Объединителем Севера становится один из номов запада Дельты с центром в г. Буто. Цари Верхнеегипетского царства носили на голове убор белого цвета, цари Нижнеегипетского царства носили корону красного цвета. С созданием единого Египта объединенная красно-белая корона этих царств стала символом царской власти до конца древнеегипетской истории.

История обоих царств практически неизвестна, до нас дошло лишь несколько десятков царских имен, в основном верхнеегипетских. Мало мы знаем и о многовековой ожесточенной борьбе этих царств за гегемонию в Египте, победу в которой одержал сплоченный и экономически сильный Верхний Египет. Считается, что это произошло в конце IV тысячелетия до н.э., но древнейшая египетская хронология все еще очень ненадежна.

Силами отдельных номов, да и более крупных номовых объединений было чрезвычайно трудно поддерживать на должном уровне все ирригационное хозяйство страны, состоявшее из небольших, не связанных или слабо связанных друг с другом оросительных систем. Слияние нескольких номов, а затем и всего Египта в единое целое (достигнутое в результате длительных, кровопролитных войн) позволяло совершенствовать оросительные системы, постоянно и организованно их ремонтировать, расширять каналы и укреплять дамбы, совместно бороться за освоение заболоченной Дельты и в целом рационально использовать воды Нила. Совершенно необходимые для дальнейшего развития Египта, эти мероприятия было возможно осуществить только общими усилиями всей страны после создания единого централизованного административного управления.

Сама природа как бы позаботилась о том, чтобы Верхний и Нижний Египет экономически дополняли друг друга. В то время как узкая верхнеегипетская долина почти сплошь использовалась под пашню, а угодья для выгона скота здесь были весьма ограничены, в просторной Дельте большие пространства земли, отвоеванные у болот, можно было использовать также и как пастбища. Недаром существовала засвидетельствованная позже практика доставки в определенное время года верхнеегипетского скота на пастбища

Нижнего Египта, ставшего центром египетского скотоводства. Здесь же, на Севере, была расположена большая часть египетских садов и виноградников.

Так к концу IV тысячелетия до н.э. завершился наконец продолжительный так называемый додинастический период египетской истории, длившийся от времени появления первых земледельческих культур близ Нильской долины вплоть до достижения страной государственного единства. Именно в додинастический период был заложен фундамент государства, экономической основой которого стала ирригационная система земледелия в масштабе всей долины. К концу додинастического периода относится и возникновение египетской письменности, по-видимому первоначально вызванной к жизни хозяйственными потребностями нарождавшегося государства. С этого времени начинается история династического Египта.

Народ, освоивший Нильскую долину и создавший в столь глубокой древности великую самобытную цивилизацию, общался на египетском языке, ныне мертвом. Первые письменные памятники на этом языке восходят еще к концу додинастической эпохи, последняя иероглифическая надпись датируется IV в. н.э. (Поздний египетский (так называемый коптский) язык существовал в Египте наряду с арабским и в средние века, а в отдельных местностях дожил до начала нового времени.). Египетский язык относился к одной из африканских групп афразийских, или семито-хамитских, языков. Однако много косвенных данных говорит о том, что племена, осевшие в долине Нила, не были этнически едины и отличались по своим говорам. Естественно, что в течение многотысячелетнего существования этническая разнородность постепенно сглаживалась.

Мы хорошо знаем, как выглядели египтяне династического периода. Множество раскрашенных плоских рельефов представляют их нам людьми среднего роста, широкоплечими, стройными, с черными прямыми волосами (часто это парики); в соответствии с традицией, изображения египтян-мужчин всегда окрашены в кирпичный цвет, женщин — в желтоватый. Многочисленны и изображения представителей племен и народов, с которыми жителям долины Нила чаще всего приходилось сталкиваться. Мы видим западных соседей египтян — светлокожих голубоглазых ливийцев; восточных их соседей, выходцев из Передней Азии, — высоких, с желтоватой смуглой кожей, выпуклым носом и обильной растительностью на лице, с неизменными характерными бородками; южане, обитатели Нильской Эфиопии (В древности Эфиопией (Куш) называлась не современная Эфиопия, а нынешний Северный Судан.), или Нубии, выглядят темно-фиолетовыми. Встречаются на рельефах черные курчавоголовые представители негроидных племен Южного Судана.

Периодизация истории династического Египта от полулегендарного царя Менеса до Александра Македонского, примерно с XXX в. до н.э.

вплоть до конца IV в. до н.э., тесно связана с манефоновской традицией. Манефон, египетский жрец, живший в Египте вскоре после походов Александра Македонского, написал на греческом языке двухтомную «Историю Египта». К сожалению, сохранились только выдержки из его сочинения, самые ранние из которых встречаются в трудах историков I в. н.э. Но и то, что дошло до нас, часто в искаженном виде, чрезвычайно важно, так как это отрывки из книги человека, писавшего великую историю своей страны, основываясь на хорошо доступных ему и уже безвозвратно утраченных подлинных египетских документах.

Манефон делит всю историю династического Египта на три больших периода — Древнее, Среднее и Новое царства; каждое из названных царств делится на династии, по десять на каждое царство, — всего на тридцать династий. И если манефоновское деление египетской истории на три больших периода на самом деле отражает определенные качественные этапы в развитии страны, то такая равномерная раскидка династий по царствам представляется условной, да и сами эти династии, как можно убедиться, — образования весьма условные. Часто, правда, манефоновская династия охватывает представителей одного царствующего дома, но нередко, по-видимому, может вмещать в себя несколько неродственных правящих домов, а однажды два царственных брата отнесены к двум разным династиям. Несмотря на это, паука до сих пор для удобства придерживается манефоновской династийной традиции. Внесены коррективы в этапную периодизацию истории древнего Египта; первые две манефоновские династии выделены в Раннее царство, а последние, начиная с XXI династии, — в Позднее царство.

Раннее царство.

Раннее царство — это время правления в Египте I и II манефоновских династий, охватывающих более чем двухсотлетний период истории династического Египта (ок. 3000—2800 гг. до н.э.).

Манефон считает объединителем Египта царя по имени Менеи (Мина), основателя I династии. Его, вероятно, можно отождествлять с царем, носящим в древнейшей египетской летописи тронное имя Хор-Аха («Хор Боец» (Хор, или Гор, — имя одного из главных египетских божеств, солнечного бога, изображавшегося в виде сокола. Царь считался воплощением Хора и носил кроме личного особое «хорово» имя.)). Однако он не был первым верхнеегипетским правителем, претендовавшим на власть во всем Египте. Так называемая табличка Нармера, одного из последних додинастических правителей из Верхнего Египта, найденная при раскопках Иераконполя, повествует в символической форме о победе этого царя над жителями Нижнего Египта. Нармер представлен на этой рельефной табличке во время своего триумфа увенчанным объединенной короной Верхнего и Нижнего Египта. По-видимому, некоторые предшественники Нармера также склонны были уже считать себя покорителями Севера и

претендовать на объединенную корону. Менее же возглавил список египетских царей, дошедший до нас благодаря сочинению Манефона, вероятно, потому, что именно с него началась в Египте прочная летописная традиция. Но и при Менесе, так же как и при его предшественниках, да и последователях, достигнутое единство страны не было еще окончательным. Покоренный Нижний Египет долго не желал признать свое поражение, и там в течение почти всего Раннего царства происходили кровавые военные столкновения.

Цари первых двух династий были родом, по-видимому, из верхнеегипетского нома Тиниса, находившегося в средней части Верхнего Египта. В Тинисском же номе, в окрестностях г. Абидоса, в будущем прославившегося как центр почитания бога мертвых Осириса, были обнаружены при раскопках гробницы царей Раннего царства — Джера, Семерхета, Каа и др. В составе имен этих царей, как и в составе имени царя Хор-Аха, упоминался бог в виде сокола — Хор, покровитель большинства царей Раннего царства.

Об уровне развития производительных сил тогдашнего общества можно судить по орудиям производства, визобилии дошедшим до нас из раннединастических погребений. Это прежде всего изделия из меди — плоские рабочие топоры, ножи, тесла, гарпуны, рыболовные крючки, пилы, наконечники деревянных мотыг; кроме того, боевые топоры с закругленными лезвиями, кинжалы, чаши и сосуды различных форм. Но наряду с медными найдено много и каменных, особенно кремневых орудий и предметов обихода различного назначения. В погребениях найдены также деревянные орудия труда, изделия из слоновой кости, украшения из египетского фаянса (Египетским фаянсом называется особая затвердевшая составная, на поверхности стекловидная, масса, обычно окрашенная в голубой цвет.), разнообразная керамическая посуда, изготовленная еще без применения гончарного круга. В строительстве применялись в основном необожженный кирпич, дерево; использование камня в строительстве было ещё очень ограничено.

Итак, Египет периода Раннего царства жил в эпоху медно-каменного века. Но уже была создана и постоянно совершенствовалась и расширялась ирригационная система страны, что давало возможность использовать все преимущества природных условий Нильской долины. Все это способствовало тому, что при низком еще техническом уровне был достигнут огромный рост производительности труда, прежде всего в земледелии, появился прибавочный продукт, следовательно, возникла и возможность его присвоения со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Раннему прогрессу страны способствовало также то, что почти все необходимое для себя египтяне находили или в самой долине, или же в непосредственной близости от нее. Повсюду встречались разнообразные породы камня, в том числе мягкого, легкого в обработке известняка. Рощи акаций, ещё обширные, и какой-то

степени восполняли постоянный недостаток строительного леса, с древнейших времен доставлявшегося в Египет с гор Ливана морем. Заросли папируса, который широко применялся египтянами как для производства своеобразной бумаги, так и для плетения папирусных судов, использовавшихся при рыбной ловле и охоте на водоплавающую птицу в тихих заводях Дельты, также казались неисчерпаемым источником этого сырья. Молодые побеги папируса шли в пищу. Нил славился изобилием рыбы, основного нерастительного продукта питания египтян.

Медь, как и в додинастические времена, египтяне добывали в копях Синайского полуострова, золото — к востоку от долины, в пустыне, а позже — на юге, в Нильской Эфиопии.

Из злаковых культур, выращивавшихся в Египте в период Раннего царства, а также в Древнем царстве, основной культурой был ячмень, который со временем стал отчасти вытесняться пшеницей-двузернянкой (Двузернянка, иначе эммер, или полба — один из древнейших культурных злаков, вид пшеницы, почти вытесненный впоследствии более урожайными видами.). Широко было развито скотоводство. Памятники свидетельствуют о существовании различных пород крупного рогатого скота, овец, коз, ослов, свиней. Развиваются (особенно интенсивно в Дельте) садоводство, огородничество, виноградарство. Дошедшие до нас из погребений того времени полотна свидетельствуют о развитии льноводства и ткачества. Египтяне занимались также рыболовством, разведением водоплавающей птицы, охотой.

Создание и упрочение единого государства — процесс сложный и длительный, растянувшийся практически на весь период Раннего царства. Объединение Египта не могло, конечно, не внести существенные изменения в структуру управления страной, руководства огромной ирригационной системой Египта, забота о расширении, усовершенствовании, нормальном функционировании которой лежала на царской администрации.

Период Раннего царства — это время сложения общегипетского государственного аппарата. Надписи I и II династий изобилуют названиями многих ведомств и должностей, существовавших ранее или впервые возникавших в связи с усложнением хозяйственного и административного управления, как в центре, так и в номах, на протяжении всего Раннего царства. Эти изменения связаны, по-видимому, с поисками оптимальных форм управления, производства, учета и распределения производимых материальных ценностей.

Очень скудны и фрагментарны наши знания об общественных отношениях египтян во времена Раннего царства. Известно, что существовало большое многоотраслевое царское хозяйство, включавшее в себя пашни и пастбища, виноградники и сады, пищевое ведомство, ремесленные мастерские и судостроительные верфи.

Оттиски печатей царского хозяйства I и II династии дошли до нас не только из царских гробниц, но и из погребений тогдашних вельмож и многочисленных мелких чиновников, которые, по-видимому, получали довольствие из царского хозяйства. Естественно предположить, что кроме царского хозяйства — «дома царя» и «дома царицы» — должны были существовать и нецарские хозяйства, однако сведения о них практически отсутствуют. Но если судить по роскошным для того времени погребениям знати, немногим отличающимся от царских погребений, знать эта, происходившая из номов и тесно с ними связанная, сохраняла большую экономическую самостоятельность и, вероятно, располагала еще значительными наследственными хозяйствами в номах. О людях, работавших в царском хозяйстве и в хозяйствах знати, о методах эксплуатации людей, вовлеченных в эти хозяйства, мы не располагаем сведениями: они появятся в более поздний период, уже в эпоху Древнего царства. Анализ погребений периода I и II династий позволяет только сделать вывод о резком имущественном неравенстве в Египте уже в эту раннюю пору его общественного развития: наряду с богатыми погребениями знати известны более скромные погребения людей, занимавших, вероятно, определенное положение в египетском административном и хозяйственном аппарате, в хозяйствах царя и вельмож; обнаружены и совсем бедные погребения (просто неглубокие ямки на краю пустыни) низших слоев египетского общества.

Мало что мы знаем и об исторических событиях тех далеких веков. Цари первых двух династий вели постоянные войны с ливийскими скотоводческими племенами, захватывая много скота, приводя в Египет пленных. Появлялось египетское войско и в горах Синая, защищая медные копи от набегов переднеазиатских пастушеских племен; египтяне проникают также за первые нильские пороги, в Нубию. Но больше всего сведений дошло до нас о военных столкновениях в Нижнем Египте: борьба с непокорным и бунтующим Севером продолжается до конца II династии. Ещё Менесу приписывается основание «Белых стен» (Мемфиса)—города, возникшего на левом берегу Нила в преддверии Нижнего Египта на стыке его с Верхним Египтом,— крепости и опорного пункта господства южан над Дельтой. Многолетние войны на Севере завершились окончательной победой Юга при царе II династии Хасехемуи, который жестоко подавил последнее восстание в Дельте. Символически изображая свою победу над Нижним Египтом на подножиях двух своих статуй, он приводит на них и цифры павших в этой последней битве врагов — около 50 тыс. северян.

В период Раннего царства происходит и какая-то внутрдинастийная борьба, внешним выражением которой является замена бога Хора, божественного покровителя царей Раннего царства, в тронном имени царя богом Сетхом — вечным противником Хора. Затем был достигнут временный компромисс, и имена Хора и Сетха соседствуют в тронном имени одного из царей II династии;

впоследствии же Хор одерживает полную победу над своим противником, и Сетх изгоняется из тронного царского имени.

Поражение Севера и прекращение династических распрей привели к концу II династии к окончательному объединению страны, открывшему новую эпоху в истории Египта — эпоху Древнего царства. «Белые стены» царя Менеса — город Мемфис становится столицей единого государства. Согласно наиболее распространенному мнению, к одному из названий этого города — Хот-ка-Птах, что значит «Усадьба двойника(Ка («двойник»)—по представлениям египтян, магическая субстанция всякого изображения, которой приписывалось самостоятельное бытие.) Птаха» — главного бога столицы, и восходит греческое Айгюптос и наше наименование страны — Египет.

Древнее царство.

Эпоха Древнего царства (начало XXVIII в. до н.э.— середина XXIII в. до н.э.) — это более чем пятисотлетний период египетской истории, время правления III, IV, V и VI манефоновских династий, эпоха, генетически связанная с Ранним царством, но представляющая собой новый качественный этап развития Египта. Новые явления определялись в первую очередь окончательным прочным объединением страны, сплочением ее в одно политическое целое. Это становится особенно ясным, если учесть, что существенных изменений в орудиях производства по сравнению с Ранним царством не произошло — изменения были, по-видимому, в основном количественные. Только резкое увеличение производства медных орудий труда могло привести, например, к большим изменениям в строительном деле — началу невиданного доселе строительства из мягкого известняка. Известно, что блоки из этого камня выпиливались медными пилами, которые изготовлялись из слитков, подвергавшихся для прочности специальной проковке. Из гробниц Древнего царства до нас дошло большое количество различных медных орудий и их маленьких моделей, но по-прежнему применялись разнообразные каменные орудия, деревянные мотыги, серпы с кремневыми зубьями, первобытный деревянный плуг.

Полное объединение Египта и более целенаправленная организация производства в пределах объединенной страны в огромной степени способствовали общему подъему всех отраслей египетского хозяйства.

Памятники Древнего царства впервые позволяют осветить некоторые важные стороны египетских производственных отношений. Многочисленные документы показывают существование царского хозяйства, храмовых хозяйств и особенно хозяйств частных лиц — вельмож, занимавших высокие должности при дворе, в административном аппарате, как в центре, так и на местах — в номах. Многочисленные раскрашенные рельефы сплошь покрывают внутренние стены внушительных вельможных гробниц и снабжены краткими пояснительными надписями. Они дают возможность

представить жизнь большого хозяйства — «собственного дома» (пер джет) вельможи. Эти гробничные изображения были тесно связаны с египетским культом, отражавшим представления египтян о заупокойном мире как вечном продолжения земной реальной жизни, и являлись, в сущности, подробным наглядным описанием этой жизни, поэтому они и имеют самое прямое отношение к действительному хозяйству вельможи.

Гробничные рельефы рассказывают нам о самом вельможе и о его непосредственном окружении. Обычно он показан главок большой семьи, в состав которой входят его жена и дети, родные братья и сестры, нередко старая мать, родственники, домочадцы. Здесь же многочисленные личные слуги, музыканты, певцы и певицы, танцовщицы, кравчие, парикмахеры, опахалоносцы, телохранители. Интересно, что младшие члены семьи наряду с домашними слугами обслуживают хозяина усадьбы или же участвуют в управлении его хозяйством.

Большое вельможное хозяйство состояло из главной усадьбы и многочисленных владений (дворов и селений), находившихся в различных концах страны, как в Верхнем, так и в Нижнем Египте. Многочисленный штат различного рода служащих: писцов, надсмотрщиков, учетчиков, хранителей документов, управляющих, возглавляемых «домоуправителем», который осуществлял общее руководство всей хозяйственной жизнью «собственного дома», организовывал и контролировал труд многочисленных людей, работавших в разных отраслях вельможного хозяйства: земледельцев и пастухов, рыболовов и птичников, огородников и садовников, пекарей и пивоваров, медников и ювелиров, гончаров и каменотесов, ткачей и сандальщиков, плотников, столяров, судостроителей, художников и скульпторов — всех тех, кто так ярко представлен на гробничных рельефах за своей повседневной работой в поле и на пастбище, в ремесленной мастерской и в доме самого вельможи.

Характерной формой организации труда в полеводстве в период Древнего царства были рабочие отряды, трудившиеся при посеве и сборе урожая. Насколько можно судить по сценам сельскохозяйственных работ и надписям к ним, посевное зерно доставлялось земледельцам из житницы вельможного хозяйства, тягловый скот (обычно это две длиннорогие коровы) приводился из вельможного стада, собранный урожай, свозимый на тока ослами, принадлежал вельможе и после обработки на гумно поступал в его же закрома.

Рабочие отряды трудились и при перевозке тяжестей, погрузке судов (основное транспортное средство в Египте) и на многих других общественных работах, причем они по мере надобности могли перебрасываться то на одну, то на другую работу.

Ремесленное производство вельможного хозяйства было сконцентрировано в общих ремесленных мастерских — «палате мастеров», в которой трудились ремесленники разных специальностей. Здесь работали только мужчины. Уделом женщин был труд в отдельных ткацких мастерских. В хозяйстве существовало специальное нищевое предприятие, занятое изготовлением различных продуктов. Во всех ремесленных работах существовало дробное разделение труда, над одним и тем же изделием на разных этапах его изготовления часто трудилось несколько человек. И в ремесленной мастерской все сродства производства принадлежали владельцу всего хозяйства; изделия, изготовленные мастерами, поступали в вельможные склады. Так обстояло дело и в других отраслях вельможного хозяйства. Следовательно, все виды тружеников, вовлеченных в вельможное хозяйство, были лишены собственности на орудия и сродства производства.

Судя по рельефным гробничным изображениям, работники вельможного хозяйства получали довольствие из вельможных складов и производств — с огородов, пастбищ, из рыбных угодий, житниц, пищевого ведомства — зерно, рыбу, хлеб, овощи; пиво. Мы видим здесь, как земледельцам выдают одежду — короткий передник — и специальное масло для умощения, так как, работая под безоблачным египетским небом при жарком солнце, почти обнаженный земледелец вынужден был смазывать кожу на теле каким-либо жировым составом. Были ли у тружеников вельможного хозяйства помимо хозяйственного довольствия какие-то дополнительные средства к существованию, нам неизвестно.

Но на тех же гробничных рельефах изображен рынок для мелкого обмена, участниками которого были, по-видимому, также труженики вельможного хозяйства. Здесь шла бойкая торговля: зерно, хлеб, овощи, рыбу обменивали на рыболовные крючки, обувь, медные зеркала, бусы, другие ремесленные изделия. Мерилом стоимости было зерно. Наличие такого рынка можно объяснить существованием определенного избытка пищевых продуктов у части тружеников, а также, вероятно, и существованием в ремесленном производстве урочной системы. Норма выработки была чрезвычайно высока, едва ли ниже полной производственной возможности ремесленника, — недаром египетского труженика часто подгоняли плетью и палками; по работник, справившийся со своим уроком (нормой выработки), возможно, мог изготовить дополнительное изделие, которое уже по праву считалось принадлежащим лично ему и могло быть обменено на рынке на воши или продукты питания, ему необходимые. Следовательно, работники, вовлеченные в вельможное хозяйство, могли обладать определенной личной подвижностью. Царское и храмовые хозяйства эпохи Древнего царства, от которых до нас дошли значительно более скудные сведения, судя по всему, были организованы по тому же принципу (Мы почти не располагаем сведениями о средних и мелких хозяйствах этой эпохи.).

Учитывая несомненно большую роль вельможных хозяйств в экономике страны эпохи Древнего царства, необходимо выявить их связь с царским (государственным) хозяйством. Известно, что в египетских памятниках «собственный дом» вельможи выступает как нечто «внешнее» по отношению к «внутреннему», государственному (царскому) хозяйству. В состав «собственного дома» вельможи входили земли и имущество, унаследованное от родителей. Владельцами такого наследия становились по преимуществу старшие сыновья покойного главы семейства. Вот почему, в частности, младшие братья вельможи вынуждены были служить в его доме, кормиться за счет его хозяйства. Мог располагать вельможа также имуществом, полученным по завещанию от других лиц, а также доставшимся ему «за вознаграждение», т.е. купленным. Складывается впечатление, что унаследованным, завещанным, купленным имуществом и землей вельможа имел право распоряжаться по своему усмотрению, как своей полной собственностью, своим достоянием «по истине» (именно из этого достояния вельможа, вероятно, выделял землю и средства на обеспечение своего заупокойного культа, предусматривавшего содержание большого штата заупокойных жрецов при его гробнице). Наряду с достоянием «по истине» вельможа располагал достоянием «по службе», которым он, по-видимому, полностью распоряжаться не мог, так как оно принадлежало не ему лично, а его должности и могло быть отобрано вместе с должностью, поэтому свое достояние «по истине» и «по должности» вельможа четко разграничивал. Вместе с тем памятники свидетельствуют, что благополучие вельможи зависело прежде всего от его должностного достояния, и вне служебной карьеры мы не можем представить себе вельможу Древнего царства. Необходимо иметь в виду, что должности в Египте, как правило, были потомственными, передавались от отца к сыну, но при этом такая передача должности всякий раз утверждалась царем. Таким образом, личное и должностное в «собственном доме» вельможи тесно переплетается. Не случайно само египетское понятие «собственность» (джет) является более широким по сравнению с нашим — оно может служить и для обозначения полной собственности (в нашем ее понимании), и для обозначения только владения, пользования (за службу).

Естественно, что многочисленный штат организаторов производства в царском, храмовых и вельможных хозяйствах — различные чиновники, писцы, учетчики и контролеры отличались по своему положению в обществе от лиц, непосредственно трудившихся в этих хозяйствах. Многие из них занимали определенные государственные должности и сами имели в своем распоряжении земельные угодья и людей, обрабатывающих их. К этой категории лиц следует отнести также мелкий и средний персонал храмов, многочисленных жрецов, связанных с заупокойным культом (верховные жреческие должности сосредоточивались в руках высшей придворной и местной провинциальной администрации). В эту же группу лиц, составляющих

среднюю прослойку египетского общества, могли входить скульпторы, архитекторы, живописцы, врачи, талантливые разбогатевшие ремесленники царских, храмовых и вельможных хозяйств. От второй половины Древнего царства до нас дошли многочисленные погребения, порой весьма богатые, принадлежащие представителям именно этих средних слоев населения.

Термин, обозначающий раба (бак), известен еще со времен Раннего царства. Документы Древнего царства свидетельствуют о том, что рабов можно было покупать и продавать (сохранился, например, документ от VI династии, упоминающий куплю рабов). Следовательно, в Египте времени Древнего царства существовал рабский рынок. Среди рабов были чужеземцы, но преимущественно это были египтяне по происхождению. Пранда, механизм порабощения соплеменников в условиях Древнего царства трудно сейчас восстановить. Преобладание огромных, более или менее замкнутых хозяйственных комплексов, в которых производилось все необходимое, от орудий производства до продуктов потребления, тормозило, естественно, развитие товарно-денежных отношений в стране, поэтому возможность появления в эту эпоху известного по несколько более поздним переднеазиатским древним обществам долгового рабства почти исключается. Возможно, что большинство домашних рабов у египтян по происхождению являлись потомками тех жителей Нильской долины, которых в период раздробленности и воин между номами, а затем и между обоими ранними египетскими государствами захватывали и порабощали соседи. Но, безусловно, существовали и какие-то другие пути порабощения соплеменников. Так, высокие должностные лица второй половины Древнего царства, выставляя напоказ свою добродетель, хвастаются тем, что не порабощали за всю свою жизнь ни одного египтянина. Следовательно, сама возможность порабощения соплеменников — жителей Нильской долины была не исключена и имела место, по, очевидно, порабощать их считалось предосудительным, а возможно, и запрещалось царской властью. Недаром косвенные сведения о порабощении египтян восходят в основном к концу Древнего царства, когда ощущался уже резкий упадок центральной власти.

Несомненно, что царское, храмовые и вельможные хозяйства были преобладающими в экономической структуре Древнего царства. Однако были ли эти крупные хозяйства единственной формой организации производства в стране, или же за их пределами мог существовать пусть незначительный, но автономный общинно-частный сектор экономики? Ответить на этот вопрос исходя из египетских источников той эпохи трудно, так как все они имеют отношение только к царскому и вельможному хозяйствам. Лишь на основании немногих косвенных данных можно предполагать, что такой сектор, вероятно, существовал. Так, например, один вельможа, живший в конце III династии, покупает землю у коллектива неких нисутиу («царских»), которые, следовательно, имели какие-то индивидуальные или коллективные права на землю и могли распоряжаться ею по

собственному усмотрению. Возможно, о существовании мелких индивидуальных хозяйств свидетельствуют надписи вельмож конца Древнего царства, которые, по их словам, помогали каким-то, по-видимому, мелким производителям посевным зерном и тягловым скотом в период пахоты. Трудно предположить, что такая помощь могла осуществляться в рамках царского и вельможного хозяйства, основанного, как мы видели, на совершенно других принципах. Наконец, не разорившиеся ли мелкие собственники, попадая в зависимость от владельцев крупных вельможных хозяйств, превращались в рабов-бак? Не они ли являлись источниками пополнения столь многочисленной категории заупокойных жрецов, обеспечивавших заупокойный культ вельмож? Возможно также, что среди участников обменного рынка, известного нам по гробничным изображениям, были не только труженики, вовлеченные в крупные вельможные хозяйства, но и мелкие индивидуальные производители. Однако все это только лишь предположения. Материал слишком незначителен и противоречив, чтобы можно было сделать какие-либо твердые, однозначные выводы.

Во главе сложившегося египетского государства стоял царь, часто называемый в литературе фараоном — термином, пришедшим из греческого языка, но восходящим к древнеегипетскому иносказательному наименованию царя эпохи Нового царства — пер-'о, что значило «Большой дом» (т.е. дворец); само же имя царя считалось священным, и произносить его возбранялось.

Египетский царь обладал неограниченной экономической, политической и верховной жреческой властью. Все значительные мероприятия в стране и за ее пределами производились от имени фараона — большие ирригационные и строительные работы, разработка ископаемых и камня в окрестных пустынях, войны и торговые экспедиции, проведение больших религиозных и династических праздников. Царь почитался как бог и был, по египетским представлениям, во всем подобен богам, а, возможно, в глазах народа порой и превосходил их могуществом. Так, в период расцвета Древнего царства усыпальницы царей — пирамиды затмевали своим величием храмы богов. Длинная, со временем все более расцветившаяся эпитетами титулатура египетского царя содержала в себе пять царских имен, в том числе личное и тронное. До конца египетской истории фараон выступал как царь Верхнего и Нижнего Египта, что фиксировалось в его титулатуре как воспоминание о некогда существовавших самостоятельных царствах Севера и Юга. Пережитком времен двух додинастических царств была и двойственная система некоторых государственных ведомств страны.

Важнейшим помощником царя был верховный сановник — чати, осуществлявший от имени царя общее руководство хозяйственной жизнью страны и главной судебной палатой. В разные времена чати мог занимать и некоторые другие крупнейшие должности, в частности должность главы столичного управления; известно, однако, что ему в

течение почти всей истории Египта не доверялось руководству военным ведомством, во главе которого стоял другой крупнейший сановник — начальник войска.

Некогда независимые номы, войдя в состав единого государства, превращаются в его местные административно-хозяйственные округа, причем во время наивысшего расцвета Древнего царства, при IV династии, отмечается полное подчинение номов центральной власти: царь может по своей воле перемещать номархов (правителей номов) из области в область, из Верхнего Египта в Нижний и наоборот, существует жесткий контроль центра над всеми действиями местной администрации. В период III и IV династий высшая столичная знать состояла из узкого круга лиц, находившихся в кровном родстве с царем. Важнейшие должности в государстве — чати, военачальники, руководители различных ведомств и работ, верховные жрецы важнейших египетских храмов — были выходцами из царского дома, представителями правящей династии. Централизованное управление осуществлялось при помощи огромного разветвленного бюрократического аппарата.

Единственным родом постоянного египетского войска, начавшего складываться еще в период Раннего царства, была пехота. Воины были вооружены луками, стрелами и короткими мечами. Часто во время походов воинов перебрасывали к месту битвы из мест постоянного расположения на грузовых речных судах. Границы Египта на севере и юге были защищены цепью оборонительных крепостей, в которых размещались военные гарнизоны. Интересно, что полицейские функции в Египте с древнейших времен осуществлялись выходцами из рано покоренной египтянами Северной Нубии — маджаями.

Египет часто образно называют «Страной пирамид». В непосредственной близости от Каира и к югу от него разбросаны эти грандиозные погребальные сооружения царей Древнего царства, немые свидетельства невиданного доселе могущества египетских правителей, призванные навеки прославить имена фараонов, погребенных в подземных камерах этих своеобразных надгробий. Первая, еще ступенчатая, 60-метровая пирамида была воздвигнута близ современного местечка Саккара к югу от Каира для фараона III династии, основателя Древнего царства Джесера талантливым архитектором, врачом и чати, знаменитым Имхетепом, отождествленным впоследствии греками с богом-покровителем медицины Асклепием. Незыблемо стоит в пригороде Каира Гизе первое и единственное сохранившееся из семи чудес света древнего мира — великая пирамида наиболее могущественного царя IV династии Хеопса (Хуфу)—почти 150-метровая, сложенная из 2 млн. 300 тыс. великолепно пригнанных огромных каменных глыб. Здесь же высятся пирамиды его преемников — младшего сына по имени Хефрен (Хаф-Ра), которая всего на три метра ниже пирамиды отца, и значительно уступающая им 66-метровая пирамида еще одного

фараона этой же династии, которого звали Микерин (Менкау-Ра). Каждый царь Древнего царства начинал строить себе усыпальницу сразу же по восшествии на престол, и возводилась она порой в течение нескольких десятилетий. Геродот, путешествовавший по Египту в V в. до н.э., оставил нам яркое, но не совсем точное описание строительства пирамиды Хеопса, как оно сохранилось в памяти далеких потомков.

Хеопс, по рассказам Геродота, вверг страну в пучину бедствий, заставив всех египтян работать на него. Одни перетаскивали к Нилу огромные глыбы камня из каменоломен в восточной пустыне, другие грузили их на корабли и доставляли на левый берег Нила, третьи тащили их до подножия Ливийского плоскогорья к месту строительства. Сто тысяч человек трудились так изо дня в день, сменяя друг друга каждые три месяца. Десять лет строили только дорогу, по которой тащили камни, и погребальный склеп, двадцать лет возводилась над ним сама пирамида.

На самом же деле строительным материалом для сооружения пирамиды служил местный известняк, добываемый тут же, у её подножия, а с противоположного берега привозили только высококачественный белый известняк для облицовки внутренних помещений пирамиды и её внешних граней. Непосредственно пирамиду возводило ограниченное количество рабочих отрядов, состоявших из постоянных, квалифицированных, специально обученных работников. Специальные рабочие бригадами трудились и на соседних каменоломнях. Несомненно, однако, что на строительстве пирамиды в большом объеме использовался неквалифицированный труд вспомогательных работников и что многие труженики, таким образом, отвлекались от повседневного производства.

Рядом с пирамидами IV династии возвышается высеченный в скале 20-метровый Большой Сфинкс, обезображенное временем лицо которого, как полагают, имеет портретное сходство с царем Хефреном, во времена которого, по-видимому, сфинкс и был изваян. А рядом, возле пирамид, раскинулся большой город мертвых — погребения знати времен расцвета Древнего царства, которая и после смерти своего владыки желала покоиться рядом с ним у подножия его пирамиды. Возводили себе пирамиды и цари последующих V и VI династий. Пирамиды V династии расположены в районе Абусира и Саккары; возле последнего селения находятся и пирамиды царей VI династии.

Время Древнего царства оставило нам не столько надписи гарей, сколько надписи-биографии вельмож и номархов, повествующие о военных походах, торговых экспедициях, разработке полезных ископаемых за пределами Египта.

Основатель IV династии царь Снефру совершил большой поход в Эфиопию, полонив 7 тыс. нубийцев и уведя 200 тыс. голов скота;

после похода в Ливию он привел в Египет 1100 пленных ливийцев и новые стада скота. На Сипае с азиатскими племенами боролись цари V династии Саху-Ра и Унис, они же предпринимали походы и в Ливию. В номинальном храме Саху-Ра, например, изображены суда, доставляющие в Египет захваченных пленных — азиатов и ливийцев. От него же до нас дошли также первые сведения о путешествии египтян в далекий загадочный Пунт (Приведенное чтение этого названия — условное (в действительности оно звучало, вероятно, как-нибудь вроде «Паване»)), находившийся, возможно, на территории современного Сомали. Тогда еще не был прорыт канал между восточным рукавом Нила и Красным морем, поэтому путешествие должно было начинаться в г. Коптосе и Верхнем Египте, откуда по руслу высохшей реки Вади-Хаммамат египтяне пешком доходили до побережья, а затем на судах отправлялись в Пунт, привозя оттуда благовония, мирру, ладан, золото.

Военные походы организовывали и цари VI династии. Пиопи I, второй царь VI династии, воевал с азиатскими племенами уже за пределами Синайского полуострова, причем египетские войска двигались и сушей и морем. Сын Пиопи I, Меренра, ходил в Эфиопию.

Многочисленные надписи, оставленные на месте их деятельности должностными лицами, которых царь направлял в рудники и каменоломни, повествуют об организации этих «мирных» походов, о борьбе со степными скотоводами в пути, о победах над ними, о разработках ископаемых. Медь египтяне по-прежнему добывали в горах Синая, там же добывалась и бирюза. Камень был повсюду, но редкие породы камня доставляли иногда издалека. Лазурит, например, путем многоступенчатого обмена попадал в Египет с территории современного Афганистана. Многочисленные экспедиции снаряжались на восточный берег Средиземного моря за ливанским кедром. Из Нубии привозили черное дерево, слоновую кость, шкуры львов и леопардов, но о нубийском золоте, россыпи которого впоследствии интенсивно разрабатывались египтянами, сведений еще нет. В период Древнего царства египтяне добывали золото в пустыне к востоку от Нильской долины; привозили его и по Красному морю из страны Пунт.

Внутреннее положение государства периода Древнего царства, несмотря на его бесспорную мощь, было, однако, не безмятежным. Почему-то глубоким мраком окутано время правления III династии — нам хорошо известен только ее родоначальник Джесер. Недостроенная пирамида и разбитые изваяния старшего сына Хеопса, Джедеф-Ра, возможно, свидетельствуют о междоусобной борьбе двух братьев, закончившейся победой Хефрена. Скрыт от нас, по-видимому, драматический конец могущественной IV династии и приход на ее место V династии в лице её основателя Усеркафа.

Восхождение на престол этой династии привело к серьезным идеологическим изменениям, связанным с началом

общегосударственного почитания солнечного бога Ра — главного бога Гелиопольского нома, из которого, возможно, и происходила V династия. Теперь в титулатуре царь не только отождествляется с богом Хором, традиционным покровителем раннединастических египетских царей, но выступает и как сын бога Ра. Каждый царь новой династии возводит в честь бога Ра солнечные храмы с огромным обелиском внутри окруженного оградой двора. При V династии происходят также большие внутривластные сдвиги, внешним выражением которых стало появление среди высших должностных лиц государства выходцев из знати, не связанной с царем родственными отношениями (что было так типично при предшествующей династии).

Наконец, вся вторая половина Древнего царства — это время незримой, но длительной и упорной борьбы усилившейся номовой администрации против чрезмерного засилья центральной власти за счет политической и экономической автономии. Прямых письменных свидетельств этой борьбы нет, да, возможно, и не было, но многое можно сказать, если взглянуть хотя бы на погребения верхнеегипетских номархов периода VI династии. «Наследственные» некрологи номархов той поры обнаружены по всему Верхнему Египту. И мы видим, что гробницы номархов от поколения к поколению становятся все более роскошными, особенно гробницы номархов областей, расположенных вдали от центра — Мемфиса, а гробницы царей — их пирамиды — уже не идут ни в какое сравнение с величественными сооружениями могущественных фараонов IV династии.

Постепенно номы подрывают могущество центральной власти, и царской администрации со временем все более и более приходится идти на уступки их правителям. Происходит перераспределение материальных и людских ресурсов страны в пользу номов, по в ущерб центру. Подрывается экономическое могущество мемфисских царей, ослабевает их политическое влияние.

Вскоре после смерти царя VI династии Пиопи II, который царствовал в Египте почти 100 лет, власть Мемфиса над Египтом становится номинальной. Около 2200 г. до н.э. страна распадается на множество независимых областей — номов. Эпоха Древнего царства завершается.

Литература:

Виноградов И.В. Раннее и Древнее царства Египта./История Древнего мира. Ранняя Древность.- М.:Знание, 1983 - с.140-160

Лекция 7: Первые государства в Индии. Предгородские культуры Средней Азии и Ирана.

Полуостров Индостан в древности.

Цивилизация на п-ове Индостан возникла позже египетской и шумерской, но почти тысячелетием раньше китайской. Современное и древнее значение слова «Индия» неодинаковы. В настоящее время Индия (точнее, Индийская республика, на языке хинди — Бхарат) — одно из государств Индийского субконтинента. В древности же Индией («Индской страной») называлась вся территория к востоку от р. Ипд (Синдху у индийцев, Хинду у персов, Индос у греков), где ныне расположены государства Пакистан, Индия, Непал и Бангладеш.

По своим размерам древняя Индия была примерно равна Египту, Месопотамии, Малой Азии, Ирану, Сирии, Финикии и Палестине, вместе взятым, и, естественно, отличалась большим разнообразием природных условий. Вся страна может быть разделена на три основные области, географические различия которых наложили отпечаток и на историю их обитателей.

1. Индская (северо-западная), включающая долину р. Инд с его притоками и прилегающие горные районы. Климат здесь сухой и жаркий. На севере области количество атмосферных осадков достигает 1000 мм в год, но, чем дальше на юго-запад, тем меньше осадков: в низовьях Инда выпадает около 250 мм, что делает невозможным регулярное земледелие, основанное только на дождевом орошении. Впрочем, в древности осадки, повидимому, были обильнее.

2. Гангская (северо-восточная), охватывающая долину р. Ганг с притоками, прилегающие предгорья Гималаев и горные районы Центральной Индии. Здесь климат жаркий и влажный; осадков выпадает от 700 мм на западе до 2—3 тыс. мм и более на востоке. Вплоть до конца II тысячелетия до н.э. это был район густой джунглевой растительности.

3. Деканская (южная; от слова Декан — так в древности называлась Южная Индия), включающая в себя полуостровную часть страны. Она отличается сложным рельефом, климат её жаркий, количество осадков неравномерно, но даже в засушливой внутренней части не опускается ниже 700 мм в год.

Подавляющая часть территории Индии получает более 500 мм осадков в год, к тому же выпадающие в основном летом, что достаточно для земледелия. На значительной части страны число осадков достигает 700 мм и более, что позволяет выращивать без

искусственного орошения даже хлопок, а во многих районах Гангской и Деканской областей и такие влаголюбивые культуры, как рис, сахарный тростник и джут. Поэтому водная проблема в Индии стояла далеко не так остро, как в Египте и некоторых других странах Ближнего Востока, и, хотя искусственное орошение было известно древним индийцам издавна, его никак нельзя считать основой древнеиндийского земледелия.

Обилие влаги далеко не всегда было благом. Густая тропическая древесная и кустарниковая растительность была труднопреодолимым препятствием при хозяйственном освоении земли для человека, вооруженного каменным или даже медным топором. Поэтому ранние очаги земледелия возникают в Индии на менее лесистом северо-западе страны. У Индской области было и еще одно важное преимущество: она была более открыта для внешних связей и, в частности, находилась ближе к древнейшим земледельческим районам Ближнего Востока. Это облегчало обмен культурными достижениями с другими странами и способствовало более быстрому техническому прогрессу.

Раздел 1 написаны Ильиным Г.Ф.

Индская цивилизация.

Самые ранние поселения земледельцев в Индостане относятся к IV тысячелетию до н.э., периоду позднего неолита; с переходом к медному веку (конец IV — начало III тысячелетия до н.э.) число их заметно возрастает. Поселения эти расположены на западной окраине долины Инда и в соседнем Белуджистане в невысоких горных районах. Климат здесь более умеренный, небольшие речки служили источником воды для хозяйственных и бытовых нужд, не угрожая наводнением; легко здесь было и укрыться от врагов. Первые поселения были небольшими, постоянные жилища строились из сырцового кирпича, медь встречалась редко, набор земледельческих культур оставался ограниченным (в основном ячмень и просо). Иногда использовалось и искусственное орошение.

С наступлением века металлов земледельцы горных районов получили возможность осваивать более обширные площади земель в равнинных районах. Возникает земледелие в долинах крупных рек — Инда и его притоков, — на полях, орошавшихся их разливами. Реки оказались также и удобным средством сообщения, способствовавшим обмену товарами и культурными ценностями, сплочению общин в более крупные сообщества. Если в первой половине III тысячелетия до н.э. в равнинной части северо-запада не отмечено ни одного сколько-нибудь крупного поселения, то во второй его половине эта часть Индии совершенно преобразилась. К этому времени и относится возникновение культурно-исторического комплекса, получившего в науке название «Индская цивилизация», хотя более поздними

исследователями установлено ее распространение и за пределами долины Инда — от района восточнее Дели, на юг до низовьев р. Тапти, севернее современного Бомбея, и на запад вдоль морского побережья Белуджистана. Археологически расцвет ее связывается с «культурой Хараппы», названной так по первому и самому крупному из обнаруженных городов этой цивилизации. К настоящему времени известно до 150 поселений культуры Хараппы; изучено до десятка.

Некоторые индские города достигали больших размеров. В Хараппе и Мохенджо-Даро (Названия городов — по современным городищам; древние их имена неизвестны.) число жителей достигало десятков, возможно, ста тысяч. Застройка городов производилась, вероятно, по плану: во всяком случае, улицы были прямые, шли параллельно и пересекались под прямыми углами. Города были окружены мощными стенами. В некоторых случаях на господствующем над городом холме находилась цитадель. В Мохенджо-Даро в цитадели помещалось зернохранилище, а также административные и торговые заведения. Одна из наиболее крупных и сложных построек (её размер 230 X 170 м) была, вероятно, дворцом правителя, другая — крытым рынком. Здесь же обнаружен бассейн, как предполагается, предназначенный для религиозных омовений; примыкавшие к нему строения также были, вероятно, культовыми.

В Хараппе зернохранилище находилось на берегу р. Рави; это было огромное сооружение, рассчитанное на одновременное хранение многих сотен тонн зерна. Размеры его достигали 61X46 м; сооружено оно было на кирпичной платформе для предохранения от наводнений. Вблизи зернохранилища находились площадки для помола зерна. Здесь же располагались жилые помещения для работников, занятых на обслуживании пристани, зернохранилища и на помоле.

Основным строительным материалом для зданий был кирпич — сырцовый или обожженный. В центральной части города все жилые дома, двух- или трехэтажные, возводились из кирпича. Обычно они тесно примыкают друг к другу, образуя комплексы жилых помещений. По архитектуре здания довольно просты, но весьма благоустроены. Предусмотрены комнаты для омовения, в верхней части стен делались узкие прорезы для доступа свежего воздуха, между этажами сооружались лестничные переходы. Крыши были плоскими, их покрывали утрамбованной землей; в душные летние ночи здесь, наверное, спали. При домах имелись глухие дворы, в которых находились очаги, готовилась пища и играли дети.

Система городской канализации в Мохенджо-Даро кажется самой совершенной на древнем Востоке. При многих домах имелись специальные отстойники, откуда грязная вода через особые подземные каналы, выложенные кирпичами, выводилась за пределы города.

Данные археологических раскопок позволяют предполагать, что население, жившее в центральной части города, внутри городских стен, было материально хорошо обеспечено, хотя различия в уровне жизни усмотреть нетрудно. Городская беднота селилась, по-видимому, за пределами городских стен, и ее скромные глинобитные хижины не могли сохраниться, особенно в условиях частых наводнений, которым подвергались индские города.

Основой индской экономики было земледелие. Известно о культивировании пшеницы, ячменя, гороха, дыни; в более влажных местах вне долины Инда (в Гуджарате — Лотхал, Рангпур) в период поздней Хараппы возделывался рис. Выращивался хлопок — самый ранний пример подобного рода в мировой истории. Известно об использовании водочерпательного колеса, но о существовании крупных оросительных сооружений данных нет. Поля, расположенные вдоль берегов, скорее всего орошались естественными разливами рек.

О развитии животноводства можно судить по костным остаткам. В качестве домашних животных известны коровы, буйволы, овцы, козы, свиньи, ослы; разводились также куры. Лошадь появляется только в середине II тысячелетия до н.э., т.е. в поздний период существования этой цивилизации. Охота и рыболовство большой роли в экономике того времени, по-видимому, уже не играли.

Сведения о городском ремесле более многочисленны. Культура Хараппы периода расцвета (конец III — начало II тысячелетия до н.э.) была культурой бронзового века. Кроме бронзы использовался свинец, а также золото и серебро, применявшиеся для изготовления украшений. Железа в городах цивилизации не обнаружено. Большую часть меди и медных изделий жители этих городов получали извне, по-видимому из Раджастхана (соседняя область на востоке), но и своя цветная металлургия находилась на высоком уровне. Были известны плавка и пайка меди и ее сплавов, изготавливались мечи, ножи, наконечники копий и стрел, топоры и многие другие инструменты и предметы обихода. Знали люди индской цивилизации также и искусство (художественного литья, о чем свидетельствуют находки вроде бронзовой статуэтки танцовщицы. Из камня продолжали изготавливаться такие предметы, как зернотерки, гири, сошники плугов и некоторые предметы вооружения (например, булавы). Кроме обработки металлов важную роль играли прядение и ткачество; Индия была, вероятно, первой страной, освоившей хлопчаткачество. Уже тогда Индия вывозила хлопковые ткани и оставалась их экспортером в течение последующих четырех тысяч лет.

Процветало гончарное дело. Сосуды и утварь разного рода искусно изготавливались на гончарном круге, обжигались и расписывались черной краской, причем орнаменты отличались сложностью и разнообразием. Поскольку города и поселения возводились в основном из кирпича, его выделка должна была составлять важную отрасль хозяйства.

Очень искусными были ювелиры, изготавливавшие разнообразные украшения — браслеты, ожерелья, кольца, бусы. Они использовали при этом драгоценные и цветные металлы, самоцветные камни, «фаянс», кость, раковины. К художественным ремеслам можно отнести производство игрушек, резьбу по камню и кости, изготовление печатей-амулетов.

Торговля должна была играть важную роль в экономике индских городов. На это указывает не только большое число обнаруженных гирь, но и само развитое ремесло, продукция которого, конечно, производилась не только для централизованного распределения вероятно существовавшими царскими хозяйствами, но и на продажу. Кроме того, в производстве использовались многие сырьевые материалы, которые определенно не могли быть изысканы на месте, — медь и другие цветные металлы, золото, драгоценные и полудрагоценные камни. Некоторые из этих материалов могли быть получены как добыча в войнах или в виде дани, но постоянным и обеспеченным источником оставалась все же торговля.

Города долины Инда приобретали недостающие на месте материалы через торговый обмен с Южной Индией, Белуджистаном, Афганистаном. На Амударье обнаружена хараппская «колония» — городище Шортугай А (2200—2000 гг. до н.э.). Из клинописных и из археологических источников известно также и о торговле с отдаленной Нижней Месопотамией. Промежуточной станцией на морском, пути из Индии в Месопотамию были Бахрейнские острова, называвшиеся в древности Дильмун. Предметами экспорта из Индии в страны Ближнего Востока были хлопчатобумажные ткани, слоновая кость, самоцветные камни, золото, ценные породы дерева. Меньше сведений о составе индийского импорта. Но имеются любопытные находки: так, в Хараппе обнаружены бусы из Крита, относящиеся примерно к XVI в. до н.э.

Раздел 2 написаны Ильиным Г.Ф.

Культура и религия Индского общества.

Важным свидетельством культурного уровня индской цивилизации является наличие письменности. Надписи сохранились на керамике, на металлических вещах и главным образом на печатях. Некоторые из них были просверлены и, возможно, служили амулетами или метками, прикреплявшимися к товарам. Многие печати вышли из рук искусных мастеров, изображавших иногда сложные мифологические сцены, но надписи короткие, едва несколько знаков.

Письменность, конечно, никогда не изобретается исключительно для составления надписей на печатях или металлических изделиях. Несомненно, на языке индской цивилизации составлялись хозяйственные и правовые документы, письма, может быть,

литературные произведения. Однако все это писалось на быстро разрушающемся материале и до нас не дошло. Число надписей довольно велико (до нас дошло почти 3 тыс.), но общий объем текста их незначителен, что крайне затрудняет дешифровку.

Индская письменность уже давно привлекает внимание исследователей. Установлено, что она содержала до 400 рисуночных знаков, что в ней наряду с идеограммами были и фонетические знаки, направление письма — справа налево. Главная трудность в расшифровке заключается в том, что неизвестен язык этой письменности. Среди части индийских ученых распространена точка зрения, согласно которой этот язык был архаической формой санскрита, хорошо известного по значительно более поздним индийским литературным памятникам и принадлежащего к индоевропейской группе. Но большинство современных исследователей считают более вероятным, что письменность представляет один из древнейших дравидских языков, которые в наше время распространены главным образом на юге Индостанского полуострова и отчасти на о-ве Цейлон. Небольшие группы дравидоязычного населения, образующие народ брауи, до нашего времени живут разрозненно на стыке Пакистана, Афганистана и Ирана. На родственном дравидским эламском языке говорили в древности на юге Ирана.

Исследователям «протоиндского письма» (в СССР и Финляндии) удалось установить структуру слов языка и грамматических показателей; эта структура сходна с той, какую можно ожидать в дравидских языках. Предложена дешифровка отдельных слов, тоже как будто звучащих по-дравидски.

Письменность же по своему характеру весьма напоминает древнейшую шумерскую и древнейшую эламскую. Была ли тут родственная связь? Определенно сказать трудно; во всяком случае, у шумеров и эламитов не был заимствован характер письменного материала — глина, что лишило пас большинства письменных памятников древнеиндской цивилизации.

И об искусстве этой цивилизации мы знаем недостаточно.

На высоком уровне находилось ваяние; находки бронзовых и каменных статуэток позволяют утверждать это. Ювелирные изделия и игрушки, сделанные с большим художественным вкусом, свидетельствуют не только о мастерстве работников, но и об уровне эстетических потребностей населения.

Данных о религиозных верованиях сравнительно немного. На основании находок большого числа женских терракотовых статуэток предполагается существование культа богини-матери. Это вполне вероятно, поскольку такой культ очень прочно держится и в современной Индии. Трехликое божество, окруженное животными,

изображенное на некоторых индских печатях, напоминает позднейшего бога Шиву в образе Пашупати — «Владыки скота». Мифологические сцены позволяют предполагать обожествление некоторых видов растительности и животных, считающихся священными и в настоящее время (дерево пинала, бык и др.). Все это указывает на связь современного индуизма с верованиями, существовавшими в Индии еще 4 тыс. лет назад. Раскопки могильников позволяют составить некоторое представление о похоронных обрядах. Строгого единообразия не существовало; чаще всего захоронение производилось прямо в земле, иногда с покойником помещали предметы домашнего обихода.

Таковы дошедшие до нас сведения. Не сохранилось никаких погребальных сооружений, сколько-нибудь подобных древнеегипетским. Нет ни одного строения, которое можно было бы уверенно считать храмом или молельней. Это заметно отличает индскую цивилизацию от одновременных с ней великих цивилизаций в Месопотамии и долине Нила, в городах которых культовые сооружения составляют самый важный элемент.

Раздел 3 написаны Ильиным Г.Ф.

Общественный строй Индской цивилизации.

Сравнивая уровни развития и характер цивилизации в долине Инда с той рабовладельческой культурой, которая одновременно существовала в Египте и в долине Тигра и Евфрата, и находя их во многом сходными, исследователи обычно предполагают, что и общественный строй их должен был быть сходным. В пользу такой точки зрения можно привести веские соображения.

Высокий уровень развития производительных сил, существование крупных городов — ремесленных и торговых центров, наличие письменности показывают, что общество далеко ушло от примитивности первобытнообщинного строя. Различия в уровне благоустройства жилых домов, а также разница между богатыми и бедными захоронениями свидетельствуют о значительном имущественном расслоении. Производство массы кирпича, строительство больших зданий и крепостных укреплений, сооружение канализационной системы и обслуживание ее, работы в огромных зернохранилищах и на пристанях и т.д. требовали большого количества рабочей силы, часть которой наверняка была подневольной. Однако по одним лишь памятникам материальной культуры не представляется возможным установить, какая это была часть и каковы конкретно были формы подневольной зависимости.

Хорошо налаженная городская жизнь, которой могла руководить только сильная администрация, существование мощных цитаделей, господствующих над городом, говорят в пользу существования вполне

сформировавшегося государства с развитым аппаратом управления. Наиболее вероятно существование городов-государств. Однако распространенность на столь большой территории однотипной материальной культуры дает основание думать, что поселения долины Инда были между собой связаны, а, возможно, в некоторые периоды их истории составляли и единое политическое целое.

Однако все это лишь предположения (хотя и вероятные). Необходимо ждать новых открытий, особенно расшифровки письменности, чтобы высказанные предположения стали доказанными.

Раздел 4 написаны Ильиным Г.Ф.

Упадок Индской цивилизации.

С концом «культуры Хараппы» заметен явный регресс, а такие достижения индской цивилизации, как градостроительство, искусство, письменность, были утрачены почти полностью или совсем. Причины упадка этой цивилизации до сих пор неясны, и на этот счет высказываются различные предположения. Одной из первых была гипотеза (до сих пор имеющая сторонников) о разрушении городов (а следовательно, и цивилизации в целом, поскольку города являлись основным ее носителем) вторгшимся в Индию внешним врагом — племенами индоарийцев. В подтверждение этой точки зрения ссылались на находку в верхнем слое Мохенджо-Даро двух десятков скелетов людей, погибших насильственной смертью. Ссылаются также на частые упоминания в древнейшем индоарийском сборнике религиозных гимнов — «Ригведе» — войн ариев с дасью, которые отождествляются (не всегда основательно) с местным населением. Последующие археологические исследования не подтвердили эту теорию.

В настоящее время появление индоарийских племен в Индии принято относить ко второй половине II тысячелетия до н.э. Таким образом, между конечным упадком Мохенджо-Даро и приходом индоарийцев существует значительный временной разрыв, так как верхний слон этого города, в котором были обнаружены упомянутые скелеты, не может быть датирован позже 1750 г. до н.э. Археологические данные свидетельствуют также, что индские города пришли в упадок не одновременно. Так, если упадок Мохенджо-Даро, как указано, относится к XVIII в. до н.э., то Лотхала — к XVI—XV вв., а Калибангана — даже к XIII—XII вв. Разрыв в пять-шесть веков столь значителен, что исключает предположение, будто все эти города были жертвами одного и того же нашествия. Кроме того, если бы индские города были все же разрушены одним народом, слои «культуры Хараппы» были бы перекрыты единой археологической культурой. Однако таких культур несколько, они не сходны между собой и связаны обычно с культурами Белуджистана, которые нельзя считать

индоарийскими. В нескольких же случаях они больше подходят на деградировавшую «культуру Хараппы», чем на резко отличные от нее иноземные (Рангпур, Лотхал).

Значительное внимание в последние годы уделяется изучению природных условий северо-запада Индии в III—II тысячелетиях до н. э., чтобы установить, не имели ли их изменения (например, изменения климата) последствий, которые для слабо оснащенного техникой древнего общества могли бы оказаться разрушительными. Известно, что во всяком случае в Передней Азии на II тысячелетие до н.э. пал период засушливого климата. Могли подвергнуться засолению каналы, измениться русла рек. Еще античный географ Страбон (I в. н.э.) сообщает следующее свидетельство Аристобула, участника похода Александра Македонского в Индию (IV в. до н.э.): «...он говорит, что, посланный с каким-то поручением, он видел страну с более чем тысячью городов вместе с селениями, покинутую жителями, потому что Инд, оставив свое прежнее русло и повернув налево в другое, гораздо более глубокое, стремительно течет, низвергаясь, подобно катаракту».

Все исследователи обращают внимание на то, что «культура Хараппы» (например, в Мохенджо-Даро) исчезла не внезапно, а этому предшествовал длительный период застоя и упадка, начавшегося в XX—XIX вв. до н.э.; это видно из постепенного обеднения и запустения городов, начиная с окраин хараппской культуры, упадка городского хозяйства. Все это должно было привести к военному ослаблению, а затем к междоусобицам, восстаниям местных, прежде подчиненных племен и набегам пришлых, независимых. Но о характере возможных внутривосточных и экономических изменений можно только гадать. По новейшим археологическим данным «постхараппская культура» (включая, возможно, и письменность) в отдельных районах просуществовала до конца II — начала I тысячелетия до н.э.

Что из упомянутого выше явилось основной причиной краха индской цивилизации, пока невозможно утверждать с уверенностью, но отметим, что гибель сложившейся было и как будто успешно развивавшейся цивилизации или предцивилизации наблюдалась в ранней древности не один раз.

Раздел 5 написаны Ильиным Г.Ф.

Предпосылки создания первого классового общества в Иране и Средней Азии.

Иранское нагорье, т.е. земли, занимаемые главным образом современными государствами Иран (в новейшее время (до 1935 г.) это государство называлось Персией). Переименование внесло некоторую путаницу в научную терминологию: официальный язык государства

Иран, не занимающего всей территории Иранского нагорья, называется персидским, а не иранским, а в научное понятие «иранские языки» входят многие индоевропейские языки, распространенные как вне государства Иран, так и вне Иранского нагорья (осетинский, таджикский, памирские). В древности на «восточноиранских» языках говорили также скифы, саки, сарматы, массагеты и другие народы Причерноморья и Средней Азии.) и Афганистан, к западу от Индостанского полуострова, входило еще в древнейшую зону возникновения земледелия и скотоводства; то же можно сказать и об узкой полосе на юге современной советской Средней Азии. Однако условия развития земледелия (преимущественно основанного на горно-ручьевом и дождевом орошении) здесь были менее благоприятными, чем те, которые были созданы человеком, например, в нижней долине Евфрата. Поэтому, когда в Шумере и Аккаде уже долгое время существовала цивилизация и бушевали страсти, вызванные противоречиями классового общества, здесь в течение всего периода медно-каменного века почти повсюду сохранялось первобытное общество.

Лишь в юго-западном углу современного Ирана, на жаркой равнине, созданной отложениями рек Карун и Керхе, создались в первой половине III тысячелетия до н.э. города-государства (или номовые государства), по-видимому, того же типа, что и в Шумере; главным из них был город Сузы. Здесь создалась и своя иероглифическая письменность, во многом похожая на шумерскую. Хотя она до сих пор еще не дешифрована, однако ясно, что она, как и в Шумере Протописьменного периода, обслуживала большое, вероятно храмовое, хозяйство.

Долина Каруна и Керхе в древности называлась Эламом или, на местном языке, Халтамти (Хатамти). Первоначально это было название только одного и даже не самого главного нома в этой области (шумеры именовали его Адамдун), и лишь позже оно распространилось на всю ту территорию (шумеры дали ей имя Ним, что значит «верх, нагорье»), которая объединялась с собственно Эламом общностью языка, в науке известного как эламский.

Примерно до XXII в. до н.э. для него использовалась местная, пока не дешифрованная иероглифика, но еще с XXIII в. в Эламе стали писать сейчас вполне удобочитаемой клинописью — как на своем, эламском языке, так и по-шумерски и особенно по-аккадски.

Недавними исследованиями молодого американского ученого Мак-Альпина было доказано, что эламский язык состоял в сравнительно близком родстве с протодравидским — предком дравидских языков. Можно думать, что в глубокой древности территория дравидского и территория эламского языка соприкасались. Это значит, что эламо-дравидское население должно было занимать всю полосу от Индостана до долины Каруна и Керхе. Хотя, кроме жителей этой долины, остальное население этой полосы в III—II тысячелетиях до

н.э. явно еще не достигло уровня цивилизации, а материальные памятники, найденные на различных городищах, показывают, что культура здесь была неоднородной, однако там и сям существовали изолированные центры собственной эламской цивилизации. Одним из важнейших был город Аншан (в 45 км западнее нынешнего Шираз), находившийся в тесных сношениях с Месопотамией — на западе и с еще не открытым археологами центром неизвестной цивилизации (Араттой) — на востоке. Другие опорные пункты эламской цивилизации отстояли еще дальше от Суз, ее средоточия. Создание их, возможно, до известной степени облегчалось родством языка Суз с языком (или языками) местного населения, но все же они, видимо, появились не в результате местного развития, а как торговые или военные форпосты Суз или Аншана с заимствованной оттуда культурой. находка табличек, написанных эламской иероглификой, показывает, что здесь, вероятно, существовали и эламские храмовые хозяйства. Древние названия этих городов-крепостей, окруженных все еще первобытным земледельческо-скотоводческим населением, нам неизвестны, и мы употребляем современные названия городищ: это Тепе-Сиалк, на дороге из Тегерана в Шираз (ближе к первому), и Тепе-Яхья, недалеко от той области, где и сейчас живут дравиды-брауи. Найденные здесь документы относятся к первой половине II тысячелетия до н.э.

Этническая принадлежность населения других оазисов Ирана, помимо «эламо-дравидской» полосы, нам неясна. Для всего медно-каменного века (отчасти и позже) здесь повсюду характерно изготовление разнообразной глиняной посуды с высокохудожественной многоцветной орнаментальной росписью; поэтому все здешние культуры, довольно разные в деталях с археологической точки зрения, называются обобщенно «культурой крашеной керамики». Подобная керамика встречается в дописьменный период также в Малой Азии, в Закавказье, в некоторых частях Средней Азии, в Китае. Надо полагать, что это скорее свидетельствует об однородности социально-культурного развития на нагорьях, чем об этническом родстве изготовителей этой посуды. Из клинописных источников можно заключить, что в северо-западных частях нагорья говорили на хурритских диалектах, а также на кутийском языке. О последнем известно очень мало, но полагают, что как хурритский, так и кутийский язык находились в ближайшем родстве с восточнокавказскими. Неясно также, что за язык касситский (Возможно, он относился к «эламо-дравидской» зоне.). О кутиях и касситах уже упоминалось в предшествующих лекциях и еще будет сказано далее. На западных склонах окраин Иранского нагорья в конце III тысячелетия до н.э. стали возникать сильно укрепленные города — видимо, центры номов, явившихся ядрами образования первых мелких горных государств. Крупные, но пока еще не укрепленные поселки земледельцев существовали к этому времени и в южных, предгорных районах нынешней Туркмении (городища Алтын-тепе, Намазга, Анау и др.).

Для земледельческих поселков Ирана и юга Средней Азии IV—III тысячелетий очень характерны большие, многокомнатные дома — вероятно, обиталища большесемейных домашних общин. У хурритов на западной окраине нагорья такие общины жили также в укрепленных башнях.

В III тысячелетии до н.э. через Иранское нагорье проходят торговые пути, по которым на северо-восток современного Ирана и в Южную Туркмению прибывают из Шумера и Элама образцы для местной культовой глиняной и золотой мелкой скульптуры и других мелких поделок. По этим же путям в различные центры Ирана и Переднюю Азию поступает синий лазурит из Северного Афганистана, индийский сердолик и золото. Но самым важным: товаром (и в то же время самым загадочным) с конца этого тысячелетия было олово.

Олову принадлежала роль чуть ли не важнейшего сырья наступающего бронзового века. Люди к этому времени уже давно поняли, что медь слишком мягка для многих видов работ (для которых все еще приходилось поэтому применять камень) и что для улучшения рабочих качеств инструментов и боевых качеств оружия к ней необходимы приплавы. Но ни один приплав, кроме олова (Когда не было олова, к меди чаще всего добавляли мышьяк, не мог дать достаточно высокого качества металла. Ради производства бронзовых орудий и оружия олово везли издалека, не страшась опасностей на далеком пути и не жалея средств. Бронзовые инструменты могли служить гораздо дольше медных, их рабочий край был острее и меньше снашивался. Из бронзы изготовляли даже бритвы, которые ранее приходилось делать из обсидиана (вулканического стекла). Из бронзы стали производить кинжалы и мечи, шлемы и чешуйчатые панцири, что значительно увеличивало боеспособность войска и возможности эксплуатации рабского труда. Конец III—начало II тысячелетия до н.э. были началом бронзового века в Передней Азии.

Но откуда шло олово, мы не знали. Лишь во второй половине II тысячелетия до н.э., когда торговые пути меняются, олово начинает поступать в Переднюю Азию с запада. На востоке же существующие месторождения олова, достаточные для промышленной разработки, расположены не ближе к Передней Азии, чем Малайя и Южный Китай. Греческий географ I в. н.э. Страбон назвал источником олова Дрангиапу — страну на юго-западе современного Афганистана, но геологи отвергли такую возможность. Лишь недавно (в начале 70-х годов) советские геологи обнаружили в тех краях большие древние оловянные выработки, исчерпанные по меньшей мере тысячу лет назад (археологи их не посещали, и абсолютная дата пока неизвестна). Одно месторождение, видимо особенно древнее, было расположено севернее оз. Хамун; поскольку здесь же была и медь, постольку отсюда могли вывозиться готовые бронзовые слитки. Другое, очень большое, находилось в бассейне р. Хильменд. Так был раскрыт секрет бронзового века.

С III тысячелетия до н.э. в Средней Азии было одомашнено новое важное транспортное животное — двугорбый верблюд. Его начали запрягать в четырехколесные телеги. Появляется довольно широко развитое земледелие — пока, правда, на базе не столь больших рек, как Амударья, а более мелких. Оросительные каналы длиной до 3 км напоминают те, которые копали в Месопотамии перед началом Протописьменного периода. К середине III тысячелетия до н.э. на юго-западе Средней Азии, в долинах Мургаба и Зеравшана, в Афганистане возникают крупные поселения площадью в десятки гектаров с застройкой городского типа, домами для больших семей, с обширными культовыми сооружениями, огражденными толстыми стенами из сырцового кирпича. По-видимому, во II тысячелетии до н.э. появляются и городские стены. Очевидно, господствовало профессиональное ремесло и существовали торговые связи с Ираком и Индией. Уже говорилось о хараппской «колонии» на южном берегу Амударьи. В то же время на периферии таких крупных поселков располагались мелкие селения из нескольких или даже одного большесемейного жилища. Такие «хутора» исчезли в Нижней Месопотамии в начале Протописьменного периода.

Аналогичная картина создания предгородской (или даже раннегородской) культуры наблюдается и в Дрангиане (городища Шах-и Сохте, Мундигак).

Однако в эпоху бронзы процесс образования классового общества, явно намечавшийся по всему Иранскому нагорью (в Иране и в Афганистане), а также в Южной Туркмении, так и не найдя завершения, сменился периодом упадка. Причины его неясны. Второе тысячелетие до н.э. было эпохой засух и этнических перемещений в этом регионе. Именно в это время, если не раньше, в Иране появляются индоиранские племена, о которых будет рассказано далее. Но следы этнических перемещений, если они не сопровождаются массовой резней и пожарами, археологически обнаружить трудно, а письменных данных о них нет. Древнейшие культуры Ирана и Средней Азии все ещё загадочны; археологические данные о них недостаточны, и только о западной окраине Иранского нагорья, примыкающей к долине р. Тигра, до нас доходят известия из надписей царей Месопотамии, к которой нам и предстоит теперь вернуться.

Раздел написан Дьяконовым И.М.

Литература:

Ильин Г.Ф., Дьяконов И.М. Первые государства в Индии. Предгородские культуры Средней Азии и Ирана./История Древнего мира. Ранняя Древность.- М.:Знание, 1983 - с.161-173

Лекция 8: Ашшур, Митанни, Аррапхэ.

География и этнография региона.

Важную историческую роль сыграли поселения вдоль среднего течения р. Тигр. Здесь территории не отличались ни суровым климатом сухих тропиков Нижней Месопотамии — пустынь и солоноватых речных и морских лагун, заросших гигантскими тростниками, — ни ее неслыханным плодородием (после того как для орошения были укрощены воды евфратских разливов).

На значительном своем протяжении р. Тигр бежит между высокими каменистыми и скалистыми берегами, по большей части неудобными для передвижения людей. Почти столь же неудобны долины северо-восточных притоков Тигра.

На Тигре находится два плодородных земледельческих района: северный, историческая Ассирия, расположенная в треугольнике, окаймленном с севера горами, отгораживающими ее от долин рек Восточного Хабур и Большого Заба (в той части, где последний течет с северо-запада на юго-восток), с востока — предгорьями Загроса и долиной р. Малый Заб. Район этот орошается дождями, горными ручьями, колодцами и подземными каналами-кяризами; с запада он ограничен Тигром, причем эта река на значительном протяжении сама обрамлена с западной стороны крутой горной грядой Джебель Макхуль, вдоль которой со стороны реки нет даже пешеходной тропы; лишь выше нее кое-где открываются пути в холмистую часть Верхней Месопотамии.

К югу от Малого Заба начинается второй земледельческий район, орошаемый притоками Тигра — Адеймом и Диялой, но этот район, в свою очередь, разделяется на две части горной грядой Хамрин; к северу от нее расположены районы предгорий, сходные в природном отношении с исторической Ассирией. Эта область имела первоначально центром Гасур, а после хурритского завоевания около XVIII—XVII вв. до н.э. получила название Аррапхэ.

Гряде Хамрин в одном месте прорывает река Тигр, образуя своего рода ворота — Фатху. К югу от гряды расположен один из древнейших районов искусственного орошения, где речные воды разбегаются целой сетью каналов; когда-то эта область именовалась Вариум или Ки-Ури, во II тысячелетии до н.э. в центральной части ее называли Навар, а в южной, по-касситски, Туплиаш.

Важность районов вдоль р. Тигр издревле заключалась не столько в их земледельческих возможностях — тут они уже с IV тысячелетия до н.э. отставали от районов Нижней Месопотамии, орошаемых каналами и Евфратом, — сколько в том, что здесь находились жизненно важные как для Верхней, так и для Нижней Месопотамии переправы, через

которые вели торговые пути в Иран и далее к оловянным рудникам Западного и Южного Афганистана, к лазуритовым разработкам Бадахшана, к золоту Индии, в районы предгородских культур юго-западной Средней Азии и Индской культуры. Всего было пять возможных торговых (и военных) переправ через Тигр с запада на восток или с востока на запад: 1) у нынешнего Мосула (этот город лежит на западном берегу реки; в древности же переправа закрывалась городом на восточном берегу — Ниневией); отсюда дорога вела из Верхней Месопотамии далее на восток, на Арбелу (ныне Эрбиль) и еще далее через перевалы гор Загроса на оз. Урмию; 2) ниже Мосула, где дорога с запада на восток от района впадения Западного Хабура в Евфрат, шла через г. Карана (ныне Телль ар-Римах) к переправе через Тигр у г. Кальху (Калах, ныне Нимруд) и оттуда опять на Арбелу; 3) эта же дорога могла ответвляться еще в пределах Верхней Месопотамии и на г. Ашшур, стоявший на западном берегу Tigris. в очень важном месте: там, где кончается гряда Джебель Макхуль — северо-западный отрог гряды Хамрин по западному берегу Тигра — и где дорога с юга, из Нижней Месопотамии, может снова подойти вплотную к Тигру. Город Ашшур, в природном и политическом отношении принадлежавший к Ассирии, был предместным укреплением перед главной, третьей, переправой с запада в область за Тигром и на восток, к перевалам Загроса; эта дорога шла далее через центр страны Аррапхэ — современный город Керкук — в долину Сулеймание и еще далее, к более южным перевалам через Загрос, чем первые две; 4) четвертая, малоудобная переправа обслуживала засадные пути Аррапхэ; дорога шла здесь с востока через горные «ворота» Фатху и за переправой вела к городу Мари на Евфрате. Здесь, предположительно на восточном берегу, на террасе Хамрин, стоял башенный город Унабше, а на западном берегу Тигра — город Сугагу (ныне район Хан-Шуреймийя); 5) и наконец, пятая переправа была возможна в одном из пунктов, где плодородная равнина Туплиаша — Навара подходила к Тигру; отсюда открывался либо путь юго-западнее горных хребтов на г. Дёр (ныне Бадра) и далее на Элам, либо через современный Ханекин, через южные перевалы Загроса, на нынешний Керманшах, и далее либо на юг в Элам, либо на юго-восток — в Аншан; либо, наконец, дорога могла сворачивать на север к Аррапхэ.

Южнее впадения Диялы Тигр в древности, по-видимому, вступал в полосу болот и лагун и не имел значительного хозяйственного или торгового значения.

Помимо магистральных путей, по линии Запад—Восток, имелось и два рокадных пути с севера на юг: один вел от Киша, Вавилона и Сиппара на север вдоль Тигра, затем отворачивал в степь в обход гряды Джебель Макхуль и вновь возвращался к Тигру у Ашшура; далее он мог либо переходить через Тигр, либо вести на север до Ниневии, чтобы там слиться с путями, пересекающими Верхнюю Месопотамию с запада на восток. Путь этот обычно был открыт набегам скотоводческих племен: кроме того, он вел через гипсовую

пустыню и ряд безводных районов; поэтому ему часто предпочитали другую дорогу, проходившую заметно восточнее Тигра через долину Диялы, район современного города Туз-Хурматлы (древний Киссук?), через царство Аррапхэ к переправе через Малый Заб у городища Телль-Махуз (древняя Турша, в 45 км вниз по течению от нынешнего Алтынкёprü — «золотого моста»), и далее на Арбелу (Эрбиль) с выходом либо на запад, к Ниневии, либо на восток, через перевалы к оз. Урмия.

Долина р. Тигра являлась в древности западной границей иранских предгорий и восточной границей исторической области Верхняя Месопотамия, ныне разделенной между Турцией, Сирией и Ираком. С востока эта область ограничивается средним Евфратом, от его великой излучины, где он ближе всего подходит к Средиземноморскому побережью, до того места, где, пересекая «гипсовую пустыню», эта река вступает в пределы Нижней Месопотамии (Вавилонии). В природном отношении Верхняя Месопотамия делится в западно-восточном направлении на три зоны: северную (к югу от верхнего Тигра — гористо-холмистая зона, в древности покрытая кустарниковой растительностью), среднюю, пересекаемую с севера на юг притоками Евфрата — Белихом и Западным Хабуром (холмистую, степную, сравнительно хорошо орошенную вплоть до горной гряды Синджар, вдоль южных склонов которой имеется последний район, еще отчасти пригодный для земледелия и скотоводства), и южную, пустынную, от южных склонов гряды Синджар до пределов Вавилонии.

Верхнюю Месопотамию пересекают два западно-восточных пути: от г. Мари, около современного г. Абу Кемаль на Евфрате (на нынешней границе Сирии и Ирака), к Фатхе или Ашшуру па Тигре; и от переправ через Евфрат на его великой излучине, у древнего Каркемиша, и далее через современные города Урфу (или южнее через древний Харран)\ Мардин, Нусайбин (Нацибин, Мцбин, Нисибис) на Ниневию и Ашшур; и две дороги с юга на север: одна вверх в общем направлении вдоль Евфрата, через Мари (ворота в Западную Сирию), Эмар (с другим выходом в Западную Сирию, па Эблу и Халеб), Каркемиш и далее в глубь либо Малой Азии, либо Армянского нагорья; и другая вдоль долины Тигра (о ней уже шла речь).

Об этническом составе древнейшего населения этой зоны мы плохо осведомлены; кое-что известно о смене археологических культур, но гораздо меньше — о смене языков, хотя уже имеется ряд гипотез (Следует заметить, что хотя существует гипотеза о принадлежности носителям праиндоевропейских диалектов культуры Халаф (V тысячелетие до н.э.), однако следов индоевропейского лингвистического субстрата в изучаемом регионе не обнаружено; есть небольшие следы индоиранского влияния на хурритов II тысячелетия до н.э. (с востока)). Можно только сказать, что на территории будущей Аррапхэ, в древнем Гасуре (позже Нузи, ныне Иорган-тепе), еще во второй половине III тысячелетия до н.э. имелось так называемое «банановое», или «прототигридское», население (название условное),

и около того же времени засвидетельствовано хурритское население в северной зоне Верхней Месопотамии Г(хурриты, как теперь установлено, вместе с урартами составляли одну из ветвей северо-восточнокавказской семьи языков, от которой ныне сохранились ветви чечено-ингушская, аваро-андийская, лакская, лезгинская и др.; есть все основания думать, что прародина носителей хуррито-урартского языка находилась в центральном или восточном Закавказье, вероятно, в V тысячелетии до н.э.; вступив на территорию Верхней Месопотамии, они, несомненно, смешались с аборигенным ее населением. Далее, из археологических данных становится ясно, что шумеры еще в IV—начале III тысячелетия до н.э. имели свои колонии или фактории не только в Мари, но и далеко на север по долинам Западного Хабур (Телль-Брак) и Евфрата (по меньшей мере до района впадения в него р. Арацани—Мурад-су)(Однако шумерская письменность, изобретенная около 3000 г. до н.э. в Нижней Месопотамии, до сих пор не была обнаружена в Верхней Месопотамии. Недавно появились требующие проверки газетные сообщения о находке документов с архаической шумерской письменностью в Северной Сирии.). Наконец, за последнее время выясняется, что в западной части Верхней Месопотамии в III тысячелетии до н.э. была распространена так называемая калициформная культура, которая не без основания приписывается группе семитских племен, занимавших по языку промежуточное положение между западными и восточными семитами и имевших главный центр в г. Эбла (см. лекцию 11). Скотоводческое население как в Западной Сирии, так и в Верхней Месопотамии составляли западносемитские племена, условно именуемые аморсями.

Мари на Евфрате (в значительной мере) и Ашшур на Тигре (полностью) были заселены восточными семитами (аккадцами), хотя есть основания предполагать, что здесь семитскому населению могли предшествовать шумерские колонии.

Восточнее Тигра в отдельных, по большей части точно еще не локализованных пунктах засвидетельствовано примерно с середины III тысячелетия наличие хурритов. Известны обозначения различных горных племен (турукки(Не следует обращать внимания на наивное отождествление племен турукки с тюрками: последний этноним появляется лишь в I тысячелетии н.э. — сначала в Центральной и Средней Азии и лишь к середине средних веков — на Ближнем Востоке. Созвучии здесь чисто случайное.), кутии, луллубеи, касситы и т.д.). Совершенно неясно также, имеем ли мы право отождествлять эти названия с конкретными этническими общностями, учитывая, как часто (и не только в древности) племенные обозначения-иноназвания охватывают разные, лишь чем-то похожие друг на друга племена. О термине «луллубеи» мы точно знаем, что он означает просто «соседи», «чужаки». Весьма вероятно, что большинство этих племен принадлежало по языкам к числу северо-восточнокавказских, другие — к числу эламо-дравидских, но все это пока не более чем догадки.

Земледелие в рассматриваемом регионе было основано на дождевом орошении, которое обеспечивалось теплыми влажными ветрами со Средиземного моря, ирригационные системы если где-либо и возникали, то носили локальный характер. В социальном отношении это значит, что здесь по большей части не было необходимости в большой государственной централизации; основную роль в хозяйстве играли семейно-родовые общины (общинно-частный сектор); царские и другие крупные хозяйственные структуры мало от них отличались.

Но в масштабе всего хозяйства Ближнего Востока этот регион имел большое значение в том отношении, что именно через него шло снабжение передовых земледельческих областей, и в первую очередь Нижней Месопотамии, всем необходимым сырьем, особенно металлами, лесом и т.п. (Город Ашшур, вероятно, снабжался с востока и шерстью для его развитого текстильного производства.) Поэтому естественно, что международному обмену принадлежала здесь ведущая экономическая, а в конечном счете и политическая роль.

Поэтому и ранние недолговечные политические объединения были здесь связаны с торговыми путями; первым таким объединением (конца III тысячелетия до н.э.) — характерным образом обходившим территорию полицейского государства III династии Ура (которое парализовало бы всякую по контролируемой из центра торговлю)— было государство хурритского правителя Аришены, включавшее Уркеш (неподалеку от Мардина, на северной дороге через Верхнюю Месопотамию), Хавал, на загросской дороге с севера на юг, вероятно связанной с дорогой № 3 (см. выше), и Навар (?) в долине р. Диялы.

Но впервые несколько более полные сведения о международной торговле мы получаем из Ашшура.

Раздел 1 написан Дьяконовым И.М.; в разделах 3 и 4 использованы его же материалы

Ранний Ашшур.

Древнейшая политическая история Ашшура нам совершенно неясна. Известно лишь, что в XXI в. до н.э. он был недолгое время подчинен царству Шумера и Аккада, и здесь сидел наместник, оставивший надпись. Впоследствии был составлен царский список Ашшура, однако в первой своей части он недостоверен: он начинается с «царей, живших в шатрах», но их перечень является не более как частью генеалогии аморейских племен, к которым причисляли себя предки Шамши-Адада I, правившего не только Ашшуром, но и всей Верхней Месопотамией в XIX в. до н.э.; о нем речь пойдет далее.

Первым исторически засвидетельствованным правителем Ашшура (По имени города и его главный бог назывался Ашшуром, что на ассирийском диалекте аккадского языка означает примерно «священный, освященный».) был Илушума, живший в XX в. до н.э. Он

не носил царского титула; в качестве жреца-правителя он назывался ишши'аккум (транскрипция шумерского экси[ак]), а в качестве главы городского совета (?) назывался укуллум или ваклум. Оставленная им короткая надпись долгое время не поддавалась объяснению, пока совсем недавно не была истолкована нами. Она гласит: «Илушума, ишши' аккум города Ашшура, ради (богини) Иштар, госпожи своей, (и) за жизнь свою построил храм; старую стену, пошатнувшуюся (?), восстановил; для (граждан) города моего я распределил дома (Вероятно, в связи со сносом части застройки при возведении храма.). (Далее речь идет об открытии новых источников в городе); освобождение (андурарум) аккадцев, а также сынов их я установил, медь их я очистил; от мидру (мн.ч.)—от Ура, Ниппура, Авала, Кисмара, Дера до Города (т.е. Ашшура)—я установил их освобождение».

До сих пор это толковалось как описание предполагаемого воинского набега Илушумы на Нижнюю Месопотамию (о длительном завоевании явно не может быть речи, так как обильные документы из Месопотамии этого времени не упоминают никаких признаков, хотя бы и временного, ашшурского завоевания), Помимо этого, слово андурарум (перевод шумерского ама-р-ги. «возвращение к матери», т.е. в первоначальное состояние) означает отнюдь не политическое освобождение из-под чьей-то власти, а освобождение от долгов, пошлин и т.п. «Очистить» здесь также значит «освободить от поборов». Илушума не относит «освобождение» к собственным гражданам Ашшура. Значит, скорее всего речь идет об освобождении «аккадцев и сынов их» от каких-то поборов, вероятно от торговых пошлин. Под «аккадцами» здесь, конечно, не могут пониматься ни люди аккадского языка вообще (такое применение термина было бы лишено политического смысла, ибо языковые общности в ранней древности не противопоставлялись друг другу); ни жители города Аккаде, столицы Саргона Древнего,— этот город давно перестал существовать. Под «аккадцами» следует понимать граждан перечисленных далее городов, а под «сынами (потомками) аккадцев» — граждан (в политическом смысле) тех же городов, но проживающих за их пределами.

Трудность представляет слово мидру. Оно более нигде не засвидетельствовано в аккадских текстах; почти все исследователи переводят его как «болото, лагуна», связывая его с арабским матар, митр — «дождь» и аккадским (вавилонским) митр, митир — «дождевая (?) канава». Мы же предлагаем связывать это слово с арамейским мидр — «земля, ил, глина (как материал); земельный участок» и с арабским мадар — «ил, земля, глина, глинобитное сооружение» и особенно с арабским выражением ахль аль-мадар ва-ахль аль-вабар — «горожане и кочевники», буквально «люди глинобитных сооружений и люди (палаток из) шкур»; по-аккадски также ваб(а)рум означает «чужеземец, не гражданин города», а вабартум — «торговый стан вне города».

Мы предлагаем понимать мидру как «зона, ограничивающий пояс или полоса оседлого (городского) населения»; тогда перечисляемые города будут означать главные пункты по окраинам некоторой определенной «зоны»: южную или юго-западную ее границу составят Ур и Ниппур(Около этого времени Ниппур, старый центр шумерского культового союза, получил от I династии Иссина ряд привилегий и возможно, был перевалочным пунктом торговли Иссинского царства, так же как Ур — царства Ларсы.) — на западе Нижней Месопотамии; Дер, перевалочный пункт вавилонско-эламской торговли, — юго-восточную; Авал и Кисмар(Авал, или Хавалум (не путать с эламским Аваном, находившимся далеко на востоке в сторону Аншана), предположительно лежал на среднем пути через Загрос; упоминается в надписи хурритского царя Аришены и в письмах из Шушшары (ныне Телль-Шемшары в долине Сулеймания). Кисмар отождествляется с Хашмаром — «Соколиным перевалом» на современной дороге из долины Диялы на Керманшах, недалеко от хурритского города Карахар, или Хархар.)—восточную (на перевалах Загроса) и сам Ашшур — северную (Ашшур, как известно, тоже считался аккадским городом). Заметим при этом, что устанавливаемая таким образом зона носит не политический, а чисто географический характер; она связана с торговыми путями, но отвлекается от существовавших в то время границ государств. Эта беспошлинная зона соответствует территории, где могли действовать «аккадские» купцы, жители городов Нижней Месопотамии и самого Ашшура; далее этого пояса товары, вероятно, обменивались с торговыми посредниками городов, «внешних» по отношению к Ашшуру и Аккаду, не входивших в созданную Илушумой территорию свободного торгового обмена.

Иначе говоря «сыны аккадцев», т.е. граждане аккадских городов, находившиеся в качестве торговых агентов или представителей своих торговых сообществ на всех главных дорогах, и прежде всего дорогах, ведущих на юг, в Нижнюю Месопотамию и через горы Загроса, были допущены Илушумой к беспошлинной торговле медью; взамен Ашшур мог, как засвидетельствовано и впоследствии, вывозить ткани. Торговля Ашшура в пределах этой зоны (с Гасуром) подтверждается и документально.

Примерно в то же время ашшурские купцы массами устремляются в Малую Азию. чтобы принять участие в тамошней торговле — сначала, вероятно, также как торговцы тканями, а потом главным образом спекулируя на разнице в ценах металлов (дешевых в Малой Азии, дорогих в Месопотамии). Хотя большинство многочисленных документов малоазийских торговцев XX—XIX вв. до н.э. (о которых см. в лекции 10) посвящено внутренним вопросам торговли в Малой Азии и отчасти в Ашшуре, Сирии и т.п., однако прослеживаются и более дальние связи (конечно, через Ашшур); среди лиц, упоминающихся в этой переписке, названы гасурцы и хавалыяне.

Мероприятия Илушумы были продолжены Эришумом I; именно к его времени, возможно, относятся первые письменные акты архивов

торговой колонии (карум) Каниш в Малой Азии; мы полагаем, что с этого времени торговля ашшурцев в Канише стала контролироваться правителями, хотя существовать она должна была задолго до того. Именем Эришума клялись ашшурские торговцы в обязательной для них присяге. Эришум I, подобно своему отцу Илушуме, оставил в Ашшуре надпись, дошедшую до нас. Она составлена им «за жизнь мою и за жизнь моего города». В ней сообщается, что в связи с начатыми большими строительными работами в храме бога Ашшура «город мой по моему призыву заседал, я установил освобождение (на) серебро, золото, медь, свинец (?), ячмень, шерсть (и все) вплоть до поскребков (?) горшков и мякины». Здесь «освобождение» распространяется, таким образом, не на определенные группы купцов, а на весь оборот рынка.

Как организовывалась международная торговля, будет подробно рассказано в лекции 10; здесь же отметим, что, во-первых, контроль государства в описываемом регионе был несравненно слабее, чем в Нижней Месопотамии, и, во-вторых, организация торговли имела, по-видимому, обратное воздействие на государственное устройство. Составитель позднейшего царского списка отмечал, что продолжительность власти отдельных предполагаемых древнейших правителей Ашшура (до Эришума I) ему неизвестна. Сведения о продолжительности правления своих царей позднейшие писцы черпали из списков годичных эпонимов-лимму. Однако в торговой колонии Каниша такие лимму уже существовали (там они были казначеями торговой конторы), и нет причин, объясняющих исчезновение списков лимму, если бы они существовали в Ашшуре до Эришума. Очевидно, правомерно предположить, что сам принцип датировки лет по лимму был заимствован именно Эришумом для нужд города-государства из практики торговой организации.

Городские правители из дома Илушумы продолжали возглавлять Ашшур до конца XIX в. до н.э., когда в Верхней Месопотамии произошли большие перемены в связи с завоеваниями аморейского вождя Шамши-Адада I, сына Илах-кабкаху.

Шамши-Адад I.

К началу II тысячелетия до н.э. в пределах Верхней Месопотамии и области непосредственно к востоку от Тигра не осталось никаких следов ни шумерского, ни какого-либо субстратного этноса. Население северной зоны собственно Верхней Месопотамии, а также некоторых областей Сирии в сторону Средиземного моря было в значительной мере (а в областях за Тигром — даже полностью) хурритоязычным. В остальном Верхняя Месопотамия к западу от Тигра, включая и город Ашшур, была заселена семитами; оседлые восточные семиты говорили на аккадском языке в двух формах — на среднеевфратском диалекте, близком к вавилонскому (в Мари и соседних городках), и на ассирийском (в Ашшуре) (Носители эблаитского семитского языка, открытого лишь недавно и распространенного в III тысячелетии до

н.э. в Северной Сирии и отчасти в Северной Месопотамии (см. лекцию 10), к этому времени слились с амореями или аккадцами.). Соответственно были распространены два вида аккадской клинописи — среднеевфратская, которой, с небольшими изменениями, пользовались также хурриты и все мелкие города Северной Месопотамии, и староассирийская — в Ашшуре и Малой Азии.

Это были языки и письменность городов, царских и общинных канцелярий и торговцев. Наряду с ними была распространена еще одна группа западносемитских диалектов — так называемый аморейский язык, на котором говорила часть оседлого населения, но главным образом полукочевые племена во внутренних районах исторической Сирии и Месопотамии.

Как верхнемесопотамские сирийские хурриты, так и сирийско-месопотамские амореи первоначально, видимо, не владели какими-либо городами-государствами, но вполне вероятно, что они часто несли службу в этих городах в качестве воинов-наемников, освобождая земледельческое население отчасти или полностью от тягот воинской службы. Это привело к тому (как мы уже видели на примере Вавилонии, см. лекцию 4), что выделились аморейские воинские вожди и возникли сплоченные воинские отряды, которые в конечном счете начали захватывать города.

Одним из таких вождей, родину которого мы установить пока не можем, был Илах-кабкаху; но гораздо большую историческую роль сыграл его сын Шамши-Адад I (1813—1781 гг. до н.э.). Захватив сначала некое территориальное ядро в центре Верхней Месопотамии, он в нескольких удачных походах сумел взять ряд городков по среднему Тигру, а затем и Ашшур. Позже (а может быть, и раньше) он захватил столь же важный пункт — Мари на Евфрате, изгнав оттуда местную династию. Своей резиденцией он сделал, по-видимому, город Экаллатум в 40 км к юго-востоку от Ашшура за р. Тигром, хотя позднейшая традиция признавала его царем Ашшура. В обоих важнейших хозяйственно-политических центрах — в Ашшуре и в Мари — он держал наместниками своих сыновей, однако жестко контролировал их обоих. В разгар своего могущества он захватил также важный торговый центр Катну в Южной Сирии. Интересы его сталкивались главным образом с тремя соперничавшими царствами — с Ямхадом на великой излучине Евфрата со столицей в Халебе. с Вавилоном и с Эшнунной на р. Дияле; впрочем, с последними двумя Шамши-Ададу удалось наладить удовлетворительные дипломатические отношения, и лишь Ямхад, приютивший представителей старой династии Мари, оставался его непримиримым врагом.

Шамши-Адад I, пожалуй, как никто из его современников, сознательно стремился к созданию предельно централизованной державы. Городские советы старейшин и тем более народные собрания, до сих пор игравшие значительную роль в номах Верхней

Месопотамии и Ашшура, более почти не созывались и потеряли всякое влияние; вместо этого была упорядочена система военных округов (хальцу), начальникам которых была передана самая действенная власть; была реорганизована и усилена армия, и вся экономическая, храмовая, политическая и поенная система подвергалась неусыпному контролю, наблюдению и проверке. От администраторов требовалась личная преданность царю. Шамши-Адад I унифицировал также все местные канцелярии: так, в Ашшуре он отменил официальное употребление местной разновидности письменности и местного языка и ввел литературный вавилонский язык (в его среднеевфратском варианте) и соответствующую вавилонскую форму клинописи.

Шамши-Адад, конечно, не мог принять фактической независимости торговых организаций, лишь в конфликтных ситуациях прибегавших к защите государства. Захват торговых центров означал полный переход к государству торговых капиталов и запасов товаров. Наладить же чисто государственную международную торговлю он не смог, а может быть, и не захотел. Оживленная торговля с востоком и с Малой Азией замерла. В Малой Азии главную роль стали играть местные торговцы, на востоке, вероятно, хурритские, есть сведения и о торговых объединениях амореев.

Держава Шамши-Адада I, хотя и казалась такой мощной, не пережила своего основателя. После его смерти сын его, Ишме-Даган, правивший в Ашшуре, по-видимому, признал власть Хаммурапи вавилонского, а в Мари тот же Хаммурапи изгнал его брата и посадил на престол представителя старой династии, Зимри-Лима, для того лишь, чтобы вскоре свергнуть его и разрушить сам город Мари.

Не исключено, что последний период архивов ашшурских торговцев в Канише (Малая Азия) относится уже ко времени после Шамши-Адада; так или иначе, размах их деятельности сильно сократился, а вскоре усилившиеся местные хеттские царства вообще лишили ашшурцев всякой возможности торговать в Малой Азии.

В отличие от Мари, Ашшур гораздо меньше пострадал от превратностей этой эпохи; граждане города сумели накопить за предшествующий период большие богатства, город был невредим и по-прежнему находился на перепутье важнейших дорог; в результате касситского вторжения в Нижнюю и Среднюю Месопотамию в середине XVIII в. при Самсуилуне Ашшур был отрезан от Вавилона и освобожден от его политических посягательств; хотя в то время город возглавляли слабые правители и сохранялось архаическое полуреспубликанское устройство, существовали уже и предпосылки нового расцвета Ашшура.

В раздел 3 использованы материалы Дьяконова И.М.

Государство Митанни.

Мы не знаем точно, когда началось движение хурритоязычных племен на юг и юго-запад с их предполагаемой прародины в северо-восточной части Закавказья (само название «хурриты» означает «восточные» или «северо-восточные»). Если хурриты— это те же племена, которые назывались в Шумере народом су, су-бир, а у аккадцев — субарейцами, то они были в поле зрения жителей Нижней Месопотамии уже с середины III тысячелетия; это как будто подтверждается большим числом заимствований названий нестепных растений и т.п. из хурритского в аккадский («яблоня», «слива», «мята», «шиповник»). Однако не исключено, что су было названием племен и народов, вообще живших в горной полосе независимо от их языка и происхождения. Первые достоверные известия о хурритах дают нам надписи последней четверти III тысячелетия до н.э.— на каменных таблицах (Тишадаль, энда(Слово энда означает по-хурритски, согласно одному толкованию, «жрица», согласно другому — «жрец-правитель».) Уркеша; Аришена, царь Уркеша, Хавала и Навара) и на печатях (Аришена, царь Карахара), а затем в начале II тысячелетия до н.э. появляются имена собственные разных лиц, от правителей до подневольных работников, происходящие с гор Тавра вблизи их восточных перевалов (в области, впоследствии называвшейся Киццувадна) и из северной зоны Верхней Месопотамии (городище Шагер-Базар в верховьях Западного Хабура), а также из Ллалаха недалеко от устья р. Оронт в Сирии.

Однако же еще при Шамши-Ададе I (XIX—XVIII вв. до н.э.) все названия номов и местностей и имена правителей в Верхней Месопотамии остаются семитскими.

По лингвистическим данным, как показала М.Л. Хачикян, можно заключить, что переселение хурритов в Переднюю Азию шло волнами, причем первая и зашедшая далее всех волна (вплоть до Северной Палестины?) должна быть отнесена едва ли не к середине III тысячелетия до н.э.; более поздняя волна создала хурритское население, засвидетельствованное только что перечисленными источниками. Но продвижение продолжалось и в последующие столетия; так, еще в XX—XIX вв. центр района севернее горной гряды Хамрин носил древнейшее название Гасур, но к XVI в. этот район заняла группа хурритов, давших ему название Арранхэ, а Гасур переименовавших в Нузи. Хурритское население Алалаха в Сирии становится между XVIII и XIV вв. значительно более многочисленным (неясно, за счет ли притока новых групп хурритов или за счет большей хурритизации местного западносемитского населения). К середине II тысячелетия население Угарита на побережье Сирии становится двуязычным — западносемитским и хурритским.

Почти нигде мы не можем предположить, что хурритское население уничтожало, вытесняло и сменяло предшествующий этнос: явные признаки продолжающегося сосуществования этих этносов

наблюдаются всюду, возможно, за исключением Аррапхэ. Не происходит и заметных принципиальных изменений в материальной культуре. Очевидно, подобно степнякам-амореям, горцы-хурриты сначала занимались к местным царькам воинами, а позже захватывали власть в городах, сливаясь с местным населением или сосуществовая с ним.

Начало политического преобладания хурритов в Верхней Месопотамии принято было относить ко второй половине XVI в. до н.э., но недавно Г.М. Аветисяну удалось доказать, что южное хурритское государство Ханигальбат возникло не позже XVII в. до н.э. Концом этого века датируется большой поход хурритов Ханигальбата в глубь Малой Азии при хеттском царе Хаттусили I (который был в это время отвлечен экспедицией на запад полуострова); очевидно, это хурритское государство должно было консолидироваться раньше. Набег хурритов был но без труда отражен хеттским властителем, который закрепил за собой территорию между горами Тавра и Евфратом. В позднейших текстах Ханигальбат — это лишь другое название царства Митанни, поэтому можно думать, что образовавшееся не позднее XVII в. крупное хурритское государство как раз и было хорошо известным из истории середины II тысячелетия царством Маитани (так в ранних текстах), или Митенни. Представляется вероятным, что Ханигальбат было названием страны, а Митанни — одного из хурритских племен и его династии.

Сын Хаттусили I, Мурсили I, прославился своим походом 1595 г. до н.э. на Хaleb в Северной Сирии и на Вавилон. Он покончил с государством, основанным Хаммурапи, и предоставил захватить его касситам (которые до этого обосновались в Хане на среднем Евфрате и поэтому, очевидно, должны были быть союзниками Мурсили). Насколько можно судить, Мурсили прошел только вдоль Евфрата, не углубляясь в Ханигальбат (т.е. во внутренние части Верхней Месопотамии), и имел с хурритами лишь небольшие стычки. После Мурсили в Хеттском царстве начались длительные внутренние междоусобицы, что способствовало возвышению и укреплению Митанни.

Мы уже упоминали о том, что хурритские племена двигались в сторону Верхней Месопотамии и Сирии отдельными волнами; их примерная последовательность может быть установлена по особенностям диалектов и отчасти — местных пантеонов. Первая волна (если не считать возможного продвижения хурритов в середине III тысячелетия до н.э., достигшего Сирии — Палестины) отражена в языке надписи Тишадаля из Уркуша, еще сохранившем много общего с языком родственных урартов, не вышедших за пределы Армянского нагорья. Последняя волна представлена языком Митанни, дошедшим до нас в очень просторном письме митаннийского царя Душратты к египетскому фараону.

Наиболее интересной особенностью этой волны является то, что митаннийские цари носили индоиранские имена наряду со вторыми хурритскими и поклонялись, в числе прочих, индоиранским богам; к митаннийской же традиции, очевидно, восходит распространение индоиранских терминов для коневодства. Немецкой исследовательнице А. Камменхубер удалось показать, что все индоиранские термины и имена собственные, выявленные в митаннийской традиции, отражают не индоиранское, а хурритское произношение: династия и ее сторонники сохраняли индоиранские обычаи и заимствования из индоиранского языка, но сами говорили уже только по-хурритски; это указывает на ее происхождение из районов, где возможны были контакты с подлинными носителями индоиранского языка, к числу которых, очевидно, относились и основатели династии. Наиболее вероятной локализацией представляется район около оз. Урмия в Северо-Западном Иране, в области, которую еще греческие историки и географы второй половины I тысячелетия до н.э. называли Матианой или Матиеной.

Спорным остается вопрос о положении индоиранского языка, сохраненного глоссами, внутри группы индоиранских языков. В собранном материале нет черт, характерных для иранских языков, в то же время есть черты, архаичные уже для индийских ведических текстов, но и черты, заведомо возникшие в языках индийской ветви лишь в I тысячелетии до н.э. и отсутствующие в санскрите. Вывод из этих данных может быть различен: 1) «митаннийский арийский» — очень древний язык индийской ветви, однако уже выработавший некоторые черты, возникшие в других индийских диалектах лишь позже; 2) «митаннийский арийский» — это диалект будущих иранских племен, по относящийся ко времени до выработки фонетических особенностей, отделивших иранскую ветвь от индийских, — и, однако, имеющий уже и некоторые позднейшие, все-таки неиранские черты; 3) «митаннийский арийский» принадлежит к ветви, промежуточной между иранской и индийской, а именно к дардо-кафирской. Эта ветвь, сохранившаяся ныне лишь в Северо-Восточном Афганистане, Пакистане и в Кашмире, считается специалистами первой по времени выделения из индоиранской общности и по времени переселения в ирано-индийский регион; поэтому вполне возможно, что диалекты этой ветви имели вначале более широкое распространение в Иране, пока не были вытеснены позднейшими волнами собственно ираноязычных племен, появившихся здесь не позже последних веков II тысячелетия до н.э. Именно это решение удовлетворяет всем отличительным признакам «митаннийского арийского».

Заметим, наконец, что индоиранизмы в культуре, языке и именах собственных обнаруживаются только у хурритов митаннийской группы: их нет в ранних хурритских надписях, нет ни в Алалахе близ устья р. Оронт, ни в Киппувадне, ни в богазкёйском архиве (исключая дипломатические договоры с Митанни), ни в Аррапхэ.

Первый известный по имени царь «Маитани» — Шуттарна I, сын Кирты, известен по оттиску печати в Алалахе конца XVI в. до н.э. После него правил Парраттарна, известный по большой надписи Идрими, царя Алалаха; Идрими был вынужден бежать от своих врагов в Эмар на Евфрате — видимо, в митаннийские владения — и впоследствии был восстановлен на престоле Алалаха с помощью Парраттарны. С этого времени следует датировать начало проникновения митаннийского влияния в Сирию.

Наиболее могущественным царем Митанни был Саусаттар, или Саусадаттар. Он носил титул «царя Маитани (или Ханигальбата), царя воинов хурри». При нем Аррапхэ за Тигром находилось если не под властью, то под влиянием Митанни; он же заключил договор с царем Киццувадны к югу от гор Тавра. Ему подчинялся автономный Алалах. Ему же удалось захватить и разграбить Ашшур. Этот город, однако, не вошел непосредственно в состав государства Митанни, но в нем сидел митанвийский посол (суккаллу), видимо принимавший участие в работе совета старейшин Ашшура и носивший наравне с другими звание годовичного эпонима-лимму. На «вассальных» правах (подобно Алалаху) Митанни подчинялись многие города восточной части п-ова Малая Азия. Непосредственно в состав Митанни входила область Кадмухи на верхнем Тигре, а возможно, и некоторые области севернее его притоков. Египетские фараоны в своих завоевательных походах XVI и последующих веков до н.э. на Палестину и Сирию постоянно соприкасались с местными правителями, носившими индоиранские имена — очевидно, состоявшими в родстве с митаннийской династией и бывшими ее ставленниками. Египетские надписи называют Митанни термином Нахрайна— «Двуречье», или «Междуречье», из чего видно, что они отождествляли это государство со всей территорией Верхней Месопотамии между Евфратом и Тигром. Фараону Тутмосису I (конец XVI в. до н.э.) впервые удалось выйти на Евфрат, но война с Митанни шла с переменным успехом вплоть до правления Артадамы I в Митанни и Тутмосиса IV в Египте (конец XV в. до н.э.), когда между ними был заключен мир и Артадама отдал свою дочь в гарем фараона. Это замирение объясняется мощной угрозой Митанни со стороны усилившегося Хеттского царства, царь которого Хаттусили II проник глубоко в Сирию. Весь последующий период идут войны между хеттами и митаннийцами (и сторонниками тех и других), а в Митанни начинается полоса династических распрей. Тем не менее царь Душратта, опираясь на дружбу с Египтом, смог успешно сражаться с хеттами и благополучно долгое время процарствовать в Верхней Месопотамии (вплоть до вступления Аменхетепа IV на египетский трон).

По смерти Душратты престол Митанни формально переходит к престарелому и больному сопернику Душратты, Артадаме II, издавна претендовавшему на него. Фактически страной правит его сын Шуттарпа. Эти события, несомненно, не могли совершиться без хеттской поддержки, помимо прямой помощи, которую Артадама II и Шуттарна получили от Алзи (хурритского царства в долине р.

Арацани-Мурадсу на Армянском нагорье) и от Ашшура. Схватив большую группу знати — сторонников Душратты, Шуттарна попытался передать их в Ашшур, но ашшурские власти, очевидно не желавшие связывать себя ввиду неопределенности дальнейших событий в Митанни, отказались их принять, и Шуттарна сам приказал всех их казнить. Положение остальных сторонников Душратты в Митанни стало безнадежным: хетты поддерживали Артадаму, Сирия была в руках хеттов, на севере Алзи, а на востоке Ашшур были враждебны. Двести колесниц во главе с их начальником Аги-Тешшубом бежали в дружественную страну Аррапхэ. Опираясь на них, Шаттиваса сын Душратты отправился оттуда искать поддержки у касситского царя, но тот отнял у него все колесницы, и царе-ни ч, едва спасшись бегством, обратился за помощью к хеттам. Там он появился с одной-единственной колесницей и двоими сопровождавшими его хурритами, не имея даже сменной одежды, но был встречен по-царски: Суппилулиума отдал ему в жены свою дочь, предварительно выяснив, какое она займет положение в Митанни, и предоставил ему войско во главе со своим сыном. После разгрома митаннийской армии он, по просьбе Шаттивасы, сделал его наследником престола и оставил на троне тяжело больного Артадаму, дядю Шаттивасы. События завершились тем, что гегемония Митанни пресеклась: на западе возобладали хетты, на востоке поднялась Ассирия, прежде до крайности утесненная государством Аррапхэ.

Мы знаем очень мало о внутреннем политическом и социальном устройстве Митанни; можно только сказать, что это была не монолитная империя, а рыхлый союз номов, которые объединялись вокруг Вашшуканни, столицы Митанни-Ханигальбата (местоположение ее еще не установлено), которые платили митаннийскому царю дань и выставляли на помощь ему воинские контингенты; что «люди хурри» — очевидно, воинская знать — играли значительную роль при царе и упоминались иной раз вместе с царем в государственных договорах; и что большую роль в войне, а может быть, и в управлении играли колесничие — марианна. Сами колесницы как род оружия и тактика колесничного боя были, без сомнения, заимствованы у индоиранцев, но колесничие в это время, судя по их именам, были чистыми хурритами. Термин марианна вопреки постоянным утверждениям ряда исследователей — чисто хуррито-урартский (северокавказский), а не происходит от древнеиндийского марья — «муж, юноша». Это доказывается не только наличием хорошей северокавказской этимологии этого слова, но и тем, что институт марианна существовал не только у митаннийцев, испытавших индоиранское влияние, но и у всех хурритов вообще, включая Алалах и Аррапхэ. И нужно заметить, что эти марианна были не «феодальной знатью», а дворцовыми служащими, получавшими свои колесницы с казенных складов.

Гораздо больше мы знаем о хурритском обществе за пределами Митанни—в Алалахе и особенно в Аррапхэ; этому будет посвящен следующий раздел.

Хурритское государство Аррапхэ.

Государство Аррапхэ может служить примером периферийных ломовых структур этой эпохи, весьма мало сходных с ирригационными обществами Месопотамии, Элама и Египта; в отличие от большинства подобных образований, вовсе не документированных, Аррапхэ дало нам обширные клинописные архивы.

Когда в руки исследователей попали аккадоязычные архивы этого царства (Аррапхэ, точнее, Аррафхэ—слово хурритское и, по-видимому, означает «(город), принадлежащий Дающим» (закономерно из ари-на-хэ-ве); Ал-илани — «Город богов» — вероятно, аккадский перевод того же названия.), восходящие к XV—XIV вв. до н.э., сначала из царской резиденции, Ал-илани — «Города богов» (совр. Керкук), затем из Нузи (бывшего Гасура, совр. Иорган-тепе) две особенности юридических актов на передачу недвижимости вызвали недоумение. Прежде всего, наряду с обычным обозначением территориальной общины — термином алу — постоянно встречалось обозначение димту, что по-аккадски значит лишь «башня». Затем, вместо обычных документов отчуждения земли обнаружилось во множестве передачи ее через усыновление взрослых состоятельных лиц (до пятидесяти одновременных актов на одного и того же человека). В следующем поколении эти сделки оспаривались по суду, хотя и безуспешно, и появилась новая, снова необычная форма сделки, вовсе не имеющая аналогий: диденнута (от хурритского диденни — «выдел») — их определили как антихрезу, т.е. залоговые с правом получения кредитором продукции с заложенной земли, без права кредитора на распоряжение этой землей.

Этим загадочным явлениям сначала было дано следующее толкование: димту будто бы означает «округ», а не «башня», чему нет подтверждения во всем остальном корпусе аккадоязычных текстов, но предполагалось, что у хурритов, аборигенов Аррапхэ, все возможно! Усыновление же трактовалось как форма обхода царского запрета на передачу ленных земель, и вместе с тем, поскольку главный скупщик земель оказался должностным лицом, было выдвинуто предположение, что он таким образом возвращал ленные земли короне. В нашей стране было предложено объяснение димту как «башни». Башенные комплексы широко известны в качестве большесемейного жилья (Эти архаические башенные жилища, распространенные, как показал М.И. Джандиери, по всему миру, часто скученные в пределах одного селения, ни в коем случае нельзя путать с «феодальными замками», имеющими совсем иную структуру и другое социальное назначение. Обычно различаются жилые и боевые башни — первые отчуждаемы, вторые — нет; но зато вторые несут оборону общества в целом, приближаясь по своим функциям к крепости — хальцу.), поэтому и уголья их назывались тем же словом.

Кстати сказать, сделки на недвижимость оспаривались исключительно родичами продавцов-усыновителей — власти в эти сделки не вмешивались и не ограничивали их.

Кроме повсеместно представленных дворцовых архивов Аррапхэ дает два крупнейших среди клинописных находок семейных архива: один охватывает срок жизни пяти поколений, другой — трех. Первый принадлежал клану Техиб-Тиллы и был главным объектом изучения с самого начала. Восхождение этого клана началось с приобретения отцом Техиб-Тиллы сотни гектаров садовой земли в районе Надмапи (совр. Телль-Али), расположенного неподалеку от древней Турши (совр. Телль-Махуз). Здесь находилась переправа через Нижний Заб — важнейшая на северной дороге страны. Это тыл Ашшура, а роль Ашшура в международной торговле известна. В таком районе коммерческая основа хозяйства садоводов могла иметь важные последствия: садоводы Аррапхэ расплачивались с казной металлом (деньгами), поскольку их продукция не рассматривалась как необходимый провиант для дворцового персонала. В дальнейшем Техиб-Тилла смог приобрести в семи разных районах страны более тысячи гектаров земли; сделки оформлялись как «усыновления» Техиб-Тиллы его соотечественниками. Выбор чаще всего падал на придорожные участки: дороги — опора коммерции, контроль над ними — реальная власть. По норме наделов в Аррапхэ, равной примерно гектару земли на одного работника (урожая с такого участка хватало на одну парную семью), Техиб-Тилла получил возможность снаряжать тысячу воинов. Видимо, эта его деятельность и вывела Техиб-Тиллу в круг начальников военного округа, хальцухлу, именно тысячу воинов выставлял один воинский округ, хальцу.

Все сделки Техиб-Тиллы оформлены через принятие его в качестве «сына» в семью прежнего хозяина парцеллы, выделенной из семейного общинного фонда (айтту). Актов принятия его в качестве «брата» нет, хотя практике общинного суда Аррапхэ известны оба типа сделок на недвижимость. Смысл, видимо, в том, что эти два уровня различались не только правами, но и обязанностями. Так, приобретая в дом коня и рабов на общую сумму 100 сиклей серебра, брат Техиб-Тиллы делит эту сумму расходов следующим образом: половину, 50 сиклей, вносит сам, другую половину вносят совместно два сына Техиб-Тиллы, каждый по 25 сиклей. Тем самым на каждом уровне сверстники равны, но между старшим уровнем и младшим равенства нет. Почти во всех случаях, кроме единичных, где передается не парцелла, а все владение прежней семьи, Техиб-Тилла освобождался от несения службы, если она была закреплена за передаваемым участком. Вероятно, обоснованием этого было его положение «сына», которое предполагает лишь ограниченное участие в делах дома, а то и вовсе никакого.

Цену земли во всех актах ее передачи называют «подарком». Дело в том, что по нормам обычного права подарок поступал в личное распоряжение передающего имущество. При попытке начертить

график «цен» получилась некая беспорядочная россыпь точек. Единственный момент, где прощупывалась рыночная конъюнктура, — это последовательное снижение сравнительной ценности «подарка» за дом, за сад и за поле.

В системе связей сверстников в общинно-родовых структурах решающее значение имеет обязанность взаимопомощи. Суть отношений взаимопомощи состоит в том, что они добровольно-принудительны и в них вовсе не предполагается адекватных возмещений, а лишь готовность поддержать другую сторону в любой форме, когда и где это потребуется. Приняв за норму отношения не рыночные расчеты, якобы исходные, а совершенно иную систему — взаимной помощи, мы найдем наконец объяснение сделкам, где вовсе нет ответного «подарка»: в полосу длительной засухи, охватившей в это время всю Переднюю Азию, получить наиболее часто встречающееся возмещение за отданное поле, равное полутора урожаям, — это много, отнять же у младшего поколения, еще не вступившего в силу, бесполезный в данный момент участок земли — это для старшего действующего поколения выход с наименьшими потерями.

Общинный суд, выше которого стояло только народное собрание каждого города Аррапхэ, не зависел от царя и был представлен старейшинами, в том числе бывшими колесничими. Категоричность и беспощадность характерны для этого суда. Это была реальная власть общинно-родовых структур вне дворцового сектора страны.

Став хальцухлу, начальником военного округа, Техиб-Тилла уже без старейшин заверил в один прием полсотни передаточных актов на недвижимость, причем, вопреки всей практике клинописных юридических документов, они имели только три печати: самого Техиб-Тиллы, царского брата и главы пастушеского клана. Стяжание общинных земель Техиб-Тиллой совпало по времени с разгулом произвола градоначальников. Одного из них судили в дворцовой канцелярии Нузи: сохранилась серия записей очных ставок с пострадавшими. Жалобы же на сыновей Техиб-Тиллы разбирала не дворцовая коллегия судей, а общинный суд. Кое-где общинникам удалось их немного потеснить. Знаменателен сам факт приема этих дел к рассмотрению. Эта волна судебных процессов поднялась тогда, когда бывшее младшее поколение, обездоленное сделками Техиб-Тиллы, стало опорным для страны. На это же время падает и первый царский указ о ликвидации долгов — несомненно, акт разрядки создавшегося напряжения.

Могущественный клан Техиб-Тиллы не был единодушен; младший из его сыновей, Агибташени (В упомянутом ранее акте раскладки семейных расходов дома Техиб-Тиллы этот сын не упомянут вовсе. Видимо, он входил в самую младшую возрастную группу.), разделил судьбы своих сверстников: два старших теснили его, а сын среднего, Тарми-Тилла, и вовсе разорил его потомков. Тарми-Тилла, старший

внук Техиб-Тиллы, стал тоже начальником военного округа. В доме, где обитал некогда Техиб-Тилла, этот его внук отделился от родичей двойной стеной. Отделил он и свои земли: только он один нанимает людей на уборку урожая (за мизерную плату зерном, рацион одного-двух дней, он требует выставления двух десятков людей под угрозой значительного штрафа). Видимо, все вместе было причиной того, что весь его военный округ вышел из повиновения: но приказу царя следовало расчистить канал, но никто не вышел на работу. Царь в наказание отнял у Тарми-Тиллы вола. Тот, однако, пожаловался в общинный суд па инспектора по распределению воды и па глашатая, которые по обеспечили сбор людей. Приглашенные в суд инспектор и глашатай но сумели оправдаться, и старейшины передали их Тарми-Тилле до тех пор, пока они не возместят ему отобранного царем вола.

Один из правнуков Техиб-Тиллы, потомок старшего сына, был сначала градоначальником Нузи, а затем и шакин-мати — первым после царя должностным лицом, вероятно главой общинного самоуправления (То же что сакину в Угарите, см. лекцию 11.). Это случилось в период жестокого обострения международного положения Аррапхэ, когда наступлением ассирийцев преграждались пути, соединявшие Аррапхэ с союзным государством Митанни — гегемоном тех лет. За переправой у Турши, а возможно, и за Тигром (если Карана текстов Аррапхэ тождественна городищу Телль ар-Римах) были расположены владения клана Техиб-Тиллы, утраченные в хода этого наступления.

Однако крыло гарнизонной крепости Нузи рядом с домом, Тарми-Тиллы занял новый хальцухлу, Кель-Тешшуб, не связанный с кланом Техиб-Тиллы. Кель-Тешшуб получил в свое распоряжение крепость Киссук, расположенную у переправы на границе с касситами. Десять окрестных селений принесли ему присягу, отказавшись признать сына их прежнего начальника, поставленного над ними царем. Царь велел шакин-мати опросить все эти селения и передать власть над ними тому, кого примет народное собрание. С утратой северной дороги и переправы в районе Турши касситская, южная переправа стала особенно важна. Видимо, через нее митаннийский царевич Шаттиваса вывел двести колесниц в поисках поддержки касситского царя в борьбе за престол. «Новое» царское освобождение граждан Аррапхэ от долгов упоминается в одном из документов: Кель-Тешшуба, отмечая повторное нагнетание напряженности в стране.

Второй крупный семейный архив Аррапхэ младше рассмотренного на два поколения. Этот архив принадлежал клану царевичей, связанному с Митанни династийным браком: митаннийская принцесса Амминайя была отдана Итхи-Тешшубу, наследнику престола Аррапхэ. Их сын, Хишми-Тешшуб, поселился сначала во дворце Нузи, где ему и всей его свите были отведены комнаты и даны завесы для дверных проемов. Потомки царевича перебрались в дом вне стен города. Жанры документации найденного здесь архива царевичей совершенно иные, нежели архива Техиб-Тиллы. Если там представлены почти

исключительно судебные акты, то здесь абсолютно преобладают учетные документы. Царевич Шильви-Тешшуб, наиболее деятельный член этого клана, сверстник внуков Техиб-Тиллы, тоже раздавал зерно, однако он предпочитал беспроцентно кредитовать крупные общины, а мелкие ссуды отдавать под залог недвижимости, чего никогда не делал Техиб-Тилла, предпочитавший брать заложников для отработки процента. В результате царевичу в начале его деятельности пришлось самому взять в долг зерно для пропитания людей своего дома. Ничего подобного с Техиб-Тиллой не случилось ни разу. Времена изменились: царевич теперь уже изымал недвижимость неоплатных должников через дворцовую канцелярию — Техиб-Тилла прежде делал это через общинный суд, публично и гласно. Не исключено, что такое изменение в оформлении сделки было продиктовано практикой судебных процессов при сыновьях Техиб-Тиллы. Резерв морального кредита должен был иметь важное значение для правящего клана. Залоговые сделки формально обратимы, в отличие от передач недвижимости через усыновление кредитора, практиковавшихся Техиб-Тиллой.

Большесемейные общины были опорой государства Аррапхэ не только в управлении страной, но и в ее производстве: престижными башнями — оборонным жильем большой семьи — владели община ткачей, община керамистов, община торговцев. Царевич был патроном керамистов, поэтому об этой профессиональной общине известно больше, чем о других. Один из списков людей общины керамистов перечисляет 46 мужчин; следовательно, по минимальному подсчету их семей в общине было от полутора ста до двухсот человек. Примерно такое же число людей было в 17 семьях общины Шельвихэ, отошедшей царевичу за долги ее прежнего хозяина. Персонал дворца Нузи, одного из крупнейших в стране, насчитывал немногим больше людей. С десятков дворцовых хозяйств, разбросанных по культовым центрам, расположенным внутри страны, обеспечивали праздничные наезды царского эскорта, прием посольств и поддержание сирот и вдов бедных семей. В полосу продовольственного кризиса, возникшего из-за военных действий, весь персонал дворца Нузи получал блокадный паек (норму, обычную для женщин, получали все мужчины) и царь распределил всех сирых и убогих, кормившихся на дворцовой кухне, по состоятельным домам (запретив хозяевам этих домов делать сборы для пропитания этих людей— это прерогатива дворца!).

Архивы обрываются внезапно, следы погромов свидетельствуют о насильственном прекращении документации. При стабильной большесемейной организации письменность не является необходимой: как можно было заметить из характеристики архивов, они возникли лишь в связи с нарушением традиционного распределения и последующими попытками стабилизации обстановки.

Аррапхэ утратила своего главного союзника — Митанни и превратилась в плацдарм сражений между ассирийцами и касситами

за гегемонию. Ассирия при Ашшур-убаллите I (1365 — 1330 гг. до н.э.) уже претендовала на положение великой державы: царь Ассирии дважды вмешивался в касситские дела и ставил в Вавилонии своих людей, но в конце концов ассирийцы были отброшены, и касситы вели бои в ассирийском тылу.

Культура Хурритов.

Мифологии и культам, лежащим в основе хурритской культуры, присуща архаичная концепция тождества гнева богов и ритуальной скверны, которые снимаются очистительной жертвой. Первобытный коллективизм сакральных трапез ещё не преодолен; разобщенность намечается, но еще не состоялась. Главой пантеона хурритов был Тешшуб (бог грома, аналог Зевса), в сердце Северной Сирии, Халебе, его супругой выступает Хебат (иногда сопоставляется с западносемитской праматерью Евой), сын их — Шаррума. В Аррапхэ почитается та же пара: Тешшуб и Хебат (их священные животные — бык и корова); их дитя — теленок Тилла. Вместе с тем в Киццувадне — хурритском государстве, ближайшем к хеттам, почиталась совершенно иная триада: Тешшуб, Хебат и сестра Тешшуба, Шавушка. Эти две богини существенно различаются как по генеалогии (первая—супруга, вторая—сестра), так и по функциям: атрибут первой — трон, второй — ложе. Это противостояние богинь отмечается и в размещении покоев служительниц той или другой во дворце Нузи. Если стоять на главной улице города, спиной к храму, посвященному Иштар Нузийской, и лицом ко дворцу, то относительно новая, парадная секция дворца, расположенная справа, занята царствующей жрицей (собственно «женщиной-царем», шумерское ми-лугаль); здесь в глубинных комнатах находился гарем, дети и кормилицы (секция украшена расписным фризом с изображением масок быка, коровы и теленка); левая — хозяйственная секция, она соединяется с помещениями, где хранился дипломатический архив дворца и записи о расходах на праздничные наезды царя. Это старейшая часть цитадели; она содержит архив снаряжения войска страны и документы личного архива жрицы-эмту, «супруги бога» (в отличие от первой—супруги царя). Связь первой с династией, а второй—с воинской службой ополчения (соответственно с Шавушкой — богиней любви и распри) несомненна.

Предком хурритских богов почитался Кумарве (соответствующий греческому Кроносу или Хаосу). Это было божество безымянное, так как Кумарве значит «(божество) из Кумме». Кумме — культовый центр хурритов в курдистанских горах, близ нынешней турецко-иракской границы (у совр. Захо). Он злой отец Тешшуба, низвергнутый всеми богами совместно, как выясняется из песни об Улликумме (букв. «разрушитель Кумме»), сохранившейся в переводе на хеттский язык. Место действия этой драматизированной версии мифа о Кумарве — Приморье, и составлена она, несомненно, в Киццувадне. При смене враждующих поколении богов Ану, спасаясь от Кумарве, взмыл на

небо, а тот, ухватив его за ноги, откусил Ану гениталии, проглотил их и расхохотался. На это Ану ответил проклятием, обещая беды от всего того, что породит Кумарве. Из всех своих: порождений Кумарве более всего дорожил Улликумме, на которого надеялся как на мстителя богам. Улликумме слеп и глух, как сама страсть, он скала, он как меч и стремительно растет, грозя всем гибелью. Иштар-Шавушка, посланная богами для его обольщения, бессильна; неодолим он и в прямом бою для всего воинства Тешшуба, так как корень его скрыт под водой. Узнал о его основании бог вод Эйя, владыка разума, и нашел средство спилить Улликумме под корень тем ножом, которым при мироздании было отделено небо от земли.

Отражение этого хурритского цикла мифов через неизвестных посредников дошло до греческого поэта VII в. до н.э. Гесиода, у которого олицетворение слепой и глухой страсти отождествляется с образом Эрота, порождения Хаоса.

Миф о Кумарве упоминает город Уркеш как его родину, хотя здесь в III тысячелетии до н.э. почитался связанный с преисподней бог Нергал; символ этого бога — меч. В Аррапхэ ему под именем Угура поклонялись в крепости Курухханни (совр. Телль аль-Фаххар), его жрицей здесь была энту. Супруга Нергала, Шала (она же его сестра), ассоциируется с Шавушкой. В хеттохурритском жертвенном списке Гергал отождествлен с зерном, жертвуемым Тешшубу. Вероятно, следующие один за другим месяцы, открывающие зимнее полугодие календаря Аррапхэ, шехли Тешшуба и шехли Нергала, соответствуют месяцу дождя и месяцу сева; последний месяц этого полугодия называется месяцем снопа (курулли — последнего, в котором прячется мать хлеба?). Год у хурритов Аррапхэ открывается месяцем огней выносных очагов (киуну) — видимо, поминальных огней, заклинающих надвигающуюся жару — летний, голодный сезон этого полушария. Боги-светила отнюдь не благостны, они карают: Солнце (Шимике) — божество оракула, Месяц (Кушух) — защита клятвы (наказывает клятвопреступников), он же и свет преисподней.

Предков (в виде фигурок), чтят в большесемейных святилищах, один из месяцев предполагает жертвоприношение отцовским богам (аттанашве) — видимо, совершаемое всеми семьями одновременно. Сверх собственно месопотамского гадания по внутренностям жертвенного животного для хурритов типично гадание по птичьему полету, известное позже особенно у этрусков.

Зловещий облик сил природы отчетливо виден в наборе сюжетов хурритской мифологии; чтобы не умереть до срока, нужно не забывать о жертвах богам. Идея жертвы — центральная в культуре.

Особо надо выделить вопрос об «арийских» (индоиранских) богах, которым якобы поклонялись хурриты или по крайней мере государство Митанни. Имена этих богов никогда не включаются в состав так называемых теофорных (т.е. содержащих имя бога, как,

например, «Богдан», «Христофор» и т.п.) имен этого региона и встретились лишь в огромном списке хеттских и митаннийских богов (среди которых немало на самом деле шумерских, аккадских и др.), которые призываются как гаранты международного договора между Суппилулиумой, царем хетток, и Шаттивасой, будущим царем Митанни. Где-то ближе к концу списка митаннийских богов названы Митрашшиль, Арунашшиль (или Урунашшиль), Индра, Насатьянна. Это не значит, как полагают индианисты, незнакомые с хурритским языком, «Митра, Варуна, Индра и (близнецы) Насатья»; по-хурритски это значит: «принадлежащие к группе Митры, принадлежащие к группе Аруны (или Уруны — тождество с Варуной установлено не безупречно), Индра и Насатьи (мн.ч.)». Место, отведенное этим богам в договоре, и полное отсутствие следов их культа, даже в теофорных именах, указывает на то, что это не боги хурритского государства Ханигальбат, а лишь боги-покровители династии Митанни, вероятно в самом деле имевшей индоиранское происхождение до прихода в Верхнюю Месопотамию.

Литература хурритов дошла до нас плохо, по большей части в хеттских переводах (ср. лекцию 10). Образцов собственно хурритской литературы известно мало: в школьных прописях из Телль эль-Амарны, в копиях из Эмара (совр. Мескене на среднем Евфрате), Угарита и Хаттуши. Особенно широко представлены хурритские заклинания; имеются небольшие фрагменты жанра диалога, «нотная» запись культово-любовной песни; недавно найден в богазкёйском архиве эпический текст, написанный по-хурритски с хеттским подстрочным переводом (ещё не издан). Эпическая поэма о Гильгамеше в хурритской версии дает более пространно эпизод, который был центральным в поэме: апогей подвигов Гильгамеша и Энкиду, одоление Хуававы, хранителя кедровой рощи. Истинный смысл этого эпизода, как кажется, до сих пор еще не вполне разгадан.

Своеобразие хурритской культуры за сто лет развития хурритологии не без труда, но в конечном счете определилось, Посредническая роль хурритов, обосновавшихся в предгорьях Загроса, в Северной Сирии и Северной Месопотамии, была очевидна с самого начала и преувеличивалась, давая повод к утверждениям о вторичности хурритской культуры по отношению к месопотамской. Между тем оригинальность форм и декора керамики хурритов, отличающейся изяществом и легкостью построений, в образцах, найденных в изобилии на Иорган-тене (Нузи) и в устье Оронта в Атшане (Алалах), близка особенностям расписной керамики о-ва Крит. Изысканный стиль резных печатей хурритского круга, изобретение катаного стекла для цветных флаконов и бус — все это выделяет художественный промыслы хурритов на фоне современных им культур как самобытные и по уровню развития наиболее высокие. В дальнейшем ассирийская традиция унаследовала многое от них. К позднехурритскому искусству относится замечательный золотой кубок со сценами из хурритских мифов, найденный на городище Хасанлу близ оз. Урмия (начало I тысячелетия до н.э.).

Литература:

Янковская Н.Б. Ашшур, Митанни, Аррапхэ./История Древнего мира. Ранняя Древность.- М.:Знание, 1983 - с.174-197

Лекция 9: Месопотамия в XVI-XI вв. до н.э.

Средневавилонский период в нижней Месопотамии. Касситское царство и Элам.

Как мы видели, старовавилонский период истории Месопотамии завершился вскоре после 1600 г. до н.э. касситским завоеванием. Коренным местом обитания касситских племен были горные местности Западного Ирана — в верховьях р. Диялы и ее притоков у северо-западных пределов Элама. Были ли они здесь автохтонами или пришельцами, неизвестно. Ничего нельзя сказать также и о возможных родственных связях касситов с другими народами древности; ясно только, что они не были индоевропейцами. По долине р. Диялы касситы совершали набеги на Месопотамию в конце периода I Вавилонской династии. Одна из групп касситских племен еще в XVIII в. до н.э. продвинулась даже в Северную Месопотамию и обосновалась здесь в Ханейском царстве (на среднем Евфрате у устья р. Хабур). По-видимому, вожди касситских племен сначала служили местным правителям, но затем сами захватили власть и сделались царями. В этом качестве они и вошли в позднейшие списки касситских царей Вавилонии, хотя до воцарения в Вавилоне им было еще далеко. Лишь после разгрома его хеттами в 1595 г. до н.э. Вавилон достался касситам.

От XVI—XV вв. из Месопотамии до нас дошло очень мало документов. Первым известным нам касситским царем Вавилона был Агум II (XVI в. до н.э., второй по счету династии, которая первоначально правила в Хане). Он правил уже обширной территорией, куда входила Южная Месопотамия, кроме Приморья, а также горные области за Тигром, хотя «царем Шумера и Аккада» он себя не титуловал.

Около этого же времени народ хурритов создал на территории Верхней Месопотамии новое царство — Митанни, о котором речь шла ранее (лекция 8).

От первой четверти I тысячелетия до н.э. до нас дошел любопытный документ — перечень войн и мирных договоров между Ассирией и Вавилонией (так называемая «Синхроническая история»). Из этого документа видно, что преемник Агума II, Бурна-Бурариаш I, около 1510 г. заключил на среднем течении р. Тигр мирный договор с правителем Ашшура. Следовательно, касситская Вавилония имела с этим городом-государством общую границу. Еще через два поколения,

около 1450 г., Улам-Бурариаш, брат касситского царя Каштилиаша II, покорил Приморье и убил его последнего правителя. После смерти брата он, видимо, стал царем Вавилонии и, таким образом, вновь объединил всю Нижнюю Месопотамию в единое государство. Теперь касситские цари уже именуют себя «царь Вавилона, царь Шумера и Аккада, царь касситов и царь Кар-Дуниаша» (Кар-Дуниаш — касситское название Нижней Месопотамии, употреблявшееся затем в течение нескольких веков). Они завязывают дружественные отношения с Египтом, впрочем, держатся несколько заискивающе. Отношения с Ашшуром складываются весьма сложно: правители Ашшура были то данниками касситов, то врагами, то союзниками и даже родичами.

Касситский царь Куригальзу Старший (начало XIV в. до н.э.) создал царскую резиденцию, отдельную от Вавилона, построив себе г. Дур-Куригальзу («Крепость Куригальзу»), Вавилон при этом получил освобождение от общегосударственных налогов и стал привилегированным самоуправляющимся городом. Еще раньше, видимо при I Вавилонской династии, подобную привилегию получил Сиппар, около 1250 г. — Ниппур, а позднее и другие важнейшие города (Недавно в Армянской ССР, на городище Мецамор, в коллективном погребении XI (?) в. до н.э., были найдены касситские вещи: художественно исполненная, как будто новая, вероятно эталонная, весовая гирька с надписью от имени Улам-Бурариаша еще без царского титула к цилиндрической печати с надписью по-египетски (!): «Куригальзу, царь Сенаара». Сенаар — одно из древних названий Вавилонии, видимо, западносемитского происхождения, употребляемое, между прочим, в Библии. Эти находки ставят перед историком интересные и пока не разрешенные проблемы.— Примеч. ред.).

С середины XIV в. до н.э. в Вавилонии, видимо, происходит оживление экономики, на что указывает увеличение числа деловых и хозяйственных документов. Археологически засвидетельствовано проведение новых каналов, запустение старых и возникновение новых населенных пунктов. Но затем ашшурский правитель Ашшур-убаллит I вмешивается в династические распри в Вавилонии и дважды сажает на вавилонский престол своих ставленников. Попытка Вавилонии в дальнейшем вести войны против Ассирии, сначала успешные, позже кончилась неудачей, и касситские цари вынуждены были согласиться на контроль ассирийского царя Ашшур-нерари I над вавилонскомитаннийской торговлей. Зато с Ассирией был установлен мир, обещавший быть прочным, и вавилонский царь Куригальзу Младший (1333—1312 гг. до н.э.) сумел одержать победу в войне с Эламом, захватив Сузы и другие города.

Однако это был лишь временный успех, и вскоре в Эламе вновь создается независимое и могущественное государство. Вообще политическое положение стало дальше складываться не в пользу Вавилонии. На севере теперь уже существовало мощное Ассирийское

царство, все время расширявшее свою территорию и грозившее отрезать Вавилонию от торговых путей. С востока, как уже отмечалось, угрожал Элам. Наконец, с запада, где касситам удалось было избавиться от скотоводческих племен амореев, стали надвигаться из степей новые кочевья племена — ахламеи, или а'ламеи, которые обычно обозначаются в науке как арамеи (Имя Арама в качестве племенного предка встречается уже в аморейских родословиях; в Библии арамии означает «кочевник», а термин «Арам» придается как эпитет областям, где правила династии из кочевников; в средние века население, которое в науке сейчас обозначается как арамейское, называло себя «сирийцами» или «халдеями», а термин «арамеи» применяли обычно к языческим, кочевым племенам. Потомки древних «арамеев» (в условном научном значении термина) сейчас называют себя «ассирийцами». Древние же ассирийцы были, конечно, не «арамеями», а аккадцами.— Примеч. ред.). Эта последняя угроза оказалась особенно серьезной. Поэтому предпринимаются попытки установить между тремя «традиционными» великими державами — Египтом, Хеттским царством в Малой Азии и Вавилонией — союз, направленный прежде всего против Ассирии и кочевников. Союз этот, однако, не удался. В середине XIII в. до н.э. эламский царь Шильхак-Иншушинак совершил опустошительный набег на Вавилонию, а почти сразу же вслед за ним явился ассирийский царь Тукульти-Нинурта I. Ассирийцы наголову разбили касситско-вавилонское войско, а царя Каштилиаша захватили в плен и в цепях увели в Ашшур. Затем пал Вавилон, его храмы и дворцы были разграблены, а статую бога Мардука увезли в Ассирию, где он, впрочем, пользовался большим почетом.

Семь лет спустя вавилоняне вновь обрели независимость, а новый касситский царь, Адад-шум-уцур (около 1187 г. до н.э.), сумел, в свою очередь, вмешаться в дела Ассирии и посадить там на престол своего ставленника. В середине XII в., напротив, Вавилония подверглась новому нашествию сначала ассирийцев, а затем эламитов. Особенно тяжким было второе. Около 1158 г. эламский царь Шутрук-Наххунте вторгся в долину р. Диялы. Затем он переправился через Тигр и захватил ряд городов, разрезав Нижнюю Месопотамию пополам. Касситский царь был низложен, а Вавилония отдана под власть эламского наместника. Города Месопотамии подверглись ужасающему разгрому и грабежу (Дошедшая до нас стела с Законами Хаммурапи, а также стела царя Маништушу были увезены эламитами в Сузы, где впоследствии и были найдены археологами.), а сверх того еще и обложены данью. Вавилоняне пытались оказать сопротивление, которое было беспощадно подавлено. При царе Шильхак-Иншушинаке (ок. 1150— 1120 гг. до н.э.) Эламская держава настолько усилилась, что этот царь вел войны глубоко внутри Иранского нагорья, а также совершил поход через Аррапхэ до пределов Ассирии. Лишь позднее, воспользовавшись внутренними смутами в Эламе, новый предводитель вавилонян провозгласил себя царем, но столицей своей сделал Иссин (II династия Иссина). При этой династии, наиболее выдающимся

представителем которой был Навуходоносор I (1126—1105 гг. до н.э.), начался новый, хотя и кратковременный подъем Вавилонии. Ей даже удалось подчинить Ассирию и, в свою очередь, разгромить Элам, надолго выведя его из политической игры. Но всем этим успехам положили конец сначала поражение от ассирийцев, а затем массовое, вторжение южноарамейских кочевых племен (халдеев). На этом и закапчивается первый этап древности в Южной Месопотамии.

Среднеавилонское общество.

Наиболее типичным документом, дошедшим до нас от касситского и послекасситского периодов, является кудурру—акт о пожаловании тому или иному лицу более или менее значительного участка земли из царского фонда, иногда вместе с освобождением от тех или иных поборов и повинностей. Такое пожалование, строго говоря, не было дарением, а лишь выдачей земли во временное пользование. Передача ее в дальнейшем по наследству подлежала утверждению царем. Однако постепенно эта земля стала рассматриваться как частная собственность, тем более что сами цари, которым надоели бесконечные споры о наследственных правах, стали передавать землю «на вечные времена». Таким образом, наряду с общинными землями появились земли, находящиеся в частной собственности, но вне юрисдикции общинных властей. Впрочем, ведение самостоятельного мелкого хозяйства было ещё невозможно, и новые собственники стремились объединяться в новые общинные структуры—«дома», или «братства». Значительные земли, а также целые селения (вернее, причитающиеся с них поборы и повинности) отдавались также храмам. Все эти новые явления связаны с распадом: государственного хозяйства с его громоздким и дорогим административным аппаратом. На смену ему пришло взимание налогов и повинностей со всего (или с большей части) населения. Разница же между общинниками и держателями царских земель постепенно стерлась — и те и другие фактически превратились в частных хозяев, в одинаковой степени облагаемых налогами и повинностями. Этот процесс ускорился еще и тем, что из-за засоления старых орошаемых земель их приходилось покидать и осваивать новые, которые царь считал своими и где новые каналы прокладывались за счет царских налогов и повинностей. С другой стороны, города, как уже отмечалось, получали привилегии, превращаясь в автономные единицы. Теперь возникает новое деление общества: с одной стороны, привилегированные, освобожденные от общегосударственных налогов и повинностей граждане городских общин, а также крупные землевладельцы, получившие такое же освобождение, с другой же — неполноправное, обложенное налогами и повинностями, жившее в большинстве случаев на царской земле сельское население. Формирование этой новой структуры общества еще только началось, а полное свое завершение оно получило в I тысячелетии до н.э.

Царское хозяйство в средневавилонский период по перечисленным причинам практически сходит на нет. До нас дошло довольно значительное количество документов из храмовых хозяйств (к сожалению, они еще плохо изучены). Из этих документов видно, что и храмы собственного хозяйства практически не вели. Храмовые архивы состоят из приходных и расходных ведомостей. В первых записываются доходы от приписанного к храмам подневольного «люда» (амелуту). Поступления эти называются «уроком», но храмовые работники все же вели свое самостоятельное хозяйство, хотя, по всей видимости, не были его собственниками. С социально-экономической точки зрения такие работники храмов должны рассматриваться как разновидность рабов-илотов. В расходных ведомостях фиксировались натуральные выплаты жрецам и ремесленникам храма.

К концу рассматриваемого периода начинают вновь возрождаться товарно-денежные отношения, причем весьма интересно, что всеобщим мерилom цен теперь служит не серебро, а золото. Причины этого изменения пока неясны, да и на практике золотом почти никогда не платили. Расплачивались зерном или другими товарами, иногда серебром или медью, лишь указывая их стоимость в золоте.

Вновь и теперь, видимо, уже беспрепятственно развивается ростовщичество с его неизбежным последствием — долговой кабалой. Но теперь это не временное рабство, а постоянное, даже для свободнорожденных граждан.

Таким образом, положение беднейших слоев населения резко ухудшилось. Неудивительно поэтому, что не только рабы или храмовые плоты, но даже полноправные общинники бежали из своих мест, превращаясь в изгоев — хапиру. Эти разноплеменные группы, объединенные общим несчастьем, бродили в предгорьях Загроса и в степи, промышляя мелким скотоводством, случайной работой по найму, а то и разбоем. Хапиру довольно скоро стали известны по всей Передней Азии: это был весьма взрывчатый социальный материал, внушавший немало беспокойство мелким царькам Сирии и Финикии, но не слишком опасный для Касситского царства.

Еще одной важной общественной группой в Вавилонии были воины. Основу касситского войска составляли колесничные части — новый, впервые появившийся род войск. Касситы существенно улучшили конструкцию переднеазиатской боевой колесницы. При изготовлении этих колесниц использовалась кооперация ремесленников нескольких профессий и самой высокой квалификации: столяров, медников, кожевников, оружейников. Усовершенствованию подвергалось и другое вооружение: появились чешуйчатые панцири для пехоты, а также броня для лошадей, мощные луки и т.п. Однако неправильно видеть в касситских колесничных некую «феодальную» аристократию. Действительно составляя привилегированную часть войска, они тем не

менее находились на полном содержании у царя, получая от него коней, колесницы и вооружение.

Город-государство Ашшур и возникновение Ассирийского царства.

Города, впоследствии составившие ядро ассирийского государства (Ниневия, Ашшур, Арбела и др.), до XV в. до н.э., по-видимому, не представляли собой единого политического или даже этнического целого. Более того, в XV в. не существовало даже и самого понятия «Ассирия». Поэтому встречающееся иногда применительно к державе Шамши-Адада I (1813— 1783 гг. до н.э.) обозначение «староассирийская» ошибочно: Шамши-Адад I никогда и не считал себя царем Ашшура, хотя позднейшие ассирийские царские списки (I тысячелетие до н.э.) действительно включают его в число ассирийских царей.

Ниневия первоначально, по-видимому, была хурритским городом. Что же касается города Ашшур, то его название, очевидно, семитское, и население этого города было в основном аккадским. В XVI—XV вв. до н.э. эти города-государства зависели (иногда лишь формально) от царей Митанни и касситской Вавилонии, но уже с конца XV в. правители Ашшура считали себя независимыми. Они, как и вообще верхушка горожан, были весьма богаты. Источником их богатств служила посредническая торговля между югом Месопотамии и странами Загроса, Армянского нагорья, Малой Азии и Сирии. Одним из важнейших предметов посреднической торговли во II тысячелетии до н.э. были ткани и руды, а ее центральными пунктами — Ашшур, Ниневия и Арбела. Здесь же, возможно, происходило очищение серебро-свинцовых руд. Не исключено, что через те же центры шло и олово.

Ашшур был центром сравнительно небольшого номового государства. В XX—XIX вв. до н.э. он был исходным пунктом для международной торговли, тесно связанным с другим торговым центром — Канишем в Малой Азии, откуда Ашшур ввозил серебро. После завоевания Верхней Месопотамии Шамши-Ададом I, а восточной части Малой Азии — хеттскими царями торговые колонии в Малой Азии (о которых подробнее см. в лекции 10) прекратили свое существование, но Ашшур продолжал сохранять большое хозяйственное и политическое значение. Правитель его носил титул ишши'акку; его власть практически была наследственной. Он был, видимо, верховным землеустроителем и председателем общинного совета. Из состава совета выдвигались ежегодно сменяемые лимму — эпонимы года и, возможно, казначеи. Постепенно состав совета все больше замещался людьми, близкими к правителю. Сведений о народном собрании в Ашшуре нет. С усилением власти правителя значение органов общинного самоуправления все больше падало.

Территория ашшурского нома состояла из мелких поселений — сельских общин; во главе каждого стояли совет старейшин и администратор — хазанну. Земля была собственностью сельской общины и подлежала периодическим переделам между семейными общинами, т.е. «большими семьями». Центром такой семейной общины являлась укрепленная усадьба — дунну. Член территориальной и семейной общины мог продать свой надел, который вследствие такой продажи выбывал из состава семейно-общинной земли и становился личной собственностью покупателя. Но сельская община контролировала подобные сделки и могла заменить продаваемый участок другим, из запасного фонда. Сделка также должна была утверждаться царем. Все это показывает, что товарно-денежные отношения в Ашшуре развивались быстрее и зашли дальше, чем, например, в соседней Вавилонии,— следствие давнего вовлечения ашшурцев в международный товарооборот и накопления денежных средств. Отчуждение земли здесь уже стало необратимым. Следует отметить, что покупаются иногда целые хозяйственные комплексы — усадьба с полем, домом, гумном, садом и колодцем, всего от 3 до 30 га. Скупщиками земли были обычно ростовщики, занимавшиеся также и торговлей. Это последнее обстоятельство подтверждается тем фактом, что «деньгами» служит, как правило, не серебро, а свинец, причем в очень больших количествах (сотни килограммов). Рабочую силу для своих новоприобретенных земель богачи добывали посредством долговой кабалы: заем выдавался под залог личности должника или члена его семьи, причем в случае просрочки платежа эти люди считались «купленными за полную цену», т.е. рабами, хотя бы до этого они являлись полноправными общинниками. Существовали и другие средства закабаления, такие, как «оживление в беде», т.е. помощь во время голода, за которую «оживленный» попадал под патриархальную власть «благодетеля», а также «усыновление вместе с полем и домом». Поэтому в руках немногих богатых семей концентрировалось все больше земли, а общинные земельные фонды таяли. Но общинные повинности по-прежнему лежали на сильно обедневших домашних общинах. Владельцы новообразованных имений жили в городе, а общинные повинности за них несли зависимые жители селений. Ашшур теперь именуется «город среди общин» или «община среди общин», а привилегированное положение его жителей позже официально закрепляется освобождением от поборов и повинностей (точная дата этого события неизвестна). Жители сельских общин продолжают платить многочисленные поборы и несут повинности, среди которых первое место занимает воинская.

Итак, Ашшур был небольшим, но весьма богатым государством. Богатство создавало ему возможности для усиления, но для этого необходимо было ослабление главных соперников, которые могли бы в зародыше подавить попытки Ашшура к экспансии. Правящие круги Ашшура уже начали исподволь готовиться к пей, укрепляя центральную власть. В конце XV в. до н.э. была восстановлена

разрушенная митаннийцами стена «Нового города» в Ашшуре. Воспрепятствовать этому Митанни не смогло. Хотя митаннийские и касситские цари продолжают считать ашшурских правителей своими данниками, эти последние завязывают прямые дипломатические отношения с Египтом. С начала XIV в. ашшурский правитель называл себя «царем», хотя пока лишь в частных документах, но уже Ашшур-убаллит I (1365—1330 гг. до н.э.) впервые именовал себя «царем страны Ассирии» в официальной переписке и на печатях (хотя все еще не в надписях), а египетского фараона называл своим «братом», подобно царям Вавилонии, Митанни или Хеттской державы. Он принял участие в военно-политических событиях, приведших к разгрому Митанни, и в дележе большей части митаннийских владений. Ашшур-убаллит I неоднократно вмешивался также и в дела Вавилонии, участвуя в династийных распрях. В дальнейшем в отношениях с касситской Вавилонией периоды мира сменялись более или менее серьезными столкновениями, в которых Ассирия часто терпела поражение, особенно в конце XIV в. до н.э. Зато ассирийская территория неуклонно расширялась на запад (верхний Тигр, «страна субареев») (Так в это время назывались области с хурритоязычным населением.) и на восток (горы Загрос).

Рост влияния царя сопровождается падением роли городского совета. Царь превращается фактически в самодержца. Адад-нерари I (1307—1275 гг. до н.э.) к своим прежним должностям, положенным ему как ашшурскому правителю, добавляет еще и должность лимму — казначея-эпонима первого года своего правления. Он же впервые присваивает себе титул «царь множеств» и, таким образом, является подлинным основателем Ассирийской (Среднеассирийской) державы. В его распоряжении имелось сильное войско, основу которого составляли царские люди, получавшие за службу либо специальные земельные наделы, либо только паек. В случае необходимости к этому войску присоединялось ополчение общин. Адад-нерари I успешно воевал с касситской Вавилонией и отодвинул границу Ассирии довольно далеко на юг. О его деяниях была даже сложена поэма, но в действительности успехи на «южном фронте» оказались непрочными. Адад-нерари I совершил также два успешных похода против Митанни. Второй из них завершился низложением митаннийского царя Васашатты, возведением на престол ассирийского ставленника Шаттуары II и подчинением всей территории Митанни (вплоть до большой излучины Евфрата и г. Каркемиша) Ассирии. Однако сыну и преемнику Адад-нерари, Салманасару I (1274—1245 гг. до н.э.), пришлось вновь воевать здесь с митаннийцами и их союзниками — хеттами и арамеями. Ассирийская армия попала в окружение и была отрезана от водных источников, но сумела вырваться и разбить врага. Вся Верхняя Месопотамия была присоединена к Ассирии, а Митанни прекратило свое существование. Салманасар сообщает в своей надписи, что он взял в плен 14400 (14400, или «четыре сароса», — круглое число по шумеро-вавилонской системе счета.) вражеских воинов и всех их ослепил. Здесь мы впервые встречаем описание тех

свирепых расправ, которые с ужасающей монотонностью повторяются в последующие века в надписях ассирийских царей (начало им, впрочем, положили хетты). Салманасар воевал также против горных племен «уруатри» (первое упоминание о родственниках хурритам урартах). Во всех случаях ассирийцы разрушали города, жестоко расправлялись с населением (убивали или калечили), грабили и налагали «знатную дань». Угон пленных в Ассирию практиковался ещё редко, и, как правило, угоняли лишь квалифицированных ремесленников. Иногда пленных ослепляли. Очевидно, потребность в рабочей силе для сельского хозяйства ассирийская знать удовлетворяла в основном за счет «внутренних ресурсов». Главная же цель ассирийских завоеваний в этот период состояла в овладении международными торговыми путями и собственном обогащении за счет доходов от этой торговли путем взимания пошлин, но главным образом за счет прямого грабежа.

При следующем ассирийском царе, Тукульти-Нинурте I (1244—1208 гг. до н.э.), Ассирия уже была великой державой, охватывающей всю Верхнюю Месопотамию. Новый царь дерзнул даже вторгнуться на территорию Хеттского царства, откуда увел «8 саросов» (т.е. 28800) пленных хеттских воинов. Тукульти-Нинурта I воевал также против степных кочевников и горцев севера и востока, в частности с «43 царями (т.е. племенными вождями) Наири» — Армянского нагорья. Походы теперь происходят регулярно, каждый год, но не столько с целью расширения территории, сколько просто ради грабежа. Зато на юге Тукульти-Нинурта осуществил грандиозное деяние — завоевал касситское Вавилонское царство (ок. 1223 г. до н.э.) и владел им более семи лет. Об этом его подвиге была сложена эпическая поэма, а новый титул Тукульти-Нинурты теперь гласил: «могучий царь, царь Ассирии, царь Кар-Дуниаша (т.е. Вавилонии), царь Шумера и Аккада, царь Сиппара и Вавилона, царь Тельмуна и Мелахи (т.е. Бахрейна и Индии), царь Верхнего и Нижнего моря, царь гор и широких степей, царь шубарейцев (т.е. хурритов), кутиев (т.е. восточных горцев) и всех стран Наири, царь, слушающий своих богов и принимающий знатную дань четырех стран света в городе Ашшуре». Титул, как видно, весьма неточно отражает реальное положение вещей, но содержит целую политическую программу. Во-первых, Тукульти-Нинурта отказывается от традиционного титула «ишши' акку Ашшура», но зато именуется древним титулом «царь Шумера и Аккада» и ссылается на «знатную дань» «четырёх стран света», подобно Нарам-Суэну или Шульги. Он претендует также на территории, не входившие еще в состав его державы, а также на главные торговые центры — Синнар и Вавилон и торговые пути в Бахрейн и Индиго. Дабы полностью освободиться от всякого влияния со стороны общинного совета Ашшура, Тукульти-Нинурта I переносит свою резиденцию в специально построенный неподалеку от Ашшура город Кар-Тукульти-Нинурта, т.е. «Торговая пристань Тукульти-Нинурты», явно намереваясь передести сюда центр торговли. Здесь же был сооружен грандиозный дворец — парадная резиденция царя, где

он даже принимал в качестве гостей самих богов, т. е. разумеется, их статуи. Специальные указы во всех тонкостях определяли самый сложный дворцовый церемониал. Личный доступ к царю имели теперь лишь немногие особо высокопоставленные придворные (обычно «евнухи»). Чрезвычайно суровый регламент определял распорядок в дворцовых покоях, правила совершения специальных магических ритуалов для предотвращения зла и т.п.

Однако время осуществления «имперских» притязаний еще не настало. Традиционная ашшурская знать оказалась достаточно могущественной, чтобы объявить Тукульти-Нинурту I безумным, низложить его, а затем и убить. Новая царская резиденция была заброшена.

Вавилония умело воспользовалась внутренними смутами в Ассирии, и все последующие ассирийские цари (кроме одного) были, видимо, просто-напросто вавилонскими ставленниками. Один из них вынужден был вернуть в Вавилон увезенную Тукульти-Нинуртой статую Мардука.

Впрочем, Ассирия сохранила под своей властью всю Верхнюю Месопотамию, а к моменту вступления на престол Тиглатпаласара I (1115—1077 гг. до н.э.) в Передней Азии сложилась исключительно благоприятная для Ассирии политическая обстановка. Хеттское царство пало, Египет переживал упадок, Вавилония подверглась нашествию южноарамейских кочевников — халдеев. В этой политической обстановке Ассирия фактически оставалась единственной великой державой. Нужно было лишь выстоять среди общего хаоса, а затем вновь приступить к завоеваниям. И то и другое, однако, оказалось куда более трудным, чем можно было предполагать. Племена, появившиеся в Передней Азии в результате этнических передвижений конца II тысячелетия до н.э., — протоармяне («мушки» ассирийских источников), фригийцы, протогрузинские племена, апешлайцы (возможно, абхазцы), арамеи, халдеи и др. — были многочисленны и воинственны. Они вторгались даже в пределы Ассирии, так что для начала пришлось думать об обороне. Но Тиглатпаласар I был, по-видимому, хорошим полководцем. Он очень быстро сумел перейти к наступательным действиям, двигаясь все дальше на север. Ряд племен ему удалось склонить на свою сторону без боя, и они были «причислены к людям Ассирии». В 1112 г. Тиглатпаласар отправился в поход из Месопотамии вверх по левому берегу Евфрата. Точный маршрут этого похода неизвестен, но, по-видимому, он проходил по древнему торговому пути. В анналах сообщается о победах над десятками «царей». В частности, можно предполагать, что, преследуя «60 царей Наири», ассирийское войско вышло к Черному морю — примерно в районе нынешнего Батуми. Побежденные подвергались ограблению, сверх того на них налагали дань, а для обеспечения ее регулярной уплаты брали заложников. Походы на север продолжались и в дальнейшем. Об одном из них напоминает надпись на скале к северу от оз. Ван.

Дважды Тиглатпаласар совершал походы на Вавилонию. Во втором походе ассирийцы захватили и разорили ряд важных городов, в том числе Дур-Куригальзу и Вавилон. Но около 1089 г. ассирийцы были вновь отброшены вавилонянами на свою коренную территорию. Однако главное внимание еще с 1111 г. пришлось уделять арамеям, ставшим чрезвычайно серьезной угрозой. Медленно, но неуклонно они просачивались в Северную Месопотамию. Тиглатпаласар не раз предпринимал походы против них даже к западу от Евфрата. Он громил кочевников в оазисе Тадмор (Пальмира), перевалил через горы Ливана и прошел Финикию до самого Сидона. Он даже совершил здесь прогулку на корабле и охотился на дельфинов. Все эти деяния принесли ему громкую славу, но их практические результаты были ничтожны. Ассирийцам не только не удалось закрепиться к западу от Евфрата, но даже отстоять территории к востоку от него.

Хотя ассирийские гарнизоны все еще сидели в городах и крепостях Верхней Месопотамии, степь была наводнена кочевниками, перерезавшими все коммуникации с коренной Ассирией. Попытки последующих ассирийских царей заключить против вездесущих арамеев союз с царями Вавилопии тоже не принесли пользы. Ассирия оказалась отброшенной на свои коренные земли, а ее экономическая и политическая жизнь пришла в полный упадок. С конца XI по конец X в. до н.э. до нас не дошло из Ассирии почти никаких документов или надписей, Новый период в истории Ассирии начался лишь после того, как она сумела оправиться от арамейского вторжения.

Культура и общество Ассирии.

В области литературы, науки и искусства ассирийцы во II тысячелетии до н.э. не создали почти ничего оригинального, полностью переняв вавилонские и частично хурритско-хеттские достижения. В ассирийском пантеоне в отличие от вавилонского место верховного бога занимал Ашшур («отец богов» и «Эллиль богов»). Но Мардук, а также и другие боги общемесопотамского пантеона тоже весьма почитались в Ассирии. Особо важное место среди них занимала грозная богиня войны, плотской любви и плодородия Иштар в двух своих ипостасях — Иштар Ниневийской и Иштар Арбельской. В Ассирии Иштар играла еще и специфическую роль покровительницы царя (ср. легенду о Саргоне Аккадском). У хеттов и, вероятно, митанийцев был позаимствован литературный жанр царских анналов, но наибольшее развитие он получил позднее, в I тысячелетии до н.э.

Так называемые среднеассирийские законы (САЗ) представляют собой скорее всего не законы государства, а своего рода «научную» компиляцию — свод различных законодательных актов и норм обычного права Ашшурской общины, составленный для обучения и для практических нужд. Всего сохранилось 14 табличек и фрагментов, которые принято обозначать прописными латинскими буквами от А до О. Сохранность их различна — от почти полной до очень плохой. Некоторые фрагменты были первоначально частями одной таблички

(С+G). Они датируются XIV—XIII вв. до н.э., хотя сам текст, видимо, несколько старше.

Своеобразие САЗ проявляется в том, что они соединяют в себе явления весьма архаичные и серьезные нововведения.

К последним относится, например, метод систематизации норм. Они группируются в соответствии с предметом регулирования в очень крупные «блоки», каждому из которых посвящена особая таблица (в ЗХ группировка значительно более дробная), ибо «предмет» понимается чрезвычайно широко. Так, табл. А (пятьдесят девять параграфов) посвящена различным аспектам правового положения свободной женщины — «дочери человека», «жены человека», вдовы и т.п., а также блудницы и рабыни. Сюда же входят различные правонарушения, совершенные женщиной или против неё, брак, имущественные отношения супругов, права на детей и т.д. Иными словами, женщина выступает здесь и как субъект права, и как его объект, и как преступница, и как потерпевшая. «Заодно» сюда же отнесены действия, совершаемые «женщиной или мужчиной» (убийство в чужом доме — § 10; чародейство — § 47), а также дела о мужеложестве (§ 19—20). Такая группировка, разумеется, значительно удобнее, чем в ЗХ, но и ее недостатки очевидны: воровство, например, оказывается в двух разных таблицах (А, § 1, 3—6 и С+G, § 8), ложные обвинения и ложные доносы тоже попадают в разные таблицы (А и N); такая же участь постигает и нормы, касающиеся наследования (А, § 25—26 и O, § 1—3). Впрочем, эти недостатки очевидны лишь с нашей, современной, точки зрения. Новым по сравнению с Законами Хаммурапи является также чрезвычайно широкое применение публичных наказаний—порки и «царской работы», т.е. своего рода каторжных работ (помимо денежной компенсации потерпевшему). Такое явление для столь ранней древности уникально, потому что в древнем праве наказание обычно рассматривается как удовлетворение потерпевшему, здесь же оно производится явно в интересах государства или общины. Это могло бы объясняться необычайно высоким развитием правовой мысли. Вернее истолковать это обстоятельство как сохранение общинной солидарности, рассматривавшей многие правонарушения, особенно в области земельных отношений или против чести и достоинства свободных граждан, как затрагивающие интересы не одного потерпевшего, по всей общины.

Наряду с этим САЗ, как уже отмечалось, содержат и черты архаические. К ним можно отнести § 10 табл. А и § 2 табл. В+O, согласно которым убийца выдается «хозяину дома», т.е. главе семьи убитого. «Хозяин дома» может поступить с ним по своему усмотрению: убить или отпустить, взяв с него выкуп (в более развитых правовых системах выкуп за убийство не допускается). Такое смешение архаических черт с чертами сравнительно высокого развития характерно как для права, так и для самого среднеассирийского общества, как оно отражено в САЗ.

Ашшур был богатым торговым городом. Значительное развитие товарно-денежных отношений позволило законодателям широко применять денежные компенсации в виде десятков килограммов металла (неясно, свинца или олова, но скорее свинца). Однако при этом существовала долговая кабала на весьма жестких условиях: по истечении определенного срока должники считались «взятыми за полную цену», т.е. купленными. С ними можно было обращаться как с рабами, подвергать телесным наказаниям и даже продавать «в другую страну» (А, § 44, В+0, § 3). Земля, как уже упоминалось, служит объектом купли-продажи (табл. В+0, § 6), хотя и под контролем властей. Из деловых документов видно, что община может заменить продаваемый участок земли другим, т.е. частная собственность на землю сочетается с сохранением определенных прав общины.

Патриархальность семейных отношений, очевидная уже из приведенного выше порядка наказания убийц, становится еще яснее при взгляде на те законоположения, которые регулируют семейное право. Существовала еще «большая семья», и власть домовладыки была чрезвычайно широка. Он мог отдавать своих детей и жену в залог, подвергать жену телесным наказаниям и даже наносить ей увечья. «Как ему угодно» он мог поступить и со своей «согрешившей» незамужней дочерью (А, § 56). Прелюбодеяние каралось смертью для обоих его участников: застав их па месте преступления, оскорбленный муж мог убить обоих.

Если он этого не сделал, то по суду на прелюбодея накладывалось такое же наказание, какому муж пожелает подвергнуть свою жену (А, § 15). Женщина могла стать юридически самостоятельной лишь в том случае, если она овдовела и не имеет ни сыновей (хотя бы малолетних, но старше 10 лет!), ни свекра, ни других родичей мужа — мужчин. В противном случае она остается под их патриархальной властью. САЗ устанавливают весьма несложную процедуру превращения наложницы-рабыни в законную жену и узаконения рожденных ею детей (А, § 41), но во всех остальных случаях отношение к рабам и рабыням чрезвычайно сурово. Рабыням и блудницам под страхом тяжелого наказания запрещалось носить покрывало — столь же обязательным для свободной женщины было его носить (Обычай этот, возможно, был занесен в Ассирию степняками — он не засвидетельствован ни для Вавилонии, ни для раннего Ханаана.— Примеч. ред.). Однако тяжелые наказания накладываются на рабов по закону, а не по произволу господ.

САЗ упоминают также некие категория зависимых людей, однако точный смысл соответствующих терминов пока не вполне ясен (из деловых документов видно, что практиковалось и «добровольное» поступление свободных людей под покровительство знатных лиц, т.е. превращение свободных в клиентов). В ассирийском судопроизводстве широко применялись ордалия (испытание водой) и клятва. Отказ от ордалии и клятвы был равносителен признанию вины. Наказания, налагаемые по САЗ, как правило, чрезвычайно суровы и исходят, хотя

и не столь последовательно, как Законы Хаммурапи, из принципа талиона (воздаяния равным за равное), что выражается в широком применении членовредительных наказаний.

Литература:

Якобсон В.А. Месопотамия в XVI-XI вв. до н.э./История Древнего мира. Ранняя Древность.- М.:Знание, 1983 - с.198-211

Лекция 10: Ранняя Малая Азия и Хеттское царство.

Открытие Хеттов.

Хетты были известны до середины прошлого столетия только по данным Библии. В русском переводе Библии «сынами хеттовыми», «сынами Хета», «хеттеями», «хеттеянами» названа одна из доеврейских народностей Палестины и Сирии. Именно поэтому ученые сперва считали родиной хеттов Палестину или Сирию, что не подтвердилось дальнейшими исследованиями. Что касается античных авторов, то они вообще не имели представления о хеттах.

Существование хеттов как одного из крупных народов древнего Востока подтвердилось в прошлом веке успешной дешифровкой египетской иероглифики и аккадской клинописи.

С конца прошлого столетия о хеттах стало известно также из клинописных текстов архива из Тель-Амарны в Египте, содержавшего дипломатическую переписку египетских фараонов (в частности, Аменхотепа III и Аменхотепа IV—Эхнатона) с разными царями государств Ближнего Востока (на аккадском языке). Судя по этой переписке, Хеттское царство могло рассматриваться как сильное государство, центр которого находился где-то в Малой Азии, а его политическое влияние распространялось по районы Северной Сирии, где сталкивались интересы египтян, хеттов и Митанни. Было ясно, что Хеттское царство (по-египетски, в условном чтении, Хета; по-аккадски Хатти) являлось крупнейшей державой древнего Востока, соперничавшей как с Египтом, так и с Ассирией.

Предположение о господстве хеттов в Малой Азии полностью подтвердилось только с начала нашего столетия, когда в 1906—1912 гг. под руководством немецкого востоковеда Г. Винклера производились первые археологические раскопки в турецком селении Богазкёй (в 150 км к востоку от Анкары). Археологи открыли здесь тысячи клинописных табличек, часть которых была составлена на аккадском языке, а подавляющее большинство написано хорошо знакомой аккадской клинописью, но на каком-то неизвестном тогда древнем языке, дешифровкой которого сразу занялись ученые. Уже в 1915 г. чешскому исследователю Б. Грозному удалось определить

характер этого языка и заключить, что он принадлежал к индоевропейской языковой семье. Ученые назвали его «хеттским клинописным» (в отличие от «хеттского иероглифического» — вернее, лувийского, — образцы которого также были обнаружены в Северной Сирии и Малой Азии еще до начала прошлого века). Само древнее население Малой Азии называло «хеттский клинописный» язык «неситским» (по имени г. Неса — точнее, может быть, Гнеса; более древнее название Канес, или Каниш). В том же архиве были найдены тексты и на других древних языках Малой Азии.

Дешифровка найденных в Богазкёе табличек показала, что обнаружен клинописный архив, содержащий тексты разного характера. На месте Богазкёя была расположена столица хеттов Хаттуса, или Хаттуша. Свою страну (и царство в целом) хетты обозначали термином «Хатти». Основная территория распространения собственно хеттов (неситов) включала в себя не Палестину и Сирию, как предполагалось раньше, а центральную часть Малой Азии. Большая часть Анатолии и районы Северной Сирии (а порой и Северной Месопотамии) лишь подчинялись хеттам.

Расшифровка хеттских клинописных текстов из Богазкёя положила начало новой науке — хеттологии, изучающей историю, язык и культуру населения Малой Азии (с древнейших времен до середины I тысячелетия до н.э.). Археологические раскопки, ведущиеся и поныне в разных местах Малой Азии, выявили не только новые клинописные тексты, но и ценнейшие памятники материальной культуры, свидетельствующие о том, что корни исторического развития Малой Азии уходят от II тысячелетия до н.э. далеко в глубь веков.

Дохеттский период в центральной Малой Азии.

Полуостров Малая Азия представляет собой сухую котловину, окруженную горами: с юга — Таврским, с севера — Понтийским хребтом; на западе долины рек открывают путь теплым ветрам с Эгейского моря, на востоке обе гряды гор, по ту сторону долины верхнего Евфрата, текущего с севера на юг, переходят в изрезанное замкнутыми долинами Армянское нагорье (Восточную Анатолию).

Этот полуостров, называемый также Анатолией и образующий азиатскую часть современной Турции, — один из древнейших в мире очагов земледелия и скотоводства. В X—VIII тысячелетиях до н.э. здесь господствовал относительно влажный климат, предгорья покрывали луга злаковых трав, среди которых были предки ячменя и пшеницы-однозернянки; дожди выпадали еще довольно обильно и регулярно. В горах и на равнинах паслись стада дикого мелкого и крупного рогатого скота. Именно здесь, наряду с Сирией и Палестиной и западными склонами Иранского нагорья, люди раннего неолита (новокаменного века), впервые научились высевать злаки искусственно, вскапывая предварительно землю палками, а позже мотыгами, и сжинать первые хлеба; еще ранее для жатвы диких

злаков был изобретен серп, костяной или деревянный, со вставленными кремневыми зубьями. В этих же местах был сначала приручен, а затем и одомашнен первый скот.

Режим питания неолитических племен Малой Азии в это время значительно улучшился по сравнению с эпохой собирательства и охоты, смертность снизилась, и население начало расти. Возникали крупные поселки с тесно скученными глинобитными жилищами, среди которых имелись и святилища со стенной росписью; утварь стала более прихотливой и разнообразной — общество явно быстро продвигалось в сторону цивилизации. Наиболее известен большой поселок, почти город (население его могло составлять тысяч пять), найденный под городищем Чатал-хюк в центре полуострова. Есть гипотеза, согласно которой культура Чатал-хюка была создана отдаленными предками будущих носителей индоевропейских и, возможно, картвельских языков.

В начале этого периода на севере Европы еще сохранялись остатки Великого Оледенения, но с отступлением ледников климат стал, по-видимому, суше. Так или иначе, можно считать установленным, что примерно в VI тысячелетии до н.э. в результате вековых климатических колебаний на всем Ближнем Востоке наступает длительная засушливая эпоха. Луга и поля центральной части Анатолии высыхают, гибнут чатал-хюкская и родственные ей культуры, так и не успев дорасти до уровня цивилизации.

Немного ранее начинается распространение земледелия и скотоводства в Юго-Восточной Европе — сначала (примерно с VII тысячелетия до н.э.) в Македонии, а затем и на Балканах, и не исключено, что именно туда ушло большинство чаталхюкцев. Но другие остались на полуострове, и, может быть, некоторые из них сдвинулись в сторону Закавказья.

Раннеисторическое развитие Малой Азии продолжалось и в последующие эпохи, когда окончательно образовались отдельные культурно-экономические районы в западной и восточной, в северной и южной, а также в центральной области Анатолии. В периоды энеолита и ранней бронзы значительных успехов в экономическом и культурном развитии добились центральная и восточная части Малой Азии, на что указывают датированные IV—III тысячелетиями до н.э. археологические материалы, добытые на городищах Аладжа-хюк, Алишар-хюк, Хороз-тепе. Именно в Центральной Анатолии позднее было создано Хеттское царство, просуществовавшее на протяжении почти всего II тысячелетия до н.э.

Малая Азия была связующим звеном, своеобразным мостом, соединяющим Ближний Восток с Эгейским миром и Балканским полуостровом. Особо важную роль в этих связях играл город Троя, стоявший на азиатском берегу у Геллеспонта, или Дарданельского пролива, который ведет из Эгейского моря (части Средиземного) в

Черное море. Здесь ясно ощущалось взаимовлияние племен Балканского и Малоазийского полуостровов. Однако не только благоприятным географическим расположением отличалась Малая Азия в древности. Решающую роль в экономическом и культурном развитии Анатолии сыграли ее природные богатства, в особенности металлы (медь, серебро, свинец, золото), которые давно привлекали внимание и соседних с Малой Азией стран древнего Ближнего Востока.

Уже к III тысячелетию до н.э. укрепленные пункты, расположенные на холмах восточной части п-ова Малая Азия, являлись центрами экономической, политической и культурной жизни малоазийских племен. Однако древнейшие эти племена не были хеттами-неситами (индоевропейцами), которые появились на востоке Малой Азии, согласно письменным источникам, лишь позднее, вероятно с конца III тысячелетия до н.э. Ученые называют древнейшие коренные племена «протохеттами» (т.е. жившими в указанных частях Анатолии до образования Хеттского государства) или хаттами, поскольку язык их назван в хеттских клинописных текстах, составленных во второй половине II тысячелетия до н.э., хаттским. Этот термин происходит от названия центральной части страны хаттов — Хатти (это название лишь позднее заимствовали хетты-неситы для обозначения своей страны). Центром их политической и культурно-экономической жизни был город Хаттуса.

Природные богатства приводили в Анатолию купцов разных стран древнего Ближнего Востока. Согласно одной поздней хеттской легенде, например, аккадские купцы появились в Малой Азии якобы еще в XXIV в. до н.э., т.е. в период правления Саргона Древнего, царя Аккада. Еще раньше вверх по Евфрату в горные области проникали и даже селились там шумеры.

К началу II тысячелетия до н.э. через горы Тавра и вдоль таврских предгорий проходила важнейшая для Передней Азии дорога на запад в Сирию и Малую Азию и далее на побережья и острова Средиземного и Эгейского морей. Главные перевалочные пункты странствующих торговцев устраивались по возможности в районах со стабильным социальным режимом, но слабым контролем государства. Усиление местного государственного контроля над торговлей приводило к оперативному перемещению торговой базы в более благоприятные места.

Документы и письма из клинописных архивов XX—XIX вв. до н.э., найденные в торговом пригороде города Каниша, или Канеса (ныне Кюль-тепе около г. Кайсери), раскрывают устройство организации профессиональных торговцев древности так подробно, как никакой другой архив.

Еще с того времени, когда таблички из Каниша были найдены впервые и не были прочитаны и язык их был неизвестен, за ними

закрепилось название «каппадокийских», но позднему названию этой части Малой Азии.

Центральная торговая община Каниша (карум Каниш) контролировала через свою контору (бит карим) торговый оборот в Северной Сирии, Малой Азии и Северной Месопотамии благодаря развитой системе взаимного кредита, без которого не может развиваться вообще никакая торговля. Карум (букв. «пристань», также «рынок») при городе Канише являлся автономной самоуправлявшейся организацией торговцев с общим собранием «от мала до велика», игравшим роль, подобную роли народного собрания в городах-государствах. Определение «от мала до велика» подчеркивало равенство участников торговли, хотя состоятельность их была далеко не равной. Собрание было судебным органом, который имел право вынести решение о передаче общей кассы из рук менее надежных в более надежные, мог казнить и миловать. Во главе карума стоял совет из 48 человек, распоряжавшийся делами центральной конторы. Из круга этих лиц, как мы полагаем, поочередно дежурила шестерка — комитет, отвечавший за дела в течение шестидневной недели (хамуштум—«пятая часть месяца»); каждый дежурный, тоже называвшийся хамуштум, следил за текущими делами одного дня. Срок действия совета составлял тысячу дней (лиммум - «тысяча»); этим же термином обозначались годовые эпонимы-казначей из числа тех же самых членов совета; они же возглавляли совет каждый в течение своего года. Термин лиммум сохранился: и позже, но только как название должности эпонима года; по таким эпонимам велось летосчисление.

Предложенное в советской науке толкование канишской организации как самостоятельного международного торгового объединения расходится с общепринятым в традиции западной науки, где наиболее популярным остается определение карума как торговой колонии города Ашшура на р. Тигр. Однако теперь всеми исследователями признан факт существования значительной контрабанды из Малой Азии, с которой боролись местные малоазийские власти; они же собирали и побор с законной торговли. Это касается как карума Каниша, так и целой сети торговых факторий (кару) и станов (вабаратум), разбросанных по Сирии, Месопотамии, восточной и центральной части Малой Азии. Из этого видно, что охранно-контрольная служба на дорогах в период процветания известной нам по клинописным архивам торговли была в руках местных властей. В то же время главная фактория—карум Каниш—делала сборы с караванов и обеспечивала их продвижение по дорогам, не спрашиваясь ни местных, ни ашшурских властей, и поэтому являлась автономной централизованной торговой организацией. Ашшур, несомненно, имел влияние на торговцев организации, но ему не принадлежала в Малой Азии политическая власть. Такой факт, как составление в конторе карума письменного договора о контрабанде доказывает независимость этой общины от всех властей. О том же говорит и текст присяги, приносившейся

торговцами: главная заповедь — не говорить ничего лишнего в момент досмотра, — очевидно, будь то в Канише или в Ашшуре. За лишние слова виновному грозило рассеяние всех его родичей и неблагоприятное решение его дел в суде.

В случае ареста контрабанды (это было главным образом железо, вывоз которого из Малой Азии был запрещен местными государствами) виновного в её провозе солидарно выкупали за счет фонда, в котором имелся пай пострадавшего.

Карум Каниша, судя по археологическим данным, существовал и до прихода туда ашшурцев, и после их ухода. Сведения о контрабанде относятся к периоду расцвета малоазийской международной торговли; лишь к самому концу периода появляется договор — заметим, не между Ашшуром и местными государствами, а между карумами и местными царьками и представителями торговцев в Малой Азии (двумя ашшурцами и двумя, малоазийцами), но без представительства властей г. Ашшура. По договору устанавливался, между прочим, и запрет контрабандных перевозок. Это значительно снизило выгоды малоазийской торговли, и она быстро свернулась (чему, впрочем, еще более способствовал захват месопотамских путей аморейским царем Шамши-Ададом I).

Систематические раскопки Каниша и его пригородов показали, что найденные до сих пор архивы происходят из пригорода, расположенного поодаль от того главного холма, где находилась цитадель независимого города-государства Каниш; документы из цитадели, хотя и немногочисленные, составлены на том же ашшурском диалекте и писаны тем же ашшурским пошибом; эта письменность использовалась также правителями Каниша и его администрацией для их собственных юридических и хозяйственных документов. Этнический состав как самого города Каниша, так и южной оконечности торгового пригорода — карума был не ашшурским: среди имен преобладают хаттские, т.е. принадлежащие к языку аборигенов, родственному современным языкам Западного Кавказа; есть индоевропейские хеттские и изредка хурритские; центр торгового пригорода был этнически смешанным, и только северная его окраина, раскопанная кладоискателями еще в прошлом веке, была собственно ашшурской. Именно это, а также повсеместное употребление в Канише ашшурской разновидности клинописи и было причиной неточного определения канишской торговой организации как непосредственно ашшурской. Однако в состав совета торговой общины Капиша входили и местные торговцы, исполнявшие в свой черед службу недельного дежурства по конторе и обязанности эпонима-казначея.

Время от времени устраивалась проверка всех складов на предмет обнаружения незарегистрированных грузов, так как все были обязаны платить 5% рыночной пошлины (нисхатум) во дворец каждого города-

государства по пути каравана (грузы перевозились на ослах), а также депозитный сбор в торговую контору (шадду'атум).

Кредиторами торговцев нередко бывали сборщики ремесленной продукции (умми'анум) или государственные финансово-торговые агенты (тамкарум). В отличие от частных кредиторов, ни те, ни другие никогда не называются в документах по личному имени — очевидно, функция здесь была важнее, чем конкретная личность. Сами купцы обычно не обозначаются термином «тамкарум», хотя иной раз выступают «за тамкарума». Государственный агент мог иногда принимать участие в торговле; по даже в крупнейшем кассовом союзе, оперировавшем пятнадцатью килограммами золота, его вклад не превышал десятой доли всех вкладов; однако его участие было нужно для легализации торговли.

Тот, кто вносил в фонд кассового союза двойной взнос, имел право распоряжения фондом. Такой оптовик мог брать на откуп и пошлину местному государству; таким образом, и она могла пускаться в оборот. Что касается депозитного сбора, то он являлся страховым фондом торговой общины.

Финансовый учет велся в серебре, и оно же определяло масштаб цен. Но главными средствами платежа были медь и аннакум (Аннакум означает в клинописных текстах как «олово», так и «свинец», но в канишских («каппадокийских») текстах, видимо, преобладает свинец, использовавшийся здесь для сплава свинца с оловом, ради экономии дефицитного олова.). Медную и серебряную руду обогащали в Канише, золото плавил в дворцах нейтральных городов Сирии. Как уже упоминалось, существовала и контрабандная беспошлинная торговля, главной статьёй которой было железо, запрещенное к вывозу государствами Малой Азии; ценилось оно в 40 раз выше золота. Ашшурцы торговали месопотамскими тканями, местные торговцы — местными, по ашшурские власти запрещали своим гражданам поддерживать ткацкий промысел Малой Азии, конкурировавший с месопотамским. Иноземные, в том числе и ашшурские, торговцы не имели права выдавать ссуды под залог личности или недвижимости местных граждан — это была привилегия их местных компаньонов, но ашшурцы не очень и стремились пускать корни в этой чужой стране, предпочитая сохранять мобильность па случай ужесточения местного государственного контроля.

Можно предполагать, что ашшурские купцы появились и Малой Азии как торговцы высококачественными или, наоборот, особо дешевыми месопотамскими тканями. Но во время, к которому относятся найденные архивы, эта их деятельность явно отошла на задний план по сравнению с другой.

Архив одного из крупнейших оптовиков канишской торговли, Имд-Эла, показывает одновременное участие в операциях этого дома до 30 родичей трех поколений, включая и некоторых женщин (сестер и

дочерей), но исключая свойственников: зятя не участвуют в операциях; не участвуют в них и соседи.

Один из крупнейших балансов Имд-Эла подсчитан в деньгах-аннакум: из 410 талантов (свыше 12 т), полученных от 35 лиц, доля самого Имд-Эла составляла 57 талантов (1710 кг); в пересчете на серебро по курсу аннакума в Месопотамии (1: 15) это составит 114 кг серебра, по курсу золота там же (1:4) — примерно 29,5 кг золота. В Малой Азии золото стоило вдвое дороже, аннакум — вдвое дешевле. Именно эта разница и привлекала в Малую Азию иноземных торговцев, спекулировавших своей валютой, аннакум.

Личный доход Имд-Эла позволил ему купить два дома в Ашшуре: за 5 кг серебра и за 1,5 кг; таким образом, получается, что он, возможно, и не был выходцем из Ашшура или, во всяком случае, не был его постоянным жителем, а перебрался туда, где жизнь профессионального торговца была лучше всего защищена, поскольку именно этот город искони существовал как торговый центр и сильная крепость. С переездом его в Ашшур и начавшимися в Малой Азии усобицами торговля дома Имд-Эла быстро сворачивается. Деловые качества его сыновей были несравнимы с его собственными: в одном из писем, адресованных дочери, он просит ее присматривать за братом, чтобы тот меньше думал о хлебе и пиве («заставь его быть мужчиной!»). В самом пространном письме от этого сына говорится, что другие сыновья воруют у своих отцов до 5 кг серебра (цена хорошего дома), а он так не поступал и неповинен в том, что их дом потерял право на откуп пошлины. Это была главная выгода для оптовика, заставлявшая его стремиться увеличить свой пай в коллективной торговле. При оптовой торговле, в момент досмотра товаров во дворце, торговцам иногда удавалось скрыть до половины и больше тканей — главного и наиболее доходного из товаров импорта. Цена тканей колебалась между 3,5 и 35 сиклями серебра (1/4 кг) за штуку, а то и выше.

В «каппадокийских» табличках сохранилось немало собственных имен и отдельных слов индоевропейского происхождения, но появление в Малой Азии индоевропейских племен следует отнести к более раннему периоду. Пока еще не решен вопрос о точном времени и пути продвижения индоевропейских племен в Малую Азию. Существуют гипотезы об их переселении в Анатолию в древнейшую эпоху через Балканы, через Кавказ, через восточные районы, но ни одна из них еще не подтверждена окончательно. Есть даже предположение, что индоевропейские племена могли изначально жить в самой Малой Азии. Бесспорным в настоящее время является то, что к началу II тысячелетия до н.э. индоевропейские племена уже были расчленены на неситов, занявших территорию, видимо, к югу или юго-востоку от Центральной Малой Азии, откуда они постепенно распространялись на север, где обитали хатты («протохетты»); на палайцев, живших в стране Пала на севере Малой Азии, где они также находились в контакте с хаттами; и наконец, на лувийцев, страна

которых — Лувия — простирались на юге и юго-западе Малой Азии. Лувийцы распространились и на юго-восток Анатолии, где почти одновременно или раньше появился и хурритский этнический элемент.

Значительные сдвиги, имевшие место в хозяйстве и технике восточной части Малой Азии с начала II тысячелетия до н.э. (в частности, в XIX—XVIII вв. до н.э.), вызвали соответствующие изменения в сфере общественных отношений. Процесс социальной и имущественной дифференциации далеко зашел среди местного населения. На территории восточной части Малой Азии было, видимо, еще в III тысячелетии до н.э. создано несколько политических образований типа городов-государств, во главе которых стояли рубау (цари) или рубатум (царицы). При царском дворе имелось множество «великих», занимавших разные государственные должности («начальника лестницы» (Вероятно, имеется в виду подъем на укрепленную цитадель. Это была очень важная должность, которую, возможно, занимал царевич.— Примеч. ред.), «начальника кузнецов», «главного виночерпия», «главного над садовниками» и многих других). Города-государства Малой Азии пользовались письменностью и письменным языком, заимствованным у ашшурских купцов. Среди городов-государств происходила борьба за политическую гегемонию; на первых порах верх взяла Пурусханда, правитель которой считался «великим царем» среди остальных правителей городов-государств Малой Азии. Позднее же ситуация изменилась в пользу города-государства Куссары, расположенного где-то на юге или юго-востоке Центральной Анатолии.

Из первых правителей Куссары нам известны Питхана и его сын Анитта (ок. 1790—1750 гг. до н.э.). Еще когда Анитта был «начальником лестницы», начинается расширение владений Куссары. Из текста, составленного Аниттой и дошедшего до нас на хеттском (песитском) языке лишь в поздней редакции, мы узнаем, что «царь Куссары (т.е. отец Анитты) с целым множеством (войск) из города вниз спустился и город Несу ночью приступом взял. Царя Несы он схватил, а (из) сыновей (т.е. граждан) Несы зла никому не причинил. И он сделал их себе матерями и отцами». Завоевательную политику отца продолжил Анитта, покоривший ряд близлежащих районов Центральной Малой Азии. Он два раза победил Пиусти, царя страны Хатти, а Хаттусу сровнял с землей. Анитта пошел в поход против Пурусханды, царь которой без боя покорился, передав ему знаки царской власти (железный трон и скипетр). Анитта сделал своей царской резиденцией г. Несу, где построил крепости и храмы, и уже величал себя «великим царем». В его городе почитались божеества индоевропейского и исконного хаттского происхождения.

Созданное при Анитте Куссарское царство было самым мощным политическим объединением, существовавшим в Центральной Малой Азии до образования Хеттского государства. С завоеваниями Анитты, по-видимому, исчезли иноземные торговые колонии (фактории) по всей Анатолии.

Предполагается также, что во время правления Анитты происходило постепенное распространение индоевропейских неситских племен во всей центральной части Анатолии, где до сих пор проживали хатты. В период этого хеттско-хаттского соприкосновения, длившегося несколько столетий, в течение которых пришлые индоевропейцы сливались с коренным населением, хаттский язык был поглощен хеттским-неситским, который одновременно и сам претерпел определенные изменения (в фонетике, лексике, морфологии).

В результате слияния индоевропейцев с аборигенными хаттскими племенами в Центральной Малой Азии образовался хеттский этнос, создавший приблизительно к середине XVIII в. до н.э. могущественное Хеттское государство, целиком воспринявшее богатые культурные традиции хаттов. Историю этого государства ученые условно делят на три главных периода: Древнее, Среднее и Новое царства.

Раздел написан Янковской Н.Б. при участии Гиоргадзе Г.Г.

Древнехеттское царство (около 1650—1500 гг. до н.э.).

Хеттская историческая традиция связывала древнейший период истории хеттов с Куссарой, которая была столицей в начале существования Хеттского государства. Однако после Анитты: произошли какие-то общественные и культурные изменения, которые выразились, между прочим, в том, что хетты сменили официальные староассирийский аккадский диалект и письменность на родной язык и другой вариант клинописи, заимствованный из Северной Сирии через жившие там племена хурритов. Основателем собственно Хеттского государства его историческая традиция считала не первых известных нам правителей Куссары, т.е. Питхану или Анитту, а Лабарну, тоже царя Куссары, по более позднему времени. В начале царствования, когда «страна была мала», Лабарна силой оружия покорил соседние области. Он перенес борьбу и в области, расположенные на юге и севере Малой Азии, распространив владения хеттов «от моря до моря» (т.е. от Средиземного до Черного моря).

В Куссаре воцарился и следующий правитель хеттов — Хаттусили I, (он же Лабарна II); Хаттусили («хаттусским») он назван был потому, что из стратегических соображений перенёс центр своего царства из Куссары на север, в Хаттусу. С этого времени Хаттуса, которая, видимо, после покорения ее Аниттой подчинялась Куссаре, становится столицей хеттов и остается ею вплоть до падения Хеттского государства. Название страны «Хатти» стало употребляться для обозначения Хеттского государства в целом.

После завоевания ряда областей, расположенных в Малой Азии, Хаттусили отправился в поход в Северную Сирию. Подчинив Алалах (совр. городище Телль-Атшана), одно из сильных хуррито-семитских государств Северной Сирии, Хаттусили победил два крупных города

этой же области — Уршу (Варсува) а Хашшу (Хассува) — и начал длительную борьбу против третьего—Халеба, однако из-за болезни не смог довести дело до конца; это выпало на долю его сына и преемника Мурсили I.

Покорив Халеб, Мурсили отправился в далекий Вавилон, которым правил Самсудитана из династии Хаммурапи, захватив город и в 1595 г. до н.э. разрушил его, взяв большую добычу. Во время походов в Халеб и Вавилон Мурсили победил также хурритов, живших по левому берегу Евфрата и в Северной Месопотамии.

Военные операции Хаттусили I и Мурсили I в Северной Сирии и Месопотамии имели известное влияние на ход событий на всем Ближнем Востоке. Победы хеттов над Алалахом, Халебом и т.д. заложили основы хеттского господства в Северной Сирии. С этих пор вопрос о Сирии всегда стоял как один из главнейших во внешней политике Хатти. Победой же над Вавилоном был положен конец царству I Вавилонской династии. Эти крупные победы были полны огромного значения для хеттов: с этого времени их государство стало в ряд великих держав Ближнего Востока, превратилось в могущественную в военном отношении державу, с которой не могли справиться ни «великое царство» Халеб, ни Вавилон.

В период правления Хаттусили I и Мурсили I начались военные столкновения между, хеттами и хурритами. Хурриты с Армянского нагорья и из Северной Сирии начали набеги на Хатти, опустошая восточные провинции хеттов. В самом начале царствования Хаттусили I хурриты из Ханигальбата (Северная Месопотамия) вторглись в страну хеттов, в результате чего временно отложились многие подвластные хеттам восточные области. Лишь город Хаттуса остался невредимым. Порой хурриты атаквали владения хеттов и со стороны Северной Сирии, как это случилось, например, во время правления следующего царя хеттов — Хантили, когда хурриты, разорив хеттские территории, взяли в плен царицу, а затем казнили ее вместе с сыновьями. Хантили отразил нашествие хурритов, но борьба с ними продолжалась и в последующие времена.

К концу Древнего царства хетты добились успехов в Киццувадне — важной стратегической области, расположенной у северо-восточного угла Средиземного моря. С царем Киццувадны заключил дружеский договор последний правитель Древне хеттского царства — Телепину. Отныне Киццувадна взяла политическую ориентацию на Хатти, постепенно освобождаясь от влияния Халеба и Хурри.

На всем протяжении Древнехеттского царства происходила ожесточенная борьба за усиление царской власти, которую сильно ограничивало народное собрание - панку. Вначале оно объединяло всех мужчин, способных носить оружие, позднее же круг лиц, входивших в панку, значительно сократился, ограничившись представителями высших слоев знати. Собрание имело право

определения наследника престола, ведения судебных дел и т.д. Царь, носивший высокий титул хаттского происхождения — табарна, мог лишь выдвигать кандидатуру будущего повелителя страны, которого панку утверждало или отклоняло. Круг кандидатов на царский престол был довольно широк, так как царем мог стать не только царевич, но при его отсутствии и внук правителя Хатти, сын или муж сестры царя и т.д. Начиная с Хантили, часты были случаи узурпации трона претендентами.

Вопрос о наследовании царской власти был окончательно решен Телепину, издавшим «законодательство о престолонаследии», согласно которому право вступления на престол отныне получали только сыновья царя по старшинству. В случае отсутствия таковых взойти на престол мог лишь муж дочери царя. Все остальные были исключены из числа возможных претендентов на престол, и панку должно было следить за соблюдением закона. Этот порядок наследования, сильно укрепивший царскую власть, действовал на всем протяжении существования Хеттского государства.

Однако царь не стал единоличным абсолютным монархом страны и во времена Телепину, при котором, по-видимому, впервые были отредактированы также другие хеттские законы. Царская власть все же была ограничена собранием, хотя теперь оно стояло выше царя только в том случае, если тот самовольно нарушал закон о престолонаследии или произвольно казнил царских родичей. В другие государственные дела панку не вмешивалось. В период Новохеттского царства собрание вообще перестало функционировать.

Новохеттское царство (около 1400-1200 гг. до н.э.).

Ввиду недостаточной изученности истории Среднехеттского государства, охватывавшей приблизительно 1500—1400 гг. до н.э. (Некоторые исследователи вообще отрицают существование Среднехеттского царства. — Примеч. ред.) мы далее коснемся главных моментов истории хеттов периода Нового царства, когда Хатти рассматривалось как равная с Египтом, Вавилонией и Ассирией держава.

Завоевательная политика была начата Тутхалией III в конце XV в. до н.э. и успешно продолжалась до середины XIII в. до н.э. Почти на всем протяжении Нового царства хетты предпринимали походы в юго-западные районы Малой Азии, где располагались страны, объединявшиеся под общим названием Арцава, а также на юг. Вся южная территория была населена близкородственными хеттам лувийцами и называлась в целом Лувией. В состав Арцавы входила и Вилуса (многие ученые полагают, что так называлась область г. Трои, или Илиона (Город Троя, или Илиоп, известен из древнегреческого эпоса «Илиада», приписываемую Гомеру. Однако, согласно недавним исследованиям Л.С. Клейна, это первоначально были названия двух разных городов: тот город, который археологи называют Троей, — на

самом деле Илион, или Вилуса; настоящая Троя (хеттская Таруиса) находилась восточнее, у Мраморного моря,— Примеч. ред.)). В более раннюю эпоху Арцава поддерживала связь с далеким Египтом, что хорошо видно из одного письма фараона Аменхетеп III, составленного на хеттско-неситском языке и адресованного царю Арцавы (фараон обращается к царю с просьбой прислать в его гарем дочь).

После военных операций сына Тутхалии. Суппилулиумы I и сына последнего, Мурсили II, страны Арцавы были завоеваны и почти с каждой были заключены мирные договоры. Правители арцавских стран обязались регулярно отправлять в Хатти военные вспомогательные отряды вместе с боевыми колесницами, систематически посылать дань хеттскому правителю, своевременно выдавать беглецов из Хатти и т.д. Хетты же обещали помогать Арцаве в случае появления врага. Мирные договоры скреплялись клятвой верности, однако она была непрочной, ибо правители стран Арцавы, улучив момент, сразу же отлагались от хеттов.

Хеттские исторические документы периода Нового царства полны описаниями борьбы хеттов с племенами касков, обитавшими на севере и северо-востоке от Хатти, в горах вдоль южного побережья Черного моря. Особенно многочисленны сведения о касках в «Анналах Суппилулиумы I» и «Анналах Мурсили II». Хеттские тексты сообщают нам, что в стране касков «правление одного (человека) не было принято», т.е. у них не было царя, и они все еще находились на первобытнообщинной ступени общественного развития. Однако со времени царствования Мурсили II некоторые правители каскской страны (например, Пиххуня из каскской области Типия) начинают править страной «не по-касски», а «по-царски».

Борьба с касками носила систематический характер еще со времени царствования Тутхалии III, что было вызвано как частыми набегами касков на территорию хеттов, так и захватническими стремлениями хеттских правителей. Каски разоряли не только пограничные с Хатти области, но иногда вторгались и в глубь страны, угрожая самой столице хеттов. Каскский вопрос не смог окончательно урегулировать никто из хеттских правителей, хотя иногда они и заключали с касками мирные договоры. Военные походы хеттов против касков лишь временно приостанавливали их разорительные набеги.

На восточной периферии Малой Азии хетты подчинили Ацци-Хайасу, с народом и с правителем которой Хукканой Суппилулиума заключил мирный договор, по которому Хуккана получал в жены хеттскую царевну, но запрещавший ему, между прочим, претендовать на других женщин хеттского царского дома, что показывает наличие в Хайасе пережитков весьма древних брачных отношений (право на сожителство с сестрами и кузинами жены).

Крупных результатов добились хетты в это время в борьбе за Северную Сирию. Воспользовавшись временным ослаблением Хатти после падения Древнего царства, а также г. Ашшура, господствовавшего до тех пор в Северной Месопотамии, митаннийцы добились крупных успехов к западу от Евфрата, в особенности в Северной Сирии: Халеб, Алалах, Каркемиш и другие царства находились под их политической гегемонией. При митаннийском царе Саусадаттаре митаннийцы победили и разрушили г. Аппур и овладели землями к востоку от Тигра. Правители Митанни (Шуттарна II и Душратта) поддерживали с фараонами Аменхотепом III и Аменхотепом IV (Эхнатон) дружеские отношения, которые закреплялись браками египетских царей с дочерьми митаннийских правителей (Это не значит, что митаннийские царицы становились египетскими царицами: фараоны лишь включали их в число дам своего гарема, прислуживавших собственно царице — египтянке, нередко родной сестре фараона. — Примеч. ред.). Митанни, как и Хеттское царство, состояло из целой системы полусамостоятельных царств и городов-государств, обязанных данью и военной помощью верховному царю всего Митаннийского объединения.

Суппилулиума I положил конец могуществу Митанни. Переправившись через верхний Евфрат, хеттские войска вторглись в мелкие хурритские царства в долине реки и вышли с севера к Вашшуканни — столице Митанни. Хетты разгромили столицу, но претендент на трон Митанни отступил, не приняв боя. На престол Митанни Суппилулиума посадил своего сторонника Шаттивасу, выдав за него замуж дочь. После успешных походов Суппилулиумы в Северную Сирию царство Митанни потеряло все свои владения к западу от Евфрата. Затем Митанни не смогло отразить удары ассирийцев и к концу XIII в. до н.э. превратилось в составную часть Ассирийской державы. Суппилулиума I не только разгромил Митанни, но и сумел свергнуть почти всех правителей зависевших от него сирийских княжеств, простиравшихся до Ливанских гор. С этого периода начинается длительное господство хеттов в Северной Сирии. После завоевания: Халеба, а также Каркемиша, важного города у переправы через Евфрат, Суппилулиума посадил на трон этих городов своих сыновей — Пияссили и Телепину, заложив этим основу хеттских династии в Каркемише и Халебе, просуществовавших очень долго. Суппилулиума завоевал и Алалах, которым тоже владели хурриты. И здесь хетты удержали господство до конца существования их царства. В период Новохеттского государства под сильным влиянием хеттов находились и другие княжества Сирии. Господство грозного северного соседа подкреплялось в Сирии периодическим появлением здесь хеттского войска.

При Суппилулиуме между Хатти и Египтом не существовало напряженных отношений. Доказательство этому — поздравительное письмо Суппилулиумы фараону Эхнатону в связи с его вступлением на трон. Но проводившаяся в Сирии политика хеттов привела их к столкновению с Египтом.

Со времени XIX династии перед Египтом встала задача восстановления былого влияния в Палестине, Финикии и Сирии, утраченного в первой половине XIV в. до н.э. Главным соперником Египта в Азии стало теперь Хатти, против которого и начал борьбу фараон Рамсес II. На пятом году своего царствования (ок. 1312 г. до н.э.) (По другим расчетам, 1286 г. до н.э.) Рамсес II собрал двадцатитысячное войско и отправился в Сирию, где к встрече с ним готовился царь хеттов Муваталли со своим войском, состоявшим из 30 тыс. воинов. У г. Кадета (Кинзы) отряды хеттского войска, включавшего ополченцев из разных подчиненных стран, в том числе дарданян, т.е. троянцев, устроили фараону засаду, внезапно напали на него и разгромили находившиеся с ним египетские отряды. Хотя Рамсесу удалось вырваться из окружения и отразить противника, он так и не сумел победить хеттов и овладеть Кадешем. Однако и хетты не сумели продвинуться к югу; борьба против египтян продолжалась.

После длительной борьбы, на 21-м году царствования Рамсеса II, т.е. предположительно в 1296 г. до н.э. (Дата определяется различно — от 1296 до 1270 г. до н.э.), когда царем хеттов был уже Хаттусили III, между Египтом и Хатти был заключен мирный договор, предусматривавший обеспечение взаимной неприкосновенности, оказание помощи друг другу в случае появления общего врага, взаимную выдачу беглецов и т.д. Договор был закреплен браком Рамсеса II с дочерью Хаттусили III, после чего египтяне и хетты никогда не воевали друг с другом.

Хеттские клинописные тексты периода Нового царства содержат немало сведений о контактах хеттов с государством Аххиява (видимо, то же, что «Акайваша» египетских иероглифов). Аххиява упоминается в связи с районами, расположенными на западе и юго-западе Малой Азии. Само название некоторыми учеными отождествляется с термином «ахейцы», обозначавшим у Гомера союз древнегреческих племен, хотя другие ученые по лингвистическим основаниям решительно отвергают это отождествление. Аххиява все еще не локализована окончательно; исследователи допускали возможность искать ее на Родосе или Кипре, на Крите или где-то в Анатолии (на юго-западе, западе или северо-западе). В последнее время все больше сторонников приобретает первоначальное предположение об отождествлении Аххиявы с Микенской Грецией.

Между Аххиявой и Хатти существовали дружественные отношения со времен царствования Суппилулиумы I. Однако впоследствии эти отношения ухудшились, так как Аххиява стремилась укрепиться на юге и юго-западе Малой Азии, в особенности в г. Милаванде (возможно, позднейший Милет), а также в Аласии (о-в Кипр), где сталкивались интересы обеих держав. Ко второй половине XIII в. до н.э. (?) «человек (из) Аххия(вы)», т.е. правитель этой страны, все чаще опустошал территории стран, зависевших от хеттов и расположенных на далеком западе Анатолии.

С этого времени и начинается постепенный упадок могущества Хеттской державы. Каскские племена по-прежнему атаковали северные пограничные районы ослабевшего соседа, как полагают некоторые ученые — под давлением начавших передвижение от Кавказа на юго-запад абхазских и грузинских племен; на востоке же Малой Азии активизировались различные политические объединения долины верхнего Евфрата (Паххува, Цухма и др.). Неблагоприятное положение создалось для хеттов и в странах Арцавы, стремившихся получить политическую независимость, чему способствовало усиление в самом Хатти культурно-религиозного влияния лувийского мира.

К концу XIII в. до н.э. Хеттское царство переживало внутригосударственный кризис. Непрерывные военные походы сильно ослабили экономику страны, разорив различные отрасли хозяйства. Из одного письма, адресованного хеттским царем правителю Угарита, выясняется, что в это время Хатти испытывало большую нехватку продовольствия. Ко всему прибавилось вторжение в Малую Азию племен Эгейского моря, названных в египетских источниках «народами моря» (Египетские источники называют целый ряд «народов моря», но с уверенностью отождествить их нельзя. Возможно, в числе их были ахейцы ('кйвш, условно читается акайваша), ликийцы с юго-запада Малой Азии (рк, условно рукка, лукка), сикулы (шкрш, шикулаи), филистимляне (прст), этруски (?— трш, условно турша) и др. Напомним, что в египетском письме гласные не обозначались.— Примеч.ред.). «Ни одна страна, начиная от Хатти, не устояла перед их войсками»,— отмечается в одной из египетских надписей. В самих дошедших до нас хеттских источниках не сохранилось сведений об этой катастрофе, разразившейся, видимо, при последнем царе хеттов — Суппилулиуме II.

Приблизительно к 1200 г. до н.э. или несколько позже некогда грозное царство Хатти навсегда пало вместе со своей столицей Хаттусой (Кто именно из передвигавшихся тогда племен разрушил Хаттусу и Хеттское царство, неясно; по мнению И.М. Дьяконова, среди них были индоевропейские племена мушков, принадлежавшие к другой, не хетто-лувийской ветви индоевропейской языковой семьи. Впоследствии, слившись с урартами и хурритами, они образовали армянский народ, передав ему индоевропейский язык. — Примеч. ред.). Восточная Малая Азия запустела на триста-четырееста лет. В те же годы в войне с ахейцами погибла и знаменитая Троя, связывавшая цивилизации Малой Азии и Балканского полуострова. Легенды о падении Трои дали впоследствии материал для великих греческих эпических поэм, которые приписывались легендарному поэту Гомеру, — «Илиады» и «Одиссеи».

Социально-экономические отношения в Хатти.

Основным занятием населения хеттского общества были земледелие и скотоводство, отраженные во многих параграфах хеттских законов. Хетты занимались разведением овец, коз, свиней и крупного рогатого

скота. Во II тысячелетии до н.э. в Малой Азии распространяется коневодство. Впоследствии хетты учились наиболее совершенным методам выучки боевых коней по хурритским пособиям, переведенным на хеттский язык из учебника хурритского коневода Киккули. Хеттские законы сохранили нам цены на различный скот: лошадь или мул стоили от 15 до 40 сиклей серебра (сикль = 8,4 г), бык—4—12 сиклей, овца — 1 сикль и т.д. У хеттов были развиты птицеводство, пчеловодство и другие отрасли хозяйства.

В хозяйственной деятельности хеттов большое место занимало земледелие. Земельные участки непосредственных производителей обычно состояли из пахотной земли или садов-виноградников. По сравнению со скотом участок земли стоил дешево: 1 ику (0,35 га) необработанной земли стоило 1 сикль серебра, обработанной — 2—3 сикля (Цены эти невероятно низкие, и некоторые ученые предполагают, что земля у хеттов, как и в ранней Месопотамии, в нормальный товарооборот вообще не попадала и что речь идет об оценке земли при вынужденной ее передаче должником кредитору за долги. — Примеч. ред.). Дороже ценились сады-виноградники: 1 ику виноградника стоило 40 сиклей серебра.

Наряду со скотоводством и земледелием в хеттском обществе было высоко развито ремесло: металлургия бронзы, изготовление орудий из неё, а также гончарное дело. Прекрасные образцы сельскохозяйственных и ремесленных орудий, оружия, высокохудожественной посуды благодаря археологическим раскопкам дошли до наших дней. Значительный уровень сельского хозяйства и ремесла обусловил развитие у хеттов торговли.

Формы землевладения и землепользования были разными. В Хеттском государстве существовали царские (дворцовые), храмовые и частные (общинные) земли. Царские и храмовые земля находились в непосредственном распоряжении верховной государственной власти, ибо царь уже считался не только верховным правителем страны, но и верховным жрецом, следовательно, главным собственником дворцовых и храмовых земель. Однако он не был собственником всех земель страны. Определенная часть земли находилась вне государственного хозяйства (сектора). Такие земли свободно отчуждались (куплей-продажей, дарением и т.д.).

Государственные земли могли быть переданы — обычно в виде целых поселений — разным царским (дворцовым) и храмовым хозяйствам. Царское хозяйство охватывало разные «дома»-хозяйства: «дом царя» (иногда называвшийся «домом Солнца»), «дом царицы», «дом дворца» и т.д., в которых трудились различные категории непосредственных производителей. Определенная часть их была прикреплена к «дому». В числе храмовых хозяйств были «дома бога» (т.е. храмы), так называемые каменные дома, костяные дома, дома печати, дома таблички и т.д. Они имели собственные контингенты непосредственных производителей, часто также прикрепленных к

землям этих храмовых (а также вообще культовых, например заупокойных) хозяйств. «Дома» передавались в эксплуатацию и различным царским или храмовым служащим, как правило, вместе с рабочим персоналом, прикрепленным к земле того или иного поселения. Выдавались участки и без персонала.

Крупные «дома» государственного сектора распадались в конечном счете на мелкие хозяйства — индивидуальные «дома», которые и служили основными производственными ячейками в хеттском обществе. Владение и пользование государственной землей были связаны с выполнением государственных повинностей двух типов — саххан и луцци. Саххан—это натуральная повинность, она обязывала отдельных непосредственных производителей или крупные хозяйства поставлять в готовом виде всякого вида производственную продукцию (молочные или другие продукты питания, шерсть и т.д.), а также скот в пользу царя и крупных государственных служащих («господина страны», начальника округа, градоначальника и т.д.). Луцци — трудовая повинность, она состояла в выполнении работ на полях или виноградниках, вспашке земли, ремонте крепостей, строительных или других государственных и общественных работах в пользу правителя страны (дворца) или государственных сановников. Эти повинности включали и обязанности царского служащего или крупного государственного хозяйства поставлять государству вспомогательные отряды, из которых формировалось хеттское войско (Некоторые исследователи полагают, что воинской и некоторым другим повинностям подлежало и население вне государственного сектора. Наличие общинно-частного сектора выводится этими исследователями из ряда косвенных указаний хеттских законов, из двоякой подсудности подданных государства: царским чиновникам — для одних, общинным старейшинам мяхвантес — для других (согласно «Инструкции начальнику области») и т.п. Следует иметь в виду, что от Хеттского царства вовсе не дошло документов частного характера, которые, вероятно, были написаны на дереве и не могли сохраниться — Примеч. ред.).

От выполнения саххана и луцци освобождались только по специальному указу царя. Обычно от государственных повинностей освобождались храмы и разные культовые учреждения, непосредственные производители которых трудились только в пользу «бога». Однако бывали случаи и двойной эксплуатации, когда непосредственного производителя заставляли работать как на царя или его сановников, так и на храм.

В процессе сельскохозяйственного производства в государственном секторе складывались и развивались экономические отношения двух типов: собственно рабовладельческого характера и крепостнического типа (подразумевавшего отработочную повинность). Способы эксплуатации были в основном рабовладельческими, с которыми сочетались формы эксплуатации крепостнического типа. Поэтому непосредственных производителей государственного сектора можно

назвать «зависимыми людьми рабско-крепостнического типа»(Выше этот тип работников обозначался как илоты. — Примеч. ред.). При этом следует учитывать, что хеттские «крепостные» не составляли класса, обособленного от рабов, и сами хетты, хотя и отличали их от частных рабов обычного типа, все же обозначали и крепостных как «голова рабов и рабынь». Поэтому сейчас их часто рассматривают как подразделение одного и того же класса несвободных(Или класса рабов в широком смысле слова. — Примеч. ред.).

Хеттские законы делят хеттское общество на свободных людей и на противопоставленных им несвободных («рабов»). С самого начала «свободными» назывались лица, освобожденные царем (дворцом) от государственных повинностей саххан и луцци не только в пользу царя (дворца) или крупных государственных служащих, но и в пользу храма, а также других культовых учреждений. Свободные от всех повинностей люди постепенно становились «знатными, почетными, благородными», т.е. социально свободными. Из них образовался верхний, господствующий слой общества (царские служащие, военачальники, разные представители администрации, храмовые служащие и др., владевшие крупными земельными участками), для которых трудовая деятельность становилась уже позорным занятием или одной из форм наказания.

«Несвободными» были лица, не освобожденные от трудовой деятельности — от выполнения хотя бы одной из государственных повинностей — и вследствие этого рассматривавшиеся как социально несвободные. Если такого человека освобождали от обязанностей, например в пользу царя и крупных государственных служащих, то он должен был трудиться в пользу храма, т.е. оставался все же несвободным, зависимым. «Несвободные» охватывали широкие круги непосредственных производителей (пахарей, пастухов, ремесленников, садовников и многих других), составлявших низший социальный слой Хатти. Они включали в себя собственно рабов, крепостных(Т.е. илотов. — Примеч. ред.), наемников и др., т.е. людей, находившихся в разных формах зависимости.

Война обеспечивала хеттское общество подсобной рабочей силой и материальными благами. В походах хетты захватывали много пленных. Только Мурсили II привел из арцавских стран 66 тыс. пленнх, названных в «Анналах Мурсили II» шумерским термином нам-ра (по-хеттски читался как арнувала), т.е. «депортированные» (уведенное в плен население покоренной территории). Часть из этих депортированных обращали в рабов различных категорий, других поселяли на землю в качестве обязанных повинностью подданных хеттского царя (иногда их зачисляли и в войско). По истечении определенного времени дни оказывались приравненными к трудовому населению страны Хатти.

Существовали различные категории непосредственных производителей материальных благ. Одни из них целиком были

лишены прав владения или собственности на средства производства и принуждались к труду на хозяина прямым насилием. Это были рабы, обычно выступавшие лишь как объекты права. Они использовались в качестве прислуги, для обработки земли «дома» или ухода за скотом и т.д. Другие располагали средствами производства, однако только с условным правом владения, но на собственности. Экономически (но, видимо, не сословно) от них отличались те, которые, обычно выступая как субъекты права, имели свои «дома» (хозяйства), включавшие в себя семью, земельный участок (как правило, только на правах владения), определенное количество собственного скота и рабочий персонал — своих рабов. При всем этом создавалась экономическая возможность для известной материальной заинтересованности и хозяйственной инициативы мелких производителей материальных благ. С правовой точки зрения все категории непосредственных производителей составляли единый эксплуатируемый класс-сословие «зависимых, несвободных, подневольных людей» хеттского общества.

Государство у хеттов имело рыхлую структуру. В этом отношении оно не отличалось от Митанни и других сравнительно недолговременных государственных объединений Малой Азии, Сирии и Северной Месопотамии. Кроме городов и областей, подчинявшихся непосредственно царю или царице, существовали мелкие полузависимые царства (для царевичей), а также области, выделенные в управление крупным сановникам. Во главе всего государства стояли царь (хассу), носивший (в отличие от менее значительных царей) также титул табарна, и царица, которая могла носить титул тавананна, если она была матерью наследника престола или самого царя. Царь имел важные военные, культово-религиозные, правовые, дипломатические и экономические функции. Царица-тавананна наряду с царем занимала высокое положение в хеттской социальной организации: она была верховной жрицей с широким кругом культовых и политических прав и обязанностей, получала самостоятельные доходы.

При царском дворе находилось множество должностных лиц и служителей: «сыновья дворца», «оруженосцы золотого копья», «люди жезла», «надсмотрщики над тысячей», «виночерпии», «стольники», «повара», «чашники», «брадобреи», «хлебопеки», «доильщики» и др. Царя обслуживали «кожевники», «сапожники», «изготовители царских боевых колесниц» и т.д. Они назывались «рабами (слугами) царя», хотя не были рабами в прямом смысле слова. Все они получали за службу участок земли на прокорм.

Храмы представляли собой крупные хозяйства, аналогичные по структуре царскому хозяйству. В храме работали различные категории людей. Это были служители культа («великие жрецы», «малые жрецы», «помазанники», «музыканты», «певчие»), служители «кухни» («кравчие», «стольники», «повара», «хлебопеки», «виноделы»), непосредственные производители (пахари, пастухи, овцеводы,

садовники). Все они обозначены как «божьи рабы и рабыни». В действительности же и они не были собственно рабами.

Право и закон.

Законам у хеттов приписывалось божественное происхождение, хотя в их тексте это и не отражено. Дошедший до нас сборник законов состоит из двух основных таблиц, первая из которых была составлена еще в начале древнехеттского периода (существует и позднейший вариант законов, датируемый XIII в. до н.э.). Хеттские законы, имея классовый характер, уделяли большое внимание защите собственности, в особенности права собственности «свободного» человека. Они устанавливали твердый тариф цен — доказательство известного развития товарно-денежной системы (приводятся и цены на рабов-ремесленников: гончаров, кузнецов, плотников, кожевников, портных, ткачей, птицеловов—от 10 до 20 сиклей серебра)(Вероятно, у хеттов, как и в Месопотамии, эти тарифы были действительны не для реальных хозяйственных сделок, а для оценки судом убытка в случае повреждения или похищения имущества и для расчетов внутри казенных хозяйств. Заметим, что в Старовавилонском царстве рабов-ремесленников почти по было.— Примеч. ред.). Целый ряд параграфов посвящен семейному праву, а также праву наследования. Семья у хеттов носила патриархальный характер: во главе ее стоял отец. Его власть распространялась не только на семейную собственность, но и на жену и детей, хотя права главы семьи по отношению к ее членам не были безграничны. Существовали различные формы брака: брак, подразумевавший уплату определенной суммы со стороны семьи жениха; брак эрребу, при котором зять входил в семью невесты, уплатившую выкуп; брак-похищение. Разрешались браки между различными представителями свободных и несвободных.

Хеттская культура.

Если в результате слияния и скрещения хаттских и индоевропейских племен образовался хеттский этнос, то в процессе слияния культурных достижений этих двух этнических групп была создана хеттская культура, которая с самого начала характеризовалась обилием местных, хаттских традиций. В образовании хеттской культуры значительную роль сыграли хурритский и лувийский культурные элементы. На нее оказали влияние также северосирийский и шумеро-аккадский культурные миры.

Богазкёйский архив сохранил нам богатую хеттскую литературу, содержащую тексты официального характера (указы царей, анналы), а также мифы, легенды. Благодаря этому архиву мы познакомились с одной из ранних автобиографий в мировой литературе — «Автобиографией Хаттусили III». В новохеттский период было

переведено на хеттский язык значительное число произведений литературы народов Ближнего Востока («Эпос о Гильгамеше», хурритские мифы). Наибольшее значение имеют хурритское эпическое повествование о царстве на небесах, в котором рассказывается о переходе власти от одной династии богов к другой, и хурритская эпическая поэма о боге Кумарве — «Песнь об Улликумми». Эти произведения служат звеном, связывающим древние литературы Ближнего Востока с древнегреческой мифологической и поэтической традицией, в частности с «Теогонией» Гесиода. Сюжет поэмы о смене четырех поколений богов на небесах аналогичен рассказу Гесиода о переходе власти от Урана к Кроносу и от Кроноса к Зевсу. Сюжет «Песни об Улликумми» очень похож на гесиодовский миф о Тифоне.

Довольно богата хеттская мифологическая литература, включившая в себя и мифы хаттского происхождения. Один из них — мифологический рассказ протохеттского новогоднего ритуала — «Миф об Иллуянке». Ритуал передавал битву между божественным героем и его противником — драконом Иллуянкой, происходившую в связи с приближением Нового года. Эту схватку сравнивают с ритуальными сражениями, которые устраивались во время позднейших новогодних праздников разных стран мира. К хаттской традиции восходит миф о временно исчезающем и вновь воскресающем божестве — «Миф о Телепину». Одним из атрибутов культа этого божества было вечнозеленое дерево.

Памятники хеттского искусства обращают на себя внимание многообразием и оригинальностью форм и типов (серебряные и бронзовые фигурки животных, чаши и кувшины из золота, золотые орнаменты, так называемые штандарты, иногда с изображением оленя). Уникальны каменные идолы из Кюль-тепе, образцы керамики (посуда, ритоны, вазы). С периода Новохеттского царства в Центральной Малой Азии появляется монументальный стиль в разных областях искусства (рельефы на камне, изображения животных — сфинксы, львы), а также в архитектуре. Высокого уровня достигла в Хатти обработка камня, прекрасным примером которой является высеченная в скале скульптурная галерея в Язылыкая. Сохранились оригинальные образцы хеттской глиптики: на царских печатях помещены надписи, выполненные «хеттской» (на самом деле лувийской) иероглификой и хеттской клинописью.

Хеттская религия играла колоссальную роль в идеологической и хозяйственной жизни общества. Как считали сами хетты, существовала «тысяча богов Хатти», включавших божества хеттского, индоевропейского (неситского, лувийского, палайского), хурритского, ассиро-вавилонского, арийского (Арийские (т.е. индоиранские) боги достоверно упоминаются лишь среди митаннийских богов, и далеко не на первом месте, только в договоре между государством хеттов и государством Митанни, где, как уже говорилось, правила династия индоиранского происхождения. Поэтому в хеттский пантеон эти боги не входили.—Примеч. ред.) и другого происхождения. Главным

божеством был бог грозы, именуемый «царем неба, господином страны Хатти», супругой которого считалась богиня Солнца из г. Аринны — «госпожа страны Хатти, неба и земли, госпожа царей и цариц Хатти».

Традиции хеттской культуры не исчезли и после падения Хеттской державы (см. «Расцвет древних обществ», лекция 2).

Литература:

Гиоргадзе Г.Г. *Ранняя Малая Азия и Хеттское царство./История Древнего мира. Ранняя Древность.* - М.:Знание, 1983 - с.212-234

Лекция 11: Сирия, Финикия и Палестина в III-II тысячелетиях до н.э.

Возникновение цивилизации.

Здесь и в дальнейшем термины «Сирия, Финикия и Палестина» будут употребляться исключительно в их древнем значении, когда Сирия включала лишь западную часть современного государства Сирии (от р. Евфрат до Средиземного моря) и отчасти прилежащие области Турции к югу от гор Тавра; древняя Финикия примерно соответствовала современному государству Ливан; древняя Палестина занимала не только территорию, выделенную по решению Организации Объединенных Наций государству Израиль, а также территорию палестинских арабов, но и современную Иорданию (эта часть древней Палестины называется также «Заиорданьем»).

В природном отношении эти области весьма разнообразны. От Египта древняя Палестина была отделена пустыней; сама Палестина — страна природных контрастов: к западу от р. Иордан она занята нагорьем, а отчасти оазисами и плодородными долинами; плодородная низменность тянется и вдоль Средиземного моря. А на севере поднимаются нередко покрытые снегом вершины. Заиорданье было отделено от остальной Палестины глубокой, заросшей влажным лесом и чащами папируса впадиной р. Иордан и соленым Мертвым морем с его выжженными солнцем, почти безжизненными берегами; горное или холмистое Заиорданье было покрыто степной растительностью, постепенно переходя в Сирийско-Аравийскую полупустыню.

Финикия отгорожена от остальной Передней Азии высоким горным хребтом Ливана с кедровыми и прочими лесами, альпийскими лугами и снежными вершинами. Склоны Ливана, обращенные к морю, покрывала вечнозеленая средиземноморская растительность, и влажные морские ветры, приносившие дожди, делали ненужным искусственное орошение.

К востоку от Ливана расположена Сирия. Ее с юга на север прорезает долина между Ливаном и Антиливаном; в южной части она называется Бека'а, или Келесирией; здесь на юг течет речка Литани, прорывающаяся к морю, а на север — река Оронт (ныне аль-'Аси); за Антиливаном, в сторону Сирийской полупустыни, находился большой оазис Дамаска, а за ним шли бесплодные лавовые поля; караванный путь, которому обычно угрожали скотоводческие племена, проходил через маленький оазис Пальмиру в сторону среднего течения Евфрата. Излучина этой реки составляла в древности северо-восточную границу Сирии. Северная Сирия простиралась от Средиземного моря (куда, пройдя через ныне уже почти не существующие озера и болота, впадала, сворачивая к западу, р. Оропт) до гор Малоазийского Тавра и переправ через Евфрат. Устье Оронта широко открывало доступ ветрам со Средиземного моря в эту холмистую страну, и поэтому она была достаточно плодородна.

Уже из этого описания ясно, что Восточное Средиземноморье (под этим названием можно объединить все эти три исторические области) не представляло собой в природном отношении ничего целостного и единообразного; здесь встречались и пустыни, и плодородные низменности, и нагорья, и вечнозеленая растительность, и болота, и снежные горы. Но не существовало полноводных разливающихся рек, на основе которых могла бы возникнуть обширная ирригационная система, вынуждающая к созданию обширного государства с сильной центральной властью. Страна была в древности богата ценными породами леса, но полезных ископаемых здесь тогда открыли сравнительно мало; если через Сирию и Палестину провозили медь, то она шла либо с юга, с Синайского полуострова, либо с севера, от верховьев р. Тигр, либо с запада — с о-ва Кипр. Лишь позже и на юге Палестины стали добывать медь, железо и естественный асфальт. Зато здесь всегда проходили важнейшие караванные пути — из Египта в Малую Азию и Месопотамию и обратно. Заметим, что если в нашем представлении слово «караван» связывается с вереницей верблюдов, то древние караваны перевозили грузы на ослах; самых выносливых разводили на продажу в дамасском оазисе.

В пещерах Восточного Средиземноморья найдены едва ли не самые архаические останки «Человека разумного». Палестина, Сирия, Малая Азия, горы Верхней Месопотамии и области за Тигром были самой первой родиной скотоводства и особенно земледелия. К XI—X тысячелетиям до н.э. относится натуфийская культура (названная так по сухому руслу Натуф в Палестине), по мнению некоторых исследователей, созданная первыми носителями афразииских языков; натуфийцы жили в полуземлянках из глины, песка и камня, жали дикие злаки специальными деревянными серпами с кремневыми зубьями, возможно, начали приручать дикий мелкий скот. В Палестине (в Иерихоне), так же как в Чатал-хююке (в Малой Азии) и в некоторых пунктах Сирии, уже в VIII тысячелетии до н.э. существовали процветающие земледельческие поселки, иногда (как в Иерихоне) обнесенные мощными каменными стенами еще в раннем неолите. Есть

основание полагать, что именно Палестина-Сирия была центром расселения одной из групп племен, говоривших на афразийских языках,— семитов; отсюда они распространились по всему Аравийскому полуострову (южноаравийцы и арабы), Восточному Средиземноморью (западные семиты) и Месопотамии (аккадцы). Ни одно из этих племен первоначально не было вполне кочевым, хотя, чем дальше в глубь степей и полупустынь, занимавших в IV—III тысячелетиях до н.э. всю Аравию, тем большую роль играло овцеводство и тем меньшую — земледелие.

Однако в дальнейшем — может быть, в связи с постоянным движением племен и войск по сиро-палестинским тропам или в связи с недостатком сырья, необходимого для техники медно-каменного и затем бронзового века,— развитие общества здесь определенно замедлилось по сравнению с Южной Месопотамией и Египтом; во второй половине III тысячелетия до н. э. подлинные города-государства типа шумеро-аккадских возникли здесь лишь в Северной Сирии (где процветал, в числе прочих, важный город Эбла, связанный со Средней и Нижней Месопотамией), а также в одном пункте на финикийском побережье — в г. Библ, центре вывоза драгоценного кедра в Египет.

Изучение древнейших географических названий на этой территории и отчасти непосредственные данные египетских и месопотамских текстов заставляют считать, что Восточное Средиземноморье по крайней мере с III тысячелетия до н.э. было заселено различными группами западных семитов. Они могут быть классифицированы по некоторым особенностям их говоров; условно эти говоры можно разделить так: эблаитский говор оседлого населения Северной Сирии и Северо-Западной Месопотамии; аморейские говоры преимущественно скотоводческого населения этих же или несколько более широких территорий; ханаанейские говоры Палестины и Финикии; и арамейские говоры племен, выступивших на историческую арену несколько позже, а пока обитавших в глубине Аравийского полуострова в контакте с племенами арабов.

Помимо этого, с III тысячелетия до н.э. с гор вокруг озер Ван и Урмия (на территории совр. Турции и Ирана), а в конечном счете из Закавказья отдельными волнами через Верхнюю Месопотамию и Сирию шло продвижение хурритских племен, о которых речь шла в предыдущих лекциях; первая волна во второй половине III тысячелетия до н.э. достигла Северной Палестины. При династии Аккада (XXIII в. до н.э.) в Северную Сирию проникали месопотамские войска, а позже, при III династии Ура (XXI в. до н.э.), на Северную Сирию и Библ временно распространило свою власть царство Шумера и Аккада; несколько позднее начали свои набеги на Палестину фараоны египетского Среднего царства; Библ на некоторое время становится изолированным центром египетской культуры среди семитского населения (древние египтяне, как известно, говорили на афразийском языке другой, не семитской ветви). Однако к концу III

тысячелетия до н.э. Библ и его египетский храм были сожжены: возможно, именно тогда, как гласит предание, на берегах Средиземного моря обосновалась та группа племен, вышедших из Северной Аравии и говоривших на западносемитском наречии ханаанейской группы, которая позже носила имя финикийцев. Севернее Библа сохранился говор аморейского типа, в частности в г. Угарите, впоследствии удачно соперничавшем с Библом.

К концу III тысячелетия до н.э. уже все Восточное Средиземноморье покрывается сетью раннеклассовых городов-государств; города были укреплены стенами, в центре их — святилища и резиденции местных правителей, окруженные лепящимися друг к другу глинобитными и кирпичными домами, обычно двухэтажными, с открытой или зарешеченной галереей на верхнем этаже, где обитали хозяева. В нижнем, часто каменном, хранились запасы и ютились рабы. Города были расположены почти исключительно по долинам; нагорья были мало населены, а по окраинам — в дамасском оазисе, Заиорданье и в других областях на краю пустыни — люди жили в шатрах и весной, когда степи цвели, откочевывали со стадами от засеянных в оазисе полей. Жизнь этих племен красочно описана в древнеегипетской «Повести о Синухете», а позже — в повествованиях Библии о племенных патриархах.

Основной ячейкой общества пастухов-амореев этого времени была родовая община, составлявшая часть племени, а иногда и племенного союза. Власть главы патриархальной большой семьи распространялась помимо его жен и детей также на семьи сыновей, на чужаков, присоединившихся к роду или усыновленных им, на рабов и рабынь. Патриарх распоряжался жизнью и смертью и всем имуществом этих лиц. Делами племенной общинной группы ведал совет «старцев» и вождь, которого выкликали на сходке всех взрослых мужчин-воинов. Время от времени вокруг того или иного предводителя складывались боевые дружины, которые могли явиться ядром родо-племенного ополчения. Иной раз споры между соседями решались единоборством силачей с той и другой стороны.

Оседлое земледельческое население, однако, преобладало. Крупнейший город Северной Палестины — Хацор занял к этому времени площадь в 50 га, очень большую по тогдашним временам. Хацор вел торговлю далеко — даже с Мари на Евфрате. В Финикии и приморской Сирии не только Библ, но и Угарит и ряд других поселков превратились хотя и в гораздо меньшие, чем Хацор (обычно раз в десять), но процветающие городки. Причиной расцвета было раннее развитие торговли в Финикии, и прежде всего с Египтом: финикийцы возили туда на кораблях строительный лес, и египтяне стремились держать в Библе своих царских чиновников. В то же время, как показывают торговая переписка из Каниша в Малой Азии и известия о постоянном следовании египетских царских людей через пастушеские районы, сухопутная торговля через Сирию как с Египтом, так и с Месопотамией и Малой Азией тоже имела серьезное значение. Важнее

всего была, конечно, торговля транзитная, но и сама Сирия торговала лесом, вьючными ослами и слоновой костью (в Сирии тогда ещё водились слоны). В соответствии с направлениями торговли, если на побережье ощущалось египетское влияние (в Библие найдено много египетских надписей), то во внутренних частях страны — также и аккадское: здесь не только много людей умели говорить по-египетски, но встречались и такие, кто мог писать клинописью.

Еще недавно считалось, что в III тысячелетии до н.э. внутренняя Сирия не достигла уровня классовой цивилизации; эта точка зрения изменилась после находок итальянской экспедицией на городище Тель-Мардих, под которым скрывался древний город Эбла. Раскопки эти вызвали международную сенсацию, так как распространился слух о том, что найден центр неизвестной ранее империи и что тексты из Эблы якобы подтверждают некоторые библейские легенды. При ближайшем изучении материала предположения эти не подтвердились, а для науки оказалось важным главным образом то, что теперь установлено существование в Сирии уже в III тысячелетии до н.э. цивилизации, не связанной с речной ирригацией.

Тексты из Эблы писаны шумерским письмом, сохраняющим архаические особенности времен РД II, хотя они современны периоду РДIII в Нижней Месопотамии (XXVI—XXIII вв. до н.э.); но предназначены эти тексты для чтения по семитским правилам, однако не по-аккадски, а на ранее неизвестном семитском языке, который условно назван «эблаитским». Большинство текстов — хозяйственные документы, хотя имеются также шумеро-эблаитские словари и небольшое число религиозных текстов.

Эбла представляла собой город-государство, вероятно наиболее сильное в пределах земель по Евфрату, вплоть до долины р. Оронта: от Мари на среднем Евфрате до Катны в Южной Сирии; именно эти земли, возможно, соответствуют ареалу распространения «эблаитского» языка, но государственные пределы самой Эблы были значительно меньше. Вокруг городов здесь обитали уже тогда аморейские скотоводческие племена.

Территория собственно Эблы делилась на центральную (название не поддается прочтению) и периферийную, шум, урубар, Обе части земли были подчинены дворцу (или дворцу-храму), но первая входила в дворцовое хозяйство непосредственно, а люди земли уру-бар были лишь обязаны поставками дворцу; многие из них были оседлыми скотоводами. Существовала ли еще земля, вовсе дворцу не подчиненная, — из документов не видно. Положение лиц, работавших на дворец, видимо, походило на илотское, но это подлежит еще уточнению.

Правитель Эблы носил титул маликум, буквально «тот, кому советуют»; в большинстве позднейших семитских языков, кроме аккадского, этот термин означает «царь», в отрезках текстов,

писанных по-шумерски, он называется эн. При маликуме Эблы состояло два советника (в других городах — несколько) и ряд начальников, шаррум (по-шумерски лугадь).

Дворец Эблы выходил на небольшую площадь, обнесенную лоджиями, под одной из них был постамент — возможно, для кресла правителя: здесь принимали послов и купцов из-за рубежа и, вероятно, поставщиков дани из владений самой Эблы. Сам дворец имел усложненную планировку «нанизываемой» структуры — к нему постоянно пристраивались новые помещения, и в конце концов он стал «сползать» с холма-цигадели на плоскость (в пределах городских стен).

Эбла была крупным центром международной торговли; в документах часто упоминаются странствующие торговцы, лу-кар — «люди пристани (рынка)». Во дворце были найдены большие запасы необработанного бадахшанского лазурита (из Афганистана) и обломки алебастровых сосудов из Египта, в том числе с надписями фараонов Хефрена и Пиопи I.

Однако такие товары привозили иноземцы, а не эблаитские торговцы и купцы: просмотр документов показывает тесные связи Эблы только с городами Северной (сирийской) Месопотамия (Абарсаль, Мари), а также с областью за Тигром (Гасур) и с северным Шумером (Киш). Даже Угарит, всего в нескольких десятках километров к западу от Эблы на побережье Средиземного моря, упоминается только в словарном списке названий местностей, но не в деловых документах (этот список восходит к тому же к нижнемесопотамской писцовой традиции). Ни разу не упомянуты ни Библия, ни другие города Палестины и Сирии, не говоря уже о Египте, Малой Азии или Иранском нагорье. Египетские и подобные изделия попадали в Эблу, очевидно, через многих посредников.

Из сообщений царей династии Аккада (Саргона Древнего и Нарам-Суэна) следует, что они совершали походы против Эблы и есть все основания считать, что Эбла была разрушена в правление ее последнего царя, Ибби-Зикира, Нарам-Суэном аккадским в конце XXIII в. до н.э. После этого Эбла вновь возродилась в начале II тысячелетия до н.э., но уже никогда не имела прежнего значения. Население ее к этому времени слилось с окружающими амореями.

В начале II тысячелетия до н.э. в Северной Сирии выдающуюся роль играет могущественное государство Ямхад со столицей в г. Халебе — аморейское по составу населения, аккадское по культуре. А в Южную Сирию (Катна) и даже вплоть до финикийского побережья проникает политическое влияние верхнемесопотамского царя Шамши-Адада I.

В городах-государствах Сирии, о которых мы имеем мало письменных данных (исключение составляют недостаточно изученные

архивы XVIII в. до н.э. из г. Алалаха к северу от нижнего Оронта), социальное устройство было, по-видимому, очень сходным с описанным ранее (лекция 8) для хурритского общества Аррапхэ. Это объясняется не только тем, что в Алалахе жило много хурритов, но прежде всего одинаковым характером экономики и уровня ее развития. Любопытно, что здесь царь города иногда жаловал или продавал своим имущественным агентам или просто приближенным целые общины; документы сформулированы именно как сделки дарения или купли-продажи, хотя полагают, что на самом деле речь идет лишь о передаче права получать с этих селений налоги и повинности. По-видимому, существовали как обратимые, так и необратимые сделки об отчуждении земли, иногда скрывавшие изъятие имущества за долги. Ростовщичество было сильно развито. Давали в долг и отдельные хозяева, и целые сельские общины. Очевидно, происходило интенсивное имущественное расслоение общества с обнищанием рядовых общинников; многие из них бежали и становились хапиру (От высказывавшегося ранее предположения о том, что будто в термине хапиру следует видеть древнейшую форму этнического названия «еврей», большинство современных исследователей решительно отказались, и оно поддерживается лишь немногими.), скрываясь в кустарниках Сирии.

Между концом XVIII и началом XVI в. до н.э. произошло просачивание в дельту Пила вооруженных скотоводческих племенных групп — так называемых гиксосов — из Палестины или с Синая. Боевые отряды пришельцев постепенно захватили власть в северных номах Египта, и их вожди стали присваивать себе фараонские титулы. В Египте гиксосы потеряли свою этническую обособленность и слились с местным населением. Остается неясным, в какой мере они сохраняли господство и в местах своего первоначального обитания. Но именно в это время наблюдаются признаки роста благосостояния в городах и сельских местностях Палестины; однако богатые, обширные и комфортабельные дома знати контрастируют с жалкими хижинами бедноты: процесс резкого имущественного расслоения шел и здесь. Палестина не была в это время политически единым целым. На частые междоусобные войны указывают мощные укрепления городов и археологические следы их разновременного разрушения неприятелями. Возможно тем не менее, что палестинские города поминально признавали верховную власть гиксосского царя в г. Аварисе; вторым гиксосским центром могла быть Газа в южной части палестинского побережья.

Митанни и Фараонский Египет.

Во второй половине XVII в. до н.э. царство (или царства) гиксосов в Египте начинает клониться к упадку. С начала XVI в. в Восточном Средиземноморье появляется сразу несколько новых важных политических факторов.

На севере хурритская держава Митанни поглотила мелкие аккадские, хурритские и аморейские царства, не исключая могущественного некогда царства Ямхад за Евфратом, державшего ключи от Сирии. Идри-Ми, один из царей Алалаха этого времени, рассказывает в своей надписи, как в городе его произошел переворот, как он вынужден был бежать на колеснице с одним верным возничим к горным хапиру и провел там несколько лет, прежде чем снова смог овладеть городом, но уже, по-видимому, на условиях признания верховенства Парраттарны, царя Митанни.

Непосредственно государственная власть Митанни к западу от Евфрата вряд ли была когда-либо прочной, но распространение митаннийского влияния было значительным, индоиранские и хурритские имена династов встречаются вплоть до конца XV в. до н.э. в самых разных городах обеих этих стран, притом что языками населения Сирии и Палестины оставались ханаанейские (на юге) и аморейские (на севере), западносемитские говоры (лишь отчасти также хурритские). Такое положение объясняется скорее всего тем, что династы были родичами митаннийских царей, потому что живого индоиранского языка за пределами Иранского нагорья в Передней Азии этого времени не существовало.

Возвышение Митанни совпало со временем, когда были сделаны два важных изобретения, способные обогатить Сирию и Финикию. Около XVIII—XVII вв. до н.э. хурриты Верхней Месопотамии изобрели способ изготовления мелкой посуды из непрозрачного цветного стекла; эта техника распространилась впоследствии также в Финикии, Нижней Месопотамии и Египте, но в течение некоторого времени хурриты и финикийцы были монополистами в международной торговле стеклянными изделиями. Не позже конца XVI в. до н.э. в Финикии открыли способ окраски шерсти в лилово-красный и лилово-синий цвет пурпуром — краской, добываемой из морского моллюска. В связи с этим большое хозяйственное значение приобретает ввоз дешевой некрашеной шерсти из скотоводческих районов Сирии (вероятно, и с Крита, а позже из всей Передней Азии) в Финикию и экспорт оттуда пурпурной шерсти (сама краска была нетранспортабельна). В маленьких городках ханаанейской Финикии стали скапливаться большие запасы хлеба и мегаллических изделий, поступавших в изобилии в обмен на пурпурную шерсть. Начинается оживленная торговля (а также и разбой) финикийцев в более отдаленных частях Средиземноморья. Примерно с 1400 г. до н.э. в Сирии и Палестине как свидетельство происходившей торговли появляется микенская и кипрская керамика; весьма вероятно, что финикийцы стали ввозить морем также испанское олово, что удешевило изготовление бронзы в Передней Азии (но это, может быть, происходило уже позже).

Взросшая роль купцов замедлила развитие в Финикии монархического строя месопотамского или египетского типа: хотя почти в каждом городке были цари, по в целом управление в них

носило олигархический характер с известными пережитками первобытной демократии.

Расцвет ханаанейских городов Палестины и Финикии, аморейских и хурритских городов Сирии, которого можно было ожидать в этих условиях, не состоялся из-за начавшегося вскоре после 1600 г. до н.э. египетского завоевания. Гиксосская власть в Египте была уничтожена, и фараоны новой XVIII династии перешли от отдельных набегов к планомерному наступлению на Палестину — Финикию — Сирию. Фараон Яхмес I занял последний оплот гиксосов в Южной Палестине, в последней четверти XVI в. фараон Тутмосис I совершил поход до самого Евфрата; после мирного правления женщины-фараона Хатшенсут со времени ее преемника Тутмосиса III начинается длительное кровавое и систематическое разорение ханаанейских городов. Каждый египетский поход завершался не включением пройденной территории в состав Египта, а лишь грабежом сел и городов (особенно дворцов), угоном скота и людей. Административные мероприятия фараонов были весьма примитивны. Было создано несколько египетских крепостей, контролировавших основные дороги и перевалы. Наличие гарнизонов побуждало местных правителей в течение возможно более длительного времени умиротворять завоевателя дарами и данью; в виде гарантии к египетскому двору забирали в качестве заложников их детей: сыновей воспитывали в духе преданности фараону, дочерей отдавали в его гарем. Но фараоны никогда не пытались распространить внутреннюю административную систему египетского государства на Палестину и Сирию в целом. Небольшие отряды, которые они держали при дворах отдельных царьков, имели значение скорее наблюдательное — взимание налогов, например, не входило в их задачи: и ценности, и рабочая сила выкачивались из Палестины, Финикии и Сирии не регулярным обложением, а более или менее постоянными воинскими походами, сопровождавшимися грабежом и погромами на уже покоренной территории. Списки добычи, высеченные на стенах египетских каменных храмов (хотя, вероятно, не вполне достоверные по приводимым в них цифрам), перечисляют цветные ткани, лес. колесницы, слоновую кость и изделия из нее, золотые и серебряные изделия во множестве, большие количества зерна, масла, десятки и сотни тысяч угнанных людей, сотни тысяч голов скота. Царьки и их знать, несомненно, старались наверстать потерянное усиленной эксплуатацией и закабалением своих же граждан, попадавших в неоплатные долги. Значительная часть населения городов и окрестных сёл, как видно, бежала из них, пополняя ряды хапиру. Потери сиропалестинских государств от египетских нашествий к концу XV в. до н.э. составили уже, видимо, огромный процент населения (Любопытно, что, несмотря на приток десятков тысяч пленных («сотни тысяч» в военных реляциях, возможно, следует считать преувеличением) и на богатую добычу, население Нильской долины, по-видимому, не росло: очевидно, смертность среди эксплуатируемого населения была очень велика).

Хотя фараонам удалось оттеснить митаннийские силы за Евфрат, сломить Митанни они не сумели. Митаннийские цари поддерживали постоянную связь с силами неорганизованного, но непрекращающегося сопротивления фараонам в их собственном сиропалестинском тылу. Однажды египетским воинам удалось, например, схватить агентов митаннийского царя, несших на шейных шнурках глиняные таблички с клинообразным текстом писем местным царькам. Главное же заключалось в том, что, чем роскошнее и богаче была добыча фараона, тем более замирала торговля по сиропалестинскому пути, а без нее страна была недостаточно богата, чтобы непрерывно снабжать Египет всеми видами ценностей. В конце концов фараон Тутмосис IV был вынужден договориться о мире и разделе сфер влияния с митаннийским царем Артадамой I. Северная Сирия с выходом к Средиземному морю осталась в зоне Митанни, а в своей зоне египетские фараоны сделали попытку наладить выкачивание средств без ежегодных военных погромов.

Конец XV — начало XIV в. до н.э. выделяются обычно в истории Палестины — Финикии — Сирии в качестве «Амарнского периода» по тому формальному признаку, что это время довольно подробно освещено дипломатическими клинописными документами, сохранившимися частью на городище Телль-Амарна в Египте (древняя столица фараона Аменхотепа IV— Эхнатона), частью на городище Богазкёй (древняя столица царей Хеттской державы). Участники дипломатической переписки пользовались клинописью и разными языками: касситские и митаннийские цари — аккадским (митаннийские — также и хурритским), хеттские — аккадским же и хеттским, царьки Восточного Средиземноморья — странным, искусственным полуаккадским, полуханаанейским языком.

В это время фараон держал своих резидентов в трех пунктах — на юге Палестины, на юге Сирии и на севере Финикии. В остальном порядок управления оставался прежним. Любопытно, что любого местного сиропалестинского правителя могли именовать тремя разными обозначениями: для фараона он был «человек такого-то города», в дипломатических документах — «градоначальник», а для собственных подданных — «царь». Только правитель Хацора решался называть себя «царем» даже в письмах к фараону. Власть градоправителя, во всяком случае, всегда была ограничена советом старейшин, а в ряде случаев совет или даже «сыны города» (т.е. народное собрание) преспокойно правили городом и без царя и даже непосредственно сносились с другими правителями и с великими державами. Из палестинских городов-государств важнее других были Газру (Гезер), Лахиш, Иерусалим, Мегиддо, Хацор, в Финикии—Библ; важный торговый пункт Угарит на Средиземноморском побережье Сирии принадлежал скорее к митаннийской зоне влияния; в Южной Сирии особое значение имел город Кинза с ханаанейским прозвищем «Священная» (Кудшу; более известен под условным египтологическим обозначением Кадеш). Кинза-Кадеш закрывала доступ с юга в долину р. Оронта.

Народное движение Хапиру.

В самом начале XIV в. до н.э. в горах между Финикией и Сирией возникло новое, весьма любопытное государство. Основное его население составляли хапиру; а так как они не имели определенного единого племенного или территориального происхождения, то и название новое государство получило весьма неопределенное — Амурру; до конца XV в. это по-аккадски означало просто «запад, место обитания пастушеских племен» (которые поэтому назывались «амореями», т.е. «западными»; их самоназванием, видимо, было «сутии»). Хапиру уже и раньше, где могли, образовывали собственные самоуправляющиеся общины; часть из них шла на военную службу к местным царям (преимущественно подальше от фараонского Египта), и все они были враждебны царской власти вообще и фараонской в особенности.

Этими-то хапиру решил воспользоваться как орудием честолюбивый создатель царства Амурру — Абди-Аширта. По донесению, полученному фараоном Аменхотепом III, он произнес перед своими сторонниками такую речь: «Соберитесь, и нападём на Библ. И если там не будет человека, который освободил бы его из рук врага, то выгоним градоначальников из их областей, и тогда все области присоединятся к хапиру; и пусть настанет «справедливость» для всех областей, и пусть будут в безопасности (от порабощения) юноши и девушки навеки. А если фараон выйдет против нас, то все области будут ему враждебны — что же он тогда сможет нам сделать?» Под термином «справедливость» в древней Передней Азии, как уже было сказано, понималось прежде всего освобождение от долгов и возвращение заложников, а по возможности также и отнятых или скупленных земель. Итак, подданным всех мелких государств предлагалось перебить своих «градоначальников» (царьков) и стать вольными хапиру, долговая кабала должна была быть отменена, а военной силе противопоставлено единодушие восставших. Неудивительно, что фараонское правительство издавна преследовало, ловило и отправляло хапиру на рабский, каторжный труд, например в каменоломни.

Абди-Аширта, а после него его сын Азиру в своих письмах фараону из осторожности прикидывались его верными слугами, но одновременно через своих агентов систематически призывали население убивать своих «градоначальников», что и происходило там и сям по всей Финикии и Палестине; кое-где дело доходило до выступлений отдельных вооруженных групп рабов.

Между тем в 60-х годах XIV в. до н.э. хеттский царь Суппилулиума I начал разгром союзника фараонов — царства Митанни. Амурру оказалось в позиции буфера между Хеттской и Египетской державами, однако царь его Абди-Аширта занял прохеттскую позицию. С самого начала хеттского наступления на Сирию всем стало ясно, что хеттская власть легче египетской. Хеттский царь определял свои отношения с

подчиненными письменными договорами, скрепленными страшной клятвой именами всех богов, которым поклонялись договаривающиеся стороны, и в общем соблюдал договоры. Дань, которую взимали хетты, и воинские контингенты, которых они требовали, — все это было гораздо менее тяжело, чем тот грабёж, который учиняли фараонские войска и чиновники. Поистине дорогой ценой обошлось Восточному Средиземноморью высокохудожественное, роскошное убранство фараонских дворцов и гробниц! Хетты пока еще не привыкли к подобной роскоши, и их держава представляла такой же конгломерат союзных, хотя и неравноправных, государств, как до нее держава Митанни. Азиру, второй из царей Амурру, к тому времени крупнейшего государства Сирии, платил хеттскому царю 2,5 кг золота в год, цену около сотни рабов, — это много; но фараону он должен был бы заплатить гораздо больше. Понятно, что почти все слои населения Восточного Средиземноморья, за вычетом фараонских приверженцев из знати, предпочитали владычество хеттов.

Аменхетеп IV, занятый своей утопической религиозной реформой (о которой см. в следующей лекции), не хотел или не мог послать достаточно войск, чтобы удержать азиатские владения Египта. Но Суппилулиума I их пока не захватывал: нужно было покончить с Митанни. Азиатская империя фараонов разваливалась под ударами Азиру и дамасского владетеля, тоже окружившего себя отрядами хапиру. В Финикии на сторону хапиру перешел царь Сидона — и не с тех ли пор значение Сидона превзошло значение Библа на Средиземном море? Несмотря на бездействие фараонских властей, большинство царьков, слишком скомпрометировавших себя сотрудничеством с захватчиками, сохраняли верность Египту, но земля горела у них под ногами.

По следам хапиру хеттские войска начали наступление на юг. Около середины XIV в. они продвинулись до Северной Палестины. О хапиру мы с тех пор более почти не слышим — очевидно, они слились с остальным ханаанейским населением; возможно, им удалось несколько улучшить свои условия существования или даже частично вернуться по домам; но, конечно, коренного изменения общественного строя не могло произойти. Царство Амурру стало обычным небольшим сирийским государством и просуществовало, сохраняя выход к Средиземному морю, до конца XII в. до н.э.

Хетты и Фараонский Египет.

После падения XVIII династии Египта фараоны следующей, XIX династии — Сети I и Рамсес II — должны были начинать завоевание Палестины, Финикии и Сирии наново. Положение хеттов в Сирии тоже было далеко не просто, и хеттским царям приходилось вести сложную политическую игру. После уничтожения Митанни переправам через Евфрат в Северную Сирию стала угрожать новообразованная Ассирийская держава, а сирийские государства усвоили, что, хотя хеттское господство мягче египетского, оно жестче митаннийского: все

договоры с Хеттской державой содержали условие, лишавшее подчиненное государство права на самостоятельную внешнюю и тем более военную политику, а также и другие пункты, сильно ограничивавшие его самостоятельность. В результате ряд сирийских царств отложился от хеттов, и их приходилось силой приводить к покорности; царство Амурру лавировало между Хеттской и Египетской державами.

Главной опорой хеттов в Сирии стал город Каркемиш на Евфрате, где царями сидели хеттские царевицы; другой такой опорой для себя хетты хотели бы видеть приморский город Угарит. Государственный архив Угарита дал нам ценные сведения о сирийском обществе XIV—XIII вв. до н.э.

В самых общих чертах устройство угаритского общества видно из дипломатического послания хеттского царя Хаттусили III к царю Угарита. Из условий соглашения, которое предлагает Угариту хеттский царь, явствует, что, с его точки зрения, угаритское общество состояло из: 1) «рабов (т.е. служащих) царя»; 2) «сынов (т.е. свободных граждан) Угарита»; 3) «рабов рабов царя», т.е. рабов царских служащих; возможно, сюда включалась и вообще низшая категория работников царского хозяйства, состоявшая под надзором и властью царских служащих; 4) купленных частных рабов. Оговорены случаи бегства людей каждой из этих категорий в общины хапиру, состоящие под покровительством хеттского царя, причем последний обязуется таких беглецов выдавать.

По документам нам хорошо известно о сборе коллективных налогов (натурой и отчасти серебром) с угаритских общин и вызове их членов на общегосударственные повинности («хождение», по-аккадски ильку(В старовавилонское время илькум называлась не повинность населения, а служба в воинах за надел из царской земли.), по-хурритски унушше). Важнейшими повинностями были воинская, гребцовая и трудовая на государственных работах; отбывавшие их содержались казной. На повинность выделялись представители отдельных большесемейных общин — по-видимому, по выбору этих последних. Управлялись общины старейшинами и особым посредником между общиной и царской властью — сакину (то же, что шакин мати в Аррапхэ, см. лекцию 8); таково же было и управление Угаритского государства в целом, но здесь рядом с сакину стоял царь, что не мешало иногда вести внешние сношения непосредственно совету старейшин или сакину.

В число «царских людей» (в отличие от хеттского царя сами угаритяне не называли их «царскими рабами») входили пахари, пастухи, виноградари, солевары, различного рода ремесленники, но также воины, в том числе и колесничие, называвшиеся хурритским термином марианна; колесницы, коней и все снаряжение они получали от казны. Судя по именам, они были амореями и хурритами; они, несомненно, не были «индоарийской конной феодальной

аристократией», как их изображали в науке раньше. Каждая профессиональная группа имела своего «старшего». Все «царские люди», не исключая и марианна, несли не «повипность» (ильку), а «службу» (пильку)(Ряд исследователей отождествляет ильку и пильку, как нам кажется, неоправданно.) и, кроме того, платили государству серебром: в то же время они могли получать условные земельные наделы (убадийу); человек, не выполнявший своей службы, объявлялся «лежебокой» (наййалу), и его надел царь передавал другим лицам. «Царские люди» могли иногда быть переданы в «пользование» крупным сановникам двора, которые и сами, впрочем, были «царскими людьми». Некоторые сановники, особенно имевшие отношение к морской международной торговле, за большие деньги скупали земли, в том числе и царские, т.е. связанные с определенной службой (скупали у служащих, но за мзду царю). Однако правовое положение таких земель оставалось, по-видимому, неясным самим угаритянам, и иногда требовалось новое оформление таких сделок при вступлении на престол нового царя.

Воинской повинности подлежали как общинники, так и «царские люди», за исключением освобожденных от нее особой привилегией. В результате усиления Каркемиша, в сферу гегемония которого попал и Угарит, влияние последнего в дальнейшем упало.

Между тем наступление Египта, начатое около 1300 г. фараоном Сети I, получило дальнейшее развитие при Рамсесе II. Таким образом, положение ханаанейских городов Палестины оказалось хуже, чем положение аморейско-хурритских городов Сирии; снова начался безудержный фараонский грабеж, резня и угон людей. После того как в битве при Кинзе-Кадеше Рамсес, едва не попав в расставленную ему ловушку, сумел все же разбить хеттов и их союзников, он еще около полутора десятков лет ежегодными походами разорял местное население не только в Палестине, но и в Сирии. В конце концов Хаттусили III, царь хеттов, побуждаемый к тому ассирийской угрозой с фланга (из-за Евфрата), договорился с Рамсесом II о мире (1296 или 1270 г. до н.э.).

Переселение «заречных племён» и «народов Моря».

Вскоре после правления Рамсеса II (конец XIV — начало XIII в. до н.э.) начинается вторжение в Палестину большой группы скотоводческих племен, двигавшихся из заиорданских степей. Об этом вторжении имеются как достаточно подробные археологические данные, так и исторические предания, записанные на 400—500 лет позже по изустным сказаниям и сохранившиеся до нашего времени в составе Библии.

Отношение к библейским историческим преданиям и в наши дни колеблется от безоговорочного признания их достоверности до полного отрицания всякой их ценности для историка. В действительности именно потому, что это предания, и притом

использованные в острой позднейшей идеологической борьбе, каждое из них может быть привлечено историком в той мере, в какой его возможно проконтролировать, хотя бы частично, независимыми источниками — археологическими памятниками или же иноязычными письменными свидетельствами современников событий.

Еще в середине XIX в. было ясно, что библейские повествования о патриархах, предках различных еврейских, арамейских и арабских племен, являются отражением общесемитских сказаний. Такие сказания основаны на запоминании родословий, что у кочевников входило в обязательный круг знаний каждого. Подобные генеалогии дошли до нас не только из Библии, но и от династий Хаммурапи и Шамши-Адада I в Месопотамии, возводивших себя к аморейским (сутийским) предкам, а также известны и по сей день у арабов-бедуинов. Анализ библейских родословий, содержащихся в «Книге Бытия» (она открывает собой наиболее «священную» часть Ветхого завета, чтимого как иудеями, так и христианами, — «Пятикнижие», или «Тору»), показывает, что и эти родословия в своей основе принадлежат сутийским племенам, ибо их первопредок, сын первочеловека Адама, Сиф (др.-еврейск. Шет) — не кто иной, как Суту, или Шуту, мифический предок-эпоним сутиев, т.е. амореев.

Исходя из этого, а также из наличия в Библии ряда преданий о происхождении племен-предков из Месопотамии, некоторых мифов несомненно месопотамского происхождения (миф о Потопе) и других данных, можно предположить, что племена, во второй половине XIII в. появившиеся в Заиорданье, а затем вторгнувшиеся в Палестину, в конечном счете должны быть отождествлены с племенами амореев-сутиев Верхней Месопотамии, вытесненными оттуда в XVI—XIV вв. митаннийскими хурритами и касситами. В самом деле, вавилонские документы этого времени свидетельствуют об исчезновении аморейских пастушеских племен из Месопотамии, а сменившие их арамейские пастушеские племена из более южных аравийских оазисов появляются тут отдельными группами с XIV в., а в массовом масштабе — лишь с конца XII в. до н.э.

Сутийские племена, находившиеся в XIII—XII вв. в Заиорданье, обозначались как 'ибри. Это буквально значит «перешедший (через реку)» (под рекой понимается, конечно, не Иордан, которого они тогда не переходили, а Евфрат), т.е., по существу, «пришедшие из Месопотамии». Но понятие 'ибри здесь отнюдь не равнозначно еврейскому народу позднейших времен (др. еврейск. 'ибри, совр. иври)—под этим обозначением имеются в виду все потомки легендарного патриарха Авраама и даже его отдаленного, еще более легендарного предка Эбера (это имя значит «Переход (через реку)»), а по библейскому, как и по позднейшему кораническому преданию, Авраам считался предком не только израильских, но также и арамейских и арабских племен. Однако часть бывших верхнемесопотамских племен (например, диданы, известные в Месопотамии со времен III династии Ура) ушла в пустыню, смешалась

с арамеями и арабами; часть осела в Заиорданье (моавитяне и аммонитяне) и к югу от Мертвого моря (эдомитяне, или идумеи); все они утратили обозначение «перешедших реку», и оно в конце концов осталось только за евреями — одной определенной группой племен (или «колен»), той, что возводила себя к легендарному патриарху Иакову, или Израилю, внуку Авраама, и дольше многих странствовала, прежде чем окончательно осесть.

Согласно позднему преданию, ставшему твердым убеждением всех израильтян, их предки поселились было в области Гошен, или Гесем (Эти формы названия употреблены в еврейской и греческой версиях Библии, и обе отождествлены в египетских текстах.), принадлежавшей Египту, на восточной окраине Дельты, и там, баснословно размножившись (от 12 мужчин за четыре поколения произошло якобы 643550 воинов!), попали в «рабство» в качестве «царских людей», использовавшихся египтянами на повинностных работах (в Библии в этой связи упоминается строительство двух городов, в действительности основанных при Рамсесе II). Затем они были чудесным образом выведены оттуда «пророком» Моисеем, израильтянином, воспитанником египетской царевны и мужем мидианитянки (мидианитяне были, по-видимому, североарабским племенем). Моисей якобы возобновил «завет» (договор) израильских племен с богом Яхве, заключенный первоначально будто бы еще с Авраамом; согласно этому договору бог Яхве обещал отдать израильтянам Палестину, а они за это обязывались не поклоняться никакому иному богу. Так как израильтяне не соблюли своего обязательства, то Моисей объявил, что они сорок лет — пока не вымрут все согрешившие — должны будут скитаться по синайским и заиорданским пустыням и лишь новое поколение войдет в Палестину. Моисей также получил от Яхве различные этические и юридические рекомендации относительно оседлой будущей жизни в Палестине.

Приведенный рассказ — миф, притом изложенный лет на триста-четыреста позже предполагаемых событий; пока никакие объективные свидетельства и внешние данные не могли его подтвердить, и доискиваться в нем рационального зерна бесполезно (как и во всяком мифе): если оно и существует, то мы не располагаем критерием, при помощи которого могли бы определить, в чем оно заключается. Но дальше начинаются предания, которые уже можно контролировать с помощью археологических данных. Конечно, в библейском тексте события с конца XIII по X в. до н.э. изложены со смещением, искажением исторической перспективы (что обычно для преданий), многие события забыты, многие однородные факты соединены в один, реальное перемешано с явными легендами. Тем не менее канву повествований, относящихся к событиям этого времени, как они описаны в библейских «Книге Иисуса Навина» и (в меньшей мере) в «Книге Судей», все-таки составляют воспоминания о действительных событиях, а не сказочные мотивы.

Очевидно, племенному вторжению в Заиорданье, а затем в собственно Палестину должны были предшествовать консолидация племен и образование самого израильского племенного союза, признававшего общее божество — Яхве. Районом консолидации был, вероятно, скотоводческий оазис Кадеш-Барнеа на севере Синайского полуострова; в этом предание, вероятно, отражает историческую действительность; но первоначальный состав племенного союза подлежит большому сомнению. Действительная картина вторжения, как она рисуется по археологическим данным, сильно отличалась от изображаемого Библией согласного одновременного движения двенадцати племен, возглавляемых преемником Моисея — Иисусом Навином (др.-еврейск. Иешуа бин Нун). Племена первой волны вторжения перешли через Иордан у Иерихона; стены его обрушились, конечно, не от библейского трубного гласа, а в результате подкопа; одновременно был разрушен город Бетэл, и вторгнувшиеся продвинулись в центр Палестины. Образовавшаяся отдельная группа племен (Ефрем, Манассия, Вениамин) впоследствии производила себя от Иакова и его любимой младшей жены Рахили. Вслед за этим, видимо, последовало второе вторжение с Синая в Заиорданье; если первая группа прошла Заиорданье беспрепятственно, то вторая проходила его с боями. Только часть племен этой группы перешла затем Иордан; из них два племени разместились в районах к западу от Иордана и к востоку и северу от племени Манассия. Третье племя — Иехуда (Иуда) — повернуло на юг, разрушая по дороге города, и заняло все южнопалестинское нагорье к юго-западу от Мертвого моря. Не совсем ясна судьба еще двух племен, впоследствии, видимо, утративших самостоятельное существование. Кроме того, в состав племени Иуда, по-видимому, влилась первоначально эдомитская группа калевитов (кеназитов), пришедшая на нагорье не через Иордан, а с юга. Вся эта группа племен возводила свое происхождение к Иакову и его старшей жене Лии. Четверем племенам (в Финикии (где, видимо, вовсе не поклонялись богу Яхве), на юге Палестины и в Заиордапье; четвертое племя жило сначала на юго-западе, потом на севере Палестины.) приписывалось происхождение от наложниц Иакова; все четыре жили на окраинах племенного союза и, возможно, были местными аморейскими племенами, присоединившимися к союзу лишь после его внедрения в Палестину (Некоторые из них не имели предания о пребывании в Египте.).

В Палестине израильтяне (видимо, часть аморейско-сутийских племен) встретили главным образом ханаанейское и аморейское население, жившее здесь и раньше (Библия упоминает среди доизраильского населения Палестины также хеттов, хурритов и еще какие-то неизвестные племена, но объединяем их всех под общим названием ханаанейских.). Разница между говорами ханаанеев и амореев была невелика. Многие боги были общими. Позднейшая традиция уверяет, что вторгнувшиеся израильтяне по повелению Яхве якобы вырезали всё ханаанейское население. И в самом деле,

разрушения в ханааненских поселениях были произведены громадные. Однако до истребления всего населения и даже до уничтожения всех городов дело в действительности не доходило. Легкость завоевания ханаанейских городов-государств с их давними культурными и военными традициями объясняется, очевидно, полным их разорением и уменьшением численности самих ханаанеев в результате непрерывных военных погромов в течение предшествовавших трех с половиной столетий. Но наиболее важные ханаанейские города не были завоеваны «заречными» племенами; некоторые из городов откупались данью или обязательством выходить на повинности, а некоторые, как расположенный на неприступной скале Иерусалим, город племени иевуситов, остались независимыми. Племя Манассия фактически не овладело почти ни одним значительным населенным пунктом, и половина его была вынуждена уйти обратно за Иордан.

Можно сказать, что завоеватели освоили ранее слабо заселенное нагорье; долины остались в значительной мере в руках ханаанеев, и те не без успеха переходили в контрнаступление. Их поддержал в последней четверти XIII в. до н.э. египетский фараон Мер-не-Птах, вторгшийся в Палестину. Именно его надпись — первый в истории письменный памятник, упоминающий Израиль: «Ханаан разорен всяческой бедой... Израиль уничтожен, и семени его больше нет, Хурри (так египтяне называли тогда Палестину) стала вдовой из-за Египта». Об этом эпизоде библейские предания никакой памяти не сохранили, а он имел немаловажное значение. Лишенные первоначального импульса и к тому же теснимые еще из-за Иордана новыми, теперь уже подлинно кочевыми племенами (одомашнившими верблюда-дромадера), все племена Палестины в XII в. до н.э. оказались в трудном положении. В течение этого века еще имеются археологические следы египетского влияния в Палестине. Именно к этому времени следует отнести окончательное сплочение израильского племенного союза, сплочение, память о котором сохранилась навсегда, даже когда большинство (притом самых коренных) племен в конце VIII в. до н.э. перестало существовать. Но тогда еще состав союза отличался от позднейших классических «12 колен» — это показывает сохранившийся в Библии отрывок древнеизраильского эпоса конца XII в. до н.э. «Песнь Деборы», где только семь племен во главе с Баракком и Дсборои участвуют в войне против Ябина, царя Хацора, и его военачальника Сисары: Во дни Шамгара, сына 'Анат, в дни Иаили(Анат—богиня; Иаиль—одна из героинь эпоса.)ути были пусты, А идущие тропюю проходили окольными путями, Пусты были села в Израиле, пусты — Пока не восстала я, Дебора, не восстала матерью народа.

Хацор, самый большой и важный город ханаанеев, был разрушен до основания, это подтверждается археологическими данными. На его развалинах возникло несколько жалких хибарок завоевателей. Но это был последний эпизод войны между израильянами и ханаанеями. Пришло другое время, когда надо было обороняться против общих

врагов. В одном народе теперь слились вместе завоеватели и завоеванные. Литературный язык Библии сложился на смешанной диалектной основе, сами же древние евреи называли этот язык пе «иврит» (как впоследствии), а «кена 'анит», т.е. «ханаанейский» (Термин «еврей» озиачал с этого времени общую этническую принадлежность; более узкий термин «израильтянин» — принадлежность к племенному союзу, а позже к государству.).

События, изменившие эту картину, были связаны с другим племенным вторжением — «народов моря». «Народами моря» египтяне называли группу разнообразных по происхождению племен, одни из которых двигались на ладьях, другие на колесных повозках посуху. К ним, несомненно, принадлежали греки-ахейцы, разрушившие Трою, другие племена (может быть, протоармяне), положившие конец Хеттскому царству, и еще какие-то племена, известные только по именам, да и то в неточной египетской передаче, «разбившие лагерь посреди Амурру» (Угарит погиб от другой причины: когда «народы моря» были на подходе и против них был выслан угаритский флот, город разрушило катастрофическое землетрясение. Сохранился и стал центром позднехеттской (лувийской) культуры в Сирии г. Каркемиш.); они выступали в союзе с ливийцами (Ливийцы, по-видимому, достаточно долго пробыли в Палестине, чтобы познакомиться с семитским алфавитным письмом (см. ниже); к очень ранней его форме восходит ливийское письмо Северной Африки, дожившее в Сахаре до наших дней.) нападавая имеее с ними на Египет с суши (с востока и запада) и с моря (с севера). Нашествие развернулось с конца XIII в. (с «народами моря» столкнулся еще фараон Мер-не-Птах); кульминационною пункта оно достигло в начале XII в. с разрушением Хеттского царства; продвижение их на Египет было остановлено фараоном Рамсесом III в какой-то момент после середины XII в. до н.э. Два племени из числа «народов моря», известные в дальнейшем под названием филистимлян (Не исключено, что фалистимляне—другое название пеласгов (см. далее, лекция 15).) (от их имени происходит само слово «Палестина»), осели на плодородном палестинском побережье, на полосе длиной 60 км и шириной 20 км, и создали здесь союз пяти самоуправляющихся городов: Газы, Аскалона, Аккарона, Гата и Ашдода. Они принесли с собой позднемикенскую материальную культуру, технику железа и железное оружие и вскоре установили свою гегемонию почти над всей Палестиной. Одновременно с этим с Синая и из-за Иордана сюда совершали набеги и, видимо, частично оседали по окраинам кочевые семитские (арамейские или арабские) племена.

Кроме отдельных временных военных вождей, израильские племена не имели никакой общей политической власти и управлялись старейшинами, прислушиваясь также к изречениям «пророков» (наби), которые тогда еще не превратились в политических проповедников, а были чем-то вроде шаманов. В особе трудных обстоятельствах отдельные племена или весь союз добровольно подчинялись выбранному или просто самозваному вождю-избавителю

(«судье», по-древнееврейски шофет), которому приписывалась магическая сила, ниспосланная божеством. Имена их, упоминаемые в библейской «Книге Судей» (Самсон, Иеффай и Др.), по крайней мере отчасти, недостоверны. Начатки государства стали слагаться лишь при последних вождях периода «судей» (XI в. до н.э.).

Израильский племенной союз по традиции считался состоящим из 12 племен («колен»); на самом деле число племен в составе союза колебалось. Это было прежде всего культовое объединение, скрепляемое общим почитанием союзного бога Яхве. Поддержание культа было поручено межплеменной организации левитов (по традиции одно из «колен», а именно двенадцатое). Левитам были выделены населенные пункты на территории остальных 11 «колен». Поклоняться Яхве и другим богам можно было где угодно — преимущественно на холмах и высотах гор, но считалось, что па земле он «обитал» незримо «в ковчеге завета», хранившемся в шатре, как во времена бродячей жизни племен. Яхве в то время легко отождествлялся с местными ханаанейскими богами, тем более что и имя Яхве, и собственные имена ханаанейских богов верующие избегали произносить «всуе» (без надобности) и заменяли их именами нарицательными: «бог» (эль) или даже «боги» (эпохим), «господин» (ба'ал), «господь мой» (адонай). Яхве ни тогда, ни много позже не считался единственным в мироздании божеством; он был лишь ревнивым богом, заключившим договор со своим племенным союзом о том, что его не будут ставить наравне с другими богами; символом этого договора считалось обрезание — обряд, первоначально бывший одним из испытаний отрока при вступлении его в общину полноправных воинов, но у многих семитских племен со временем отмерший (например, у ханаанеев, но не у арабов); израильтяне стали его совершать вскоре же после рождения мальчика. Но, несмотря на «договор» и символические обряды, ещё столетия спустя кое-где придавали Яхве в жены аморейско-ханаанейскую богиню 'Анат, а в каждом роду поклонялись фигуркам-идолам то ли божеств, то ли предков — терафим, и в принципе была не исключена возможность молиться и другим богам, и уж подавно не отрицалась власть иных богов на территории иных племен и народов.

Культура. Алфавит.

Древнейшие израильтяне не имели ни своего строительного, ни изобразительного искусства, от эпоса сохранились лишь отрывки, а письменной литературе, заслуживающей интереса во многих отношениях, еще предстояло возникнуть. Но от ханаанеев осталось немаловажное наследие; однако были у них распространены и дикие обычаи.

Каждая ханаанейско-аморейская община имела своих божеств-покровителей, чаще всего бога с супругой и сыном; они нередко, как уже упоминалось, обозначались именами нарицательными, а различались между собой названиями места поклонения им, например

Ба'лат Губли — «госпожа города Библ». Некоторое число главным образом космических божеств (Солнца, Луны, растительности, грозы, моря) почиталось и за пределами какой-либо одной общины. Таков и «культурный герой», изобретатель ремесел Кушар-ва-Хусас. В ряде случаев почитались и чужеземные боги (египетские, шумерские, хурритские и др.). Путем отождествления разных элей (богов) сложился образ всеобщего верховного бога Эля, но в различных общинах он имел разных супругов. Многие из божеств либо отождествлялись с животными, растениями или предметами, либо имели их своими постоянными атрибутами (это могли быть бык, телица, львица, змея, дерево и т.п.); каменные столбы, бывшие часто объектом культа, имели, быть может, фаллическое происхождение. При почитании божеств плодородия были распространены оргиастические культы с участием священных блудниц; известны были такие архаические обрядовые установления, как инициация девушек и юношей (огнем (Этот обряд назывался по-финикийски молк; позднейшие читатели Библии, где он упоминается, истолковали его как имя бога Молоха; такого бога в действительности древность не знала.), может быть, еще применялось и обрезание) и мужские культовые союзы. В особо бедственных или важных для общины случаях (осада, основание новой крепости) приносились в жертву дети-первенцы. Во всех отношениях религиозное мировоззрение амореев и ханаанеев было очень примитивным.

В области искусств ханаанеи тоже несколько отставали от прочих цивилизаций Ближнего Востока. Но если в III — начале II тысячелетия до н.э. ханаанейско-аморейская архитектура повторяет на севере месопотамскую, а на юге и в Финикии египетскую, то во II тысячелетии до н.э. развивается большое и оригинальное крепостное и храмовое строительство по всему Восточному Средиземноморью. Наибольшие из храмов имели размеры 30X20 м; внутри их было два ряда круглых столбов; либо в самом святилище, перед статуей божества, либо перед входом ставили каменные стелы или воздвигали по египетскому образцу мачты. Скульптура (изображения богов, редко — царей) находилась в доизраильский период на той стадии, когда изображенному пытаются придать грозный, сверхчеловеческий, страшный вид и добиваются (в глазах нынешнего зрителя) только античеловечности и уродства. Это по большей части мелкая бронзовая пластика, редко — каменные фигуры. Израильского бога изображать было нельзя, и запрет, приписывавшийся Яхве: «Не сотвори себе кумира, ни всякого подобия», привел почти к полному исчезновению изобразительного искусства, хотя домашние терракотовые идолы продолжали существовать. Правда, фигурки нагой богини рождения и плодородия, жестом подчеркивавшей свою наготу или беременность, сменяются у израильтян фигурками богини одетой (В быту израильские женщины, в том числе даже блудницы, в отличие от ханаанейских, закрывали лицо.).

От ханаанейско-аморейской литературы II тысячелетия до н.э. дошло очень мало. Из храмовой библиотеки в Угарите сохранились

религиозные стихотворные тексты на местном семитском языке, из которых наиболее интересны эпические культовые песни, например о боге Алиян-Ба'ле, погибающем в борьбе с богом увядания и смерти, но затем благодаря вмешательству других богов побеждающем смерть, после чего наступает обилие пищи: «небеса сочатся маслом, реки медом текут». Был в Угарите и героический эпос. Особняком стоит интересная надпись-«автобиография» Идри-Ми, царя Алалаха,— здесь возможно влияние египетского «автобиографического» жанра (см. лекцию 14). В целом, однако, самым важным достижением ханаанейско-аморейской цивилизации явилось алфавитное письмо. В Восточном Средиземноморье долгое время пользовались либо египетским языком и письмом, либо ломаным аккадским языком и клинописью. Но в течение II тысячелетия до н.э. появляется в Библие особое слоговое линейное письмо, условно называемое «протобиблским». В нем около ста знаков, каждый знак, видимо, передавал слог из согласного и одного из трех древнесемитских гласных (а, и или у, одна из комбинации употреблялась и для согласного без всяких гласных). Такое письмо годилось для передачи текста почти любой сложности и было много легче для заучивания, чем аккадская клинопись или египетское письмо, и выучить его можно было за несколько недель вместо многих лет; для чтения, однако, оно было трудно, так как не имело словоразделов (в египетском письме словоразделами служили детерминативы, т.е. показатели категорий понятий, к которым относится слово; в клинописи тоже были свои правила определения границ слов). Знаки «протобиблского» письма не имеют прототипов в других письменностях и, видимо, были придуманы специально при одноразовом изобретении всей письменной системы, в подражание египетской или крито-микенской письменности, или обеим.

Однако, по-видимому, для финикийских купцов и мореходов обучение протобиблскому письму казалось еще недостаточно легким. Они были согласны ускорить обучение даже за счет усложнения понимания текстов (древневосточные международные торговцы никогда не гнались за понятностью своих писем и документов для непосвященных). Поэтому от Синая до Сирии появляются разные виды упрощенного письма того же типа — упрощалось оно за счет сокращения числа знаков таким образом, что каждый знак (буква) обозначал согласный с любым гласным или без гласного; к тому же похожие согласные обозначались одной и той же буквой. Так удалось создать консонантный (согласный) алфавит с числом букв от 30 до 22. Форма букв могла быть различной: в Угарите писали на глиняных плитках, как в Вавилонии, и буквы «собирались» из клинообразных черточек, в ханаанейской Финикии разработали линейные формы 22 согласных букв (вероятно, в XIII в. до н.э.). Был еще вариант, воспринятый в Южной Аравии. Письмо, не обозначающее гласных, вовсе не было (как почему-то часто утверждается) «удобнее для семитских языков»; скорее это был род купеческой тайнописи. Но это письмо, особенно когда финикийцы стали употреблять знаки ' , в , й

также для долгих гласных а:, о:, у:., э:., и: и ввели словоразделы, сделалось бесконечно легче для усвоения. Поэтому, хотя несовершенство (неоднозначность) передачи текста финикийским письмом долго давало себя знать и еще сотни лет клинопись и иероглифика успешно с ним конкурировали, будущее оказалось все же за ним, и оно явилось (после усовершенствовании, внесенных в него греками и другими народами) предком всех алфавитов как Запада, так и Востока.

Литература:

Дьяконов И.М. Сирия, Финикия и Палестина в III-II тысячелетиях до н.э./История Древнего мира. Ранняя Древность.- М.:Знание, 1983 - с.235-257

Лекция 12: Среднее Царство в Египте и нашествие Гиксосов.

I переходный период.

Собственно Средним царством принято считать эпоху единого египетского государства, воссозданного на развалинах Древнего царства в самом конце III тысячелетия до н.э. выходцами из южного верхнеегипетского Фиванского нома — последними царями XI династии, а затем упроченного фараонами следующей, XII династии, двухсотлетнее правление которых явилось временем расцвета и быстрого упадка.

Но между концом Древнего и началом Среднего царства лежит длительный, охватывающий предположительно почти четверть тысячелетия так называемый Переходный период — время раздробленности и больших социальных потрясений, время ожесточенной внутренней борьбы за новое объединение страны. Именно здесь, по-видимому, нужно искать истоки существенных отличий Среднеегипетского государства от минувшей эпохи Древнего царства.

Распад единого государства, стремление номов к экономической и политической обособленности, их соперничество и борьба друг с другом пагубно отразились на всей экономической структуре страны, на единой ирригационной системе — основе хозяйственного благополучия Египта. И не случайно памятники времени эфемерных VII—X династий полны сведений о годах страшного голода, о пашнях, превратившихся в болота и непроходимые заросли, о пустующих полях, которые некому обрабатывать, так как обезлюдели богатые и процветающие области страны. Внутренняя борьба усугубляет и без того тяжелое положение Египта — гибель и разорение несут с собой непрекращающиеся раздоры между враждующими номами. Естественно, что в такой обстановке нельзя исключить и серьезных социальных выступлений трудящегося населения страны,

испытывавшего, без сомнения, наибольшие тяготы и лишения. Смутные намеки на волнения низов египетского общества зафиксированы во многих документальных и литературных источниках той поры.

Большой, сильно поврежденный папирус, находящийся сейчас в Лейдене, сохранил страстный призыв некоего Ипувера — возможно, близкого правящим кругам северной части страны — к восстановлению прежних порядков в Египте, к воссозданию единого египетского государства. В поэтической форме Ипувер взволнованно и ярко рисует, пожалуй, преднамеренно преувеличенную картину бедствий разрозненной страны, где господствуют всеобщая вражда и озлобление, грабежи и убийства, где царят запустение и голод, когда люди едят траву и запивают ее водой, питаются тем, чем раньше кормили свиней (имели место даже случаи людоедства). Рассказчик-поэт скорбит о разрушенных городах и разоренных номах, поверженных дворцах и оскверненных гробницах, печалится о прекращении исконных торговых связей с Восточным Средиземноморьем (уже нет кедра даже для саркофагов благородных людей!) и о нарушенных внутренних отношениях — охваченный смутой Юг не шлет на Север, как обычно, зерно и изделия ремесленников, плоды и благовонные масла, и жители окрестных оазисов не спускаются больше в Египет со своими дарами. Негодует Ипувер, видя, как варвары — азиаты и ливийцы, воспользовавшись слабостью Египта, вторгаются в незащищенную Дельту и опустошают ее. Но больше всего беспокоит его широкое восстание народа, современником которого был он сам или воспоминания о котором были еще живы. Страна перевернулась, подобно гончарному кругу, вещает Ипувер. Бедняки стали богатыми, а имущие — бедняками, тот, кто не имел хлеба, стал собственником закромов, кто не имел упряжки, стал владельцем стада, у кого не было даже лодки, стал владельцем судов, у кого не было хижины, стал владельцем дома, тот, кто не ткал для себя, одет в тонкие полотна, знатные же люди в лохмотьях, кто не был в состоянии сделать себе гроб, стал владельцем усыпальницы, тела же прежних владельцев гробниц выброшены в пустыню. Только восстановление старых порядков избавит Египет от всех этих потрясений и бедствии, ибо будет хорошо, вещает Ипувер, когда вновь будут восстановлены должности, когда люди вновь будут строить пирамиды, рыть каналы и возвращать сады, когда будет восстановлено положение знати; прекратятся грабежи и волнения, дороги станут безопасными, возрастет мощь Египта, и варвары, как и прежде, будут трепетать перед ним.

В Ленинграде, в Государственном Эрмитаже, хранится папирус, содержание которого перекликается с Лейденским папирусом. Облеченный в форму пророчества, произнесенного перед царем Снефру, основателем могущественной IV династии, в его дворце ученым жрецом Неферти, текст этого документа повествует о тех же печальных событиях, о которых так ярко рассказал Ипувер: перед нами снова встают знакомые картины упадка и разорения, убийств и

грабежей, голода и несчастий, смут и вторжений иноземцев. Цель пророчеств Неферти та же, что и у Ипувера,— призыв к восстановлению в стране единой власти, к возврату к старым порядкам в Египте. Но если призыв Ипувера звучит еще просто как благое пожелание и не имеет конкретного адреса, то пророчества, вложенные в уста жреца Неферти, предрекают приход царя-южанина, уроженца Верхнего Египта, царя, который возложит на свою голову двойную корону египетских властителей, объединит Египет, усмирит внутренние распри, восстановит правду и устраним ложь, сокрушит ливийцев и азиатов, восстановит разрушенные пограничные укрепления. Называет Неферти и имя такого объединителя Египта — Амени, т.е. сокращенное имя основателя XII династии Аменемхета I.

Естественно предположить, что пророчества Неферти были составлены уже на завершающем этапе борьбы за воссоединение страны под единым руководством и исходили из кругов, непосредственно связанных с основателем новой династии; призывы же Ипувера прозвучали, вероятно, раньше (Следует иметь в виду, что оба документа дошли до нас в поздних копиях Нового царства — лейденский папирус записан во времена XIX династии, ленинградский—в середине XVIII династии, однако нет сомнения в том, что оба папируса содержат тексты более ранней эпохи. Одно время существовали разные мнения по поводу датировки событий, отраженных в этих источниках. Сейчас большинство ученых-египтологов обоснованно относят их к I Переходному периоду — времени, предшествующему Среднему царству.).

Памятники позволяют проследить основные моменты борьбы за единство страны задолго до воцарения Аменемхета I. В середине XXII в. до н.э. провозгласил себя фараоном Ахтой (Хети), правитель Гераклеопольского нома, расположенного в 120 км южнее Мемфиса (IX династия). Ахтою I и особенно царям следующей, X династии удалось объединить часть верхнеегипетской долины (Манефономы VII, VIII и IX династии относятся ко времени смут между VI и X династиями; собственных памятников они не оставили.). Затем на юге страны усилился Фиванский ном. В Египте стали одновременно править цари X гераклеопольской и XI фиванской династий. В поучении гераклеопольского царя Ахтоя III сыну рекомендуется жить в мире с Южным царством. Однако столкновение было неизбежным. Гераклеопольские цари в борьбе с Фивами опирались на некоторых из номархов. Наконец, около 2040 г. до н.э. фиванский царь Ментухетеп I становится фараоном всего Египта. Начинается история Среднего царства.

Среднее Царство.

За время Переходного периода в условиях крушения единого управления ирригационными системами наблюдается значительное повышение местной инициативы. Именно в это время появляется более удобный плуг, позволяющий облегчить пахоту и улучшить

качество обработки почвы; и в земледелии, и в ремесленном производстве возникает много новых орудий труда. Их изобретают порой в очень отдаленных друг от друга номах; постепенно они распространяются по всей стране в результате расширения внутреннего обмена; усовершенствуются старые орудия. К концу периода египтяне впервые начинают применять бронзу (сплав меди и олова); правда, и позже основным металлом в производстве по-прежнему остается чистая медь. В животноводстве появляется новая, более продуктивная порода крупного рогатого скота, со временем полностью заменившая прежнюю длиннорогую породу. Прогресс стимулировался попытками номов высвободить возможно больше свободных рук, призванных возместить в какой-то степени урон, связанный с нарушением единой для всей страны хозяйственной организации. Все новое в производстве затем закрепляется и развивается в рамках единого среднеегипетского государства.

Внутренний обмен в Египте I Переходного периода возрос, хотя, казалось бы, условия были неблагоприятными. Это произошло в связи с упадком самодовлеющих хозяйств столичной знати эпохи Древнего царства и возрастанием роли в жизни страны небольших хозяйств. Владельцы этих хозяйств в свое время, возможно, стали опорой номархов в их борьбе с мемфисскими царями, а затем выдвинулись на службу у многочисленных независимых правителей областей в I Переходный период. Круг лиц, получавших за свою службу в административном аппарате, при дворе, в войске соответствующее их должностному положению материальное обеспечение, значительно возрос. Естественно, что многочисленные мелкие и средние хозяйства новых должностных лиц местной и центральной администрации не обладали производственными возможностями прежних больших вельможных хозяйств, способных производить все необходимые орудия, изделия и продукты в своей среде. Восполнить этот недостаток можно было только определенной специализацией производства в мелких и средних хозяйствах, что и способствовало возникновению интенсивного обмена между ними, который остался характерным и для всей эпохи Среднего царства.

В наследство от I Переходного периода Среднему царству остается и возросшее влияние местной номовой администрации в экономической и политической жизни страны. Настолько велика самостоятельность номархов даже в самом конце эпохи, что они иногда ведут летосчисление по годам собственного правления, возглавляют культ местного божества, в своей титулатуре называют себя, подобно царям, сыновьями этого божества. Номархи возглавляют местные воинские силы, нередко весьма значительные, окружают себя многочисленной пышной свитой приближенных, телохранителей, слуг. Даже при сильных царях XII династии позиции местных правителей не были подорваны. Пожалуй, мощь их ещё более возросла; их гробницы при первых царях XII династии стали более богатыми. В период Среднего царства номархи уже не простые исполнители воли центральной администрации на местах, как это было при

могущественных царях Древнего царства, — в рамках нового единого египетского государства они сами обладают значительной самостоятельностью, их власть в номах является наследственной, и царь только формально утверждает назначение нового номарха.

Естественно, в таких условиях у царей Среднего царства, вынужденных делить власть в стране с местными правителями, положение было менее прочное и устойчивое, чем у фараонов Древнего царства, и неудивительно, что подспудная борьба местных правителей и центральной власти, внутренние беспорядки и волнения, заговоры и дворцовые интриги происходят в Египте в течение всей XII династии.

При дворе и в административном аппарате Среднего царства наряду с представителями столичной потомственной знати, связанной с новой династией родственными узами, наряду с выходцами из местной номовой администрации многие важнейшие государственные должности занимают и люди незнатного происхождения, всем своим благосостоянием обязанные фараону. «Царь — это пища» — так выразил свое отношение к центральной власти один из крупных чиновников середины XII династии, человек незнатного рода. Очевидно, именно эти лица, заинтересованные в силу своего положения в усилении центральной власти, служили основной опорой царей Среднего царства. Возможно, что стремление новой центральной власти материально Обеспечить большой круг этих людей и явилось одной из побудительных причин грандиозного ирригационного строительства в районе Файюмского оазиса, предпринятого царями XII династии, что привело к значительному увеличению фонда пахотной земли в стране. Характерно, что освоенные теперь земли находились в непосредственной близости от новой египетской столицы, местопребывания царского двора.

Восстановление единства страны и укрепление центральной власти приводит к активизации широкого строительства, возобновлению экспедиций в каменоломни и рудники, освоению новых месторождений металлов. По-прежнему получают египтяне медь и бирюзу в горах Синая, но со времени Среднего царства известны также медные копи между Нилом и Красным морем в Нубии. Золото теперь добывают не только к востоку от Верхнего Египта, в пустыне, но и на севере Нильской Эфиопии. Возобновляются прерванные внешние связи Египта: египтяне вновь ведут интенсивную торговлю с Восточным Средиземноморьем; основные поставки ливанского кедрового масла в Египет осуществляются через город Библ в Финикии. Путем обмена египтяне приобретают олово. Найденная в Египте критская посуда и египетские ремесленные изделия на Крите свидетельствуют о существовании в период Среднего царства египетско-критских торговых связей. Известно, что египетские суда по-прежнему плавали в далекий Пунт.

Всестороннее комплексное исследование памятников Среднего царства позволило О.Д. Берлеву выявить социальный слой основных производителей материальных благ, обозначаемых самими египтянами обобщающим термином хемуу нисут — «царские хемуу» (Термин хемуу обычно переводится как «раб», однако такой перевод не вполне точен, поэтому во избежание неверных ассоциаций здесь этот термин дается в условном египтологическом чтении хемуу, мн.ч. хемуу.). Удалось определить положение царских хемуу в египетском обществе, их соотношение с близкими социальными категориями, методы эксплуатации царских хемуу, их связь с государственными институтами.

Термином хемуу нисут охватывалось практически все трудящееся население страны. Царские хемуу, основной обязанностью которых была работа в рамках определенной профессии, эксплуатировались как в царском и храмовых хозяйствах, так и в хозяйствах частных лиц — людей, занимавших различные должности в центральной, номовой и храмовой администрации. Связь каждого царского хемуу с определенной профессией была характерной особенностью всего данного социального слоя, поэтому в памятниках царские хемуу выступают, как правило, в своем профессиональном облике: это земледельцы и пастухи, садовники и огородники, рыбаки и птицеловы — все те, кто трудится в поле, на пастбищах, в разных промыслах; это и многочисленные слуги, кравчие, танцоры, певцы, музыканты, брадобреи, учителя, т.е. люди, непосредственно обслуживающие хозяина, его родственников и приближенных в его доме, дворце. На полевых работах использовались исключительно мужчины, к домашним ремеслам привлекались и мужчины и женщины. Царские хемуу работали также в специализированном пищевом производстве — шнау и в ремесленных мастерских царского, храмовых и вельможных хозяйств.

Царские хемуу назначались на работы в юности, причем права выбора профессии они были лишены. Каждый год от имени царской администрации в номах проводились специальные смотры, основное назначение которых состояло в распределении юношей из трудового населения страны, достигших совершеннолетия (по египетским представлениям). На эти смотры привлекались все дети царских хемуу, независимо от принадлежности их родителей к тому или иному виду хозяйств. Прежде всего на смотрах происходил отбор наиболее сильных и выносливых юношей в войско; назначались дети царских хемуу и в низшее жречество. При определении в ремесленное производство, естественно, учитывались профессиональные навыки, передаваемые по наследству, поэтому сын ремесленника обычно становился тоже ремесленником. Большая часть юношей становилась земледельцами или распределялась на другие основные профессии в зависимости от производственной потребности египетского хозяйства. Назначенная принудительно, профессия являлась для большинства участников смотра пожизненной, хотя имели место и случаи перераспределения, осуществлявшиеся на смотрах же: старый,

немошный земледелец, например, мог быть назначен на более легкую работу привратника.

Документы Среднего царства дают возможность выявить социальное положение царских хемуу. Люди из этого слоя, в целом составлявшего основное трудящееся население страны, были лишены собственности на орудия и средства производства, трудились в хозяйствах, которые им не принадлежали, и сами наряду с орудиями и средствами производства либо находились во владении («собственности» — джег) отдельного должностного лица, либо принадлежали храмам или государственным (царским) учреждениям. Методы эксплуатации и материального обеспечения лиц разных профессий в царском, храмовом или частном хозяйствах были одинаковыми, поэтому сами египетские труженики не ощущали особой разницы в своем положении, работая в любом из этих хозяйств. Однако для уяснения экономической и социальной структуры египетского общества чрезвычайно существенным является то, что в личном хозяйстве связь работающих в нем царских хемуу с их непосредственным хозяином была непрочной, поскольку они наряду с землей и другим имуществом придавались своему хозяину в качестве его должностного обеспечения и, по сути дела, принадлежали не данному лицу, а его должности, поэтому в личном хозяйстве хозяин не мог распоряжаться царскими хемуу по собственному усмотрению. Известно, что и дети царских хемуу, привлекаясь на общих основаниях на смотры, распределялись по профессиям не в то хозяйство, из которого вышли, а на сторону — в хозяйства других должностных лиц или учреждений. Следовательно, должностные лица не имели права и на потомство царских хемуу, работавших в их хозяйствах.

Другой социальной категорией зависимых людей, количественно незначительной по сравнению с царскими хемуу, были известные нам с Древнего царства баку — рабы в полном смысле этого слова. Эксплуатировались они исключительно в хозяйствах отдельных лиц. Признаком, отличающим баку от хемуу, было то, что они являлись полной собственностью своих владельцев и поэтому исключались из общегосударственной сферы учета и распределения рабочей силы, не поступали на смотры и не распределялись на профессии от имени царской администрации. Естественно, что они не имели строго фиксированных специальных профессиональных обозначений.

В хозяйствах частных лиц, где в основных отраслях производства трудились назначенные на определенные профессии царские хемуу, баку находились при дворе своих хозяев в штате их личных слуг или же использовались на различных, часто случайных работах. Владелец баку имел право распоряжаться их судьбой по собственному усмотрению, дети баку также являлись полной собственностью хозяина. Существовал рабский рынок, где баку свободно продавались и покупались. Интересно, что вельможа, имевший в своем распоряжении часто сотни царских хемуу, считал необходимым специально отметить приобретение им одного баку. Здесь, пожалуй,

наиболее ярко проявляется различие царских хемуу и баку в хозяйстве частных лиц — первыми их хозяева только владели при условии службы, вторые были их полной, безраздельной собственностью.

Порабощение какой-то части соплеменников, особенно молодежи из основного трудящегося населения, превращение их в баку, по-видимому, имело широкое распространение в период ослабления центральной власти в конце Древнего царства и в особенности в тяжелые времена I Переходного периода. При достижении нового политического единства страны с укреплением центральной власти при XII династии попытки такого порабощения пресекались ею, однако полностью ликвидировать произвол вряд ли удалось.

Об эксплуатации пленников-иноземцев в I Переходный период говорить не приходится за отсутствием таковых в Египте в ту пору; немного их было и в начальный период истории Среднего царства, но с середины XII династии приток чужеземцев в страну значительно возрос, и с этого времени мы встречаем их и в штате знатного, богатого сановника, и у египтянина, весьма скромного по своему служебному положению. Среди зависимого египетского населения иноземцы (почти исключительно азиаты — западные семиты), которых египетские войска захватывали вблизи северо-восточных границ Египта, занимал довольно своеобразное положение. Так же как и царские хемуу, иноземцы состояли на учете в центральном ведомстве по распределению рабочей силы; так же как и основное трудящееся население страны, азиаты могли использоваться па работах в царском, храмовом и хозяйствах отдельных лиц, но в частных хозяйствах они часто не имели определенной профессии и использовались, как и баку, на случайных работах в зависимости от воли своего хозяина. Документов, к сожалению немногочисленные, все же дают возможность сделать вывод, что труд иноземцев использовался в основном на дому, в сфере обслуживания, а также в дворцовом и вельможном пищевом производстве — шнау, в ремесле, в специальных ткацких мастерских, где работали только женщины, в том числе и пленные. На полевые работы иноземцы, как правило, не привлекались — на полях, пастбищах, в садах и огородах, па промыслах в царском, храмовых и частных хозяйствах основной производительной сплои были царские хемуу.

Огромное влияние на жизнь всего египетского общества оказывали так называемые царские работы, основное назначение и организацию которых удалось раскрыть также на среднеегипетских материалах. Царские работы — это повинность в пользу царя, государства, ложившаяся в основном на плечи тех же царских хемуу. Участников царских работ отвлекали от повседневных занятий в рамках определенных профессий, в каком бы хозяйстве они ни работали. Отрыв от профессиональных занятий был временным и мог продолжаться, возможно, в течение нескольких месяцев. Призванные на царскую повинность люди из египетского трудящегося населения

принудительно помещались в специальные охраняемые лагеря и здесь уже получали конкретные задания. На царских работах господствовали жестокая эксплуатация и тяжелый труд, поэтому от них всячески стремились уклониться, но повинность в пользу царя была неизбежной для царских хемуу.

Среди видов царских работ основное место занимали тяжелые строительные и землекопные, в том числе ирригационные работы, изнуряющий труд в копях и каменоломнях. Царской повинностью являлась работа гребцов, обеспечивавшая рабочей силой многочисленный гребной флот; царской же работой был полив вручную государственных садов и огородов, расположенных выше естественно обводняемого основного массива пашни и поэтому постоянно нуждавшихся в поливе — в период Среднего царства никаких водоподъемных сооружений египтяне еще не применяли. На царские работы привлекались только мужчины. Административное руководство царскими работами находилось в руках чати, который координировал действия различных государственных ведомств, обеспечивавших своевременную поставку квалифицированной и вспомогательной рабочей силы, орудий труда, продовольствия. Люди, привлеченные на царские работы, в случае необходимости могли быть временно использованы и в частных хозяйствах, например на сельскохозяйственных работах в период сбора урожая.

Из сказанного выше вырисовывается ведущая роль царских хемуу в хозяйственной жизни Египта Среднего царства во всей его социально-экономической структуре. Несомненно, что широкий социальный слой трудящегося населения страны, особенно ярко представший сейчас перед нами по материалам Среднего царства, не мог возникнуть внезапно только в этот относительно краткий период; без сомнения, он существовал и прежде и продолжал существовать в последующие этапы египетской истории. Так, по своему общественному положению царские хемуу Среднего царства очень близки к труженикам, вовлеченным в вельможные, храмовые и царские хозяйства Древнего царства. Правда, возможно, что в Древнем царстве эти труженики были теснее связаны с определенными крупными хозяйствами, возможно также, что тогда еще не существовало такой всеобъемлющей системы централизованного распределения рабочей силы. Источники Нового царства заставляют предполагать, что этот слой трудящегося населения страны со всеми его основными отличительными чертами продолжал существовать и на протяжении всего новоегипетского этапа истории страны, правда под новым обобщающим наименованием — семдет, что значит «профессии», т.е. люди, распределенные на профессии. Естественно, что на протяжении столетий в положении основного трудящегося населения страны могли происходить определенные изменения, требующие конкретного изучения на материале соответствующих эпох; и все же впервые здесь показанный во всех своих связях и отношениях слой царских хемуу дает нам возможность уяснить некоторые до сих пор неясные вопросы

социально-экономических отношений и предыдущего Древнего, да и последующего Нового царства.

В частности, теперь можно ответить на вопрос о том, кто же в ранние эпохи египетской истории закладывал и расширял ирригационную систему, кто в период расцвета Древнего царства сооружал величественные гробницы царей, пирамиды: все, чего достиг Египет в глубокой древности, было добыто усилиями египетского трудового населения, эксплуатировавшегося в основном теми же методами, что и в Среднем царстве. В организации труда, однако, в Среднем царстве произошли существенные изменения. Египетский земледелец Среднего царства, например, так же как и его предшественник в Древнем царстве (вспомним земледельцев вельможного хозяйства), не владел средствами производства (землей и тягловым скотом), не имел прав на собранный урожай и получал довольствие из житницы и складов хозяйства лица или учреждения, которому принадлежал; но в отличие от Древнего царства, где земледельцы трудились на полях во время пахоты и жатвы рабочими отрядами, теперь за каждым земледельцем закреплялся индивидуальный участок земли, за урожай с которого он нес личную ответственность. «Отрядная» организация производства, характерная для Древнего царства, изжила себя не только в земледелии, но и во многих других отраслях египетского хозяйства.

Между трудящимся египетским населением и правящими кругами египетского общества, в руках которых фактически находились средства производства, простиралась глубокая пропасть, преодолеть которую удавалось лишь немногим выходцам из слоя царских хемуу. И не случайно в египетских школах, где обучались дети чиновников, которым была обеспечена служебная карьера в государственном административном аппарате, ученикам с назидательной целью давали переписывать тексты, повествующие о тяжелой участи людей, распределенных по профессиям, а согласно царским указам должностные лица, совершившие преступление, отдавались, например, в храмовые земледельцы, т.е. низводились до положения царских хемуу.

Теперь необходимо кратко остановиться и на политической истории Среднего царства. Последние три царя XI династии, носившие одинаковые личные имена Ментухетепов, в течение примерно 40 лет правили уже объединенной страной; при них была достигнута определенная внутренняя консолидация от Элефантины на юге до Дельты на севере страны, возобновились прерванные внешние связи. При Ментухетепе I египтяне вновь начинают разрабатывать медные рудники на Синае, войска египтян успешно борются с азиатами на северо-восточных границах; Египта. Ментухетеп I совершает также экспедицию в область Вават — пограничную с Египтом часть Северной Нубии. Стремясь укрепить свое положение в стране, новый царь единого государства возводит в разных его частях храмы местным египетским богам. О значительной мощи царской власти

свидетельствует интенсивное каменное строительство, ярким примером которого является грандиозный заупокойный храм Ментухетеп I в Дейрэль-Бахри, на западном берегу Нила, возле Фив. Это целый архитектурный комплекс, основу которого составляет окруженное колоннадой двухступенчатое прямоугольное здание, увенчанное небольшой пирамидой.

Однако вершины своего могущества государство Среднего царства достигло при правлении следующей, XII династии. Начиная примерно с 2000 г. до н.э. в течение более 200 лет в Египте правят только восемь царей. Основание новой династии Аменемхетом I было ознаменовано перенесением столицы страны из южных Фив, резиденции царей XI династии, на север страны. Новая столица Египта, носившая характерное название Ит-Тауи («Овладевший обеими землями», т.е. всем Египтом), находилась на западном берегу Нила, возле Файюмского оазиса, па стыке Верхнего и Нижнего Египта. Как и в начальный период египетской истории, перенесение царской резиденции на север было связано со стремлением царей, южан по происхождению, укрепить свою власть также и в Дельте, упрочив тем самым единство страны.

Достигнув значительного прогресса в утверждении своей власти по всей территории Египта, цари XII династии ведут весьма успешные боевые действия к западу и востоку от Дельты, борясь с ливийскими и переднеазиатскими племенами, которые в период раздробленности не раз вторгались в Нижний Египет и разоряли его. С именем Аменемхета I связано сооружение оборонительной крепости на западной границе страны. Но особое внимание египетских царей обращено сейчас к Нубии, которую стремились завоевать еще цари Древнего царства. Золото и медь Нубии, слоновая кость и редкие породы дерева не дают покоя египетским владыкам. Наиболее воинственным правителем XII династии был Сенусерт III, совершивший несколько больших походов на юг от первых нильских порогов и надолго тесно связавший северную Нильскую Эфиопию с Египтом. По его приказу для облегчения прохода египетских военных судов через пороги был выбит в скале обводной канал. На восьмом году своего царствования Сенусерт III достиг II нильского порога и южнее его на обоих берегах Нила воздвиг крепости, завещав в своей надписи потомкам прочно стоять на этих границах. Временем Сенусерта III датируется и надпись, рассказывающая о большом, Во, возможно, единственном переднеазиатском походе египтян в страну Ретену, располагавшуюся где-то па территории теперешней Палестины или Южной Сирии. В памяти потомков образ эгого могущественного царя XII династии, вобрав в себя воспоминания о ещё более воинственных фараонах Нового царства, воплотился в имени Сесостриса — легендарного покорителя полумира.

Расцвет государства Среднего царства приходится па почти пятидесятилетнее правление сына Сенусерта III, Аменемхета III, падающее на рубеж XIX и XVIII вв. до н.э. Именно при нем

завершились начатые раньше грандиозные ирригационные работы в Файюмском оазисе, им же в преддверии Файюма было возведено величественное каменное здание, которым восхищались ещё греки, прозвавшие это огромное сооружение с бесчисленными залами и переходами Лабиринтом. Вероятно, это был заупокойный храм Аменемхета III. Возможно также, что строительство этого храма, каждое из отдельных помещений которого предназначалось, по-видимому, для изваяний многочисленных местных номовых и общеегипетских божеств, служило целям более прочного объединения страны под руководством правящей династии. Аменемхот III был последним крупным фараоном XII династии; после его смерти государство Среднего царства быстро клонится к упадку.

Цари Среднего царства так и не смогли до конца справиться с сепаратистскими стремлениями потомственной номовой администрации, имевшей сильные позиции и при дворе. Даже во времена XII династии в Египте идет напряженная внутренняя борьба, которая распространяется и на столичные круги. Было совершено покушение на Аменемхета I, возможно стоившее ему жизни. Согласно Манефону, Аменемхет II был убит придворными евнухами. Герой египетской приключенческой повести этого времени, сановник при дворе Аменемхета I Синухет, находясь в Ливии в войсках наследника, будущего царя Сенусерта I, и узнав о смерти фараона, счел за лучшее бежать из Египта — вероятность лишиться головы в династийной борьбе за власть была велика. Чтобы хоть как-то уменьшить риск переворотов, цари XII династии, начиная с Аменемхета I, ещё при жизни назначали себе соправителей. Непокойно было и на местах; могущественные номархи, располагавшие большими военными силами, могли выйти из повиновения и поспорить с самим царём — недаром столица страны Ит-Тауи была мощной для того времени крепостью. Сильнейшему царю XII династии, Аменемхету III, при помощи крутых мер и при опоре на незнатных служилых людей, составлявших костяк армии, правда, удалось в конце концов значительно ограничить могущество номархов, но это был последний успех правящей династии. Пройдет лишь несколько лет после смерти Аменемхета IV и краткого правления его сестры Нефрусек, и XII династия прекратит свое существование.

Первые цари XIII династии, связанные, вероятно, родственными отношениями с предыдущей, XII династией удерживали еще власть в долине Нила до II порога, поддерживали отношения с Восточным Средиземноморьем, но скоро страна распалась, по-видимому, на две части (XIII и XIV династии). Египет вступает в новый этап своей истории, который принято называть II Переходным периодом.

II переходный период и гиксосское завоевание.

Более чем двухсотлетний II Переходный период — темное время внутренней нестабильности, династической борьбы и иноземного завоевания. Весьма красноречивы дошедшие до нас царские списки,

сохранившие имена фараонов того времени — их более двух сотен. Такое обилие царствующих особ свидетельствует о том, что трон стал игрушкой в руках враждующих придворных клик. Временами царями оказываются и люди нецарского происхождения — прежде всего это выдвинувшиеся во время смут военачальники.

В этих тяжелых для страны условиях на рубеже XVIII и XVII вв. до н.э. с востока, через Синайский полуостров, на Египет обрушились захватчики-гиксосы (В такой форме через греческий язык (греч. Нуксос) дошло до нас их египетское название, звучавшее в условном «школьном» чтении как хека хасут, что значит «властители пустынных нагорий» или «властители (Чужеземных стран», так как любая чужеземная страна (кроме Нубии) лежит выше уровня Египта и по сравнению с цветущей Нильской долиной всегда пустынна.), составлявшие племенной союз обитателей Южной Сирии и Северной Аравии, по своему этническому составу, возможно, неоднородный. Ослабленный Египет не смог тогда оказать серьезного сопротивления пришельцам. Не виданные доселе египтянами боевые колесницы гиксосов заполнили Восточную Дельту, где и обосновались захватчики, сделав своим центром г. Аварис, стоявший на одном из восточных рукавов Нила. Отсюда гиксосы совершали набеги и на более южные районы страны, сжигая города, разрушая храмы, убивая и уводя в рабство многих египтян.

Около 110 лет находились гиксосы в Египте. Цари их, по традиции причисляемые к XV, а возможно, и XVI манефоновским династиям, не смогли, однако, полностью подчинить страну. Лишь при двух иноземных царях, Хиане и Апени, власть гиксосов распространилась достаточно глубоко на юг Египта, в основном сохранивший свою независимость. Вероятно, и Западная Дельта не совсем подчинилась гиксосам. Инициатором освободительной борьбы египтян против гиксосов стал Фиванский ном, расположенный на расстоянии почти 800 км к югу от Дельты. Слабые вначале, но самостоятельные цари фиванской XVII династии постепенно сплачивают вокруг себя большинство номов Верхнего Египта и, опираясь уже на значительные материальные и военные силы, возглавляют борьбу за изгнание гиксосских завоевателей.

Египетская легенда, частично сохранившаяся в поздней новоегипетской записи, связывает начало освободительной борьбы с именем предпоследнего царя XVII династии, Секен-не-Ра, по видимому погибшего в этой борьбе, о чем свидетельствует его мумия, найденная со следами смертельных ранений, которые были нанесены боевыми топорами. Более успешными оказались действия его сына, царя Камеса, снарядившего большой флот, отряды лучников и маджаев и с боями продвинувшегося от Гермопольского нома, находившегося на полпути между Фивами и Дельтой, к стенам самого Авариса. Однако захватить столицу гиксосов Камесу было не суждено. Этому помешали волнения на крайнем юге страны и, возможно, выступление против Камеса нубийских правителей, что заставило

фиванского царя срочно прекратить осаду Авариса и перебросить свои войска на юг.

Окончательную победу над гиксосами одержал брат Камеса, основатель XVIII династии Яхмес (Амасис I), вступивший на египетский престол около 1600 г. до н.э. С этого времени начинается история Нового царства.

Литература:

Виноградов И.В. Среднее Царство в Египте и нашествие Гиксосов./История Древнего мира. Ранняя Древность. - М.:Знание, 1983 - с.258-271

Лекция 13: Новое Царство в Египте.

Общие черты периода.

Эпоха Нового царства, освещаемая наибольшим числом древнеегипетских памятников, совпадает с правлением трех манефоновских династии — XVIII, XIX и XX (с XVI по XI в. до н.э.).

Уже в самом начале ее произошли значительные сдвиги во всех отраслях египетского хозяйства. С XVIII династии повсеместно отмечено широкое применение бронзы наряду с продолжающимся использованием орудия труда из чистой меди, камня и дерева. После изобретения ножных мехов в металлургии было покорено с тяжелым и опасным трудом — раздуванием горна легкими через длинные трубки; появляется более удобный и производительный ткацкий станок; усовершенствованный плуг с отвесной рукояткой, еще редкий в Среднем царстве, окончательно вытесняет старый, известный в глубокой древности. Использование водоподъемных сооружений — шадуфов, напоминающих всем известные колодезные «журавли», не могло не привести к резкому увеличению производительности труда в садоводстве и огородничестве, где до этого применялся только малопродуктивный ручной полив. Интенсивно развивается новая для страны отрасль ремесленного производства — стеклоделие. Именно от эпохи Нового царства дошли до нас разнообразные сосуды и многочисленные мелкие изделия из непрозрачного цветного стекла. Появление его свидетельствует об успехах прикладной химии, добившейся также особенно ощутимых достижений в области мумификации — недаром так хорошо сохранились мумии большинства фараонов Нового царства, однажды в смутные времена поздней египетской истории спрятанные от грабителей в укромном тайнике возле фиванского некрополя и обнаруженные только в самом конце XIX в. н.э.

В Новом царстве произошли качественные и количественные изменения в животноводстве, связанные с небывалым возрастанием притока в Египет многотысячных и разнопородных стад крупного рогатого скота, овец и других домашних животных из завоеванных

Египтом стран. Впервые на памятниках Нового царства мы видим верблюда с кладью на спине. Начиная с гиксосского времени в Египте развивается коневодство, обеспечивающее новый вид египетского войска — боевые колесницы, имевшие большое значение в связи с завоевательными походами египетских царей в Переднюю Азию. В египетском хозяйстве лошадь не нашла применения; но колесные повозки, запряженные волами, постепенно начинают употребляться для перевозки тяжестей. Такие повозки использовались во время экспедиции в каменоломни. Но все же основным видом сухопутного транспорта для перевозок тяжестей были сани-волокуши.

Вся экономика эпохи Нового царства теснейшим образом связана с завоевательной политикой фараонов XVIII—XIX династий, с ограблением захваченных территорий и стран: достаточно сказать, что не синайские рудники теперь являются основными поставщиками меди в Египет — она в огромном количестве ввозится в страну из Палестины и Сирии, прибывает в виде даров с Кипра; золото, так расточительно потребляемое египетским двором и храмами, служит основным видом дани покоренной Эфиопии, а также поступает в Египет и из завоеванных стран Передней Азии; оттуда же и, возможно, путем обмена из Малой Азии — из страны хеттов получают египтяне серебро. Строевой лес по-прежнему рубят в горах Ливана и частично в Нубии. Шлют могущественным царям Египта дары и независимые правители Нижней Месопотамии. Крепнут связи с далеким Пунтом, сообщение с которым было облегчено сооружением канала, соединяющего восточный рукав Нила с Красным морем. Пунт для Египта — это по-прежнему мирра и ладан, золото и редкие породы деревьев, экзотические растения и животные. В большом количестве поставлялось в Египет награбленное во время войн или же полученное в виде постоянной дани зерно, скот, многие продовольственные припасы. Некоторые культурные растения, не встречавшиеся ранее в Египте, стали культивировать в нем в эпоху Нового царства.

Наряду с иноземными поставками интенсивно использовались и местные, уже и ранее широко разрабатывавшиеся источники сырья, причем здесь необходимо особо отметить небывалое увеличение добычи песчаника в соседних с Египтом пустынных каменоломнях — камня, требовавшегося для грандиозной строительной деятельности фараонов.

Но не только полезные ископаемые — сырье, зерно и скот хлынули в Египет с начала Нового царства. Возвращаясь из иноземных походов, египтяне приводили с собой небывалое доселе количество военнопленных — охота за людьми стала одной из основных забот египетского войска во время его почти ежегодных рейдов за пределы страны. Несомненно, что погоня за пленными была вызвана возросшей потребностью египетского хозяйства периода Нового царства в дополнительной рабочей силе. До нас дошли многочисленные сведения о том, что цари дарили тысячи пленных египетским храмам после успешных иноземных походов; особенно

большая добыча доставалась фиванскому богу Амону, ставшему главным божеством страны. Известно также об использовании этих людей в храмовом хозяйстве — там они работали в ремесленных и ткацких мастерских, привлекались на строительные работы, образовывали целые отряды пастухов. В отличие от эпохи Среднего царства многие иноземцы становились и храмовыми земледельцами.

Широко применялся труд пленных в частных хозяйствах должностных лиц, и прежде всего в небольших хозяйствах жрецов, мелких храмовых служителей, чиновников, воинов. С самого начала завоевательных походов египетские цари вместе с наделами земли дарили отличившимся в битвах воинам и пленным. Неудивительно, что воины, надеясь получить такое вознаграждение, шли в бой «как львы» и «с радостным сердцем».

Интересно, что в качестве дополнительной рабочей силы использовались далеко не все пленные, а почти исключительно азиаты, как и во времена Среднего царства. Пленные морские пираты-шерданы — возможно, выходцы из далекой Сардинии — часто становились царскими телохранителями. Ливийцы и эфиопы привлекались в египетское войско, вероятно, сначала лишь во вспомогательные отряды.

Естественно, что главными производителями всех материальных благ по-прежнему оставались египетские труженики — люди, принудительно распределявшиеся в основном в той же форме зависимости от своих владельцев и работавшие в разных отраслях египетского хозяйства на тех же условиях, что и в Среднем царстве.

Египетская военная держава времени XVIII династии.

Памятники Нового царства — летописи египетских царей, выбитые на стенах воздвигнутых ими храмов, биографии воинов, сохранившиеся на поминальных плитах, более поздние литературные тексты, в поэтической форме отразившие воспоминания о минувших днях, — запечатлели яркие эпизоды бесчисленных военных походов, столь характерных особенно для начального периода этой эпохи.

Каковы же были предпосылки завоевательной политики царей Нового царства, начало которой положили первые фараоны XVIII династии, политики, оказавшей огромное влияние на все стороны жизни страны? Чтобы понять это, необходимо возвратиться ко времени освободительной борьбы египтян против иноземных завоевателей — гиксосов. Борьба с сильным противником потребовала прежде всего создания небывалой ранее по численности и мощи армии. У нас нет сведений о ее численном составе, но известно, что в лучшие времена Нового царства из каждой сотни юношей, достигших совершеннолетия, десять становились воинами, в то время как в эпоху Среднего царства в войско вступал только один из ста. Начало резкому увеличению состава египетского войска, несомненно, было

положено в период освободительной борьбы. Обстановка настоятельно требовала также упрочения подорванного единства страны, всемерного укрепления центральной власти, концентрации всех материальных и людских ресурсов страны на отпор врагу, и ко времени правления последнего фараона XVII династии, Камеса, в этом отношении были достигнуты определенные успехи. Однако оказалось, что в решающий момент борьбы фиванского царя с гиксосами влиятельные слои египетской знати не поддержали его стремления изгнать иноземцев и добиться объединения всей страны. Высшие сановники государства вдруг заявили своему царю на созванном им совете, что они вовсе не желают исполнить его волю «покарать азиатов», поскольку им и так неплохо в Египте, ибо они владеют лучшими пашнями, их скот беспрепятственно пасется на обширных пастбищах Дельты и, по мнению вельмож, власть гиксосов призрачна, так как не гиксосские правители владеют Египтом, а они, вельможи, — гиксосы же правят лишь «страной азиатов». Вельможи сказали царю, что выступят против гиксосов только в том случае, если те будут ущемлять их интересы. Разгневанный фараон вступил в борьбу с гиксосами вопреки желанию своих сановников и без их поддержки. Все это можно понять, если учесть, что тогдашняя придворная знать, вельможи только еще нарождающегося Новоегипетского государства, теснейшим образом была связана с номами, многие из которых лишь совсем недавно подчинились новым фиванским царям. Потомки номархов Среднего царства, которые весьма вольготно чувствовали себя в своих номах до крутого царствования Аменемхета III, были не слишком заинтересованы в чрезмерном усилении центральной власти. Велика была еще и сила самой местной номовой администрации, укрепившей свои позиции в предшествующий смутный период. Как о том свидетельствуют памятники конца XVII и начала XVIII династии, местная знать не только не помогала фиванским царям осуществить изгнание гиксосов и объединить страну под властью Фив, но и активно препятствовала им, поднимая мятежи то на юге, то на севере Египта. В этих условиях главной опорой египетских царей все более становится крепнущее в боях войско, большая часть которого состоит из новобранцев — выходцев из трудящегося слоя египетского общества. Наблюдается также стремление новых египетских царей укрепить свою власть в стране путем привлечения в различные сферы государственного управления преданных им людей незнатного происхождения в противовес оппозиционно настроенным представителям старой знати.

Таким образом, фиванские цари конца XVII — начала XVIII династии в проведении политики централизации опираются на обширный круг новых людей — воинов и администраторов, которые, естественно, должны были получать соответствующее их положению должностное обеспечение. Неизбежно происходит постепенное принудительное перераспределение материальных и людских ресурсов страны в пользу этих новых людей, в том числе и за счет местной и старой столичной знати. Не случайно владения

новоегипетских вельмож не столь велики, как владения вельмож Древнего царства, и монархи Нового царства не располагают уже в своих номах той полнотой власти, что их среднеегипетские предшественники. Но внутреннего перераспределения земли, людей и имущества в условиях Нового царства оказалось недостаточно: оно не могло быть слишком радикальным, а богатства страны не были неисчерпаемыми, поэтому Египет стал нуждаться в постоянном притоке материальных и людских резервов извне в небывалых до сих пор размерах. Интересы упрочивших свое внутреннее положение египетских царей совпали с интересами нового слоя служилых людей, являвшихся их опорой, — с самого начала XVIII династии освободительные войны фиванских царей против иноземных захватчиков, завершившиеся изгнанием гиксосов из Египта, перерастают в захватнические войны. На протяжении долгих десятилетий они ведутся как на территории Передней Азии, так и глубоко на юге, в Нубии, и целью этих походов становится ограбление завоеванных стран.

В начальном периоде Нового царства следует искать и истоки упорной борьбы между новой служилой знатью, выдвинувшейся при поддержке египетских царей из многочисленного слоя людей, ставшего в то время опорой царской власти, и значительно потесненной, но все ещё сохранившей сильные экономические и политические позиции старой местной и столичной знатью. Борьба эта в разных формах будет проявляться на протяжении всей истории Нового царства.

В связи с этим необходимо остановиться на позиции жречества. Еще эллинизированный египетский жрец Манефон в IV—III вв. до н.э. клеймил гиксосов за то, что, ворвавшись в страну, они осквернили многие египетские храмы. Естественно, что, начиная борьбу с гиксосами, фиванские цари могли рассчитывать на поддержку египетского жречества. Но его высший слой был нерасторжимо связан и со столичной, и с местной провинциальной знатью родственными узами. Высшие жреческие должности традиционно замещались выходцами из семей сановников и номархов, титул начальника жрецов местного культа был обычным для главы местной администрации. Естественно поэтому, что союз между фиванскими царями и многочисленным и влиятельным египетским жречеством, вероятно, был довольно прочным лишь в период освободительной борьбы с гиксосами. С нарастанием напряженности между потомственной знатью и новой служилой прослойкой администрации он стал ослабевать. Цари XVIII династии пытались, очевидно, поддержать этот союз: возвращаясь из иноземных походов, значительную часть награбленной добычи и пленных они дарили египетским храмам. Прежде всего одарялось жречество главного фиванского бога — Амона, отождествленного со старым гелиопольским богом Ра и ставшего в образе Амона-Ра главным богом Египта эпохи Нового царства; но именно жрецы Амона-Ра в конце XVIII династии становятся основными противниками новой служилой знати в её

открытой борьбе со старой потомственной знатью за места у кормила власти.

Сейчас же, в самом начале XVI в. до н.э., Египет, возглавляемый новой фиванской династией, находился на подъеме. Яхмес (Амасис) I, первый царь Нового царства, успешно завершает начатую его предшественниками войну с гиксосами. Египетский военный флот по каналам подступил к самым стенам Авариса, и после нескольких сражений на суше и воде столица гиксосов пала. Преследуя отступающего противника, египтяне вторгаются в Южную Палестину, где в течение трех лет осаждают укрепленный город Шарухеп, ставший, вероятно, последним оплотом гиксосов вблизи границ Египта. Наконец, взят и Шарухен, отбиты набеги соседних переднеазиатских племен. Затем через всю страну вверх по Нилу плывет Яхмес на юг, в Северную Эфиопию (Нубию), и там наносит поражение непокорным племенам Куша. Борется он и в самом Египте то против какого-то безымянного южноегипетского мятежника, то против некоего Тетиана с шайкой злоумышленников. Вероятно, это отголоски внутреннего сопротивления отдельных местных правителей, не желавших подчиниться центральной власти. Преемник Яхмеса, Аменхотеп (Аменофис) I, продолжает борьбу с упорно сопротивляющимися жителями Северной Эфиопии.

В результате военных походов первых двух царей Нового царства Египет достиг рубежей периода расцвета Среднего царства — от Синайского полуострова на севере до II нильского порога на юге.

Начало широких завоевательных походов далеко за пределы страны связано с именем Тутмосиса I (Это греческая форма имени; в условном египтологическом чтении — «Джехутимесу»). Как и его предшественники, Тутмосис I вновь отправляется в беспокойную Эфиопию, чтобы «покарать мятежников в чужеземных странах и отразить вторжение из области пустыни». Добившись успеха, царь продвигается дальше на юг, и египетские войска впервые достигают района III нильских порогов, где на о-ве Томбос воздвигается крепость и размещается сильный военный гарнизон. После южной экспедиции египетские войска устремляются на север, в Переднюю Азию, разоряя мелкие княжества в оазисах Палестины и Сирии, захватывая большие военные трофеи и увозя многочисленных пленных в Египет. Войска Тутмосиса I достигают Нахрайны (Митанни) на Евфрате, впервые увидев большую реку, текущую не в обычном для египтян направлении с юга на север, как Нил, а с севера на юг, что привело их в большое изумление и нашло отражение в египетском названии Евфрата — «Перевернутая вода».

Успешно начатые походы были неожиданно прерваны на 20 с лишним лет. Еще при жизни следующего египетского царя, болезненного и недолговечного Тутмосиса II, соправителем был провозглашен его юный сын от побочной жены—Тутмосис III. Но со смертью царя реальная власть оказалась в руках его вдовы

Хатшепсут, которая вначале становится правительницей страны при малолетнем царе, а вскоре, вероятно при активной поддержке фиванского жречества, восходит на египетский престол сама в качестве царя — полноправного фараона. При Хатшепсут в течение 20 лет войско не проявляет почти никакой активности. Мирное правление женщины-фараона ознаменовано интенсивной строительной деятельностью, в которой явно ощущается особое расположение к жречеству бога Амона, проявившееся в возведении многочисленных храмовых сооружений в честь главного бога страны в Фивах, на юге и на севере страны. С именем зодчего и временщика Хатшепсут — Сенмута связано строительство прекрасного архитектурного ансамбля её заупокойного храма в Дейр-эль-Бахри. Из внешнеполитических действий Хатшепсут широко известна лишь знаменитая экспедиция в страну Пунт, ярко отраженная на раскрашенных плоских рельефах ее гробницы.

Около 1500 г. до н.э., после смерти Хатшепсут, Тутмосис III, ранее даже не упоминавшийся официально, стал наконец единовластным царем Египта на 22-м году своего формального царствования. Яростно преследует он память своей мачехи, уничтожая ее статуи, стесывая ее имена со стен храмов, замуровывая в стены новых сооружений возведенные ею величественные 30-метровые обелиски. Не было пощады и людям из окружения покойной царицы — и ранее умершим, как Сенмут, гробница которого была разрушена, и еще живым. Политическая жизнь страны резко меняется. Внутри правящей верхушки страны стали преобладать сторонники нового царя, опиравшегося, как и его воинственные предшественники, прежде всего на войско и новую служилую знать. Кончился необычный для истории Нового царства краткий мирный период, началась эпоха великих завоевательных походов Тутмосиса III.

На стенах храма Амона-Ра в Фивах сохранились выдержки из летописи, составленной египетским писцом, участником походов Тутмосиса III. Кожаные свитки летописи давно погибли, но то, что сохранилось на камне, в сочетании с другими документами, дошедшими до нас, дает возможность следить за ходом военных действий, продолжавшихся без малого 20 лет.

Уже в год смерти Хатшепсут египетское войско, возглавляемое Тутмосисом III, из пограничной египетской крепости Чару (В клинописных источниках — «Цилу».) выступает в свой первый за долгое время поход. Через 10 дней оно достигает г. Газы в Южной Палестине, где царь торжественно празднует 23-ю годовщину своего формального восшествия на престол, и на следующий же день устремляется в глубь Передней Азии. Здесь ему пришлось встретиться уже не с разрозненным сопротивлением отдельных князей, как это было при прежних египетских царях, а с большой коалицией, возглавляемой царьком г. Кадеша на Оронте. Решив дать бой у стен г. Мегиддо, Тутмосис III из трех возможных путей к нему, вопреки мнению военного совета, выбирает кратчайший, но наиболее трудный

— через горный перевал по узкой тропе над пропастью. «И пошел он сам впереди войска своего, указывая путь каждому человеку. И лошадь шла за лошадыю, и его величество был во главе войска своего», — гласит летопись. При выходе из ущелья в долину Мегиддо на глазах у врага был разбит лагерь для ночлега, и на следующее утро сам царь на золотой колеснице возглавил сражение. Противник не мог долго сопротивляться сплоченному египетскому войску; бросив на поле битвы колесницы, оружие и шатры, войско, возглавляемое царьком Кадеша, бежало в город, причем многих беглецов втаскивали на стены города за одежду. Египтяне, однако, не сумели воспользоваться выгодным моментом и взять город с ходу, так как занялись грабежом брошенного противником лагеря у стен города и подсчетом своей добычи. Тем временем ворота города успели закрыть. Но овладеть Мегиддо было совершенно необходимо. «Все властители всех северных стран заперты в этом городе,— обращается царь к своему войску,— поэтому взятие Мегиддо подобно взятию тысячи городов». Началась длительная осада города—египтяне еще не умели брать крепости штурмом. Только через семь месяцев измученный голодом город сдался. Князьки пали ниц перед фараоном, умоляя его сохранить им жизнь. Пощаженные, но униженные «властители» были отправлены в свои города на ослах. Египтяне же вновь стали считать добычу. Скрупулезно перечисляет летописец военные трофеи, захваченные в Мегиддо и его окрестностях: «пленных 340, лошадей 2041, жеребят 191, жеребцов 6...» Здесь же сотни колесниц, в том числе отделанная золотом боевая колесница самого царька Кадеша, медные и кожаные панцири, деревянные подпорки княжеских шатров, коровы, быки, козы, тысячи овец и огромное количество зерна, «доставленного его величеству с пахотных земель Мегиддо».

Так год за годом, с 22-го по 42-й год своего царствования, каждым летом, когда у соседей созревал урожай, ходил Тутмосис III походами в Переднюю Азию, захватывая все новые города и области Сирии. В одном из последних походов египтяне снова овладели Кадешем, ворвавшись в город через пролом в стене. Самым северным рубежом азиатских походов Тутмосиса III стал город Каркемиш, занимавший выгодное стратегическое положение на стыке Месопотамии, Малой Азии и Сирии.

Воюя с сирийскими князьками, Тутмосис III должен был неизбежно столкнуться и с Митаннийским царством, расположенным в Северной Месопотамии. Оно являлось естественным оплотом переднеазиатских городов в их борьбе с египтянами. Однажды египетские военные ладьи, построенные на восточном побережье Средиземного моря, в Библие, были на запряженных волами повозках доставлены на Евфрат, и египтяне поплыли вниз по реке, захватывая и разоряя митаннийские города и селения. После нескольких столкновений с египетскими войсками митаннийцы вынуждены были уйти далеко за реку.

На юге, в Нубии, владения Тутмосиса III простирались вплоть до IV нильского порога. За достигнутые при нем рубежи, как на севере, так

и на юге, не вышел ни один из его преемников. Египет превратился в могущественную мировую державу, вместе с подчиненными территориями протянувшуюся с севера на юг на 3500 км.

Степень зависимости от Египта покоренных стран и городов была различной. Наиболее прочно с Египтом была связана Эфиопия, непосредственно управлявшаяся египетской администрацией во главе с наместником, носившим титул «царского сына Куша», хотя бы он и не был царевичем по происхождению. Создать себе столь же сильные позиции в Передней Азии египетские цари не смогли из-за трудности перехода через пустыню и постоянного Противодействия соседних держав. Однако в важных передне-азиатских городах стояли египетские гарнизоны, а наследники их правителей воспитывались как заложники при египетском дворе в угодном фараону духе. Азиатский наместник Египта носил титул «начальника северных стран».

Огромные богатства стекаются в Египет и в качестве ежегодной дани с уже покоренных стран, и в виде военной добычи — с ещё покоряемых. Многие достаются египетскому войску, щедро дарует ему царь боевые награды, землю, пленных. Не забывает фараон и жречество, с которым необходимо ладить, поэтому большая часть военной добычи даруется храмам, прежде всего храму Амона-Ра в Фивах. В главном храме Амона-Ра ведется грандиозное строительство. Не оставлены без внимания и другие храмы.

Тутмосис III умер на 54-м году своего царствования. На престол восходит его сын Аменхетеп II. Он также проводит свое царствование в походах, подавляя возникающие то там, то здесь мятежи. Более ста тысяч азиатов привел этот царь в Египет — возможно, только после одной большой карательной экспедиции в Переднюю Азию. Его сын Тутмосис IV также совершает несколько азиатских походов, подавляет восстание в Эфиопии.

Карательные экспедиции Аменхетепа II и Тутмосиса IV сложили сопротивление переднеазиатских князьков. Признали могущество Египта и независимые от него государства: касситская Вавилония, Хеттское царство и г. Ашшур. После военной конфронтации завязываются мирные отношения с царством Митанни, укрепленные браком Тутмосиса IV с митаннийской принцессой.

Неудивительно поэтому, что тридцатилетнее правление преемника Тутмосиса IV, Аменхотепа III, было на редкость мирным. Новый царь лишь однажды, на 5-м году своего царствования, совершил поход в Эфиопию. Царствование Аменхетепа III отмечено грандиозным строительством. В Фивах сооружается новый величественный храм в честь Амона-Ра; на западном берегу Нила возле столицы возникла загородная царская резиденция — большой роскошный дворец, а несколько севернее его — заупокойный храм царя, перед пилонами которого были воздвигнуты две огромные статуи фараона,

знаменитые «колоссы Мемнона»(Впоследствии, когда только эти два колосса и сохранились от дворца, древние греки считали их изображениями Мемнона, сына Эос, богиня зари, потому что при утреннем ветре в щелях обветшавших статуй возникали мелодические звуки. Щели были заделаны по приказу одного из римских императоров.). Возле развалин этого храма в прошлом веке была раскопана аллея из сфинксов, изваянных из розового асуанского гранита. Два из них стоят ныне на одной из невских набережных в Ленинграде. Источником столь обширной строительной деятельности Аменхетепа III были несметные богатства, поступавшие в Египет из покоренных и зависимых стран. Египет находился на вершине своего могущества. Но, оказывается, не все было благополучно в безмятежные времена Аменхетепа III. Внутренняя стабильность государства исподволь, постепенно расшатывалась постоянной, но пока ещё незримой борьбой двух могущественных группировок внутри правящего класса. Интересы потомственной столичной и местной, номовой знати, с одной стороны, и новых социальных слоев и выдвинувшейся из их среды новой служилой знати — с другой, становились все более и более непримиримыми. Открытая борьба назревала и вылилась наконец в так называемую религиозную реформу Эхнатона.

Религиозная реформа Аменхетепа IV и конец XVIII династии.

Ещё юношей будущий знаменитый реформатор Аменхетеп IV стал соправителем отца, который в последние годы своей жизни был тяжело болен. В это время, как и в первые годы самостоятельного правления Аменхетепа IV, на ведение государственных дел большое влияние оказывала его мать, умная и энергичная царица Ти, женщина незнатного происхождения. Брак Аменхетепа III с дочерью безвестного заведующего скотом одного из провинциальных храмов, по-видимому, был в свое время неодобрительно встречен фиванским жречеством и столичной знатью. Личная неприязнь сыграла роль в разразившихся вскоре событиях, по сама была определенным проявлением давно назревавшего конфликта внутри верхов египетского общества.

Аменхетеп IV стал египетским царем около 1400 или 1375 г. до н.э. Его семнадцатилетнее правление связано с наиболее резким столкновением обеих могущественных группировок правящего класса.

Инициаторами решительного противоборства были лично связанные с царской семьей выходцы из многочисленного служилого слоя, за которым в памятниках Нового царства утвердилось наименование немху(Первоначальное значение слова немху — «бедный, сырой, ничтожный», но начиная с середины XVIII династии оно все чаще появляется на памятниках людей, занимавших порой очень видное место в египетской иерархии, становясь социальным термином для обозначения (во всяком случае, в период Нового царства) людей нового служилого слоя. Прежнее значение термина теперь лишь

оттеняет происхождение этого слоя, противопоставляя его старой знати.). Наиболее удачливые его представители, выдвинувшись на службе, упрочили свое положение во всех сферах египетского административного и хозяйственного аппарата, в армии, при царском дворе, и их основной целью стало возможно более радикальное оттеснение старой потомственной знати от источников власти и богатства. Царь, ставший во главе этой энергичной и преданной ему группировки, надеялся с ее помощью еще более укрепить свою самодержавную власть.

Задача, стоявшая перед новой служилой знатью, была не из легких, учитывая политическую и экономическую силу противоположной стороны, все еще занимавшей прочные позиции как на местах, так и в центре. Огромным было влияние и могущественного фиванского жречества, тесно связанного и со старой потомственной знатью, и со жречеством местных, провинциальных культов. Именно жречество Амона-Ра, главного египетского бога с начала XVIII династии, стало наиболее последовательным противником новой служилой знати и самого Аменхотепа IV. Неудивительно поэтому, что видимая сторона борьбы, принявшей в тогдашних условиях неизбежную религиозную окраску, выявилась в противостоянии провозглашенного царем нового общеегипетского божества, Атона, с фиванским богом Амоном-Ра и другими старыми богами страны.

Ожесточенная и непримиримая позиция фиванского жречества, возможно, станет более понятной, если учесть, что к тому времени уже, без сомнения, сложилась присущая всему Новому царству система взаимоотношений храмового хозяйства с царской администрацией. Для этой системы были характерны жесткий контроль центральной власти над всеми отраслями храмового хозяйства и значительные прямые отчисления зерна, собираемого с земель, числившихся за храмами, в пользу царской администрации для обеспечения возросшего государственного аппарата и воинов. По-видимому, такие отчисления взимались и с других отраслей храмового производства. Наконец, существовала практика отчисления зерна за пределы храмового хозяйства путем непосредственного обеспечения многочисленных воинов различных рангов, а также царских чиновников и других представителей нехрамовой администрации зерном, производимым храмовыми земледельцами на храмовых землях.

Известно, какие богатства даровались египетскими фараонами XVIII династии многочисленным египетским храмам после каждого успешного иноземного похода, но оказывается, что сами храмовые хозяйства становились немаловажным источником поступления материальных средств в пользу фараона, что в большой степени и позволяло обеспечивать агрессивную внешнюю политику страны и способствовало укреплению позиций нового служилого социального слоя и его верхушки. Возможно, что со временем контроль над храмами и отчисления в пользу центральной власти возросли, что, естественно, не могло не вызвать недовольство и сопротивление со

стороны жречества, и прежде всего наиболее сильного — фиванского жречества. Таким образом, отношения между противоборствующими сторонами ко времени восшествия на престол Аменхетепа IV накалились до предела; открытая борьба между ними стала неизбежной.

Вначале, однако, ход событий был несколько замедлен; нововведения, оказавшие вскоре огромное влияние на все сферы египетской жизни, нарастали постепенно. Введение нового общегосударственного культа бога Атона (Атон — традиционное в науке обозначение этого бога, но оно основано на созвучии с именем бога Амона. Условное египтологическое произношение имени должно быть «Итен», а древнее было, видимо, «Йати»), почитаемого в образе солнечного диска с отходящими от него лучами-руками, дарующими стране все блага жизни, ни в коей мере не означало упразднения древнего египетского многобожия, и первый храм, посвященный новому божеству, был возведен царем в Фивах, вблизи святилищ Амона-Ра.

Однако новый общегипетский культ Атона, бога, который пользовался особым покровительством царя, провозгласившего себя единственным сыном нового божества, предполагал и огромные строительные работы по возведению его храмов, и дарения ему больших земельных массивов в разных частях Египта, многочисленных пастбищ, скота, охотничьих и рыбных угодий, и обеспечение вновь создаваемого храмового хозяйства рабочей силой, и, наконец, учреждение большого штата высокопоставленных и рядовых жрецов — слугителей нового культа. Они, как это видно из памятников той поры, были в основном представителями новой служилой знати. На практике все это означало значительное перераспределение материальных и людских ресурсов в пользу нового божества и в ущерб жрецам старых традиционных египетских богов (и прежде всего Амона-Ра), основным противникам царя-реформатора и его сторонников.

По-видимому, на 6-м году царствования Аменхетепа IV борьба резко обостряется и вскоре достигает апогея. Царь вместе со своим двором покидает ненавистные и враждебные ему Фивы и в 300 км к северу от этого центра почитания Амона-Ра приказывает основать новую столицу—Ахет-Атон («Горизонт Атона», т.е. место, где восходит над миром солнечный диск; ныне городище Телль-Амарна). Несколько раньше, борясь теперь уже с самим именем бога Амона, входящим в состав его собственного личного имени (Аменхетеп значит «Амон доволен»), царь переименовывает себя в Эхнатона (Эхнатон также традиционное, но неправильное произношение имени. Условное египтологическое произношение — «Их-не-Итен».) («Полезный для Атона»). Новые личные имена получают члены его семьи, его сановники, если в состав их имен входило имя Амона или некоторых других старых египетских богов. Теперь имена божеств, противных Атону, безжалостно уничтожаются на всех памятниках.

Более десяти лет находился египетский двор во главе с Эхнатоном в новой столице, построенной в невероятно короткий срок и ставшей большим городом с величественными царскими дворцами, огромным храмом в честь Атона, обширными садами и особняками царских сановников, похвалявшихся в надписях своим роскошным гробниц своим незнатным происхождением.

Казалось, что динамичные сторонники перемен, возглавляемые самим царем, решительно одерживают верх над своими соперниками. Однако культ Атона не имел корней в традициях и представлениях не только знати, но и всего египетского народа. Замена противоречивых архаичных культов прежних богов логично продуманным почитанием практически одного лишь Солнечного диска — Атона — не сулила никакого облегчения жизни кому-либо, кроме фараонских ставленников, соперничавших со старым жречеством, не обещала ни реальных благ, ни даже воображаемых — в виде более справедливого загробного воздаяния. Между тем жречество Амона было сильно не только своими материальными богатствами, которые накапливались столетиями, не только давней традицией народных верований, которые оно выражало, но даже и тем, что еще со времен Среднего царства народные массы привыкли считать именно Амона заступником маленьких людей, прибежищем в их повседневных нуждах. В то же время между знатью, стоявшей за Амона, и знатью, стоявшей за Атона, — двумя прослойками господствующего класса — не было действительно непримиримого классового противоречия. Поэтому за периодом передела власти и богатств неизбежно должен был последовать период соглашения между враждовавшими силами. Итак, нет ничего удивительного в том, что смерть еще нестарого, но, по-видимому, с юных лет болезненного фараона резко изменила дальнейший ход событий. У непосредственных преемников царя-реформатора, Семнеха-Ра и Тутанхамена, юных и недолговечных супругов его старших дочерей, не было ни авторитета их предшественника, ни его фанатизма и воли, ни самого желания продолжить его дело. Краткая, но бурная борьба вокруг наследия Аменхотепа IV, начавшаяся во время правления Семнеха-Ра, царствовавшего менее трех лет, явилась периодом глубоких изменений в самом солнцепоклонническом культе, изменений, которые позволили сначала отказаться от исключительного почитания Атона, какое было свойственно Аменхотепу IV в последние годы его жизни, а затем и восстановить старую иерархию богов. Культ Амона как главного божества Египта был полностью восстановлен, вероятно, в самом начале царствования Тутанхамена, двор которого покидает Ахет-Атон и возвращается в Фивы.

Естественно, что не достигший еще и десятилетнего возраста мальчик — новый царь не смог самостоятельно осуществить столь крутой поворот во внутренней жизни страны. За его спиной, несомненно, стояла влиятельная группа бывших приверженцев царя-реформатора, склонных, однако, в изменившейся обстановке к примирению со своими недавними противниками. И не случайно

самым влиятельным человеком при дворе юного фараона был Эйе, старый вельможа Аменхетепа IV, начальник его колесничного войска, недавний ревностный почитатель Атона, преданность которому он запечатлел на стенах своей заблаговременно возведенной гробницы в Ахет-Атоне.

Умерший после десятилетнего царствования юный, девятнадцатилетний Тутанхамен был погребен на западном берегу Нила в традиционном месте захоронения египетских царей XVIII династии — «Долине царей» возле Фив. Его скальная гробница, открытая в 1922—1924 гг. английским археологом Говардом Картером, случайно оказалась почти не тронутой древними грабителями, и в ней среди погребальных принадлежностей и утвари было обнаружено множество замечательных произведений искусства той эпохи. Имя владельца этих сокровищ, ничем не примечательного юного египетского царя, стало сразу же широкоизвестным. Тутанхаменом, не имевшим наследника, XVIII династия фактически пресеклась, и престол после неудавшейся попытки пригласить в фараоны хеттского царевича перешел к старому временщику Эйе, возможно родственнику главной жены Аменхетепа IV — Нефертити; а еще через четыре года, после смерти Эйе, в самой середине XIV в. до н.э., египетский трон захватывает могущественный начальник египетского войска Харемхеб, человек, вовсе не состоявший в родстве с правящей династией. Он был провозглашен царем Египта фиванским жречеством на одном из храмовых праздников в честь Амона.

Более чем тридцатилетнее царствование Харемхеба — важный послереформенный этап египетской истории, позволяющий в какой-то степени понять конечную судьбу деятельности Аменхетепа IV. С одной стороны, новый фараон ведет ожесточенную борьбу с самой памятью царя-реформатора, начатую еще его предшественниками. По приказу царя беспощадному уничтожению-подвергся Ахет-Атон, город, уже давно покинутый двором и жителями. Храм Атона, царские дворцы, а также особняки царских приближенных, хозяйственные службы и скульптурные мастерские (В одной из них — мастерской скульптора Джахутимеса — были найдены всемирно известные неоконченные скульптурные головы царицы Нефертити и другие художественные шедевры «амарнского» искусства.) — все было повергнуто в прах. Имя «отступника из Ахет-Атона» исчезло из официальных документов, а его годы правления в царских хрониках были причислены к годам царствования Харемхеба.

Заинтересованный в поддержке фиванского жречества и стоящих за ним кругов, царь воздвигает грандиозные святилища в честь Амона в Карнакском храме, раздает храмам обширные земельные угодья, людей, скот, различную утварь. Создается впечатление, что противники реформ Аменхетепа IV торжествуют полную победу; кажется, что новый царский двор круто изменил свою общественную ориентацию.

Однако памятники времени Харемхеба вскрывают и другую сторону его деятельности, позволяющую уяснить, что он не обделил своим вниманием и тот слой египетского общества, на который в недалеком прошлом опирался царь-реформатор. Свидетельством тому служит указ Харемхеба, выбитый на каменных плитах во многих городах Египта. Царь грозит суровым наказанием (отрезанием носа и ссылкой в пограничную пустынную крепость Чару) тем должностным лицам, которые совершат акты произвола по отношению к немху, провозглашаются меры по укреплению правосудия во всей стране, нарушение которого карается смертью. Защита среднего служилого слоя, и особенно воинов, объявляется постоянной заботой фараона, а их материальное обеспечение гарантируется всем достоянием дворца и его житницы.

Интересно, что при царском дворе по-прежнему многие высшие должности занимают выходцы из среды мелкого и среднего служилого люда, чиновники, не связанные со старой потомственной служилой знатью, местом средоточия которой, как и раньше, являются Фивы. Но египетские цари послереформенного времени не склонны подолгу задерживаться в Фивах. Уже двор Тутанхамена пребывает в основном на севере, в Мемфисе, а не в южных Фивах. Сразу же после коронации на север отправляется и Харемхеб, и эту традицию продолжают фараоны следующей, XIX династии.

Все это наводит на мысль, что длительное противоборство фиванского жречества и старой служилой знати, с одной стороны, и нового служилого слоя, возникшего на заре XVIII династии и постепенно усиливавшего свои позиции, — с другой, после открытого столкновения при Аменхотепе IV с его смертью завершилось некоторым временным компромиссом, проявившимся и в определенном территориальном размежевании. На юге страны все заметнее возрастает влияние фиванского жречества, на севере же, где теперь почти постоянно находится царский двор и располагается большая часть египетского войска, сильны позиции средних слоев служилого населения — немху. Именно с этих пор Нижний Египет, раньше занимавший второстепенное экономическое и политическое место в жизни страны, вступает в период бурного расцвета, причем значение его особенно возрастает в связи с возобновлением широких военных операций Египта в Передней Азии, которые после долгого перерыва, вызванного внутривосточной борьбой, были вновь начаты фараонами XIX династии, пришедшей к власти после смерти Харемхеба.

Египет при XIX династии.

Растянувшаяся на долгие годы внутренняя борьба в Египте не могла не отразиться на отношениях с его переднеазиатскими владениями. Покорные раньше, местные князьки один за другим отпадают от Египта, который, как об этом свидетельствуют данные царского дипломатического архива из Ахет-Атона (Телль-Амарны), был не в

состоянии оказать своевременную военную помощь даже своим, теперь немногим, азиатским союзникам, подвергавшимся нападению соседей, больше не признававших власти египетского царя. Еще большей опасностью для позиций Египта в Передней Азии стало усилившееся в середине XV в. до н.э. в восточной части Малой Азии Хеттское государство, претендовавшее теперь на владения фараонов в Сирии и Палестине.

Сепаратистские стремления местных правителей, их междоусобная борьба, военное давление хеттов с севера, постоянное вторжение отрядов хапиру и полная пассивность египетского войска — все это привело к тому, что уже к концу царствования Аменхетепа IV огромное наследие Тутмосиса III в Передней Азии оказалось почти утраченным. Слабые преемники царя-реформатора, последние фараоны XVIII династии были еще не в состоянии упрочить внешнеполитические позиции Египта, хотя при Тутанхаме и был предпринят азиатский поход, возглавленный, возможно, Харемхебом. Став царем, энергичный Харемхеб основные свои усилия направил на внутреннюю консолидацию страны, в чем и достиг, по-видимому, значительного успеха. Именно прекращение внутренних распрей способствовало тому, что цари следующей, XIX династии смогли уже обратить свое внимание и на иноземные дела, возобновить широкие военные операции, целью которых было возвращение потерянных позиции в Передней Азии, где теперь прямое столкновение египтян и хеттов стало неизбежным.

Начало больших военных походов за пределы Египта было положено вторым царем новой династии, Сети I, возглавившим Египет после смерти основателя династии, своего отца Рамсеса I, пробывшего на троне лишь два года.

Многие десятилетия, со времени грозного Аменхетепа II, не видела Передняя Азия египетского царя во главе войска, и вот в первый же год правления Сети I сам повел его в большой азиатский поход, приведший к восстановлению власти Египта вплоть до крепости Мегиддо, хорошо нам известной еще по походам Тутмосиса III. Совершив затем карательную экспедицию в глубь Нубии и разгромив к западу от Дельты ливийские племена, Сети I вновь отправляется за Синай. На этот раз египетские войска вторгаются в долину Оронта и продвигаются к г. Кадету (Кинзе), уже давно ставшему опорным пунктом хеттов в Передней Азии. Впервые египетские и хеттские войска встали друг против друга, однако авангардные бои армий двух держав, претендовавших на власть в Передней Азии, при Сети I явились только пробой сил перед решительной схваткой.

К концу XIV или началу XIII в. до н.э., после смерти Сети I, во главе окрепшей египетской державы становится его 22-летний сын Рамсес II, мечтавший восстановить и расширить переднеазиатские владения Египта. Задача нанести поражение хеттам была не из легких, так как египетские войска впервые встретили здесь не разрозненных князьков

Сирии и Палестины и даже не их неустойчивую коалицию, как при Тутмосисе III,— противником Египта было могущественное, находящееся в периоде расцвета Хеттское государство с его мощной армией, подчиненной лишь одному военачальнику — хеттскому парю Муваталли, который сам не прочь был сокрушить своих соперников в Передней Азии. Насколько ожесточенной и трудной была эта борьба, можно судить по дошедшим до нас разнообразным источникам, среди которых особое место занимает подробное красочное описание первой битвы Рамсеса II с хеттами у стен г. Кадета.

Весной пятого года своего царствования (возможно, в 1312 г. до н.э.), собрав большое войско, Рамсес II выступил из пограничной крепости Чару. После 29-дневного похода передовой отряд, возглавляемый самим царем, разбил лагерь на расстоянии одного перехода от Кадеша, возле стен которого находилась армия хеттов и союзных сирийских и малоазийских царьков.

Введенный в заблуждение подосланными в египетский лагерь хеттскими лазутчиками, которые уверяли, что хетты, испугавшись египетского войска, спешно отступили далеко на север от Кадеша, Рамсес II, не дожидаясь подхода всей армии, только с передовым отрядом двинулся к Кадету и вступил в битву с хеттами, в которой чуть не погиб вместе со всем передовым отрядом. Счастливая случайность — неожиданное появление на поле брани еще одного отряда египтян, новобранцев, посланных ранее царем вдоль морского побережья для последующего воссоединения с основными силами — спасла положение. Контратаки хеттских колесниц не имели успеха — они лишь мешали друг другу, сцеплялись колесами в узком проходе, пехоту же Муваталли почему-то держал в резерве. Египтяне продержались до вечера, когда к Кадешу подошел наконец второй отряд их основных сил. Противники на этот раз так и не смогли одолеть друг друга.

Лишь после пятнадцатилетней тяжелой борьбы Рамсесу II удалось вытеснить хеттов из Южной Сирии, захватить Кадеш и многие другие города, которые к этому времени египтяне хорошо научились брать штурмом. Северная же часть бывших владений Тутмосиса III осталась за хеттами. На 21-м году царствования Рамсеса II (около 1296 или 1270 г. до н.э.) между ним и хеттским царем Хаттусили III был заключен мирный договор, скрепленный позже женитьбой египетского царя на дочери царя хеттов.

После войны с хеттами Рамсес II правил Египтом ещё более 45 лет (по долголетию у него не было соперников, за исключением Пиопи II — царя далекого Древнего царства). Следуя традиции своих предшественников, царь выбирает местом своего постоянного пребывания Нижний Египет; на востоке Дельты им возводится роскошная царская резиденция, город, носивший имя Пер-Рамсес («Дом Рамсеса»). Известна широкая строительная деятельность царя в Фивах, Абидосе, Нубии, где по его приказу был вырублен в отвесной

скале огромный пещерный храм с гигантскими статуями самого фараона, изваянными в той же скале по обеим сторонам от входа в скальное святилище. И сейчас знаменитый Абу-Симбельский храм, распиленный на части и восстановленный вновь над разлившимися водами большого асуанского водохранилища, поражает своим величием.

Рамсес II пережил многих своих сыновей (В конце жизни Рамсес II был женат на собственной дочери. В Египте (так же как в Эламе и некоторых других древневосточных царствах) был распространен обычай женитьбы царей на своих сестрах, чтобы не создавать себе свойственников среди знати, которые могли бы быть опасны, претендуя на престол по женской линии. Но к концу жизни Рамсеса II его сестер, видимо, уже не оставалось в живых.), и после его смерти царем стал тринадцатый его сын, уже немолодой Мер-не-Птах, при котором (в последней четверти XIII в. до н.э.) на Египет с моря и через Палестину обрушилось нашествие «народов моря», совпавшее с крупным вторжением в Западную Дельту ливийских племен. Эта первая волна «народов моря», в состав которых, возможно, входили племена западной части Малой Азии и островов Восточного Средиземноморья, была отбита египетскими войсками, возглавляемыми Мер-не-Птахом. После его смерти в Египте произошли какие-то серьезные внутренние потрясения, что привело к смене династии.

Египет в период XX династии и конец Нового Царства.

Последние полтора века Нового царства — время правления XX династии, пришедшей к власти в стране после бурных событий, о которых глухо упоминается в повествовательной части одного из важнейших административно-хозяйственных источников древнего Египта — огромного, 45-метрового папируса Харрис (Крупные папирусы, по научной традиции, обозначаются именем прежнего владельца (как в данном случае) или именем первого публикатора.), составленного при Рамсесе III (в XII в. до н.э.). По-видимому, возобновилась борьба общественных сил, противостоявших друг другу еще при Аменхетепе IV. Компромисс между ними, достигнутый после открытого столкновения при царе-реформаторе, очевидно, оказался непрочным. Подспудная борьба и в новых условиях продолжалась, постепенно подтачивая мощь и единство страны. Несомненно также, что после смерти Рамсеса II и нашествия «народов моря», победа над которыми далась нелегко, заметно ослабла власть центральной администрации. Возможно, в столице происходила борьба за власть. И вот, брошенный на произвол судьбы, Египет и его люди, говорится в папирусе, оказался во власти «великих» и «властителей городов», что привело к междоусобице и разорению страны; начались убийства, жертвами которых стали как «великие», так и простолюдины. Вскоре на сцене появился некий сириец Ирсу, которому, возможно, удалось даже захватить временно власть в стране. На какие силы опирался

сириец Ирсу, кто были его сторонники, каков был масштаб его действий, сказать трудно. Не исключена, однако, возможность того, что в тяжелых условиях внутренней борьбы и неизбежной хозяйственной разрухи произошло широкое выступление низов египетского общества, в котором приняли участие и иноземцы. В этой критической обстановке Сетхнехту удалось наконец подавить мятеж, восстановить авторитет центральной власти.

Сын Сетхнехта, основателя новой, XX династии, Рамсес III (середина XII в. до н.э.) унаследовал от отца уже замиренную страну, иначе вряд ли ему удалось бы справиться с двумя большими вторжениями в Западную Дельту ливийских племен и вторым нашествием «народов моря», которое было отбито в ряде кровопролитных морских и сухопутных битв. Воевал Рамсес III и в Передней Азии, вновь стремясь упрочить пошатнувшиеся позиции Египта за Синайским полуостровом. В состав его войска в неизмеримо большем масштабе, чем раньше, входили иноземные части—шерданы, ливийцы, филистимляне; дело в том, что, уступая давлению жречества, поддержка которого в трудное для страны время была необходимой, царь освободил храмы от рекрутской повинности их работников (призыва в армию каждого десятого).

Большие дары и привилегии храмам, которые все больше и больше стали противопоставлять себя центральной власти, содержание уменьшившегося, но все ещё большого войска, изнурительные войны, самоуправство местной администрации — все это привело к резкому ухудшению внутреннего положения страны, к оскудению государственной казны, однажды опустевшей настолько, что не было возможности в срок выдать довольствие ремесленникам и служащим царского некрополя, так что они забастовали. Не прекращается грызня различных придворных клик, жертвой которой стал и сам Рамсес III.

После смерти Рамсеса III при последних восьми царях XX династии, которые все носили личные имена Рамсесов, внутренняя стабильность и внешнеполитические позиции Египта оказались окончательно подорванными. Уже при Рамсесе VI Египет полностью лишается своих иноземных владений, за исключением Эфиопии. Центральная администрация уже не в состоянии твердо держать бразды правления в своих руках. Наметившееся вскоре после реформ Аменхотепа IV политическое и экономическое размежевание Нижнего Египта от Верхнего, где фиванское жречество постепенно берет в свои руки всю полноту власти, усиливается. Попытки Рамсеса IX как-то урезать права верховного жреца Амона не увенчались успехом. Наконец, при Рамсесе XI верховный жрец Амона Херихор концентрирует в своих руках все высшие должности государства — он и верховный сановник (чати), и глава египетского войска. После смерти последнего царя XX династии власть на юге страны переходит к Херихору, однако Нижний Египет не признал верховной власти фиванского правителя. В Дельте возникла собственная династия со столицей в г. Танисе (Пер-Рамсесе).

С этого времени (середина XI в. до н.э.) единое египетское государство Нового царства прекращает свое существование.

Литература:

Виноградов И.В. *Новое Царство в Египте./История Древнего мира. Ранняя Древность.- М.:Знание, 1983 - с.272-291*

Лекция 14: Культура Древнего Египта.

Религия.

В течение многовекового развития египетского государства значение и характер различных культов менялись. Смешивались верования древнейших охотников, скотоводов, земледельцев, на них наслаивались отзвуки борьбы и политического роста или упадка разных центров страны.

В то же время для египетской религии характерно длительное существование первобытных представлений, и многие древнейшие культы сохранили свое значение на протяжении всей истории древнего Египта.

Многочисленные божества, почитавшиеся в различных местностях, олицетворяли различные природные силы и общественные явления. Небо представлялось женщиной или коровой, земля и воздух — мужскими божествами (У подавляющего большинства народов мира дожденосное небо представлялось Отцом, а плодоносящая земля — Матерью. Иная структура египетской мифологии, возможно, объясняется апологическими причинами: в долине Нила дождь практически не выпадает никогда; небо воспринималось как женское божество в качестве «родительницы» Солнца и небесных светил. Земля же разделялась на «красную», смертоносную землю пустыни и на порождающую жизнь «черную» землю долины. «Черная» земля, как и приходящий ежегодно из неведомого юга Нил, обычно не воспринималась как женское божество, а скорее как мужское; но животворящее начало, содержащееся в земле, придавало, более чем у соседних народов, надежды на блаженную жизнь ушедших в неё мертвых, и не тем ли объясняется совершенно своеобразное развитие культа мертвых именно в Египте и то обстоятельство, что и Геб, бог земного начала как такового, и Осирис, бог загробного мира, воспринимались и как мужское, жизнедающее начало? — Примеч.ред.). Ибисоголовый Тот был покровителем письменности и колдовства, а богиня Маат олицетворяла истину. Явления природы воспринимались как отношения различных божеств.

Некоторые боги в древности почитались египтянами в виде животных или птиц. Сокола Гора (или Хора) ещё с древнейших времен

связывали с представлениями о могучем небесном божестве. Сокол изображался на племенных штандартах, он же показан приносящим победу Нармеру над Северным Египтом. После образования государства Гор выступает неизменным покровителем фараонов, которые сами назывались теперь Горами. Слиянию культа Гора с царским способствовало и то, что с развитием поклонения Осирису как умершему царю Гор входит в круг осирических мифов. В то же время соколы, объекты поклонения в различных местностях, сливались с возникавшими тут местными культами солнечных божеств.

Пережитки первоначального поклонения богам-животным прослеживаются в появлении звериных или птичьих голов у антропоморфных божеств, в деталях головных уборов (рога коровы у Хатхор, газели у Сатит, барана у Амона и пр.). Позднее звери и птицы считались «душами» богов и жили при храмах. Чтобы быть признанным воплощением того или иного божества, животное должно было обладать особым цветом, формой пятен, рогов и т.д.

Одним из наиболее почитавшихся животных и Египте был бык. Он издревле воспринимался как олицетворение производящей силы и плодородия. Культ быков существовал в ряде мест и слился с культом тех богов, которые получали в данной местности господствующее положение. Так, в Мемфисе «душой» местного бога Птаха стал бык Апис, культ которого был связан с культом Осириса, в Гелиополе бык Мневис считался воплощением солнечного бога Ра, в Гермонтисе «живым образом» местного бога стал бык Бухис.

Животным Амона был баран, подобно быку издавна почитавшийся в Египте как олицетворение плодородия. Священные бараны жили при храмах ряда богов. Например, в Эсне, Элефантине и 21-м номе барана считали воплощением бога Хнума, в Гераклеополе — бога Херишафа. В Мендесе, важнейшем месте почитания барана, священный баран назывался Банебдждед — «Душа владыки Дждед» (Мендеса).

Большое распространение получил культ навозного жука, которого античные писатели называют скарабеем. В процессе осмысления явлений природы возник образ жука, толкающего перед собой солнечный диск. Он изображается также летящим и несущим солнце. Скарабей стал считаться воплощением восходящего солнца Хепри, с ним связывали надежды на жизнь и воскресение. Жукам поклонялись в храмах солнечных божеств.

Культ богини Хатхор вырос из почитания коровы. Обычно Хатхор изображался женщиной, иногда с ушами и рогами коровы, иногда с коровьей головой. Обогащаемые коровы жили при храмах. Поскольку небо, по некоторым сказаниям, мыслилось в виде коровы, Хатхор стала считаться небесной коровой. Ей поклонялись как богине, связанной с соляным культом, подательнице плодородия. С этим же связано представление о Хатхор как о божестве дерева.

С различными богами были связаны священные кошки, обезьяны, змеи, ихневмоны. После смерти трупы священных животных и птиц мумифицировали, затем укутывали в пелены и помещали в гробы с изображением погребенного животного на крышке. Во многих местах Египта найдены обширные кладбища животных. Наиболее известны гробницы крокодилов в Файюме, быков-Аписов в Мемфисе и быков-Бухисов в Гермонтисе.

Издревле во многих центрах сложились культы солнечных богов. Эти боги представлялись в различном облике: в одной местности это был крылатый диск, летящий по небу, в другой — огромный жук, катящий по небу солнечный диск; иногда солнечный бог мыслился в виде сокола, иногда в виде человека с соколиной головой. Имена этих божеств были различны, но независимо от того, назывался ли тот или иной бог Ра, Атум, Хепри или Гор, в основе их лежало поклонение великому светилу. Постепенно многие солнечные божества сливались. Иногда эти слияния пытались объяснить, трактуя, например, Хепри как утреннее солнце, Ра — как дневное, а Атума — как вечернее.

Очень рано особое значение приобретает солнечное божество Ра. Ежевечернее исчезновение солнца и утренний его восход объяснялись как проглатывание и рождение его небом-коровой или небом-женщиной Нут. Наряду с этим существовали и другие представления — о том, например, что Ра днем плывет по небу в ладье до западных гор, где, по верованиям египтян, начиналось ночное плавание Ра в другой ладье. В конце ночного плавания Ра опять переходит на дневную ладью и через ход в восточных горах вновь появляется в небе. Однако, чтобы взойти, солнцу приходится выдержать битву со своим врагом — змеем Аепом. Выйдя из нее победителем, Ра появляется в небе. Очень рано культ этого всеоживляющего и всеохраняющего бога вышел за пределы значения местного божества, и его связь с царским культом мертвых сделала Ра всеегипетским государственным богом.

Главными центрами почитания солнца были Гелиополь и Эдфу. До конца истории Египта культ солнца в том или ином образе оставался официальным государственным культом, причем, если в какой-либо период тот или иной бог получал общеегипетское значение, его немедленно объединяли с главным солнечным божеством Ра (Амон-Ра, Себек-Ра, Менту-Ра).

Со времени Среднего царства, когда Египет вновь объединился под властью не игравшего до сих пор видной роли фиванского нома, огромное значение получил культ Амона. Истоки этого культа не совсем ясны: с одной стороны, Амон, несомненно, близок с коптосским богом производительных сил природы Мином, с другой стороны, Амон встречается среди древнейших божеств г. Шмуну, столицы 15-го верхнеегипетского нома. Культ Амона был перенесен в Фивы для укрепления новой династии и новой столицы. Его женой и сыном провозглашаются фиванские божества Мут и Хенсу. Поскольку Фивы

на протяжении многих веков оставались столицей, культ Амона приобрел общеегипетский характер. Чтобы усилить авторитет этого божества, Амона сопоставили с Ра, и под именем Амона-Ра он прочно связывается с царским культом и даже получает черты бога-творца. В качестве отклика на политическую обстановку и настроения времен Среднего и начала Нового царства Амону придают характер защитника и покровителя простых людей. Но основные его черты — это черты завоевателя и грозного владыки, «царя богов». Те или иные действия царя иногда объяснялись появлением Амона, и даже суд часто творился его именем.

Особое место занимал культ правящего царя, и официальное обожествление царской власти — одна из важнейших черт египетской религии. С древнейших времен фараон считался богом во плоти, разновидностью царского бога Гора на земле. Горовы имена входят в его титулатуру. Уже в Древнем царстве фараона начинают считать сыном Ра, а его имя окружать защитным кольцом. Когда Фивы стали играть большую политическую роль и местное божество Амон получил общеегипетское значение, царя уподобляют этому богу и даже объявляют его сыном. Чудесное зачатие его и рождение изображают на стенах храмов. Власть фараона распространяли не только на страну и подданных, но и на явления природы, существовали специальные обряды, изображавшие фараона распорядителем природных сил. Фараон играл главную роль в общегосударственных земледельческих празднествах: при наступлении времени разлива Нила он бросал в реку папирус с приказом начать разлив, он также начинал пахоту, он же срезал и первый сноп нового урожая.

С культом умершего царя теснейшим образом был связан культ всеегипетского бога Осириса, представляющего ежегодно умирающую растительность. Миф об Осирисе, восстановленный по различным источникам, рассказывает, что некогда он царствовал в Египте и научил людей земледелию и садоводству. Его брат, бог Сетх, желая править сам, убил его. Но и из-под земли Осирис оказался способным оплодотворить свою супругу Исиду; из земли он восходит растительностью. Богиня же Исида рождает от Осириса сына Гора, который вступает в борьбу за наследство отца. После длительных споров боги признают Гора правомочным наследником, Осирис же становится царем загробного мира. Осирис олицетворял воды Нила и был связан с растениями — ячменем, полбой, виноградом. Так же как связь живого царя с Гором, связь Осириса с мертвым царем прослеживается с древнейших времен.

Основными местами поклонения Осирису были Бусирис и Абидос, где Осирис целиком впитал культы местных божеств. Тут проходили в конце периода разлива пышные празднества, в которых представлялась судьба Осириса: его гибель, поиски Исидой его тела, оплакивание и погребение.

После смерти фараон уподоблялся Осирису, даже отождествлялся с ним и получал вечную жизнь. Эти верования отражены в текстах, вырезанных внутри пирамид,— записях царского заупокойного ритуала. То же видно и в коронационном обряде, где живой царь выступает как Гор, а Осирис представлен мумией умершего царя. Очень долго Осирис сохранял черты царского божества, и лишь с конца Древнего, а особенно со времени Среднего царства культ Осириса распространяется на культ мертвых вообще. Не только царь, но и рядовой человек при помощи заклинаний становился Осирисом и получал вечную жизнь. Вера в загробное существование не менее прочно переплеталась с представлениями солярного культа, также вначале связанного только с царем. Ра, как и Осирис, олицетворял источник вечной жизни, и умерший, попавший путем колдовства в число спутников Ра, в его ладью, разделял с ним его судьбу.

Представления, касающиеся загробного бытия, являлись сложной смесью древнейших и более новых верований — часто противоречивых и даже исключаящих друг друга. Считали, что человек обладал несколькими «душами». Одна из них — двойник человека, Ка — обитала в гробнице. Ка, которую воображали себе птицей с человеческой головой, должна была при свершении специальных обрядов соединиться с телом, чтобы умерший ожил. Для этого надо было сохранить тело, что привело к мумификации трупов и стремлению построить прочную гробницу. Египтяне строили гробницы из камня или высекали в скалах. Однако недостаточно было совершить заупокойные обряды во время похорон и снабдить покойника необходимыми для загробной жизни вещами и провизией. Вечная жизнь предполагала постоянные жертвоприношения, забота о которых падала на наследников, в первую очередь на старшего сына, затраты на них, на содержание жрецов и гробницы. Поэтому царем и частными лицами выделялись специальные земли, доход с которых шел на поддержание заупокойного культа.

Огромную роль в верованиях египтян играло имя — уничтожение его приносило непоправимый вред загробному бытию, и египтяне всегда придавали большое значение его сохранению. Именно с этими верованиями связан миф о Ра и змее, в котором рассказывается, как Исида хитростью выведала истинное имя Ра и тем приобрела над ним власть.

Ко времени Нового царства окончательно формируется идея загробного суда, смутные представления о котором существовали и ранее. Идея суда характерным для египтян образом тесно связывает этический и магический элементы. Так, письменная фиксация отказа от своих прегрешений как бы уничтожает их, а находящиеся в равновесии весы, на которые при загробном суде Осириса бросают сердце, свидетельствуют о его праведности.

Смерть и состояние после нее считали продолжением земного существования, причем толковали это настолько буквально, что

существовали специальные заклинания, которые должны были отвлечь в загробном мире смерть от человека, уже умершего на земле. Общение живых с покойными происходило не только во время жертвоприношений и молитв, но и в виде письменных обращений к умершим с различными жалобами и просьбами. Возможность вмешательства мертвых в дела живых считалась делом обыденным. Существовала твердая вера в то, что умерший может помочь в несчастье или навлечь бедствия. Покойных просили выиграть судебное дело, исцелить больного, даровать потомство. Последнее было особенно важно для поддержания заупокойного культа. Человек желал после смерти сохранить возможность бывать на земле и находиться среди людей. Специальные тексты должны были способствовать ему в этом и обеспечить «выход днем» из гробницы.

В гимнах, записях ритуалов и т.п. часто встречаются мысли о мироздании. Существовавшие идеи о сотворении мира очень противоречивы, что можно объяснить различиями во времени их возникновения и местах их происхождения. Хотя одно учение и получало преобладание перед другим, не было канонизированной концепции создания мира, и наряду с гелиопольским мифом о творце Атуме и мемфисским сказанием, приписывавшим ту же роль Птаху, существовали верования о том, что на поднявшемся из первобытного океана холме вырос лотос, который дал жизнь солнечному богу, или что солнце появилось из яйца, снесенного «Великим Гоготуном» на этом холме, и т.п.

Все же наибольшее распространение получило гелиопольское сказание из-за особого положения этого города как древнейшего политического и религиозного центра. Согласно ему, Атум, отождествленный с солнцем под именем Атум-Ра, возникнув из первобытного хаоса, оплодотворяет самого себя и выплевывает первую пару божеств: Шу — воздух и Тефнут — влагу. Тем самым Атум-Ра становится прародителем мира, так как Шу и Тефнут порождают Геба — землю и Нут — небо, а те, в свою очередь, Осириса, Исиду, Сетха и Нефтис. Эти боги образуют гелиопольскую «Великую Девятку», которая занимает важное место в пантеоне.

Более поздним, возникшим уже на почве Египта эпохи государственности, является мемфисское сказание. Оно приписывает местному богу Птаху сотворение мира сердцем (т.е. разумом) и словом. Называя вещи, Птах тем самым их создает.

Архитектура.

О древней гражданской архитектуре мы осведомлены очень мало. По некоторым изображениям и описаниям можно представить жилище как дом из кирпича-сырца внутри ограды. Со двора вход в дом был оформлен в виде колонного портика с навесом, из которого две-три двери вели в расположенные рядом комнаты. Опорами для перекрытий служили легкие деревянные колонны с растительными

капителями. Крыша могла быть плоской или сводчатой. На плоской крыше часто располагали крытую беседку, которая затем развивается во второй этаж, а с течением времени появляется и третий. Лестницы размещали снаружи дома. Во дворе мог иметься небольшой пруд с навесом над ним. Вентилювались дома через окна или специальные отверстия в крыше, перекрытые купольными навесами. Дом более сложного плана состоял из зала с одной-четырьмя колоннами, куда входили через портик, и расположенных вокруг зала жилых комнат. Оштукатуренные стены домов, колонны, капители, деревянные двери были ярко раскрашены, окна забраны прямоугольными, а позже орнаментальными решетками.

Некоторое представление об архитектурной и социальной планировке города можно получить по остаткам поселения у пирамиды Сенусерта II у современного города Эль-Лакхун. Поселение окружено стеной. Вторая стена разделяет его внутри на две неравные части. В меньшей части один к другому лепятся домишки бедноты. В большей части были расположены царский дворец, жилища вельмож и дома средних размеров. Самые большие дома имели до 70 помещений различного назначения и занимали площадь 60 X 40 м, что равнялось площади 14 средних или 25 маленьких домов. Поселок был разделен пересекавшимися под прямым углом улицами и переулками, на которые выходили глухие стены домов и дворов. План большого дома можно в общем разделить на четыре части: хозяйские покои, женская половина, жилища слуг и хозяйственная часть. Каждая часть группируется вокруг своего двора, часто с колоннадой. Спальные и жилые комнаты выходят на север. Главный двор располагался в глубине дома. Из него через веранду с колоннами попадали в приёмный зал. По сторонам помещались жилые комнаты — столовая, хозяйские спальни с умывальными и уборными, комнаты для детей. Большие комнаты имели колонны. Основные черты планировки богатого дома-усадьбы сохраняются и в Новом царстве, что видно по раскопкам Телль-Амарны. Изнутри стены расписывали геометрическим и растительным орнаментом, раскрашивали полы, потолки, колонны, иногда увенчанные нарядными растительными капителями.

Важный материал для суждения о египетской архитектурной планировке города дали также раскопки недолговечного Ахет-Атона с его основными магистралями, вытянутыми вдоль Нила и пересекавшимися поперечными улицами. Но большие города, существовавшие веками, разрастались, включая постепенно дворцы царей, дома знати, простого населения, различные храмы, и не могли сохранить четкую планировку.

Представление о царских дворцах мы можем получить начиная с XVIII династии. Фиванский дворец Аменхетепа III, расположившийся на западном берегу Нила, занимал огромную площадь и состоял из просторных одноэтажных помещений, построенных в разное время. Личные покои царя включали приемный зал, пиршественный зал с тронном, спальню, ванную и туалетную комнаты. Аналогичные покои

были построены для Ти. В дворцовый комплекс входили и дома придворных, мастерские и дома ремесленников, а также большой зал, где справляли праздник «хеб-сед» («Хеб-сед» — праздник, посвященный тридцатилетнему и последующим юбилеям фараона. Предполагается, что главным содержанием его было магическое обновление жизненных сил царя и, по воззрениям древних, тем самым — плодородящих сил земли.). Дворец был богато украшен росписями.

Более детально мы можем судить об амарнских дворцах. Прежде всего поражают их размеры. Достаточно сказать, что длина восточного фасада официальной части Главного дворца, выходящего на дорогу, равнялась почти 700 м. Комплекс зданий этого огромного дворца-усадьбы был вытянут по оси вдоль Нила. За главным входом на северной стороне находился огромный двор, за которым располагались другие дворы и залы со статуями, колоннами и стелами с изображением почитания Атола царской семьей. Один из дворов был вымощен плитами с изображением пленных врагов. За этим двором был глубокий колонный зал. Этот комплекс соединялся с жилым дворцом мостом, проходившим над дорогой. В центре моста было «окно явлений», в котором царь показывался своим подданным в определенных официальных случаях. В отличие от дворца Аменхетепа III, сложенного из кирпича-сырца, дворец в Амарне частично построен из камня. В Амарне существовало несколько дворцов, и все они отличались необычайной пышностью отделки. Стены были покрыты сюжетными и орнаментальными росписями, отделаны цветными поливными изразцами, полы, потолки и лестницы красочно расписаны, колонны со сложными капителями раскрашены и инкрустированы цветным фаянсом.

Рамсес II и Рамсес III построили свои фиванские дворцы на территории заупокойных храмов. Храм и дворец планировались вместе, и портик храмового двора стал портиком дворца. Оба дворца в основном повторяют традиционный план жилого дома.

Рамсес II построил себе новую пышную столицу в Дельте — Пер-Рамсес («Дом Рамсеса»), упоминаемую и в Библии (см. лекцию 11). К сожалению, она не сохранилась, так как ее здания были разобраны на позднейшие постройки, особенно для более поздней египетской столицы Таниса.

Гораздо лучше сохранились сооружения, посвященные заупокойному культу, особенно царскому. Именно здесь прежде всего начал применяться камень, который уже в Древнем царстве стал употребляться в строительстве частных гробниц.

Первым погребальным сооружением, для которого камень явился основным материалом, была гробница-пирамида царя III династии Джесера. Она была построена смелым архитектором Имхетепом. Традиция представляет его не только строителем, но и мудрецом. Слава и память о нем дожили до персов и греков, которые

отождествляли его с богом врачевания Асклепием. Ему были посвящены многочисленные молельни в различных храмах страны. Пирамиду Джесера окружает большая группа культовых строений, назначение которых не всегда ясно. Саму пирамиду начали строить как мастабу(Мастаба (араб. «скамья») — обозначение каменных гробниц вельмож Древнего царства, прямоугольных со скошенными стенами.), однако потом план изменили и гробницу начали наращивать по вертикали, так что в результате получилась ступенчатая пирамида с шестью уступами. Каменное строительство в то время только начинали осваивать, и формы, присущие этому материалу, еще не были найдены. Многие детали зданий комплекса Джесера воспроизводят в камне деревянные прототипы: каменные перекрытия сделаны в виде деревянных балок, пилястры повторяют пропорции деревянных колонн. Кое-где стены отделаны поливными изразцами, подражающими плетению тростниковых циновок, которые висели в домах. Величественные каннелированные стволы колонны связаны со стеной переборками, а в помещении, где колонны стояли свободно, они были попарно соединены стенками. Ступенчатые пирамиды были началом строительства геометрически правильных пирамид, ставших на многие века основной формой царского погребения. Таковы пирамиды Снефру и наиболее известные пирамиды IV династии—Хеопса, Хефрена и Микерина. Ансамбли этих пирамид демонстрируют овладение архитекторами и строителями камнем и полное понимание его конструктивных и декоративных возможностей. Прямоугольные и круглые колонны ставятся свободно и несут тяжелые перекрытия, а разные породы камня используются для украшения внутренних помещений припирамидных храмов. Эти храмы с V династии стали богато украшаться рельефами и колоннами с растительными капителями. Планировка помещений определялась требованиями заупокойного культа. Стандартным типом частных гробниц, которые располагались вокруг царской пирамиды, к IV династии становятся прямоугольные мастабы. Если до этого времени они строились из кирпича-сырца, то теперь известняковые плиты становятся обычным материалом для частных гробниц. Кирпичные культовые помещения, которые сначала пристраивались снаружи, постепенно превращаются в довольно сложную серию комнат и коридоров. На их планировку и оформление оказывают влияние царские погребения, и постепенно частные лица начинают перенимать некоторые черты заупокойного царского культа. То же прослеживается и в скальных гробницах, высеченных в Гизе на местах больших каменоломен и в горах Верхнего Египта.

Вскоре скальные гробницы начинают использоваться и для царских погребений. Таково захоронение Ментухетеп III, перед гробницей которого, высеченной в скалах, строят большой заупокойный храм. Этот храм отличается широким применением колонн. Двухъярусные портики украшали здание, в центре которого, возможно, стояла пирамида. Колоннада окружала внутренний двор, в глубоком зале за ним колонны размещались в восемь рядов. Большую роль в

оформлении храма играли деревья разных пород, специально привезенные и посаженные внутри ограды. До нас дошел план этого сада, сделанный рукой древнего архитектора.

Прежняя форма царского погребения возрождается со времени XII династии. Но теперь пирамиды строят из кирпича-сырца и лишь облицовывают известняковыми плитами. Основное внимание переносится на отделку заупокойных храмов. Прямоугольные гробницы вельмож продолжают окружать царскую пирамиду, но независимая знать, особенно номархи Среднего Египта, предпочитает устраивать погребения в своих областях. Скальные гробницы этих номархов имеют по несколько помещений, многие из них расчленены колоннами (причем боковые проходы делаются ниже среднего), потолок часто вырубается в виде свода. Вход в эти гробницы обычно оформляется портиками, и именно здесь впервые возникли колонны, легшие затем в основу греческого дорического ордера. Особый интерес представляют гробницы номархов 10-го нома, которые, повторяя в основных чертах древнюю планировку, имеют уже новый элемент архитектурного оформления — пилон, столь широко вошедший в архитектуру Нового царства: двойное башневидное сооружение со слегка скошенными поверхностями.

С XVIII династии храм строился отдельно от гробницы, которая высекалась скрытно в удаленных скалах. Главную роль в заупокойном царском комплексе начинают играть поминальные храмы. Они, видимо, представляли собой прямоугольные сооружения, вытянутые по оси, со входами в виде пилонов.

Особое место занимает храм Хатшепсут, созданием которого руководил сановник Сенмут, занимавший чрезвычайно высокие посты при ее дворе. Храм был построен в виде двух террас с портиками, украшенными статуями и рельефами. На террасы вели нарядные лестницы, а в середине второй террасы возвышалась крытая колоннада, образующая небольшой двор. Яркие росписи и пестрые орнаменты, различные сорта дерева, примененные для внутренней отделки, инкрустации бронзой, сердоликом и золотом, обилие колонн и статуй, деревья и пруды делали этот храм очень нарядным.

Традиции самостоятельных заупокойных храмов продолжает и XIX династия. Храм Рамсеса II (Рамессеум), построенный архитектором Пенра, окружен кирпичной стеной, внутри которой располагались кладовые, хозяйственные постройки и жилища для целой армии жрецов и слуг. Вход был оформлен в виде двойного пилона с рельефом, изображающим битву с хеттами. Из первого двора открывался вход во дворец и во второй храмовой колонный двор, из которого три двери вели в колонный зал с верхним освещением. За ним шли меньшей величины колонный зал, культовые и хозяйственные помещения и святилища. План храма кажется сложным из-за многочисленности залов и комнат, но, в сущности, это каменная

версия царского дворца с его прямоугольной планировкой и последовательностью колонных приемного и тронного залов и личных покоев, где «обитал» дух умершего фараона. Гораздо лучше сохранился храм Рамсеса III в Мединет-Абу. Храм и окружающие его постройки спланированы в виде прямоугольника, ограниченного толстой стеной крепостного типа со сложными укрепленными воротами. От Нила к храму был прорыт канал, подходивший к набережной с пристанью. Гробницы саисских царей Позднего царства располагались в городском храме.

Частные гробницы этого времени порой отличаются большой величиной и своеобразием планировки. На земле обычно располагались один-два двора, окруженные стеной со входом-пилопом. Сами же погребальные помещения вырубали в скале. Тут на разной глубине располагались колонные залы, молельни, коридоры — иногда больше 20 помещений. Древнейшие городские святилища строили из дерева и тростника и окружали оградой. Храмы Среднего царства частично разрушились, частично были перестроены, а многие были разобраны на более поздние сооружения. Храмы возводились из кирпича и камня. Симметрия в планировке, входы-пилоны, сады с прудами, граненые колонны, стелы с рельефами, часто террасы, иногда обелиски перед входом — важнейшие элементы их облика.

К Новому царству ведущая роль в художественной жизни окончательно закрепляется за Фивами. Постепенно складывается тип городского храма: вытянутый в плане прямоугольник, обычно обращенный фасадом к Нилу, со входом в виде двойного пилон, ведущим в колонный двор, за которым следовал колопный зал с более высокой средней частью и верхним светом, ряд комнат-молелен, библиотека и пр. Рядом располагались и хозяйственные постройки. Весь комплекс окружали стеной. Как видим, основные элементы храма повторяют основные элементы жилых строений. Это и понятно, поскольку храм мыслился как жилище бога, которому он был посвящен и который был представлен в нем культовой статуей. Статуи, пестро раскрашенные рельефы, золоченые обелиски, мачты с флагами делали облик храма нарядным и богатым. Дороги к ним часто окаймляли ряды сфинксов. Подобным сооружением был главный фиванский храм бога Амона, так называемый карнакский, который строился и перестраивался веками на месте находившегося тут небольшого святилища Среднего царства. Многие фараоны реконструировали и расширяли этот храм, прибавляя к нему залы и пилоны. С карнакским комплексом, в который входили храмы ряда божеств, дорогами сфинксов был соединен луксорский храм, посвященный культу фиванской триады богов и выстроенный по описанному выше плану, с центральным залом с изящными колоннами в виде пучков папируса. В возведении этих храмов принимали участие жившие в разное время и строившие не только в Фивах архитекторы Инени, Хапусенб, Аменхетеп, сын Хапу, братья Гори и Сути, Аменхетеп, строитель Луксора, и многие другие.

В период Нового царства получает распространение тип храма-периптера: небольшое прямоугольное здание на каменном цоколе, окруженное колоннами.

Ещё со Среднего царства появляются, а в Новом царстве получают распространение пещерные храмы — вначале небольшие, похожие на скальную гробницу с портиком перед ней. При Рамсесе II эти храмы вырастают до грандиозных размеров, со сложным планом, с гипостильями, молельнями, колоннами и статуями, вырубленными внутри скалы. Вход в пещерный храм в Абу-Симбеле, высеченный в виде пилона, украшали четыре двадцатиметровые статуи Рамсеса II, воплощавшие идею прославления мощи фараона.

Скульптура.

Скульптура в Египте появилась в связи с религиозными требованиями и развивалась в зависимости от них. Культовые требования обусловили появление того или иного типа статуй, их иконографию, место установки и зачастую даже выбор материала. Основные правила для скульптуры окончательно складываются во времена Раннего царства: симметрия и фронтальность в построении фигур, четкость и спокойствие поз наилучшим образом соответствовали культовому назначению статуй. Эти черты облика статуй были обусловлены и расположением их у стены или в нише. Преобладающие позы — сидячая с положенными на колени руками и стоячая с выдвинутой вперед левой ногой — складываются очень рано. Немного позже появляется «поза писца» — сидящего на скрещенных ногах. Сначала в позе писца изображали только царских сыновей. Рано появляются и семейные группы. Ряд правил был обязателен для всей скульптуры: прямая постановка головы, некоторые атрибуты, определенная раскраска (мужские тела покрывали кирпичным цветом, женские — желтым, волосы красили в черный). Глаза часто инкрустировали бронзой и камнями.

Тела статуй делали преувеличенно мощными и развитыми, сообщая статуе торжественную приподнятость. Лица в некоторых случаях, напротив, должны были передавать индивидуальные черты умершего. Отсюда раннее появление в Египте скульптурного портрета. Самые замечательные, ставшие теперь прославленными портреты были скрыты в гробницах, некоторые из них — в замурованных помещениях, где их никто не мог видеть. Напротив, сами статуи могли, по верованиям египтян, наблюдать за жизнью через небольшие отверстия на уровне глаз.

Овладению скульптором портретным искусством, вероятно, способствовало одно из средств, при помощи которого пытались спасти труп от тления: иногда его покрывали гипсом. При этом на лице получалось подобие гипсовой маски. Однако, поскольку глаза должны быть открытыми, чтобы изображать лицо живого человека, такая маска требовала дополнительной обработки. По-видимому, этот

прием снятия маски и отливки с нее использовали скульпторы при работе над портретом. В некоторых гробницах находят статуи двух типов: одну — передающую индивидуальные черты человека, изображающую его без парика и одетым по моде своего времени; другую — с лицом, трактованным значительно более идеализированно, одетым в короткое официальное опоясание и в пышный парик. Такое же явление наблюдается и в рельефе. Пока еще нельзя с достоверностью объяснить это, несомненно лишь, что эти статуи отображали различные аспекты заупокойного культа. В ряде гробниц были обнаружены деревянные статуи, которые были связаны с одним из моментов заупокойного ритуала, когда статую несколько раз поднимали и опускали. Над статуей совершали обряд «отверзания уст и очей», после чего она считалась ожившей и получала возможность есть и говорить.

Помимо статуй умерших в гробницу, особенно в Среднем царстве, помещали также фигурки работников, которые, как верили, должны были обеспечить загробное существование умершего. Отсюда проистекают и другие требования к скульпторам — изобразить людей, занятых самой разнообразной работой. В полном соответствии с общим требованием египетского искусства для каждого занятия выбирается характерный момент, который становится каноничным для этого типа. Общие же правила, например фронтальность и принятая раскраска, сохраняются и здесь.

Статуи играли большую роль в архитектурном оформлении храмов: окаймляли дороги, ведущие в храм, стояли у пилонов, во дворах и внутренних помещениях. Статуи, имевшие большую архитектурно-декоративную нагрузку, отличались от чисто культовых. Их делали крупных размеров, трактовали обобщенно, без большой детализации.

Задачи скульпторов, работавших над культовыми изображениями богов, царей и частных лиц, были иными. Большую группу составляли царские статуи, посвященные фараонами в храм для того, чтобы навеки поставить себя под защиту божества. Молитвы на таких статуях обычно содержат просьбы о здоровье, благополучии, иногда просьбы политического характера. Изменения в области идеологии, происшедшие после падения Древнего царства, привели к изменениям в сфере искусства. Фараон, стремясь прославить свое могущество, ставил свои статуи не только в заупокойных святилищах, но и в храмах различных божеств. Такие фигуры должны были прославлять живущего правителя и максимально конкретно передавать портретное сходство.

В знак особой милости фараона в храм посвящались и статуи вельмож, в частности архитекторов, строивших данный храм. Посвятить свою статую в храм можно было сначала лишь с позволения фараона, но с изменением религиозных представлений и распространением некоторых царских обрядов на знать, а затем и на

средние слои общества привилегия посвящать свои статуи в храм перешла и к частным лицам.

Еще к концу Древнего царства выделяются области, памятники которых отличались своеобразием. В Среднем царстве определяются центры (в частности, мастерские Среднего Египта) со своими особенностями и традициями. Легкие фигуры с удлинёнными пропорциями, происходящие из Сиута, отличаются от меирских с их короткими головами и подчеркнутой мускулатурой груди; мягко трактованные формы тел, отсутствие резких линий характерны для абидосской скульптуры.

XVIII династия была периодом расцвета египетского искусства, в частности, и в области скульптуры. Особое направление появилось в конце этой династии под влиянием нового религиозно-философского учения и государственного культа, созданных Аменхотепом IV (Эхнатон). Порвав со старым канонem, царские скульпторы этого времени вырабатывали новые художественные принципы. При этом, стремясь к передаче характерных черт модели, они чрезмерно заостряли и подчеркивали их. Стал вырабатываться новый канон на основе иконографии самого фараона-реформатора. Однако более поздние статуи амарнского периода отличаются большей отработанностью образа, отсутствием преувеличений. Всемирно известны скульптурные портреты Эхнатона и его царицы Нефертити из мастерских скульптора Джехутимеса.

В период XIX династии происходит возврат к прежним традициям, особенно в Фивах. Политическая ситуация, сложившаяся во второй половине Нового царства, привела к выделению северных мастерских. Статуи с могучими торсами, толстыми руками и ногами, широкими плоскими лицами противопоставлялись внешней нарядности и изяществу фиванской скульптуры с удлинёнными пропорциями, которые во многом следовали образцам Древнего царства под влиянием памятников из некрополей этого времени.

Рельеф.

От Древнего царства дошло большое число гробничных изображений. В это время окончательно складываются тематика, схемы расположения сцен, основные композиции. Происхождение главных сюжетов связано с культовыми потребностями.

Изображение мертвого перед жертвенным столом и перечисление жертв как бы подкрепляло и увеличивало те действительные дары, которые приносились в гробницу. Со временем рельефы занимают все больше места, расширяется тематика. Постоянные сцены принесения даров, заклятия жертвенных животных; возможно, как расширение этих сюжетов появляются сцены земледелия, рыболовства, охоты на Ниле и в пустыне, а затем сцены пиров. С V династии, когда в связи с повышением политического значения знати некоторые обряды из

царского культа переходят в частный, усложняется планировка гробниц и прежний круг сюжетов развивается в многофигурные композиции, основная идея которых — обессмертить то, что представляло ценность для вечной жизни. Однако появляются и детали, как будто не имеющие прямой связи с этой исконной тематикой: например, в сцене приношения даров под списком жертв — наказание земледельцев, не внесших причитавшихся с них продуктов для заупокойного культа, и др. Со Среднего царства в круг сюжетов входят воинские сцены, сцены прихода иноземцев, а также новые культовые сюжеты, обусловленные широким распространением осирического культа.

Рельефы царских и городских храмов помимо обеспечения посмертного благополучия имели ещё и задачу прославления фараона, увековечения его деяний и в связи с этим отображения конкретных событий данного царства. Это особенно показательно для Нового царства (анналы Тутмосиса III, сцены кадетской битвы или битвы с «народом моря»). Темы эти восходят к сюжетам Древнего царства, но намного превосходят их по темпераменту и насыщенности композиции деталями.

Рельефы и росписи, как и скульптура, были тесно связаны с архитектурой гробниц и храмов. Изобразительный декор подчеркивал назначение помещения. Даже стереотипные на первый взгляд сцены жертвоприношений существенно варьируются в зависимости от богов, получающих жертву, их культовых имен и рода жертв.

Древние египтяне знали два вида рельефа: выпуклый и врезанный, углубленный внутри контура. Все фигуры и фон обычно раскрашивались, так что стены превращались в ковры цветных изображений (особенно с конца Древнего царства). Используя декоративные возможности египетской письменности, художники заполняли надписями пустые места внутри композиции или между различными сценами. Господствующее положение занимал владелец гробницы. Композиция скорее читалась, нежели смотрелась. Основные правила для плоских изображений и росписей формируются, как и для скульптуры, в период Раннего царства. Передача трехмерного пространства в двухмерном изображении не просто техническая задача — её решение зависит от определенного отношения к действительности. Египтяне передавали действительность такой, какой знали, а не такой, какой она кажется, — отсюда и все существенные особенности. Тело или предмет изображали не таким, как его видят в целом, с определенной точки зрения, в какой-то случайный момент, ни сопоставляя отдельные его части в наиболее характерном для каждой из них виде. Так, лицо человека, локти и ноги показывали в профиль, а глаза и плечи — в фас. Тот же принцип можно наблюдать и в больших композициях, отдельные сцены которых нельзя сводить к одному временному пункту. Большие сцены передаются при помощи суммирования отдельных частных сцен, чтобы дать наиболее полное представление об изображаемом сюжете.

Например, в сцену охоты включаются отдельные сюжеты, относящиеся к жизни животных в пустыне, в военные композиции — жизнь лагеря, марширующие солдаты, битва и т.д.

Все изображаемые люди и предметы мыслились живущими и требовали телесной полноты. Поэтому, как правило, мастера заботились о том, чтобы избегать пересечений хотя бы у главных фигур, а отдельные сцены располагали поясами, одну над другой. Со Среднего царства художники стали широко использовать художественные возможности росписи, а со временем в некоторых случаях даже отказывались от контуров, добиваясь этим особой живописности.

Существование определенных правил было исключительно существенно для поддержания ремесленной традиции, без которой немыслимо древнеегипетское искусство. Со временем менялись вкусы, представления об идеале. Соответственно с этим изменялись пропорции фигур, насыщенность композиции деталями и т.д. И хотя общая схема оставалась прежней, внутри её всегда было достаточно простора для проявления знаний, наблюдательности, творческих исканий и фантазии художника.

Письменность.

В Египте благодаря хозяйственным требованиям система письменности сложилась уже к Раннему царству. Состав знаков показывает этапы развития древнего письма. Знаки египетского письма были рисуночными и звуковыми, выражавшими один или более согласных. Звуковыми знаки становились, когда рисунок перестал передавать лишь смысл слова, но начал использоваться, как в ребусе, и для передачи самих входивших в него звуков. Хотя для каждого отдельного звука (согласного, так как гласные не выписывались) был выработан знак, на алфавитное письмо египтяне не перешли никогда. Как правило, пользовались смешанной словесно-звуковой системой, т.е. к рисуночному знаку приписывали знаки-«буквы», которые содержались в стоящем впереди слове. В конце слова ставили знак, который не читался, но пояснял его смысл. Так, слово *вн* — «открывать» передавали рисунком зайца *вн*, знаком воды *н* и изображением двери. Как определитель абстрактных понятий египтяне использовали рисунок свитка папируса. Иероглифическое письмо (как его называли греки, от слов «священный» и «резать») чаще всего использовалось для монументальных, резанных на камне надписей, хотя иероглифы постоянно встречаются и на других материалах. Для хозяйственных целей применялось скорописное — иератическое («жреческое»; так его называли греки) письмо; этим же шрифтом писали литературные произведения и научные книги. Внешний облик знаков со временем изменялся. В Позднем периоде распространилось демотическое письмо, возникшее из беглой поздней иератики. Оно использовалось для бюрократических нужд, но перешло и в литературные и религиозные папирусы и даже на камень.

Литература.

От времени Древнего царства до нас не дошло литературных произведений в собственном смысле, если не считать «автобиографических» надписей в гробницах конца Древнего царства, когда в связи с распространением осирического учения и появлением новых этических представлений эти «автобиографии» приобретают литературную форму. Надписи «биографического» характера становятся все более пространными, включают описания заслуг автора не только перед фараоном, но и перед населением своего города.

С этим видом литературы связана «Повесть о Синухете», которая известна нам от времени Среднего царства. Благодаря своим литературным достоинствам она пользовалась большой любовью в свое время и дошла во многих списках. Герой повести — знатный вельможа Синухет, живший во времена Аменемхета I и Сенусерта I. Повествование ведется от первого лица человеком очень образованным, прекрасно знавшим придворный и военный быт своего времени. После смерти Аменемхета I Синухет, боясь смуты, бежит из свиты царской дочери. Он попадает в Сирию, обретает там богатство и высокое положение. Впоследствии по приглашению Сенусерта I он возвращается в Египет, где его ждет ласковый прием при дворе. Сходство композиции повести с построением «автобиографий», включение в нее копий документов, живость изложения заставили некоторых ученых считать Синухета подлинным историческим лицом.

Египетская художественная литература (По мнению известного египтолога Г.Фехта, вся египетская литература была стихотворной или по крайней мере ритмической. Проверить это трудно, поскольку египетская письменность не передает гласных, однако это представляется весьма вероятным, потому что и у всех соседних народов — в Палестине, Месопотамии, Греции — собственно художественная прозаическая литература возникает лишь к концу первой половины I тысячелетия до н.э. — Примеч. ред.), получившая особое развитие со времени Среднего царства, оставила нам множество сказок самого разного содержания и происхождения. В «Сказке о потерпевшем кораблекрушение» повествуется о человеке, который был выброшен бурей на неизвестный остров. Там он встретился со змеем, богато одарившим его и предсказавшим возвращение домой, где царь произвел его в телохранители. В этом произведении нашли свой отклик многочисленные путешествия египтян. Исторические лица и факты также могли послужить основой сказки. Таково сказание времени Нового царства о ссоре между фивапским фараоном Секен-не-Ра и гиксосским царем Анепи, о полководце Джехутии, взявшем обманом палестинский город Яффу. К этому же жанру можно отнести восходящий к Древнему царству цикл сказок о фараоне Хеопсе и чародеях, деяния которых описывают сыновья царя. Многие сказки связаны с религиозными

представлениями. В сказке о двух братьях прослеживают отклик мифа о боге умирающей и воскресающей растительности. В «Сказке о Правде и Кривде» видят отзвуки мифа об Осирисе.

Широко распространен был жанр поучений, которые использовали и как школьный материал. Очень часто они составлялись от имени известного вельможи или мудреца. Наставления эти преподают не только правила хорошего тона или личного поведения, но объясняют выгоды и преимущества положения писцов-чиновников. Часто даются советы начинающим чиновничью карьеру — советы, вытекающие из служебной практики и житейского опыта старых сановников.

Иногда поучения составлялись от имени царя. Таковы поучения гераклеопольского царя своему сыну Мерика-Ра и поучение Амепемхета I. В первом отец сообщает наследнику свои мысли о царской власти. Он дает советы, касающиеся внешней политики и управления государством. Второе написано по поводу дворцового заговора против царя и пронизано разочарованием и горечью. Появление подобных произведений было результатом исторических событий конца Древнего — начала Среднего царства и изменения миропонимания людей. Ощущением тщеты традиционного мировосприятия проникнута «Песнь арфиста», исполнявшаяся на пирах. Автор песни призывает наслаждаться жизнью и не думать о смерти, о своем заупокойном культе, так как древние гробницы пусты и развалились и никто ещё не приходил с того света, чтобы поведать об их владельцах, судьба которых остается неизвестной. С этим произведением перекликается и «Беседа разочарованного со своей душой». Разочаровавшийся в жизни человек желает смерти, но душа его отговаривает — в духе «Песни арфиста». Однако в конце «Беседы» автор заставляет «душу» согласиться с желанием человека умереть.

О крупном восстании, имевшем кратковременный успех, рассказывают два текста: «Речения Ипувера» и «Пророчество Неферти», о которых шла речь в лекции 6. Авторами обоих произведений являются представители знати, естественные противники восставших.

Социальные противоречия беспокойной поры Среднего царства проявились в «Повести о красноречивом поселянине», в которой наибольший интерес представляют обличительные речи в защиту правды, произносимые несправедливо обиженным героем повести.

Художественная историческая литература, получившая особый расцвет в эпоху Нового царства, представлена царскими летописями и «автобиографиями» вельмож, написанными часто ярким, образным языком.

Древнему Египту уже было знакомо драматическое искусство: оно было представлено драматизированными заупокойными или

храмовыми обрядами или религиозными драмами с мифологическими сюжетами. Иногда такие «спектакли» не ограничивались культовым назначением, но имели острую пропагандистскую или политическую направленность.

Среди богатой поэтической литературы — гимны богам и царям, хвалебные песни, со времени Нового царства — любовная лирика. Ритм стиха строился на ударных слогах, количество же неударных, видимо, не имело значения.

Излюбленные литературные приемы — параллелизм членов (каждый стих состоит из двух параллельных фраз) и аллитерация, свойственная и прозаическим произведениям. Литературные произведения различных жанров часто вкладывались в уста повествователей, вводились в «рамке», составлявшей пролог и заключение. Египтяне очень любили изощренную игру слов, но при оценке этого приема надо помнить об особом значении слова для египтян. По преданию, Атум-Ра создавал людей из своих слез, однако в этом заключалась не только игра слов («слезы» и «люди» звучат по-египетски сходно), но проявление веры в то, что слово и предмет находятся в тесной взаимосвязи.

Наука.

Древние египтяне внесли существенный вклад в астрономию, создав солнечный календарь — столь совершенный, что мы с некоторыми изменениями пользуемся им и сейчас. Год делили на три сезона по четыре месяца. Тридцатидневный месяц делился на декады. В году было 36 декад, посвященных особым божествам — созвездиям. В конце года добавлялось пять дней. Такой календарь возник из сельскохозяйственных нужд, к нему привела необходимость вычислять периоды разлива Нила. Разлив Нила совпадал с появлением на рассвете, после долгого перерыва, яркой звезды Сириус. Это было замечено египетскими наблюдателями, однако египтяне не привели в соответствие календарный и астрономический год, так как не ввели високосных лет. Поэтому каждые четыре года утренний восход Сириуса расходился с новым годом на один день. Через 120 лет ошибка в году вырастала до месяца. Хотя и существовали проекты устранить это неудобство, они не были осуществлены.

Другой большой вклад в астрономию — это деление суток на 24 часа. Уже во время Нового царства были известны водяные и солнечные часы. Египтяне создавали карты неба, группируя звезды в созвездия. Велись наблюдения и за планетами.

Египетская математика возникла из потребностей делопроизводства и хозяйственной жизни. Египтяне пользовались десятиричной непозиционной системой счета, в которой употребляли специальные знаки для обозначения чисел 1, 10, 100 и т.д. Оперировали простыми дробями только с числителем 1. Со Среднего царства

засвидетельствованы задачки, в которых приводились также решения. Большинство задач возникло из практических потребностей. Египетские математики умели вычислить длину окружности, объем усеченной пирамиды, некоторые ученые полагают, что они умели вычислять поверхность шара. Способ, которым египтяне вычисляли площадь круга, приводил к такому результату, как если бы число π равнялось 3,16, хотя понятия числа π не существовало. Для расчетов, связанных с дробями, пользовались специальными таблицами. Знали египтяне и арифметическую прогрессию. Для обозначения неизвестного пользовались словом «куча».

Уже в Древнем царстве (не без связи с практикой мумификации) накопилось много знаний в области анатомии и медицины — достаточно для появления врачей различных специализаций: глазных, зубных, хирургов и т.д. Позже засвидетельствованы практические руководства для врачей, в которых, правда, часто наука переплетается с магией. Но не это определяет достижения египетской медицины: древние лечебники показывают, что египетские медики прекрасно знали анатомию, возможно, открыли кровообращение, знали кое-что о роли мозга (паралич ног ставили в связь с повреждением головы). Существовало и руководство для ветеринаров. Как мумификация, так особенно и рецепты показывают значительные познания в области химии.

Из общественных наук наиболее важными были достижения в области исторических знаний: сохранились записи последовательности царствований и главнейших событий. Существовали специальные словники, а также пособия, по которым египетские писцы учились аккадскому языку.

В Египте были созданы специальные учебные заведения, так называемые «дома жизни», по мнению некоторых ученых — нечто вроде скрипториума, где составлялись священные книги и, по-видимому, велись изыскания в области медицины.

Литература:

Лапис И.А. Культура Древнего Египта./История Древнего мира. Ранняя Древность.- М.:Знание, 1983 - с.292-311

Лекция 15: Крито-микенский мир.

Минойская (Критская) цивилизация.

Древнейшим очагом цивилизации в Европе был остров Крит. По своему географическому положению этот гористый остров, замыкающий с юга вход в Эгейское море, представляет как бы естественный форпост европейского материка, обращенный в сторону африканского и азиатского побережий Средиземного моря. С глубокой древности здесь скрещивались морские пути, соединявшие

Балканский полуостров и острова Эгеиды с Малой Азией, Сирией и Северной Африкой. Возникшая на одном из самых оживленных перекрестков древнего Средиземноморья, минойская (Название «минойская» (соответственно минойцы — народ, населявший Крит в древности) было введено в науку первооткрывателем древнейшей критской культуры А. Эвансом, который образовал его от имени мифического царя Крита Миноса.) культура Крита испытала на себе влияние древнейших цивилизаций Ближнего Востока, с одной стороны, и неолитических культур Анатолии, придунайской низменности и балканской Греции — с другой. Время возникновения минойской цивилизации — рубеж III—II тысячелетий до н.э., иначе говоря — конец так называемой эпохи ранней бронзы. Часть Европы ещё покрыта густыми лесами и болотами, но кое-где на карте континента уже можно заметить отдельные очаги земледельческих и земледельческо-скотоводческих культур (юг и юго-восток Европы: Испания, Италия, Подунавье, южнорусские степи, Греция). В это время на Крите появляются причудливые постройки, которые современные археологи обычно именуют «дворцами».

Самый первый из всех критских дворцов был открыт А.Эвансом в Кноссе (центральная часть Крита, неподалеку от северного побережья острова). По преданию, здесь находилась главная резиденция легендарного владыки Крита — царя Миноса. Греки называли дворец Миноса «лабиринтом» (слово, заимствованное ими из какого-то догреческого языка). В греческих мифах лабиринт описывался как огромное здание с множеством комнат и коридоров. Человек, попавший в него, не мог выбраться оттуда без посторонней помощи и неизбежно погибал: в глубине дворца обитал кровожадный Минотавр — чудовище с человеческим туловищем и головой быка. Подвластные Миносу племена и народы обязаны были ежегодно тешить ужасного зверя человеческими жертвами, пока он не был убит знаменитым афинским героем Тесеем. Раскопки действительно обнаружили здание или даже целый комплекс зданий общей площадью 16 000 кв. м, включавший около трехсот помещений самого разнообразного характера и назначения (Следует иметь в виду, что сохранились только первый этаж дворца и подвальные помещения. Первоначально же здание имело два или три этажа в высоту.). Впоследствии аналогичные сооружения были открыты и в других местах на территории Крита.

Своим внешним видом дворец более всего напоминает затейливые театральные декорации под открытым небом: причудливые портики с колоннами, как бы перевернутыми кверху основанием, широкие каменные ступени открытых террас, многочисленные балконы и лоджии, резные каменные украшения на крышах, схематически изображающие «священные» бычьи рога, яркие пятна фресок. Внутренняя планировка отличается крайней беспорядочностью. Жилые комнаты, хозяйственные помещения, соединяющие их коридоры и лестничные переходы, внутренние дворы и световые колодцы расположены без всякой видимой системы и четкого плана.

Но при видимой хаотичности дворцовой постройки она все же воспринимается как единый архитектурный ансамбль. Во многом этому способствует занимающий центральную часть дворца большой прямоугольный двор, с которым были связаны все основные помещения, входившие в состав этого огромного комплекса. Двор был вымощен большими гипсовыми плитами и, по-видимому, использовался не для хозяйственных надобностей, а для культовых целей. Возможно, именно здесь устраивались знаменитые игры с быками, изображения которых мы видим на фресках, украшающих стены дворца. Кносский дворец неоднократно приходилось восстанавливать после часто происходивших здесь сильных землетрясений (Кносский и другие дворцы были впервые построены около 2000 г. до н.э., окончательно же были покинуты между XV в. и 1200 г. до н.э.). Новые помещения пристраивались к старым, уже существующим. Комнаты и кладовые как бы нанизывались одна к другой, образуя длинные ряды-анфилады. Отдельно стоящие постройки и группы построек постепенно сливались в единый жилой массив, группирующийся вокруг центрального двора. Дворец был снабжен всем необходимым для того, чтобы жизнь его обитателей была спокойной и удобной. Строители дворца создали даже водопровод и канализацию. Также хорошо была продумана и система вентиляции и освещения. Вся толща здания была прорезана сверху донизу специальными световыми колодцами, по которым солнечный свет и воздух поступали в нижние этажи дворца. Кроме того, этой же цели служили большие окна и открытые веранды. Напомним для сравнения, что древние греки ещё в V в. до н.э. — в пору наивысшего расцвета их культуры — жили в полутемных, душных жилищах и не знали таких элементарных удобств, как ванна и уборная со стоком.

Значительная часть нижнего, цокольного этажа дворца была занята кладовыми, в которых хранились вино, оливковое масло и другие продукты. В полу кладовых были устроены выложенные камнем и перекрытые сверху каменными плитами ямы, в которые сыпалось зерно.

Во время раскопок кносского дворца археологи нашли множество разнообразных произведений искусства и художественного ремесла, выполненных с большим вкусом и мастерством. Многие из этих вещей были созданы в самом дворце, в специальных мастерских, в которых работали ювелиры, гончары, художники-вазописцы и ремесленники других профессий, обслуживавшие своим трудом царя и окружающую его знать (помещения мастерских были обнаружены во многих местах на территории дворца). Особого внимания заслуживает настенная живопись, украшавшая внутренние покои, коридоры и портики дворца. Некоторые из этих фресок изображали сцены из жизни природы: растения, птиц, морских животных. На других запечатлены обитатели самого дворца: стройные загорелые мужчины с длинными черными волосами, уложенными прихотливо вьющимися локонами, с тонкой, «осиной» талией и широкими плечами и «дамы» в огромных колоколообразных юбках с множеством оборок и в туго затянутых

корсажах, оставляющих грудь совершенно открытой. Одежда мужчин намного проще. Чаще всего она состоит из одной набедренной повязки. Зато на голове у них красуется великолепный убор из птичьих перьев, а на шее и на руках можно разглядеть золотые украшения: ожерелья, браслеты. Люди, изображенные на фресках, участвуют в каких-то сложных и не всегда понятных церемониях. Одни чинно шествуют в торжественной процессии, неся на вытянутых руках священные сосуды с возлияниями для богов, другие плавно кружатся в танце вокруг священного дерева, третьи внимательно наблюдают за каким-то обрядом или представлением, расположившись на ступеньках «театральной площадки».

Минойские художники замечательно владели искусством передачи движения людей и животных. Образцом могут служить великолепные фрески, на которых представлены так называемые «игры с быками». Мы видим на них стремительно несущегося быка и акробата, проделывающего прямо у него на рогах и на спине серию замысловатых сальто. Перед быком и позади него художник изобразил фигуры двух девушек в набедренных повязках, очевидно «ассистенток» акробата. Смысл всей этой сцены не вполне ясен. Мы не знаем, кто участвовал в этом странном и, бесспорно, сопряженном со смертельным риском состязании человека с разъяренным животным и что было его конечной целью. Однако можно с уверенностью сказать, что «игры с быками» не были на Крите простой забавой праздной толпы наподобие современной испанской корриды. Это был религиозный ритуал, связанный с одним из главных минойских культов — культом бога-быка.

Сцены игр с быком, пожалуй, единственная тревожная нота в минойском искусстве. Ему совершенно чужды жестокие, кровавые сцены войны и охоты, столь популярные в тогдашнем искусстве стран Ближнего Востока и материковой Греции. Если судить по тому, что мы видим на фресках и других произведениях критских художников, жизнь минойской элиты была свободна от волнений и тревог. Она протекала в радостной атмосфере почти непрерывных празднеств и красочных представлений. От враждебного внешнего мира Крит был надежно защищен волнами омывающего его Средиземного моря. Близ острова не было в те времена ни одной значительной морской или иной враждебной державы. Только чувством безопасности можно объяснить тот факт, что все критские дворцы, включая и кносский, оставались на протяжении почти всей их истории неукрепленными.

Разумеется, в произведениях дворцового искусства жизнь минойского общества представлена в идеализированном, приукрашенном виде. В действительности в ней были и свои теневые стороны. Природа острова не всегда была благосклонна к его обитателям. Так, на Крите часто происходили землетрясения, нередко достигавшие разрушительной силы. Если добавить к этому частые в этих местах морские штормы с грозами и ливневыми дождями,

засушливые голодные годы, эпидемии, то жизнь минойцев покажется нам не столь уж спокойной и безоблачной.

Для того чтобы защитить себя от стихийных бедствий, жители Крита обращались за помощью к своим многочисленным богам. Центральной фигурой минойского пантеона была великая богиня — «владычица». В произведениях критского искусства (статуэтках и печатях) богиня предстает нам в различных своих воплощениях. Мы видим ее то грозной владычицей диких зверей, повелительницей гор и лесов со всеми их обитателями, то благосклонной покровительницей растительности, прежде всего хлебных злаков и плодовых деревьев, то зловещей царицей подземного мира, держащей в руках извивающихся змей. За этими образами угадываются черты древнего божества плодородия — великой матери людей и животных, почитание которой было широко распространено во всех странах Средиземноморья начиная по крайней мере с эпохи неолита. Рядом с великой богиней, воплощением женственности и материнства, символом вечного обновления природы, мы находим в минойском пантеоне и божество, воплощающее в себе разрушительные силы природы — грозную стихию землетрясения, мощь бушующего моря. Эти наводящие ужас явления воплощались в сознании минойцев в образе могучего и свирепого бога-быка. На некоторых минойских печатях божественный бык изображен в виде фантастического существа — человека с бычьей головой, что сразу же напоминает нам позднейший греческий миф о Минотавре. Чтобы умиротворить грозное божество и успокоить таким образом разгневанную стихию, ему приносились обильные жертвы, в том числе, по-видимому, и человеческие (отголосок этого варварского обряда сохранился в мифе о Минотавре).

Религия играла огромную роль в жизни минойского общества, накладывая свой отпечаток абсолютно на все сферы его духовной и практической деятельности. При раскопках кносского дворца было найдено огромное количество всякого рода культовой утвари, в том числе статуэтки великой богини, священные символы вроде бычьих рогов или двойного топора — лабриса, алтари и столы для жертвоприношений, разнообразные сосуды для возлияний и др. Многие помещения дворца использовались как святилища — для религиозных обрядов и церемоний. Среди них крипты — тайники, в которых устраивались жертвоприношения подземным богам, бассейны для ритуальных омовений, небольшие домашние часовни и т.п. Сама архитектура дворца, живопись» украшающая его стены, другие произведения искусства были насквозь пронизаны сложной религиозной символикой. Это был дворец-храм, где все обитатели, включая самого царя, его семью, окружающих их придворных «дам» и «кавалеров», выполняли различные жреческие обязанности, участвуя в обрядах, изображения которых мы видим на дворцовых фресках.

На Крите существовала, таким образом, особая форма царской власти, известная в науке под именем «теократии» (так называется

одна из разновидностей монархии, при которой светская и духовная власть принадлежит одному и тому же лицу). Особа царя считалась «священной и неприкосновенной». Даже лицезрение его, по-видимому, было запрещено простым смертным. Так можно объяснить то странное на первый взгляд обстоятельство, что среди произведений минойского искусства нет ни одного, которое можно было бы с уверенностью признать изображением царской персоны. Вся жизнь царя и его домочадцев была строжайшим образом регламентирована и поднята на уровень религиозного ритуала. Цари Кносса не просто жили и правили — они священнодействовали. «Святая святых» кносского дворца, место, где царь-жрец снисходил до общения со своими подданными, приносил жертвы богам и в то же время решал государственные дела, — это его тронный зал, расположенный неподалеку от большого центрального двора. Прежде чем попасть в него, посетители проходили через вестибюль, в котором стояла большая порфиновая чаша для ритуальных омовений: очевидно, для того чтобы предстать перед «царскими очами», нужно было предварительно смыть с себя все дурное. Сам тронный зал представляет собой небольшую прямоугольную комнату. Прямо против входа в нем стоит гипсовое кресло с высокой волнистой спинкой — царский трон. Вдоль стен идут облицованные алебастром скамьи, на которых восседали царские советники, высшие жрецы и сановники Кносса. Стены тронного зала расписаны красочными фресками, изображающими грифонов — фантастических чудовищ с птичьей головой на львином туловище. Грифоны возлежат в торжественных застывших позах по обе стороны от трона, как бы оберегая владыку Крита от бед.

Великолепные дворцы критских царей, несметные богатства, хранившиеся в их подвалах и кладовых, обстановка комфорта и изобилия, в которой жили сами цари и их окружение, — все это было создано трудом многих тысяч безымянных земледельцев и ремесленников. К сожалению, о жизни трудового населения Крита нам известно немного. Оно обитало, по-видимому, за пределами дворцов в разбросанных по полям и горам мелких поселках с убогими глинобитными домами, тесно прижатыми друг к другу, с кривыми, узкими улочками. Они разительно противостоят монументальной архитектуре дворцов, роскоши их внутреннего убранства. Простой и грубый инвентарь погребений, обнаруженные археологами в глухих горных святилищах незамысловатые посвященные дары в виде грубо вылепленных из глины фигурок людей и животных свидетельствуют о довольно низком жизненном уровне минойской деревни, об отсталости ее культуры в сравнении с утонченной культурой дворцов.

У нас есть все основания считать, что в критском обществе уже сложились характерные для раннеклассового общества отношения господства и подчинения. Так, можно предполагать, что земледельческое население было обложено повинностями, как натуральными, так и трудовыми, в пользу дворца. Оно обязано было

доставлять во дворец скот, зерно, масло, вино и другие продукты. Все эти поступления фиксировались дворцовыми писцами на глиняных табличках, из которых к моменту гибели дворца (конец XV в. до н.э.) составилась целый архив, насчитывающий около 5000 документов, а затем сдавались в дворцовые кладовые, где, таким образом, скапливались огромные запасы продовольствия и других материальных ценностей. Руками тех же земледельцев строился и перестраивался сам дворец, прокладывались дороги и оросительные каналы, возводились мосты (Наряду со свободными общинниками, очевидно находившимися в податной зависимости от дворца, на него работали, по всей вероятности, и люди, принадлежавшие к категории несвободных (рабы) или полусвободных (слуги и клиенты). Судя по аналогиям с другими раннеклассовыми обществами, существовавшими, например, в странах Ближнего Востока или в позднейшей микенской Греции, этот дворцовый персонал мог быть довольно многочисленным, насчитывая сотни или даже тысячи работников, обученных различным профессиям.). Не следует думать, что все это они делали по принуждению, только потому, что так хотелось царю или его вельможам. Дворец был главным святилищем общины, и элементарное благочестие требовало от поселянина, чтобы он чтил дарами обитавших в святилище богов, отдавая излишки своих—хозяйственных запасов на устройство празднеств и жертвоприношений, а также и сам трудился «во славу божию». Правда, между народом и его богами стояла целая армия посредников — обслуживающий святилище штат профессиональных жрецов во главе со «священным царем». По существу, это была уже сложившаяся, четко оформленная прослойка наследственной жреческой знати, противостоящая всему остальному обществу. Бесконтрольно распоряжаясь запасами, хранившимися в дворцовых складах, жрецы могли львиную долю этих богатств использовать для своих собственных надобностей.

Конечно, наряду с религиозными побуждениями концентрация прибавочного продукта общины в руках дворцовой элиты диктовалась ещё и чисто экономической целесообразностью. Годами скапливавшиеся во дворце запасы продовольствия могли служить резервным фондом на случай голода. За счет этих же запасов обеспечивались пропитанием ремесленники, работавшие па общину. Излишки же, которым не находилось применения в самой общине, шли на продажу в заморские страны: Египет, Сирию, Кипр, где на них можно было выменять товары, отсутствовавшие на самом Крите: золото и медь, слоновую кость и пурпурные ткани. Торговые морские экспедиции в те времена были -сопряжены с большим риском и затратами. Государство, располагавшее необходимыми материальными и людскими ресурсами, было способно организовать и финансировать такое предприятие. Само собой разумеется, что добытые таким путем редкие товары оседали в тех же дворцовых кладовых и уже оттуда распределялись между мастерами-ремесленниками дворца и поселков. Итак, дворец выполнял в минойском обществе универсальные

функции, являясь в одно и то же время административным и религиозным центром общины, ее главной житницей, мастерской и центром торговли.

Расцвет минойской цивилизации приходится на XVI — первую половину XV в. до н.э. Именно в это время с небывалым еще блеском и великолепием отстраиваются критские дворцы. В это время весь Крит был, по-видимому, объединен под властью царей Кносса и стал единым централизованным государством. Об этом свидетельствует сеть удобных широких дорог, проложенных по всему острову и связывавших Кносс, столицу государства, с самыми удаленными его концами. На это же указывает и уже отмеченный факт отсутствия укреплений в Кноссе и других дворцах Крита. Если бы каждый из этих дворцов был столицей самостоятельного государства, его хозяева, вероятно, позаботились бы о своей защите от враждебных соседей. Весьма возможно, что объединение Крита вокруг кноссского дворца осуществил знаменитый Минос, о котором столько рассказывают позднейшие греческие мифы (Впрочем, не исключено, что это имя носили многие цари, правившие Критом на протяжении ряда поколений и составлявшие одну династию.). Греческие историки считали Миноса первым талассократом — властителем моря. Про него говорили, что он создал большой военный флот, искоренил пиратство и установил свое господство над всем Эгейским морем, его островами и побережьями. Предание это, по-видимому, не лишено исторического зерна. Действительно, как показывает археология, в XVI в. до н.э. начинается широкая морская экспансия Крита в Эгейском бассейне. Минойские колонии и торговые фактории возникают на островах Кикладского архипелага, на о-ве Родос и даже на побережье Малой Азии, в районе Милета. В это же время критяне завязывают оживленные торговые и дипломатические отношения с Египтом и государствами сиро-финикийского побережья. На это указывают довольно частые находки минойской керамики в этих районах. На самом Крите были найдены вещи египетского и сирийского происхождения. На египетских росписях первой половины XV в. до н.э. представлены послы страны Кефтиу (так египтяне называли Крит) в типично минойской одежде — передниках и высоких полусапожках, с дарами фараону в руках. Не подлежит сомнению, что в то время, которым датируются эти росписи, Крит был сильнейшей морской державой, и Египет был заинтересован в дружбе с его царями.

В середине XV столетия положение резко изменилось. На Крит обрушилась катастрофа, равной которой остров не переживал за всю свою многовековую историю. Почти все дворцы и поселения были разрушены, многие навсегда покинуты обитателями и забыты на целые тысячелетия. От этого удара минойская культура не смогла более оправиться. С середины XV в. начинается её упадок. Крит утрачивает свое положение ведущего культурного центра Эгейского бассейна. Причины катастрофы до сих пор точно не установлены. Греческий археолог С. Маринатос считает, что гибель дворцов и поселений была следствием грандиозного извержения вулкана на о-ве

Фера (совр. Санторин) в южной части Эгейского моря (После катастрофы остров, когда-то, видимо, густо заселенный, частично ушел под воду; некоторые отождествляют его с легендарной Атлантидой.— Примеч.ред.). Другие ученые склоняются к тому мнению, что виновниками катастрофы были греки-ахейцы, вторгшиеся на Крит из материковой Греции. Они разграбили и опустошили остров, давно уже привлекавший их своими сказочными богатствами, и подчинили своей власти его население. Действительно, в культуре Кносса, единственного из критских дворцов, пережившего катастрофу середины XV в., произошли после этого события важные перемены, свидетельствующие о появлении здесь нового народа. Полнокровное реалистичное минойское искусство уступает теперь свое место сухой и безжизненной стилизации. Традиционные для минойской вазовой живописи мотивы — растения, цветы, осьминоги на вазах дворцового стиля — превращаются в абстрактные графические схемы. В это же время в окрестностях Кносса появляются могилы, содержащие множество разнообразных предметов вооружения: бронзовые мечи, кинжалы, шлемы, наконечники стрел и копий, что было совсем не характерно для более ранних минойских погребений. Судя по всему, в этих могилах были похоронены представители ахейской военной знати, обосновавшейся в кносском дворце. Наконец, еще один факт, неоспоримо указывающий на проникновение на Крит новых этнических элементов: в кносском архиве было обнаружено множество документов (так называемая группа линейного письма Б), составленных на греческом (ахейском) языке, и всего два десятка доахенских (линейное письмо А).

Эти документы датируются в основном концом XV в. до н.э. Очевидно, в конце XV или начале XIV в. кносский дворец был разрушен и в дальнейшем никогда уже не восстанавливался полностью. В огне пожара погибли многие замечательные произведения минойского искусства.

С тех пор упадок минойской цивилизации становится необратимым процессом. Она все более вырождается, утрачивая свое неповторимое своеобразие. Крит превращается в глухую, отсталую провинцию. Главный очаг культурного прогресса и цивилизации в районе Эгейского бассейна перемещается теперь на север, на территорию материковой Греции, где в это время достигла высокого расцвета так называемая микенская культура.

Ахейская (Микенская) цивилизация.

Создателями микенской культуры были греки-ахейцы, вторгшиеся на Балканский полуостров на рубеже III—II тысячелетий до н.э., по-видимому, с севера, из района придунайской низменности. Продвигаясь по территории Греции все дальше на юг, ахейцы частью уничтожили, а частью ассимилировали коронное догреческое население этих областей, которое позднейшие греческие историки называют пеласгами (Пеласги были, возможно, пародом, родственным

минойцам. Отдельные слова из языка неласгов — или минойцев? — ныне утраченного (например, названия растений: «кипарис», «гиацинт», «нарцисс» и др.), были заимствованы греками, а из греческого языка перешли в современные.). Вначале микенская культура испытала на себе сильное влияние более передовой минойской цивилизации. Некоторые божества и религиозные обряды, фресковая живопись во дворцах, водопровод и канализация, фасоны мужской и женской одежды, отдельные виды оружия, наконец, линейное слоговое письмо были заимствованы с Крита. Это не означает, однако, что микенская культура была всего лишь второстепенным, периферийным вариантом культуры минойского Крита, а микенские поселения на Пелопоннесе и в других местах были просто-напросто минойскими колониями в чужой «варварской» стране, как думал А. Эванс. Многие характерные особенности микенской культуры позволяют считать, что она возникла на греческой почве и была преемственно связана с древнейшими культурами этого района эпохи энеолита и ранней бронзы.

Наиболее ранним памятником микенской культуры являются так называемые «шахтные гробницы» в Микенах на северо-востоке Пелопоннеса. Первые шесть могил этого типа («круг А») были открыты в 1876 г. известным немецким археологом Г.Шлиманом в черте стен микенской цитадели. В них было найдено множество предметов из золота, серебра, слоновой кости и других дорогих материалов. Гомер в «Илиаде» назовет Микены «златообильными», а микенского царя Агамемнона — самым могущественным из всех ахейских вождей, принимавших участие в знаменитой Троянской войне. Правда, Шлиман ошибся, полагая, что ему удалось найти могилу Агамемнона, злодейски умерщвленного его женой Клитемнестрой после возвращения из похода на Трою: шахтные гробницы датируются XVI в. до н.э., тогда как Троянская война происходила, по мнению современных археологов, в XIII в. до н.э. Огромные ценности, обнаруженные в могилах «круга А», показывают, что микенские цари были воинственными и свирепыми людьми, жадными до чужих богатств. Ради грабежа они предпринимали далекие походы по суше и по морю и возвращались на родину обремененные добычей (С Ближним Востоком, несомненно, существовали и торговые связи, о чем свидетельствует находка вавилонской (касситской) печати, — связи, конечно, через посредствующие звенья. — Примеч.ред.). Едва ли золото и серебро, сопровождавшие царственных покойников в загробный мир, попали в их руки путем мирного обмена. Гораздо более вероятно, что они были захвачены на войне. О воинственных наклонностях властителей Микен свидетельствуют, во-первых, исключительное обилие оружия в их гробницах, во-вторых, изображения кровавых сцен войны и охоты, которыми были украшены некоторые из вещей, найденных в могилах, а также каменные стелы, стоящие на самих могилах. На одной из них мы видим воина на колеснице, преследующего пешего ратника с луком в руках. Часть вещей очень примитивна по исполнению, что

выдает неискусную руку местного микенского ремесленника (примером могут служить погребальные золотые маски), другие являются работой лучших минойских мастеров ювелирного дела.

В 1952 г. в Микенах был открыт еще один царский некрополь, находившийся вне стен цитадели и заключающий в себе 24 могилы примерно того же типа, что шесть шахтных могил, раскопанных раньше. Погребения были не столь богаты, хотя и в них удалось найти немало ценных вещей, например сосуда из горного хрусталя и янтарные бусы. Самые ранние могилы «круга Б» датируются второй половиной XVII в. до н.э. Это позволяет отнести происхождение микенской культуры к более раннему времени, чем считалось прежде. Очевидно, уже и XVII в. до н.э. в Микенах существовало примитивное государство, в котором правящая верхушка — сам царский род — была резко обособлена от основной массы населения.

Временем расцвета микенской цивилизации можно считать XV—XIII века до н.э. В это время зона ее распространения охватывает весь Пелопоннес, Центральную Грецию (Аттику, Беотию, Фокиду), значительную часть Северной (Фессалию), а также многие из островов Эгейского моря. На всей этой большой территории существовала единообразная культура, представленная стандартными типами жилищ, погребений, керамики и т.п. По ним видно, что микенская Греция была процветающей страной с многочисленным населением, рассеянным по множеству небольших и более крупных поселков. Основными центрами микенской культуры были, как и на Крите, дворцы. Наиболее значительные из них были открыты в Микенах и Тиринфе, в Пилосе (Пелопоннес), в Афинах, Фивах и Орхомие (Центральная Греция), наконец, на севере Греции, в Иолке (Фессалия). Почти все микенские дворцы были укреплены, представляя собой настоящие цитадели, напоминающие своим внешним видом замки средневековых феодалов. Мощные циклопические (Греки, видевшие эти стены в более позднее время, приписывали их сооружение одноглазым великаиаам-циклопам.) стены микенских цитаделей, сооруженные из огромных каменных глыб без всякого связующего материала, свидетельствуют о высоком инженерном искусстве ахейских зодчих. Великолепным образцом микенских фортификационных сооружений может служить знаменитая Тиринфская цитадель на территории Арголиды, неподалеку от Микен. Необработанные глыбы известняка, достигающие в отдельных случаях чудовищного веса в 12 т, образуют наружные стены крепости толщиной 4,5 м и высотой в сохранившейся части до 7,5 м. В некоторых местах внутри стен были сделаны сводчатые галереи с казематами, в которых хранились оружие и запасы продовольствия (толщина стен достигала здесь 17 м). Подход к главным воротам цитадели был устроен так, что приближавшийся к ним противник вынужден был поворачиваться к стене, на которой находились защитники крепости, правым боком, не прикрытым щитом. Но, даже и попав внутрь цитадели, враг натыкался на внутреннюю оборонительную стену, защищавшую основную ее часть — акрополь с

царским дворцом. Чтобы добраться до дворца, нужно было преодолеть узкий проход между наружной и внутренней стенами, разделенный на два отсека двумя деревянными воротами. Здесь враг попадал под перекрестный огонь метательного оружия, который защитники цитадели обрушивали на него со всех сторон. Чтобы осажденные обитатели цитадели не страдали от недостатка воды, в северной ее части (так называемый нижний город) был устроен подземный ход, ведущий к тщательно скрытому источнику в 20 м от стен крепости.

Среди собственно дворцовых построек микенского времени наибольший интерес представляет хорошо сохранившийся «дворец Нестора» (Название «дворец Нестора» — условно. Нестор, согласно Гомеру, старый и мудрый царь Пилоса, один из главных участников похода на Трои.) в Пилосе на западе п-ова Пелопоннес. Пилосский дворец при сходстве внутреннего убранства с дворцами Крита отличается от них планировкой четкой и симметричной. Основные помещения дворца расположены на одной оси и образуют замкнутый прямоугольный комплекс. Чтобы проникнуть внутрь этого комплекса, нужно было последовательно миновать входной портик (пропилеи), небольшой внутренний двор, ещё один портик, вестибюль, из которого посетитель попадал в обширный прямоугольный зал — мегарон, составляющий неотъемлемую и наиболее важную часть любого микенского дворца. В центре мегарона был устроен большой круглый очаг, дым от которого выходил через отверстие в потолке. Вокруг очага стояли четыре деревянные колонны, поддерживавшие перекрытие. Стены были расписаны фресками. Мегарон был сердцем дворца. Здесь царь Пилоса пировал со своими вельможами и гостями. Здесь устраивались официальные приемы и аудиенции. Снаружи к мегарону примыкали два длинных коридора. В них выходили двери многочисленных кладовых, где было найдено несколько тысяч сосудов для хранения и перевозки масла и других продуктов. Видимо, пилосский дворец был крупным экспортером оливкового масла, которое высоко ценилось в соседних с Грецией странах. Во «дворце Нестора» имелись ваннные комнаты, водопровод и канализационные стоки. В небольшой комнате вблизи от главного входа хранился дворцовый архив, насчитывавший свыше 1000 глиняных табличек, исписанных знаками линейного слогового письма, очень похожего на то, которое использовалось в уже упоминавшихся документах из кносского дворца. Таблички хорошо сохранились благодаря тому, что попали в огонь пожара, от которого сгорел дворец.

К числу наиболее интересных архитектурных памятников микенской эпохи принадлежат величественные царские усыпальницы, именуемые «голосами» или «купольными гробницами». Толосы располагаются обычно вблизи от дворцов и цитаделей, служа, по всей видимости, местом последнего упокоения членов царствующей династии, как в более раннее время шахтные могилы. Самый большой из микенских голосов — так называемая гробница (по неверному первоначальному толкованию — сокровищница) Атрея — находится в Микенах. Сама гробница скрыта внутри искусственного насыпного кургана. Для того

чтобы попасть в нее, нужно пройти через длинный, облицованный камнем коридор-дромос, ведущий в глубь кургана. Вход в гробницу перекрыт двумя огромными каменными блоками (один из них весит 120 т). Внутренняя камера представляет собой монументальное, круглое в плане помещение с высоким (около 13,5 м) ульевидным сводом. Стены и свод гробницы выложены из великолепно отесанных каменных плит и первоначально были украшены бронзовыми позолоченными розетками. С главной камерой соединяется боковая камера несколько меньших размеров, прямоугольная в плане и не так хорошо отделанная. По всей вероятности, именно здесь помещалось царское погребение, разграбленное еще в древности.

Сооружение таких грандиозных построек, как «гробница Атрея» или Тиринфская цитадель, как нам представляется, было бы невозможно без применения подневольного труда. Чтобы справиться с такой задачей, необходимо было, во-первых, наличие большой массы дешевой рабочей силы, во-вторых, достаточно развитой государственный аппарат, способный организовать эту силу. Очевидно, владыки Микен и Тиринфа располагали и тем и другим. Тайна внутренней структуры ахейского государства начала рассеиваться с тех пор, как в 1952 г. молодому англичанину М. Вептрису удалось прочесть таблички пилосского, а также некоторые из табличек кносского архива. Оказалось, что все эти документы были составлены на архаическом ахейском диалекте греческого языка, на котором говорило население микенской Греции во II тысячелетии до н.э. (Раньше безраздельно господствовало мнение А. Эванса, согласно которому считалось, что все надписи, сделанные линейным письмом, составлены народом негреческого происхождения.). Используя в этих надписях линейное слоговое письмо Б возникло, по всей вероятности, на Крите (Кносский архив примерно на два столетия древнее аналогичных архивов материковой Греции: пилосского, микенского и др.) на базе существовавшей здесь более древней системы письменности — линейного письма А (Таблички линейного письма А, найденные в том же кносском дворце и в некоторых других пестях на территории Крита, до сих пор остаются непрочитанными. Большинство ученых склоняются к мысли, что мийский язык не связан с греческим.). Ахейцы, захватившие Крит примерно в середине XV в., переняли у своих предшественников-минойцев употреблявшееся ими слоговое письмо и приспособили его для передачи своего языка.

Прочитанные М. Вептрисом таблички представляют собой «бухгалтерские» счетные записи, которые из года в год велись в хозяйстве пилосского и кносского дворцов. Эти лаконичные записи включают в себе ценнейшую историческую информацию, позволяя судить об экономике дворцовых государств микенской эпохи, их социальном и политическом устройстве. Мы узнаем, например, что в это время в Греции уже существовало рабство и труд рабов широко применялся в различных отраслях хозяйства. Среди документов пилосского архива немало места занимают списки рабочих отрядов

дворцового хозяйства. В каждом таком списке указывается, сколько женщин-рабынь в составе отряда, какова их профессия (упоминаются молотильщицы зерна, прядильщицы, швеи и даже банщицы), сколько при них детей: мальчиков и девочек (очевидно, это были дети рабынь, рожденные в неволе), какой паек они получают и в каком месте работают (это или сам Пилос, или один из городков па подвластной ему территории). Численность отрядов могла быть значительной — до ста с лишним человек. Общее же число женщин и детей во всех отрядах, известных только по одной группе надписей пилосского архива, должно было составлять около 1300 человек. Наряду с отрядами, в состав которых входят только женщины и дети, в надписях фигурируют и отряды, состоящие только из рабов-мужчин, хотя встречаются они сравнительно редко и численно, как правило, невелики — не более десяти человек в каждом. Очевидно, женщин-рабынь было больше, из чего следует, что рабство в то время еще находилось на сравнительно низкой ступени развития.

Наряду с обычными рабами в пилосских надписях упоминаются и так называемые «божьи рабы или рабыни». Обычно они арендуют (Что наделы этих людей находились у них именно на условиях аренды, не может считаться доказанным. — Примеч.ред.) землю небольшими участками у общины (дамос) или у частных лиц, из чего можно заключить, что своей земли у них не было и, следовательно, они не считались полноправными членами общины, хотя не были, по видимому, и рабами в собственном значении этого слова. Сам термин «божий раб» указывает, по всей вероятности, на то, что представители этой социальной прослойки состояли в услужении при храмах главных богов Пилосского царства и пользовались покровительством храмовой администрации.

Значительная часть документов как пилосского, так и кносского архивов посвящена учету труда ремесленников. Среди них мы видим представителей самых различных профессий: кузнецов, каменщиков, портных, плотников, горшечников, оружейников, золотых дел мастеров и даже парфюмеров. За свою работу ремесленники получают из дворцовой казны паек, состоящий из ячменя и других продуктов. Неявка на работу отмечалась в особых документах. «Прогульщиков», очевидно, наказывали, хотя мы не знаем, как именно. Некоторые из ремесленников, вероятно, считались «людьми дворца» и, подобно многочисленным чиновникам, упоминающимся в тех же надписях, состояли на государственной службе. Их положение было, по всей видимости, ненамного лучше, чем положение женщин-рабынь. Другую категорию ремесленников составляли свободные общинники, для которых работа на дворец была лишь временной повинностью. Трудовыми повинностями такого рода как в Пилосе, так и в Кноссе облагалось, как это видно из документов, население небольших поселков, расположенных по периферии вокруг главного дворца и экономически от него зависевших. Ремесленники, привлекавшиеся на государственную повинность, не лишались личной свободы. Они могли владеть землей и даже рабами, как и все другие члены общины.

Особое положение среди ремесленников, работающих на дворец, занимали кузнецы. Так, в Пилосе они были освобождены от поставок льна, считавшихся обязательными для всего остального населения Пилосского царства. Все кузнецы, проживавшие на территории государства, находились под надзором дворцовой администрации. Необходимый им для работы металл они получали из казны дворца вместе с заданием или уроком. Кузнецам, имевшим урок, помогали в их работе рабы, которых им, видимо, тоже присылали из дворцового хозяйства.

В документах кносского и пилосского архивов дворцовое хозяйство микенской эпохи предстает перед нами как мощная, разветвленная экономическая система, охватывающая практически все общество. Частное хозяйство, хотя, по-видимому, оно уже существовало в микенских государствах, находилось в податной зависимости от «государственного сектора» и играло при нем лишь подчиненную второстепенную роль. Государство монополизировало важнейшие отрасли, ремесленного производства и установило строжайший контроль над распределением и потреблением сырья, прежде всего металла. Ни один килограмм бронзы, ни один наконечник копья или стрелы не мог ускользнуть от бдительного взора дворцовой бюрократии. Весь металл, находившийся как в распоряжении государства так и в частных хозяйствах, тщательно взвешивался, учитывался и (фиксировался писцами дворцового архива на глиняных табличках. Все данные говорят о том, что в государствах ахейской Греции сложился тип экономики, аналогичный ближневосточному.

Основанное на принципах строжайшего учета и контроля, дворцовое хозяйство нуждалось для своего функционирования в бюрократическом аппарате. Документы пилосского и кносского архивов показывают его в действии, хотя многие организационные детали остаются пока неясными. Помимо штата писцов, служивших непосредственно в дворцовой канцелярии и архиве. в табличках упоминаются многочисленные чиновники, ведавшие работами и наблюдавшие за выполнением повинностей. Так, из документов пилосского архива мы узнаем, что вся территория Пилосского царства была разбита на 16 податных округов, во главе которых стояли наместники-коретеры. Каждый из них отвечал за исправное поступление в дворцовую казну поборов с вверенного ему округа прежде всего в виде металла, золота и бронзы, а также различных видов сельскохозяйственных продуктов. В подчинении у коретера находились должностные лица низшего ранга, управлявшие отдельными поселениями, входившими в состав округа. В табличках они именуются басилеями(Точнее, в микенском произношении, по-видимому, гвасилеями.). Басилеи осуществляли надзор за производством, например за работой кузнецов, состоявших на государственной службе. Сами коретеры и басилеи находились под неусыпным контролем центральной власти. Дворец постоянно рассылал во все стороны вестников и курьеров, инспекторов и ревизоров.

Во главе дворцового государства стоял человек, именуемый ванак, что соответствует позднему греческому ванакт, т.е. «господин», «повелитель», «царь». К сожалению, из документов ничего не известно о политических функциях и правах ванак, но среди правящей знати он занимал особое, привилегированное положение. Принадлежащий царю земельный надел (теменос) в три раза превосходил земельные наделы других высших должностных лиц. В распоряжении его находилась многочисленная челядь. В табличках упоминаются «царский горшечник», «царский сукновал», «царский оружейник». Среди подчиненных царю Пилоса чиновников высшего ранга одно из наиболее видных мест занимал лавагвт, т.е. «воевода», «военачальник». Как показывает его титул, в его обязанности входило командование вооруженными силами Пилосского царства. Кроме ванак и лавагета в надписях упоминаются и другие должностные лица. В круг высшей знати, тесно связанной с дворцом и составлявшей ближайшее окружение пилосского ванак, входили, во-первых, жрецы главных храмов государства, во-вторых, высшие военные чины, прежде всего предводители отрядов боевых колесниц. Земледельцы и ремесленники были, судя по всему, политически бесправны и не принимали никакого участия в управлении государством (Существует мнение, согласно которому встречающийся в табличках пилосского архива термин дамос («народ») обозначает народное собрание, представляющее все свободное население Пилосского царства. Автору представляется более вероятным, что дамос — одна из территориальных общин (округов), входящих в состав государства (ср. позднейшие афинские демы)). Ниже, чем они, стояли только рабы, занятые на работах в дворцовом хозяйстве.

Дешифровка линейного письма Б не смогла решить все проблемы социально-экономической и политической истории микенской эпохи. Мы не знаем, например, какие отношения существовали между отдельными мелкими государствами: составляли ли они, как думают некоторые ученые, единую ахейскую державу под эгидой царя Микен, самого могущественного из всех правителей тогдашней Греции, или же вели совершенно обособленное и независимое существование. Последнее кажется более вероятным. Едва ли случайно, что почти каждый из микенских дворцов был окружен мощными оборонительными сооружениями, которые должны были надежно защитить его обитателей от враждебного внешнего мира, и прежде всего от ближайших соседей. Циклопические стены Микен и Тиринфа свидетельствуют о почти непрерывной вражде этих двух государств, деливших между собой плодородную Аргосскую равнину. Греческие предания рассказывают о кровавых усобицах ахейских владык. Повествуется, например, о том, как семь царей Артоса вмешались в борьбу между сыновьями фиванского царя Эдипа, пошли походом на Фивы, богатейший из городов Центральной Греции (Беотии), и после ряда неудачных попыток взяли и разрушили его. Раскопки показали, что дворец микенского времени в Фивах действительно был сожжен и

разрушен в XIV в. до н.э., задолго до того, как погибли другие дворцы и цитадели.

В отдельные моменты ахейские государства, видимо, могли объединяться для совместных военных предприятий. Примером может служить знаменитая Троянская война, о которой повествует Гомер в своей поэме «Илиада». Если верить «Илиаде», с походе на Трою принимали участие почти все основные области ахейской Греции — от Фессалии на севере до Крита и Родоса на юге. Предводителем всего войска был избран микенский царь Агамемнон. Возможно, что Гомер преувеличил подлинные масштабы ахейской коалиции и приукрасил сам поход. Тем не менее историческая реальность этого события сейчас почти ни у кого не вызывает сомнений. Раскопки в Трое (северо-западная часть Малой Азии, неподалеку от побережья пролива Дарданеллы, древний Геллеспонт) показали, что одно из существовавших на этом месте поселений (Троя VIIa) было взято и разрушено после длительной осады примерно в середине XIII в. до н.э. или несколько позже (эта дата наиболее близка традиционной датировке Троянской войны, сохраненной Геродотом)(Г.Шлиман, открывший Трою в 1870 г., ошибался, полагая, что гомеровской Троею было второе снизу из найденных им на этом месте семи древнейших поселений. В действительности Троя II относится, как это теперь установлено, ещё ко второй половине III тысячелетия до н.э., т.е. она почти на тысячу лет древнее Троянской войны. Троя была Шлиманом оставлена без внимания. (Более того, сравнительно хорошо сохранившиеся части каменных стен подлинной Трои были разбиты на строительство барачков для нанятых Шлиманом рабочих и даже не были зарисованы. Таким образом, Шлиману удалось завершить дело Агамемнона и без остатка разрушить Трою. «Неразвитость» тогдашней археологической науки тут не может служить оправданием, так как античная археология накопила к тому времени более чем столетний опыт. — Примеч. ред.)).

Война ахейцев против Трои была лишь одним, хотя, по-видимому, и наиболее значительным из проявлений военной и колониальной экспансии ахейцев в Малой Азии и Восточном Средиземноморье. В течение XIV—XIII вв. до н.э. многочисленные ахейские поселения (на них указывают большие скопления типично микенской керамики) появились на западном и южном побережьях Малой Азии, примыкающих к ним островах Родос и Кипр и даже на сирожинском побережье Средиземного моря. Повсюду в этих местах микенские греки перехватывают торговую инициативу из рук своих предшественников — минойцев. Сам Крит, как мы уже говорили, был еще раньше (в XV в.) колонизован ахейцами и стал главным плацдармом в их продвижении на восток и на юг. Успешно совмещая занятия торговлей с пиратством, ахейцы вскоре становятся весьма заметной политической силой в этом районе древнего мира. В одном из документов из столицы Хеттского царства государство Аххиява (вероятно, одно из ахейских государств в западной части Малой Азии или на прилегающих островах) ставится в один ряд с сильнейшими

державами той эпохи: Египтом, Вавилоном, Ассирией. Правители Аххиявы поддерживали тесные дипломатические контакты с хеттскими царями. Еще на рубеже XIII—XII вв. до н.э. отряды ахейских добытчиков, пришедшие с Крита или с Пелопоннеса, принимали участие в набегах коалиции «народов моря» на Египет. В египетских надписях, повествующих об этих событиях, упоминаются наряду с другими племенами народы акайваша и данауна, что может соответствовать греческому ахайвой и данавой — обычные наименования ахейцев у Гомера.

В то время, когда Египет отражал от своих границ натиск «народов моря», над самой ахейской Грецией уже сгущались тучи. Последние десятилетия XIII в. до н.э. были временем крайне тревожным и беспокойным. Обитатели дворцов и цитаделей жили в атмосфере страха. В Микенах, Тиринфе, Афинах и других местах спешно восстанавливаются старые и возводятся новые укрепления. Воздвигается массивная циклопическая стена на Истме (узкий перешеек, связывающий Среднюю Грецию с Пелопоннесом), явно рассчитанная на то, чтобы оградить микенские государства на юге Балканского полуострова от какой-то опасности, надвигающейся с севера. Среди фресок пилосского дворца привлекает внимание одна, созданная незадолго до гибели его. Художник изобразил на ней кровопролитное сражение, в котором участвуют, с одной стороны, ахейские воины в панцирях и характерных рогатых шлемах, с другой — какие-то варвары, одетые в звериные шкуры, с длинными распущенными волосами. По всей видимости, это и были те люди, которых так боялись и ненавидели обитатели микенских твердынь, против которых они и возводили все новые и новые укрепления. Археология показывает, что в непосредственной близости от основных очагов микенской цивилизации, на севере и северо-западе Балканского полуострова (в областях, именованных в древности Македонией и Эпиром), шла совсем иная жизнь, весьма далекая от роскоши и великолепия ахейских дворцов. Здесь обитали племена стоявшие на низком уровне развития и, очевидно, еще не вышедшие из стадии родо-племенного строя. Об их культуре мы можем судить по грубой лепной керамике и примитивным глиняным идолам, составляющим сопровождающий инвентарь огромного большинства погребений в этих районах. Следует, однако, заметить, что при всей своей отсталости племена Македонии и Эпира были уже знакомы с употреблением металла и их оружие в чисто техническом отношении, по-видимому, не уступало микенскому.

В конце XIII в. племенной мир всего северобалканского региона в силу каких-то неизвестных нам причин пришел в движение. Огромная масса варварских племен, включавшая в себя как народы, говорившие на различных диалектах греческого языка (сюда входят дорийский и близкие к нему западногреческие диалекты), так, по-видимому, и народности негреческого, фракийско-иллирийского происхождения (Фракийский и иллирийский языки, так же как и греческий, принадлежали к числу индоевропейских языков (но к

другой ветви)), снялась с насиженных мест и устремилась на юг, в богатые и процветающие области Средней Греции и Пелопоннеса, а также в Малую Азию. Маршрут, по которому шло вторжение, отмечен следами развалин и пожарищ. На своем пути пришельцы захватили и разрушили множество микенских поселений. Погиб в огне пожара пилосский дворец. Само место, на котором он стоял, было предано забвению. Seriously пострадали, хотя, по-видимому, и не были захвачены, цитадели Микен и Тиринфа. Хозяйству микенских государств был нанесен непоправимый ущерб. Об этом свидетельствует стремительный упадок ремесла и торговли в районах, наиболее пострадавших от вторжения, а также резкое сокращение численности населения. Таким образом, на рубеже XIII—XII вв. микенская цивилизация перенесла страшный удар, после которого она уже не смогла оправиться.

Последовавший за этой катастрофой быстрый распад крупнейших микенских государств объясняется не столько силой натиска северных варваров, сколько непрочностью их собственной внутренней структуры, в основе которой лежали, как уже было показано, систематическая эксплуатация и угнетение трудового населения немногочисленной дворцовой элитой. Достаточно было одним ударом уничтожить правящую верхушку дворцового государства, чтобы вся эта сложная постройка распалась как карточный домик.

Дальнейший ход событий во многом неясен: слишком скуден имеющийся в нашем распоряжении археологический материал. Основная часть варварских племен, принимавших участие во вторжении, по-видимому, не удержалась на захваченной ими территории (опустошенная страна не могла прокормить такую массу людей) и отхлынула обратно на север на свои исходные позиции. Лишь небольшие племенные группы дорийцев (Некоторые современные ученые считают, что в первом нашествии, завершившемся падением Пилоса, дорийцы вообще не участвовали. Они пришли позднее (уже в XII или даже XI в. до н.э.), когда сопротивление микенских греков было окончательно сломлено.) и родственных им западногреческих народностей обосновались в прибрежных районах Пелопоннеса (Арголида, области близ Истма, Ахайя, Элида, Лакония и Мессения). Отдельные островки микенской культуры продолжали существовать вперемежку с вновь основанными поселениями пришельцев вплоть до конца XII в. до н.э. По-видимому, в это время последние из переживших катастрофу конца XIII в. до н.э. ахейских цитаделей пришли в окончательный упадок и были навсегда покинуты своими обитателями. В этот же период наблюдается массовая Эмиграция с территории балканской Греции на восток — в Малую Азию и на близлежащие острова. В колонизационном движении принимали участие, с одной стороны, уцелевшие остатки ахейского населения Пелопоннеса, Средней и Северной Греции, которые именуется теперь ионийцами и эолийцами, с другой стороны, дорийские новопоселенцы. Результатом этого движения было образование на западном побережье Малой Азии и на островах Лесбос

Хиос Самое, Родос и др. множества новых поселений, среди которых самыми крупными были эолийская Смирна, ионийские города Колофон, Эфес, Милет, дорийский Галикарнас.

Литература:

Андреев Ю.В. Крито-микенский мир./История Древнего мира. Ранняя Древность.- М.:Знание, 1983 - с.312-331

Лекция 16: Греция в XI-IX вв. до н.э. по данным гомеровского эпоса.

Следующий за микенской эпохой период греческой истории принято называть «гомеровским» по имени великого поэта Гомера, две поэмы которого, «Илиада» и «Одиссея», являются для нас важнейшим источником информации об этом времени. Вопрос о происхождении гомеровских поэм (так называемый гомеровский вопрос) относится к числу еще не решенных научных проблем. Как личность Гомера, так и его произведения были предметом ожесточенных споров и в древности, и в новое время. Эта полемика не была бесплодной. Ученым удалось установить хотя бы приблизительно время и место создания поэм. Судя по ряду признаков, обе поэмы, приписываемые Гомеру, были созданы в VIII в. до н.э. («Илиада», видимо, несколько раньше, чем «Одиссея») в одном из греческих городов малоазийского, или, как оно называлось в древности, ионийского, побережья Эгейского моря. Однако гомеровский эпос возник не на пустом месте. У великого поэта были многочисленные предшественники — безымянные народные сказители — аэды, которые на протяжении многих столетий изустно, без помощи письма, передавали от одного поколения к другому песни и сказания о Троянской войне и связанных с нею событиях. Гомер, который, возможно, и сам был одним из аэдов, собрал и переработал эти сказания, создав на их основе две эпические поэмы большого масштаба и выдающихся художественных достоинств. Исторический материал, вошедший в гомеровское повествование, отличается большой сложностью. В нем, несомненно, есть элементы, восходящие к микенской эпохе, возможно даже ко времени более раннему, чем сама Троянская война. Так можно объяснить встречающиеся в поэмах упоминания о бронзовых мечах и другом оружии (хотя сам поэт, судя по всему, жил уже в железном веке), о боевых колесницах, вышедших из употребления в конце II тысячелетия до н.э., о таких важнейших центрах погибшей цивилизации, как Микены, Тиринф, Пилос, Кносс и др. Напомним, что некоторые из этих городов во время дорийского нашествия были стерты с лица земли и никогда уже больше не восстанавливались, другие превратились в деревушки, не заслуживающие даже упоминания. Однако, взятая в целом, микенская эпоха остается для Гомера весьма отдаленным прошлым, о котором он имел лишь самые смутные и неясные представления. Говоря о событиях «героического века», поэт, как правило, переносит их в гораздо более позднюю

историческую среду, вероятно отделенную от его собственного времени лишь небольшим промежутком. На это указывают упоминания о технике обработки железа, которая стала известна в Греции не ранее XI в. до н.э. о финикийских мореплавателях и торговцах, проникших в воды Эгейского моря примерно в это же время или даже позже, о сравнительно позднем обычае кремации (сожжения) покойников и многие другие детали в тексте поэм. Всё это требует от историка большой осторожности в обращении с материалом эпоса. Читая Гомера, мы всегда должны помнить, что перед нами не исторический документ в строгом значении этого слова, а художественное произведение, в котором разновременные мотивы и образы, относящиеся к весьма удаленным друг от друга историческим эпохам, оказываются в самом близком соседстве и образуют причудливые и подчас неожиданные сочетания.

Свидетельства гомеровского эпоса существенно дополняет и расширяет археология. Раскопки показали, что так называемое дорийское завоевание отбросило Грецию на несколько столетий назад, почти к тому состоянию, в котором она находилась в начале II тысячелетия до н.э., до зарождения микенской цивилизации. Как материальная, так и духовная культура этого времени несет на себе печать упадка. Микенские дворцы и цитадели были заброшены и лежали в развалинах. В их стенах никто уже больше не селился. Даже в Афинах, по-видимому не пострадавших от дорийского нашествия, акрополь был покинут жителями уже в XII в. до н.э. и после этого долгое время оставался незаселенным. Создается впечатление, что в гомеровский период греки разучились строить дома и крепости из каменных блоков, как это делали их предшественники в микенскую эпоху. Почти все постройки этого времени были деревянными или сложенными из необожженного кирпича. Поэтому ни одна из них не сохранилась. Остались лишь выложенные из камня фундамента, по которым можно представить себе конструкцию греческого дома той эпохи и его внешний облик. Чаще всего это была лишь небольшая хижина, прямоугольная или овальная в плане, с примитивным каменным очагом в центре, земляным полом и тростниковой или соломенной крышей. Погребения гомеровского периода, как правило, чрезвычайно бедны, даже убоги, если сравнивать их с микенскими могилами. Весь инвентарь составляют обычно несколько глиняных горшков, железный меч или нож, наконечники копий и стрел в мужских могилах, дешевые украшения в женских. В них почти совсем нет красивых, ценных вещей. Отсутствуют предметы чужеземного, восточного происхождения, столь частые в микенских погребениях. Все это говорит о резком упадке ремесла и торговли, о массовом бегстве квалифицированных мастеров-ремесленников из разоренной войною и нашествиями страны в чужие края, о разрыве торговых морских путей, Уединявших микенскую Грецию со странами Ближнего Востока и со всем остальным Средиземноморьем. Изделия греческих ремесленников гомеровского периода заметно уступают как по своим художественным качествам, так и в чисто техническом отношении

произведениям микенских, а тем более критских минойских мастеров. Это особенно бросается в глаза, если сопоставить керамику XI—IX вв. до н.э. с более ранними ее образцами. В росписи сосудов этого времени безраздельно господствует так называемый геометрический стиль. Изысканный рисунок и колорит, отличавшие крито-микенскую вазовую живопись, уступают теперь свое место незатейливому геометрическому узору, составленному из концентрических кругов, треугольников, ромбов, квадратов. В более позднее время (VIII в. до н.э.) из этих простейших элементов начинают создаваться многофигурные композиции, изображающие сцены войны, погребения, скачек на колесницах и т.д. Своим схематизмом и примитивизмом эти «картины» на вазах напоминают детские рисунки или вышивки на полотенцах. От великого искусства критских и микенских дворцов их отделяет целая пропасть.

Сказанное, разумеется, не означает, что гомеровский период не внёс в культурное развитие Греции совсем ничего нового. История человечества не знает абсолютного регресса, и в материальной культуре гомеровского периода элементы упадка причудливо переплетаются с целым рядом важных новшеств. Важнейшим из них было освоение греками техники выплавки и обработки железа. В микенскую эпоху железо было известно в Греции только как драгоценный металл и шло главным образом на изготовление разного рода поделок вроде колец, браслетов и т.д. Древнейшие образцы железного оружия (мечи, кинжалы, наконечники стрел и копий), обнаруженные на территории Балканской Греции и островов Эгейского моря, датируются XI в. до н.э. К этому же времени относятся и первые находки шлаков, свидетельствующие о том, что железо выплавлялось уже в самой Греции, а не импортировалось из других стран (До недавнего времени принято было считать, что железо принесли в Грецию дорийцы (этим объяснялись обычно их победы над ахейцами, у которых было только бронзовое оружие). Археология, однако, не дает пока подтверждений этой гипотезы. Более правдоподобно другое предположение: секрет выплавки и обработки железа был перенят греками у кого-то из их восточных соседей, скорее всего у одного из народов Малой Азии, где этот секрет был известен еще во II тысячелетии до н.э.). Открытие способа обработки железа и широкое внедрение этого металла в производство означали в условиях того времени настоящий технический переворот. Металл впервые стал дешев и широко доступен (месторождения железа встречаются в природе гораздо чаще, чем месторождения меди и олова — основных компонентов бронзы). Отпала необходимость в опасных и дорогостоящих экспедициях к местам добычи руды. В связи с этим резко возросли производственные возможности наименьшей экономической ячейки общества — отдельной семьи. С помощью железного топора, косы и других орудий каждая семья могла расчистить под пашню гораздо более значительные площади, чем это было доступно ей прежде, в эпоху господства бронзы. Уже в конце гомеровской эпохи (вторая половина IX в. до н.э.) греческие кузнецы

овладели искусством закалки железа и превращения его в кричное железо — предшественника стали. Таким образом, Греция вступила в железный век. Однако благотворное воздействие технического прогресса на общественное и культурное развитие древней Греции сказалось далеко не сразу, и в целом культура гомеровского периода стоит намного ниже, чем хронологически предшествующая ей культура крито-микенской эпохи. Об этом единогласно свидетельствуют не только предметы, добытые археологами во время раскопок, но и те описания жизни и быта, с которыми мы сталкиваемся, читая гомеровские поэмы.

Уже давно замечено, что «Илиада» и «Одиссея» в целом изображают общество, стоящее гораздо ближе к варварству, культуру гораздо более отсталую и примитивную, нежели та, которую мы можем представить себе читая таблички линейного письма Б или рассматривать произведения крито-микенского искусства. Гомеровские герои — а они все, как один, цари и аристократы — живут в грубо сколоченных деревянных домах с двором, окруженным частоколом. Типично в этом смысле жилище Одиссея, главного героя второй гомеровской поэмы. У входа во «дворец» этого царя красуется большая навозная куча, на которой Одиссей, вернувшийся домой в обличье старого нищего, находит своего верного пса Аргуса. В дом запросто заходят с улицы нищие и бродяги и садятся в ожидании подачи у дверей в той же палате, где пирует со своими гостями хозяин. Полom в доме служит плотно утоптанная земля. Внутри жилища очень грязно. Стопы и потолок покрыты сажей, так как дома отапливались без труб и дымохода, как курные избы. В доме отсутствует такое, казалось бы, необходимое помещение, как кухня. Все приготовления к обеду происходят либо во дворе, либо прямо в трапезной палате. Здесь убивают и разделывают животных, обреченных на съедение, здесь же их жарят на вертеле. На полу валяются кости, объедки, свежесодранные бычьи и бараньи шкуры. Гомер явно не представлял себе, как выглядели дворцы и цитадели «героического века». В своих поэмах он не раз не упоминает ни о сложнейших фортификационных сооружениях и грандиозных циклопических стенах микенских твердынь, ни об украшавших их дворцы фресках и расписных полках. Он ничего не знает о водопроводе и канализации. Даже поразивший Одиссея своим богатством и роскошью дворец царя феаков Алкиноя имеет мало общего с подлинными дворцами микенской эпохи и скорее всего является продуктом поэтического вымысла Гомера.

Да и весь жизненный уклад героев поэм очень далек от пышного и комфортабельного быта микенской дворцовой знати. Он намного проще и грубее. Богатства гомеровских «царей»-басилеев не идут ни в какое сравнение с состояниями их предшественников — ахейских ванаков. Этим последним нужен был целый штат писцов, чтобы вести учет и контроль их имущества. Типичный гомеровский басилей сам отлично знает, что и в каком количестве хранится в его кладовой, сколько у него земли, скота» рабов и пр. Главное его богатство

состоит в запасах металла: бронзовых котлах и треножниках, слитках железа, которые он заботливо хранит в укромном уголке своего дома. В его характере далеко не последнее место занимают такие черты, как скопидомство, расчетливость, умение из всего извлекать выгоду. В этом отношении психология гомеровского аристократа мало чем отличается от психологии зажиточного крестьянства тон эпохи (см. ниже о Гесиоде).

Гомер нигде не упоминает о многочисленной, разбитой по степеням и рангам придворной челяди, которая окружала ванак Микен или Пилоса. Централизованное дворцовое хозяйство с его рабочими отрядами, с его надсмотрщиками, писцами и ревизорами ему совершенно чуждо. Правда, численность рабочей силы в хозяйствах некоторых басилеев (Одиссея, Алкиноя) определяется довольно значительной цифрой в 50 рабынь, но даже если это не поэтическая гипербола, такому хозяйству еще очень далеко до хозяйства пилосского или кносского дворца, в котором, судя по данным табличек, были заняты сотни или даже тысячи работников. Трудно представить себе микенского ванаку разделяющим трапезу со своими рабами, а его супругу сидящей за ткацким станком в окружении своих рабынь. Для Гомера как то, так и другое — типичная картина в жизни его героев. Гомеровские цари не чураются самой грубой физической работы. Одиссей, например, ничуть не меньше гордился своим умением косить и пахать, чем своим воинским искусством. Царскую дочь Навсикаю мы встречаем впервые в тот момент, когда она со своими служанками выходит на взморье стирать одежду для своего отца Алкиноя.

Факты такого рода говорят о том, что рабство в гомеровской Греции ещё не получило сколько-нибудь широкого распространения и даже в хозяйствах самых богатых и знатных людей рабов было не так уж много. Следует также учитывать, что основную массу подневольных работников составляли женщины-рабыни. Мужчин в те времена в плен на войне, как правило, не брали, так как их «приручение» требовало много времени и упорства, женщин же брали охотно, так как их можно было использовать и как рабочую силу, и как наложниц (последнее не считалось предосудительным и при наличии законной жены). У Одиссея, например, двенадцать рабынь заняты тем, что с утра до позднего вечера мелют зерно ручными зернотерками (эта работа считалась особенно тяжелой, и ее часто поручали строптивым рабам в виде наказания). Рабы-мужчины в тех немногих случаях, когда они упоминаются на страницах поэм, обычно пасут скот. Классический тип гомеровского раба воплотил «божественный свинопас» Евмей, который первым встретил и приютил скитальца Одиссея, когда тот после многолетнего отсутствия вернулся на родину, а затем помог ему расправиться с женихами (Женихи — знатные юноши Итаки, родного острова Одиссея, и соседних с нею островов. Воспользовавшись отсутствием Одиссея, они обосновались в его доме и принуждают к браку с одним из них жену героя Пенелопу.). Маленьким мальчиком Евмея купил у финикийских работорговцев отец Одиссея Лаэрт. За

примерное поведение и послушание Одиссей сделал его главным пастухом свиного стада. Евмей рассчитывает, что его усердие будет вознаграждено и еще больше. Хозяин дает ему кусок земли, дом и жену — «словом, все то, что слугителям верным давать господин благодушный должен, когда справедливые боги успехом усердье его наградили». Евмей может считаться образцом «хорошего раба» в гомеровском понимании этого слова. Но поэт знает, что бывают и «плохие рабы», не желающие повиноваться своим господам. В «Одиссее» их представляет козопас Меланфий, который сочувствует женихам и помогает им бороться с Одиссеем, а также двенадцать рабынь Пенелопы, вступившие в преступную связь с врагами своего хозяина. Покончив с женихами, Одиссей и Телемах расправляются и с изменниками-рабами: рабынь вешают на корабельном канате, а Меланфия, отрезав ему Уши, нос, ноги и руки ещё живым бросают на съедение собакам. Этот эпизод красноречиво свидетельствует о том, что чувство собственника-рабовладельца уже достаточно сильно развито у героев Гомера, хотя рабство едва начинает зарождаться.

Типичная гомеровская община (демос) ведет довольно обособленное существование, сравнительно редко вступая в соприкосновение даже с ближайшими к ней другими такими же общинами. Торговля и ремесло играют ничтожную роль. Каждая семья сама производит почти все необходимое для ее жизни продукты земледелия и скотоводства, одежду, простейшую утварь, орудия труда, возможно, даже оружие. Специалисты-ремесленники, живущие своим трудом, в поэмах встречаются крайне редко. Гомер называет их демиургами, т.е. «работающими на народ». Многие из них, по-видимому, не имели даже своей мастерской и постоянного места жительства и вынуждены были бродить по деревням, переходя из дома в дом в поисках заработка и пропитания. К их услугам обращались только в тех случаях, когда нужно было изготовить какой-нибудь редкостный вид вооружения, например бронзовый панцирь, или щит из бычьих шкур, или же драгоценное украшение. В такой работе трудно было обойтись без помощи квалифицированного мастера-кузнеца, кожевника или ювелира.

Греки гомеровской эпохи редко и неохотно занимались торговлей. Нужные им чужеземные вещи они предпочитали добывать силой II для этого снаряжали грабительские экспедиции в чужие края (В хозяйствах родовой знати элемент товарности был, по-видимому, выражен сильнее, чем в хозяйствах рядовых общинников. На излишки своего хозяйства аристократ мог выменять при случае бронзу и медь, необходимые для изготовления оружия, редкие ткани, ювелирные изделия, чужеземных рабов и др.). Моря, омывающие Грецию, кишели пиратами. Морской разбой, так же как и грабеж на суше, не считался в то времена предосудительным занятием (на это обратил внимание уже великий греческий историк Фукидид в V в. до н.э.). Напротив, в предприятиях такого рода видели проявление особой удали и молодечества, достойных настоящего героя и аристократа. Ахилл открыто похвалялся тем, что он, сражаясь на море и на суше, разорил

двадцать три города в троянских землях. Телемах гордится теми богатствами, которые «нагребил» для него его отец Одиссей. Но даже и лихие пираты-добытчики не отваживались в те времена выходить далеко за пределы родного Эгейского моря. Поход в соседний Египет казался грекам тон поры фантастическим предприятием, требовавшим исключительной смелости. Весь мир, лежавший за пределами их маленького мирка, даже такие сравнительно близкие к ним страны, как Причерноморье или Италия и Сицилия, казался им далеким и страшным. В своем воображении они населяли эти края ужасными чудовищами вроде сирен или великанов-циклопов, о которых повествует Одиссей своим изумленным слушателям. Единственные настоящие купцы, о которых упоминает Гомер, — это «хитрые гости морей»—финикийцы. Как и в других странах, финикийцы занимались в Греции в основном посреднической торговлей, сбывая втридорога диковинные заморские изделия из золота, янтаря, слоновой кости, флакончики с благовониями, стеклянные бусы. Поэт относится к ним с явной антипатией, видя в них коварных обманщиков, всегда готовых провести простодушного грека.

Среди других достижений микенской цивилизации в смутное время племенных вторжений и миграций было забыто и линейное слоговое письмо. Весь гомеровский период был периодом в полном смысле этого слова бесписьменным. До сих пор археологам не удалось найти на территории Греции ни одной надписи, которую можно было бы отнести к промежутку с XI по IX в. до н.э. После длительного перерыва первые известные науке греческие надписи появляются лишь во второй половине VIII в. Но в этих надписях используются уже не знаки линейного письма Б, которыми были испещрены микенские таблички, а буквы совершенно нового алфавитного письма, которое, очевидно, только зарождалось в это время. В соответствии с этим мы не находим в поэмах Гомера никаких упоминаний о письменности. Герои поэм все, как один, неграмотны, не умеют ни читать, ни писать. Не знают письма и певцы-аэды — «божественный» Демодок и Фемий, с которыми мы встречались на страницах «Одиссеи». В самих гомеровских поэмах, как мы уже говорили, явно ощущается их тесная связь с устным народным творчеством — фольклором, который в Греции, как и в других странах, исторически, несомненно, предшествовал зарождению письменной поэзии (Мы не знаем, записывал ли сам Гомер свои произведения. Но то, что запись обеих поэм была произведена вскоре после их создания или даже одновременно с ним, хотя едва ли ранее второй половины VIII в. до н.э., не подлежит сомнению. Канонический письменный текст поэм сложился в VI в. до н.э.). Сам факт исчезновения письма в послемикенскую эпоху, конечно, не случаен. Распространение линейного слогового письма на Крите и в Микенах диктовалось в первую очередь потребностью централизованного монархического государства в строгом учете и контроле над всеми находившимися в его распоряжении материальными и людскими ресурсами. Писцы, работавшие в микенских дворцовых архивах, исправно фиксировали

поступление в дворцовую казну поборов с подвластного населения, выполнение трудовых повинностей рабами и не рабами, а также разного рода выдачи и отчисления из казны. Гибель дворцов и цитаделей в конце XIII—XII в. сопровождалась, вне всякого сомнения, распадом группировавшихся вокруг них больших ахейских государств. Отдельные общины освобождались от своей прежней фискальной зависимости от дворца и переходили на путь совершенно самостоятельного экономического и политического развития. Вместе с крахом всей системы бюрократического управления отпала и надобность в письме, обслуживавшем нужды этой системы. И оно было надолго забыто.

Полагаясь на свидетельство Гомера, мы можем сказать, что на развалинах микенской бюрократической монархии возникла довольно примитивная территориальная община — демос, занимавшая, как правило, очень небольшую территорию. Политическим и экономическим центром общины был так называемый полис. В греческом языке классической эпохи это слово выражает одновременно два тесно связанных между собой в сознании каждого грека понятия: «город» и «государство». Интересно, однако, что в гомеровском лексиконе, в котором слово «полис» встречается довольно часто, отсутствует слово, которое можно было бы перевести как «деревня». Это означает, что реальной противоположности между городом и деревней в то время в Греции ещё не существовало. Сам гомеровский полис был в одно и то же время и городом и деревней. С городом его сближают, во-первых, компактная, скученная на небольшом пространстве застройка, во-вторых, наличие укреплений. Такие гомеровские полисы, как Троя в «Илиаде» или город феаков в «Одиссее», уже имеют стены, хотя по их описанию трудно определить, были это настоящие городские стены из камня или кирпича или же всего лишь земляной вал с частоколом. И все же полис гомеровской эпохи едва ли можно признать настоящим городом ввиду того, что основную массу его населения составляют крестьяне-земледельцы и скотоводы, а отнюдь не торговцы и ремесленники. Полис окружают безлюдные поля и горы, среди которых глаз поэта различает лишь одинокие пастушьи хижины да загоны для скота. Как правило, владения отдельной общины не простирались далеко. Чаще всего они были ограничены или небольшой горной долиной, или маленьким островком в водах Эгейского или Ионического моря. «Государственной» границей, отделяющей одну общину от другой, служили обычно море или ближайший горный кряж, господствующий над полисом и его окрестностями. Вся Греция, таким образом, предстаёт перед нами в поэмах Гомера как страна, раздробленная на множество мелких самоуправляющихся округов. В дальнейшем на протяжении многих столетий эта раздробленность оставалась важнейшей отличительной чертой всей политической истории греческих государств. На жителей ближайшего соседнего полиса смотрели в гомеровское время как на врагов. Их можно было безнаказанно грабить, убивать, обращать в рабство. Обычным

явлением были ожесточенные распри и пограничные конфликты между соседними общинами, нередко перераставшие в кровопролитные затяжные войны. Поводом к такой войне могло послужить, например, похищение соседского скота. В «Илиаде» Нестор, царь Пилоса и самый старейший из ахейских героев, вспоминает о подвигах, совершенных им в молодые годы. Когда ему не было еще и 20 лет, он напал с небольшим отрядом на соседнюю с Пилосом область Элиду и угнал оттуда огромное стадо мелкого и крупного рогатого скота, а когда через несколько дней элейцы двинулись к Пилосу, Нестор убил их главного богатыря и разогнал все войско.

В общественной жизни гомеровского полиса немалую роль играют все; еще сильные традиции родового строя. Объединения родов — так называемые филы и фратрии — составляют основу всей политической и военной организации общины. По филам и фратриям, строится общинное ополчение во время похода или сражения. По филам и фратриям народ сходится на собрание, когда нужно обсудить какой-нибудь важный вопрос. Человек, не принадлежащий ни к какой фратрии, стоит, в понимании Гомера, вне общества. У него нет очагов, т.е. дома и семьи. Его не защищает никакой закон. Поэтому он легко может стать жертвой насилия и произвола. Между отдельными родовыми союзами не было прочной связи. Единственное, что заставляло их держаться друг друга и селиться вместе в стенах полиса,— это необходимость в совместной защите против внешнего врага. В остальном филы и фратрии вели совершенно самостоятельное существование. Община почти не вмешивалась в их внутренние дела. Отдельные роды постоянно враждовали между собой. Широко практиковался варварский обычай кровной мести. Человек, запятнавший себя убийством, должен был бежать в чужую землю, спасаясь от преследования сородичей убитого. Среди героев поэмы нередко встречаются такие изгнанники, покинувшие отечество из-за кровной мести и нашедшие приют в доме какого-нибудь царя. Так, Патрокл, ближайший друг Ахилла, еще в ранней юности нечаянно убил одного из своих сверстников во время игры в кости. Из-за этого ему пришлось оставить родную Локриду и бежать на север, в Фессалию, где его радушно принял отец Ахилла. Если убийца был достаточно богат, он мог откупиться от родичей убитого, уплатив им пенью скотом или слитками металла. В XVIII песне «Илиады» представлена интересная сцена суда из-за пени за убийство (поэт включает её в число изображений, украшающих щит Ахилла, сделанный богом кузнечного ремесла Гефестом):

Далее много народа толпится на торжище; шумный
Спор там поднялся; спорили два человека о пене,
Мзде за убийство; и клялся один, объявляя народу,
Будто он все заплатил; а другой отрекался в приеме.
Оба решились, представив свидетелей, тяжбу их кончить.
Граждане вокруг их кричат, своему доброхотствуя каждый;
Вестники шумный их крик укрощают; а старцы градские

Молча на тесаных камнях сидят среди священного круга;
Скипетры в руки приемлют от вестников звонкоголосых;
С ними встают, и один за другим свой суд произносят.
В круге пред ними лежат два таланта чистого злата;
Мзда для того, кто из них справедливое право докажет

Отрывки из «Илиады» даются в переводе Гнедича И.И., из «Одиссеи» — в переводе Жуковского В.А.

Как мы видим, общинная власть, которую представляют в этом эпизоде «старцы градские», т.е. старейшины, выступает здесь всего лишь в роли третейского судьи, примирителя тяжущихся сторон, с решением которого они не обязательно должны считаться. В таких условиях при отсутствии сильной централизованной власти, способной подчинить своему авторитету враждующие роды, межродовые распри нередко вырастали в кровавые гражданские усобицы, ставившие общину на грань распада. Такую критическую ситуацию мы видим в заключительной сцене «Одиссеи». Родственники убитых женихов, озлобленные гибелью своих сыновей и братьев, павших от руки Одиссея, устремляются к загородной усадьбе его отца с твердым намерением отомстить за погибших и искоренить всю царскую семью. Обе «партии» с оружием в руках выступают навстречу друг другу. Завязывается сражение. Лишь вмешательство богини Афины, покровительствующей Одиссею, останавливает кровопролитие и заставляет врагов пойти на примирение.

Характеризуя греческое общество гомеровской эпохи, Ф.Энгельс писал: «Мы видим, таким образом, в греческом строе героической эпохи древнюю родовую организацию еще в полной силе, но, вместе с тем, уже и начало разрушения ее: отцовское право с наследованием имущества детьми, что благоприятствовало накоплению богатств в семье и делало семью силой, противостоящей роду» (Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21, с. 108.). Патриархальная моногамная семья — ойкос — была главной экономической ячейкой гомеровского общества. Родовая собственность на землю и другие виды имущества, судя по всему, была изжита еще в микенскую эпоху, хотя пережитки ее продолжали существовать в Греции еще длительное время спустя. Так, во многих греческих государствах действовал еще в начале VI в. до н.э. закон, по которому имущество умершего при отсутствии у него прямых наследников переходило к его близким или более отдаленным родственникам. Завещать имущество лицам, не связанным родством с завещателем, было строжайше запрещено. Основным видом богатства, каким была в глазах греков гомеровского времени земля, считался собственностью всей общины. Время от времени в общине устраивались переделы принадлежащей ей земли. Теоретически каждый свободный общинник имел право на получение надела (эти наделы назывались по-гречески клерами, т.е. «жеребьями», так как их распределение производилось при помощи жеребьевки). Однако на практике эта система землепользования не препятствовала обогащению одних членов общины и разорению

других. Гомер уже знает, что рядом с богатыми «многонадельными» людьми (поликлерой) в общине есть и такие, у которых совсем не было земли (аклерой). Очевидно, это были крестьяне-бедняки, у которых не хватало средств для того, чтобы вести хозяйство на своем небольшом наделе. Доведенные до отчаяния, они уступали свою землю богатым соседям и таким образом превращались в безнадельных батраков-фетов. Обездоленные феты бродили по деревням и, чтобы не умереть с голоду, просили подаяния или нанимались на работу в богатые хозяйства на самых тяжелых, кабальных условиях. Один из женихов Пенелопы, Евримах, говорит, обращаясь к Одиссею, который неузнанным, в обличье нищего бродяги, вернулся в свой дом:

Странник, ты, верно, поденщиком будешь согласен наняться
В службу мою, чтоб работать за плату хорошую в поле,
Рвать для забора терновник, деревья сажать молодые;
Круглый бы год получал от меня ты обильную пищу,
Всякое нужное платье, для ног надлежащую обувь.
Думаю только, что будешь худой ты работник, привыкнув
К лени, без дела бродя и мирским подаяньем питаюсь:
Даром свой жадный желудок кормить для тебя веселее.

Оторванный от своей общины, лишенный поддержки сородичей, фет был совершенно беззащитен перед произволом «сильных людей». Любой из них мог безнаказанно убить бродягу или сделать его своим рабом. Если он нанимался на работу, его могли прогнать, не заплатив условленной платы, да ещё и изувечить, если он был слишком настойчив в своих домогательствах.

Феты, положение которых лишь немногим отличалось от положения рабов, а возможно, было и еще хуже, так как они были лишены той защиты, которую рабу давал его хозяин, стоят в самом низу той общественной лестницы, на вершине которой мы видим господствующую группу родовой знати, т.е. тех людей, которых Гомер постоянно именуется «лучшими» (аристой — отсюда наше «аристократия») или «добрыми», «благородными» (агатой), противопоставляя их «скверным» и «низким» (какой), т.е. рядовым общинникам. В понимании поэта, природный аристократ стоит на голову выше любого простолюдина как в умственном и моральном, так и в физическом отношении. В «Илиаде» аристократ Одиссей с презрением обращается к «мужу из народа», сопровождая свою речь палочными ударами (дело происходит на народном собрании ахейцев):

Смолкни, несчастный, воссядь и других совещания слушай,
Боле почтенных, чем ты!
Невоинственный муж и бессильный,
Значащим ты никогда не бывал ни в боях, ни в советах.

Свои претензии на особое, привилегированное положение в обществе аристократы оправдывали ссылками на свое якобы божественное происхождение. Поэтому Гомер обычно называет их «божественными» или «богоподобными». Многие аристократические семьи не только в гомеровский период, но и в гораздо более позднее время (например, в классических Афинах V—IV вв. до н.э.) возводили свою родословную по прямой линии к одному из олимпийских богов, а то и к самому Зевсу — верховному олимпийцу. Разумеется, реальной основой могущества родовой знати было вовсе не «кровное родство с богами», а большое богатство, резко выделявшее представителей этого сословия из среды рядовых членов общины. Знатность и богатство для Гомера — понятия почти нерасторжимые. Знатный человек не может не быть богатым, и, наоборот, богач обязательно должен быть знатен. Аристократы кичатся перед простонародьем и друг перед другом своими обширными полями, несметными стадами скота, богатыми запасами железа, бронзы и драгоценных металлов. Так, у Одиссея, по словам его свинопаса Евмея, было двенадцать стад одних лишь быков и примерно такое же количество свиней, овец и коз. Аристократический ойкос выделяется среди семей рядовых общинников не только богатством, но и размерами. В его состав входят взрослые сыновья главы семейства вместе с их женами и потомством, по также и рабы, и так называемые слуги (как правило, это были чужеземцы, принятые в дом из милости на правах младших членов семьи).

Кроме того, каждая знатная семья имела при себе целый штат приверженцев и клиентов из числа малоземельных крестьян, попавших в экономическую зависимость от аристократа-«благодетеля», оказавшего им в трудную минуту материальную поддержку, или просто заинтересованных в покровительстве «сильного» человека. В случае надобности богатый и знатный человек мог сколотить из зависимых от него людей вооруженный отряд, с которым он пускался в очередное пиратское предприятие или ввязывался в какую-нибудь междоусобную распрю в своей общине.

Экономическое могущество знати обеспечивало ей командную позицию во всех делах общины как во время войны, так и во время мира. Решающая роль на полях сражений принадлежала аристократии уже в силу того, что только богатый и знатный человек мог в те времена приобрести полный комплект тяжелого вооружения (бронзовый шлем с гребнем, панцирь, поножи, тяжелый кожаный щит, обитый медью), так как оружие вообще было очень дорого. Лишь самые самостоятельные люди общины имели возможность держать боевого коня. В природных условиях Греции при отсутствии богатых пастбищ это было далеко не просто. К этому следует добавить, что в совершенстве владеть тогдашним оружием мог лишь человек, получивший хорошую атлетическую подготовку, систематически упражнявшийся в беге, метании копья и диска, верховой езде. А такие люди могли найтись опять-таки только в среде знати. У простого крестьянина, с утра и до захода солнца занятого тяжелым физическим

трудом на своем наделе, попросту не было времени для занятий спортом. Поэтому атлетика в Греции долгое время оставалась привилегией аристократии. Во время сражения аристократы в тяжелом вооружении пешие или верхом на конях (у Гомера — на колесницах) становились в первых рядах ополчения, а за ними беспорядочной массой толпился «простой народ» в дешевых войлочных панцирях с легкими щитами, луками и дротиками в руках. Когда войска противников сближались, промахой (букв. «сражающиеся впереди» — так называет Гомер воинов из знати, противопоставляя их рядовым ратникам) выбегали из строя и завязывали одиночные поединки. До столкновения основных плохо вооруженных масс воинов дело доходило редко. Исход сражения обычно решали промахой.

В древности место, занимаемое человеком в боевом строю, обычно определяло и его положение в обществе. Являясь главной решающей силой на поле брани, гомеровская знать претендовала также и на господствующее положение в политической жизни общины. Как мы уже видели, аристократы презрительно третировали простых общинников как людей, «ничего не значащих в делах войны и совета». В присутствии знати «мужи из народа» должны были сохранять почтительное безмолвие, прислушиваясь к тому, что скажут «лучшие люди», так как считалось, что по своим умственным способностям они не могут здраво судить о важных «государственных» делах. На народных собраниях, описания которых неоднократно встречаются в поэмах, с речами, как правило, выступают цари и герои «благородного происхождения». Народ, присутствовавший при этих словопрениях, мог выражать свое отношение к ним криками или бряцанием оружия (если собрание происходило в военной обстановке), подобно зрителям в театре или болельщикам на стадионе, но в само обсуждение обычно не вмешивался. Лишь в одном случае, в виде исключения, поэт выводит на сцену представителя народной массы и дает ему возможность высказаться. На собрании ахейского войска, осаждающего Трои, обсуждался вопрос, кровно затрагивающий всех присутствующих:

стоит ли продолжать войну, тянущуюся уже десятый год и не сулящую победы, или же лучше сесть на корабли и всем войском вернуться на родину, в Грецию. Неожиданно берет слово рядовой ратник Терсит. Поэт, явно сочувствующий знати, не скупится на бранные слова и уничижительные эпитеты, изображая этого «смутьяна». Терсит на редкость уродлив:

Муж безобразнейший, он меж данаев пришел к Илиону;
Был косоглаз, хромоног; совершенно горбатые сзади
Плечи на персях сходились; глава у него подымалась
Вверх острием и была лишь редким усеяна пухом.
В мыслях вращая всегда непристойные, дерзкие речи,
Вечно искал он царей оскорблять, презирая пристойность,
Все позволяя себе, что казалось смешно для народа.

Терсит смело обличает алчность и корыстолюбие Агамемнона, верховного предводителя ахейского воинства, и призывает всех немедленно отплыть к родным берегам, предоставив гордому басилею одному сражаться с троянцами:

Слабое, робкое племя, ахейки мы, не ахейцы!
В дома свои отплывем, а его оставим под Троей,
Здесь насыщаться чужими наградами; пусть он узнает,
Служим ли помощью в брани и мы для него, — иль не служим.

«Крамольные» речи Терсита резко обрывает Одиссей, один из ахейских царей. Осыпав его грубой бранью и пригрозив расправой, если он будет продолжать свои нападки на царей, Одиссей в подтверждение своих слов наносит горбуну сильный удар своим царским жезлом:

Рок и скиптром его по хребту и плечам он ударил.
Сжался Терсит, из очей его брызнули крупные слезы;
Вдруг по хребту полоса под тяжестью скиптра золотого
Вздуплась багровая; сел он, от страха дрожа; и, от боли
Вид безобразный наморщив, слезы отер на ланитах.
Все, как ни были смутны, от сердца над ним рассмеялись...

Этот любопытный эпизод наглядно показывает, каково было подлинное соотношение сил между народом и аристократией внутри гомеровской общины. Стоило простому человеку сказать хотя бы слово наперекор воле правящей знати, как ему тотчас же зажимали рот, не останавливаясь при этом и перед прямой физической расправой. Сцена с Терситом, как и многие другие эпизоды гомеровских поэм, красноречиво свидетельствует о глубоком упадке и вырождении первобытной демократии. Народное собрание, призванное по самой своей природе служить рупором воли большинства, здесь оказывается послушным орудием в руках небольшой кучки царей. Терсит, хотя он, безусловно, выражает мысли и чувства большей части ахейского войска, становится посмешищем в его глазах, и вскоре мы видим, как ахейцы, только что в панике бежавшие к кораблям, стремясь как можно скорее вернуться на родину, громким криком приветствуют предложение Одиссея остаться на месте и продолжать войну до победного конца.

Для сильного и своенравного аристократа, располагающего немалым числом слуг и приверженцев, готовых встать на его защиту, воля народа, даже выраженная открыто и прямо, отнюдь не имела обязательной силы закона. Так, Агамемнон вопреки ясно выраженной воле всего ахейского войска отказывается вернуть Хрису, старому жрецу бога Аполлона, его дочь Хрисеиду, которая досталась ему при разделе добычи, и этим навлекает неисчислимые беды на всю армию: разгневанный Аполлон насылает на ахейцев страшную болезнь, от

которой гибнут люди и скот. Встречая среди народа открытое противодействие своим замыслам, «лучшие люди» могли просто разогнать собрание. Именно так поступают в одной из песен «Одиссеи» женихи Пенелопы. Народное собрание на Итаке не созывалось ни разу с тех пор, как Одиссеей отплыл со своей дружиной в поход на Трои (с этого времени минуло уже 20 лет). Но вот наконец сын героя Телемах созывает граждан на площадь, чтобы пожаловаться им на те безобразия, которые творят в его доме женихи (чтобы принудить Пенелопу к браку с одним из них, они истребляют на своих пирах скот и вино, принадлежащие Одиссею). Народ собирается, но при первой же попытке обуздать их женихи приказывают итакийцам разойтись по домам, и народ послушно выполняет их приказ. Авторитет народного собрания стоит здесь еще ниже, чем в сцене с Терситом. В наиболее драматичных и напряженных сценах «Илиады» и «Одиссеи» народ остается пассивным и безмолвным свидетелем бурных столкновений между главными действующими лицами поэм (такова, например, «сцепка ссоры царей» в I песне «Илиады»). Лишь в немногих эпизодах более поздней «Одиссеи» народ предстает перед нами как грозная карающая сила, с яростью обрушивающая свой гнев на преступившего его волю индивида. Так, итакийцы собираются расправиться с Одиссеем, чтобы отомстить ему за истребление женихов, составляющих цвет юношества Итаки. Однако в критических ситуациях такого рода народ обычно действует не самостоятельно, а повинувшись подстрекательству кого-нибудь из аристократов, стремящегося разделаться со своими врагами. В только что упомянутой сцепке из «Одиссеи» в роли подстрекателя выступает отец погибшего предводителя женихов Антиноя, Евпейт, которого Одиссеей в свое время спас от озверевшей толпы граждан Итаки, порывавшейся разграбить его дом и убить его самого за преступление, совершенное им против общины. Народное собрание, таким образом, нередко превращалось в арену, которую враждующие группировки знати использовали для того, чтобы сводить счеты со своими противниками. Каждая из них старалась привлечь народ на свою сторону и выдать свою волю за волю всей общины.

Учитывая все эти факты, приходится признать, что политическая организация гомеровского общества была очень далека от подлинной демократии. Реальная власть сосредоточивалась в то время в руках наиболее могущественных и влиятельных представителей родовой знати, которых Гомер называет басилеями. В произведениях более поздних греческих авторов слово «басилей» обозначает обычно царя, например персидского или македонского. Внешне гомеровские басилеи действительно напоминают царей. В толпе басилея можно было узнать по знакам царского достоинства: скипетру и пурпурной одежде. «Скипетродержцы» — обычный эпитет, используемый поэтом для характеристики басилеев. Они именуются также «зевсорожденными» или «вскормленными Зевсом», что должно указывать на особую благосклонность, которую проявляет к ним верховный олимпиец. Басилеям принадлежит исключительное право

хранить и толковать законы, внушенные им, как думает поэт, опять-таки самим Зевсом. «Славою светлый Атрид(Т.е. сын царя Атрея.), повелитель мужей Агамемнон, — обращается к Агамемнону Нестор,— многих народов ты царь, и тебе вручил олимпиец скиптр и законы, на суд и совет произносишь народу». На войне басилей становились во главе ополчения и должны были первыми бросаться в битву, показывая пример храбрости и отваги рядовым ратникам. Во время больших общенародных празднеств басилей совершал жертвоприношения богам и молил их о благе и процветании для всей общины. За все это парод обязан был чтить «царей» дарами: почетной долей вина и мяса на пиру, лучшим и самым обширным наделом при разделе общинной земли и т.д. Формально «дары» считались добровольным пожалованием или почестью, которую басилей получал от парода в награду за свою воинскую доблесть (или за справедливость, проявленную им в суде). Однако на практике этот старинный обычай нередко давал в руки «царей» удобный предлог для лихоимства и вымогательства, так сказать, «на законном основании». Таким «царем — пожирателем народа» представлен в первых песнях «Илиады» Агамемнон.

При всем могуществе и богатстве басилеев их власть не может считаться царской властью в собственном значении этого слова. Поэтому обычная в русских переводах Гомера замена греческого «басилей» русским «царь» может быть принята лишь условно. В понимании Маркса и Энгельса(Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21, с. 105 и сл., где Ф. Энгельс приводит точку зрения К. Маркса), которые присоединяются в этом вопросе к мнению знаменитого американского этнографа Л.Г. Моргана, басилей был вождем племени или рода. Это предположение позволяет объяснить одно весьма странное па первый взгляд обстоятельство. Давно уже замечено, что в каждом гомеровском полисе было несколько или даже много лиц, носивших титул басилея и, очевидно, пользовавшихся связанными с ним привилегиями. Так, сказочным островом феаков, куда Одиссей попадает во время своих скитаний, правят тринадцать «славных басилеев». Один из них, Алкиной, радушно принимает скитальца в своем доме и помогает ему вернуться па родину. Можно предположить, что каждый басилей возглавлял одну из тринадцати фил или фратрий, составлявших в совокупности феакийский демос. В Афинах еще и в гораздо более поздние времена было четыре так называемых «филобасилея» в соответствии с числом древних родовых фил (племен), на которые делился афинский народ.

В пределах своей филы или фратрии басилей выполнял главным образом жреческие функции, заведая родовыми культами (у каждого родового союза был в те времена свой особый бог-покровитель). Все же вместе басилей составляли какое-то подобие правящей коллегии или совета и сообща решали все насущные вопросы управления, прежде чем представить их на окончательное утверждение в народное собрание (эта последняя формальность соблюдалась далеко не

всегда). Время от времени все басилей общины собирались на городской площади (агора) и там в присутствии всего народа разбирали судебные тяжбы, как это показано в уже упоминавшейся сцене суда, изображенной на щите Ахилла (Судьи в этом эпизоде названы «старцами» (геронтес). Но этот термин обычно используется в эпосе как синоним к термину басилей.). Во время войны один (иногда два) из басилеев избирался на народном собрании па должность военачальника и возглавлял ополчение общины. В походе и в сражении басилей-военачальник пользовался очень широкой властью, включавшей даже право жизни и смерти по отношению к трусам и ослушникам, но по окончании похода он обычно слагал свои полномочия. Бывали случаи, когда военачальник, прославившийся подвигами и к тому же выделявшийся среди других басилеев богатством и знатностью рода, добивался продления своих полномочий. Если же к его военным функциям присоединялись также функции верховного жреца и главного судьи, такой человек становился «царем», т.е. фактически главой общины. Такое положение занимают, например, Алкиной среди феакийских басилеев, Одиссей среди других басилеев Итаки, Агамемнон среди предводителей ахейского войска. Положение верховного басилей, однако, было очень непрочным. Лишь немногим из них удавалось закрепить за собой власть на длительное время, а тем более передать ее своим детям. Обычно этому — препятствовали соперничество и враждебные происки других басилеев, ревниво следивших за каждым шагом правителя и стремившихся во что бы то ни стало не допустить его чрезмерного усиления.

Типичной для политических отношений гомеровской эпохи может считаться ситуация, сложившаяся за время отсутствия Одиссея на его родном острове Итака. Власть на острове захватили женихи супруги Одиссея — Пенелопы. Тот из них, которому удастся сломить ее упорство, станет и преемником пропавшего без вести Одиссея. У Одиссея есть сын, уже взрослый юноша Телемах. Казалось бы, он-то как законный наследник своего отца и должен занять освободившийся «царский трон». Телемах, однако, не выказывает никаких претензий на престол. Правда, беседуя с женихами, он признает, что вообще «царем быть не худо», так как «богатство в царевом доме скопляется скоро и сам он в чести у народа». За этими словами следует, однако, странная оговорка: «Но меж ахейцами волнообъятой Итаки найдется много достойнейших власти и старых и юных (в подлиннике сказано «много басилеев, молодых и старых»); меж ними вы изберите, когда уж не стало царя Одиссея. В доме ж своем я один повелитель; здесь мне подобает власть над рабами, для нас Одиссеем добытыми в битвах». Создается впечатление, что Телемах гораздо больше дорожит своим имуществом, чем «царской» властью и связанными с нею почестями. Характерно также, что ни Телемах, ни сам Одиссей нигде не обвиняют женихов в узурпации, незаконном захвате власти, измене «главе государства» и тому подобных преступлениях. Обращаясь к женихам с краткой обвинительной речью перед тем, как начать их

избиение, Одиссей ставит им в вину лишь разграбление его имущества, насилие над рабынями и попытки принудить к незаконному браку его жену, ни словом не упоминая об оскорблении его «царского сана» и покушении на его власть. Очевидно, узурпация «царской власти» не считалась в то время преступлением, так как не было никаких норм или законов, определявших порядок наследования престола. На практике «царем» мог стать любой из племенных или родовых вождей (басилеев) или даже просто богатый и знатный человек, располагавший достаточным числом приверженцев в народном собрании. С их помощью он мог добиться признания народом (Утверждение полого «царя» в его должности обычно принимало форму договора, который претендент заключал с народом, обещая соблюдать законность и не выходить за рамки установленного обычая круга полномочий. Такие договоры заключались еще и в позднейшее время в Спарте и в некоторых других греческих государствах.). Впрочем, сам акт провозглашения нового «царя» в народном собрании не давал ему прочных гарантий власти. Спустя короткое время народ мог «продумать» и передать «престол» другому претенденту (в действительности решение этого вопроса зависело, конечно, не от воли народа, а от сложившегося в данный момент соотношения сил между враждующими группировками знати). Таким образом, как сложившийся и прочно укоренившийся политический институт монархия в это время еще не существовала (Лишь в некоторых греческих полисах, и том числе в Спарте, сложились царские династии с твердо установленным порядком наследования престола, хотя и здесь царская власть была сильно ограничена законом. В большинстве же городов-государств сама должность «царя общины» была упразднена еще в древнейшее время (в IX или VIII в. до н.э.) и уступила место ежегодно переизбираемым архонтам и другим должностным лицам.).

Гомеровский период занимает особое место в греческой истории (Типологически сходны с ним были «период судей» (XII—XI вв. до н.э.) в Палестине и период арийских завоеваний в Индии (примерно того же времени). — Примеч. ред.). Классовое общество и государство, уже существовавшие Греции во времена расцвета микенской цивилизации, теперь зарождаются здесь снова, но уже в иных масштабах и формах. Во многом это было время упадка и культурного застоя. И вместе с тем это было и время накопления сил перед новым стремительным подъемом. При внешней видимости покоя и неподвижности в недрах греческого общества происходит в этот период упорная борьба нового со старым, идет интенсивная ломка традиционных норм и обычаев родового строя и не менее интенсивный процесс образования классов и государства. Огромное значение для последующего развития греческого общества имело происшедшее в течение гомеровского периода коренное обновление его технической базы, что нашло свое отражение прежде всего в широком распространении железа и его внедрении в производство. Все эти важные сдвиги подготовили переход греческих полисов на

совершенно новый путь исторического развития, вступив на который они смогли в течение трех или четырех ближайших столетий достигнуть еще невиданных в истории человечества высот культурного и социального прогресса, оставив далеко позади всех своих соседей как на Востоке, так и на Западе.

Литература:

Андреев Ю.В. Греция в XI-IX вв. до н.э. по данным гомеровского эпоса./История Древнего мира. Ранняя Древность.- М.:Знание, 1983 - с.332-350

Лекция 17: Финикийская и греческая колонизация.

Характерной чертой истории многих государств древнего мира была колонизация, т.е. основание новых поселений в чужих землях. Само это поселение называлось колонией (от латинского слова коло— «живу, населяю, обрабатываю»; греки именовали его, как правило, апойкией от слова апойкео — «выселяюсь»), Город же или страна, откуда уехали переселенцы, получил название метрополии (от греческих слов, означающих «город-мать»). Особенно большую роль в истории древнего Средиземноморья играла финикийская и греческая колонизация.

Финикийская колонизация.

Уже во II тысячелетии до н.э. критские и микенские торговцы посещали сиро-финикийское побережье, а финикийцы селились в Эгеиде и даже, по-видимому, доплывали до Сицилии, но господство на море критян, а затем ахейцев сдерживало финикийскую экспансию.

Положение изменилось в конце II тысячелетия до н.э. В это время Восточное Средиземноморье испытало сильные потрясения, вызванные упадком великих дотоле держав этого региона и мощными передвижениями народов. Волны нашествий «пародов моря» захватили и сиро-финикийское побережье; в частности, был разрушен Сидон, жители которого бежали в Тир (скоро Сидон был восстановлен). В условиях упадка крупных государств мелкие восстанавливали силу быстрее. Тир, который и раньше, видимо, участвовал в контактах с Западом, теперь полностью перенял эстафету у погибшего Угарита. Переселение сидонян в Тир привело, с одной стороны, к усилению этого города, а с другой — создало в нем демографическое напряжение, которое при тогдашнем довольно низком уровне развития производительных сил могло быть снято только выездом части населения за море.

Крушение микенской Греции предоставило такую возможность. Правящие круги Тира использовали ситуацию для создания в чужих странах опорных пунктов, необходимых им для возобновления и

расширения торговли с этими странами и для высылки из метрополии наиболее недовольных элементов.

Первый этап колониционной деятельности Тира охватывает вторую половину XII — первую половину XI в. до н.э. Одним путем финикийцы двигались к острову Родосу, затем по Эгейскому морю вдоль западного побережья Малой Азии к богатому золотом острову Фасосу, другим — от Родоса по южной кромке Эгейского архипелага к Сицилии, оттуда к северному выступу Африки и, наконец, вдоль африканского побережья в Южную Испанию. Вначале финикийцы занимались больше морским и прибрежным разбоем. Но затем они стали закрепляться в важнейших точках, куда были направлены их морские набеги. Так, золотиносный Фасос и обильная серебром Испания были главными целями вывода настоящих колоний. По дороге же к ним финикийцы основывали промежуточные опорные пункты. Таким пунктом была, в частности, Утика (По-фицикийски «Старый город» — старый по сравнению с Карфагеном. Первоначальное название Утики неизвестно. — Примеч.ред.) в Северной Африке. Античное предание рассказывает о трехкратной попытке тирян обосноваться в Южной Испании, и это, возможно, связано с сопротивлением местного населения. Лишь на третий раз финикийцы основали на небольшом островке у побережья уже за Столпами Геракла (совр. Гибралтарский пролив) город, получивший характерное название Гадир — «крепость»; этот город римляне именовали Гадесом (совр. Кадис). Вероятно, в промежутке между этими попытками тиряне создали на крайнем северо-западе Африки Лике.

На этом этапе финикийская колонизация носила преимущественно торговый характер. Важнейшей целью финикийцев были драгоценные металлы. За них они отдавали мясо, безделушки, ткани, мелкий морской товар. Это привело к тому, что материальных остатков финикийской торговли дошло очень мало, и археология прослеживает ее слабо. Да и был это, по-видимому, «немой» обмен, когда участники сделки выкладывали каждый свои товары, пока обе стороны не соглашались их взять. В некоторых же случаях финикийцы сами эксплуатировали рудники, как это было на Фасосе.

Финикийцы основывали и простые опорные пункты для ведения торговли или обеспечения ее безопасности, фактории без постоянного населения, якорные стоянки. Важную роль играли храмы, зачастую предшествовавшие основанию городов, как это было в Гадесе и Ликсе: при отсутствии в ту пору международного права храмы давали торговцам ощущение божественного покровительства и безопасного рынка. Некоторые храмы, как на Фасосе, могли выступать и организаторами производства. Но уже в это время создавались и настоящие города с постоянным населением. Такими городами были Гадес и Утика.

Промежуток приблизительно в два века отделяет первый этап колонизации от второго. К этому времени рост экономики железного века потребовал большого количества металлов, и не только драгоценных, но и необходимых для непосредственного производства. Экономической основой возникновения первых ближневосточных империй было объединение под одной властью дополняющих друг друга хозяйственных регионов, в том числе источников сырья (см. 1 лекцию книги «Расцвет древнего общества»). Колонизация и выполняла роль подключения к экономике империй тех источников сырья, которые находились вне досягаемости непосредственной военной экспансии имперских владык.

Наряду с этим империи мешали нормальной сухопутной торговле, перехватывая ее пути и грабя перевалочные пункты. Поэтому часть путей, например, малоазийской торговли перемещается на море — через Таре в Киликии, Сидон и Тир в Финикии.

С конца II тысячелетия до н.э. главным пунктом торговли не только Ближнего Востока, но и Малой Азии с дальним Западом стал Тир.

В IX в. до н.э. в этом городе обострилась социальная и политическая борьба. Вспыхнуло восстание земледельцев, поднимались рабы, развернулось острое соперничество внутри знати, приведшее к чехарде на тирском престоле. Это все способствовало возобновлению колонизации.

Начало второго этапа колонизации приходится, видимо, на правление очередного узурпатора Итобала (вторая четверть IX в. до н.э.), который был явно заинтересован в создании новых городов, куда он мог бы отправить потенциальных противников, включая сторонников прежней династии. Именно ему предание приписывает основание Ботриса в самой Финикии и Аузы в Африке.

В Восточном Средиземноморье возможности финикийской экспансии были ограничены. Здесь вновь набирали силу крупные централизованные государства, а в Эгейском бассейне передвижения греков и фракийцев привели к вытеснению финикийцев с занятых ими островов уже не позже IX—VIII вв. до н.э. В самой Греции в условиях начавшегося формирования полиса места для финикийской колонизации не было. Поэтому там финикийцы иногда селились в городах, но не образовывали самостоятельных организаций. В других случаях они ограничивались созданием отдельных кварталов-факторий, как Тирский Стан в египетском Мемфисе. И только на юге Кипра и в Киликии финикийцы рано основали колонии. Основной же ареной финикийской колонизации стало Западное Средиземноморье.

В сферу финикийской колонизации теперь входит Сардиния. Она привлекала колонистов и своим стратегическим положением, открывавшим путь к Средней Италии, Корсике, Галлии и к Испании через Балеарские острова, и своими минеральными богатствами, и

плодородием почвы. В IX—VII вв. до н.э. на южном и западном берегах Сардинии возник целый ряд финикийских городов, как Нора, Сульх, Бития, Таррос. Сравнительно рано финикийцы стали обосновываться и внутри острова.

Вторым новым районом финикийской колонизации были острова между Сицилией и Африкой: Мелита (совр. Мальта) и Гавлос (совр. Гоццо). Там тиряпе обосновались в VIII в. до н.э. Эти острова служили важнейшим пунктом связи между метрополией и самыми западными окраинами финикийского мира.

Укрепление контактов финикийцев с Южной Испанией потребовало создания новых торговых опорных пунктов на Пиренейском полуострове. На его южном берегу, но уже восточнее Столпов Геракла, в VIII—VII вв. финикийцы создали целый ряд поселений различного размера и значения. Одни были относительно крупными городами, как Малака (совр. Малага), другие — сравнительно небольшими поселками, древних названий которых мы не знаем и которые обычно сейчас называют по именам ближайших современных поселений, как Тосканос или Чоррерас.

В Сицилии в VIII в. до н.э. с началом греческой колонизации финикийцы покинули восточное и южное побережья, где они селились ранее, и сконцентрировались в западной части. Созданные там города Мотия, Солунт и Панорм (ныне Палермо) обеспечивали связи с уже ранее колонизованными районами Сардинии и Африки.

В центральной части Северной Африки, где ещё ранее была основана Утика, теперь возник целый ряд финикийских городов, в том числе знаменитый Карфаген. На северо-западе этого материка южнее Ликса финикийцы обосновались вокруг залива, носившего по-гречески красноречивое название Эмпорик («Торговый»).

Второй этап финикийской колонизации охватил IX—VII вв. до н.э., причем наибольший размах колонизация приобретает, видимо, во второй половине IX в. до н.э., когда тиряне начали колонизовать Сардинию и радикально расширять свое присутствие в Африке; именно тогда, в частности, был основан Карфаген. По-прежнему основные цели финикийцев — металлы. Но теперь речь идет не только о золоте и серебре, но и о железе, свинце, олове. Другой целью колонизации выступает на втором этапе приобретение земель: недаром направление колонизационной активности в значительной степени переместилось из Испании в центр Средиземноморья — в плодородную Сардинию и славившийся земельными богатствами тунисский выступ Африки, где возник Карфаген. Сама колонизация приобрела гораздо больший размах. Хотя по-прежнему единственной метрополией оставался, по-видимому, Тир (участие в колонизации жителей Сидона возможно, но не доказано), масса переселенцев увеличилась, изменился и характер колонизации. В колониях стали развертываться ремесло, земледелие и, разумеется, рыболовство.

Увеличилось количество городов. Наряду с ними возникли и небольшие поселки; некоторые из них развили разнообразную экономику, другие же сосредоточивались на какой-нибудь одной отрасли. Финикийцы начали проникать с побережий и вовнутрь отдельных стран.

Изменились отношения колонистов с местным населением. Последнее уже достаточно развилось, чтобы вступать в самые разнообразные контакты с пришельцами. Эти контакты охватили экономическую, политическую и культурную сферы. Возникло и обратное влияние местного населения на финикийцев, что привело к появлению локальных ответвлений финикийской культуры. Местное общество, таким образом, выступает как важный компонент колониационного процесса.

Возникновение колоний, а в значительной степени и торговля были обязаны поддержке или даже инициативе правительства. Не корабли тирских купцов, а суда царя Хирама ходили в далекий Таршиш (Тартесс) в Испании (По данным Библии, царь Хирам I совместно с израильским паром Соломоном организовал морские экспедиции и по Красному морю в сторону Индийского океана (X в. до н.э.), где они достигали Офира (или, по другой, тоже древней традиции, Софира). Это, по-видимому, индийский порт Супара, в 60 км севернее Бомбея. Древнееврейская терминология редкой древесины — явно индийского происхождения. — Примеч.ред.). Возникшие в таких условиях города считались частью Тирской державы, хотя сейчас трудно установить степень и формы зависимости их от метрополии. Однако известно, что в Китии на Кипре находился наместник тирского царя, а попытка, вероятно, Утики уклониться от дани вызвала карательную экспедицию из Тира. Позже, с ослаблением Тира, его держава, по-видимому, распалась.

Иначе обстояло дело с Карфагеном. По преданию, группировка тирской аристократии во главе с сострой царя Элиссой, потерпевшая поражение в политической борьбе, тайно бежала из Тира и в конце концов прибыла в Африку, где сравнительно недалеко от «старой» Утики беглецы и основали город, который назвали «Новым городом» — Картхадашт (лат. Картаго, откуда русское «Карфаген»). Поскольку Карфаген возник вопреки правительству, а во главе экспедиции к тому же стояла женщина из царского рода, то Новый город сразу же стал независимым от Тира, хотя духовные связи с метрополией Карфаген поддерживал в течение всего своего существования.

Ориентализирующая цивилизация. Тартесс.

Финикийские колонии связывали культурные страны Восточного Средиземноморья с более отсталым населением западных и центральных районов средиземноморского мира и приатлантических областей. Там, где это население стояло все же на относительно высоком уровне экономического и социального развития, возникает

так называемая ориентализирующая цивилизация (от лат.ориенс — восток). Местную аристократию, высоко поднявшуюся над своими соотечественниками, перестали удовлетворять прежние формы культуры. Не выработав пока своих новых форм, обслуживающие этих людей ремесленники заимствуют восточные. В некоторых случаях восточные воздействия проявляются и в хозяйстве.

Греция поддерживала связи с Востоком не только через финикийцев. Поэтому в ориентализирующей культуре Эллады проявляются и малоазийские влияния. Большую роль играли финикийцы в развитии Этрурии (хотя, если принять распространенную, но пока не доказанную теорию восточного происхождения этрусков, то не исключено, что некоторые восточные элементы были принесены ими непосредственно с Востока). Исключительно финикийскому влиянию обязано возникновение ориентализирующей цивилизации в Южной Испании, где в VIII—VI вв. до н.э. существовала Тартесская держава.

Контакты между финикийцами и югом Пиренейского полуострова были установлены на первом этапе финикийской колонизации. Но местное население было тогда ещё не подготовлено к активным двусторонним связям. В конце II тысячелетия до н.э. здесь существовала так называемая юго-западная культура, носители которой в этническом отношении были, возможно, родственны будущим баскам, обитающим и поныне в Пиренеях. Жили они родовым строем, археологически не показывающим никаких признаков разложения, экономические связи поддерживали не столько с восточными пришельцами, сколько с Северо-западной Европой. В начале I тысячелетия до н.э. сюда пришли с севера племена, говорившие на индоевропейском (кельтском) языке, принесшие с собой новую керамику и новые способы металлургии и металлообработки. Новая культура наслоиась на старую, и, видимо, в результате слияния аборигенных племен и северных пришельцев и образовался тартесский этнос.

Связи между тартессянами и финикийцами, сначала спорадические, со временем интенсифицировались. Они ускорили социальное развитие тартессиев. Во второй половине VIII в. до н.э. в Южной Испании возникла Тартесская держава (по-семитски Таршиш), в состав которой вошли разные племена. У самих тартессиев социальная дифференциация зашла уже довольно далеко. Выделилась военная аристократия, составившая верхушку общества, и «плебс», так назвал эту группу людей один латинский автор. В состав «плебса» входили горняки, ремесленники и, видимо, земледельцы. Существовали в Тартессиде и рабы, но о характере рабства мы ничего сказать не можем. Центром организации «плебса» был город, который, очевидно, являлся резиденцией знати и подчинял сельскую округу, также населенную «плебсом». Это роднит тартесское общество с позднегомеровским.

Геометрический стиль изображений на погребальных стелах тартесской знати и сам репертуар этих изображений также подобны геометрическому искусству гомеровской Греции.

Однако от позднегомеровского общества Эллады тартесский город отличался тем, что он входил в более широкое объединение — Тартесское царство. Судя по скудным данным, носителем суверенитета был царь, причем его власть распространялась на территорию не только самих тартессиев, но и подчиненных племен.

Итак, в Южной Испании сложилось раннегосударственное образование. Под властью тартесского государства находилась федерация южноиспанских племен, на территории которых имелись тартесские опорные пункты, из которых тартессии и осуществляли, вероятно, контроль над подчиненными.

Экономической базой Тартесской державы были добыча и обработка меди, серебра и свинца и использование сельскохозяйственных богатств долины р. Бетиса (совр. Гвадалквивир). Это давало тартессиям возможность вести активную торговлю с финикийцами. Образование государства способствовало интенсификации горного дела и металлургии, для продуктов которых финикийцы открыли для тартессиев емкий ближневосточный рынок. Тартессии же переняли восточные приемы дробления руды и выплавки металлов. Требования финикийцев заставили тартессиев искать и те продукты, которых в Тартессиде не было, и это стимулировало развитие их внешней торговли. От финикийцев тартессии заимствовали гончарный круг, строительную технику, разведение культурной оливы и изготовление оливкового масла.

Тартесская знать, ощутившая теперь потребность в новых формах искусства, обратилась к финикийскому, а колонисты восприняли некоторые местные элементы. От финикийцев тартессии заимствовали письменность, сильно ее переработав для нужд местного языка, а также некоторые культы и обряды.

В Тартессиде возникла синкретическая ориентализирующая цивилизация, создаваемая и финикийцами и тартессиями. Основным восприимчиком восточных влияний стала аристократия и те слои ремесленников, которые ее непосредственно обслуживали. На других ремесленников и земледельцев финикийцы влияли меньше. Эти группировки «плебса» в большей степени сохраняли собственную культуру.

При всей ориентализации тартесская цивилизация не утратила и местных черт. Некоторые культурные явления, заимствованные у финикийцев, в дальнейшем развивались самостоятельно, как это было с некоторыми видами керамики. Сохраняли тартессии и старые приемы лепки сосудов. Оригинальными были их боевые колесницы европейского типа. Отличаются от финикийских тартесские могилы,

хотя в потусторонний мир тартессии часто уносили с собой финикийские изделия.

На рубеже VII—VI вв. до н.э. связи с Тартессом установили греки, и на тартесском берегу появились греческие колонии.

Греческое влияние на тартесскую культуру не ощущается. Но политические и экономические контакты Тартесса с греками возникли, и Тартесс включился в сложную политическую игру на крайнем западе Средиземноморья. Тартесс в ней проиграл, и под ударами карфагенян эта держава распалась, вероятно, в начале V в. до н.э.

Греческая колонизация.

Позже финикийцев на путь колониальной экспансии вступили греки. Расцвет колониционной деятельности греков относится к VIII—VI вв. до н.э. Это время называется эпохой Великой греческой колонизации. Она совпадает с архаической эпохой истории Греции, временем становления античного греческого полиса. Именно в условиях Греции того времени и надо искать причины колонизации.

Великая греческая колонизация явилась частным проявлением общего закона соответствия численности населения уровню производительных сил. «В древних государствах, в Греции и Риме, вынужденная эмиграция, принимавшая форму периодического основания колоний, составляла постоянное звено общественного строя (...). Но почему это было так? Потому что этим государствам было совершенно неизвестно применение науки в области материального производства (...). Недостаточное развитие производительных сил ставило права гражданства в зависимость от определенного количественного соотношения, которое нельзя было нарушать. Единственным спасением была вынужденная эмиграция» (Маркс К. Вынужденная эмиграция. — Маркс К, и Энгельс Ф. Собранны сочинений. Изд. 2-е. Т. 8, с. 567—568.). Это положение действительно для всех случаев колонизации в древности. Однако в каждом конкретном случае действовали и свои конкретные причины. Это относится и к Великой греческой колонизации.

Во все времена в Греции отмечалось относительно слабое развитие сельскохозяйственной техники, примитивные способы обработки земли, а также низкое плодородие почвы многих греческих полисов, имевших небольшие размеры. Это постоянно вело к тому, что часть населения не могла прокормиться на родине. В архаическую эпоху к этому присоединились социальные причины, свойственные именно ей.

В ходе разложения родо-племенных отношений аристократия, используя свое положение во главе родовых общин, узурпировала многие родовые земли, а крестьянство, все более разоряясь, попадало в кабалу к богатым и знатным. Рука об руку с разорением крестьян шло долговое рабство. В этих условиях многие крестьяне были

вынуждены покидать свои поля. Но города как центры ремесла и торговли тогда, особенно в начале архаической эпохи, ещё только возникали. К тому же начавшее все более расширяться применение рабства делало ещё более проблематичным возможность применения труда крестьянами, пришедшими в город. Какая-то часть крестьян смогла приспособиться к новым условиям: иначе было бы невозможно развитие эллинского ремесла и торговли. Но очень многие имели только один выход — отъезд в далекие страны.

В тех городах, где торговля все более развивалась, торговцы стремились закрепиться на пути в иноземные страны и обосноваться там. При отсутствии международного права каждый иноземец был потенциальным рабом или, во всяком случае, объектом легкой наживы. Поэтому только в городах, связанных с метрополией родственными, духовными и экономическими узами, купцы чувствовали себя в относительной безопасности. Такие города становились их базами в торговле с местными жителями или прочными стоянками на пути к наиболее желанным местам торговли. И колонии на первых порах покупали прежде всего товары своих соотечественников, оставшихся в метрополии, принимали прибывших оттуда торговцев, распространяли их товары среди окружающего населения.

Важным фактором колониального движения была политическая борьба в метрополии, достигшая в эту эпоху невиданной ранее остроты и сопровождавшаяся в ряде случаев диким террором. В этих условиях перед побежденной группировкой стоял только один выбор: смерть на родине или отъезд в далекие страны. По данным традиции, Милет на западном берегу Малой Азии основал более 70 колоний. Это число явно преувеличено, но оно дает представление о размахе милетской колонизации. Может быть, это связано с ожесточением, какое приняла политическая борьба в этом городе.

В ходе развития греческого общества в нем выделяются группы людей, занимавших приниженное положение. Такие люди или пытались добиться равноправия на родине, или были вынуждены искать счастья в чужих землях. Такими были, например, «парфении» в Спарте. После неудачной попытки добиться равноправия с гражданами они отплыли в Южную Италию и основали там город Тарент.

Наконец, надо отметить такой важный фактор, как поражение в войне, когда перед побежденными стоял вопрос: превратиться в подчиненное население или искать новую родину. Многие выбирали последнее. Так, например, поступили мессенцы, потерпевшие поражение в войне со Спартой и переселившиеся на Запад. Так же переселилась часть жителей малоазийской Фокеи, не желавших покориться персидскому царю.

Сложное переплетение всех этих обстоятельств создавало картину, свойственную именно архаической эпохе — эпохе становления полиса. Главным в этом было, пожалуй, разложение родовых отношений и связанное с этим «высвобождение» массы крестьянства, а также развитие товарно-денежных отношений, приведшее, в частности, к стремлению найти новые рынки сырья и сбыта, приобрести новые источники получения рабов. Когда родовые отношения в целом отошли в прошлое и сформировался полис, политическая борьба приняла новые формы. И время Великой колонизации закончилось. Вынужденная эмиграция приняла другие формы.

В Великой греческой колонизации приняли участие различные области и города Эллады: и более отсталые, в которых жители занимались преимущественно земледелием, как Ахайя, и более развитые, ставшие значительными торгово-ремесленными центрами, как Милет или Фокея. В соответствии с этим в колониальной экспансии преобладал либо аграрный, либо торгово-ремесленный аспект. Это зависело от степени социально-экономического развития метрополии, её географических условий, связей с окружением, а также и от того, что находили колонисты в новых местах. Следует подчеркнуть, однако, что колонизация не бывала чисто аграрной или торгово-ремесленной. Ведь даже в отсталые области Греции в это время уже проникала торговля, вместе с тем все античные города были основаны на земельной собственности и земледелии. Без окружающей земельной территории, как бы скудна она ни была, колония существовать не могла. На этой территории находились участки колонистов, которые порой распределяли еще до начала переселения, как это было, например, при подготовке коринфской экспедиции в Сицилию, приведшей к основанию Сиракуз. Поэтому можно говорить лишь о преобладании того или иного аспекта колонизации.

В зависимости от того, какой аспект преобладал, решался и вопрос об отношениях с местным населением. Если колонизация была преимущественно аграрной, колонисты не нуждались в сотрудничестве с местными жителями, оно им даже мешало. При преобладании торгового аспекта необходима была подготовленность аборигенов к ведению торговли с греками, что было возможно лишь при сравнительно развитой экономике и достаточно высоком уровне социальных отношений. При этом последний не должен был быть чрезмерно высоким. Там, где греки сталкивались с развитыми и централизованными государствами, возможности для основания эллинских городов, как и финикийских, оказывались резко суженными.

В зависимости от преобладания того или другого аспекта колонизации различалась и ее подготовительная стадия. Чтобы узнать, что ждет переселенцев, в одном случае было достаточно разведки, в другом — выведению колонии должно было

предшествовать установление экономических связей. Колонисты-земледельцы искали плодородную почву, а торговцы — места, удобные для торговли, например устья рек, дававшие возможность проникать в глубь территории местных племен. Ремесленникам было важно наличие подходящего сырья.

Существовали и общие правила выбора греками места для поселения. Город должен был лежать на морском берегу или по крайней мере недалеко от него, ибо море было единственной связью с метрополией. Для поселения выбиралось место, которое можно было легко защитить, имевшее пресную воду и по возможности окружающую территорию, способную прокормить колонистов. При этом земля не обязательно должна была быть пригодной для зернового земледелия, но, например, для виноградарства и оливководства, которые давали грекам продукты необходимые для обмена на нужные им товары, С собой колонисты брали огонь из священного очага родного города и, по-видимому, некоторых жрецов. Во главе экспедиции становился ойкист, который оказывался и главой нового поселения.

Независимо от того, была ли инициатором экспедиции вся община, или это было делом ее отдельных членов, новые поселения, как правило становились самостоятельными (в отличие от колонии Тира). В этом правиле были и исключения. Так город Коринф пытался на основе своих колоний создать мощную морскую державу. Основанные им города должны были обеспечивать коринфское господство над путями в западном и северо-восточном направлениях. Однако попытка создания колониальной державы не удалась. И хотя еще много времени спустя в Потидею на северном берегу Эгейского моря из Коринфа посылался наместник, этот город фактически вел совершенно самостоятельную политику, порой даже противоречившую интересам метрополии.

При всей независимости колонии были связаны с метрополией духовными узами. В то время, когда представления родового общества еще не изгладились из сознания, жители метрополии и колонии чувствовали себя родственниками, близкими людьми перед лицом чужого мира. Колонии обычно не воевали с метрополиями поддерживали друг друга и колонии одной метрополии. Так, во II в. до н.э. жители Лампсака в Малой Азии обратились к гражданам Массалии (ныне Марсель) в Галлии с просьбой помочь им в переговорах с Римом, ибо оба города за 500 лет по этому были основаны одной и той же Фокеей. Хотя колонии и метрополии обычно не образовывали союзов и не имели общего гражданства, прибывшие в колонию жители метрополии становились ее гражданами, а вернувшиеся к старому очагу колонисты без труда восстанавливали свой гражданский статус. Первоначально на новом месте возникало подобие общины, оставленной на родине. Но с течением времени пути политического развития колонии и метрополии могли довольно далеко разойтись.

Многие колонии были выведены не одной а несколькими метрополиями. Например, Кумы в Италии были основаны халкидянами и эретрийцами с о-ва Эвбея и, может быть кимейцами из Малой Азии, Регий — халкидянами и мессеццами Гела—родосцами и критянами. В таком случае метрополией считался город, бывший непосредственным инициатором введения колонии. Так, метрополией Эпидамна, основанного Керкирой и Коринфом была Керкира. Но даже если переселенцы выезжали из одного города, едва ли все они были его гражданами. Население греческих городов было тогда еще невелико, а некоторые города основывали довольно много колоний. Трудно себе представить, чтобы в городах-метрополиях было столько жителей, что их хватало и на многочисленные переселения, и на продолжение жизни материнского города. Поэтому вероятно, что эти города становились распределительными центрами, откуда направлялись экспедиции. В таких случаях действовало, по-видимому, правило, по которому переселенческий центр и считался метрополией.

Начиная жизнь на новом месте, люди очень хотели обрести уверенность в счастливом будущем своего предприятия. Поэтому они стремились не только изучить реальные условия места, но и заручиться божественным покровительством. Особенно большую роль отводили богу Аполлону, который считался предводителем колониальных экспедиций (как у финикийцев тирский Мелькарт) и покровителем вновь основанных городов. Свои прорицания о будущем таких экспедиций бог давал в оракуле в Дельфах. Постепенно храм Аполлона в Дельфах, обладавший широкими международными связями и получавший обширную информацию почти из всех областей тогдашнего мира, стал своеобразным регулирующим центром переселений, направляя конкретные потоки колониальных экспедиций.

Великая греческая колонизация шла по трем основным направлениям: 1) западному (побережье и острова Ионийского моря к северо-западу от Греции, Италия, Сицилия, Корсика, Южная Галлия и Испания), 2) северо-восточному (северное побережье Эгейского моря, Геллеспонт, Пропонтида и Боспор Фракийский, берега Черного моря), 3) юго-восточному (южный берег Малой Азии, восточное побережье Средиземного моря, Африка).

Пионерами колонизации выступили эвбейские города Халкида и Эретрия. Уже в первой половине VIII в. до н.э. они были довольно развиты. Расположенные на берегу пролива, являющегося важнейшим морским путем между Северной и Средней Грецией, они сосредоточили в своих руках значительную долю торговли в это время. К тому же они обладали залежами меди и плодородной территорией, находившейся в руках аристократов. Когда к последней трети VII в. до н.э. между этими городами вспыхнула война за обладание Лелантской равниной, лежащей между ними, многие города Греции приняли в ней участие на той или другой стороне (подтверждая значимость названных городов). Пока же война не

разразилась, оба города вместе выступали на колониальном поприще. Вслед за ними на путь колонизации вступили Коринф и Мегара. Они были значительными ремесленными и торговыми центрами, но земля их была неплодородна, так что жители выезжали за море не только ради торговли, но и в поисках хороших земель. Недаром в коринфской колонизации активное участие приняли сельчане из деревни Тегеи. За этими городами последовали и другие центры Греции. В VIII и начале VII в. до н.э. колонии выводили и более отсталые аграрные общины и области, как Локрида, Ахайя, Спарта.

Прежде всего эллины устремились на запад. В 774 г. до н.э. на небольшом островке Питекусса у западного берега Италии появилось поселение халкидян и эретрийцев. Этот год можно считать началом Великой греческой колонизации. Через полстолетия эвбейцы обосновались и на материке, создав Капую, а позже и другие города, в том числе Неаполь. Область, где появились эти города (Кампания), была одной из самых плодородных в Италии, но все же в эвбейской, особенно халкидской, колонизации был очень силен торговый аспект. Через Питекуссу халкидяне вели активную торговлю с этрусками и западными финикийцами. Для контроля над морским путем между Грецией и Этрурией они основали колонии по обе стороны пролива, отделяющего Италию от Сицилии,— Регий и Занклу. Эретрийцы вывели колонию на о-в Керкира, занимавший важное положение на пути из Греции в Италию и Сицилию. Активное участие приняли жители Эвбеи и в колонизации Сицилии.

Важнейшим греческим городом в Сицилии стали Сиракузы. Они были основаны, по-видимому, в 733 г. до н.э. коринфской экспедицией под руководством Архия, вынужденного из-за раздоров покинуть родину. По пути коринфяне вытеснили эвбейцев с Керкиры, а прибыв в Сицилию, создали поселение на островке Ортигия вблизи сицилийского побережья. Несколько позже Сиракузы шагнули и на саму Сицилию, но Ортигия долго оставалась крепостью и административным центром города. Обладая прекрасной гаванью, активно развивая ремесло и торговлю, приобретая и плодородные земли, Сиракузы вскоре стали крупнейшим центром Сицилии и всего западного эллинства. Под их руководством возникла мощная держава, соперничавшая с Карфагеном и стремившаяся к власти над всеми западными греками.

В колонизации Сицилии приняли участие и другие греки. Мегарцы основали севернее Сиракуз Мегару Гиблейскую, а родосцы и критяне — Гелу на южном берегу. Появились и другие греческие города. При этом эллины вступили в борьбу как с местным населением — сикулами и сиканами, так и с сицилийскими финикийцами, которые позже перешли под власть Карфагена.

Аграрные города и области Греции предпочли плодородные земли Южной Италии. Здесь в VIII — начале VII в. до н.э. жители Ахайи основали Кротон и прославившийся роскошью Сибарис, спартанцы —

Тарент, локрийцы — Локры Эпизефирийские. Из более развитых городов сюда послал экспедицию только малоазийский Колофон: под угрозой лидийского завоевания часть колофонцев отправилась в Италию, где ими был создан Сирус, богатства и привольная жизнь которого вызвали зависть поэта Архилоха. Скоро в Южной Италии появилось так много греческих городов, что эту часть Апеннинского полуострова стали называть Великой Грецией.

Колонии в Южную и Среднюю Италию и Сицилию выводились до начала VII в. до н.э. Позже новые эллинские города создавались здесь уже существующими колониями. Только в VI в. до н.э. отдельные города Греции пытались обосноваться в этих районах: так, книдяне закрепились на Липарских островах, самосцы — в Дикеархии (ныне Поццуоли на окраине Неаполя). Когда же на грани VII—VI вв. до н.э. в этих водах появились граждане Фокеи, то они предпочли двинуться дальше на запад. Фокейская колонизация шла двумя потоками. Один направлялся вдоль побережья Италии, Южной Галлии и Северо-Восточной Испании. Здесь важнейшими фокейскими колониями стали Массалия на галльском и Эмпорион на испанском побережье, а на пути к ним греки создали несколько опорных пунктов. Второй поток двигался через Корсику и Балеарские острова непосредственно к Юго-Восточной Испании. На юге Испании греки вступили в контакт с Тартессом. Тартессии увидели в греках союзников в борьбе с финикийцами, и с согласия тартесского царя фокейцы основали здесь колонии, в том числе Гавань Менесфея, возникшую уже за Столпами Геракла. Это поселение стало самым западным пределом греческой колонизации.

В северо-восточном направлении халкидяне и эретрийцы уже в VIII в. до н.э. стали осваивать большой полуостров в северной части Эгейского моря, который из-за созданных там халкидских колоний получил название Халкидики. Восточнее Халкидики на Фасосе создали колонию обитатели о-ва Парос. Среди паросцев, обосновавшихся на Фасосе, был и знаменитый поэт Архилох, чьи стихотворения выразительно рассказывают о тяжелой жизни колониста.

В конце VIII — начале VII в. до н.э. греки проникли в пролив Геллеспонт и далее к северу. Теперь первенствующую роль играют Мегара и греческие города Малой Азии (Самое, Хиос, Митилены, Фокея, Милет, Колофон). Вскоре европейские и азиатские берега Геллеспонта, Пропонтиды (Мраморного моря), Боспора Фракийского покрылись сетью эллинских колоний, из которых в будущем особенно прославилась мегарская колония Византии, расположенная в начале пролива Боспор, ведущего в Черное море. Ираноязычные народы, жившие на берегах этого моря, называли его, как полагают, Ахшайна—«Темное». Греки восприняли это название по-своему, как Аксинский Понт, т.е. «Негостеприимное море». Отсутствие цепи островов, столь облегчающей путешествия в Эгейском море, ветры и бури, может быть, и мысли о страданиях героев, чьи приключения были перенесены мифологией в эти края, укрепляли эллинов в

представлении о неприветливости черноморских вод и берегов. Веря в магию имен, они считали, что такое название не сулит им ничего хорошего. Однако скоро пришельцы убедились в богатстве этих вод и побережья. Поэтому они переменили старое название на новое — Эвксинский Понт — «Гостеприимное море», и под этим названием оно вошло в историю.

В Причерноморье основывали колонии преимущественно Мегара и Милет. Мегарцы действовали в основном недалеко от выхода из Боспора Фракийского: к востоку и северо-западу от него возникают Гераклея Понтийская, Месамбрия, Каллатис. Лишь значительно позднее жители Гераклеи в Южном Причерноморье пересекли Эвксинский Понт и на юго-западном берегу Тавриды (совр. Крым) основали Херсонес.

Большинство остальных городов Причерноморья заложил Милет. Важнейшей милетской колонией южного побережья стала Синопа, возглавившая с VI в. до н.э. союз городов этого района — Понт, включавший, вероятно, города Амис, Котиору, Трапезунд и, возможно, Фасис. Двигаясь вдоль западного побережья Эвксинского Понта, милетяне основали Аполлонию, Одесс, Истрию и появились в Северном Причерноморье. Первым местом в этом районе, где осели милетские колонисты, был остров Березань, как его ныне называют, недалеко от материка. Это произошло, по-видимому, в 643 г. до н.э. Лучшее ознакомившись с местными условиями, греки переехали и на материк. В устье р. Гипаниса (Южного Буга) в самом начале VI в. до н.э. появился город Ольвия («Счастливая»), а вокруг него возникли другие поселения. К западу от Ольвии был создан город Тира в устье одноименной реки (совр. Днестр).

Другим очагом греческой колонизации был Боспор Киммерийский (Керченский пролив). Сюда греки, видимо, проникли в последние десятилетия VII в. до н.э. Здесь был основан город Пантикапей (Это значит по-скифски «Рыбный путь».) (совр. Керчь), ставший крупнейшим эллинским городом Восточной Тавриды и Тамани. В VI в. до н.э. на крымском берегу появились Мирмекий, Нимфей, Феодосия, а на кавказском (по греческим представлениям, азиатском) берегу — Фанагория, Кепы, Гермонасса, Горгиппия. Около 480 г. до н.э. все эти города объединились в Боспорское царство со столицей в Пантикапее. Боспориты проникли и в Меотидское (ныне Азовское) море и в его северо-восточном углу в устье р. Танаис (Дон) основали поселение, ставшее самой дальней северо-восточной колонией греков.

К югу от боспорской границы на восточном берегу Понта появились эллинские города Питиунт (Пицунда), Диоскурия (Сухуми), Фасис (Поти). Таким образом, все побережье Черного моря было покрыто густой сетью греческих колоний.

Южное направление в эпоху Великой колонизации большой роли не играло, как ни привлекала греков торговля с восточными странами и

Африкой. И это естественно: восточное побережье Средиземного моря занимали финикийские города, соперничавшие с греками. В VIII—VII вв. до н.э. борьба Ассирии и Египта не благоприятствовала иноземной торговле, а тем более поселению на этих берегах. К западу от Египта эллины столкнулись с соперничеством карфагенян, и хотя греки и там пытались обосноваться, но скоро были вытеснены. Только в районе Киренаики, между Египтом и Карфагеном, эллины сумели создать несколько городов, первым из которых была Кирена, основанная ферейцами в 631—630 гг. до н.э. В VI в. киренцы вместе с критянами построили Барку. Колонизация Киренаики, хотя и проходила довольно поздно, была чисто аграрной.

В Египте же греки выступали как наемники и торговцы. Когда Египет освободился от ассирийской власти, его фараоны, ища в греках союзников и помощников, предоставили им возможность поселиться в стране. Основным эллинским поселением в Египте стал Навкратис, основанный в конце VII в. до н.э., — весьма необычная колония. У Навкратиса было целых двенадцать метрополий (Родос, Хиос, Теос, Фокея, Клазомены, Книд, Галикарнасс, Фаселида, Митилены, Милет, Самое, Эгина), но при этом он находился под строгим контролем египетских властей. Степень его внутренней автономии определялась политикой Египта (а позже персидских сатрапов Египта), но вполне самостоятельным городом он никогда не был. Он не имел сельскохозяйственной округи, оставаясь чисто торгово-ремесленным поселением, центром ввоза греческих товаров в Египет и вывоза египетских товаров и подражаний им во все страны античного мира. По-видимому, подобным было положение греческих колоний (или факторий) на сирийском побережье недалеко от развалин Угарита — Сукаса и Аль-Мины (современные названия, греческие неизвестны). Но они, вероятно, существовали не так долго, как Навкратис.

На южном побережье Малой Азии враждебность горцев помешала широкой греческой колонизации. Греки сумели создать там лишь несколько опорных пунктов на пути из Эллады на Восток.

Некоторые города сами становились потом метрополиями; так, боспориты основали Танаис, сибариты—Посейдонию, массалиоты—Никею (ныне Ницца) и т.д. Иногда они прибегали к помощи своих метрополий; например, керкиряне вывели колонию и Эпидами вместе с Коринфом, а гелейцы — Акрагант вместе с родосцами. Часто случалось, что эта вторичная колонизация, или субколонизация, носила иной характер, чем первичная. Так, фоксйская колонизация на западе была преимущественно торгово-ремесленной, а массалиотская колонизация была в большей степени аграрной. Напротив, в ахейской колонизации Италии преобладал аграрный аспект, но ахейский Сибарис создавал колонии как опорные пункты для торговли с Этрурией и другими областями Италии в обход халкидян, укрепившихся у пролива.

В течение двух с половиной веков греки освоили значительную часть побережья Средиземного моря, все Причерноморье, большую часть Приазовья. Греческие колонии раскинулись на огромной территории от Гавани Менесфея за Столпами Геракла до Танаиса в устье современного Дона, от Массалии и Адрии на севере до Навкратиса на юге. Опираясь на эти города, торговцы и путешественники проникали еще дальше в глубь иноязычного (по-гречески «варварского») мира, поднимаясь по Днепру, Дунаю, Роне и Нилу, выходя в опасные воды океана. В далекие страны при основании колоний отправлялись наиболее предприимчивые люди, и это способствовало более быстрому развитию колоний. Многие новые города становились развитыми экономическими центрами, далеко опережая метрополию. Ахайя еще долго оставалась бедной и отсталой областью, а ахейский Сибарис стал одним из богатейших городов Италии. Его достояние было столь велико, что, несмотря на сравнительно недолгое существование (он был разрушен в 510 г. до н.э.), роскошь и изнеженность его жителей — сибаритов — вошла в поговорку.

Многие города, основанные греками, существуют и до сих пор. Можно, например, назвать в Турции Истанбул (Стамбул, древний Византия), во Франции — Марсель (фокейская Массалия), в Италии — Неаполь, в Крыму — Керчь (Пантикапей), на Кавказе — Сухуми (Диоскурия), в Албании — Дуррес (Эпидамн), в Румынии — Констанца (Томы).

Отношения колонистов с местным населением складывались различно. Как полагают некоторые исследователи, дорийские переселенцы уже во время колонизации ставили аборигенов в зависимое положение, в то время как ионийцы поддерживали с ними сначала более равноправные связи. Но всегда эти две группы населения влияли друг на друга. Эллинское воздействие ускорило ход экономического, социального и культурного развития «варваров», как показывают примеры кельтов в Галлии и скифов в Северном Причерноморье. И окружающая среда влияла на греков. Особенно ясно это видно в культуре колонистов. Историки культуры выделяют культуру греческих городов Северного Причерноморья и Великой Греции как отдельные и своеобразные варианты общегреческой.

Значительным было влияние колонизации на метрополию. Каким бы ни был характер колонизации, существовать без всякой связи с Грецией колонисты не могли. Оттуда они получали некоторые продукты, без которых эллины не считали возможным вести нормальную жизнь: виноград и вино, оливковое масло и предметы ремесла, особенно художественного. Часть этих продуктов они перепродавали местному населению, втягивая и его в общесредиземноморский торговый оборот. В метрополию же они вывозили хлеб, металлы, лес, рыбу, рабов. Эти товары были жизненно необходимы Греции. Греческая торговля приобретает подлинно международный характер. А это приводит к дальнейшему развитию

товарно-денежных отношений в Элладе, к росту ремесленно-торговых кругов архаического города и их роли в обществе.

Среди товаров, шедших в Грецию, важное место занимали рабы. Приток значительного числа заморских рабов создал экономические возможности ликвидации долгового рабства. Рабство иноземцев становится постоянным фактором греческой жизни.

С другой стороны, это привело к обособлению греков, к известному объединению их перед лицом невольников, к формированию понятия «эллинство».

В ходе колонизации из метрополии часто уезжали люди бедные, которым уже нечего было терять на родине. Важнейшим результатом Великой греческой колонизации явилось преодоление относительного перенаселения, причем за счет ухода части наиболее обездоленных слоев населения. В результате выросло значение именно средних слоев. А они все решительнее выступали за достижение своих экономических, социальных и политических целей.

Колонизация, таким образом, привела, с одной стороны, к обострению социальной и политической борьбы в метрополии, а с другой — создала условия для стабилизации общества, для его объединения в естественную ассоциацию перед лицом рабов, как определяли античную гражданскую общину еще К. Маркс и Ф. Энгельс (Маркс К. и Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. — Маркс К. и Энгельс Ф. *Собрание сочинения*. Изд. 2-в. Т. 3, с. 21.).

Наконец, следует отметить, что знакомство с дальними странами расширило кругозор греков, воспитало любознательность и интерес к чужому, необычному, заставило задуматься над многими вещами. Греки убедились, что в мире нет места для страшных, противоестественных чудовищ, но что вообще-то мир гораздо более разнообразен и многоцветен, чем это казалось им до Великой колонизации. И это явилось психологической основой возникновения эллинской науки и эллинского рационализма вообще.

И в заключение надо сказать, что в результате финикийской и греческой колонизации история отдельных регионов Средиземноморья стала сливаться в единый процесс.

Литература:

Циркин Ю.Б. *Финикийская и греческая колонизация./История Древнего мира. Ранняя Древность*. - М.:Знание, 1983 - с.351-368

Лекция 18: Этрусские города-государства в Италии.

В лекции использованы материалы из кн.: Немировский А.И., Харсекин А.И. Этрусски. Введение в этрускологию. Воронеж, 1969; Немировский А.И. Этрусски. От мифа к истории. М., 1983; Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976; Буриан Я., Моухова Б. Загадочные этрусски. М., 1970, а также из других книг и статей.

Источники об Этрусках и вопрос о происхождении этого народа.

В Средней и Северной Италии в I тысячелетии до н.э. жил народ, называвший себя расенами. Греки именовали его тирренами или тирсенами, а римляне — тусками или этрусками, последнее название и вошло в науку. Основная область обитания этрусков, расположенная на северо-западе Средней Италии, была известна у римлян как Этрурия. В средние века ее стали называть Тосканой, это имя носит она доныне. Плодородные почвы, множество рек, самая крупная из которых — Арно, залежи медной и железной руды, строевой лес, выход к морю — все это делало Этрурию одной из наиболее удобных для жизни людей областей Италии в эпоху поздней бронзы и раннего железа.

От этрусков сохранилось много исторических памятников: остатки городов, некрополи, оружие, домашняя утварь, фрески, статуи, более 10 тысяч надписей, датируемых VII—I вв. до н.э., несколько отрывков из этрусской полотняной книги, следы этрусского влияния в римской культуре, упоминания об этрусках в сочинениях античных авторов.

До настоящего времени археологическому обследованию подвергались главным образом этрусские могильники, богатые погребальной утварью. Остатки же большинства городов остаются не изученными из-за густой современной застройки.

Этруски пользовались алфавитом, близким к греческому, однако направление этрусского письма было обычно левосторонним, в отличие от греческого и латинского; изредка этруски практиковали смену направления письма с каждой строкой.

Несмотря на применение знакомого алфавита, этрусский язык остается непонятным. Сопоставление почти со всеми известными древними и современными языками не выявило его близких родственников. По мнению одних, этрусский язык был родствен индоевропейским (хетто-лувийским) языкам Малой Азии; другие полагают, что он вообще не состоял в родстве с индоевропейской языковой семьей.

Попытки раскрытия тайны этрусского языка путем изучения его самого «изнутри» с учетом назначения предметов, на которых сделаны надписи, не привели к существенному прогрессу в деле его изучения из-за ограниченной лексики известных этрусских текстов, большую часть которых составляют краткие эпитафии с однообразным словарным составом.

Единственное исключение составляет этрусская религиозная книга, отрывки из которой сохранились на бинтах Загробской мумии, найденной в середине XIX в. в Египте и хранящейся в музее югославского города Загреб. Первоначально книга имела форму свитка, позже была разрезана на полосы и использована для обертывания мумии женщины во II или I в. до н.э. Текст расположен столбцами на нескольких полосах длиной от 30 см до 3 м. Загребская льняная книга, или Книга Мумии, сыграла большую роль в истолковании этрусского языка благодаря позднему характеру языка этого текста, однотипности письма с систематическим словоразделом, частому повторению слов и застывшим выражений. Как выяснилось, текст содержит перечень предписаний о проведении церемоний — жертвоприношений и пр. — в соответствии с религиозным календарем.

Ученые давно мечтали о находке двуязычной надписи, где этрусский текст повторялся бы на каком-нибудь знакомом языке, и эта мечта частично сбылась, когда в 1964 г. при раскопках этрусского святилища в Пиргах, близ Рима, были обнаружены три небольшие золотые пластинки с надписями: две — с этрусскими текстами, а третья — с надписью на известном финикийском (пуническом) языке, употреблявшемся в Карфагене. Содержание финикийского текста оказалось близким к этрусскому тексту на одной из пластинок. При этом семитский финикийский текст послужил опорой для понимания соответствующего этрусского текста. В обеих надписях сообщается о посвящении какого-то дара, может быть храма, богине, именуемой в финикийском тексте Астартой, а в этрусском — Уни-Астартой. Исследователи пришли к выводу, что сопоставление найденных надписей, хотя и способствует постепенному прогрессу в изучении этрусского языка, не может послужить ключом к его пониманию в целом, во-первых, вследствие их краткости и, во-вторых, вследствие значительного синтаксического расхождения финикийского и этрусского текстов. По определению итальянского ученого М.Паллоттино, финикийский и этрусский варианты посвятельной надписи не являются билингвой в точном смысле этого слова, т.е. одним и тем же текстом на двух языках, а представляют собой два независимых друг от друга текста, написанных по одному и тому же поводу.

Сейчас ученые стремятся комплексно использовать все возможные способы дешифровки. В результате достигнуто понимание около 500 отдельных этрусских слов и некоторых грамматических форм, но в целом язык этрусов как система остается неизвестным. Особенно драгоценными в качестве материала для дешифровки явились бы

большие этрусско-греческие и этрусско-латинские билингвы. Наличие первых возможно в этрусских городах еще периода их независимости в связи с проживанием в них греческого населения; существование вторых не исключено в этрусских городах в первый период после их завоевания Римом. По предположению этрускологов, еще не раскопанные руины городов могут скрывать наиболее интересные тексты исторического характера.

Античная традиция вслед за Геродотом (V в. до н.э.) почти единогласно называла этрусков выходцами из Малой Азии, из области Лидии. Однако уже в древности были и другие мнения. Современник Геродота Гелланик Лесбосский считал их ответвлением догреческого населения Эгеиды, пеласгов. Дионисий Галикарнасский (конец I в. до н.э.) рассматривал этрусков как коренных жителей Италии.

В 1885 г. на о-ве Лемнос, расположенном в Эгейском море у западного побережья Малой Азии, была найдена могильная стела с рельефным изображением воина, вооруженного копьем и щитом. На стеле оказались надписи, выполненные греческим письмом VI в. до н.э. на языке, сходном с этрусским. Содержание надписей до сих пор истолковано лишь приблизительно. Позже были найдены обломки сосудов с отрывками других надписей на том же языке. Считают, что эти памятники оставлены родственной этрускам народностью, возможно тирренами или пеласгами, которые, по сообщениям античных писателей, особенно долго удерживались на островах Лемнос и Имброс.

Споры о происхождении этрусков не прекращаются доныне. Однако теперь исследователи все чаще отказываются от односторонних теорий, склоняясь к предположению о формировании этрусской народности в Италии в результате взаимодействия как местных, так и пришлых этнических групп. При этом не исключается, что пришельцами могли быть выходцы с Востока, появившиеся в Италии на рубеже II и I тысячелетий до н.э. Во всяком случае, в формировании этрусской народности на итальянской почве, несомненно, участвовало и местное население Италии.

Экономика этрусских городов-государств.

С VIII в. до н.э. главным очагом этрусской цивилизации явилась Этрурия, откуда этруски путем завоевания расселились на севере до Альпийских гор и на юге до Неаполитанского залива, заняв таким образом большую территорию в Средней и Северной Италии.

Основным занятием большинства населения на этой территории было земледелие, требовавшее, однако, в большинстве районов значительных усилий для получения хороших урожаев, так как одни местности были заболочены, другие засушливы, третьи холмисты. Этруски прославились созданием ирригационных и мелиоративных систем в виде открытых каналов и подземного дренажа. Самым

знаменитым сооружением такого рода явилась Большая римская клоака — облицованный камнем подземный сточный канал для отвода в Тибр воды из болот между холмами, на которых располагался Рим. Этот канал, построенный в VI в. до н.э. в период правления в Риме этрусского царя Тарквиния Древнего, безотказно действует и поныне, включенный в канализационную систему Рима. Осушение болот способствовало и уничтожению рассадников малярии. Для предотвращения оползней этруски укрепляли склоны холмов подпорными каменными стенами. Тит Ливии и Плиний Старший сообщают, что на строительство римской клоаки этруски сгоняли римлян. На этом основании можно предположить, что при строительстве крупных сооружений и в других районах своего господства этруски привлекали местное население к отбыванию трудовой повинности.

Как и повсюду в Италии, в областях этрусского расселения выращивали пшеницу, полбу, ячмень, овес, лен, виноград. Орудиями для обработки земли служили плуг, в который впрягалась пара волов, мотыга, лопата.

Важную роль играло скотоводство: разводили коров, овец, свиней. Занимались этруски и коневодством, но в ограниченных масштабах. Конь считался у них священным животным и применялся, как и на Востоке и в Греции, исключительно в военном деле.

Высокого развития достигли в Этрурии добыча и обработка металлов, особенно меди и железа. Этрурия была единственной областью Италии, где имелись рудные залежи. Здесь в отрогах Апеннин добывались медь, серебро, цинк, железо; особенно богатые залежи железной руды разрабатывались на близлежащем острове Ильва (Эльба). Необходимое для изготовления бронзы олово этруски получали через Галлию из Британии. Metallургия железа широко распространилась в Этрурии с VII в. до н.э. Этруски добывали и обрабатывали огромное по тем временам количество металла. Они добывали руду не только с поверхности земли, но, сооружая шахты, разрабатывали и более глубокие залежи. Судя по аналогии с греческими и римскими горными промыслами, добыча руды была ручной. Основными орудиями горняков во всем мире были тогда заступ, кирка, молот, лопата, корзина для выноса руды. Выплавляли металл в небольших плавильных печах; несколько хорошо сохранившихся печей с остатками руды и древесного угля найдено в окрестностях Популонии, Волатерр и Ветулонии, главных металлургических центров Этрурии. Процент извлечения металла из руды был еще настолько низким, что в новейшее время оказалось экономически выгодным переплавить горы шлака вокруг этрусских городов. Но для своего времени Этрурия была одним из передовых центров производства и обработки металла.

Обилие металлических орудий труда содействовало развитию хозяйства этрусков, а хорошее вооружение их войска способствовало

установлению господства над покоренными общинами и развитию рабовладельческих отношений. Металлические изделия составляли важную статью этрусского экспорта. В то же время некоторые изделия из металла, например бронзовые котлы и украшения, этруски ввозили. Ввозили они и металлы, которых у них не доставало (олово, серебро, золото), как сырье для своей ремесленной промышленности. Каждый этрусский город чеканил собственную монету, на которой изображался символ города, а иногда указывалось и его название. В III в. до н.э. после подчинения Риму этруски перестали чеканить собственную монету и стали пользоваться римской.

Этруски внесли свой вклад в градостроительство в Италии. Их города обносились мощными стенами из огромных каменных блоков. Для древнейшей застройки этрусских городов были характерны кривые улицы, обусловленные рельефом местности и повторявшие изгибы береговой линии рек и озер. При внешней хаотичности такой застройки в ней была и рациональная сторона — учет условий окружающей среды. Позже под влиянием греков этруски перешли к четкому планированию городских кварталов в шахматном порядке, при котором улицы, ориентированные по странам света, пересекались под прямым углом. Хотя такие города были красивы, в них было легко ориентироваться и они были удобны для движения транспорта и устройства водопровода и канализации, греческий тип градостроительства имел и свои недостатки: он в принципе игнорировал такие природные условия, как рельеф местности и господствующие ветры.

Об этрусском городе с подобной планировкой позволяют судить раскопанные остатки небольшого города, который существовал в Северной Италии, близ Болоньи, и предположительно назывался Миса. Он существовал недолго — с VI до начала IV в. до н.э. Погибший во время кельтского нашествия, он никогда более не восстанавливался, что обеспечило его доступность для археологов. В самом высоком месте города находился акрополь с храмами и алтарями. Улицы пересекали друг друга перпендикулярно. Ширина главных улиц вместе с мостовой и тротуарами достигала 15 м; некоторые улицы были, вероятно, мощеными. В городе имелись водопровод и канализация. Вода подавалась в город из источника на акрополе по выложенным камнем трубопроводам и глиняным трубам.

Храмы и прочие здания этруски возводили на каменном фундаменте, но для сооружения стен и перекрытий использовали необожженный кирпич и дерево, поэтому от них почти ничего не сохранилось. По преданию, этрусскими мастерами была сооружена в Риме, на Капитолийском холме, главная святыня римлян — храм Юпитера, Юноны и Минервы.

Близ городов располагались обширные некрополи. Известны этрусские гробницы трех типов: шахтовые, камерные с насыпным курганом и скальные, вырубленные в горной породе. Богатые

могильники отличались большими размерами и роскошной отделкой: они состояли из нескольких комнат, украшенных настенной живописью и статуями. Саркофаги, кресла и многие другие погребальные принадлежности были высечены из камня и поэтому хорошо сохранились. Если богатые гробницы, по-видимому, копировали план и внутреннее убранство богатого дома, то о домах простого народа дают представление погребальные урны в виде глиняных моделей хижин.

Многие этрусские города имели выход к морю если не непосредственно, то через реки или каналы. Например, город Спину, расположенный на северо-востоке Италии, у адриатического побережья, соединял с морем канал длиной 3 км и шириной 30 м. Хотя остатки Ветулонии в современной Тоскане находятся в 12 км от моря, но в древности она была расположена на берегу бухты, глубоко врезавшейся в сушу. В римское время от этой бухты оставалось уже только мелководное озеро, а потом и оно высохло.

Весьма совершенным было этрусское судостроение, материалы для которого поставляли сосновые леса Этрурии, Корсики и Лация. Этрусские корабли ходили на веслах и под парусами. В подводной части военных судов имелся металлический таран. С VII в. до н.э. этруски стали применять металлический якорь со штоком и двумя лапами. Римляне заимствовали этот тип якоря, а также таран, который называли ростром. Сильный флот этрусков позволял им соперничать с карфагенянами и греками.

Высокого развития достигло у этрусков керамическое производство. Их керамика близка греческой, но они создали и своя собственный стиль, который в науке называется «буккерио». Его характерные черты составляют подражание форме металлических сосудов, черный блестящий цвет и украшение барельефами.

Этрусские шерстяные ткани шли на экспорт, а также, несомненно, находили широкое употребление и в быту этрусков. Кроме того, этруски славились льноводством и очень широко применяли изделия из льна: полотно шло на изготовление одежды, парусов, военных доспехов, служило писчим материалом. Обычай писать полотняные книги позже перешел к римлянам. Этруски вели обширную торговлю со странами Средиземноморья. Из развитых промышленных городов Греции и из Карфагена они ввозили предметы роскоши, из Карфагена, кроме того, — слоновую кость как сырье для своих ремесленников. Покупателем дорогих привозных товаров была этрусская знать. Предполагается, что в обмен на привозную роскошь Этрурия поставляла в развитые торгово-ремесленные центры медь, железо и рабов. Однако известно, что и в развитых обществах находили спрос различные изделия этрусского ремесла.

В торговле этрусков с северными племенами, обитавшими в Средней и Западной Европе вплоть до Британии и Скандинавии, вероятно,

безраздельно господствовал экспорт готовой продукции — металлических и керамических изделий, тканей, вина. Потребителем этих товаров выступала главным образом знать варварских племен, которая расплачивалась с этрусскими купцами рабами, оловом, янтарем. Греческий историк Диодор Сицилийский сообщает, что в торговле с заальпийскими кельтами италийские купцы, под которыми, как считается, он имеет в виду этрусков, за амфору вина получали раба.

Морская торговля преобладала у этрусков над сухопутной и сочеталась с пиратством, что было характерно и для других мореходов того времени. По мнению А. И. Немировского, наибольшее распространение этрусского пиратства приходится на период упадка этрусских государств в IV—III вв. до н.э., когда, с одной стороны, в силу греческой конкуренции, кельтского вторжения и римской экспансии оказалась подорванной их внешняя торговля, а с другой — пиратство стимулировалось растущим спросом на рабов в римском обществе. Именно в это время в устах греков стали синонимами слова «тиррены» и «пираты».

Каждый этрусский город представлял собой экономическое целое. Они различались между собой характером своей экономической деятельности. Так, Популония специализировалась на добыче и обработке металлов, Клузий — на сельском хозяйстве, Цере — на ремесле и торговле. Не случайно поэтому именно Поре особенно конкурировал и враждовал с греческими колониями в Италии и Сицилии, являвшимися значительными центрами ремесленного производства и внешней торговли.

Греческие колонисты стремились проникнуть к этрусским источникам сырья в район Ильвы, Корсики, Сардинии и южного побережья Галлии. Кроме того, греки и этруски столкнулись в процессе колонизации Средней Италии. В плодородной Кампании, где возникли греческие города Кумы и Неаполь, вскоре выросли этрусские (или италийские под этрусским господством) города Капуя, Помпеи, Нола, Геркуланум и др. Этруски стремились избавиться от посредничества греков в торговле с приморскими городами Балканской Греции и Малой Азии, для чего пытались, в частности, овладеть Мессинским проливом между Италией и Сицилией. Не случайно все военные действия между греками и этрусками развертывались в VI—V вв. до н.э. в районе Сицилии, Корсики и Средней Италии.

Между этрусками и карфагенянами тоже существовало соперничество. Их торговые и колонизационные интересы сталкивались в VII—VI вв. до н.э. в Сицилии, Сардинии, Корсике, Южной Галлии и Испании. Но появление в Западном Средиземноморье греков заставило соперников объединиться против общего врага. В 535 г. до н.э. этруски (граждане г. Цере) в союзе с Карфагеном разбили греческий флот у побережья Корсики. Это на несколько

десятилетий обеспечило этрускам свободу действий в центральном районе Средиземноморья. Этрусские товары (главным образом металлические изделия и рабы) следовали теперь на Восток через Мессинский пролив без посредничества греков. С одним из греческих городов в Южной Италии, Сибарисом, этруски поддерживали дружеские отношения и успешно сбывали сюда свои товары. Но в 510 г. до н.э. Сибарис был разрушен гражданами другого южноиталийского греческого города, Кротона, а в Мессинском проливе греки установили сторожевой пост. Это явилось первым ударом по этрусской торговле на юге. Вторым оказался разгром греками (сиракузянами) объединенного этрусско-карфагенского флота при Кумах в 474 г. до н.э. С этого времени торговые связи этрусков с Грецией и Ближним Востоком, по-видимому, стали осуществляться через порты Адриатического моря. На этой торговле расцвел в V в. до н.э. город Спина в устье По, крупнейший этрусский порт на Адриатическом море.

Галльский военный набег 390 г. до н.э. подорвал этрусскую торговлю не только на севере, но и в восточном направлении, поскольку часть галлов укрепились к югу от Альп и перерезала пути, соединявшие Этрурию с побережьем Адриатического моря.

Общественно-политический строй этрусков.

Этрусское общество предстает перед исследователями в своих материальных и письменных памятниках и в трудах античных авторов уже несомненно дифференцированным в сословно-классовом отношении, однако данные источников недостаточно определены, поэтому многие вопросы общественного строя этрусков трактуются в науке противоречиво.

Господствующее положение в этрусском обществе занимала военно-жреческая знать. Богатые и влиятельные семьи, по-видимому, гордились своей принадлежностью к древним родам. Вопреки распространенному мнению, что названия некоторых этрусских городов были образованы от имен знатных родов, существует точка зрения, что, наоборот, имена этрусских родов были образованы от названий местностей, в которых располагались их земельные владения в Италии. Из этого делаются выводы, что этрусские роды образовались из разных этнических элементов, у которых не могло быть представления об общем предке, и что создавались эти роды искусственно, из престижных соображений, под влиянием традиционного родового деления окружающих италийских племен.

О богатстве знатных семей и эксплуатации ими многочисленных зависимых людей свидетельствуют их роскошные погребения и в какой-то степени сцены пиров, изображенные на гробничных фресках, а также письменные источники. Предполагается, что экономической основой их могущества являлись крупное землевладение, внешняя торговля, горнорудные промыслы. Характер этрусского землевладения

в целом неясен: некоторые исследователи полагают, что большая часть земель сосредоточивалась в руках этрусской знати; по мнению других ученых, основная масса земли находилась во владении мелких свободных крестьян.

Рядовые свободные граждане этрусского общества не выступают прямо в источниках, но их существование считается вполне вероятным. На основании археологических данных и римских параллелей предполагается наличие у этрусов военной организации свободного населения, а следовательно — существование свободных земледельцев и ремесленников. Изображения пеших и конных этрусских воинов, остатки оружия и колесниц, а также военная реформа Сервия Туллия, этрусского царя в Риме VI в. до н.э., позволяют предположить, что рядовые воины были пехотинцами, а знать сражалась верхом или на колесницах. Предполагается, что этрусские ремесленники были организованы в профессиональные коллегии, однако в этрусских текстах не выявлено термина для обозначения таких коллегий.

Античные авторы отмечают наличие в этрусском обществе домашних рабов и зависимого земледельческого населения, которое они обозначают термином пенесты. При этом Дионисий Галикарнасский поясняет, что пенесты — это коренное население греческой области Фессалии, занимавшееся сельским хозяйством и работавшее на своих завоевателей. Л.А. Ельницкий, специалист по рабству в древней Италии, полагает, что, говоря о пенестах в этрусском обществе, Дионисий «имеет в виду коренное население Этрурии, поработенное тирренскими завоевателями» (Ельпицкий Л. А. Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII-III вв. до н.э. М., 1964, с. 106.). Однако, учитывая, во-первых, обычное для античной традиции противопоставление пенестов и подобных им категорий настоящим рабам и, во-вторых, свойственное Л.А. Ельницкому расширительное толкование понятия «рабство», по-видимому, следует более осторожно толковать слова Дионисия о пенестах в этрусском обществе, как покоренном тирренами местном населении, обязанном какими-то платежами и повинностями в пользу завоевателей, но отличавшемся, однако, в правовом отношении от собственно рабов.

В этрусских текстах для обозначения зависимых людей употребляются термины этера, лаутни, а также, возможно, лете. При современном состоянии изученности этрусских источников невозможно уверенно соотнести термины этрусских текстов с «рабами» и «пенестами» античных источников.

Этрусское рабство, в отличие, например, от греческого или римского, не подвергалось в историографии столь же глубокому специальному изучению. Считается бесспорным, что у этрусов существовало рабство пленных и купленных чужеземцев, но нет единства в оценке его характера. Фрески на стенах этрусских гробниц и сведения античных авторов позволяют утверждать, что рабы широко

использовались в домах этрусской знати в качестве слуг, танцовщиц, музыкантов и т.п. Кроме того, источники указывают на существование у этрусков обычая ритуальных убийств рабов в форме смертельных поединков между ними и травли людей зверями. О последнем позволяет судить, например, фреска в так называемой «Могиле авгуров» в Тарквиниях, где изображена травля собакой человека с завязанным лицом.

О характере этрусского рабства существуют противоречивые суждения. Л.А. Ельницкий оценивает его в целом как «примитивное», указывая на его домашний характер и связь с человеческими жертвоприношениями, которые обычно свидетельствуют о незначительной роли рабов в производстве. По мнению же А.И. Немировского, «у этрусков было более или менее развитое рабовладение». Он считает, что этруски применяли труд рабов не только в домашнем хозяйстве, но и на прямом производстве, например при обработке земли, рытье каналов, добыче металлов, строительстве крупных сооружений, хотя об этом и отсутствуют сведения в источниках.

Итак, несомненно существование рабов у этрусков, но сферы применения рабского труда и в целом характер рабства определяются разными учеными различно.

Другую категорию эксплуатируемых людей в этрусских городах-государствах, по-видимому, составляло некоренное тирренами местное население, которое сопоставляется античными авторами с фессалийскими пенестами, спартанскими илотами и другими подобными категориями подневольного населения.

Политический строй этрусков также известен лишь в самых общих чертах. В течение всей истории этрусского народа у него не было единого государства. В период своей независимости Этрурия, согласно античной традиции, являлась федерацией двенадцати самостоятельных городов-государств, каждый из которых занимал небольшую территорию. Точного списка этрусского двенадцатиградья не сохранилось. По-видимому, в его состав входили Вейи, Тарквинии, Цере, Вольсинии, Рузеллы, Ветулония, Арреций, Перузия, Волатерры, Вольцы, Клузий, а также Фезулы или Нортон.

В случае выбытия одного из членов федерации (например, вследствие военного разгрома) в состав объединения принималось другое государство. Так, после падения Вей, разрушенных Римом в 396 г. до н.э., на их место в федерацию была принята Популония, остававшаяся до этого, несмотря на свое экономическое значение крупного портового города и важного центра металлургии, в составе государства Волатерры.

Наличие в городе-государстве других поселений, кроме главного города, не было редкостью: например, город Цере имел порт Пирги,

город Тарквинии — порт Грависки. Эти портовые города входили в соответствующий город-государство: их свободные жители были его гражданами и воинами объединенного отряда, например отряда Цере и Пирг.

По данным античной традиции, кроме древнейшего двенадцатиградья в Этрурии этруски образовали еще два более поздних — в Северной и Средней Италии. На севере они расселились в обширном бассейне р. По, на западе Средней Италии проникли в Лаций и Кампанию. В процессе колонизации этруски в одних случаях основывали новые города, в других — устанавливали свое господство в городах местного населения. Например, в VI в. до н.э. известно правление этрусских царей в Риме, который зародился как город-государство еще в VIII в. до н.э., а как поселение — и того раньше, в середине II тысячелетия до н.э.

Во главе каждого этрусского города-государства стояли вначале цари-лукумоны. Власть лукумона, подобно власти греческих басилвев, была пожизненной, но не наследственной. Функции лукумона неясны; некоторые полагают, что он был верховным судьей, военным предводителем и главным жрецом государства.

Развитие хозяйства, в том числе широкой внешней торговли, а также завоевания способствовали обогащению и усилению этрусской знати, которая захватывает власть в городах: в VI в. до н.э. царская власть сменяется в этрусских городах-государствах олигархическими республиками.

Каждую весну в главном общеэтрuscoм святилище в городе Вольсиниях собирались главы этрусских государств. К этим собраниям были приурочены общенародные игры и ярмарки. Собравшиеся обсуждали вопросы общей политики, совершали жертвоприношения и выбирали главу союза, который, по-видимому, не имел реальной власти. Правда, считается возможным, что в случае достижения общего решения о совместных военных действиях именно он возглавлял свободное войско городов-государств. Так, предполагается, что Порсена, пытавшийся восстановить власть в Риме изгнанного оттуда этрусского царя Тарквиния Гордого, выступал не просто как царь города-государства Клузия, а в качестве главы федерации. Однако военно-политическое единство этрусских городов-государств достигалось редко: города воевали, мирились, заключали договоры независимо друг от друга и от общего согласия; решения собрания представителей носили характер рекомендаций, а не постановлений, подлежащих обязательному исполнению. Федерация была преимущественно религиозным союзом. Отсутствие военно-политического единства этрусских государств явилось одной из главных причин их поражения в борьбе с Римом, в V в. до н.э., как упоминалось, греки потеснили этрусков на юге Италии; в начале IV в. сильный удар им нанесли кельты на севере. В течение IV—III вв. до н.э. все этрусские города-государства были завоеваны Римом и

полностью лишились политической независимости. Этрусское культурное наследие вошло неотъемлемым элементом в римскую культуру. Долго продолжалось воздействие этрусской культуры и на другие народы. Например, германцы, по-видимому, через посредничество альпийских племен еще в первых веках нашей эры получили руническое письмо, восходящее, минуя латинское, прямо к этрусскому.

Этрусская религия.

Сведения о религии этрусов сохранились лучше, чем о других сторонах жизни их общества. Главными божествами этрусского пантеона были Тин, Уни и Менрва. Тин был божеством неба, громовержцем и считался царем богов. Его святилища находились на высоких, крутых холмах. По своим функциям Тин соответствовал греческому Зевсу и римскому Юпитеру, поэтому не случайно позже в Риме образ Тина слился с образом Юпитера. Богиня Уни соответствовала римской Юноне, поэтому они также слились в Риме в едином образе Юноны. В образе этрусской богини Менрвы видны черты, свойственные греческой Афине: обе считались покровительницами ремесел и искусств. В Риме с развитием ремесел распространилось почитание богини Минервы, образ которой был тождествен Афине-Менрве. Сохранились неопределенные сведения о верховном боге Вертумне (Вольтумне, Вольтумнии). Существует предположение, что это имя — лишь один из эпитетов бога Тина.

Кроме многочисленных высших богов этруски поклонялись также целому сонму низших божеств — добрых и злых демонов, которые во множестве изображены в этрусских гробницах. Подобно хурритам, ассирийцам, хеттам, вавилонянам и другим ближневосточным народам, этруски представляли себе демонов в виде фантастических птиц и животных, а иногда и людей с крыльями за спиной. Например, добрые демоны лазы, соответствующие римским ларам, считались у этрусов покровителями домашнего очага и представлялись в виде молодых женщин с крыльями за спиной.

Главными местами отправления культа служили храмы, в которых помещались статуи божеств. В жертву богам приносили зерно, вино, плоды, масло, животных. Во время семейной трапезы на стол или на очаг ставили маленькую чашечку с едой для демонов — покровителей дома. На погребальных тризнах знатных людей в жертву богам приносили пленных. Предполагается, что этруски заставляли пленных биться между собой насмерть или травили их зверями. Именно в форме поединков рабов на похоронах знати гладиаторские игры были заимствованы в III в. до н.э. римлянами; также заимствовали они у этрусов и травлю людей зверями. Постепенно утратив свой религиозный смысл человеческого жертвоприношения и превратившись в публичное зрелище, эти игрища просуществовали до периода поздней Римской империи.

Большую роль в религии этрусков играло представление о мрачном загробном царстве, где собираются души мертвых. Этрускский бог подземного царства Аита соответствовал греческому богу Аиду.

Важное место в этруском обществе занимало жречество. Жрецы-гаруспики ведали гаданием по внутренностям жертвенных животных, в первую очередь по печени, а также толкованием различных знамений — необычных природных явлений (молний, рождения уродов и т.п.). Жрецы-авгуры гадали по поведению птиц. Эти черты этрусского культа через ряд посредствующих звеньев заимствованы из Вавилонии. В свою очередь, от этрусков их переняли римляне.

Литература:

Неронова В.Д. Этруские города-государства в Италии./История Древнего мира. Ранняя Древность. - М.:Знание, 1983 - с.369-381

Лекция 19: Индия, Средняя Азия и Иран в первой половине I тысячелетия до н.э.

Арийская проблема.

В настоящее время почти весь Северный и частично Южный Индостан населяют народности, которые говорят на индоарийских языках (пенджаби, гуджарати, хинди, урду, маратхи, бенгали и т.д.); в Кашмире, Северном Пакистане и Северо-Восточном Афганистане живут племена и народы, говорящие на индоевропейских дардо-кафирских языках; в большей части Южной Индии распространены дравидские языки (телугу, тамили, канпара, малаяли и др.); в Центральной Индии сохранились языки мунда; в предгорьях Гималаев наряду с индоарийскими зафиксированы тибето-бирманские языки. Кроме того, в Южной Индии проживают малочисленные аборигенные веддоидные племена (название не имеет отношения к «Ведам», религиозным книгам древней Индии). На о-ве Шри Ланка обитают индоарийские по языку сингальцы и дравидские по языку тамилы.

На Иранском нагорье в древнейшие времена в южной его части жили эламиты, родственные по языку дравидам, в северной и западной—вероятно, племена, язык которых был близок кавказским. Ныне Иран, Афганистан и часть Средней Азии населяют преимущественно этнические общности, говорящие на индоевропейских иранских языках: персы, таджики, пуштуны (афганцы) и различные горные народности. Тюркоязычное население появилось здесь впервые в эпоху средневековья.

Индоарийские, дардо-кафирские и иранские языки объединяются под названием индоиранских; все они принадлежат к индоевропейской семье. Прародиной индоевропейских языков обычно

считаются либо широколиственные леса на востоке Центральной и в Южной Европе, либо степные пространства к северу от Черного и Каспийского морей (В недавнее время выдвинута гипотеза первоначальной прародины носителей индоевропейских говоров в Малой Азии, Закавказье и на Армянском нагорье. Однако она не принимается многими лингвистами и едва ли не большинством археологов; особенно маловероятна локализация этой прародины на Армянском нагорье. Эта гипотеза предполагает движение носителей основной части индоевропейских языков с востока на запад — через Среднюю Азию и Восточную Европу; переселение из Закавказья в Среднюю Азию предполагается на ладьях, что весьма маловероятно для такого раннего времени. Индоиранцы по всем гипотезам считаются пришедшими в Иран с севера.). Начало распада индоевропейской общности относят с большой долей вероятности к IV тысячелетию до н.э. С этого времени племена, говорившие на индоевропейских диалектах, распространялись на юг — в Малую Азию (хетты, лувийцы), на юго-запад — на Балканский полуостров (греки, фракийцы) (Более поздними обычно считают движения племен на запад — в Италию (италики), в западные области Европы (кельты, позже германцы), а также в леса Прибалтики (литовцы, латыши), Польши, Белоруссии и далее (славяне). За исключением италиков, эти индоевропейские племена жили вплоть до середины I тысячелетия н.э. в условиях первобытности, составляя часть периферии древнего мира.), а также на восток (индоиранцы).

Историческое языкознание дает нам в руки средства выяснения внешней среды и уровня материальной, а отчасти и духовной культуры — в меньшей степени общественного строя — древних индоевропейских, а позже и специально индоиранских племен. Не останавливаясь сейчас на общеевропейском племенном единстве, скажем несколько слов о племенах времени индоиранского единства, которое, по лингвистическим данным, должно датироваться около середины III тысячелетия до н.э. На существование такого единства указывают большая близость языков древних иранцев и индоарийцев, а также общие явления в культуре и религии; разделение произошло уже после середины II тысячелетия до н.э., когда одна часть племен осела в Иране, а другая продолжала продвижение в Индию.

Среди индоиранцев (и только среди них) был широко распространен термин арья — «благородный». Им называли себя, по-видимому, члены племен, занимавших руководящее положение в существовавших в то время племенных союзах. Поэтому индоиранские по языку племена в науке часто называются и арийскими. Оставшихся в Иране (Древнее название Иранского нагорья — Ариана. Термин «Иран» — более новая форма того же слова «Ариана». Как уже упоминалось, в древней истории термин «Иран» применяется в широком смысле, т.е. ко всей территории нагорья, а не только к территории современного государства Иран.) называют иранцами, а переселившихся в Индию — индоариями или индоарийцами, а языки называют иранскими и индоарийскими соответственно;

промежуточное положение занимают дардо-кафирские языки, причем считается, что появление их носителей в ирано-индийском регионе предшествовало появлению как индоарийских, так и иранских племен. Таким образом, термин «арий» — первоначально социальный, в современном научном употреблении — лингвистический, но совсем не расовый; никакой арийской расы никогда не существовало ни в Европе, ни вне её. При передвижении племен происходило усвоение языков индоевропейской семьи местными племенами различных антропологических типов. Неизвестно также, были ли антропологически однородными первые племена, говорившие на праиндоевропейском языке.

Все три восточные группы индоевропейских племен — дардо-кафиры, иранцы и индоарийцы, — несомненно, прошли через Иранское нагорье, т.е. через территорию нынешних государств Иран и Афганистан. К сожалению, не установлено, ни откуда они двигались, ни какими путями они дошли до окраин нагорья; письменных свидетельств об этом нет, а данные памятников материальной культуры и лингвистические данные археологи и лингвисты все еще толкуют по-разному.

Мы можем с полной уверенностью считать, что индоиранцы были пастушеско-земледельческими патриархальными племенами, причем не только овцеводами, но и коровьими пастухами. Они знали плуг или соху и колесную повозку на сплошных колесах, в которую запрягали, вероятно, главным образом волов. Им, безусловно, была издавна известна и лошадь. Вопрос о том, была ли у них легкая конная колесница, остается пока спорным. Верховая езда (конечно, без стремян) распространилась по крайней мере с середины II тысячелетия до н.э., но кавалерийские военные отряды появились, вероятно, лишь позже.

Существенен вопрос, можно ли определить дату переселения пастушеско-земледельческих племен в Иран и Индию по археологическим памятникам. Есть случаи, когда такие переселения происходили при свете письменной истории, и тогда чаще всего оказывается, что археология не может выявить о них никаких материальных данных. Исключения составляют те переселения, которые сопровождались массовой резней и пожарами. Но чаще новые поселенцы скоро и безболезненно перенимали материальную культуру местного высокоразвитого оседлого населения, приспособленную к местным же условиям. И в Иране все попытки определить на археологическом материале дату появления племен арья неизменно оказывались тщетными (Довольно распространено отождествление древнейших носителей «арийских» языков с создателями серой керамики конца III тысячелетия (на юго-западе Средней Азии) — второй половины II тысячелетия до н.э. (Южный, ныне Иранский Азербайджан). Но и это отождествление оспаривается. Андроновская археологическая культура, распространенная во второй половине II тысячелетия до н.э. в Средней Азии, Казахстане и Южной Сибири, а

также примыкавшая к пей с запада срубная культура довольно надежно приписываются предкам так называемых восточны» иранцев; если так, то это означает, что дардо-кафиров, индоарийцев и «западных иранцев» здесь к середине II тысячелетия до н.э. уже не было.). Поэтому вероятно, что индоарийцы не внезапным нашествием, а отдельными передвижками, разделенными между собой поколениями, мигрировали на юг.

При определении возможных путей их продвижения в Иран совершенно отпадают зоны тогдашних субтропических лесов, непригодных для прогона скота, — Черноморское побережье и южное побережье Каспийского моря, а также высокогорные перевалы, доступные легкому конному войску без обоза, но недоступные для тяжелых примитивных обозных повозок со скарбом, женщинами и детьми и для крупного рогатого скота, т.е. перевалы Большого Кавказа, Гиндукуша и Памира. Отпадают и те районы, где невозможны круглогодичная пастьба скота и подсобное земледелие,— районы менее чем с 250—200 мм годовых осадков.

Подлежат рассмотрению только два пути. Но исключая возможности просачивания отдельных индоиранских (арийских) групп прикаспийским путем через Восточное Закавказье и далее через высокие горы Иранского Азербайджана, следует все же считать основной линией проникновения на юг как дардо-кафирских и индоарийских, так и (вероятно, позже) ираноязычных племен долину р. Теджеи-Герируда (в совр. Туркмении и Афганистане).

Наличие патриархальных, в том числе и патриархально-рабских, отношений как уклада внутри позднепервобытного общества уже на родине индоиранских и некоторых родственных им индоевропейских племен представляется вероятным. Для периода совместного обитания в Иране предков индоарийцев и часть иранцев могут уверенно быть реконструированы (на основании лингвистических данных и свидетельств более поздних религиозных текстов) и некоторые более сложные особенности социального строя, свидетельствующие о сравнительно высоком развитии довольно прочного оседлого, хотя при случае и не лишено подвижности пастушеско-земледельческого общества, где уже возникли постоянные военные дружины и постоянное жречество. Отсюда многие общие для иранцев и индоарийцев патриархальные и правовые институты, и прежде всего одинаковая система деления общества на группы жрецов, воинов и земледельцев-скотоводов с различными не только социальными, но и культовыми функциями и с довольно сложными в обоих обществах бытовыми обычаями. Некоторые ученые, по-видимому без достаточных оснований, относят это трехчленное деление еще к праиндоевропейской общности, между тем как фактически трехчленное сословно-культовое деление засвидетельствовано источниками даже не у всех иранцев — оно неизвестно до поздней древности у «западных» иранцев—мидян и персов. Видимо, на самом деле речь идет о чертах, выработавшихся при совместном

существовании индоарийцев и одной определенной группы ираноязычных племен в условиях достаточно высокоразвитой цивилизации на начальной стадии имущественного и сословно-классового расслоения. Подобную цивилизацию на всем пути продвижения индоиранских племен с их прародины до Индостана можно искать только среди древних культур юга Средней Азии и востока Ирана, таких, как Намазга-депе, Анау, Тепе-Яхья, Мундигак и т.п., о которых шла речь в лекции 7. Если мы примем, что индоарийцы продвигались на юго-восток постепенно, то вполне можем допустить начало их проникновения в Индостан даже в период протоиндской культуры. К моменту же сложения первых индоарийских религиозных памятников («Ригведы», конец II тысячелетия до н. э.) индоарийцы, во всяком случае, находились восточнее пределов долины Инда. На тедженском пути их, таким образом, уже не было; вслед за ними должны были начать продвижение их ближайшие родичи — иранские племена. Конечно, нельзя исключить сохранение в пределах Иранского нагорья некоторых отставших групп индоарийцев (особенно дардо-кафиров), а также реликтовых племен древнейшего населения страны.

Появление индоарийцев в Индии еще не так давно было принято излагать как завоевательное вторжение племен высшей расы, частично истребившей, а частично поработившей и ассимилировавшей местное население, погрязшее в темноте и бескультурье. Открытие индской цивилизации в 20-годах нашего века доказало, что культура доарийского населения северо-запада страны была выше, чем у пришельцев, в разрушении же индской цивилизации, как указывалось в лекции 7, арии, видимо, важной роли тоже не играли.

Никаких данных, которые подтверждали бы факт единовременного и массового вторжения ариев в Индию с завоевательными целями, нет. По-видимому, не позже середины II тысячелетия до н.э. действительно началось просачивание индоарийских (по языку) племен в Индию, но оно было медленным и постепенным. Конечно, отношения пришельцев с местным населением (так же как и между собой) далеко не всегда были мирными, но в конце концов в результате этнических перемещений и взаимных контактов происходило поглощение пришельцев коренным населением Индии; в то же время пришельцы передавали ему свой язык.

Раздел написан совместно обоими авторами

Источники по истории Индии конца II - первой половины I тысячелетия до н.э.

Как уже отмечалось нами, пока трудно утверждать наличие определенной преемственности между индской цивилизацией и последующей историей Индостана. Может быть, за это ответственны и ограниченность источников, и их недостаточная изученность. Да и

характер источников различен. Если для III—II тысячелетий до н.э. почти единственным источником наших знаний о древней Индии являются данные археологии, то для конца II и первой половины I тысячелетия решающее значение сохраняют данные литературных памятников. К тому же и относятся они в основном к другой исторической области — Гангской.

Эти памятники — древнейшая индийская религиозная литература. Она состоит из сборников религиозных гимнов, жертвенных и магических формул, описаний ритуала, толкований и комментариев на священные тексты, но индийцами объединяется одним наименованием—Веда («знание»); в современной науке это название применяется обычно во множественном числе — «Веды». Период первой половины I тысячелетия до н.э., к которому относятся «Веды», часто называется в науке «ведическим». Разумеется, эта литература дает больше всего сведений о религиозных верованиях, но содержит данные и о культуре и экономике; данные же о политической истории крайне редки и разрозненны. Сильно снижает ценность источника неопределенность датировки отдельных частей «Вед». Все же большинство исследователей согласны в том, что мифологические части «Вед» — санхиты (древнейшая санхита — «Ригведа») — созданы в XI—IX вв. до н.э., объяснения ритуала (брахманы) — в VIII—VII вв. до н.э. и древнейшие толкования религиозно-философского характера (араньякц, и упанишады) — в середине и конце I тысячелетия до н.э. Конечно, для историка это слишком широкие пределы, чтобы можно было делать выводы, которые удовлетворили бы всех.

К I тысячелетию до н.э. относятся памятники древнеиндийского эпоса, использование которого историком связано с чрезвычайно большими методологическими трудностями.

Раздел 2 написан Ильвым Г.Ф.

Освоение индоарийцами долины Ганга.

Самым важным достижением в истории Индии с середины II по середину I тысячелетия до н.э. было хозяйственное освоение и заселение долины Ганга, до этого поросшей джунглями. Редкие поселения охотников и земледельцев существовали здесь и раньше; они связываются археологами с так называемой культурой медных кладов, носители которой проникали в долину Ганга с юго-востока. Возможно, что в конце II тысячелетия до н.э. в долину Ганга начинают спускаться и гималайские племена. Но главное направление колонизации шло с северо-запада на юго-восток — из современных Пенджаба и Раджастхана вдоль течения рек Джамны и Ганга. Показателем этого является распространение на восток «культуры серой расписной керамики», связываемое археологами с ариями, создателями «Вед». К середине I тысячелетия до н.э. долина Ганга

была в основном освоена, хотя значительные территории еще оставались под лесами и болотами, особенно в отдаленных районах.

Главным техническим достижением, обеспечивавшим успех в этом грандиозном предприятии, было освоение металлургии железа. Железо, по-видимому, не было принесено в Индию ариями, скорее металлургия железа возникла здесь самостоятельно, так как обнаружен очаг ее в Восточной Индии (Западный Бенгал), относящийся к началу I тысячелетия до н.э.; а в Южной Индии (Майсур) железо появляется даже к XII—XI вв. до н.э., когда о тесных контактах с северо-западом страны говорить еще рано.

К середине I тысячелетия до н.э. и в долине Ганга основной отраслью хозяйства стало земледелие. Ведущим пахотным орудием был плуг, в который запрягали волов. Применялось искусственное орошение посредством каналов; известно было водочерпательное колесо. Из зерновых выращивались ячмень, пшеница, бобовые, просяные разных видов. Все большее распространение получал рис, возделывался хлопок, использовался сахарный тростник. Из масличных культур выращивались кунжут и лен.

Сохраняло важное значение скотоводство. Из домашних животных были известны коровы, буйволы, овцы, козы, ослы, верблюды. Лошади появились только во второй половине II тысячелетия до н.э., возможно в связи с переселением в Индию индоарийцев. Разводили их в основном на северо-западе страны; в глубине долины Ганга и в Южной Индии коневодство и позднее не привилось, так как климатические условия здесь не благоприятствуют разведению и хозяйственному применению лошадей; они использовались главным образом в военном деле. Главную роль в скотоводстве, как и у иранцев, играло разведение коров; в молениях, обращенных к богам, просьба дать обилие коров звучит чаще всего.

У индийцев ведического периода мы не встречаем таких крупных городов, как во времена расцвета индской цивилизации. Настоящие города в глубине долины Ганга возникают довольно поздно; пока не обнаружено ни одного, который можно было бы датировать ранее чем VIII в. до н.э. Да и более поздние не могут идти в сравнение с Мохенджо-Даро и Хараппой. Однако и эти города были не только административными, но и ремесленными центрами. Правда, почти все необходимое для сельского хозяйства производилось в самой деревне, но предметы вооружения, дорогие и высококачественные изделия для нужд знати (транспортные средства, украшения, ткани, посуда и др.) изготовлялись в городе. В источниках мы встречаем упоминания о литейщиках, кузнецах, ювелирах, гончарах, тележниках, плетельщиках матов и корзин, мясниках, цирюльниках, виноделах. Были мастера и более узких специальностей — колесники, изготовители лучной тетивы, вышивальщицы. Это свидетельствует о значительном разделении и специализации в ремесленном производстве.

Известно о существовании профессионального купечества и ростовщиков. В качестве мерила стоимости принимались коровы и наиболее распространенные шейные украшения — нишка. В конце VI — начале V в. до н.э. появляются первые предшественники металлической монеты в виде небольших брусков серебра с клеймом, удостоверяющим качество. Торговля велась сухим путем и по рекам. Упоминание еще в «Ригведе» стовесельных судов позволяет предполагать и наличие мореплавания. Торговые связи со странами Ближнего Востока, судя по косвенным данным, продолжали поддерживаться (Ассирийские цари VIII—VII вв. до н.э. захватывали в низовьях рек Тигра и Евфрата слоповые шкуры и кость, которые попадали сюда морским путем из Индии. Попытка введения культуры хлопка в Ассирии также, вероятно, указывает на связи с Индией.). Как показывает лингвистический анализ переднеазиатской терминологии, Индия вывозила на запад ценную древесину и благовония.

Раздел 3 написан Ильиным Г.Ф.

Общественный и государственный строй Северной Индии в первой половине I тысячелетия до н.э.

У древних индийцев было широко распространено предание «о четырех веках». Согласно этому преданию, в первом из веков, «Совершенном» (Крита), люди жили счастливо, не зная болезней, тяжкого труда, частной собственности и общественного неравенства; все были добродетельны, и потому не было наказаний и государства. В каждом из последующих веков — Трета, Двапара и Кали — добродетельность людей снижалась на одну четверть, и соответственно постепенно ухудшались условия жизни людей. Особенно плох четвертый век, Кали, в котором живем и мы; он называется «темным» и «грешным»; прежние добродетельные нормы и правила жизни постоянно нарушаются, так как люди преисполнились всяческих пороков. Они начали угнетать, обманывать и оскорблять друг друга. Удержать людей от взаимного потребления теперь может только царь и только посредством суровых наказаний: так возникает государство.

Это сказание является искаженным представлением действительного хода исторического процесса. В веке Крита можно усмотреть идеализированное описание первобытнообщинного строя, в веках Трета и Двапара — период возникновения имущественного и общественного неравенства, в веке Кали — период сложившегося классового общества и обострения социальных противоречий. Обращает на себя внимание явное сходство предания с древнегреческим мифом о золотом, серебряном, медном и железном веке, только символика металлов здесь отсутствует.

Ведическая литература содержит самые ранние письменные данные об общественном развитии гангских племен. Сохранялась еще память

о времени, когда предки, объединенные в общины (ганы), вместе владели имуществом, совместно трудились во главе со своими вождями (ганапати), делили поровну плоды своего труда и как единое целое выступали перед богами. Но в наступившие времена все обстояло уже по-другому. Рядовой свободный индеец выглядит экономически вполне самостоятельным хозяином. Одним из показателей этого было проведение жертвенного ритуала, в большинстве случаев для частных лиц, которые, следовательно, располагали достаточными средствами, чтобы нести соответствующие расходы, весьма значительные. Задолженность уже в ранний ведический! период была таким злом, избавления от которого приходилось вымаливать у богов. Обрабатываемая земля находилась в частном владении и пользовании полноправных.. общинников; есть относительно поздние данные о дарении земли, но только царям; о купле-продаже земли сведений ещё нет.

Одновременно происходило общественное расслоение. В «Ведах» уже нашла свое отражение крайняя его форма — появление рабов и рабовладельцев. Даже в «Ригведе» упоминается до ста рабов, бывших в собственности у отдельного лица, а в более поздних памятниках указываются многие сотни и даже тысячи рабов. Конечно, надо делать скидку на поэтические преувеличения.

Древнеиндийский термин даса — «раб» означал первоначально «враг», «чужак», «варвар». Это позволяет предполагать, что первыми рабами были военнопленные, а также мирное население побежденных племен. Хотя предпосылки для возникновения рабства подготовлялись развитием неравенства внутри первобытной общины, однако долгое время члены общины были связаны традиционными родовыми узами, и эти предпосылки могли проявиться в наиболее последовательной форме только за счет чужаков. И только затем появляется порабощение соплеменников. В брахманах уже встречаются упоминания о продаже обедневшими свободными (даже высокородными) своих детей в рабство. Но основным источником рабства оставалась, по-видимому, война. Ничего не известно о работорговле. Все это, а также существование человеческих жертвоприношении позволяет предполагать, что общий уровень развития рабовладения был еще невысок. Очевидно, речь идет о патриархальном рабстве.

Разложение первобытнообщинного строя имело своим следствием не только появление рабства, но и возникновение социального неравенства среди свободных. В древней Индии это выразилось в делении общества на варны — сословия, имевшие жесткий, кастовый характер. Их насчитывалось четыре: брахманы — члены жреческих родов, кшатрии — воины, вайшьи — рядовые свободные общинники и шудры — неравноправные члены общества. Традиционным занятием первых было исполнение жреческих обязанностей, вторых — военное дело и управление, третьих — земледелие, скотоводство, торговля, ростовщичество и четвертых — услужение трем высшим.

Принадлежность к варнам определялась рождением и наследовалась. Браки между членами различных вари в принципе не считались законными, особенно между мужчиной низшей и женщиной высшей варны.

Неравенство между варнами древние индийцы объясняли естественным различием между людьми по степени их природного благородства. Высшими считались брахманы, затем шли кшатрии, затем вайшьи, и воплощением низменности душевных качеств объявлялись шудры. Соответственно объяснялось, что брахманы произошли из уст, кшатрии — из рук, вайшьи — из бедер и шудры — из ступней мифического первочеловека, принесенного богами в жертву. Позже сотворение варн приписывалось богу Брахме, создавшему их из тех же частей своего тела.

Наиболее заметной чертой древней системы варн было противопоставление трех высших четвертой, состоявшей из потомков чужаков, лишившихся земли, защиты и помощи сородичей и однообщинников, а также из подчиненных и неполноправных племен. Отличие шудр подчеркивалось тем, что они не проходили в детстве обряда посвящения (инициации), считавшегося равным второму рождению, почему члены трех высших варн и назывались «дваждырожденными». Тем самым шудры подвергались ряду ограничений в религиозном культе (запрещение читать и слушать чтение «Вед», участвовать в жертвоприношениях, поминках) и общественной жизни — они не могли занимать ответственные должности в правительственном аппарате, не имели права на землю и занимали подчиненное место в хозяйственной деятельности.

Сословное деление было присуще и другим древним обществам, но в древней Индии оно отличалось четкостью и прочностью. Это можно объяснить особенно острой в условиях этой страны заинтересованностью господствующего класса во внеэкономическом принуждении трудящихся. Индийская природа была богата естественными и относительно легко доступными-продуктами питания (обилие дичи и рыбы, дикорастущих злаков, орехов, плодов, ягод и т.д.), а потребности в жилье и одежде в условиях индийского климата были минимальными. В этих условиях заставить одних работать на других можно было только внеэкономическими средствами. В отношении одних тружеников это достигалось прямым обращением в рабство; в отношении же тех, которые по разным причинам в рабство обращены не были, постепенно сложилась целая система социального и идеологического принуждения — сословно-кастовый строй. Кроме того, в условиях этнической пестроты, частых распадов одних государств и племенных союзов и образования других господствующие слои общества стремились к жесткости сословных делений, чтобы обеспечить необходимую для сохранения привилегий высших варн организационную структуру и поддержание классовой и сословной солидарности при всех возможных колебаниях в

соотношении сил между племенами, границ между государствами и при прочих изменениях в политической сфере.

Органы государственной власти возникали постепенно, незаметно вырастали из племенных и общинных органов управления одновременно с обострением социальных противоречий. Тем не менее в народной памяти (как указывалось выше) сохранилось воспоминание о времени, когда такой власти не было.

К середине I тысячелетия до н.э. государства в долине Ганга уже вполне оформились. Большинство их были монархическими; такие характерные для первобытнообщинного строя институты, как племенное собрание, общинная сходка, народный суд, потеряли в них свое прежнее значение или исчезли вовсе.

Царь (раджа) был верховным распорядителем государственного имущества, и в первую очередь земли, командовал войском, возглавлял управление и считался главным защитником дхармы (правил добродетельной жизни). Власть царя была наследственной, хотя иногда требовалось формальное утверждение его кандидатуры народным собранием — как пережиток времени, когда раджа был вождем племени или клана. Соответственно роли, которую играл царь, его личность всячески возвеличивалась, коронация развилась в пышный обряд, имевший сакральный характер.

В республиках, называвшихся гана или сангха, как и древние общины, пережитки племенной демократии держались прочнее.

Государственный аппарат был еще несложен, но некоторые постоянные должности уже определились: придворный жрец, военачальник, казначей, сборщик налогов; в «Ригведе» упоминается даже шпионская служба. Самым древним из известных налогов был бали; первоначально он был, вероятно, добровольным взносом общинников на содержание племенного вождя и поддержание племенного культа, но мы знаем его уже как обязательный налог, равными 1/6 урожая.

Государства в то время были небольшими, а политическая карта сложной и постоянно менялась. Лишь к середине I тысячелетия до н.э. начался процесс поглощения мелких государств несколькими более сильными. Племена часто меняли места поселения, захватывали чужую землю или теряли свою; одни из них гибли или рассеивались, другие побеждали и росли за счет более слабых племен или их осколков. Государства возникали и распадались, менялись их названия, территории и царствующие династии, так что связной политической истории ведического периода написать пока невозможно.

Наиболее важными государствами, по-видимому, были Кошала (в нынешнем штате Уттар-Прадеш) и Магадха (в нынешнем штате Бихар).

Сами эти государства и некоторые из их царей известны не из надписей и не из документов, а из разрозненных упоминаний в религиозной литературе; но так как указания на них содержатся в весьма разнородных источниках, например в джайнистских, буддийских и брахманистских (о которых см. лекцию 26 в книге «Расцвет древних обществ»), и эти указания в целом не противоречивы, то можно предполагать, что какая-то более или менее достоверная историческая традиция в этой части Индии все же была.

Ещё большей политической и социальной нестабильностью отличалась Индская область, так как она в гораздо большей мере была подвержена внешним опасностям. Что касается Южной Индии, то имеющиеся о ней данные пока не позволяют давать даже такие общие оценки.

Раздел 4 написан Ильиным Г.Ф.

Ведическая религия и культура.

Религия племен долины Ганга все ещё сохраняла близость с религией древних иранцев. Общим были присущи культ огня, культ предков, использование при важнейших обрядах особым образом приготовленного напитка — сомы (у иранцев называвшегося хаома). Можно обнаружить много примеров сходства в терминологии и соответствий в пантеоне и мифологических персонажах.

Как и другие народы древности, индийцы верили, что жизнь природы и общества идет в соответствии с предписаниями богов (дэвов)—существ, подобных людям, но обладающих сверхъестественным могуществом. Из них главными были три: Индра — бог-громовержец и воитель, раджа среди богов; Агни — бог огня, хранитель дома, посредник между людьми и богами; Сурья — бог Солнца, враг мрака и холода. Женские божества в религии «Вед» уже потеряли значение. Кроме-дэвов признавали и другой род сверхъестественных существ — асуров, но принадлежавшие к ним божества, например бог неба Варуна, бог света и договоров Митра, играли меньшую роль, были как бы дальше от человечества.

Поскольку считалось, что мир существует и люди преуспевают только благодаря богам, а боги живут жертвоприношениями, главным для верующих было принесение им жертв. В угоду им закалывались животные, в костер бросали хлебные зерна, лили топленое масло, молоко, а также сому; бог Луны Сома считался одновременно божеством этого напитка, дающего богам неограниченное долголетие и могущество. Некоторые обряды отличались сложностью и дороговизной; для их совершения и произнесения соответствующих текстов и формул требовались люди специально подготовленные. Значение варны брахманов основывалось главным образом на их роли в культе, на обладании ими «священным знанием» (ведой). Расходы

на совершение обряда нес тот, в пользу которого он исполнялся, а расходы на государственный культ — царь. Ни храмовых хозяйств, ни самих храмов как постоянных мест богослужения в ведической религии не было.

По представлениям древних индийцев, сохраняющимся и в современном индуизме, тело смертно, а душа вечна, после смерти тела она переселяется в другое тело, а в какое именно — зависит от поведения человека в прошлой жизни; поэтому само понятие «действие» (карма) означает не только поведение, но и воздаяние, с которым оно неизбежно составляет единство. Душа добродетельного возрождается среди более высоких существ, греховного — среди низших. Социальный смысл учения о карме заключается в том, что угнетенное положение труженика объясняется воздаянием за его «греховное» поведение в предшествующей жизни, он сам виноват во всем. Привилегированное же положение знатных и богатых — просто вознаграждение им за их добродетельность в прошлой жизни. Что такое грех и добродетель — определялось господствующей идеологией, которая объявлялась данной богами. Учение о карме как средство идеологического воздействия на народ оказалось для господствующего класса столь удобным, что стало основой морально-этического учения во всех индийских религиях и сохраняет свое положение вплоть до настоящего времени.

В рассматриваемый период появляются зародыши научного изучения действительности, но характерно, что появляются они все же в дисциплинах, предназначенных для изучения «Вед», — фонетике, грамматике, этимологии, астрономии: мышление оставалось прежде всего религиозным. Однако немалы были достижения и в математике: так, индийцы задолго до греков (но, по-видимому, позже вавилонян) знали теорему, носящую имя Пифагора. Известно о существовании профессиональных врачей, умевших определять и лечить более сотни различных болезней и знавших лечебный эффект многих природных веществ.

Храмов и сложных погребальных памятников древние индийцы не возводили, хотя обряды были и сложными и дорогими. Образ жизни даже знати был еще простым, города немногим отличались от деревень. Дворцов не было, и достижения индийцев в искусствах можно считать скромными.

От ведического периода до нас дошла в основном религиозная словесность. Жанры её разнообразны: гимны богам, восхваления жрецами щедрых дарителей, жертвенные формулы, заклинания, описания ритуалов, религиозно-мистические сочинения. Иногда тексты отличаются красочностью и богатством художественных средств. В рассматриваемый период «Веды» еще не были записаны, а передавались от учителя к ученику изустно, и до сих пор не обнаружено ни письменной литературы, ни самой письменности ведического периода. Древнеиндское письмо вымерло вместе с

культурой Мохенджо-Даро и Хараппы, а первые памятники индоарийских слоговых видов письменности, которые, по-видимому, не связаны с древнеиндской, дошли лишь от, IV—III вв. до н.э. Тем не менее представляется вероятным, что первая индоарийская письменность сложилась ранее — вероятно, не позже первой четверти I тысячелетия до н.э.

Раздел 5 написан Ильиным Г.Ф.

Иран и Средняя Азия в первой половине I тысячелетия до н.э.

Еще недавно считалось, что между приходом индоарийцев в Индостан и приходом иранцев в Иран прошел большой промежуток времени. Однако есть ряд косвенных данных, которые заставляют думать, что иранцы пришли в Иран сразу вслед за уходом индоарийцев или даже что они некоторое время одновременно находились на Иранском нагорье. Какая-то группа индоиранцев (может быть, дардо-кафиров), почитавшая Индру и других индоарийских дэвов, соприкоснулась еще в XVI в. до н.э. с переднеазиатским народом хурритов (по всей вероятности, в нынешнем Иранском Азербайджане) и, как мы видели (см. лекцию 8), дала индоиранскую династию одному из важнейших хурритских государств — Митанни. «Западные» иранцы, предки персов и мидян, еще и в XII в. до н.э. не достигли мест своего будущего обитания, но возможно, что восточная часть Иранского нагорья по долине р. Теджен-Герируд была заселена иранскими племенами уже к середине II тысячелетия до н.э. Так, можно предполагать, что жители предгородских поселений Южной Туркмении (Намазга VI), Восточного Ирана и Афганистана в середине II тысячелетия до н.э. были либо индоарийскими, либо уже иранскими по языку. Другая южнотуркменская культура, Яз I (с IX в. до н.э.), представляется уже несомненно иранской. Быть может, где-то на просторах нагорья «западные» ираноязычные племена освоили и легкую конную колесницу, игравшую в дальнейшем такую важную роль в их культуре. «Востокиранские» по языку племена (согдийцы, хорезмийцы, саки, скифы и др.) продолжали также жить на всем пространстве степей от Дуная и Черного моря до Средней Азии и северной окраины Иранского нагорья в течение I тысячелетия до н.э. К началу нашей эры они почти не продвинулись на территорию Иранского нагорья (в широком смысле), оставаясь, за исключением бактрийцев, в Средней Азии, Казахстане и Восточной Европе.

Для оценки культуры населения Средней Азии и Ирана как возможного отражения его этнической истории весьма интересна смена здесь обряда погребения, по-видимому развивавшегося (по крайней мере у части жителей изучаемой зоны) от трупосожжения (занесенного индоарийцами также и в Индостан) к позднему иранскому обряду выставления трупов, на растерзание хищникам и птицам и захоронения только расчлененных костей. В основе

последнего обряда лежало представление о недопустимости осквернения трупом чистых стихий — огня, воды и плодородной земли, — вероятно, потому, что существовал культ плодородной земли, воды и огня. Обряд выставления трупов письменно и археологически засвидетельствован лишь в значительно более поздний период. В погребениях XIV—XIII вв. до н.э. между устьями рек Кафирниган и Сурхапдарья в нынешнем Таджикистане обнаружен обряд трупосожжения. В эпоху культуры Намазга VI в могиле продолжали разводить костер, не труп не сжигали, а укладывали в скорченном положении на боку. В Южном Таджикистане конца II—начала I тысячелетия до н.э. трупосожжение заменяется обрядом трупоположения. Трупоположение скорченных костяков с инвентарем все еще наблюдается и в Центральном Иране, и в большей части Средней Азии на рубеже II и I тысячелетий до н.э. и позже. Но в Южном Таджикистане первой трети I тысячелетия до н.э. погребали так: на дне земляной ямы устанавливался каменный ящик, в который укладывали (без сопровождающего инвентаря) расчленённый труп, крытый тростником. Такое захоронение отражает попытку предохранить стихию плодородной земли от оскверняющего соприкосновения с трупом. Таким образом, иранский обычай охранять от трупной скверны чистые стихии, несомненно связанный и с культом огня, видимо, возник в южных оседлых районах Средней Азии или в Восточном Иране в первой трети I тысячелетия до н.э. К середине VI в. до н.э. он распространился до Мидии и Персии, но там был еще внове и применялся не всеми. С этим обрядом связано представление об авестийской цивилизации.

Раздел 6 написан Дьяконовым И.М.

«Авеста» и зороастризм.

«Авестой» называется священная книга иранской религии зороастризма, написанная на языке, среднем между восточноиранским (хорезмийским, согдийским, бактрийским) и западноиранскими (мидийским, персидским, парфянским). Ни место, ни время её создания в точности не известны. Можно сказать об этом лишь следующее: во-первых, все части «Авесты» написаны до возникновения великой Персидской державы во второй половине VI в. до н.э., так как не содержат ни следов знакомства с государствами Мидией и Персией, ни разработанной персидской административной терминологии, которая, однако, оказала глубокое влияние на все языки, от Греции до Индии между VI и IV вв. до н.э.; во-вторых, период создания «Авесты» был довольно длительным; в-третьих, важнейшая часть «Авесты» — стихотворные проповеди законоучителя Заратуштры (Зороастра) — появилась в результате религиозно-философской реформы, что могло произойти лишь в условиях цивилизации, хотя, возможно, и довольно примитивной. Далее мы увидим, что эти соображения вынуждают нас датировать «Авесту»

между IX и началом VI в. до н.э. (хотя предложены и другие даты, с разбросом от позднего неолита до VI в. до н.э.).

После 1000 г. до н.э. территория земледельческих культур в южной части Средней Азии и Восточном Иране значительно расширилась. Происходит постепенный переход от бронзы к железу с широким использованием вод не только предгорных ручьев, но и таких рек, как Теджен, Мургаб, Амударья. Эти культуры известны между X и VII или VI вв. до н.э. в древней Гиркании (у юго-восточного угла Каспийского моря), в Парфии (на юге нынешней Туркмении), вероятно, в Арее (долине р. Теджен-Герируд), в Маргиане (оазис Мары), в Согдиане (в долине р. Зеравшан), в Бактрии (на левобережье р. Амударьи) и в Дрангиане (на юго-западе нынешнего Афганистана).

Разрозненные неясные сведения греческих авторов, подтвержденные и данными «Авесты», заставляют предполагать существование в IX-VII вв. до н.э. в этих областях значительных политических объединений. Можно ли назвать их государствами? Против такого определения говорит то, что здесь пока не найдено никаких памятников письменности; однако же истории человечества известны государственные образования, не знавшие письма (например, в Африке); не забудем также, что эламская иероглифика была известна жителям Иранского нагорья с начала III тысячелетия до н.э.

Вся история древнего Востока показывает, что древнейшие государства вырастают не из племенных союзов — сразу в виде целых империй, а на основе отдельных территориальных общин, которые естественно тяготеют к одному центру (горная долина, магистральный оросительный капал), т.е. большей частью в виде городов-государств или номов. Надо полагать, что на востоке Ирана и в Средней Азии, как и на западе Ирана, большим объединениям предшествовали мелкие «городские» центры и мелкие предгосударственные и государственные образования.

Однако данные «Авесты» указывают на существование по крайней мере одного крупного объединения уже после периода мелких политических единиц, но ещё в доахеменидское время, т.е. до середины VI в. до н.э. (точнее, не в непосредственно доахеменидский период, а раньше, поскольку никакие античные источники не указывают на прямое завоевание этого более древнего объединения ни Мидией, ни Персией).

Одна из самых древних частей «Авесты» — гимн богу Митре, покровителю договоров, — свидетельствует, что в эпоху ее составления, т.е. предположительно в IX-VII вв. до н.э., существовало государство или, скорее, военный союз племен и общин под названием Арьюшайана, охватывавший долину рек Теджен-Герируд и Мургаб (на территории как нынешнего Афганистана, так и Туркмении), а также среднее течение Амударьи и окрестные области, быть может вплоть до пределов Хорезма (низовья Амударьи)(Следует

отметить, что названия стран, упоминаемые «Авестой», а позже древнеперсидскими надписями, по крайней мере частично, были первоначально названиями племен, порой занимавших меньшие территории, чем названные по ним впоследствии страны, — иногда, быть может, и несколько иные территории. Поэтому возможно, что пределы Арьюшайаны нами преувеличены; особенно сомнительно включение в нее Хорезма.). Это объединение называли также Арьянам-Вайджо; позже это наименование было перенесено на Хорезм, а еще позже стало полумифическим названием отдаленной северной прародины ариев. По преданию, создавать объединение начал некий Кавата с титулом кави («певец», или «прорицатель»), родом, видимо, из Дрангианы в Юго-Западном Афганистане. Племенное происхождение его (помимо того что он был ираноязычен) неясно. Позже Арьюшайана была завоевана вождем иранских же (хорезмийских?) кочевников-тура (туранцев, одного из скифско-сакских племен) Франграсьяпом (В позднейшей легенде — Афрасиаб. Широко распространенное вплоть до начала XX в. обозначение тюркоязычных племен как «туранцев» основано на старинной ошибке.); однако Франграсьян был убит у «глубокого озера с солеными водами» (Аральского моря?) потомком Каваты — Кави Хаусравой, который и объединил всю Арьюшайану.

Общественный уклад Арьюшайаны известен из «Авесты», по довольно поверхностно. В нем были (в небольшом числе) патриархальные рабы; она, как и индоарийское общество, делилась на три сословия — воинов, жрецов и земледельцев-скотоводов. Основной хозяйственной ячейкой был, как и в Передней Азии, «дом» (дмана.), т.е. большесемейная патриархальная община; во главе группы «домов» — рода (вис) — стоял тоже своего рода патриарх; следующая ступень — племя, видимо, к тому времени стало терять свое значение. Еще выше стояла «страна» (дахью), по размерам несколько больше номовых общин Месопотамии, но аналогичная по структуре. Во главе «страны» стоял вождь-военачальник (састар), правивший совместно с советом старейшин или па-родным собранием.

В Арьюшайане при дворе более позднего (и, видимо, значительно менее могущественного) правителя, Кави Виштаспы, жил проповедник Заратуштра, создавший новую религиозно-философскую систему. Время его жизни неизвестно, хотя в позднейшие времена не раз делались попытки его вычислить. Сравнительно достоверное предание помещало его за десять поколений до Александра Македонского, т.е. в VII в. до н.э.

Надежные сведения об учении Заратуштры дают только его стихотворные проповеди, так называемые «Гаты». Из них видно, что Заратуштра осуждал трату (особенно иранцами-кочевниками) жизненно необходимого земледельцам рогатого скота на жертвы дэвам, которых он почитал за ложных богов, почти нигде, однако, не называя их по имени, и проповедовал почитание высшего бога творца, Мазды Ахуры (позже он назывался Ахурамазда, Ормузд; ахура по-

ирански — это то же, что асура по-индоарийски, один из двух родов божеств)(Заратуштра по первый поклонялся Ахуре Маздо: божество под этим именем почиталось, по-видимому, в Иране гораздо раньше. Предполагают, что это прозвище («Премудрый ахура или асура») прилагалось к тому богу, которого индоарийцы называли Варуной.). С Ахурой Маздой, окруженным благими духами, олицетворяющими добродетели и в то же время благие стихии мира: огонь, воду и плодородную землю, борется Ангхро Манью (Ахриман), возглавляющий духов, олицетворяющих зло. Долг каждого верующего земледельца — защищать скот (который имеет своего особого духа-покровителя), возделывать землю, не осквернять добрые стихии, придерживаться добродетелей. и тогда после смерти он войдет в рай Гаро-дмана, путь куда проходит по «мосту душ», узкому, как топкий волос или как лезвие ножа. В конце веков придет потомок Заратуштры, чудесный Спаситель, и Ангхро Манью будет побежден; впрочем, это последнее верование, как и наказ верующим убивать вредных животных и насекомых и выставлять трупы на съедение птицам во избежание осквернения стихий, было введено, надо полагать, уже после Заратуштры. Как и другие вероучители реформаторы древности, Заратуштра обращал главное внимание на религиозно-философскую и нравственную проповедь, вследствие чего в дальнейшем и оказалось возможным соединить более общепонятные элементы его учения со старинными традиционными культами индоиранских богов. По той же причине и позднейший зороастризм сохранял много черт самой первобытной обрядности.

В конце своей долгой жизни Заратуштра погиб от рук бактрийских кочевников — хьяуна (хионитов?), воевавших против царства Кави Виштаспы; погибло и само царство.

На его месте, судя по преданиям позднейших времен, образовалось царство Бактрия на среднем и верхнем течении Амударьи (столица Бактра, или Балх, была расположена на территории совр. Афганистана). Это царство просуществовало до середины VI в. до н.э., когда было завоевано мидянами и персами. Название Арьёшайана, или Арьянам-Вайджо, стало либо полумифическим, либо (в форме «Ариана») общим обозначением ряда стран, где жили арии. Бактрийское царство помнили лучше, и в позднейшей легенде Виштаспу и его двор стали помещать в Балхе.

Но ученики и последователи Заратуштры остались. Правда, воспоминания о точном содержании его учения были смутными, и к Заратуштре возводили довольно различные и взаимно противоречивые верования. «Гаты» Заратуштры и другие произведения зороастризма лет пятьсот сохранялись устно. Позже в священную книгу «Авесту» вошли и гимны богам — Митре, богу договоров, Анахите, богине рек и плодородия, священному (хотя и запрещавшемуся самим Заратуштрой) напитку хаоме (соем индийцев) и т.д. Эти гимны («Яшты»), вероятно, были сочинены еще задолго до Заратуштры, но их нашли возможным включить в «Авесту» по той

причине, что вероучитель в своих стихотворных проповедях оставил ниспровергаемых злых дэвов безымянными. Далее, в «Авесту» вошли «Ясна» и «Виспрат» — молитвенно-ритуальные тексты: в составе «Ясны» сохранились и «Гаты» Заратуштры; и, наконец, «Видевдат» — книга обрядовых запретов и религиозных кар и штрафов за их нарушения, явно более поздняя, чем время Заратуштры, но все же вряд ли моложе VI в. до н.э. Были в «Авесте» и другие книги, но они не сохранились — из них известны лишь цитаты в поздних правовых и других сочинениях да названия в общем оглавлении «Авесты», восходящем к IV—VI вв. н.э.

Видимо, вскоре после гибели учителя часть его учеников переселилась в Западный Иран — в Мидию, где обратила в свою веру одно из мидийских племен — магов. Впоследствии «маг» стало синонимом понятия «зороастрийский жрец». Здесь, в Мидии VII в. до н.э., как мы увидим в следующей книге, учение Заратуштры в толковании магов стало первой в мире официальной государственной религией. Мидяне и персы поселились на запада и юге Иранского нагорья не позже IX в. до н.э., но и ранее того находились в тесном общении с более древними автохтонными цивилизациями. Так, персы заняли Аншан — прежде важную часть Элама.

По всему западному и центральному Иранскому нагорью на рубеже II и I тысячелетий до н.э. существовала культура городов-крепостей. Именно с этими городскими культурами столкнулись здесь ассирийские завоеватели в IX—VII вв. до н.э.

Раздел 7 написан Дьяконовым И.М.

Литература:

Ильин Г.Ф., Дьяконов И.М. Индия, Средняя Азия и Иран в первой половине I тысячелетия до н.э./История Древнего мира. Ранняя Древность.- М.:Знание, 1983 - с.382-400

Лекция 20: Первые государства в Китае.

В лекции использованы материалы Малявина В.В. и другие, имевшиеся в распоряжении редакционной коллегии.

Общие замечания.

Все еще к раннему периоду древности, хотя и к его самому последнему отрезку, относится создание цивилизации на крайнем востоке Старого Света — китайской.

Считается, что значительная часть древних племен не только нынешнего собственно Китая, но также Тибета, Бирмы, Таиланда и Северного Вьетнама говорила на языках сино-тибетской (китайско-

тибетской)(В сино-тибетскую языковую семью в настоящее время входят помимо китайского (ханьского) со многими, частично взаимно непонятными диалектами также вьетнамский и языки тибето-бирманской ветви, включающие кроме тибетского и бирманского также каренский в Бирме и Таиланде и ряд мелких языков в Ассаме (Индия), Бирме и Юго-Западном Китае; к той же семье могут быть отнесены тайские языки: тайский, или сиамский, в Таиланде, шанский в Бирме и ряд других. По гипотезе С.А. Старостина и С.Л. Николаева, сино-тибетские языки (и кетский на Енисее) входят в другой языковом порядок, нежели языки лостратические (куда входят индоевропейские, финно-угорские, алтайские, картвельские, афразийские и т.п.). Однако деление языков на порядки не соответствует (как можно было подумать) делению человечества на первичные большие расы. Так, монголы, принадлежащие к монгольской расе, и хауса в Нигерии, принадлежащие к негроидной расе, относятся по языку к ностратическому порядку, а северокавказцы, которых в расовом отношении считают европеоидами, к постратическому языковому порядку не относятся.

Прародину первых носителей языков сино-тибетской языковой семьи следует искать на востоке Азиатского континента (Юго-Восточная Азия была долго заселена племенами, близкими к веддам Индии, негритосам Филиппин, меланезийцам Тихого океана). — Примеч.ред.) семьи. Лишь некоторые из этих говоров, особенно распространенные в бассейнах Хуанхэ, Яндзы и южнее, легли в дальнейшем в основу позднейшего китайского языка. Полагают, что, возможно, уже в V тысячелетии до н.э. в бассейне Хуанхэ существовал как самостоятельная единица отдаленный предок китайского языка. Однако общего самоназвания — ханьзкэнь, как теперь называют себя китайцы, не существовало вплоть до позднего периода древности. К этому же времени восходит и нынешнее наименование китайской письменности — ханьцзы (ханьское письмо).

Надо сказать, что ни один из народов КНР никогда не называл свою страну Китаем, а себя—китайцами. Принятые у нас, эти названия произошли от передачи тюрками этнонима кидань (пытай, Китай) — народа, образовавшего в средние века огромную империю на территории Маньчжурии, Монголии и части Северо-Западного Китая. Самоназвание же народа, создавшего на территории Китая совместно с другими народами Восточной Азии одну из великих мировых цивилизаций, которая сохранила преемственность на протяжении тысячелетий и продолжает развиваться поныне,— «ханьжэнь», или «ханьцы» — происходит от наименования дальневосточной империи эпохи поздней древности — Хань (202 г. до н.э.), хотя засвидетельствовано в памятниках лишь значительно позже. Предшественница Хань — империя Цинь (221—206 гг. до н.э.) также не была забыта в мировой истории: к ее имени восходят европейские названия Китая со времен античности — латинское Sinae, французское Chine, английское China.

Государственные образования, возникавшие в пределах Китая, вплоть до династии Цинь, осуществившей объединение страны, не были результатом исторического развития одних ханьцев. На территории Китая начиная с эпохи каменного века обитало множество разных этнических общностей (предположительно наряду с разными племенами — носителями сино-тибетских языков, носителями языков тунгусо-маньчжурской семьи, австронезийской семьи и т.п.). Они создавали свои самобытные культуры; к тому же экологические факторы обуславливали образование на этих территориях целого комплекса устойчивых этнокультурных ареалов, по своим масштабам соответствовавших целым странам. Лишь синтез этих культур сформировал на протяжении веков тот удивительный культурно-исторический феномен, который мы называем китайской цивилизацией. До того как возник термин «ханьцы», протокитайцы наделяли себя разными самоназваниями, среди которых нам известен как один из самых ранних и, пожалуй, доминирующий собирательный этнический термин — этноним хуа. Судя по древнейшим надписям конца II тысячелетия до н.э., другими ранними самоназваниями населения бассейна Хуанхэ, колыбели древнекитайской цивилизации, были шан и чжоу. Хуа, шан (Не смешивать с современными шанцами, живущими в Бирме.) и чжоу с известными оговорками можно считать наиболее древними из известных нам этнонимов носителей бронзовой культуры в Северном Китае.

Надо заметить, что территория обитания хуа и других далеких предков современных китайцев сначала охватывала лишь небольшую часть нынешней Китайской Народной Республики. Поэтому, рассматривая древнюю историю Китая, целесообразнее говорить не о «древнем Китае» вообще, а об «Иньском Китае», территориально ограниченном сроднен частью бассейна Хуанхэ, или «Чжоуском Китае», занимавшем значительную часть бассейна Хуанхэ и северную часть бассейна Янцзы. Лишь «Цинь-Ханьский Китай» был своего рода древней «вселенской» империей, охватившей весь собственно Китай. Но не одни лишь протоханьцы (хуа) и ханьцы занимали в те времена его территорию: взаимодействие разных этносов и различных общественных укладов продолжалось во все периоды истории «древнего Китая».

Принципиальное (в социально-экономическом и политическом плане) единство империй Цинь и Хань несомненно; ведущая роль ханьской народности в этой огромной древневосточной деспотии окончательно определяется с конца III в. до н.э.

Древнее общество на территории Китая представляет собой самостоятельный замкнутый социальный и политический комплекс с особыми, присущими древним обществам закономерностями и узловыми вехами развития. Вместе с тем древнекитайское общество является одним из важнейших звеньев в мировой цепи цивилизаций древности. Однако есть понятия, привычные для позднейших времен и современности, которые для этого общества либо вовсе не приемлемы,

либо обладают применительно к нему иным смыслом. Так, в древнем мире Китая люди, как правило, не знали «национальной», языковой или расовой розни. Основная антагонистическая общественная грань пролегла между свободными и несвободными. Понятие «рабство» было и синонимом «варварства», «бескультурья», в противоположность «культурности» истинно благородных «господ» (цзюнь-цзы). И наоборот, люди некитайской культуры именно поэтому третировались (а не по национальному или расовому признаку) как низшие, «варвары». Показательно, что термин «ханьжэнь» как символ осознания этнического единства китайской народности появляется лишь в конце древности. Прежде всего осознавалось приобщение к миру сначала Чжоуского объединения, а потом Цинь-Ханьской империи, соседних с нею стран, племен и народов. Это выражалось в добровольном или вынужденном принятии ими, сначала хотя бы номинально, официальной идеологии и культуры этой империи (в конце древности — ортодоксального восточнотаньского конфуцианства), что, естественно, предполагало социально-культурную ассимиляцию прежде всего аристократии с включением в состав правящего класса империи. Общественные низы недавних «варваров» органически смыкались при этом с «ханьжэнь», угнетенными массами коренного населения империи, о чем свидетельствует, например, мощный взрыв восстания «Желтых повязок», охватившего все области Позднетаньской империи, как в центре, так и на периферии.

Как шанцы и чжоусцы в бассейне р. Хуанхэ, так и многие другие этносы, обитавшие с эпохи каменного века на огромной территории — от Тибета до Восточно-Китайского моря и от пустыни Гоби и степей Монголии до берегов Тихого океана, по своему физическому типу и этническому облику почти не отличались от современных китайцев и других народов КНР. Все основные антропологические типы, существующие сейчас на территории Китая и сопредельных стран, сложились уже в неолите. Антропологическая и культурная преемственность в эпоху древности наблюдается в пределах всей Юго-Восточной Азии. Несомненна этнокультурная общность древнего населения Южного Китая (в том числе всего бассейна р. Янцзы почти вплоть до р. Хуанхэ) и Юго-Восточной Азии, как несомненно и то, что древние племена Северо-Восточного Китая, Маньчжурии и Кореи составляли на заре человеческой истории общую историко-этнографическую область — особый культурный мир Ся. Культура населения бассейна Хуанхэ входила в эту область, хотя ее носители проявили себя на арене истории, возможно, несколько позже.

Говоря о древнем Китае, мы будем иметь в виду всю территорию, на которой в эпоху древности происходили отмеченные выше процессы, — восточнее нагорий Тибета, к югу от Маньчжурии и Кореи, к северу от земель горных районов, отделявших Китай от Индокитая. В древности этот Китай этнически разделялся на две части — северную, тяготевшую к бассейну Хуанхэ, и южную — от долины Янцзы до берегов Южно-Китайского моря. По мнению сторонников

полицентрической гипотезы антропогенеза, территория Китая входила в область возникновения *Homo sapiens sapiens*, участвуя в процессе формирования восточной ветви человечества. Китай — одна из прародин земледелия и скотоводства. Здесь определяются два самостоятельных очага зарождения растениеводства — зерновых культур проса и чумизы в Северном Китае и рисоводческого и огородно-садоводческого земледелия в Южном Китае, связанного с древнейшим мировым очагом земледелия в Юго-Восточной Азии, восходящим, возможно, к IX—VII тысячелетиям до н.э. (ср. находки в Пещере Духов в Таиланде)(Несмотря на древность здесь земледелия и горнорудного дела, классовое общество и государство возникло в Юго-Восточной Азии значительно позже. — Примеч.ред.).

И в Северном, и в Южном Китае существовали различные местные культуры, обладавшие собственной историей. Тому способствовал характер ландшафта, обуславливающий известную изоляцию целых историко-географических областей, хотя и относительную, ибо контакты и взаимные влияния не только в пределах Северного и Южного Китая, но и между этими основными контрастными зонами со времен глубокой древности были весьма ощутимыми. Это было тем более возможно, что экологические условия севера и юга страны до середины I тысячелетия до н.э. были несравненно менее различными, чем сейчас. По данным археологических раскопок, в это далекое время в бассейне Хуанхэ обитали животные жаркого пояса: слоны, носороги, буйволы, тигры, антилопы, леопарды, тапиры, бамбуковая крыса, относящиеся к тропической и субтропической фауне. Местность была покрыта широколиственными лесами, бамбуковыми зарослями, болотами и озерами и отличалась жарким и влажным климатом. Средняя годовая температура была на 2° (по Цельсию) выше, чем сейчас. Таким образом, бассейн Хуанхэ в те далекие времена был более сходен с южными районами. Это облегчало возникновение более отдаленных и оживленных контактов между севером и югом, чем в ранние эпохи каменного века. Следует иметь в виду наличие месторождений олова в Южном Китае и Юго-Восточной Азии и обнаруженный в Таиланде древнейший очаг выплавки меди и бронзы, существовавший не менее чем за 3000 лет до н.э. В условиях влажных тропиков открытие бронзы не припало к столь значительному общественному прогрессу, как в Передней Азии. Но, возможно, этот факт помогает объяснить «внезапность» появления развитого бронзолитейного производства у обитателей Великой Китайской равнины, заложивших основу древнекитайской цивилизации. II тысячелетие до н.э. вошло в историю Китая как эпоха распространения локальных протогородских поселений («городских культур») в долинах среднего и нижнего течения р. Хуанхэ.

Великие аллювиальные долины Северного Китая с их речными наносными почвами (охватывающие современные провинции Хэнань, Хэбэй, запад Шаньдуна и север Аньхой до долины р. Хуан), а также лессовые плато, возникшие, вероятно, в результате долговременного оседания частиц тонкого песка с разъедаемых ветровой эрозией

нагорий Центральной Азии и занимающие районы Шэньси (т.е. долины р. Вэй, р. Цзин, верхнего течения р. Хань) и Шаньси (т.е. долину р. Фэнь), были исключительно благоприятны для земледелия. Муссонные ветры приносили сюда достаточное количество осадков, так что ирригация не была непременным условием земледелия, каким она стала в этом ареале тысячелетием позже. Однако равнина вдали от рек была обводнена недостаточно. В низинах же, орошаемых Хуанхэ, русло реки подвергалось резким изменениям, затопляя огромные пространства. Показательно, что в древнейших архаических надписях конца II тысячелетия до н.э. из Аньяна знак «потоки воды» (наводнение) означал и общее понятие «беды», «бедствия». Тайфуниные ветры, дующие с океана, тоже вызывали частые наводнения. К тому же дремучие леса при переложном характере земледелия неолитических племен требовали постоянных корчевок. Осадки выпадали здесь нерегулярно: чрезмерные ливни сменялись засухами. Ненадежность погоды была постоянным фактором. Все это объясняет, почему развитие земледелия, восходящее в Северном Китае к концу V — началу IV тысячелетия до н.э., если не раньше, — притом что неглубокие и легкие почвы могли быть использованы под земледелие с помощью примитивной палки-копалки, — лишь во второй половине II и в I тысячелетии до н.э. привело к созданию прибавочного продукта и возникновению классового общества и государства.

Южный Китай — от долин великой реки Янцзы до берегов Южно-Китайского моря — покрыт субтропическими и тропическими вечнозелеными лесами. Он относится к экваториальному поясу, где природные условия со времен глубокой древности по очень отличались от современных.

Археологические находки свидетельствуют о непрерывной деятельности человека на территории Южного Китая на протяжении каменного века. С VI—IV тысячелетий до н.э. здесь проявляются самобытные неолитические культуры. Благодаря хозяйственно-культурной деятельности племен Юго-Восточной Азии эта историко-этнографическая область стала родиной многих культурных растений и домашних животных.

Однако, несмотря на наличие здесь древнейших очагов примитивного земледелия и обработки металлов, пересеченность рельефа, нездоровый климат, непроходимые тропические заросли и фауна джунглей крайне затрудняли межэтнические контакты, препятствовали дальнейшему освоению человеком этих территорий, тормозили общественное развитие. Поэтому эпоха цивилизации в целом наступила здесь позже, чем на севере Китая. Уточнить время возникновения цивилизации в Юго-Восточной Азии не позволяет пока ее недостаточная археологическая изученность. Есть данные о наличии здесь раннебронзовой культуры уже в IV—III тысячелетиях до н.э.

В IV—III тысячелетиях до н.э. в Северном Китае складывается ряд неолитических комплексов, наиболее изученным из которых является яншаоский — с основным ареалом распространения в районе бассейна р. Вэй и среднего течения Хуанхэ, простирающийся на юг в бассейн р. Ханьшуй до долины Янцзы. Характеризуемая расписной керамикой, полуседлым неполивным подсечным земледелием (основная культура — просо) и одомашниванием целого ряда животных (свиньи, козы, овцы, собаки, кур и крупного рогатого скота), культура Яншао типологически относится к развитому неолиту (Самый ранний период культуры Яншао — «Бальпо I» — датируется около 4000 г. до н.э. Культуру Яншао ряд ученых связывает с протокитайскими племенами.).

Завершает каменный век в бассейне Хуанхэ поздненеолитический и энеолитический луншаньский комплекс, знаменитый своей серой и особенно тонкостенной чернолощеной керамикой (Дата раннего Луншаня — конец III и, может быть, самое начало II тысячелетия до н.э.). Поэтому луншаньская культура называется также «культурой черной керамики». Этногенетически связанный с классическим Яншао среднего течения Хуанхэ, луншаньский комплекс простирается на восток и северо-восток до полуостровов Ляодун и Шапдун и на юг и юго-восток в бассейн р. Хуай. Этот комплекс более компактен, чем Яншао; он отличается крупными укрепленными поселениями, более оседлым палочно-мотыжным земледелием и безусловно большей, чем в Яншао, ролью скотоводства, с признаками отделения ремесла от земледелия и зачатками обработки металла. Для культуры Луншань характерны поселения, окруженные стенами из утрамбованной земли (до 6 м высотой и 10—14 м толщиной). В Шаньдуне сохранилась «городская» стена протяжением 450 м с севера на юг и 390 м с востока на запад. Использование жителями луншаньских поселений разработанной техники гадания на лопаточных костях баранов, коров, свиней свидетельствует о складывании организованного культа и выделения в луншаньской родовой общине жречества как особой социальной категории. Именно здесь намечается тот коренной перелом, который завершится созданием в бассейне Хуанхэ комплексов укрепленных протогородских центров — очагов бронзовой индустрии — с присущим им быстрым увеличением прибавочного продукта за счет выделения оседлого мотыжно-плужного земледелия (возможно, с применением способа «спаренной вспашки» — сугэн, использующей тягловую силу двух человек) и отгонного скотоводства, в том числе коневодства, не говоря уже о развитии металлического, деревообделочного и других ремесел.

Сооружение стен вокруг поселений свидетельствовало о том, что в жизни общин Великой Китайской равнины резко возросла роль такого вида экономической деятельности, как война, и соответственно в особую категорию выделилась военная знать во главе с вождем-военачальником.

Возникновение государства Шан(Инь).

Древнейшие письменные источники донесли до нас наименование Инь, относившееся к одному из крупных племенных коллективов, который возник во II тысячелетии до н.э. в бассейне среднего и нижнего течения Хуанхэ. Усложнившаяся жизнь иньского союза племен привела к появлению зачатков письменности, первоначально использовавшейся для целей культа. Эта письменность была примитивного, в основном пиктографического характера, но тем не менее в ней уже можно увидеть прообраз иероглифической письменности, легшей в основу и современной китайской иероглифики.

Подъем производительных сил был вызван главным образом переходом к использованию металла, но вместе с тем усовершенствованием в области организации трудового процесса: разграничением общественных функций и выделением организаторов производства в виде института военных вождей, жречества, (деятельность которого на том уровне развития была непосредственно связана с хозяйственной жизнью) и общинного совета старейшин. Аногеем общественных сдвигов явилось возникновение рабства.

При экологической специфике Северного Китая, в условиях лесистых плоскогорий и холмистых склонов, земледелие было возможно лишь по речным поймам, вдоль рек—там, где местность позволяла дренировать излишки осадков. Во второй половине II тысячелетия до н.э. в Северном Китае — от Ганьсу до Шаньдуна и от Хэбэя до Хупапи и Цзянси—по берегам рек появляются, как показывают археологические раскопки последних десятилетий, поселения раннегородского типа — носители бронзовой индустрии. Эти «городские очаги» представляют собой комплексы родственно-соседских общин (или переходных к ним от родственно-родовых), объединяемых по экономическому признаку вокруг обнесенных стенами «городов». «Раннегородские» поселения эпохи Ивь были открыты прежде всего в области Хэнань, но найдены также в других областях (в Шаньдуне, Шаньси, Хубэе, Шеньси). Наиболее многочисленны они в пределах центральной равнины (в Хэнани и на юге Хэбэя, вплоть до р. Хуай и Шаньдупа). Граница их распространения на юге доходит до средней Янцзы, где в районе южнее озер Дунтин (Хунань) и Иоян (Цзянси) найдены два «города» того же типа, что и в Хэнани. Особый интерес представляют недавние раскопки обнесенного мощной стеной поселения с «дворцовым» комплексом иод г. Хуанни (Хубэй), датированного II тысячелетием до н.э. Такие «города» (размером примерно до 6 кв. км) строились по определенному плану, с монументальными зданиями дворцово-храмового типа, с ремесленными кварталами, бронзолитейными мастерскими. Различие в погребальном инвентаре свидетельствует о возникающем в это время имущественном неравенстве. Массовые

умерщвления и жерткоприношения рабов из военнопленных составляют характерную особенность этих обществ.

В масштабе небольших областей, охватывающих одну или несколько территориальных обит (городов), складывались первичные очаги зарождения цивилизации. Это объединение соподчиненных общин диктовалось как хозяйственными нуждами (например, необходимостью коллективных усилий для борьбы с наводнениями), так и военными (наступление периода жесточайших войн свидетельствует о возросшем богатстве общин). Имущественное расслоение привело к тому, что семья «взрывала» род, и на место родственно-родовых отношений приходили родственно-семейные. На первый план в этих переходных городских обществах под внешней оболочкой борьбы родов за престиж выступали имущественные и возникающие классовые антагонизмы. Такие протогородские территориальные общины становились полем образования раннеклассовых обществ.

В конце II тысячелетия до н.э. во главе довольно крупного этнически однородного объединения, конгломерата городских обществ, встало наиболее сильное из них — Шанской. Его предводитель обладал чрезвычайными военными полномочиями и назывался еаном (термин ван стал в дальнейшем титулом царя, который также исполнял функции верховного жреца).

Об общине и городе Шан мы узнаем из древнейших на территории Китая письменных памятников, обнаруженных при раскопках около деревни Сяотунь, в районе Аньяна (в Хэнани), и из других материалов раскопок. Основными источниками по данному периоду являются надписи. Но так как они написаны очень архаическим письмом, которое до сих пор читается ненадежно, и по содержанию представляют ритуально-магические тексты, то для характеристики социального строя из них можно извлечь очень немногое. Данные эти спорные, что приводит к большим разногласиям среди историков в оценке характера шанского общества (Ученым неизвестно, как произносились письменные знаки на гадательных костях и шанской бронзе. Поэтому все приведенные ниже звучания являются условными, представляя собой современные чтения тех иероглифов, с которыми исследователи отождествляют соответствующие иньские знаки.).

Рассматриваемые здесь первые письменные памятники датируются XIII—XI вв. до н.э. (Радиоуглеродный анализ слоя, где были обнаружены гадательные кости с надписями, дал дату: 1115 ± 90 , т.е. XII в. до н.э.), тем же временем, к которому относится и вскрытое в районе Аньяна большое протогородское поселение с остатками бедных землянок, подобных неолитическим жилищам, и фундаментами больших строений с бронзовыми основаниями колонн. В пределах поселения обнаружены литейные мастерские и печи. Вблизи него были найдены могилы, различающиеся по инвентарю погребений — от

простых, лишенных оружия и бронзовой утвари, до огромных подземных усыпальниц (Радиоуглеродная датировка одной из них: 1085 ± 100 г. до н.э.) напоминающих усеченные пирамиды, обращенные вверх основанием, с широкими подъездными дорогами, спускающимися посередине каждой из сторон этих подземных сооружений к погребальной камере, заполненной драгоценной утварью, оружием, украшениями, нефритом и золотом. В этих могилах (которых очень немного) найдены сотни скелетов умерщвленных людей, а рядом — целые поля погребений обезглавленных рабов со связанными за спиной руками и ямы с их отрубленными головами, исчисляющимися тысячами; здесь же захоронены колесницы с лошадьми и возничими. Помимо нескольких больших могил, раскопанных под Аньяном, найдены две подобные усыпальницы шанского времени около г. Иду (п-ов Шаньдун) — с десятками погребенных вместе людей и захоронениями лошадей и колесниц, с именными бронзовыми секирами — регалиями правительской власти, принадлежавшими, видимо, главе местного «нома». Там же обнаружена и могила среднего размера с несколькими умерщвленными рабами. Обращает на себя внимание одна из средних могил, рядом с городом шанского времени под Хуанпи (область Хубэй), где возле захоронения покойника в двойном деревянном резном гробу находилось свыше 60 предметов, в том числе бронзовое оружие и сосуды, и здесь же — три скелета сопребенных людей.

Как было показано в предшествующих лекциях, человеческие жертвоприношения были не редкостью на ранней стадии древнего общества. Все же по громадным масштабам таких жертвоприношений шанское общество на первый взгляд кажется выходящим из ряда типологически ему подобных. Но различие состоит только в том, что ближневосточные военачальники просто убивали пленных сразу после сражения, а шанские ненадолго оставляли их в живых и превращали обычную для ранней древности резню в религиозный ритуал. Причина, однако, в обоих случаях была одна и та же: неспособность господствующего класса использовать большие массы пленных в производстве при все еще примитивных средствах вооруженного насилия.

Важнейшим центром шанского общества, видимо, был Аньян, а самая интересная находка здесь — это архив оракула, или так называемый Иньский оракул, где обнаружено более 100 тыс. надписей на лопаточных костях животных и панцирях черепах, из которых 41 тыс. опубликовано. Эти кости и панцири служили для гадания. На них выдалбливали углубления, а затем подвергали обжигу, и по образовавшимся трещинам жрец — как правило, сам ван — определял тот или иной ответ божества на заданный вопрос: об успехах предстоящей войны или охоты, о сельскохозяйственных работах и дожде, о градостроительстве и человеческих жертвоприношениях богам и духам предков вана и т.п. Например, надписей о массовых жертвоприношениях людей к настоящему времени обнаружено около 2 тыс. На кости или черепашьем панцире около «священной» трещины

выцарапывалось содержание вопроса и ответа-предсказания, ставилась дата гадания, иногда потом делалась запись о том, сбылось ли предсказание. Так из записей для практических нужд, т.е. из сводов предзнаменований и подборок дат, постепенно выросли первые исторические хроники.

Надписи эти составлены рисуночным письмом, в котором изображения подвергались довольно сильной схематизации, и это позволяет думать, что ему предшествовало письмо более раннее.

И действительно, на шанской бронзе есть знаки-рисунки, отражающие более примитивную форму письма. В соответствии с характером древнекитайского языка, в котором грамматические отношения выражались не префиксами и суффиксами, а почти исключительно порядком расположения основ, древнекитайское письмо состоит сплошь из идеографических знаков в прямом или переносном употреблении: чисто фонетические (слоговые) знака здесь не выработались (Однако в китайской письменности можно было, например, к знаку «сердце», обозначающему различные понятия, связанные с чувствами» прибавить «ребусный» знак «восходящего солнца», который может читаться ба[к] — «белый», и тем самым придать составному знаку «сердце + белый» значение па, что значит «бояться».).

Образование и сохранение этой очень сложной системы письменности объясняется особенностями китайского языка: односложные слова не расчленялись на морфологические элементы из отдельных фонем, поэтому китайская письменность не пошла по пути создания буквенных (алфавитных) обозначений. Чисто слоговая письменность не позволила бы различать на письме многочисленные омофоны китайского языка (в устной речи для этого использовались музыкальные тоны). Китайский письменный знак должен был соответствовать только одному односложному слову.

Исследование сяотуньских гадательных надписей затрудняется тем, что фонетические реконструкции древнекитайского языка не идут далее середины I тысячелетия до н.э., да и они вызывают сомнения. Полагают, что в оракульных надписях отсутствуют знаки, записывающие конкретное звучание языка. Знаки гадательных надписей были напоминательными (мнемоническими) и понятийными (идеографическими), т.е. передавали понятия независимо от звучания соответствующего слова.

При всей разобщенности политических номовых центров (входивших в военно-культовый союз, который не был объединенным государством) письменность в «обществе гадательных костей» была тем не менее, по-видимому, для всех одна. Скорее всего ее распространял культовый иньский союз (рудимент стадильно предшествующего типа объединений), хотя, возможно, изобретена она была не только и не обязательно именно шанцами, выделившимися в

свое время из иньского племенного союза как наиболее устойчивая его часть. Изучение знаков-рисунков на яншаоской и луншаньской керамике наводит некоторых исследователей на мысль об иных гипотетических очагах зарождения протоиероглифической письменности. Недавние же находки на керамике и литейных формах из Учэна (в районе оз. Поян в Цзянси) десятков графических знаков, отличных от сяотуньских и более древних, чем они, дают возможность предполагать, что их создателями могли являться южные племена, обитавшие в бассейне среднего течения Янцзы. У ученых есть предположения и о возможности существования в период Инь у каких-то этнических общностей бассейна Хуанхэ (возможно, чжоусцев) зачатков и еще какой-то письменности.

Аньянские гадательные надписи, как уже сказано, трудны для понимания. Идеограммы гадательных надписей недостаточно однозначны, далеко не все они расшифрованы. Одни и те же знаки имели разное значение в зависимости от контекста. Не всегда знаки удается свести к позднейшим иероглифам, терминология гаданий содержит много непонятных нам, условных, в том числе магических, обозначений; сложно отождествить, например, упоминаемые в надписях «страны света», надежно перевести социальные и политические термины и т.п. Учитывая все это, не приходится удивляться расхождениям в толковании учеными гадательных текстов из Сяотуня и различию исторических реконструкций описываемого периода.

И все же из гадательных надписей аньянского архива удалось получить некоторую сумму сведений. Так, стало известно, что главным лицом — военным вождем, верховным жрецом и организатором производства «общества гадательных костей» — являлся правитель «города Шан», носивший титул вана. От его имени нередко задаются вопросы гадателям, он же, как правило, толкует ответы божества. Вопросы надписей касаются многих «городов» (и) и общинных объединений (фан). Среди них выделяются шанские поселения: «город (или города) Шан» (Шан и), «главный (или великий) город Шан» (да и Шан), «центральный Шан» (чжун Шан), наконец, просто «Шан» как топоним и этноним. Это может свидетельствовать о том, что местоположение оракула, т.е. древний «город» конца II тысячелетия до н.э., в пределах которого он был обнаружен, не был ни резиденцией вана области Шан, ни политическим центром того объединения» во главе которого стоял шанский ван как главный военный предводитель. Что касается самого культового оракульного центра, являвшегося межобщинным и межплеменным, то он явно не назывался «Шан». Судя по свидетельству литературных памятников, он скорее всего именовался «Инь». Если с этим согласиться» то можно было бы понять тот парадоксальный и до сих пор не объясненный факт, что постоянно упоминаемый позднейшими источниками топоним и этноним Инь, давший название древнейшему периоду истории Китая («Иньский Китай»), ни с одним из знаков аньянских надписей не отождествляется, хотя среди них обнаружены условные имена почти

всех так называемых «иньских правителей» из дошедшего до нас в версии позднейшего историка Сыма Цяня царского списка династий Инь (Согласно традиционной китайской историографии, «династия Инь» правила в Китае во II тысячелетии до н.э.; традиционные ее даты — 1766—1122 гг. до н.э.— не противоречат археологическим данным; вообще же следует отметить, что точная датировка событий древней истории Китая начинается лишь с 841 г. до н.э.). Что же касается названия «Шан», то оно встречается как на гадательных костях из Аньяна, так и в нарративных памятниках в качестве наименования политического объединения и его политического центра, а также как этноним и топоним, отождествляясь с «династией Инь» и являясь как бы ее вторым равноценным наименованием. Полагая, что оракульный центр в Аньяне назывался Инь, мы находим достаточно логическое объяснение отсутствию знака Инь в текстах оракула: естественно, что обращающиеся к оракулу не вопрошали о нем самом. Могло иметь место и табуирование названия оракула. Возможно, что Инь было также самоназванием племени или союза племен в бассейне Хуанхэ.

Шанское общество находилось на грани медно-каменного и бронзового веков. Прочная оседлость отличает шанские поселения описываемой эпохи (т.е. периода «гадательных костей»: XIV—XI вв. до н. э.) от всех предшествующих. В так называемом Иньском Китае произошло второе крупное общественное разделение труда (на земледельцев и специализированных ремесленников). Земледельческие орудия труда все еще оставались неолитическими. Основная часть вопросов к оракулу касается видов на урожай, что указывает на большое значение земледелия для «общества гадательных костей», включавшего в себя не только шанцев (надписи донесли до нас десятки этнонимов, в том числе и чжоу—будущих завоевателей шанцев). Как и луншаньцы, шанцы возделывали сорго (гаолян), ячмень, различные виды пшеницы, просо, пайзу, вид конопли со съедобными зернами. Главными сельскохозяйственными культурами были просо, пшеница, чумиза и гаолян. Нет полной ясности, был ли известен шанцам рис, но если и был, то только суходольный, ибо ирригация еще не существовала и урожай целиком зависел от дождя; о чем имеются прямые свидетельства гадательных надписей. Кроме небольших дренажных канав, известных еще по раскопкам раннеиньского городища под Чжэнчжоу (Хэнань), никаких следов искусственного орошения археологические раскопки, как и надписи, не выявляют ни у шанцев, ни у других «городов-общин» и племен, располагавшихся во второй половине II тысячелетия до н.э. в поясе плодородных долин бассейна Хуанхэ. Основным принципом практиковавшихся гидротехнических мероприятий заключался в регулировании стока рек с помощью водоотводных протоков,! При раскопках под Аньяном была обнаружена система меридиональных каналов 40—70 см шириной, около 120 см глубиной при максимальной длине 60 м. Кроме злаков были известны различные садово-огородные культуры, выращивались тутовые деревья для разведения

шелкопряда. Наряду с холстом изготавливались шелковые ткани. Этим занимались только женщины. Разделение труда между женщинами и мужчинами было очень чётким.

Скотоводство играло немалую роль в жизни «общества гадательных костей». Разведение быков, овец и упряжных коней для колесниц стало важным занятием. Единовременные жертвоприношения крупного рогатого скота достигали сотен голов (300—400). На гадательных костях употреблялись специальные знаки для обозначения жертвоприношения «ста быков», «ста свиней», «десятка свиней», «десятка баранов», «десятка белых свиней». Распри из-за пастбищ были одной из причин войн шанцев с соседями.

О важном значении не только скотоводства, но и охоты говорит преобладание животных орнаментальных мотивов и сюжетных композиций на шанской бронзе — ритуальных сосудах и оружии. Поражает реалистичность изображения шанцами зверей, о которой можно судить по бронзовым сосудам в форме тигра, слона, носорога, буйвола, совы и т.п. Флора и фауна бассейна Хуанхэ отличались в те времена исключительным богатством и разнообразием. Здесь росли ива, вяз, дикая слива и груша, каштан, кедровая сосна и кипарис. Низкорослые леса и болота Северного Китая изобиловали птицей, рыбой, крупной и мелкой дичью. В районе Аньяна найдены кости оленя, тигра, медведя, барса, носорога, буйвола, пантер, антилоп, слонов, кабанов, тапиров, обезьян, лис, волков, барсуков и зайцев. Надписи говорят о больших облавных охотах, причем забитые олени и кабаны считались на «десятки». Единовременная добыча оленей, например, могла превышать 300 особей. Во время одной из обычных охот были добыты «164 волка, 40 оленей и 1 тигр». Охоты носили коллективный характер, в них участвовало все взрослое население.

Существовали довольно крупные ремесленные мастерские медников, косторезов, каменотесов, керамические, деревообрабатывающие и др. Их археологи обнаружили как в районе Аньяна, так и в других раннегородских поселениях шанской эпохи, в частности под г. Лояном, г. Чжэнчжоу (Хэнань) и г. Цинцзяном (Цзянси). Получило развитие монументальное строительство, и в частности градостроительство; последнее было одной из важных функций вана, который должен был соответственно располагать достаточно большими материальными и людскими ресурсами. Но самым главным ремесленным производством было бронзолитейное. Из бронзы изготавливали всю ритуальную утварь, предметы вооружения, детали колесниц и отчасти орудия труда. Археологи нашли квартал шанских металлургов с остатками их жилищ и кладбищем, где литейный инвентарь составлял характерную особенность погребений. О подлинном профессионализме ремесленников и высоком искусстве изготовления сплавов бронзы свидетельствуют находки разнообразных по форме и сложных по технике литья (с применением разнообразных форм и литья по восковым моделям) ритуальных сосудов, отдельные экземпляры которых достигали веса более 875 кг.

Видимо, первоначально танцы были хранителями секретов литейного искусства и монополистами бронзолитейного дела в Иньском Китае. Ритуальная утварь, вероятно, изготавливалась для дома вана и храмов. Из надписей известно о существовании специальной категории ванеунов (ремесленников вана), а также гунчэней, дичэней (храмовых ремесленников). Другие ремесленники — вогуны, гуны, догуны, — возможно, работали на общину.

Знак Шан передает понятие «торговля, торговать»; вероятно даже, что это не первоначальное его значение, а производное: от изображения каких-то изделий шанцев, скорее всего бронзовых. Быть может, такое развитие значения иероглифа указывает на особые функции шанцев как посредников в межобщинном и межплеменном обмене; эти функции могли способствовать их возвышению среди других раннегородских обществ бассейна среднего и нижнего течения Хуанхэ.

Однако торговля была развита еще-слабо и носила меновый характер, но все же, существовало общераспространенное средство платежа — раковины даури. Хождение имели как естественные раковины, так и их бронзовые имитации.

Основной формой межобщинного обмена на ближние расстояния была не торговля, а захват — самый примитивный, хищнический способ международных связей. Война стала нормой жизни шанского общества. Оракульные тексты говорят о постоянных грабительских военных походах, главной целью которых было не присвоение территорий, как позже, а тотальный захват добычи — скота, зерна и особенно пленных для массового жертвоприношения богам и предкам — до пятисот человек одновременно. Жертвоприношение духам предков ванов, духу Земли и сверхъестественным силам природы (Особое развитие у шанцев получил культ гор и рек: имела горных и речных богов на гадательных костях исчисляются многими десятками.) составляло основу культа обитателей шанских городов и представлялось им одним из главных жизненно важных занятий. «Гадали: принести ли в жертву у алтаря Земли (ту шэ) людей из племени цян?» — подобных надписей немало на гадательных костях.

«Годод Шан» возглавлял военный союз, объединявший ряд других раннегородских обществ, видимо обязанных ему военной помощью. С этих обществ он время от времени взыскивал дань (форма своего рода международного принудительного обмена), а в случае неподчинения шел на них походом; но бывало, что такие города сами нападали на шанцев. Центральное место, которое шанцы занимали в этом союзе, получило выражение в особом их наименовании — Чжун Шан (Центральный Шан). Гадательные надписи отражают концепцию вселенной, ориентированной по четырем сторонам света с Чжун Шан как центром мироздания.

Союз городов Шан был окружен враждебными племенами, с которыми он вел постоянные войны ради захвата пленных. Агрессивность шанцев вызывала ответные действия племен, постоянно угрожавших шанским городам. Сначала особенно напряженными и частыми были войны с тибето-бирманским племенем цянов на западе. Большой тревогой проникнуты вопросы к оракулу: «Дойдет ли враг до великого города Шан?» Борьба с соседними племенами достигла крайнего напряжения в конце XII в. до н.э., когда особенно сильным стал напор племен на юго-востоке, где, как выше упоминалось, тоже находились города-общины «шанского» типа. Это не значит, что они входили в некую «шанскую» империю: скорее всего это были самостоятельные города-государства, хотя они и могли периодически зависеть от Шан и платить ему дань. Здесь, в бассейне р. Хуай, обитали племена жэньфан, по-видимому воинственные и многочисленные. Затяжные войны с жэньфанами и другими враждебными племенами и городами ослабили шанцев и стали в конечном счете одной из причин их гибели, которая, однако, пришла с противоположной стороны — в XI в. до н.э. шанцы были наголову разбиты уже давно угрожавшими им и вторгшимися с запада чжоусцами.

Основу хозяйственной жизни шанцев составляли большесемейные общины, группировавшиеся между собой не обязательно по родовому, но скорее уже по территориальному признаку. Создается и ванское хозяйство, выросшее из общинно-родовых хозяйств и еще тесно связанное с общиной; оно обслуживалось, видимо, по очереди всем населением. В нем, однако, могли быть и постоянные работники — храмово-правительский персонал, состоявший, по всей вероятности, в значительной мере из нешанцев по происхождению. В этом отношении интересна категория сан (в переводе «утраченные», «беглецы»), которыми распоряжались ван и должностные лица я (храмовые начальники). Это были, видимо, лица из соседних общин, искавшие убежища у храма и вана (Ср. «прибежавших в общипу» (т.е. беглецов из соседних общин), из которых в значительной мере вербовался персонал храмовых хозяйств раннединастического Шумера (по текстам из Шуруппака). — Примеч.ред.). Среди них могли быть и младшие родичи из состава обедневших общинных коллективов.

Чем сильнее зависимость от неуправляемых сил природы, тем важнее представляется древним людям необходимость воздействовать на нее, тем сильнее в обществе ритуальное начало. В бассейне Хуанхэ непериодичность дождей, от которых в основном зависело земледелие, носившее богарный характер, а также страшные разливы Хуанхэ (Река Хуанхэ в те времена протекала недалеко от г. Аньяна.), видимо, определили усиление жреческих функций вождя. Запасы правительско-храмового хозяйства были важным страховым, обменным, семенным и жертвенным фондом шанской общины, спасавшим население во время бедствий и неурожаев. Обряды рассматривались как важнейшее средство обеспечения благополучия общины.

В ритуальных пиршествах, сопровождавших жертвоприношения, во время которых происходило заклание 300—400 быков сразу, участвовало все взрослое население, исчислявшееся тысячами человек. Ван как верховный жрец выступал в качестве основного подателя мясной пищи, что косвенно, но зато весьма материально подкрепляло его престиж и авторитет. Здесь обряд жертвоприношений предстает и как коллективная форма потребления продуктов питания при коллективной форме труда: принесенные в жертву животные были в определенные периоды единственным источником мясной пищи для широких кругов населения, принимавшего участие в жертвенных ритуалах. Поразительно, что чуть ли не все жизненные блага шанцев (домашние животные, бронзовая утварь и оружие, колесницы и драгоценные раковины каури, золото и нефрит, сельскохозяйственная продукция, крупная и мелкая дичь, пленники войны) столь безоглядно растрчивались при жертвоприношениях богам и предкам, а также при похоронах правителей и наиболее высокопоставленных лиц. Раскопки под Аньяном, под Хуанпи (Хубэй), Сюйчжоу (Цзянсу), а также в Иду (Шаньдун), где обнаружены две огромные могилы со множеством захороненных человеческих жертв, являются ярким тому свидетельством. Можно полагать, что в условиях усилившегося обогащения отдельных родов и знатных семей это массовое уничтожение не только считалось приносящим им славу, но и приводило к сглаживанию крайних полюсов возникающего и прогрессирующего имущественного неравенства. И это «справедливое перераспределение богатств» тоже приписывалось миру строительной функции вана.

Полевые работы в правительско-храмовом хозяйстве возглавлялись ваном. Производственная функция вождя-жреца (предшественника царя) отражена в образе мифического предка и героя древнекитайских мифов — Шэньнуна, изображающегося исполняющим земледельческие обряды. Участие в них общинников рассматривалось не как повинностная служба населения, а как общественно полезная работа, даже как часть ритуально-магического обряда, обеспечивающего плодородие на всех полях страны. Работы на полях вана производились по велению оракула и в сроки, назначаемые оракулом. Помимо призывавшихся на работу общинников — чжунов, чжунжэней — в хозяйстве вана, видимо, работал и постоянный персонал — чэнь, которых многие считают рабами. Все они были заняты сельскохозяйственными работами под руководством вана или лично подвластных вану доверенных лиц — сяочэней, я и др. Работы на полях вана выполнялись, по-видимому, казенными орудиями, о чем могут свидетельствовать находки складов каменных серпов и других земледельческих орудий труда под Аньяном, рядом с храмом предков вана, где, вероятно, и находились храмовые поля.

Среди ученых ведутся споры о социальном значении терминов для групп людей, занимавшихся полевыми работами под главенством вана. Одни считают чжунжэней рабами, другие — свободными. Вероятно, однако, что знак «чжун» не был однозначным, что часто он

выступал не как социальный термин, а как обозначение всего мужского населения определенной возрастной группы, своего рода «производственников» общества (в отличие от «допроизводственников» и «послепроизводственников»). Вместе с тем несомненно, что чжупы имели отношение не только к хозяйству вана, а чэни, сяочэни, дочэни и др. были связаны только с ваном. Среди чэней, видимо, были лица разных статусов: и подневольные работники типа рабов, и должностные лица (сяочэнн), которые при известных обстоятельствах бывали поставлены над общинниками (чжунами) как их начальники (например, на период выполнения ими полевых работ па дом вана), и личная стража—дружина вана (дочэни). Чэнн отличались от общинников-чжунов как стоящие вне общинного сектора, навсегда связанные с ваном и лично ему подвластные. К тому же чэни скорее всего были нешанцы по происхождению.

Чжуны же выступали в двояком качестве: они имели отношение и к коллективному хозяйству своей общины, и к хозяйству вана.

Пахота производилась одновременно сотнями в тысячами людей. «Три тысячи, людей привлечь ли к ролевым работам?» — читаем вопрос к оракулу! Обработка земли осуществлялась, как правило, деревянными орудиями: бороздильной палкой, сажальным колом, двузубой мотыгой, в лучшем случае деревянной сохой-плугом с использовавшем тягловой людской силы (оу-зэм)(Существуют разные мнения по поводу шанского способа «спаренной вспашки» (оу-гэн). Некоторые полагают, что он означал такую обработку полей, при которой один из работающих сажальным колом делал в земле углубление, а второй помещал в него зерно и засыпал землей, что символизировало магический акт оплодотворения и было частью обряда пахоты и сева как священнодействия.). Работа эта была очень трудоемкой, требовала много людей. Существовал даже особый термин для понятия «единение общих сил». Известно гадание о «великом повелении вана чжунжэням», предписывающем «совместно» заниматься полевыми работами.

Иных терминов, кроме чжун, которые могли бы быть отождествлены с общинниками, на гадательных костях не найдено, а между тем эта социальная категория, безусловно, имела первостепенное значение в шанском обществе. Несомненна тесная связь вана с общиной, несомненна ведущая роль общины в хозяйственной жизни шанского общества, несомненно и коллективное участие тысяч общинников в войнах и больших охотах во главе с ваном. Военная добыча достигала тысяч пленных (по одной из надписей, было захвачено 1656 человек), охотничья, как уже упоминалось, — сотен крупных животных.

Оружие шанцев составляли разного вида луки, секира-кинжал, копье, топор, шлем, щит, панцирь. Важный род войск (видимо, дружину вана) представляли воины на колесницах с конной упряжкой — легких четырех- для двухколесных повозках (18, 26 или 22 спицы в

колесе) с дышлом, с квадратным или прямоугольным кузовом при ширине колесного хода в 3 м. Колесница была рассчитана на трех человек: посередине впереди стоял возница, слева — лучник, справа — копыеносец.

Первой обязанностью вана было предводительство на войне и на охоте. Войны усиливали власть вана и других военачальников, в руках которых скапливались большие богатства. Но внутри родственно-соседской общины с коллективным распределением богатств и беднеют не индивидуумы, но большесемейные общины. У шанцев выделились богатые и знатные роды, где внутри поколения, а затем по генеалогическому родству наследовались высшие должности, прежде всего должность вана; были роды, наследовавшие жреческие обязанности. В основе неравенства социального лежало имущественное неравенство. Рабство уже появилось и играло важную роль. Обнаружены не только большие «царские», но и другие могилы, где вместе с господином погребено несколько его рабов — свидетельство зарождения частной собственности на рабов.

Анализ надписей дает возможность предполагать, что власть вана была ограничена советом. Воспоминание о зависимости власти шанского вана от общинного самоуправления — народного собрания и совета старейшин — сохранила эпическая традиция, зафиксированная в «Шу цзин» — древнейшем своде исторических преданий. Утверждение же выборных военных предводителей и глав совета старейшин (хоу, бо) нешанских общин — фанов, находившихся в сфере гегемонии Шан, — совершалось с санкции шанского вана. Земля находилась в общей собственности отдельных территориальных общин: когда речь идет об урожае, надписи всегда употребляют только обобщающие этнонимы или прозвища, даваемые по месту происхождения (этниконы). Однако внутри этих общин должны были существовать как владельцы средств производства отдельные большесемейные коллективы.

Власть вана ещё не осознавалась как оторванная от народа и стоящая над общиной. Несмотря на выделение военной и жреческой знати, ван олицетворял единство коллектива и выступал как ставленник общин, представляющий перед богами общие интересы, ходатайствующий через своих умерших предков, сопричисленных к богам, за общину и обеспечивающий хозяйственное благополучие страны в качестве вождя-жреца, ответственного за плодородие природы.

Нет данных, показывавших бы, что земельные территориальные захваты были целью военных походов. Видимо, члены постепенно складывавшегося управленческого аппарата в правительско-храмовом секторе за свою службу ни наделов, ни рабов не получали и своего хозяйства не вели, а содержались за счет натуральных выдач. Это делает понятными постоянные вопросы вана к оракулу по форме: «Община (такая-то) соберет ли урожай в достаточном количестве?»

Видимо, с этих подвластных вану общин шанцы получали дань продуктами сельского хозяйства.

Особого термина для обозначения социальной категории высокопоставленных лиц не было, но среди приближенных вана таковыми становились его доверенные лица из числа я, ли, бу, ши, инь, а среди общинников — главы общинных коллективов, упоминавшиеся выше хоу и бо. В ознаменование победы над враждебной общиной вап нередко приносил ее вождей в жертву своим предкам. Так были принесены в жертву по велению оракула «три общинных вождя—старейшины (бо) цянов».

Пленных мужчин шанцы, как правило, убивали; за ними специально охотились с целью использования в жертвоприношениях. Знак фа означал одновременно и «военный поход», и «человеческое жертвоприношение» и состоял из изображения топора-секиры, отсекающей голову человека. В частности, этот знак употреблен в надписи на одном из черепков; она плохо сохранилась, но все же четко видна фраза: «Предку И принести в жертву (фа) (захваченного)... вождя-старейшину (бо) жэньфанов».

Захваченных в походах женщин порабощали и оставляли в хозяйстве. Они отнюдь не считались слабым полом в нашем понимании. В ряде важных видов производственной деятельности— мотыжном земледелии, гончарном деле, ткачестве, шелководстве, виноделии и пивоварении (важнейших статьях ритуала жертвоприношения) — они были основной рабочей силой. Не на последнем месте были женщины и в загонной охоте, и на войне, приемы которой мало отличались от охотничьих. Это объясняет сохранение почетного положения женщины в шанском обществе. Судя по тому, что в одной из больших могил в районе Аньяна женщина захоронена вместе с большим бронзовым копьем, женщины бывали и военными вождями, и предводителями на охоте. О том же свидетельствуют гадательные надписи; одна из них сообщает о военачальнице, возглавляющей тринадцатитысячное войско.

Массовые захоронения и жертвоприношения пленных, конечно, указывают на то, что их труд как рабский не находил ещё большого применения в хозяйстве. Однако есть данные об использовании пленных цянов в охоте и скотоводстве. Военнопленные, видимо, все же спорадически использовались на тяжелых единовременных работах (вероятно, при сооружении огромных гробниц, ликвидации последствий наводнений, строительстве городов). Известно, что пленных не всегда сразу же приносили в жертву. В этих случаях их могли предварительно использовать на трудоемких работах. Есть данные, намекающие на применение пленных в весенних земледельческих работах. Можно полагать, что они участвовали в коллективных обрядах плодородия и лишь затем умерщвлялись в соответствии с ритуалом. Среди надписей, относящихся к этому

обряду, есть, например, такая: «Ван повелел многим цянам совершить обряд плодородия на полях».

О коллективном обряде, совершаемом регулярно по истечении определенного календарного цикла, может быть обряде типа «священного брака», свидетельствуют надписи из архива особого оракула, где гадателями являлись женщины и где не найдено надписей, связанных с ваном. В них получил отражение обряд плодородия, связанный с магией вызывания дождя. Этот обряд включал массовые человеческие жертвоприношения Прародительнице Гэн («Седьмой»).

В надписях нередко упоминаются жены ванов, видимо являвшиеся верховными, жрицами. Судя по надписям, у них было свое— земледельческое хозяйство и даже, как мы видели, свои вооруженные силы, Верховными жрицами могли быть матери, сестры вана, жёны братьев матери вана. Жертвоприношение женским предкам рода вана — видимо, как верховным правительницам-жрицам — совершалось независимо от жертв их мужьям. Об этом свидетельствуют надписи на гадательных костях. По мнению некоторых исследователей, в надписях встречается и титул великой жрицы-вождя. В этом отношении представляют интерес раскопки под Аньяном одной из самых богатых больших могил, принадлежавшей (как на то указывают именные знаки на открытых в этом захоронении священных сосудах) «Державной праматери Восьмой», «Госпоже Хао». В могиле обнаружено до полутора тысяч изделий из бронзы, нефрита, слоновой кости, в том числе множество фигурок людей, судя по их одежде и внешнему виду, различного социального положения и этнической принадлежности; в ней же захоронено и 16 умерщвленных мужчин, женщин и детей. Огромное число (до 200!) ритуальных сосудов, среди них два громадных квадратных парных чана весом по 117,5 кг каждый, с именной надписью, бронзовые зеркала (древнейшие из найденных на территории Китая), различные музыкальные инструменты культового назначения как бы указывают на жреческие функции погребенной высокой особы. Множество разнообразного оружия, найденного в той же могиле, по-видимому, говорит о военных обязанностях покойной «праматери», а 6000 каури — о колоссальном богатстве «правительницы». Небезынтересно, что и упомянутый выше самый большой из найденных под Аньяном бронзовых ритуальных котлов весом 875 кг также снабжен надписью, свидетельствующей о его принадлежности высокой особе — «Праматери Пятой», возможно также верховной правительнице-жрице. Ряд ученых полагает, что и «Праматерь Пятая» и «Праматерь Восьмая» были женами ипских ванов.

В «обществе гадательных костей» присутствуют значительные элементы древних родовых представлений. Развив культ богини плодородия, Великих и Высоких Прародительниц; им приносят обильные человеческие жертвы, для чего во главе с шанским ваном специально снаряжаются военные экспедиции (чаще всего против

племени цянов). Должность вана наследовалась не от отца к сыну, но от одного брата к другому или от дяди к племяннику, причём правило генеалогического старшинства внутри поколения, как нам представляется, еще не установилось прочно. Обычны записи о жертвоприношении «многим отцам» и «многим матерям» вана. Об архаичности шанского общества свидетельствуют употребляемые в надписях термины родства, связанные с брачно-возрастными классами, а также с нерасчлененностью терминов родства внутри поколения и с обязательным кросскузенным браком двух экзогамных дуально-родственных групп. Лишь постепенно должность вана стала передаваться в пределах поколения, а именно от старшего брата к младшему. Только при двух последних шанских ванах появилось наследование этой должности от отца к сыну, что говорит о торжестве отцовско-правового принципа.

Отождествление власти с магической силой рода обусловило особенности религиозных представлений шанцев. Божества в шанской религии воспринимались как перешедшие в иной мир люди, которые занимали свое место в клановой генеалогии и нуждались, как люди этого мира, в питании и заботе со стороны живущих. Культ предков, и прежде всего царских предков, был средоточием всей общественной жизни в шанском государстве. Шанский ван был одновременно первосвященником. Только он, «единственный (или первый) человек», как он себя называл, мог обращаться к божественным покровителям шанцев и лично отправлял необходимые для этого ритуалы. Наиболее тесные сношения он поддерживал с близкими предками, называемыми в гадательных надписях по именам; им он приносил наиболее обильные жертвы. Пирамиду царского клана увенчивал первопредок и верховное божество Шанди. Обряды принесения жертв Шанди были относительно редки и не отличались пышностью, из чего можно заключить, что шанский царь считал возможным воздействовать на верховное божество главным образом через посредничество нижних ступеней божественной иерархии (Это, видимо, также свидетельство архаизма шанской религии. Для ранних общинных религий многих народов мира характерно, что верховное божество является так называемым покоящимся богом (*deus otiosus*), почти не принимающим участия в управлении миропорядком. — Примеч.ред.). Есть упоминания о пяти помощниках Шанди, соответствовавших, вероятно, четырем сторонам света и его центру. Фигурируют в гадательных надписях и различные локальные божества, духи рек, гор и т.д. Многие из них были божествами подвластных племен. Вместе с покойными правителями обожествлялись их жены.

У каждой общинной округи, входившей в культовый союз «общества гадательных костей», было свое основное божество — фанди, обладавшее даром порождать плодородие и; видимо, считавшееся покровителем и предком данной группы населения.

В шанской религии можно различить немало черт «классического» шаманизма, характерного для многих народов, но особенно распространенного в северной части Азии и Америки. Шаманы и шаманки играли важную роль в царских ритуалах, призывая божества. Они также занимались изгнанием нечисти. Шанской культуре свойственны многие атрибуты шаманистских верований: барабаны, четырехглазые маски, рога, являвшиеся символами власти (души мертвых в древнем Китае также изображались рогатыми). Посредником между миром мертвых и миром живых могла выступать птица (в частности, ласточка). Династический миф Шан вел происхождение шанцев от некоей «темной птицы».

Религия Шан — продукт весьма стройного мирозерцания. Если рассматривать архаическую мифологию и ритуал как стремление внести порядок в бытие и укротить неподвластную человеку реальность, то надо признать, что в шанской культуре эта цель достигалась средствами именно структурного упорядочивания мира по образцу внутриклановых отношений — упорядочивания, ставившего во главу угла не личностное начало, а порядок, приписываемый обществу и природе, положение и функцию вещей в системе их связей. Примечательно, что шанское искусство характеризуется высокой степенью знаковой условности, господством симметрии и другими формами геометрической стилизации образов. Противоречие между все более усиливавшейся формализацией религиозной обрядности и экстатическим характером шаманистских обрядов со временем вызвало кризис шанской идеологии.

Необходимо сказать несколько слов о внешних связях шанского общества. Следует напомнить, что первичные очаги образования классового общества в Китае не только более чем на 3500 км удалены от территории ближайшей более древней цивилизации — индской, но и отгорожены от нее, как и от других районов Азии, величайшими в мире пустынями и почти непроходимыми горными массивами. Не подлежит сомнению, что Китай, столь трудно достигаемый для древних цивилизаций Западной Азии, в то время еще не испытывал никакого влияния других классовых обществ, а развивался вполне самостоятельно по общим историческим законам. Самостоятельное в основном развитие шанского ремесла доказывается несомненной преемственностью местных культур, начиная с неолитических, а также высокими технологическими достижениями луншаньской керамической культуры, носители которой достигли умения доводить температуру керамического обжига до точек плавления меди и бронзы.

Это не значит, конечно, что общество древнего Китая развивалось в полной изоляции: существовали весьма далеко идущие и разветвленные торговые связи с другими народами. Как и другие общества, оно не могло существовать без международного обмена.

Среднее течение Хуанхэ находится на перекрестке дорог, ведущих на север и на северо-запад — к монгольским степям и оазисам Центральной Азии и на юг — к долине Янцзы. Этот регион и в эпоху Шан был прежде всего связан с Южным Китаем и странами Юго-Восточной Азии. Гигантские черепахи доставлялись от племен долины Янцзы. Раковины каури, использовавшиеся как примитивные «деньги», могли привозиться из Бирмы. С юга же поступало олово (Как показали исследования, в Юго-Восточной Азии располагается «оловянный пояс», тянувшийся через Южный Китай, Бирму, Таиланд и Малайю. Первая бронза в этом районе, как уже упоминалось, датируется (с. возможной ошибкой в несколько столетий) около 3000 г. до н.э.) в виде слитков для бронзового литья. Влияния шли и из оазисов Центральной Азии. Для отдельных форм шанской керамики известны параллели в Джемдет-насре и Мохенджо-Даро. Аньянские нефриты, видимо, завезены из Центральной Азии. Некоторые зооморфные орнаменты напоминают месопотамские: сплетенные хвостами змеи, противостоящие друг другу тигры и другие звери. Археологические данные указывают на поступление, очевидно через посредничество степных племен, товаров из Синьцзяна (Восточный Туркестан) и из Сибири. Кем осуществлялась торговля, неясно, но ею, несомненно, во многом объясняется примитивное богатство «городского» общества Шан.

Государственное объединение Чжоу(Западное Чжоу).

К западу от Шана, на р. Вэй, притоке Хуанхэ, в современной провинции Шэньси, во второй половине XIV в. до н.э. обитало воинственное протокитайское племя чжоу. Между шанцами и чжоусцами началось соперничество, вылившееся в открытые столкновения. Считается, что чжоуские племена пришли в долину р. Вэй из западных районов. Здесь они в первой половине II тысячелетия до н.э. занимались скотоводством и ранними формами земледелия. По некоторым данным можно полагать, что во второй половине II тысячелетия до н.э. чжоусцы были знакомы с литьем бронзы. Первоначально в качестве прародительницы своего племени чжоусцы почитали Праматерь из рода Барана — Цзян Юань. Впоследствии прародителем чжоусцев признавался Хоу-цзи — «Правитель-Просо» (или «Владыка-Зерно»)(Первоначально и Хоу-цзи выступает как женское божество — «Мать-Просо»). Процесс формирования этнического состава чжоусцев был весьма сложным. Хотя позднее чжоусцы влились в общекитайский этнос, некоторые полагают, что изначально они относились по языку к тибето-бирманцам.

По-видимому, с середины II тысячелетия до н.э. происходило медленное просачивание чжоусцев на смежную территорию других этнических групп в направлении на восток от мест их исконного обитания, в частности на территорию, подвластную шанцам. О непосредственных контактах чжоусцев с шанцами во второй половине II тысячелетия до н.э. свидетельствуют надписи иньского оракула. В

надписях на гадательных костях читаются вопросы, касающиеся чжоусцев, например такие: «Не случится ли беды с Чжоу?» Чжоу, видимо, временами входило в круг шанского объединения. В памятниках IV—III вв. до н.э. — «Речах царств» («Го юй») и летописи «Цзо чжуаиь» — сохранились воспоминания о жертвоприношениях иньцев и чжоусцев одному божеству — Гуню, что может говорить о каком-то их общем культовом межплеменном союзе (При последующей чжоуской историзации мифологического наследия образ Гуня был переосмыслен: в «Шу цзин» Гунь представлен отрицательным персонажем, изгнанным из пределов обитаемого мира обожествленным предком Шунем, вошедшим в пантеон богов Чжоу.). Однако эти данные фрагментарны и весьма неясны. Знак «чжоу» (означавший поло, разделенное на части) встречается на оракульных костях крайне редко, если сравнивать с множеством других наименований племен, городов и общин, находившихся в постоянном контакте с шанцами. Поэтому происшедшее в конце II тысячелетия до н.э. (видимо, в последние десятилетия XI в. до н.э. — часто принимаемая традиционная дата 1122 г. до н.э. не может считаться точной) завоевание шанцев чжоусцами, стоявшими во главе мощной военной коалиции (по преданию, объединявшей «800 областей» — чжухоу), может показаться полной неожиданностью. Оно становится все же понятным, если принять во внимание ослабление могущества шанцев в изнурительных войнах с восточными племенами и, почти непрерывных в конце XI в. до н.э., с опустошением окружавших Шан территорий. Не исключена возможность, что неспособность шанцев противостоять набегам восточных племен была одной из причин, оттолкнувших от них многих из бывших сателлитов, перешедших на сторону чжоусцев. Возможно, что решающее сражение при Муе, проигранное шанцами, было результатом предшествующей борьбы между шанцами и чжоусцами за владычество в районе среднего течения Хуанхэ.

По-видимому, необыкновенная военная активность чжоусцев в конце II тысячелетия до н.э. была вызвана интенсивно протекавшим у них процессом классового образования, усилившимся под воздействием формирующейся раннеклассовой иньской цивилизации, которая использовала богатые возможности земледелия на аллювиальных землях нижнего течения Хуанхэ. Эти земли, видимо, в первую очередь и привлекали чжоусцев.

Яркие воспоминания об усилении военных вождей чжоусцев, создании ими мощного союза племен (областей) донесла до нас эпическая традиция, зафиксированная в песенно-поэтическом своде «Ши цзин» и своде исторических преданий «Шу цзин». В песнях и преданиях «Ши цзин» и «Шу цзин» возвеличиваются под именем Вэнь вана («Царя Прекрасного») предводитель чжоуского союза Чан и его сын У ван («Царь Воинственный»). Именно Вэнь вану чжоуская традиция приписывала мистическое постижение священной «Воли Неба» (Тянь мин), повелевающей уничтожить «город Шан» (Шан и), а У вану — выполнение этой божественной «кары» (гэ мин). Позднейшая

традиция связывает с ним создание огромной «Чжоуской империи», проецируя на это далекое прошлое историческую реальность II—I вв. до н.э., времени, когда действительное образование на территории Китая единой древневосточной империи Хань потребовало «доказательства» ее извечности и божественного происхождения.

На место иньской конфедерации городов-общин «номового» типа во главе с «великим городом Шан» встало раннегосударственное объединение в пределах обширного речного бассейна — нижнего и среднего течения Хуанхэ. Чжоуский общинно-племенной культ Хоу-цзи стал превращаться в общегосударственный, принятый всеми общинами чжоуского объединения.

Появляется совершенно новый культ, не связанный ни с какой конкретной этнической общностью, но стоящий над всеми как некое связующее единство, — культ «Верховного божества», Неба, а вместе с ним и культ Сына Неба (Тянь-цаы)— чжоуского вана.

Известная доля истины в ортодоксальной исторической традиции о Чжоу есть: именно в период Западного Чжоу, начало которого традиция ведет от покорения У ваном «города Шан», в Северном Китае были заложены основы того политического устройства, которое на века вперед определило некоторые существенные особенности государств древнего Китая.

Западное Чжоу с самого начала не было единым. По своей иерархической структуре оно более всего, пожалуй, напоминало Хеттскую державу, где царевичи, наместники, подчиненный союзные цари платили дань верховному царю, но сами автономно управляли своими областями. После разгрома иньского объединения чжоусцы переселили «строптивых иньцев» из мест их постоянного обитания в одну из резиденций чжоуских правителей (таких «столиц-дворцов», по-видимому, у чжоусцев было четыре — три из них находились в бассейне р. Вэй, основной базе чжоусцев, и одна была построена в бассейне р. Ло). Именно в последней — Чжэн-чжоу — были поселены иньцы, и их использовали в качестве работников в царском хозяйстве. Остальные иньцы продолжали оставаться на прежних местах, но их земли были пожалованы во владение родичам и соратникам завоевателей. Земли, захваченные чжоусцами в ходе их дальнейших завоеваний, также либо передавались во владение чжоуской знати, прежде всего родственников правящего чжоуского рода, либо оставались в управлении прежних правителей и вождей, поставленных теперь под надзор специальных «наблюдателей» чжоуского вана. Таким образом, чжоуские ваны правили не непосредственно всей зависимой от них территорией.

При Чэн ване (сыне У вана, скончавшегося почти сразу после своей победы над «городом Шан») страну раздирали распри между крупнейшими представителями чжоуской знати и борьба братьев У вана, претендовавших на престол. Порядок престолонаследия не был

установлен прочно (вопреки позднему традиционному царскому списку якобы непрерывно и последовательно правивших чжоуских ванов, начиная с Вэнь вана). Лишь ценой уничтожения всех братьев отца Чэн вану удалось удержать власть. И в дальнейшем дому Чжоу тоже приходилось утверждать свое право на престол силой оружия.

Западночжоуское раннегосударственное образование, как уже упоминалось, кроме городов и областей, подчинявшихся лично вану и его наместникам, включало в себя полусамостоятельные владения из числа завоеванных чжоусцами территорий, выделенные для родичей чжоуского дома и соратников вана, а также районы, отданные в управление крупным сановникам. Все они присягали на верность вану. Специальным высшим должностным лицам при дворе было поручено следить за выполнением правителями этих полунезависимых областей (чжухоу) их обязательств перед чжоуским домом, в том числе обязанности раздела с ваном военной добычи. Эти области входили в сферу действия указов вана.

Му вану (X в. до н.э.) традиция приписывает составление первого из известных в Китае уложений о наказаниях (видимо, в изустной форме). Из предания можно заключить, что суд по важнейшим делам чинил сам ван, причем от наказаний можно было откупаться, даже от смертной казни.

Подвластных западному дому Чжоу союзных правителей традиция исчисляет десятками и сотнями (есть даже предание о тысяче восьмистах); из них 71 владение (го) было закреплено за членами чжоуского царского рода.

Земельные пожалования чжоуского вана не были связаны с правом верховной собственности правителя на землю в государстве, но являлись реализацией им права государственного суверенитета на территории страны.

Акты передачи земли этим должностным лицам тоже оформлялись как «дарения». Это не означало, что пожалованная территория становилась их собственностью. Она не считалась выбывшей из царского земельного фонда. Передавались лишь права на доходы с этих земель. При вступлении на трон нового правителя эти акты должны были возобновляться. С середины IX в. до н.э. стала практиковаться передача жалованных владений по наследству указами вана.

Иногда вместе с землей, поселениями, скотом передавались и «люди вана» — работники разных категорий и специальностей, «от конюхов до земледельцев», в том числе и должностные лица; количество подаренных людей достигало тысячи и более; часто работников (чэней) дарили семьями — от 5 до 200 семей чэней одновременно. Всех их можно назвать «царскими людьми», но далеко не все «царские люди» были рабами; в частности, в числе царских

чэней были и высокопоставленные лица, но все они по отношению к вану находились в глазах современников в одинаково подчиненном, подневольном положении, а поэтому не являлись людьми, распоряжающимися собой по своей воле.

Получили распространение крупные комплексные царские хозяйства — «полевые, сельскохозяйственные, ремесленные, управлявшиеся особыми должностными лицами — «надзирателями земель» (сыту), «надзирателями ремесленников» и др. Существовали и царско-храмовые хозяйства, где ван возглавлял культ Хоу-цзи и совершал священный обряд проведения «первой борозды», магически олицетворяя плодородие и благополучие страны. К работе в этих хозяйствах привлекалось и свободное население — общинники, но основной контингент рабочей силы этих хозяйств составляли большие партии людей, находившихся па положении рабов. Среди них были осужденные на рабство за преступления, но особенно много было лиц, захваченных во время походов. Ими ведали ши («воинские начальники», «командиры»). Вообще армия как орудие насилия государства выполняла еще и функцию принуждения к труду масс порабощенных. Поэтому «военные чины» были облечены и особыми производственными полномочиями, связанными с организацией труда и подневольным содержанием работников огромных царских хозяйств; они же ведали и военным захватом этой рабочей силы.

Распространение практики земельных пожалований и организация обширных, практически рабовладельческих хозяйств привели к видоизменению целей и задач войны, которые теперь определялись в первую очередь захватом территорий, но затем также и рабочей силы — военнопленных. Этой категорией подневольных людей распоряжался сам ван, распределяя работников между участниками военных походов, он же осуществлял карательные меры, в частности гарантировал возвращение господам беглых рабов.

Основные источники по эпохе Западного Чжоу — эпиграфические памятники, а именно надписи на бронзе, например на парадных или ритуальных сосудах. Среди этих текстов есть прямо относящиеся к завоеванию государства Шан: «Ван овладел (страной) Шан и укрепился в Чэнчжоу», «(Чэн ван) покарал город Шан и пожаловал Кан-хоу (брату У вана) земли в иньской области Вэй». Но такие надписи — исключение; как правило, они не дают сведений по политической истории этого периода, так что она пока не может быть прослежена по действительно достоверным источникам. Некоторые даже считают, что единственный достоверный исторический факт периода Западного Чжоу относится к его завершению, а именно к переселению чжоусцев на восток в 770 г. до н.э.

К источникам по данному периоду, сохранившимся, однако, гораздо более поздних записях, относятся чжоуские литературные произведения: свод исторических преданий «Шу цзин» и песенно-поэтический свод «Ши цзин» («Книга песен»). Последнее сочинение

представляет собой наиболее интересный памятник, являясь собранием ярких, живых народных песен, отражающих жизнь людей чжоуской эпохи. Однако ясно, что одно лишь собрание народных песен не может дать полного представления об истории социальной структуры какого-либо общества. Сильно затрудняет работу историка то обстоятельство, что редко можно с полной уверенностью определить содержание терминов, встречающихся в «Ши цзин», «Шу цзин» и в надписях на бронзе, даже когда они по форме совпадают с позднейшими: неизвестно, что они означали именно в эпоху Чжоу.

Судя по песням «Ши цзин», болота, низкорослые леса еще занимали большую часть Великой северной равнины. Дичь водилась в изобилии. Несмотря на то что орудия труда в земледелии продолжали оставаться такими же примитивными, как и прежде, в этот период произошло расширение площади пахотных земель поселений в сродном и нижнем течении Хуанхэ. Увеличение пашни сопровождалось постепенной осушкой болот. Именно тогда климат в Северном Китае стал холоднее. Сократилось значение скотоводства; это следует хотя бы из того, что множество письменных знаков, имевших отношение к скотоводству и жертвоприношению животных, «исчезло из словаря» между концом II тысячелетия и VIII—VII вв. до н.э. Важным фактором развития производительных сил было распространение и усовершенствование бронзолитейного дела.

Поселения городского типа распространяются теперь по всей полосе между степями севера и бассейном р. Янцзы. Как правило, их строили вблизи рек и обносили стенами из утрамбованной земли, защищавшими поселения одновременно и от вторжения, и от наводнений. Это были небольшие городки-крепости, по периметру стен не превышавшие 700—800 м. Такой обнесенный стенами город в плане представлял квадрат или прямоугольник, ориентированный углами по частям света. Посреди каждой из четырех крепостных стен были ворота.

По песням «Ши цзин» можно предположить, что существовала территориальная община (судя по данным позднейших времен, с коллективными органами самоуправления), земли которой разделялись на обрабатывавшиеся в пользу государства (гунтянь) и частные (сытянь).

Учитывая огромную роль, какую в Китае в течение тысячелетий играла семейная община, «частные» здесь нужно понимать как «негосударственные», а не как индивидуальные земли. Свободные члены территориальных общин вне царского земельного фонда составляли основную массу населения, обязанную натуральными поставками и повинностями в пользу государства. Собственно чжоуское население — байсин, т.е. «сто родов», находилось в привилегированном положении по сравнению со всеми остальными, обладая, в частности, правом на даровые раздачи предметов питания и т.п. Имели место систематические внутри-общинные переделы

земли; длительному сохранению этого обычая способствовало то, что постоянная ирригационная система, при которой эти переделы затруднены, не получила сколько-нибудь большого распространения в полеводстве. Община — территориальная и большесемейная — продолжала оставаться коллективным собственником земли.

По-видимому, начинают появляться частные земельные хозяйства, не включавшиеся в общины. Основную рабочую силу таких хозяйств, так же как и царских, составляли работники самых различных категорий и разных наименований, находившиеся на рабском положении или близком к нему, однако не во всех случаях полностью лишенные личностных прав, что было отражением ранней стадии развития рабовладельческого производства. Об укреплении власти рабовладельцев и развитии частного рабства свидетельствуют раскопки могильников этого периода, где вместе с состоятельным хозяином хоронили нескольких (обычно двух-четырех) его рабов, связанных и насильственно умерщвленных. Но в то же время, поскольку труд рабов стал играть важную роль в производстве, в период Западного Чжоу совершенно прекращаются колоссальные массовые жертвоприношения рабов из военнопленных, имевшие столь широкое распространение в предшествующую, иньскую, эпоху.

Западночжоуское раннегосударственное образование было слишком рыхлым для того, чтобы быть прочным. Постепенно в нем усилилась власть чжухоу и их стремление к независимости. Положение усугублялось начавшимися вторжениями племен с северо-запада и юго-востока. В начале IX в. до н.э. восточные и продвинулись вплоть до г. Чэнчжоу. Но особенно сильным был напор кочевых племен жунов на северо-западе — в Шэньси. Попытки чжоуского вана пойти на заключение союза с ними вызвали противодействие со стороны чжухоу. Чжоусцы не смогли противостоять давлению кочевых племен, шедшему из глубин Центральной Азии, и стали отступать со своих исконных земель в бассейна р. Вэй (в Шэньси). Последний царь Западного Чжоу, Пин ван (770—720 гг. до н.э.), перенес свою столицу на восток — в Хэпань. В то же время некоторые ранее зависимые владения сравнялись по своему значению с новым, уменьшившимся Восточным царством Чжоу, превратившись в самостоятельные государства. Наступил период «многоцарствия» — «Ле го».

Идеология Чжоу.

Воцарение Чжоу сопровождалось важными переменами в общественном сознании и идеологической традиции древнего Китая. Чжоусцы принесли с собой новое представление о верховном божестве, которого они называли Тянь. В первоначальном начертании знак «тянь» являл изображение большого человека с особо выделенной головой и служил, вероятно, обозначением обожествленных предков вождя. Согласно же чжоускому мифу, мать первопредка чжоусцев Хоу-цзи зачала, наступив на след ноги некоего великана. Еще до завоевания государства Шан среди чжоусцев

зародилась легенда об их родстве по женской линии с родом шанских царей. Покорив Шан, они отождествили свое верховное божество Тянь с шанским верховным божеством Шанди. Но подобная контаминация требовала отказа от концепции родового божества. Понятие ди не смогло освободиться от наследия тотемизма, и его употребление в Китае осталось ограниченным рамками «родового тела» отдельных династий. Термин же тянь в значении «Небо» стал служить новой, заложенной в архаической религии идее верховного деятельного начала мироздания.

Историческая судьба понятия «тянь» была предрешена в момент чжоуского завоевания, которое чжоусцы старались оправдать тем, что само «Небо» повелело им покарать шанского правителя за его преступления. Новая династия представила дело таким образом, что верховное божество вручило ей «небесное повеление» (тянь мин) на царствие, отобрав его у шанцев, подобно тому как основатель шанской династии когда-то отобрал это «небесное повеление» у последнего правителя династии Ся, якобы правившей до воцарения Шан. Новая трактовка власти имела далеко идущие последствия. Отныне подлинным идеологическим обоснованием власти стали личные заслуги основоположника династии и его преемников. В терминах чжоуской идеологии право на учреждение династии давало обладание некоей космической благодатью дэ — еще одно понятие, неизвестное в эпоху Шан. Первоначально знак дэ выражал представления о магической силе вождя в системе родовой религии. Со временем он приобретал все более явственное моральное звучание.

Таким образом, «Небо» мыслилось чжоусцами как божество, которое карало за проступки и награждало за добрые дела. Но на той же самой причине только от самих людей зависело, кто будет обладателем «небесного повеления». Сами чжоусцы не уставали подчеркивать, что милость небес не гарантирована им на вечные времена и что быть достойным ее нелегко. Акцент на моральной, но совершенно беспристрастной воле «Неба» обусловил немаловажное значение категории «народа» (минь) в идеологии чжоусцев. «Народ» в чжоуских текстах объявляется глашатаем воли «Неба», а забота о «народе» ставится даже прежде заботы о духах. Надродовой характер «Неба» позволил чжоусцам инкорпорировать племенных богов в их религиозно-политическую систему под видом разного рода локальных божеств, большей частью связанных с культом плодоносящих сил земли (так называемые шэ).

Новшества чжоусцев положили начало новому этапу осмысления мира и человека. На этом этапе свойственное родовой эпохе восприятие священной силы в ее единичных проявлениях постепенно оттеснялось всеохватывающим восприятием абсолютной реальности как источника мирового движения и неизменной Судьбы всего сущего; опытно воспринимаемая первобытная магия уступала место эмоциональному восприятию космических связей; идеология родовой

преемственности дополнялась моральными аргументами. Космическая сила затмила древних богов, причем в китайской традиции, в отличие от западного монотеизма, она ничего не восприняла от их антропоморфных черт. «Небо» приобрело значение анонимного и безличного судьи, который вершит суд, не принимая участия в людских делах. Отношение «Неба» к архаическим божествам оставалось принципиально неопределенным. Поэтому главенство «Неба» допускало существование как элементов архаической религии, в частности, культов предков, природных стихий, так и новых видов культов — локальных, семейных, индивидуальных и пр. Сложная иерархия культов, скрепленная концепцией «Неба» как фокуса иерархического порядка, стала традиционной чертой религиозной системы Китая.

Открытие метафизической реальности сопровождалось переосмыслением сущности ритуала (ли). Напомним, что в эпоху Шан ритуальная практика целиком регламентировалась табу, связанными с тотемистическими представлениями и отличалась высокой степенью формализации, что засвидетельствовано, помимо прочего, и чрезвычайно формализованным стилем шанского искусства. В Западном Чжоу ритуал еще сохранял свою архаическую значимость: он был прежде всего обрядом жертвоприношения, способом непосредственного общения с предками, и сфера его действия ограничивалась, по существу, кланом чжоуского правителя. Но уже тогда в представлениях о ритуале отобразилось открытие морального измерения в человеческой жизни. В соответствии с вновь найденной, хотя и не вполне еще осознанной формулой этической дистанции между человеческим божественным, чжоусцы толковали свои культы как акт разграничения между миром людей и миром духов. Их понимание ритуала выражено в классической сентенции из древней книги «Беседы и суждения» («Лунь юй»): «читать божеств и держаться от них в отдалении». Со временем ритуал у чжоусцев все более терял связь сего культовым контекстом, и ритуальная коммуникация постепенно перемещалась в область внутреннего мира человека, приобретала значение нормы и условия нравственной самооценки, что явилось одним из многих признаков быстрой секуляризации чжоуской культуры. Теперь ритуал в чжоуской традиции не просто осуществлялся, но и осмыслялся как символическое действие, которое даже не обязательно должно было иметь зримый образ. Отсюда акцент на сдержанности и самоуглубленности участников ритуала, что в глазах самих чжоусцев резко отличало их культуру от экстатического характера культов шанцев.

В процессе рационализации категорий и ценностей архаической религии в древнем Китае большую роль сыграли два фактора. Один из них — исключительно важное значение практики гадания, что сделало невозможным появление в древнем Китае идеи откровения личностного бога и пророческой религии (Ср. аналогичное противопоставление вавилонских культов с их «предзнаменованиями» (что не исключало, впрочем, идеи личностного бога) и палестинской

пророческой религии. — Примеч.ред.). Трансформация архаического гадания в систему этико-космологических представлений запечатлена в исторической судьбе древней гадательной книги чжоусцев «И цзин» (именуемой в западной литературе «Книгой перемен»). В этой книге комбинации двух видов черт, сплошной и прерывистой, служили обозначениями всех возможных ситуаций в мире. В конечном же счете целью гадания по «И цзин» стало познание всеобщей связи вещей и символа всякого действия, что предполагало, по существу, знание того, как не действовать, ведь символ действия есть по определению не-действие.

Второй фактор — исключительные прерогативы главы клана или правителя, на котором замыкалась вся религиозная жизнь. Управление государством не отделялось от религиозного ритуала, административные документы были одновременно священными скрижалями богов. Уже в государстве Шан существовали уложения, которые представляли собой записи о деяниях шанских царей. Эти уложения обозначались знаком дянъ, являющим образ сшитых планок, водруженных на столик, т.е. особо чтимых. Составление подобных записей исторических прецедентов приняло еще больший размах при чжоуском дворе, а потом и в ставках удельных правителей. Такие записи, отразившие прогрессирующую секуляризацию письменности, вошли в каноническую книгу «Шу цзин» («Книга преданий»), тогда как обширнейший корпус древних мифов остался, по существу, за бортом чжоуских «уложений». Эти мифы вошли в каноническую традицию лишь частично и притом в измененном до неузнаваемости виде псевдоисторических назидательных преданий. С легкой руки чжоуских архивистов мифические персонажи получили новую жизнь добродетельных или злонравных царей, сановников, ученых, магов глубокой древности. Эта операция стала возможной благодаря уникальной в своем роде преемственности между понятиями «родового тела» и государства в древнем Китае. Так чжоуская эпоха стала временем открытия «зеркала истории», которое действительно выступало зеркалом как бы двойной глубины: метафизической глубины мира в понятии «Неба» и соответствовавшей ей внутренней глубины человеческого самосознания.

С VIII в. до н.э. чжоуская государственность, а вместе с нею чжоуская идеология переживали все более углублявшийся кризис. В идейном отношении это был прежде всего кризис доверия к понятию «Неба» как верховной этической силе. Немало свидетельств тому имеется в чжоуском каноне «Ши цзин» («Книга песен») — обширном собрании гимнов и народных песен той эпохи. Ответ апологетов чжоуской традиции состоял в том, чтобы различать между управлением средствами этикета и нравственного воздействия — так называемым «путем вана» (ван дао)— и управлением с позиции силы — так называемым «путем гегемона» (ба дао). Чжоуский двор искал спасение в пропаганде «ван дао», хотя бы ценой самоустранения от реальной политики.

Дуализм «ван дао» и «ба дао» имел далеко идущие последствия в китайской истории. Он predetermined особую двойственность политической власти в Китае, где политика всегда колебалась между акцентом на ритуализации государственной жизни и вниманием к чисто практическим сторонам администрации. Однако новая дуалистическая концепция власти не могла предотвратить разложение чжоуского понятия ритуала, являвшегося сквозной линией общественной жизни и культуры в чжоуском государстве.

Раздел написан Малявиным В.В.

Политическая история Китая в VIII—V вв. до н.э.

Древнее общество на крайнем западе Старого Света достигло в первой половине I тысячелетия до н.э. наивысшего подъема; но на крайнем востоке в этот период еще происходили такие процессы, которые были характерны для Передней Азии второй половины II тысячелетия до н.э., а в I тысячелетии до н.э. там уже отошедшие в прошлое.

Западное Чжоу было рыхлым раннегосударственным образованием, в известной мере напоминавшим первые «державы» Ближнего Востока. Как многие из них, оно было тоже, по существу, уничтожено вторжением новых племен. Под напором западных кочевников из Шэньси в первой четверти VIII в. до н.э. Раннечжоуское (или Западночжоуское) объединение распалось, чжоусцы оставили свою прежнюю столицу — г. Хао, в районе Сиапи, в бассейне р. Вэй, и закрепились на востоке в районе современного города Лояна, где Пин ван образовал небольшое царство со столицей в г. Лои. Этим перемещением (в 770 г. до н.э.) традиция датирует начало нового этапа в истории Китая — Восточного Чжоу, разделяя его на два периода: «Лего» («Множества царств», или «Ряда царств») и «Чжань го» («Воюющих царств», или «Брани царств»). Период «Ле го» датируется примерно VIII—VI вв. до н.э. и называется «Чунь цю» («Вёсны и осени» — по названию летописи этого периода). Период «Чжань го» датируется второй половиной V — концом III в. до н.э. и называется иногда «Предимперским».

К началу периода «Ле го» на территории Китая существовало множество разрозненных самостоятельных царств — полторы-две сотни. Эти крохотные города-государства или государства-общины (го) были рассеяны в бассейне среднего и нижнего течения Хуанхэ и на Великой Китайской равнине. После кратковременного сравнительно мирного сосуществования между ними разгорелась ожесточенная борьба за господство. В ходе междоусобных войн, приводивших к поглощению мелких царств более крупными, к концу VIII в. до н.э. (точнее, к 722 г.— году начала летописи «Чунь цю») среди них определился десяток наиболее значительных, включая Восточное Чжоу. Чжоуская историческая традиция считала их «центральными

царствами» обитаемого мира Тянься, «Поднебесной вселенной»— Чжун го (этот термин до сих пор остается официальным названием Китая)(Понятие Чжун го было впоследствии переосмыслено как «Срединное (в Поднебесной вселенной) царство» — в единственном числе, которое стало противопоставляться всему остальному миру как миру «варваров».); среди них царства Лу, Вэй(Это царство следует отличать от другого царства Вэй, обозначаемого иным иероглифом при том же чтении, образовавшегося после распада царства Цзинь в V в. до н.э. в Шаньси.), Сун и Чжэн были населены потомками иньцев. Все они находились под номинальным религиозным верховенством чжоуского вана. Эта двойственная форма правления с разделенной властью, по с признанием авторитета духовного главы была наследием и дальнейшим развитием системы раннегосударственного устройства Западного Чжоу, когда сложилось фактическое двоевластие в каждом из великого множества мелких владений бассейна Хуанхэ, по существу самостоятельных, но формально признававших чжоуского вана своим военным и религиозным главой. Восточное Чжоу, превратившееся в небольшое государство в районе современного города Лояна, продолжало почитаться как культовый центр Поднебесной. Его правители именовались «Сынами Неба» — Тянь цзы. Высший титул царственности, ван, носили только государи из династии Чжоу. Цари же всех прочих царств «чжоуского мира» признавались «подчиненными правителями» (чжухоу)— носителями одного из даруемых ваном иерархических титулов фактически самостоятельных владетелей: гун, хоу, бо, цзы, нянь. Однако история обнаруживает формальный характер этой иерархии и практическую несущественность подобной градации правителей чжоуских царств уже в первой половине VII в. до н.э.

После переноса столицы чжоусцев в г. Лои междоусобные войны и распри внутри правящего ванского дома настолько ослабили Чжоу, что другие, более сильные государства бассейна Хуанхэ берут его под свое покровительство как культовый центр Поднебесной. Власть военная и власть жреческая, казавшиеся ранее неразрывными, воспринимаются теперь как независимые одна от другой. Но у наиболее могущественных в военном отношении правителей отдельных царств появляется новая престижная функция — военной защиты чжоуского вана как верховного религиозного главы Поднебесной — «Сына Неба». Видимо, именно возможность выделиться среди одинаковых правителей приобретением этой функции объясняется сам факт сохранения соперничавшими правителями формального главенства чжоуского вана, которого легко мог бы сбросить любой удачливый соседний правитель. Значение его было не в политическом могуществе, а в его социально-политической силе, которая была важна для его покровителей. Для укрепления его авторитета в качестве связующего единства именно в этот период развивается концепция «вселенского» значения державной царской власти чжоуских ванов, будто бы навечно дарованной им Небом. Эта концепция божественного происхождения династии Чжоу должна была

обосновать незыблемость культового главенства чжоуского вана. Разрабатывается версия об «отвергнутых Небом» династиях Ся и Инь — предшественниках чжоуской. Характерно, что хотя термин «ван» в надписаниях на иньских гадательных костях обозначал предводителя шанцев, в традиционном подинастийном списке древних царей (дошедшем до нас в версии историка II—I вв. до н.э. Сыма Цяня) титул «ван» признается лишь за правителями династии Чжоу.

О царствах «чжоуского мира» в бассейне Хуанхэ мы знаем несравненно больше, чем об остальных государствах древнего Китая этого времени, из-за специфики источников по данному периоду; важнейшими из них являются летопись царства Лу «Чунь цю» («Весны и осени») и комментарий на нее «Цзо чжуань». Цари Лу (в Шаньдуне) вели происхождение от полулегендарного Чжоу гуна, дяди чжоуского Чэн вана и регента при нем. Чжоу гуну традиция приписывала «заслугу» окончательного подавления шанцев и утверждения системы раздачи земель сановникам как принципа государственного устройства Чжоу. Его потомки объявляли себя хранителями чжоуских культовых традиций. О государствах, не относившихся к числу царств «чжоуского мира», луская летопись сообщала, как правило, лишь постольку, поскольку они вступали в соприкосновение с последними. Но даже и эти скудные данные свидетельствуют о прогрессирующем усилении (во всяком случае, со второй половины VII в. до н.э.) государств, находившихся за пределами «центральных царств». Важной чертой политической истории периода «Ле го» является политическое и отчасти также этническое противостояние южных царств среднего и нижнего течения Янцзы (которых было множество в VII в. до н.э.) северным государствам бассейна Хуанхэ.

Первым из южных царств, «неханьских» по этнической принадлежности, заявило о себе Чу (в среднем течении Янцзы), затем приморские царства У (в дельте Янцзы) и Юэ (расположенное к югу от царства У на морском побережье в современном Чжэцзяне). Они являлись носителями древнейших позднеэнеолитических и энеолитических традиций, сложившихся в пределах общности племен и народов Юго-Восточной Азии — далеких предков вьетнамцев, чжуанов, мяо, яо, таи и других современных народов этого обширного исторического региона. Позже Юэ стало общим названием приморских народностей, располагавшихся от Чжэцзяна до Вьетнама, независимо от их происхождения и языка.

Древнекитайские источники называют жителей бассейна Янцзы общим наименованием цзяочжи или мань. В науке не решен еще вопрос, какие именно этнические группы здесь в этот период взаимодействовали, но несомненно, что они были чуждыми «чжоускому миру». Полагают, что цзяочжи включали в себя племена, говорившие на языках австралийской лингвистической надсемьи, и могли включать группы носителей языков прототайского и протоавстронезийского (или протоиндонезийского). Однако сравнительно-историческое изучение языков Юго-Восточной Азии и

Океании находится еще в начальном состоянии, и мы можем пока иметь дело лишь с более или менее вероятными гипотезами.

Вокруг Чу, наиболее древнего из государств Южного Китая, известного по крайней мере с VIII в. до н.э., постепенно сгруппировались другие, видимо, протокитайские царства. Создателями У и Юэ, возможно, были родственные между собою племена; известно, что и те и другие «разрисовывали тело и стригли волосы» (Сыма Цянь. «Исторические записки»). Археологические материалы и письменные памятники свидетельствуют о самобытной и оригинальной цивилизации, существовавшей в Юго-Восточной Азии и на территории современного Южного Китая. Культурные достижения, такие, например, как рисоводство, искусственное орошение, кораблестроение, искусство изготовления лаковых изделий и др., были восприняты аборигенами Северного Китая с юга. Судя по данным археологии, регион бассейна Хуанхэ со времен глубокой древности был связан с Южным Китаем и другими странами Юго-Восточной Азии/Юг был особо важен для Северного Китая потому, что оттуда уже с глубокой древности поступало олово, необходимое для бронзового литья.

В обстановке постоянной междоусобной борьбы царств и натиска окружающих племен отдельные государства севера и юга создавали и совместные внешнеполитические союзы и лиги. Эталонем военной мощи государства считалась численность его колесничного войска. Так, термин вань чэн го — «государство 10000 боевых колесниц-квадриг» выражал понятие «наисильнейшее государство». Сильнейшие из царств постепенно присоединяли к себе обширные территории за счет подчинения более слабых соседей. В том числе постоянно «усекалась» и территория царства Чжоу. Некоторые царства, как в бассейне Хуанхэ, так и Янцзы, например Ци, Цзинь и Чу, расширились настолько, что занимали территорию уже не одного города-государства или группы городов, а целых стран. Самые могущественные по тому времени государственные образования, правители которых заявляли претензии на единоличное господство над всеми чжун го и всей Поднебесной вообще, провозглашали себя «гегемонами» — ба, добиваясь утверждения в этом новом державном звании от ванов Чжоу. В давние времена для оправдания власти чжоуского вождя-правителя над завоеванными шан-иньцами была создана идея «божественной инвеституры» — Тянь мин («Небесного полномочия-мандата»)(Термин Тянь мин переводится по-разному, в том числе: «Небесное повеление», «Воля Неба», «Приказ Неба» и т.п.), дарующего чжоускому вану как «Сыну Неба» (Тянь цзы) царство на всей земле. Первые из «гегемонов» формально подтверждали свое верховное владычество номинальным признанием главенства правителя Чжоу, поскольку считалось, что в нем, несмотря на ничтожность его территории и войска, воплощалась магическая сила носителя «божественной инвеституры». Реальная власть при этом целиком находилась в руках сменявших друг друга правителей-гегемонов — ба.

Сначала «гегемоном» в 679 г. до н.э. было провозглашено Ци (в Шаньдуне), являвшееся одним из десяти ведущих царств начала периода «Ле го». В 635 г. до н.э. «гегемоном» стало Цзинь (в бассейне р. Фэнь в Шаньси), хотя и не входившее тогда в состав «центральных государств», но находившееся в тесных отношениях с ними. Оно с самого начала выступило защитником престола чжоуских ванов и, так же как и Ци, возглавило военный союз царств, противостоявших чуской коалиции южных государств. Однако затем претендентами на власть «гегемона» оказались и царства, которые считались совсем чужеродными «чжоускому миру». Сильнейшее среди них южное царство Чу стало «гегемоном» на рубеже VII и VI вв. до н.э.

Время владычества «гегемонов» выделяется традиционной историографией в особый подпериод «У ба» — «Пяти гегемонов». Помимо трех перечисленных царств (Ци, Цзинь и Чу), самых крупных в период «Ле то», различные исторические версии относят к числу соперничающих «гегемонов» и другие царства.

Царства, которые столь активно заявили о себе в период «Ле го», по отношению к первоначальным державам Великой равнины были окраинными, в той или иной мере чуждыми чжоуской культурной традиции. Кроме прибрежного царства Ци на востоке, Цзинь в среднем течении Хуанхэ и Чу в среднем течении Янцзы, о которых уже упоминалось, это были Цинь на западе, в бассейне р. Вэй (в Шэньси), и У и Юэ, включившиеся в междоусобную борьбу с VI в. до н.э. При усиливавшихся контактах; протоханьцами «чжоуского мира» эти царства отличались своеобразием местных культур. Удаленность от религиозной столицы Чжоу способствовала их усилению и стремлению к независимости.

Наряду с войнами отдельных царств между собой им приходилось отражать и нападения племен извне. Племенная периферия выступает в древнекитайских источниках под обобщенными наименованиями «варваров» четырех сторон света: западных — жун, восточных — и, южных — мань и северных — ди. Нам трудно определить характер их общественного строя: среди них были, видимо, и кочевники (на западе и севере), и племена джунглей (на юге), и оседлые и полuosедлые племенные группы разного этнического происхождения. В условиях, когда чжоуский ван оказался не в состоянии противостоять вторжению племен, «гегемоны» взяли на себя функцию отпора «варварам». Первый же гегемон, Хуань гун (684—643 гг. до н.э.), правитель царства Ци, провозгласил своим политическим девизом: «почитание вана и отпор варварам». И действительно, во главе коалиции царств Хуань гун сумел противостоять вторжению северных «варваров» — племен ди.

По-видимому, власть ба, во всяком случае первоначально, представлялась основанной не на одной лишь военной силе; есть свидетельства, что гегемоны совершали священный ритуал побратимства — «клятвенного единения» союзных городов-

государств, над которыми они господствовали. Так, правители царств Ци и Цзинь неизменно выступали как главы военно-религиозного союза восточных царств Великой равнины (Вэй, Сун, Лу, Чэнь, Цай и др.), направляемого против агрессии Чу. Последнее относилось уже к числу «гегемонов», так сказать, «новой формации» — его правители не только присвоили себе титул вана, но и заявили претензию на священное звание «Сына Неба». Однако едва ли можно сомневаться в том, что агрессия шла не только с юга на север, но и с севера на юг.

Царства-гегемоны, имевшие по несколько тысяч боевых колесниц, были решающей силой, влиявшей на судьбы всех остальных царств «легоского Китая», многие из которых оказывались их данниками и, в сущности, лишь невольными участниками борьбы этих соперничавших «великих держав». Под наибольшей угрозой оказались малые царства Хэнани, которые были как в тисках зажаты между крупными царствами Цзинь, Ци и Чу. Став гегемоном, Чу превратилось в наиболее могучее царство древнего Китая и начало активно развивать наступление на север. Однако в Чу большой силой обладали местные знатные роды, препятствовавшие политической централизации. Поэтому царство Чу к середине I тысячелетия до н.э. временно ослабевает, уступая первенство юго-восточным царствам — сначала У, а затем Юэ. Их господство, однако, оказалось недолговечным. На историческом горизонте появляется новая грозная опасность для всех царств — западное окраинное царство Цинь, о чем дальше будет рассказано особо.

Междоусобной борьбе царств сопутствовало столкновение политических сил внутри их, которое становилось все ожесточеннее. Начиная с VI в. до н.э. повсюду идет яростная борьба между знатными родами за захват власти в своих царствах; ей противостоят усилия правителей встать над знатными родами (в том числе и своими) и подорвать власть сильнейших аристократических семей, которые почти везде наследственно закрепили за собой важнейшие государственные посты. Стремясь ослабить мощь этой иерархической аристократии, правители царств пытаются опереться на лично преданных им людей из незнатных семей, иногда даже выходцев из рабов, получавших за службу не земельные наделы, а «жалованье» из царских хранилищ в виде довольствия зерном (служившим основным мерилем цен). Внутриполитическая борьба в царствах завершалась по-разному. В одних она привела к оттеснению знати и возвышению новых людей, целиком зависевших от правителя, в других — к узурпации престола представителем знати (как, например, в царстве Лу в 562 г. до н.э., когда правитель, сохраняя функцию религиозного главы, лишился политического значения), или к другой форме захвата власти наиболее сильным из знатных родов (например, в Ци в начале V в. до н.э.), или, наконец, к политическому распаду царства (как в Цзинь, расколовшемся на три независимых царства — Хань, Чжао и Вэй: дату этого события мы предпочитаем относить к 453 г. до н.э., хотя теперь предлагается и другая — 404 г. до н.э.).

Общественный строй периода «Ле го».

О царствах этого времени мы знаем почти исключительно из парративных (повествовательных) источников. Эпиграфических данных от этого периода дошло немного. Археологических пока тоже мало. Основным источником по этому периоду является «Цзо чжуань» — пространный погодный свод событий разных царств с 721 по 467 г. до н.э., считающийся комментарием к упоминавшейся выше летописи царства Лу—«Вёсны и осени» («Чунь цю»). Древних летописей из других царств не сохранилось. Однако известно, что философ Моцзы (V—IV вв. до н.э.) читал «Чунь цю» (т.е. летописи) многих царств; также и великий китайский историк II—I вв. до н.э. Сыма Цянь пользовался подлинными хрониками этого периода, в частности циньской. Сведения об описываемом времени донесли до нас некоторые сочинения IV—III вв. до н.э. (надо заметить, что вообще запись дошедших до нас древнекитайских трактатов нельзя датировать более ранним временем). Эти произведения продолжали потом тысячелетиями комментироваться. И хотя поздние комментаторы сохранили для нас немало данных из давно утерянных памятников, они невольно толковали источники в духе своего времени и свойственного ему переосмысления древних понятий и терминов и потому нередко искажали действительную картину событий. Вообще нарративные источники всегда менее достоверны, чем документальные, и не могут их заменить. Почти полное отсутствие последних в значительной мере объясняет неразработанность ряда важных проблем истории древнего Китая.

Технический прогресс вызвал дальнейшее развитие разделения труда. Хотя земледелие все еще остается на прежнем уровне и требует огромной затраты труда, однако к концу периода отмечается подъем культуры зерновых и увеличение урожаев.

Ремесло подразделялось на множество специализированных отраслей. Наметившаяся в это время организация производства в довольно крупных масштабах, в частности в соляном промысле, горнорудном и бронзолитенном деле, была связана преимущественно с царским хозяйством. Расположение центров ремесла, как правило, соответствовало месторождениям источников сырья. Рассматриваемое время — эпоха расцвета бронзового века на территории Китая. Улучшается техника изготовления сплавов бронзы, плавка сочетается с ковкой, получает распространение техника многофазового литья, совершенствуются конструкции разборных форм. Значительно расширяется производство бронзовых орудий труда. Появляются новые типы оружия: щиты, броня, бронзовые мечи. Такое оружие делало воина значительно превосходящим по силе любого работника, располагавшего лишь орудиями труда; поэтому облегчилась эксплуатация рабов — пленных и осужденных.

Многие города периода «Ле го» были очень небольшими. Они обносились стенами, имевшими около 400—600 м в окружности, и, как

правило, являлись военно-политическими и религиозными центрами. Строительство таких укрепленных городков упоминается в «Чунь цю» как важный вид деятельности правителей. Столицы — царские резиденции были больших размеров. Они представляли собой «типовой» архитектурный комплекс, сосредоточенный вокруг дворца и состоявший из трех «дворов», следующих друг за другом по оси север — юг. Все строения были прямоугольной формы; деревянные столбы несли на себе двускатную кровлю. Цоколь, характерный для всех общественных зданий, объединял весь комплекс. В дворцовом помещении, расположенном в северной части Центрального двора, фасадом на юг, на специальном возвышении вершил ритуальные действия правитель. В восточной стороне центрального двора располагался храм предков, в западной — алтарь бога почвы; на этом алтаре совершали жертвоприношения, часто человеческие, казнили преступников, перед ним воины произносили клятвы накануне битвы. Священный Центральный двор символически олицетворял собой центр мироздания. К северу от него располагалось торжище, а в южной части жили ремесленники и вся дворцовая прислуга.

Следуя практике земельных пожалований ванов в эпоху Западного Чжоу, правители царств (хоу и гуны) широко раздавали земли из государственного фонда за службу. Поэтому крупнейшие знатные роды стремились закрепить за собой важнейшие должности наследственно. Обычно таких родов в царствах бывало примерно по пять-шесть.

Закрепление должности оформлялось отливкой дарственной надписи на священном царском сосуде. Так, например, текст на одном сосуде гласил: «Следуя повелению прежних ванов, назначаю тебя, согласно должности твоего усопшего отца и предков, ведать (конской упряжью, тюрьмами и наказаниями, левым и правым войском и т.п.)». Ритуал назначения на высокие посты состоял в торжественном вручении царем желаемому лицу кома земли с царского алтаря бога почвы, взятого со стороны света, соответствующей местоположению «даруемого» надела.

Наделы высших сановников в крупных царствах могли быть весьма крупными, но, как и раньше, они не были в точном смысле слова земельной собственностью; фактически жаловалось лишь право взимать натуральные поступления с предоставляемых в управление поселений и городов и распоряжаться этими поступлениями. Подобные, но меньшие наделы получали также всякого рода «грамотеи», писцы, управители и другие служилые люди. При малотоварном характере экономики и отсутствии централизованного политико-административного управления это была удобная и представлявшая чуть ли не единственно возможной форма содержания государственного аппарата. Хотя все эти наделы формально оставались в собственности царя, который мог в любой момент отобрать свои пожалования у их временных владельцев, как правило, они передавались по наследству.

Высшая знать, занимавшая иерархические должности, обязана была участвовать в войнах и больших царских охотах (своего рода подготовке к военной службе) вместе со своими колесницами и воинами. Она же снабжала дворец рабочей силой и обязана была всякого рода поставками: скота и птицы для жертвоприношений, черепаховых щитов, раковин каури, меди, олова и других видов сырья и довольствия.

Судебная деятельность являлась привилегией знати, судившей по нормам обычного права, которое, однако, постепенно оказывалось не в состоянии регулировать усложнившиеся отношения между государством и подданными, знатью и общинной массой. Ци одним из первых предприняло попытку ввести писаные законы. За ним последовали Цзинь и ряд других царств, но повсюду замена обычного права сводом законов встречала сопротивление аристократических родов, видевших в его введении ущемление своих старинных прав.

По мере того как цари, раздавая землю, слабели, отдельные влиятельные аристократические роды, потомственно занимавшие высшие должности сановников и военачальников, усиливались, стремясь превратить окрестных общинников (на пожалованных за службу территориях) фактически в своих подневольных людей с помощью всякого рода подачек за прощение «хлебных долгов», хотя, возможно, в основе подобных «благоденствий» власть имущих лежало исконное право граждан города-государства — го жэнь — «на хлеб» и «на свободу».

В связи с разложением территориально-общинной собственности на землю во многих царствах постепенно прекращались общинные переделы земли, которая наследственно закреплялась за отдельными семьями. Это вызвало изменение всей системы изъятия государством прибавочного продукта у основной массы непосредственных производителей. Оно заключалось в отказе от системы обработки общиной определенной части полей (гунтянь) в пользу царя и замене ее системой зернового налога, исчисляемого со всей земли. Первая попытка подобной реформы была предпринята в 594 г. до н.э. в царстве Лу (в Шаньдупе) при Сюань гуне, где налоги стали взиматься с единицы площади — каждому му. В 548 г. до н.э. аналогичная мера была осуществлена в царстве Чу, а в 543 г. — в царстве Чжэн (в Хэнаи), где «ввели на полях размежевание, дома с колодцами объединили в пятидворки». Еще до этого «обложение в соответствии с землей» было проведено в царстве Ци. В 483 г. в Лу был повторно утвержден «налог, собиравшийся с (семейного) поля». Как правило, взималась десятая доля, а насчитывалась она либо по среднегодовой, либо по реальной ежегодной продукции.

С изменением характера общины усилилось классовое расслоение общинников. Зажиточная общинная верхушка оказалась в выигрыше, получив возможность дальнейшего обогащения. Именно в это время появляются отдельные свидетельства об использовании и земледелии

наемного труда. Однако, несмотря на единичные факты продажи усадеб и огородов, до конца периода «Ле го» подобные сделки купли-продажи земли не получают распространения. К сожалению, из-за отсутствия частноправовых документов подробности процесса имущественной и социальной дифференциации общинников неизвестны. С введением единообразного поземельного налога (и вообще с переходом к единой налоговой системе) мало-помалу стиралась грань между государственным и общинно-частным сектором хозяйства.

Зато появилась тенденция превращения имений, первоначально выданных под условием службы, в частную собственность. Еще в конце X в. до н.э., судя по эпиграфическим памятникам, имели место единичные случаи присвоения земельных угодий и права распоряжения ими. О покупке (за плату в натуре) крупных участков земли свидетельствует следующая документальная запись па бронзовом сосуде: «Гэ Бо отдал упряжку из четверки лошадей Пэн Шэну, получив за них тридцать полей, что удостоверено разломом (символической бирки)».

Конец периода «Ле го» повсеместно отмечен усилением гнета налогов и повинностей. В ряде царств продолжала пережиточно сохраняться система царско-государственных «латифундиальных» хозяйств, обслуживаемых подневольными «царскими людьми», для работы в которых привлекалось в той или иной мере и общинное население. Вместе с тем это время знаменательно обогащением потомственной знати, стремлением к роскоши как в быту, так и в погребальном обряде, что находит отражение и в археологических находках. Известна надпись на бронзовом сосуде, принадлежавшем семье Вэй, о приобретении его владельцем 1300 му (86,6 га) земли в обмен на одежду и нефрит, оцениваемый в 100 связок каури. Другой сосуд того же лица содержит надпись об обмене каких-то полей на 400 му (26,6 га) земли, принадлежавшей «правителю Ли». На третьем сосуде того же владельца отлита надпись о покупке им лесного участка у некоего лица; оплатой на сей раз послужила повозка.

Общинно-частный сектор тем не менее не исчез, хотя характер его изменился.

В отдельных царствах этого периода и даже много позже продолжали существовать сельские общинные органы самоуправления—старейшины фулао, избираемые простым народом (шужэнь) в общинах (ли), коллегия трех главных старейшин саньлао (В дальнейшем права общинного триединого совета перешли в руки одного старейшины, за которым по традиции сохранилось название саньлао.) и староста личжэн. Такие же органы самоуправления, по-видимому, еще дольше сохранялись в городах и общинных объединениях (и), которые можно сопоставить с «номами» Египта и Шумера, функции представителей общинного самоуправления были довольно многообразны. Они отвечали за

трудовые повинности, за налоги, за полицейский порядок в общине и в то же время возглавляли местный культ. Они могли созывать местное ополчение, организовывать городскую оборону, вершить суд над людьми общины и даже приговаривать к смерти. Мало того, в ряде царств они могли самостоятельно сношаться с внешним миром, а при случае с помощью местного ополчения они даже оказывали существенное влияние на исход междоусобной борьбы претендентов на царский трон. Для политической истории «Ле го» характерна категория го жэнь — «свободных людей», «полноправных граждан государства», обязанных военной службой, уплатой налогов и несением ряда повинностей. Часто они выступают как опора правителя в его борьбе с могущественной знатью, их активное коллективное вмешательство в дела внутренней и внешней политики царств заставляет предположить наличие пережитков очень древнего института — народного собрания. Сведения о го жэнь, действовавших в царствах Вэй, Лу, Чжэн, Сун, Чэн, Цзюнь и Чэнь, говорят о том, что эти государства сохраняли известные черты демократического устройства. В ряде случаев правители царств даже заключали с го жэнь договоры о взаимной поддержке, однако их роль в политической жизни царств повсюду сходила на нет, и в крупных царствах постепенно устанавливалась централизованная политико-административная система государственного управления.

Касаясь социально-экономических отношений этого периода, можно с уверенностью сказать, что в частных хозяйствах распространено было преимущественно патриархальное рабство. В это время, так же как и столетиями позже, практиковалась отдача детей в залог за долги, причем этих заложников — чжуйцаы — с целью сохранить в хозяйстве женили на дочери хозяина; на патриархальный характер рабства указывает и то, что существовали ну-чаньцзы — рабы, прижитые в доме от рабынь. Рабский труд находил применение в сельском хозяйстве. Из одной надписи на бронзе VIII в. до н.э. известен случай обмена лошади и куска шелка на пять рабов для последующего их использования в полевых работах.

Каково было положение весьма многочисленных ремесленников, сколько было среди них рабов и в каком они были положении — все это еще нуждается в исследовании. Однако несомненно, что частное рабство в этот период не получило заметного развития. Государственное рабство, широко используя такие источники порабощения, как рабство военнопленных и приговоренных к суду, играло значительно большую роль. Наиболее жестокий характер носило использование рабского труда в государственном ремесле и на промыслах. Рабы обычно обозначались по первоначальным профессиям: цзао, юй, сы, му (букв. «конюх», «дровосек», «носильщик», «пастух») и др. или общими терминами ляо, чжун, т.е. «слуга», «мальчик».

Существовали категории подневольных работников, широко используемых в производстве, обозначавшиеся собирательными

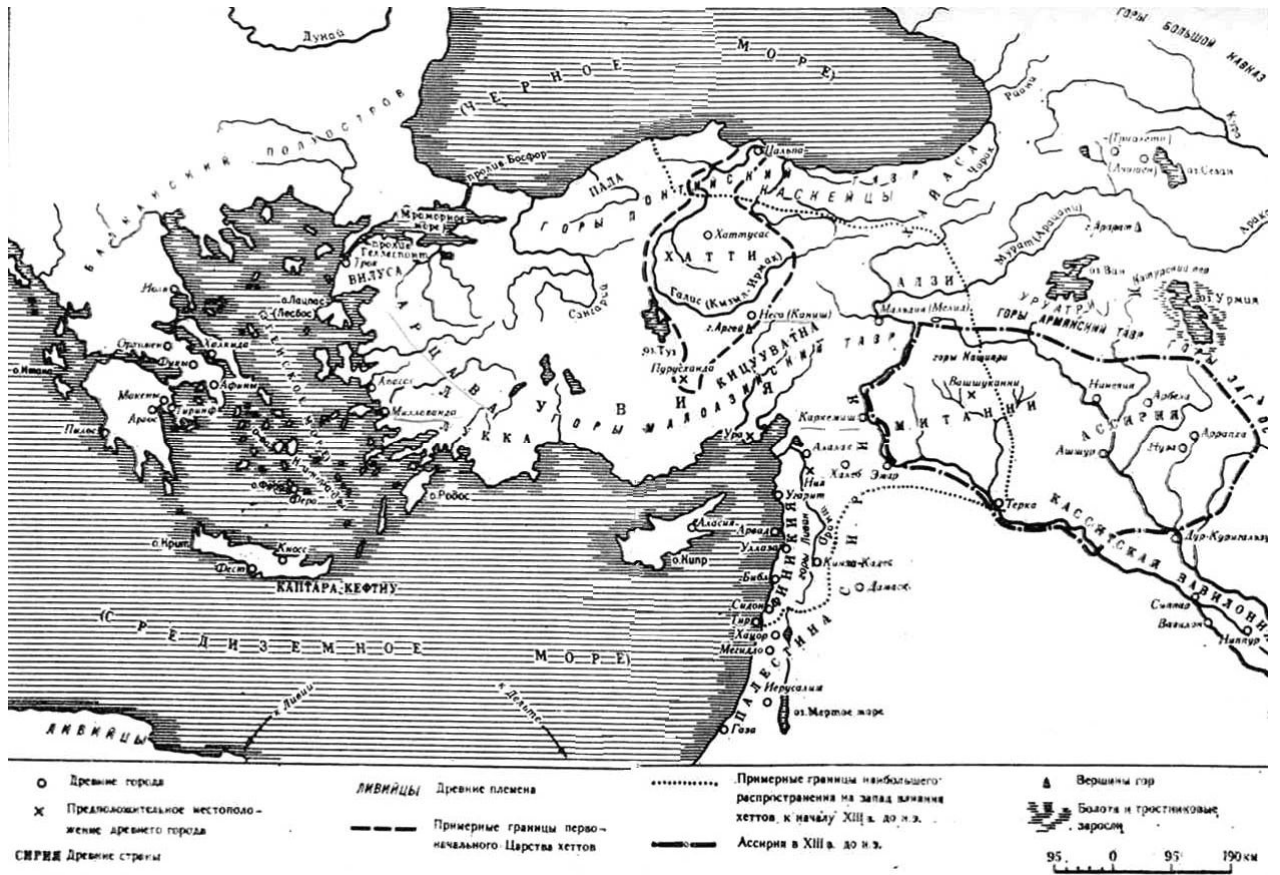
терминами ли и цу; так называли лиц, утративших личную свободу. Это полурабское состояние было, в частности, связано с их добровольным самозакладом за долги.

Показательно, что в этот период появляется «классический» термин для обозначения раба — ну, ставший затем стандартным для дальнейших периодов истории Китая.

Литература:

Степугина Т.В. Первые государства в Китае./История Древнего мира. Ранняя Древность.- М.:Знание, 1983 - с.401-444

Эгейский мир и Малая Азия во II тысячелетии до н.э.

Древняя Греция в I тысячелетии до н.э.

Греческая колонизация в VIII-V вв. до н.э.

Литература:

Карты./История Древнего мира. Ранняя Древность.- М.:Знание, 1983 - с.461-469